

История

В. Д. Дугаров

КУРС ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИИ МОНГОЛИИ

(ЭПОХА ДРЕВНОСТИ - НАЧАЛО XXI в.)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. Д. Дугаров

КУРС ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИИ МОНГОЛИИ (ЭПОХА ДРЕВНОСТИ — НАЧАЛО XXI в.)

*Рекомендовано Министерством образования и науки
Республики Бурятия в качестве учебного пособия
для обучающихся по направлению подготовки
46.03.01 История*

Ответственный редактор
Д. К. Чимитова
доктор исторических наук, профессор

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Улан-Удэ
2016

УДК 951.93
ББК 63.3 (5Мон)
Д 80

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета

Р е ц е н з е н т ы

А. В. Дамдинов, министр образования и науки Республики Бурятия,
кандидат исторических наук, доцент

В. В. Номоева, декан исторического факультета БГУ,
доктор исторических наук, доцент

М. Г. Цыренова, директор Института непрерывного образования БГУ,
кандидат педагогических наук, доцент

В. Ю. Мясников, консультант Комитета по межнациональным отношениям
и развитию гражданских инициатив Администрации Главы Республики Бурятия
и Правительства Республики Бурятия, кандидат исторических наук

О. А. Убеева, заместитель декана исторического факультета БГУ,
кандидат исторических наук, доцент

Дугаров В. Д.

Д 80 **Курс лекций по истории Монголии (эпоха древности — начало
XXI в.) : учебное пособие. — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверси-
тета, 2016. — 368 с. : ил.
ISBN 978-5-9793-0880-7**

В учебном пособии рассмотрены основные этапы истории монголь-
ского народа, вопросы историографии монгольской этносферы, проблемы
государственности номадов, вклад чингисидов в мировую историю и
евразийство, антиманьчжурскую борьбу монголов, некапиталистическое
развитие МНР в XX в., особенности демократического развития Монголии
в XXI в.

Издание предназначено для студентов, обучающихся по направлению
030600.68 История, всех интересующихся ориенталистскими исследовани-
ями и составлено в соответствии с ФГОС данного направления.

УДК 951.93
ББК 63.3 (5Мон)

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый курс лекций по истории Монголии раскрывает основные вехи многовековой истории монгольского народа — от эпохи древности до начала XXI в. На современном этапе развития отечественной историографии требуется адекватная научная оценка многовековой истории Монголии, что связано с новыми достижениями мирового востоковедения. С учетом геополитических изменений в Евразийском регионе в конце XX — начале XXI в. в исследовании проанализированы принципиальные вопросы евразийской и региональной истории Монголии. Актуальность данного курса лекций определяется тем, что на повестку дня российской политики поставлены проблемы межцивилизационного стратегического треугольника «Россия — Монголия — Китай». В лекционных материалах, с учетом достижений российской/советской монголоведной историографии, показаны закономерный методологический отход от господствующей в XX в. материалистической парадигмы развития монгольского народа, достижения евразийской науки в России и за рубежом.

Методологические изменения в трактовке отечественной и мировой истории на рубеже XX–XXI вв. привели к формированию новых ориентиров при изучении отечественной истории. В результате во многом поменялся вектор отечественных исследований монгольских завоеваний территорий азиатских государств, стран Персидского залива, Киевской Руси, Южной и Восточной Европы XIII–XVI вв.

Отход от основного методологического принципа советской исторической науки при изучении монголоязычного мира, трактуемого как «Русь и монголо-татарское иго», обусловил коренные изменения методологической картины истории государства Российского. Споры отечественных историков привели к тому, что разработчики концепции единого учебника российской истории отказались от термина «татаро-монгольское иго». «Нет термина "татаро-монгольское иго". Этнический момент ушел, и есть "иго Золотой Орды"», — заявил сопредседатель Российского исторического общества академик РАН Александр Чубарьян на заседании совета Российского исторического общества.

Отказ в 2013 г. на высшем уровне руководством Российской Федерации от не выдержавших испытания временем методологических установок взаимоотношений «Монголы и Русь» во многом меняет дискуссионную картину истории государства чингисидов в мировой и отечественной историографии.

В данном курсе лекций анализируются ключевые вопросы монгольской истории в трудах российских, монгольских и зарубежных ученых, привлечены многочисленные научные сведения из электронных ресурсов. Представлены основные методологические подходы к изучению истории Монголии, показаны эволюция и этапы формирования отечественного монголоведения. Автор по-новому интерпре-

тирует основные события монгольской истории, проводит системный анализ истории монгольской государственности.

Монголия на рубеже XXI в. находится в поисках своей исторической и государственной идентичности, определения своей роли на международной арене в новых глобализационных условиях. Большой блок лекций связан с международными взаимоотношениями монгольского государства с региональными соседями: Россией и Китаем.

Новизна представленного учебного пособия заключается в том, что с новых методологических позиций и учетом новых археологических, этнографических исследований рассмотрены актуальные вопросы домонгольской истории, история огромной евразийской империи Чингисхана, ее дальнейшее влияние на судьбы покоренных народов, в том числе и Руси. В связи с этим активно развивается в современной отечественной методологической науке теория евразийства, которой дается соответствующая оценка.

В то же время многие проблемные вопросы монгольской истории, к сожалению, не получили, с учетом изменения методологической базы монголоведных исследований, адекватного освещения в современной отечественной литературе. В результате наблюдается недостаточное обеспечение учебным материалом по истории номадной страны. С большим неудовлетворением можно отметить, что классический совместный труд советских и монгольских ученых «История Монгольской Народной Республики» был издан более тридцати лет назад, в 1983 г.

Исходя из того, что правительство Российской Федерации заинтересовано в стратегическом союзнике на Востоке, где находятся государства, входившие в период средневековья в огромную евразийскую державу чингисидов, актуальность этого учебно-методического пособия не вызывает сомнения.

История монгольской империи, господствовавшей в Евразии (XIII–XVI вв.) и определявшей международную политику в обширных пространствах Центрально-Азиатского региона, Средней Азии, Среднем и Ближнем Востоке, в приграничных регионах Восточной Европы, имеет свою длительную историографическую традицию, что отразилось в хронологической и региональной специфике научного изучения Монголии.

В связи с обострившимися международными отношениями «Восток-Запад», дипломатическим противостоянием Российской Федерации со странами Европейского Союза и другими международными игроками особый интерес вызывают многовековые проблемы истории содружества и борьбы различных этносов регионов, входивших в сферу правления чингисидов. Поиски руководителей Монголии в современных условиях «третьего соседа», будь то межкультурный трехсотлетний треугольник «Россия — Монголия — Китай», другие азиатские или европейские страны, актуализируют проблемы историографии и истории монгольского государства.

Как отмечает чл.-кор. РАН, монголовед Б. В. Базаров, «доминирование кочевых сообществ в мировых системообразующих центрах, продолжавшееся практически полтора тысячелетия, завершилось распадом Монгольской империи. Огромная территория расселения монгольских народов оказалась в сфере интересов других государств и сообществ, а инерция распада обладала слишком увлекательной мощностью, не позволившей определиться новому лидирующему политическому центру монгольской кочевой цивилизации. Необратимый процесс децентрализации и деградации монгольской мировой системы, роковые события того периода нашли свое отражение в мотивах горьких сожалений сказителей и рапсодов. Реальностью

стала ожесточенная борьба разных межплеменных объединений за лидирующее положение в Великой степи, окончательно истощившая остатки былого могущества империи».

История монгольского народа имеет глубинные корни, что подтверждается археологическими находками мирового значения. Период древности Монголии связан с руническими и китайскими документальными источниками, созданными на рубеже I–II тысячелетий. Китайские и монгольязычные документы достаточно подробно раскрывают процесс формирования государственности, социальные, религиозно-этнические процессы в монгольском обществе периода ранней и средневековой истории.

С образованием государства чингисидов в историографической монголоведной науке сформирован большой блок литературы на китайском, монгольском, русском, армянском, персидском, санскрите, европейских, маньчжурском и других языках.

В предлагаемой работе с учетом современных достижений мирового монголоведения раскрываются сложные проблемы монгольского государства, входившего в период новой истории в маньчжурскую империю Цинов. История аратского государства, проводившего планетарный эксперимент перехода под руководством Монгольской народно-революционной партии (МНРП) к социализму, минуя капиталистическую стадию развития в XX в., — огромная тема исследования, оценки которой не сложились, да и не могут сформироваться за столь короткий исторический период времени. Это отдельная тема в научной работе преподавателей, аспирантов, магистров, бакалавров, студентов, изучающих историю кочевой страны.

В представленной работе отдельной строкой рассматриваются вооружение, тактика ведения боя, кадровый состав монгольского непобедимого войска периода правления чингисидов. В лекционных курсах отражен закономерный отход от Россияцентристской модели развития евразийского континента, характерной для советской востоковедной, монголоведной методологической науки. В учебном пособии показаны природно-климатические условия территории проживания монгольских этносов, влияние этих факторов на этническую, социально-экономическую, политическую и другие стороны жизни монголов и этносов, входивших в орбиту монгольской цивилизации.

Характеристика монгольского общества периода древности, средневековья и Нового времени во многом зависит от избранной методологии, так как в современной монголоведной историографии наблюдается большое количество различного рода теорий, которые дополняют, обогащают, а зачастую и просто противоречат друг другу.

В методологическом плане необходимо различать письменные источники, созданные летописцами в разные временные отрезки, в различных исторических условиях. Объективность зачастую определялась их принадлежностью к различным социальным слоям того общества, которое они характеризуют. В монголоведной историографии четко различаются письменные источники конфуцианских китайских историков-архивистов, бытия европейских путешественников, писания среднеазиатских авторов.

Огромный и традиционный интерес вызывает китайская историческая хроника и историография, которая в XX в., в результате политических катаклизмов в стране, развивалась по разным методологическим направлениям. В настоящее время мы выделяем историографию континентального Китая, Тайваня, автономного района Внутренняя Монголия и др. Своеобразный взгляд на монгольскую историю

отражен в произведениях, созданных в степной среде, изложенных на старомонгольском, тюркском, тунгусо-маньчжурском и других языках.

Важным историографическим фактом является то, что в результате постоянных военных столкновений и операций менялись границы образованных обществ, соответственно изменялись и династийные хроники, особенно в период «цензурных репрессий». Поэтому трудно говорить о полном восстановлении реальной картины многообразной истории монгольского народа, монгольской государственности.

История государственности на территории Монголии и подвластных чингисидам покоренных территорий в рассматриваемом курсе лекций характеризуется разнообразием форм организации: от племенных союзов и каганатов до единого Монгольского централизованного государства, от евразийской империи «ЙЕКЭ МОНГОЛ УЛС» до постимперского периода истории кочевничьего общества. Потеря государственности монголов в период насильственного включения в Цинское государство, что завершилось антиманьчжурской национально-освободительной борьбой, привела к формированию автономного государства в Центральной Азии. В монголоведной историографии актуальным становится изучение истории Монголии XX в. В ориенталистской историографии возникла методологическая проблема изучения этапов, особенностей формирования монгольского демократического государства, его международного и внутреннего положения в переходный период XX–XXI вв.

В учебном курсе лекций рассмотрены проблемы многовековой самобытной кочевой культуры монголов. Развитие буддизма в кочевом обществе тесно связано с социально-экономическими изменениями в монгольском кочевом обществе. В лекционном курсе показана многовековая динамика распространения буддизма в степях Монголии — с момента возникновения и до принятия в качестве государственной религии в период правления Хубилай-хана. В учебном курсе раскрываются проблемы развития буддизма в клерикальном феодальном обществе монголов, а также рассмотрено существование феодально-теократической формы правления в Монголии (1911–1924). Громадные трудности и террор, пережитый буддистами в период политических гонений в 20–30-х гг. XX в., — особая тема лекционных курсов. Проблемы межконфессионального мира в Монголии в начале XXI в. — тэнгрианство, буддизм, ислам, христианство (католическое, протестантское, православное) — актуализируют особый подход к их изучению.

Образование ранней государственности протомонгольских народов способствовало коренным изменениям в жизни кочевников. Внутри древнемонгольских племен ускоряется процесс имущественной и социальной дифференциации. Происходит выделение наиболее сильных в военно-экономическом отношении племен, формируются новые государственные и этноязыковые центры.

Ранняя история народов и государственных монголоязычных образований Центральноазиатского ареала, происходившая вдали от Европы, в синхронные исторические периоды имела определенную историческую логику. Она характеризуется, с одной стороны, множеством военных конфликтов, созданием на руинах одного государства другого, с другой — более длительными, нежели периоды военных конфликтов, временами мира и порядка, торговли и сотрудничества между различными народами и государствами. Гибель государства не означала полного исчезновения завоеванных народов. Опыт предшествующих государств транслировался в опыт новых государственных образований.

Монголы как представители кочевой цивилизации, насчитывающей тысячелетнюю историю, начиная с эпохи гуннов, в своей объединительной и экспансионистской политике руководствовались историческим опытом государственности в формах, известных в ранних государствах Центральной Азии.

Созданию единого государства монголов в эпоху средневековья предшествовал длительный период эволюции протомонгольского общества и исторических форм государственности, характерных для кочевой цивилизации в целом. Собранные воедино, они в полной мере отражали своеобразие исторического пути государственности кочевников. С другой стороны, средневековая государственность монголов развивалась при непосредственном контакте и взаимопроникновении, взаимовлиянии разных культур, особую роль в этом процессе играли земледельческие цивилизации. Выход на международную арену монголов, объединенных выдающимся полководцем и государственным стратегом, политиком Чингисханом, был предопределен конкретными предпосылками.

Средневековая монгольская государственность формировалась медленно и постепенно, на основе многовекового политического опыта государств Центрально-Азиатского региона. Для идеологического закрепления в регионе могущества Монгольского государства, кроме передового опыта для своей эпохи военного искусства, развитой военно-стратегической теории и ясности идей, которыми руководствовался в завоевательной политике основоположник государства Чингисхан, существовала необходимость постоянного развития государственной философии, идеологии, совершенствования форм управления, государственных институтов. Все это получило воплощение в принятии «Великой Ясы Чингисхана» («ЙЕКЕ ДЗАСАГ»), классического закона, закрепляющего государственно-правовые нормы и государственность политической организации общества кочевников Центральной Азии (период средневековья и Нового времени).

Опыт создания, развития и расцвета средневековой монгольской государственности имеет важное историческое значение, особенно для государств евразийского историко-культурного ареала. Что касается истории государственности на просторах Евразии, то, будучи наследницей византийской, монгольской, государственность российская станет тем более понятна, чем глубже и объективнее будет в дальнейшем изучена средневековая и новая история монгольского народа. В рамках этого процесса бесценный опыт отражают произведения российских и зарубежных евразийцев прошлого и настоящего.

Международная деятельность мировой империи монголов, опустошительные захватнические войны, которые вели монголы в XIII–XV вв., надолго задержали развитие производительных сил и культуры не только народов завоеванных им стран, но и самого монгольского народа. Это в конечном счете обусловило длительную экономическую и политическую раздробленность Монголии.

В конце XIV — начале XV в. монголы были расселены на огромной территории — от Байкала и предгорьев Хингана на востоке до Тяньшаня на западе, от верховьев Иртыша и Енисея на севере до Великой Китайской стены на юге. Авторитет и реальная власть всемонгольского хана, особенно после падения Юаньской династии, стали быстро падать. Ханский престол все более и более превращался в орудие групповой борьбы между различными кланами чингисидов: свергали с трона и убивали одних ханов для того, чтобы посадить на трон других, более угодных им ханов.

В 1372 г. в Монголию вторглись войска Минской династии, монгольские ханы начали терпеть поражения. Китайские источники свидетельствуют, что в конце

XIV в., после 1388 г., на протяжении 12 лет в Монголии сменилось пять ханов, каждый из которых в результате дворцового переворота был свергнут с престола и уничтожен своими противниками. Поэтому период начала политической раздробленности, или постимперский период, в истории Монголии относится к концу XIV в. В конце XIV — начале XV в. начались длительные междоусобные войны между западными и восточными феодалами Монголии. Одной из решающих причин борьбы было прекращение торговых связей между монгольскими княжествами и Китаем. В ходе этой борьбы ойратские ханы вышли из подчинения всемонгольскому хану, ставка которого находилась на востоке. Минская династия вначале весьма одобрительно отнеслась к стремлению ойратских ханов сблизиться с Китаем. Она рассчитывала использовать их для борьбы против феодалов Восточной Монголии. В начале XV в. страна фактически распалась на две части, каждой из которых управлял свой правитель.

В течение всего XV в., с одной стороны, происходила не прекращавшаяся борьба между правителями запада и востока, а с другой — систематические вооруженные набеги монгольских отрядов на пограничные районы Китая.

В 1479 г. ханский престол занял Бату-Мункэ (1460–1543), известный в истории как Даян-хан. В годы его правления была предпринята вторая попытка преодолеть раздробленность и объединить страну под властью всемонгольского хана. К 1488 г. Даян-хан подчинил большую часть земель и пастбищ владетельных князей страны. После смерти Даян-хана в 1543 г., который был последним всемонгольским ханом, Монголия вновь, на этот раз окончательно, распалась, поделенная между сыновьями Даян-хана.

В середине и второй половине XVI в. в Южной Монголии ханский престол занял внук Даян-хана, известный под именем Алтан-хана тумэтского (1507–1582). Правление Алтан-хана характеризовалось в первую очередь его настойчивыми попытками вести нормальную торговлю с Китаем. В области внутренней политики следует отметить стремление Алтан-хана создать в Монголии очаги земледелия и ремесла. Он был среди монгольских правителей первым, объявившим желтошапочный ламаизм официальной религией и положившим начало распространению буддизма в стране.

Новый исторический этап Монголии охватывает период с XVII по XVIII в. — время расцвета «малых ханств». Данный период характеризуется существованием нескольких монгольских государственных образований, ханы которых вели себя по-разному в условиях обострения обстановки в стране и ухудшения отношений с соседними странами.

Южная Монголия, где ведущую роль играло Чахарское ханство, делилась на ряд мелких ханств. В Халха-Монголии находились Тушету-ханство, Сэцэн-ханство, Дзасакту-ханство, а также появившееся в конце XVII в. Сайн-ноён ханство. Нельзя не упомянуть государство Алтан-ханов, существовавшее на протяжении всего XVII в. в районе Увса-нора (Западная Халха). В Западной Монголии в самом начале XVII в. возникло крупное Ойрато-Джунгарское ханство. Между ними нередко вспыхивали конфликты, что не могло не затруднить создание единого общемонгольского союза.

В XVII–XVIII вв. завершаются масштабные миграционные потоки кочевников Центральноазиатской котловины в Европу. Калмыки были последними в череде азиатских кочевников средневековья, которые приходили в Европу, и единственными, кто вернулся на родину предков. Приход гуннов из Центральной Азии в Восточную Европу — начало периода истории Средних веков, а уход их далеких по-

томков — калмыков — из Восточной Европы в Центральную Азию стал завершающим периодом. Это была последняя крупная миграция кочевников в истории человечества, и в этом заключается ее всемирно-историческое значение.

XVII–XVIII вв. — время возвышения маньчжурской Цинской династии, создавшей на территории современного Северо-Восточного Китая Маньчжурское военно-феодальное государство. Это время широкой Цинской экспансии в монгольском мире, расколотом на многочисленные самостоятельные объединения. Монгольскому народу приходилось в трудных условиях отражать натиск Цинов, отстаивая свою независимость. В ходе национально-освободительного движения показали себя такие видные руководители-патриоты, как Лигдэн-хан, Цогт-тайджи, Галдан-Бошокту-хан, Амарсана, Чингужав и другие.

Маньчжурское иго губительным образом отразилось на материальном, культурном уровне жизни монгольского народа, и существовала угроза физического вымирания. Отрицательным социально-демографическим фактором монгольского социума явилось то, что к концу маньчжурского господства почти половину мужского населения страны составляли ламы. Наличие многотысячной армии лам, давших обет безбрачия, имело своим неизбежным результатом снижение браков и рождений. С другой стороны, в Монголии находилась огромная колония китайских купцов-ростовщиков и их служащих, проживавших в стране временно и без семей. Все это не могло не отразиться на монгольской семье. Отрицательное влияние китайского торгово-ростовщического капитала не давало стране развиваться в рамках новых экономических отношений, существовавших в Центрально-Азиатском регионе.

В период вхождения мировой экономики в империалистическую стадию Цинская династия сама становится объектом притязаний со стороны быстрорастущих империалистических государств. Главными претендентами на господство в Монголии, входившей в Маньчжурское китайское государство, выступали Япония и царская Россия, имевшие далеко идущие планы. Помимо Японии и романовской России активное участие в борьбе за господство в Монголии принимали и другие империалистические государства, особенно США и Англия, которые стремились захватить монгольский рынок.

В 1911 г. начинается связанный с Синьхайской революцией в Китае подъем национально-освободительного движения монгольского народа. В результате было свергнуто более чем двухвековое господство маньчжурских завоевателей и провозглашено независимое Монгольское государство. Неограниченным монархом нового теократического государства был объявлен глава ламаистской церкви в Монголии Богдо-гэгэн Джебцзун-Дамба-хутухта. Основу внешней политики Монгольского государства после провозглашения независимости составляла борьба за международное признание ее суверенитета. Монгольские правящие круги стремились создать объединенное государство, включавшее Халху, Западную Монголию и княжества Внутренней Монголии.

Многовековые сложнейшие международные дипломатические разногласия в Центрально-Азиатском регионе в первые десятилетия XX в. завершились подписанием ряда компромиссных документов: заключение в августе 1912 г. тайного русско-японского соглашения в Петербурге, в том числе и о Монголии; подписание в ноябре-декабре 1912 г. Соглашения между Россией и Монголией в Урге; заключение в Пекине в конце 1913 — начале 1914 г. русско-китайской декларации об автономии Северной Монголии; подписание в мае 1915 г. Китаем, Россией и Монголией Кяхтинского соглашения.

Краткий период существования монгольской феодально-теократической монархии (1911–1924) занимает важное место в истории страны. В период феодально-теократической монархии продолжала усиливаться эксплуатация аратства, постоянно возрастала сумма податей и налогов, взимаемых с населения. Необычайно затянувшийся процесс феодальной раздробленности, приведший к потере политической независимости страны и установлению маньчжурского ига, — одна из решающих причин социально-экономического и культурного отставания Монголии к началу XX в.

Возрождение монгольской государственности послужило дальнейшему подъему национального самосознания монгольского народа. Хотя Монголия в результате явного вмешательства империалистических держав и политики правящих кругов феодально-теократической монархии на этом этапе не добилась полной независимости, монгольский народ за эти годы вел национально-освободительную борьбу.

Включившись в революционный процесс при содействии Советской России, Монголия на длительный период стала плацдармом для распространения марксизма в странах Азии. В проведении активной внешней политики ленинского правительства в Монголии все большая роль стала отводиться лидерам Коминтерна, бурятским и калмыцким советникам.

На внутривосточные процессы страны в 1920 г. большое влияние начинают оказывать международные региональные факторы. Например, в ходе гражданской войны российский офицер барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг был выбит большевиками из Сибири на территорию Монголии. Китайское правительство попросило военную поддержку у РСФСР для борьбы с ним, что дало дипломатический повод лидерам Советской России ввести в номадную страну отряды Красной Армии, поддержать вооруженной силой формирующуюся просоветскую Монгольскую народную армию (МНА).

В современной методологической науке монгольская революция определяется как национально-демократическая. Она начиналась как общенациональное освободительное движение, главной задачей было национальное возрождение, восстановление государственности. Но революция 1921 г. носила демократический характер, поскольку существовала другая цель — реформирование и модернизация традиционного монгольского общества с учетом национальных особенностей, в ходе которого существенно изменились ее облик, социальная структура, возникли новые политические институты, а также была предпринята попытка модернизации государственности по советскому образцу.

Таким образом, в МНР была реализована ныне дискуссионная теория «перехода под руководством марксистских партий ранее отсталых государств к социализму, минуя капиталистическую стадию развития». В середине 50-х гг. XX в. Международным отделом ЦК КПСС было разработано два пути развития, учитывающих некапиталистический путь развития, проделанный к тому времени Монголией: путь социалистической ориентации для освободившихся стран и учение о социально-экономической многоукладности бывших колониальных и зависимых стран.

XX век в истории страны, истории монгольского аратства — это беспримерный переход от кочевого общества к аграрно-индустриальному государству. Несмотря на не совсем удачные социально-политические эксперименты, проводимые МНРП под руководством КПСС, в монгольском обществе сохранялись многовековые номадные традиции в экономике, идеологии, быту.

В период некапиталистического пути развития монгольского общества происходило формирование социалистической морали в аратской среде. В самосознании монгольского номада произошел громадный духовно-идеологический разлом, характеризующийся в настоящее время отходом и возвращением к тэнгрианству и буддизму.

В условиях формирования современного демократического монгольского общества деятельность МНРП и МРСМ по построению нового аратского государства эпохи социализма требует критического, непредвзятого обсуждения в научной среде кочевниковедов-монголоведов.

Период некапиталистического развития МНР — это специфическая форма государственного устройства. Период, в ходе которого монгольский народ находился в одном ряду с передовыми по цивилизационному развитию странами, что нельзя отбрасывать и недооценивать.

Несмотря на многочисленные трудности и невзгоды монгольского народа в период средневековья и Нового времени, огромные испытания аратского государства в XX в., сохранившиеся и активно восстанавливаемые многочисленные памятники прошлого свидетельствуют о том, что монгольский этнос на протяжении многих столетий создал свою богатую самобытную культуру. Этот феномен по праву входит в сокровищницу мирового культурного наследия. Обогащенный этим, творчески используя духовное наследие предков, в новых исторических условиях монгольский народ находится в одном ряду с цивилизованными государствами мира.

Курс лекций рассчитан на историков-востоковедов, студентов гуманитарных факультетов, изучающих вопросы истории Монголии, всех интересующихся историей этой страны. В то же время автор не претендует на полноту излагаемого монголоведного материала, оценки тех или иных событий многовековой монгольской истории. В изучении кочевой истории номадов, в разработке учебных курсов необходимы научная альтернатива, множественность подходов к изучению истории Монголии.

Методологический отход от традиционной в XX в. материалистической советской модели картины развития монгольского мира требует качественной научной оценки. Не завершен отход и от опубликованного в 1954, 1968 и 1983 гг. совместного советско-монгольского фундаментального сборника «История Монгольской Народной Республики».

История Монголии в начале XXI в. требует квалифицированного изучения, чем занимаются ученые России, Монголии, зарубежных стран. Но этот процесс далек от своего полноценного освещения.

Автор данной работы выражает огромную благодарность коллегам из России и Монголии за их советы, предоставленные научные материалы (д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН Б. В. Базаров, д-р ист. наук, проф. Ч. Дашдаваа, д-р ист. наук, проф. Н. Хишигт, д-р ист. наук, проф. Л. Б. Жабаяева, д-р ист. наук, проф. Л. В. Курас, д-р ист. наук, проф. Ю. В. Кузьмина, д-р ист. наук, проф. Е. И. Лиштованный, канд. ист. наук В. Ю. Мясников и другие).

Учебное пособие «История Монголии (эпоха древности — начало XXI в.)» подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом 050302.65 История Монголии.

В результате освоения данной специальности у студента формируются следующие необходимые компетенции:

а) общекультурные (ОК)

- владеет культурой мышления, способен к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК-1);

- способен логически верно, аргументированно и ясно выстраивать устную и письменную речь (ОК-2);

б) профессиональные (ПК):

в научно-исследовательской деятельности:

- способен использовать в исторических исследованиях базовые знания в области всеобщей и отечественной истории (ПК-1),

- понимать движущие силы и закономерности исторического процесса; роль насилия и ненасилия в истории, место человека в историческом процессе, политической организации общества (ПК-5);

- понимать, критически анализировать и использовать базовую историческую информацию (ПК-6);

- способен к критическому восприятию концепций различных историографических школ (ПК-7);

- использованию специальных знаний, полученных в рамках профилизации или индивидуальной образовательной траектории (ПК-8);

- составлению обзоров, аннотаций, рефератов и библиографии по тематике проводимых исследований (ПК-10);

в культурно-просветительской деятельности:

- способен к разработке информационного обеспечения историко-культурных и историко-краеведческих аспектов в тематике деятельности организаций и учреждений культуры (ПК-14).

Часть I

Тема 1. ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Республика Монголия расположена в самом сердце Центральной Азии. Территория Монголии составляет 1 565 тыс. км. Республика протянулась на запад на 2 405 км, с севера на юг — на 1 263 км. Монголия граничит с Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Общая протяженность границ равна 7 378 км (граница с Российской Федерацией — 3 005 км, с КНР — 4 673 км), включая в себя две огромные географические области — Сибирь и Центральную Азию.

В настоящее время на этой и прилегающих территориях расселено не более 10 миллионов человек, относящихся к монголоязычным народам. К монголам себя относят более 10 миллионов человек. Из них 4 млн проживают в автономном районе КНР Внутренняя Монголия, 2,7 млн — в Монголии, 2 млн — в Ляонине и других провинциях Китая. В составе основного этноса выделяются халха-монголы, баргуты, буряты (хонгодоры, хори-буряты, эхириты, булагаты), цонголы, сартулы, ойраты (дербеты, хошуты, хойты, баяты, торгуты, захчины, хотоны), южные монголы (чахары, хорчины, харачины, арухорчины, тумэты, джалайты, авга, авганары, баарины, чипчины, мумянгаты, найманы, аохане, оннюты, дурбэн-хухэты, ураты, горлосы, ордосцы, хонгираты, джаруты, узумчины, хэшигтены, хучиты), калмыки, моголы (Афганистан) и т. д. К монгольской группе народов по языковому признаку относятся монгоры(ту), дауры, дунсяне, баоань. Согво-ариги говорят на тибетском языке.

Монголия — горная страна, низменных участков мало, но даже и они расположены довольно высоко над уровнем моря. Самое низкое место в Монголии (оз. Хух-Нур на востоке страны) находится на высоте 552 м над уровнем моря. Средняя высота республики над уровнем моря — 1 580 м. Почти все пограничные горные хребты Монголии переходят за линию вечных снегов.

Монголия территориально входит в Центральную Азию, которая окружена высочайшими в мире хребтами и нагорьями, куда не доходят влажные воздушные течения, направляющиеся с далеких морей и океанов. Поэтому в ландшафте страны преобладают полупустыни и сухие степи, на самом юге Монголии расположена окраина огромной пустыни Гоби.

По территории Монголии проходит мировой водораздел, разделяющий ее на две неравные и не схожие по внешним признакам области — северную, которая по природным условиям является продолжением восточносибирских ландшафтов, и южную — занимающую 2/3 ее площади и относящуюся к бессточным, полупустынным, пустынным районам Центральной Азии.

В Монголии можно выделить пять физико-географических районов: Алтайский, Хангайско-Хэнтэйский, Котловина Больших озер, Восточно-Монгольский и Гобийский, которые целесообразнее рассматривать отдельно. Исходя из географических и климатических условий Монголии следует отметить, что в расселении охотничьих и пастушеских племен важную роль играло

резкое различие биологических зон, каждая из которых характеризовалась особенностями рельефа, почв, флоры, следовательно, и фауны. В зональном расчленении растительного покрова выделяются следующие пояса:

- 1) высокогорный с альпийской растительностью (высота 2000–3000 м);
- 2) горно-таежный (1700–2000 м);
- 3) пояс горных степей и лесостепей (1000–2000 м);
- 4) зоны степей, пустынных степей и пустынь.

Отмечаем, что ареал проживания монголоязычных бурят находится в Российской Федерации на территории Восточной Сибири. Это довольно обширная полоса лесостепной и горно-таежной зоны, простирающаяся от г. Нижнеудинска на западе до верховьев Амура на востоке. Область, расположенную к западу от оз. Байкал, принято называть Предбайкальем, к востоку — Забайкальем, которая делится Яблоновым хребтом на две части — Западное и Восточное. Именно по этому хребту проходит водораздел между Тихим и Северным Ледовитым океанами. Существует историографическая традиция эту территорию именовать Прибайкальем, или этнографической Бурятией.

Климат края резко континентальный: резкие колебания температуры воздуха не только в течение года, но и суток; малое количество осадков зимой, особенно в Забайкалье, сравнительно с большим количеством осадков летом. Эти климатические особенности обусловлены его географическим положением, значительной удаленностью от морей, океанов и южных широт. Континентальность региона выражена резче, чем на той же широте в Западной Сибири, европейской части и на Дальнем Востоке.

Этот регион по преимуществу представлен горами средней высоты. Здесь горы почти не достигают линии постоянного снега, за исключением некоторых вершин в Восточных Саянах. Мунку-Сардык — самая высокая горная вершина во всей Восточной Сибири (3 491 м).

Таких степей, какие встречаются в Западной Сибири или Монголии, здесь нет. Степи — это более или менее обширные пространства, не образующие сплошного массива, свободные от леса и залегающие главным образом в широких межгорных понижениях (примерно 7–8 % общей площади Забайкалья и Предбайкалья).

Большой умеренностью отличается и климат на территории, непосредственно примыкающей к оз. Байкал. Это крупнейшее в Сибири и Центральной Азии (площадь — 31,5 тыс. км) и самое глубокое в мире озеро расположено на высоте 456 м над уровнем моря. В озеро впадает около тысячи больших, малых и мелких рек и речушек. Самая крупная из них Селенга (длина 1 024 км) берет начало в Монголии; основные ее притоки — Орхон, Джига, Темник, Чикой, Хилок, Уда. Из озера Байкал вытекает одна река Ангара (длина 1 779 км) — самый многоводный приток Енисея. Самый крупный остров Байкала — Ольхон (длина 72 км, ширина до 15 км, общая площадь 730 км). В озере имеется около 1 800 видов животного и растительного мира, 75 % из них — эндемики, т. е. встречаются только в нем.

Примерно 10 тыс. лет назад в пределах рассматриваемой зоны установились близкие к современному времени ландшафт, климат, растительный и животный мир. Леса — преобладающий тип растительности Предбайкалья и Забайкалья и один из важнейших видов естественных биологических ресурсов. В животном мире численно преобладают виды, общие для однородных ландшафтов всей территории Предбайкалья и Забайкалья. Из крупных зверей встре-

чаются медведь, лось, благородный олень. Из крупных хищников распространены волк, местами рысь. Из пушных зверей наиболее известен соболь, особенно баргузинский. Ценится также мех лисы, выдры, ондатры, белки. Повсеместно встречается заяц-беляк.

Алтайский горный район занимает крайний запад и юго-запад Монголии и представляет собой наиболее высокогорную часть страны. Площадь района — 248 940 км². Самой возвышенной частью Алтайского горного района является горный узел Табын-Богдо-Ула (наивысшая точка — 4 356 м), в котором сходятся несколько хребтов. На северо-восток от Табын-Богдо-Ула тянется хребет Сайлюгем. К востоку от этого хребта расположены горы Хархира-Нуру с вершиной Хархир (4 116 м). К юго-востоку от Табын-Богдо-Ула находятся хребты Монгольского Алтая, средняя высота которых 3000–3500 м над уровнем моря. Монгольский Алтай — непрерывная цепь гор с мощными отрогами и иногда параллельными хребтами, простирающимися с северо-запада на юго-восток. Это самая обширная горная система Монголии с вершинами Найрамдал (Куйтэн) — 4 653 м — и Мунх-Хайрхан-Ула — 4 362 м. К юго-востоку эта горная система понижается и носит название Гобийский Алтай.

Горные хребты и возвышенности образуют громадные пологие дуги, обращенные на юг выпуклой стороной. Горные цепи Алтая протянулись с запада к востоку и югу Монголии на 1 500 км.

В Монгольском Алтае, Сайлюгеме, на Хархире встречаются многообразные ледниковые формы, иногда целые ледниковые ландшафты. Так, самый большой на Алтае ледник Потанина в верховьях Цаган-Гол тянется на 70 км. В Монголии эти районы являются единственными местами современного оледенения.

Гобийский Алтай сохраняет то же направление, что и Монгольский Алтай. Гобийский Алтай не представляет собой непрерывной цепи гор; дальше к востоку и югу он переходит в холмы и гряды гобийских равнин. Самая высокая вершина Гобийского Алтая — Их-Богдо, ее высшая точка — более 4 тыс. м.

Рельеф Алтайского горного района отличается большим разнообразием. Здесь и мощные, труднодоступные горные системы самых живописных очертаний и неожиданных форм, острые гребни хребтов, скалистые вершины, глубокие ущелья и холмообразные округлые вершины, покрытые густой травой, между горами замкнутые котловины с озерами, сухие речные долины, небольшие площади песков.

Север центральной части страны занимает Хангайская горная область с вершиной Отгон-Тэнгэр (4031 м). С восточной стороны к ней примыкает Хэнтэйский горный массив, достигающий наибольшей высоты в гольце Асаралт (2800 м). Эти две области образуют Хангайско-Хэнтэйский район площадью 528 090 км². Хангайские горы тянутся параллельно Монгольскому Алтаю, но отдельные горные хребты — Хан-Хухэй, Болнай и другие — простираются в строго широтном направлении; длина основного хребта около 700 км.

Средняя высота основного Хангайского хребта составляет 2500–3000 м над уровнем моря. В Хангайской горной области преобладают мягкие сглаженные области рельефа, плоские широкие гребни, пологие склоны, широкие речные долины.

Хангайский хребет, достигая больших высот в отдельных местах, резко понижается к югу и переходит в обширное наклонное плато, постепенно сливающееся с гобийскими равнинами.

Расположенные в северо-восточной части Монголии Хэнтэйские горы значительно ниже Хангайских, высота средних участков хребта — около 2000 м. В Хэнтэе сочетаются плоские гребни горных вершин и крутые склоны гольцов. Гольцы выступают своими обнаженными вершинами, их склоны покрыты большими скоплениями гранитных россыпей. В горах нет вечных снегов, но очень ясно видны следы древнего оледенения, сохранились ледниковые озера и ущелья.

В районе Хэнтэйских гор также имеются разные типы рельефа. Между Хангайскими и Хэнтэйскими горами расположилась средневысотная горная область, орошаемая реками Селенгой и Орхоном. Это район развитого сельского хозяйства, с лучшими пастбищами, основными земледельческими массивами, крупными населенными пунктами.

У подножия одной из гор Хэнтэйского горного массива, Богдо-Улы («Священной» горы), расположена столица Монголии — город Улан-Батор — на высоте 1 500 м над уровнем моря. Богдо-Ула — национальный заповедник; склоны ее покрыты лесами, состоящими из лиственницы с примесью березы, кедра, сосны и осины. В этих лесах обитают олень, косуля, кабан, кабарга и даже рысь.

Между Монгольским Алтаем и Хангайскими горами расположена обширная замкнутая впадина — Котловина Больших озер, абсолютные высоты которой колеблются в пределах 750–1500 м. На юго-востоке между Хангайскими горами и Гобийским Алтаем эта котловина переходит в относительно узкое поднятие и далее смыкается с равнинными пространствами Юго-Восточной Монголии.

Район Котловины Больших озер занимает площадь 105 750 м², по характеру рельефа этот район относится к полупустынным и пустынным степям; леса здесь отсутствуют, а пески занимают значительные площади, попадаются песчаные массивы площадью до 4 тыс. км².

Поверхность Котловины Больших озер наклонена с юга на север, много солончаков, образовавшихся из пересыхающих озер, часто встречаются глинистые равнины, усеянные камнями, щебенкой и галькой, русла пересохших рек и озер.

Площадь Восточно-Монгольского района составляет 247 630 км². На востоке Монголии встречаются отдельные кряжи и возвышенности, но преобладают равнинные степи. Можно проехать целый день, не увидев ни гор, ни холмов. Высота равнины — в среднем 800–110 м над уровнем моря.

На юге и востоке района имеются многочисленные и часто довольно крупные островки песков (массив песка в Сухэ-Баторском аймаке достигает 80 км в длину и 10 км в ширину). Небольшие участки барханных песков находятся в среднем и нижнем течении р. Халхин-Гол, на берегу оз. Буир-Нур есть дюнные пески. Всего в Восточной Монголии учтено 505 км² земли, занятой песками. Речные долины в этом районе широкие, заросшие древесной растительностью.

На юге района лежит Восточная депрессия, расположенная вдоль границы Внутренней Монголии, ее средняя высота — 1 300 м. Это вулканический район, на поверхности часты базальты, видны конусы потухших вулканов, встречаются сопки вулканического происхождения. Крайний восточный выступ Монголии занимает Прихангайская среднегорная область. Из Маньчжурии сюда приближается южная оконечность Хинганского хребта.

На крайнем юге Монголии расположен Гобийский район, занимающий обширную площадь. Он граничит с Внутренней Монголией и Синьцзяном в Китае. Его протяженность с юга на север — 500 км, а с востока на запад — почти 1000 км. Он окружен высокими горами Центральной Азии. Нередко слово «Гоби» неразрывно связывается с понятием «пустыня» и представляется чуть ли не страшнее Сахары. Однако это далеко не так. В гобийских районах Монголии песками покрыты лишь небольшие участки; в основной же своей части это не безжизненная бесплодная пустыня, а раздольная травянистая степь. В Гоби сравнительно мало равнин, преобладают холмы, увалы, мелкопесочник, разделенные широкими долинами. В этом районе расположены горы — Гобийский Алтай и его отроги, состоящие из гранита и других твердых пород. Большую площадь в Гоби занимают замкнутые бессточные котловины, на дне которых небольшие соленые озера или глинистая растрескавшаяся корка. Повсюду распространены пески. Но они не составляют таких крупных массивов, как в районе Котловины Больших озер.

Внутренняя Монголия (с 1944 г. — автономный район Внутренняя Монголия КНР) является продолжением территории Внешней Монголии в восточном и южном направлениях. Возникновение термина «Внешняя и Внутренняя Монголия» относится к периоду маньчжурской экспансии. В 1636 г. маньчжуры, завершив завоевание Южной Монголии, стали именовать ее Внутренней в отличие от еще непокоренной северной части — Внешней Монголии. Площадь ее — 1400 тыс. км².

Природно-географические условия Внешней и Внутренней Монголии в целом схожи. На севере — горно-таежные массивы, где выделяются хребты Большого Хингана (выс. 1 750 м), южнее — рельеф больше равнинного характера, переходящий в полупустыни и пустыни. Здесь расположена одна из крупнейших пустынных областей — Алашань (площадь 1 млн км²), огражденная с юга хребтами Наньшаня. Еще одно из примечательных мест региона — Ордосское плато, расположенное на высоте 1000–2000 м, на юге переходит в лесовую зону. Пески — 50 %, в южной части — оазисы земледелия.

Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) располагает богатыми запасами полезных ископаемых. Здесь обнаружено около 100 видов минералов из 140 важнейших в мире. Так, разведанные запасы угля во Внутренней Монголии составляют треть всего угля КНР.

Климат Монголии определяется особенностями ее географического положения и высотой над уровнем моря. Удаленная от морей и океанов, отделенная стеной могучих гор, закрывающих доступ южным влажным ветрам, Монголия имеет климат, отличающийся резким колебанием температуры и исключительной неустойчивостью погоды. Весьма значительны годовые и даже суточные колебания температуры до 20–30 градусов. Самый холодный месяц года — январь, когда морозы достигают -50 °С. Самый жаркий месяц — июль, среднеиюльская температура в столице достигает +17 °С.

В целом Монголия — засушливая страна, осадков выпадает немного, в среднем — 100–300 мм, даже по утрам не везде выпадает роса. Преобладают летние дожди (60–86 %), снега выпадает мало, только в отдельные годы наблюдается снежный покров на севере страны, на юге все слабо запорошено снегом. Суровая зима и небольшой снежный покров обуславливают наличие в Монголии вечной мерзлоты. Однако резкая континентальность и суровость климата

переносятся населением сравнительно легко: зимние морозы и летний зной смягчаются большой, но не чрезмерной сухостью воздуха.

Реки

Почти в самой середине Монголии расположен так называемый Великий азиатский водораздел. На север от него стекают реки по направлению к бассейну Северного Ледовитого океана, на восток — к Тихому океану и на юг — к бессточному бассейну Центральной Азии. К бассейну Северного Ледовитого океана относятся р. Селенга с притоками и р. Шишхид-Гол — один из верховьев Енисея. Бассейну Тихого океана в пределах Монголии принадлежит река Онон (общая длина 808 км, в Монголии — 296 км), берущая начало в Хэнтэе; также Керулен (общая длина 1 264 км, в Монголии — 1 090 км), истоки находятся в Хэнтэйских горах, он впадает в оз. Далай-Нор (в Хулунбуирском аймаке автономного района Внутренняя Монголия КНР).

Халхин-Гол (233 км) берет начало в горах Большого Хингана, впадает в оз. Буир-Нур. В бессточные бассейны Центральной Азии несут свои воды Кобдо и Булган-Гол с Алтая, Дзабхан, Тэс, Байдраг-Гол, Туйн-Гол с Хангая, а также другие менее значительные реки.

Почти все реки Монголии — горные, с непостоянным уровнем, быстрым течением и частыми перекатами. Степных рек мало, они встречаются лишь на равнинах восточной части Монголии.

Основные реки: Селенга (593 км в Монголии), образована в результате слияния двух рек — Идэра, берущей начало в отрогах Хангая, и Дэлгэр-Мурэна (истоки — в горах Хубсугула); ее самый крупный правый приток — Орхон (длина 1 124 км), начинаясь в отрогах Хангая, течет по широкой долине с плодородными землями и прекрасными пастбищами. Приток Орхона: левые — Северный и Южный Тамир, Правое — Еро (323 км), Тола (819 км), берущие начало в Хэнтэйских горах.

Озер на территории Монголии насчитывается 3 064, общей площадью 15 640 км². Большинство озер бессточные. Наиболее значительные по размерам находятся в Хангайском районе, западной и северо-западной частях страны. В районе Котловины Больших озер выделяется пять наиболее крупных. Среди них Убсу-Нур (пл. 3350 км²), самое крупное озеро страны представляет замкнутый бессточный водоем на высоте 743 м. Из-за большого содержания солей воды озера не пригодны для орошения и бытовых нужд. Озера Хара-Ус-Нур (1 760 км²) и Хара-Нур (530 км²) — пресноводные. Хяргас-Нур (1 360 км²) и Дугэ-Нур (300 км²) значительно минерализованы. Озеро Хубсугул (2 621 км²) — второе по величине озеро страны, расположенное на высоте 1 624 м. Вода пресная, холодная и очень прозрачная. В озеро впадает около 50 речек, вытекает одна — Эгийн-Гол. В восточной части страны выделяется оз. Буир-Нур (615 км²), расположенное на границе с Хулунбуирским аймаком автономного района Внутренняя Монголия. Вода проточная, пресная, вытекает р. Оршунь.

Растительный и животный мир Монголии

Богат и разнообразен растительный и животный мир страны. Флора Монголии насчитывает свыше 2 тысяч различных видов растений. Леса занимают около 8 % территории. Наиболее распространены лиственница, кедр, пихта, ель, сосна, береза.

Животный мир представлен более 40 видами млекопитающих. В северной лесистой части страны обитает много животных, известных по сибирской фауне, которые имеют промысловое значение. Пушнина — существенная часть экспорта страны.

В Алтайских горах встречаются дикие бараны (аргалы), дикие козлы (янгирь), снежные барсы (ирвэс). В степях пасутся многочисленные стада антилоп (зэрээн). На полупустынных пространствах юга можно встретить диких ослов (хуланов), дикую лошадь (тахь), известную как «лошадь Пржевальского», дикого верблюда (хавтагай). Последние две особи — безусловно, раритеты центральноазиатской фауны, больше нигде не встречаются.

Из животных в Монголии повсеместно встречаются яки, которые в этих краях были одомашнены около 7000 лет назад. В лесах Монголии обитают бурый медведь, рысь, марал, лось, дикий олень, косуля, кабарга, россомаха, боров, белка и соболь. В горах можно увидеть горного барана архара, горного козла и снежного барса. В степях и полупустынях обитают красные волки, лисицы, зайцы, кабаны, антилопы дзерен, сайгаки и многочисленные грызуны. В пустыне Гоби встречаются дикие верблюды хавтгай, пустынные медведи мазалаи, дикие ослы куланы и антилопы джейран. В последние годы в степях и пустынях Монголии восстановлена популяция некогда исчезнувших диких лошадей Пржевальского. В стране обитает около 450 видов птиц, среди которых встречаются разнообразные крупные хищные птицы, такие как беркуты, грифы и сипы. В реках и озерах Монголии обитает 75 видов рыбы: амурский и сибирский осетры, стеклянные и серебристые карпы, лини, хариусы, османы и другие.

Монголия богата полезными ископаемыми. По природным ресурсам является богатейшей страной. В Монголии имеются 3 крупных месторождения бурого угля (Налайха, Шарынгол, Баганур). На юге страны в районе горного массива Таван-Толгой обнаружен высококачественный каменный уголь (месторождение Таван-Толгой), геологические запасы которого исчисляются миллиардами тонн. Давно известны и разрабатываются средние по запасам месторождения вольфрама и плавикового шпата. Медно-молибденовая руда, найденная в Горе Сокровищ (Эрдэнэтийн овоо), привела к созданию горно-обогатительного комбината, вокруг которого был выстроен город Эрдэнэт.

В стране есть одно из крупнейших мировых золоторудных месторождений Оюу-Толгой, активно разрабатываемое в наше время. В начале XXI в. международные эксперты отмечают особый интерес инвесторов к территориальным богатствам Монголии, таящей в себе почти всю таблицу Д. И. Менделеева. В то же время почти 70 % земель этой страны до сих пор подробно не изучено геологами. В Монголии активно начинают разрабатываться месторождения олова, свинца, серебра, золота, кварца, флюорита. В монгольских горах и плоскогорьях находятся бирюза, горный хрусталь и другие поделочные драгоценные и полудрагоценные камни. Особый интерес аратов и многочисленных гостей вызывает быстроразвиваемая индустрия по использованию многочисленных минеральных источников холодных и горячих целебных вод.

Природно-климатические условия проживания территорий коренных монголов во многом определили уникальную историю номадного этноса. Климатические условия Монголии способствовали созданию того номада, того воина, который составил костяк многонационального войска чингисидов в период их планетарных завоеваний. Именно эти географические условия способствовали возникновению дискуссионных теорий «Усыхания и увлажнения», «Прихода и ухода пустыни Гоби» и прочих в научной монголоведной историографии.

Тема 2. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Начальный период

Исходной точкой вхождения монголов в мировую историю в отечественной монголоведной историографии является эпоха походов гуннских кочевых народов на Запад. В то же время, по мнению современных монгольских ученых, в среде правящих кругов хуннской знати выделялось племя мугулуй. Исходя из этого, монгольские коллеги и политологи начинают обосновывать дискуссионную версию истории номадного народа, утверждая, что «хунну — это монголы, вместо устоявшейся точки зрения: монголы — это хунну». Возникает необходимость обсуждения этих проблем представителями мирового монголоведения¹.

Многранная историографическая научная литература по истории Монголии имеет давние традиции. Основными, наряду с монгольскими источниками, для монголоведной науки эпохи древней, средневековой и новой истории являются данные китайских династийных хроник, азиатских, иранских, кавказских, русских и других писаний.

Эпиграфические источники, также как и письменные, представлены прежде всего находками на территории Китая. К ним можно отнести надписи на иньских гадательных костях, содержащие упоминание о северных соседях Китая. Также широко представлены в Монголии эпиграфические источники. Это надписи, тексты, знаки, тамги на стелах, на скалах. Основным же эпиграфическим источником, бесспорно, являются так называемые рунические тексты, которые были высечены на камне, процарапаны на глине, на черепице представителями древнетюркского этноса (VI–VIII вв. н.э.). Поскольку в них во многом описываются события, отмеченные и в синхронных им китайских хрониках, при сопоставлении обоих источников можно получить вполне достоверные сведения о племенах и народах того времени.

О протомонголах впервые упоминается в знаменитых Ши цзы («Исторических записках»), написанных в I в. до н. э. китайским историографом Сыма Цянем (133–67 гг. до н.э.). Кочевники, населяющие Монголию в VII–VI вв. до н. э., именуются Сыма Цянем жун и ди; позднее их стали называть ху. В эту эпоху в степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили шаньчжуны (горные жуны) и дунху (восточные варвары). Северные племена были постоянными участниками политической жизни древнекитайских государств.

---

¹ Дугаров В. Д. Российская историография истории Монголии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. 375 с.

Сыма Цянь явился первым составителем этнической карты народов, живших в сопредельных с Китаем землях. И хотя они делились на разные роды и племена, но для древних историков были единым целым, так как сильно отличались по культуре и быту от земледельцев долины Хуанхэ. Новаторство Сыма Цяня заключалось в том, что он порвал с традиционным делением соседних народов по территориальному признаку.

Радикальные изменения общей ситуации в Центральной Азии произошли, согласно Сыма Цяню, в период «Воюющих царств» (403–221 гг. до н. э.). Вместо прежних жунов на севере и на западе появляются сильные объединения кочевых племен сюнну (хунну) и юэчжи, а о дунху сообщается, что они «достигли расцвета» и у них появился единый правитель.

В китайских документах, являющихся основными письменными источниками по истории Монголии раннего периода, приводятся краткие данные о связях с Китаем различных кочевых скотоводческих племен, населяющих территорию степей Центральной Азии.

К числу наиболее известных исторических сочинений, переведенных на русский язык, пусть и фрагментарно, относятся следующие: «Цянь-Хань-шу» — «История ранней династии Хань»; «Сань-го чжи» — «История трех государств»; «Вэй шу» — «История династии Вэй»; «Суй шу» — «История династии Суй»; «Цзю Тан шу» — «Старая история династии Тан»; «Синь Тан шу» — «Новая история династии Тан»; «Ляо ши» — «История династии Ляо»; «Цидань го цзи» — «Описание государства киданей» и множество других не менее важных источников. Наиболее известными переводчиками этих трудов являются Н. Я. Бичурин, П. Кафаров, Н. В. Кюннер, Н. Ц. Мункуев, В. С. Таскин, Е. И. Кычанов и другие.

Монгольские письменные источники своими глубинными корнями восходят к временам, когда древние прашуры монголов табгачи пользовались рунической письменностью. Об этом свидетельствует китайское историческое сочинение «Вей шу», когда император Дао из династии Тоба в 425 г. н. э. утвердил руническую письменность государственной.

«Вей шу» сообщает о том, что впервые в истории монголоязычных народов родной язык табгачей, став государственным языком, приобрел руническую письменность, состоящую из более тысячи знаков. Кидане, являющиеся более поздними предтечами древних монголов, чем табгачи, вышедшие на историческую арену в V в., создали в X в. две письменности: «большую» и «малую».

Монгольская метаэтническая общность имела неограниченные возможности выбора письменных традиций, начиная с иероглифического китайского письма. Однако все же они остановили свой выбор на так называемой уйгурской письменности. При этом последние исследования многих монгольских ученых абсолютно авторитетно раскрывают тот факт, что согдийскую письменную традицию, на основе которой базируется уйгурский алфавит, монгольские народы приняли одновременно с уйгурами задолго до периода Чингисхана, т. е. практически и фактически за 700 лет до создания Великой Монгольской империи.

В истории развития письменностей монголоязычных народов уйгурское письмо — родоначальник старомонгольской письменности — называется «ху-дам бичиг» (несовершенное письмо). Уйгурская письменность выгодно отличалась от письменностей, в частности квадратного письма, которое было построенное на основе фонемного состава только лишь одного монгольского диалекта

империи Чингисхана, она по своему функциональному назначению была универсальной по всем лингвистическим параметрам. В историческом трактате «История Киданьской империи» находим сведения о том, что «малая письменность» была создана по образцу уйгурской письменности. В сведениях об использовании монголами уйгурской письменности существует достоверный факт, зафиксированный в «Сокровенном сказании монголов». При завоевании Найманского ханства Чингисханом был захвачен в плен начальник канцелярии Найманского государства по имени Тататунга, которого Чингисхан назначил начальником своей имперской канцелярии.

Тататунга, став приближенным вельможей Чингисова двора, начал обучать уйгурской грамоте прежде всего сыновей Чингисхана, а также детей его близких соратников. В связи с этим Чингисхан издал в 1204 г. указ, согласно которому уйгурская письменность приобретала статус государственной письменности Монгольской империи. Для подтверждения этого указа монголоеды в качестве доказательства приводят знаменитый письменный памятник «Чингисов камень», воздвигнутый в 1224 г. в честь победы одного из потомков чингисидов — Есунке «меткого». Поэтому необходимо отметить, что Чингисхан являлся истинным основоположником старомонгольской письменности классического монгольского языка, основанной на графике уйгурского письма.

Современные монголоеды — как лингвисты, так и историки — вполне законно и очень справедливо восторгаются той незаурядной гениальностью, которой обладал безымянный автор. Чингисхан в одиночасье придал уйгурской письменности высокий статус государственного письма Монгольской империи.

Однако более совершенным почему-то считалось квадратное письмо, которое вошло в историю письменностей монголоязычных народов под названием «тоду бичиг» (ясное письмо), составленное в 1268 г. духовным советником императора Хубилая «мудрого» Пагва-ламой. Эта письменность, как известно, имела статус государственного письма только до 1368 г., т. е. до падения империи Хубилай-хана.

Монгольские исторические сочинения, написанные на старомонгольской письменности, к которым относятся главным образом феодальные хроники и летописи, составляют основной фонд исторических источников по истории Монголии. После изгнания монголов из Китая летописная традиция, по всей видимости, не прерывалась. Но до настоящего времени дошли лишь летописи, составленные в XVII в. Более ранних летописей до сих пор не было обнаружено, и лишь по имеющимся отдельным указаниям можно полагать, что летописная традиция продолжала существовать и в XIV–XVI вв.

Многовековая история и самобытная культура монголов получили свое освещение на основе своей старомонгольской письменности, тщательно изученной первыми российскими монголоедами. Это письменное богатство было проработано бурятскими священнослужителями и общественными деятелями, являвшимися выдающимися знатоками монгольского духовного этномира. Богатое наследие монгольской самобытной культуры, написанное на старомонгольской письменности, было предано забвению в годы воинствующего атеизма.

Историографию средневековой истории Монголии наряду со многими произведениями знаменуют два больших источника: 1) «Мэн-да бэй-лу» — «Полная история монголо-татар» сунского посла Чжао Хуну, ездившего в Пекин к наместнику монгольского хана в Северном Китае Мухули (1221 г.). Необ-

ходимо отметить, что данное произведение наиболее полно раскрывает историю монголов первой половины XIII в.; 2) «Юань ши» («История династии Юань»), главный источник при изучении истории государственности средневековой Монголии XIII–XIV вв. «Юань ши» представляет собой обширный труд, написанный совместно более чем 30 китайскими учеными под общим руководством Сун Ляна и Ван Вэя в начале эпохи Мин. Коллективная работа по написанию истории чингисидов была начата в период правления Хубилай-хана. Минские историки составили «Юань ши» на основании подготовленных в период Юань оригинальных дворцовых материалов в «Ши-лу» — биографиях 13 монгольских ханов. Материалы были захвачены в качестве военных трофеев при занятии столицы империи в 1368 г. представителями новой династии Мин.

«Юань-ши» переведена полностью с китайского на монгольский язык, частично на русский. Известная книга российского ученого-востоковеда Н. Я. Бичурина «История первых четырех ханов из дома Чингисова» представляет собой перевод из «Юань-ши» отдельных выдержек, относящихся к правлению Чингиса, Угэдэя, Гуюка и Мункэ. До сих пор она остается раритетным изданием.

Из других китайских источников несомненный интерес вызывает описание путешествия даоса Чан Чуня, ездившего в ставку Чингисхана. Чан Чунь проехал через Монголию, Туркестан к границам Северной Индии, где в то время находился лагерь Чингисхана. Один из его спутников вел путевой журнал, который впоследствии был опубликован под названием «Си-ю-цзи». Этот труд содержит наиболее подробные сведения о монголах того времени. Перевод его на русский язык был осуществлен российским синологом Палладием Кафаровым.

Материалы предыдущих источников в известной степени были дополнены сведениями о племенах Центральной Азии и Сибири, содержащимися в трудах ряда мусульманских авторов X–XI вв. — З. Гардизи, Тахир Марвази, также в анонимном «Кита Худуд ал. Алам мин ал-Машрик илал-Магри» («Книга о пределах мира от востока к западу»). Сведения об этих сочинениях и отдельные выдержки из них на русском языке имеются в трудах академика В. В. Бартольда.

Одним из наиболее классических монголо-китайских источников является «Сокровенное сказание монголов» (Монголын нууц товчоо), написанное неизвестным автором в 1240 г. при дворе Угэдэя-хана для прославления рода, из которого вышел Чингисхан. Полный монгольский текст этой хроники сохранился в записи китайскими иероглифами и в китайском переводе под названием «Юань-чао би-ши». Честь открытия и введения в научный оборот этой хроники принадлежит крупному русскому синологу Палладию Кафарову, опубликовавшему свой перевод в 1866 г. под названием «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане». Это наиболее раннее из дошедших до нас монгольских произведений, в котором дано подробное описание родоплеменной структуры и генеалогии монгольских племен того времени. Именно здесь впервые упомянуты многие этнонимы, созвучные с названиями родоплеменных групп современных монгольских народов.

Другим классическим трудом является написанный в 1309–1311 гг. «Сборник летописей» персидского историка Рашид ад-Дина, приближенного Газан-хана, оклеветанного и казненного при ильхане Абу Саид Бахадур-хане (1316–1336). В своей работе автор использовал не дошедшую до нас древнемонгольскую рукопись «Алтан дэлгэр». В работе Рашид ад-Дина очень подробно излагаются события времен Чингисхана. В ней также написано довольно много о

монгольских ханах Гуюке и Угэдэе, а также содержатся биографии Хулагу-хана (1256–1265), Абага-хана (1265–1282), Аргун-хана (1284–1291), Газан-хана и других ильханов хулагуидов.

Следует отметить труд Алаа ад-Дина Ата-Малика Джувейни «История покорителя мира». Ата-Малик Джувейни в 1252 г. вместе с отцом прибыл в Каракорум, столицу монгольской империи. Когда Хулагу совершал поход на запад, Ата-Малик Джувейни служил чиновником в ханской ставке. Свой труд по истории он начал еще в Каракоруме и завершил его по возвращении на родину в Хорасан, состоя на службе при дворе Хулагу-хагана. Автор подробно рассказывает о жизни, войнах и походах монголов той эпохи, повествует о разрушениях, произведенных монголами.

Большое значение для разработки истории раннего средневековья Монголии имеют свидетельства европейских путешественников, бывших в Монголии в XIII в.: Плано Карпини, Вильгельма Рубрука и Марко Поло. Два первых были монахами — посланцами Папы Римского и французского короля Людовика IX, отправленными независимо один за другим для переговоров с монгольскими ханами. Плано Карпини проехал через западную часть Монгольской империи и побывал в Каракоруме в 1246 г. Он подробно описал столицу монгольских ханов, а также дал много сведений о монголах и их образе жизни. Через восемь лет после этого в Каракоруме побывал Вильгельм Рубрук, рассказ которого еще более точен и подробен. Оба они приводят материалы, характеризующие военное, экономическое и политическое состояние страны. Современные сведения о Каракоруме (монг. Хара-Хорин) основаны главным образом на этих материалах. Плано Карпини и Вильгельм Рубрук пробыли в Монголии относительно недолго и смогли передать в своих сочинениях лишь общие сведения о Монголии. В более благоприятном положении находился Марко Поло, сын венецианского купца, проживший в Монгольской империи 17 лет и находившийся на службе у хана Хубилая, по поручению которого он неоднократно ездил в различные места Монгольского государства. Марко Поло написал, точнее, продиктовал, свою книгу через несколько лет после возвращения из Китая. В книге «Путешествие Марко Поло», в переводе на русский язык российского востоковеда И. П. Минаева, содержатся подробности об административном устройстве империи и организации управления, о культурном уровне жизни в Китае, монгольских войсках, почтовых дорогах и т. д. В книге имеется много сведений исторического характера. Свидетельства этих европейских авторов являются историческими документами славной монгольской истории времен чингисидов.

В период распада Великой Монгольской империи создается значительный блок письменных документов и фольклорных преданий монголоязычных народов, который сохранился в издании так называемым ксилографическим письмом. Ксилография — это вид печатной графики, гравюра на дереве, древнейшая техника гравирования по дереву или оттиск на бумаге, сделанный с такой гравюры. Китайские литературные источники относят первые печатные изображения с деревянных досок к VI в. Самая ранняя из сохранившихся китайских гравюр создана в IX в. В «Алмазной сутре» (датированной 868 годом н. э.), которая ныне хранится в Британской библиотеке, указано, что мастер Ван Чи (Ван Цзе) вырезал доски и напечатал книгу «ради поминовения усопших родителей своих».

Монгольские и китайские исторические труды содержат интересные сведения о книгопечатании ксилографическим способом у древних киданей. Кни-

гопечатание при юаньской династии стало уже делом государственным, и издание книг частными лицами было запрещено. В технологии книгопечатания у монголов использовались металлография, литография и ксилография.

Постепенно распространяется буддийское вероучение в Тибете и на просторах Великой степи. Оно становится необходимой потребностью и у монголов, бурят и калмыков. На рубеже XVI–XVII вв. буддийская церковь популяризирует свое учение, которое стремительно стало распространяться в Монголии и Байкальском регионе. Возникают предпосылки для тиражирования богословской литературы, вытесняющей исконные устные произведения монголоязычных народов на территории Внутренней Азии.

Объявление буддийской религии государственной религией всех монгольских народов, несомненно, дало толчок развитию книгопечатания ксилографическим письмом. Подписанный императрицей Елизаветой Петровной указ от 1741 г. о признании распространения «ламаистской веры» для бурят, а значит, на территории Российской империи, способствовал изданию буддийских печатных книг и письма в Байкальском регионе. Начинает активно развиваться дацанское книгопечатание, получают широкое распространение письменные документы, являющиеся основой для изучения средневековой и истории Нового времени Монголии и монголоязычных народов России.

Постепенное расширение буддийского вероучения в степных просторах, занятых монголами и бурятами, послужило весомым толчком к тиражированию богословской печатной литературы, вытеснив исконно устные произведения фольклора бурятского и монгольского народов, передаваемые из поколения в поколение посредством ритуальных тэнгрианских, шаманских традиций. В методологических рамках изучения этих процессов требуют своего отдельного изучения песнопения шаманов о своих родословных корнях, божественных прародителях, небожителях, населяющих Вечное Синее небо. Особую актуальность вызывает формирующаяся тэнгрианская теория, которая «ставит» себя выше шаманской или языческой традиции кочевых народов.

Старописьменный монгольский язык в течение долгого времени был общемонгольским литературным языком, обслуживающим нужды собственно монголов, а также ойратских и бурятских племен. В настоящее время им активно пользуются как письменным литературным языком только во Внутренней Монголии Китая.

Литературное наследие на старомонгольской письменности включает в себя исторические, дидактические, медицинские, филологические, лексикографические, юридические, буддийские сочинения. Монголы в условиях кочевого образа жизни сумели создать и сохранить до наших дней редчайшие памятники культуры монголоязычных народов, среди которых особое место занимают исторические хроники.

Характерная особенность монгольских летописей — это их синкретизм, а также смешение исторического и литературного жанров, стилей. Эти памятники пользуются большой популярностью среди образованных людей.

Фактологический материал по истории кочевых государств содержится в сводах монгольских законов, принятых в XVII–XVIII вв. В 1640 г. был проведен общемонгольский курултай, в котором участвовало большинство крупных монгольских и ойратских ханов с целью противостоять маньчжурской агрессии. На курултае были приняты своды законов, или монголо-ойратское уложение 1640 г. «Их цааз» (Великое Уложение). Впервые этот текст перевел на русский

язык и исследовал К. Ф. Голстунский. Сборник монгольских законов 1640 г. имеет большое значение для исследования государственного, общественного строя, феодальной иерархии монгольского общества.

Из сборников законов маньчжурского периода самым значительным является «Халха Джирум». Под таким названием известен сборник законов трех халхаских хошунов, изданный в 1709 г. и неоднократно дополнявшийся впоследствии. «Халха Джирум» довольно хорошо исследован с юридической стороны, но до сих пор полностью не переведен на русский язык.

Многочисленные законодательные сборники того времени закрепляли феодальные законы Великой степи. Это были законы общества переходного периода, который затянулся вплоть до ликвидации маньчжурского владычества (начало XX в.).

К XVII в. буддийская религиозная идеология, проникая в монгольскую среду, способствовала укреплению идеи общемонгольского единства, создавая некоторую основу для преодоления раздробленности и объединения страны. Поэтому наиболее значительные летописи монгольского народа были созданы именно в этот период: «Эрдэнийн Тобчи» ордосского князя Саган-Сэцэна (Санан-Сэцэн) и «Алтан Тобчи» неизвестного автора.

Эти летописи переводились на немецкий, русский языки рядом авторов, в первую очередь основоположником российского монголоведения, немцем на службе у российского государства И. Я. Шмидтом, бурятом Галсаном Гомбоевым. Летопись «Эрдэнийн Тобчи», завершенная в 1663 г., богата фактическим материалом, особенно в отношении событий XV–XVI вв., для изучения которых она являлась основным источником.

Летопись «Алтан Тобчи» была, по-видимому, написана в начале XVII в. В одном из вариантов летописи упоминается имя минского императора Тянь Ци (1621–1627 гг.), что позволяет установить дату составления летописи — первая четверть XVII в. Сведения, содержащиеся в обеих летописях, во многом сходны. Так, оба летописца использовали в качестве источника написания «Сокровенное сказание». Но в «Алтан Тобчи» имеется ряд подробностей, которых нет у Саган-Сэцэна.

Кроме этих двух летописей следует упомянуть «Шара-туджи» и «Алтан Тобчи» ламы Лубсан Данзана. «Шара-туджи» составлялась, по-видимому, не одним автором, а несколькими, и пополнялась в течение довольно продолжительного времени. Она послужила одним из источников Саган-Сэцэну, о чем тот и упомянул в своей летописи.

В то же время в генеалогических таблицах, составляющих часть «Шара-туджи», упоминаются имена князей, живших в самом конце XVII в. Ценность «Шара-туджи» определяется сведениями о монгольских, в том числе ойратских, племенах и подробными генеалогическими таблицами княжеских родов.

В летописи ламы Лубсан Данзана сохранилась значительная часть краткой редакции «Сокровенного сказания». До выявления этой летописи «Сокровенное сказание» было известно лишь в фонетической записи китайскими иероглифами. Кроме того, летопись содержит ряд сведений из других старинных хроник, до нас не дошедших. Один из переводов и комментариев был осуществлен советским монголоведом Н. П. Шастиной.

Современную монголоведную историографию пополнил выдающийся труд XIX века — летопись «Эрдэнийн эрх хэмээх туух дэвтэр» («История, именуемая Эрдэнийн эрхэ»), занимающая по значимости одно из первых мест

среди монгольских исторических сочинений. Этот труд исследовал, дал комментированный перевод на русский язык П. Б. Балданжапов. В 2012 г. эта летопись была доработана и издана источниковедом, профессором-монголоведом Ц. П. Ванчиковой. Помимо огромной научной важности этого труда для изучения истории средневековой истории монголов автором осуществлен скрупулезный источниковедческий и историографический анализ монгольских летописей этого периода истории.

Вышеперечисленные уложения, юридически закреплявшие уже сложившиеся в монгольском обществе раннефеодальные отношения, отражали, по мнению академика Б. Я. Владимирцова, «степное феодальное право, получившее санкции закона». В их основе лежали три цели: урегулировать внутренние взаимоотношения феодалов и исключить возможность междоусобной борьбы; обеспечить объединение сил и взаимную помощь в борьбе против внешней опасности и укрепить феодальные порядки и власть ханов и князей.

Первые регулярные сведения о Монголии и монгольских народностях в российском источниковедении относятся к первой половине XVII в. Российская историография Монголии, подкрепленная документальными источниками, начинается со второй половины XVII в. С созданием в 1724 г. Российской академии наук вопросам собирания письменных памятников народов Востока стало уделяться значительное внимание.

В течение 18-го столетия в штате Академии наук монголистов не было. Однако собирание лингвистического, исторического, этнографического материала, посвященного истории монголоязычных народов в XVIII в., шло интенсивно. В развитии монголоведения большое значение имели коллекции монгольских рукописей и ксилографов, поступивших в Азиатский музей во второй половине XIX — начале XX в.

Они состояли главным образом из буддийских сочинений. Летописи, памятники феодального права, сочинения по медицине, грамматике и т. п. в них встречались очень редко, а произведения народной словесности почти совершенно отсутствовали. Такой состав коллекции следует объяснить тем, что буддийская литература в феодальной Монголии являлась наиболее распространенной. Следует также заметить, что интересы большинства собирателей монгольских письменных памятников в то время ограничивались преимущественно изучением буддизма.

Начальная точка формирования научного монголоведения определяется периодом с 18 июня 1700 г., когда был подписан указ Петра I об отправлении в Тобольск «добрых и ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научиться».

В 1713 г. в Китае Святейшим Синодом Русской православной церкви была учреждена Российская духовная миссия. Задачами миссии первоначально являлись, кроме пастырского окормления православных в Пекине, научная деятельность и осуществление дипломатических функций.

В задачи членов Пекинской духовной миссии входило изучение маньчжурского, китайского и монгольского языков, а также истории, культуры и религии Китая. Светскими членами миссии назначались молодые люди из числа студентов высших учебных заведений и Духовной академии. Занятия для студентов проводились с учетом их знаний, желания и способностей; они изучали медицину, математику, литературу и философию, систему Конфуция, историю, географию, статистику и юриспруденцию китайского государства.

Благодаря Пекинской миссии в России стали известны имена первых видных ученых-синологов: И. К. Рассохин (1707–1761), А. Л. Леонтьев (1716–1786), И. Я. Бичурин (1777–1853), О. М. Ковалевский (1800–1878), И. П. Войцеховский (1793–1850), И. И. Захаров (1814–1885), П. И. Кафаров (1817–1878), В. П. Васильев (1818–1900). Их научное наследие в настоящее время заслуживает внимания российских китаеведов и монголоведов. В своих трудах по истории Китая они упоминают и Монголию.

Открытие в Пекине Русской духовной миссии и первые экспедиции, организованные Российской академией наук, в сопредельные с Монголией районы Сибири положили начало научного интереса к истории и культуре монгольских народов. Духовная миссия в этих условиях становится важным центром научного изучения Китая и входящей в нее Монголии. Просветительская работа священнослужителей и научных сотрудников 20 духовных миссий в Китае до 1956 г. посвящена исследованиям страны и смежных азиатских стран.

Китаист (синолог) и монголовед Никита Яковлевич (Иакинф) Бичурин (наст. фамилия — Пичуринский) (1777–1853) в составе IX Духовной миссии пробыл в Китае 14 лет (1807–1821). Опубликованные им в 1828 г. два тома «Записок о Монголии», а также «Описание Тибета в нынешнем его состоянии» написаны на основе личных впечатлений и китайских источников и стали широко известны в академических и дипломатических кругах петербургской и российской общественности. В декабре 1828 г. он избирается членом-корреспондентом Российской императорской академии наук по разряду литературы и древностей Востока, что явилось высоким признанием его востоковедных открытий. В эти годы научные труды Н. Я. Бичурина получили признание и за рубежом. В 1831 г. он был избран действительным членом Азиатского общества в Париже. Большое влияние в формирующейся монголоведной науке оказал труд Н. Я. Бичурина «История первых четырех ханов из дома Чингисова», изданный в 1829 г. в Петербурге. Из написанных Н. Я. Бичуриным 15 больших монографий и множества журнальных статей, рецензий и обзоров 4 посвящены Монголии и истории монгольских народностей.

Н. Я. Бичурин занимался преподавательской деятельностью, подготовкой квалифицированных кадров переводчиков с китайского, монгольского, тибетского и маньчжурского языков в монгольской школе при Иркутском Вознесенском монастыре, набирая слушателей из учеников или причетников для учебы в Пекине. Н. Я. Бичурин оказывал помощь и в организации и работе Кяхтинского (Троицкосавского) училища для овладения учениками китайским языком.

В последней книге «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», над которой работал в течение трех лет, будучи в преклонном возрасте и тяжело больным, он сумел описать огромный исторический период и опубликовать массу этнографических сведений. Особым событием в его жизни стало издание труда «Историческое обозрение ойратов и калмыков с 15-го столетия до настоящего времени». Как указывал автор в кратком предисловии к работе, его труд представляет собой приведенную в хронологическом изложении историю ойратов и калмыков со времени падения Юаньской династии в Китае (1368) и до начала 19-го столетия. За эту книгу Иакинфу Бичурину была присуждена почетная в то время Демидовская премия. (Эту премию присуждала Петербургская академия наук в 1832–1865 гг. за выдающиеся труды в области науки, техники и искусства).

Для подготовки квалифицированных кадров переводчиков и толмачей большое значение имело открытие в 1725 г. при Вознесенском монастыре «Мунгальско-русской школы», явившейся первым монголоведным учебным заведением в Сибири и России.

С этого момента в Восточной Сибири подготовка специалистов в области монгольского языка в течение длительного периода будет связана с деятельностью Русской православной церкви. Исходя из партийной цензуры ее миссионерская деятельность не являлась предметом серьезного изучения среди советских историков. В последние десятилетия XX в. этот вопрос активно исследуется восточносибирскими историками, православоведами, священнослужителями, выходит ряд публикаций по этой тематике, защищаются диссертации.

Донесения послов и прежде всего включенные в них сведения географического характера послужили материалом для составления первых карт Сибири, на которые была нанесена и Монголия. Первая такая карта, составленная при участии тобольского воеводы П. Годунова, появилась в 1697 г. Еще более точно земли монголов были изображены на выполненной в 1701 г. карте С. Ремезова. Путевые заметки российских дипломатов Н. Спафария, Ю. Крижанича подвели итог и завершали первый этап накопления сведений и практического знакомства с новыми соседями на восточных рубежах России.

Исторические и этнографические материалы петровских сподвижников позволили начать научное изучение Сибирского и смежных с ним приграничных регионов. Этот процесс необходимо связать с командированием в Сибирь непосредственно Петром I в 7-летнюю (1720–1727) поездку по Сибирскому краю до Забайкалья немца по рождению Даниила Готлиба Мессершмидта.

В ходе поездки им были составлены первые научные описания сибирских земель (1723–1725 гг.), записана диалектная речь аборигенов, зафиксированная от качугских бурят-эхиритов, всего 195 слов. За это время исследователь собрал большое количество естественно-исторических, этнографических и картографических материалов на территории, населенной монгольскими племенами.

Нельзя не упомянуть и имя крупнейшего исследователя Сибири и инородческих народов Иоганна Георга Гмелина (1709–1755), который хотя и не имел непосредственных контактов с монголами, но во время экспедиций посетил районы Западной и Восточной Сибири, граничащие с монгольскими княжествами. И. Г. Гмелин описал на немецком языке быт и историю бурят, входивших самым непосредственным образом в монгольскую этносферу. В естественно-историческом плане заслуживает внимания его труд «Флора Сибири» о природно-климатических особенностях Сибири в четырех томах.

Огромное место в ориенталистской науке Евразии занимает Герхард Фридрих Миллер (1705–1783), немецкий ученый, принявший подданство России. В ходе десятилетнего (1733–1743) пребывания в Сибири собрал и обработал массу ценных сведений об этнографии инородцев, местной археологии и современном состоянии Сибирского края и прилегающих азиатских регионов. Особенно важна была вывезенная Миллером громадная коллекция архивных документов, и если сам он использовал только ничтожную часть их, то в дальнейшем ученые изучали и продолжают изучать их. Собранные Г. Ф. Миллером копии документов по русской, монгольской, тангутской и других историй составили т. н. «Портфели Миллера» (всего 258). Здесь привлекают внимание впервые опубликованные сведения о взаимоотношениях русских с западными монголами, в частности с Алтан-ханами, джунгарскими ханствами. Г. Ф. Мил-

лер собрал значительный материал по этнографии и языкам сибирских народов, в том числе и бурят. В «латинско-татарско-аринско-котско-камасинско-бурятский словарь» включено около 300 бурятских слов, зафиксированных им в 1735 г. В 1750 г. издан первый том «Описания Сибирского царства» — «первый правильный ученый труд по сибирской истории» (Пыпин). 2-й том лишь в отрывках опубликован в «Sammlung russisch. Geschichte» и «Ежемесячных Сочинениях».

Вся схема истории Сибири, созданная Г. Ф. Миллером, была подчинена «доказательству государственной целесообразности ее захвата, утверждению плодотворности самодержавного начала... Обоснованная им канва правительственной и отчасти промышленной колонизации Сибири оказала огромное влияние на официальную дворянскую и буржуазную историографию вплоть до XX века».

Изучив колоссальный материал, Г. Ф. Миллер лишь восстановил исторические события, но не сумел обобщить и систематизировать. Философия истории оказалась чуждой Г. Ф. Миллеру. В сибирской историографии он запомнился как историк-собираатель фактов.

Историческая работа Миллера состояла из 23 глав, в «Описание Сибирского царства» вошло только шесть глав, а остальные 17 глав были переданы академику Иоганну Фишеру с просьбой проанализировать эту работу в сокращенном виде и продолжить.

Во второй половине XVIII в. И. Е. Фишер опубликовал «Сибирскую историю с самого открытия», где прослеживалась общая картина исторических взаимоотношений кочевых народов центральноазиатских степей и аборигенов таежной Сибири. Но это был плагиат, а имя Г. Ф. Миллера не упоминалось.

О коренных народах Сибири к тому времени появляется большое количество письменных и устных сведений. О них писали казацкие атаманы, государственные служилые люди, члены различных научных экспедиций и духовных миссий. Тогда еще не были обнаружены многие монгольские летописи и сказания. Ориенталисты Европы и России писали о Сибири, Забайкалье и Монголии, неведомой для европейской цивилизации буддистской религии главным образом по китайским и санскритским сочинениям.

В трудах этих ученых изложена история завоевания Сибири, обнаружены многие архивные документы из истории сибирских городов о монголах и их связях с русскими. Все они написаны под великодержавным углом зрения, в соответствии с которым выдвигался тезис о сопротивлении «диких сибирских племен» культурной миссии колонизаторов, которые якобы пытались приобщить их к благам цивилизации. Несмотря на подобного рода «цивилизационные» измышления, в работах Г. Д. Миллера и И. Е. Фишера достаточно много сведений о деятельности русских атаманов в приграничной с Россией Северо-Западной Монголии.

В 1768–1774 гг. в Сибирь совершает свое путешествие знаменитый естествоиспытатель академик Петр Симон Паллас (1741–1811). В результате были опубликованы его труды по зоологии, палеонтологии, ботанике, этнографии и др. Впервые в цельном виде были описаны природа и климат Сибири в работе «Флора России». Во время экспедиций П. С. Паллас побывал на монгольской границе в Кяхте. Для нас являются интересными его материалы по истории, этнографии, языкам народов Сибири. Гуманитарные изыскания ученого были отражены в «Путешествии по разным провинциям Российской империи».

К числу важнейших сочинений Палласа, изданных на европейских и немецком языках, относится большое количество работ. Двухтомное сочинение П. С. Палласа «Собрание исторических сведений о монгольских народностях», изданное на немецком языке, было посвящено истории и этнографии калмыков на Волге и монголов, преимущественно их западной ветви — ойратов. П. С. Палласа интересовал и бурятский язык. В его монографии «Сравнительные словари всех языков и наречий» (1787) содержится около 200 бурятских слов. Были собраны также ценные рукописные материалы других авторов.

Труды академиков Г. Ф. Миллера, И. Е. Фишера и П. С. Палласа положили начало научному изучению Монголии, хотя они не знали монгольского языка и находились в полной зависимости от своих переводчиков, знания которых не всегда были на высоте.

Основы научного монголоведения, понимаемые нами в европейской транскрипции, заложил представитель немецкой, а затем и российской академической науки Исаак Якоб Шмидт (1779–1847). Немец по происхождению, он приехал в Россию из Голландии в 19-летнем возрасте по делам торговой конторы. Он пробыл три года среди калмыков, изучил их язык и быт, а в дальнейшем стал уделять внимание Монголии. Библиография его трудов только на немецком языке громадна не только для того времени, но и для начала XXI в. В 1812 г. он возвращается в Петербург и для Библейского общества переводит на монгольский язык Новый Завет. Затем полностью занимается переводческой и научной деятельностью в области монголоведения и тибетологии.

В 1827 г. под наблюдением академика И. Я. Шмидта два хоринских бурята, Бадма Моршунаев и Номто Унагаев, работали над переводом Нового Завета на монголо-бурятский язык в Петербурге. Он был издан в типографии Библейского общества тиражом 2000 экземпляров. Святейший Синод отправил перевод Нового Завета в Иркутск в 1827 г. в пяти экземплярах для сличения его с русским переводом. Затем была подготовлена и опубликована «Монгольская грамматика» (1831) на немецком и русском языках.

Важным событием в истории монголоведения стало издание первой в России «Грамматики монгольского языка» (в 1831 г. — на немецком, а в 1832 г. — на русском) и краткого «Монголо-немецко-русского словаря или лексикона» в 1835 г. И. Я. Шмидта. Занимаясь изучением монгольской литературы, он опубликовал в 1839 г. перевод пекинской версии монгольского эпоса «Гэсэр».

И. Я. Шмидт, издав тексты монгольского эпоса «Гэсэриада» и исторического сочинения Саган-Сэцэна, дал начало монументальным исследованиям монгольской филологии. При оценке вклада И. Я. Шмидта в российское монголоведение необходимо учитывать и точку зрения источниковеда Н. П. Шастиной, что качество переводов восточных источников было невысоким. Тем не менее он был первым, кто ввел монгольскую историю и филологию в число научных, академических дисциплин.

Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, а также первый академик по монгольским языкам И. Я. Шмидт были учеными иностранного происхождения, но жившими и работавшими в России. В современных условиях необходимо адекватно оценивать роль исследователей того времени. Их информацию необходимо сопоставлять с другими важнейшими источниками монгольских, китайских, арабских и других ученых, интерпретировать в соответствии с современными монголоведческими исследованиями в мировой ориенталистике.

Историография вопроса, посвященная оценке вклада и значения зарубежных ученых и путешественников, исследовавших Сибирь и прилегающие к ней территории и страны, занимает значительное место в советской и российской исторической литературе. Мы должны исходить из того, что они посещали Сибирский регион в различные временные периоды и при этом решали разноплановые цели и задачи. Нельзя не отметить в этих источниках элементы фольклорно-этнографических, исторических и других научных знаний, изложенных с позиций объективизма. В то же время нельзя не отметить и шовинистический взгляд, и самодержавное отношение отдельных ученых к истории коренных народов Сибири, населению прилегающих к ним азиатских территорий.

В середине XVIII в. совершил свое знаменитое путешествие в Тибет бурятский лама Дамба-Даржа Заяев (1711–1776), выдающийся бурятский ученый-монах, которого считают основоположником бурятского буддизма. Он был первым представителем бурят, получившим классическое буддийское образование в Тибете, принявшим обеты и посвящения лично от Панчен-ламы и Далай-ламы. В 1741 г. он смог добиться аудиенции у императрицы Елизаветы Петровны, которая благосклонно отнеслась к его просьбе разрешить свободно распространять буддизм среди бурятских племен. В том же году Елизавета Петровна узаконила 10 имевшихся дацанов и 150 лам и хуvaraков, находившихся при них. С них были сняты повинности и налоги. Им разрешалось обучать буддизму местных кочевников. Это было первым важным событием, способствовавшим признанию буддизма в России.

Д. Д. Заяев становится I Пандито Хамбо ламой России (1764–1776), руководителем буддийской конфессии в Бурятии. Он известен не только как религиозный и общественный деятель, но и как автор первого бурятского географического сочинения — описания своего путешествия в Тибет, написанного в 1768 г. по просьбе и настоянию императрицы Екатерины II. Впервые в научной литературе записки бурятского духовного иерарха были опубликованы видным востоковедом А. М. Позднеевым в его монгольской хрестоматии. Это произведение известно под названием «*Congyol obuy-un blam-a bandida mKhan po Dzaya-gyin Tobed yajar-a yabuysan-u domuy*» (Предание о путешествии в Тибет сонгольского ламы, бандида-хамбо Заяева).

Во второй половине XX в. петербургский монголовед А. Г. Сазыкин осуществил более полный перевод этого произведения на русский язык, отмечая, что А. М. Позднеев перевел лишь часть записок паломника. Как пишет А. Г. Сазыкин в статье «Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамба-Даржа Заяевым», версия А. М. Позднеева структурно выглядит таким образом: 1) краткое изложение результатов путешествия Заяева в Тибет и Монголию, сведения об истории распространения буддизма в Бурятии в середине XVIII в.; 2) описание Тибета; 3) описание Монголии, а также земель и святынь Индии, Непала».

Большой исторический материал о Монголии и Китае начала XIX в. оставил путешественник и исследователь Е. Б. Тимковский, который в качестве пристава X Российской Духовной миссии проехал через Монголию в Китай в период 1820–1821 гг. По возвращении на родину Е. Б. Тимковский опубликовал три тома своего «Путешествия в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг.». Отчет, представленный дипломатом, вызвал большой интерес за рубежом и был издан на французском и английском языках под редакцией Ю. Клапрота.

В процессе складывания юридически оформленных русско-монгольских (цинских) отношений в России появляются переводчики, освоившие монгольский, маньчжурский и китайский языки: И. Йериг, Я. Шмидт, А. Агафонов, Ф. Бакшеев, А. Игумнов, Я. Шишмарев, И. Россохин, Н. Бичурин, А. Бобровников и др.

В современной отечественной монголоведной историографии наблюдается дискуссионная градация истории изучения монгольской этносферы: 1-й этап — формирование российской историографической мысли о Монголии с XVII до начала XX в. (или досоветский, как он назывался в марксистской методологической науке); 2-й этап — история Монголии в XX в.; 3-й этап — период 1990-х гг. до настоящего времени.

На первом этапе периодизации формирования монголоведной историографии выделяются подэтапы: а) с конца XVII в., или со времени правления Петра I и образования Академии наук, до последних годов XVIII в. — начальный этап формирования раннего классического востоковедения и монголоведения. В этот стартовый для востоковедения исторический промежуток времени начинается интенсивный сбор письменных документов славянской культуры, касающихся взаимоотношений с азиатскими странами, а также отбор и классификация восточных рукописей, записывается большое количество изустных фольклорных памятников, как на русском, так и на языках народов Востока. Начинается целенаправленное изучение восточных языков, организуются подготовка и публикация первых словарей с русского на восточные, отчасти на европейские языки, формируются и обучаются кадры квалифицированных специалистов по истории восточных народов. Этот период необходимо характеризовать как время собирания и аккумуляции научных, светско-теологических знаний о восточных народах, в том числе и монголоязычных.

б) с конца XVIII в. до середины XIX в. — характеризуется формированием многонационального по своему составу академического отряда монголоведов: немцы — И. Йериг, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, И. Е. Фишер, И. Я. Шмидт; поляк — О. М. Ковалевский; русские — В. П. Васильев, А. В. Игумнов, А. В. Попов; чуваш — Н. Я. Бичурин, татарин — К. Ф. Голстунский, буряты — Д. Банзаров, Г. Гомбоев, А. А. Бобровников и другие ученые-востоковеды. Необходимо отметить, что российское монголоведение создавалось преимущественно русскими учеными, получившими в подавляющем большинстве образование в российских учебных заведениях. Их труды способствовали развитию российского монголоведения, в дальнейшем крупнейшие российские синологи: П. И. Кафаров, В. П. Васильев, в своих трудах по истории Китая будут уделять внимание изучению Монголии. В этот период, характеризующийся как казанский период монголоведной историографии, завершается формирование основ классического востоковедения и монголоведения.

в) вторая половина XIX в. — I треть XX в. — характеризуется дальнейшим развитием научной деятельности ученых классического дореволюционного монголоведения (петербургский период).

Со второй половины XVIII в. начинается интенсивное изучение природных и сырьевых (пушнина) ресурсов Сибири. В соответствии с этим изменяются направления и спецификации при изучении Сибирского региона и прилегающих к ним монгольских ханств, Центрально-Азиатского региона. Это время характеризуется активными путешествиями и открытиями российских ученых: Н. М. Пржевальского, Д. А. Клеменца, В. В. Радлова, А. М. Позднеева,

П. К. Козлова, В. И. Роборовского и др. Значительно расширяются географические знания о Центральной Азии, ее восточной части, народах, населяющих этот регион. В академическом монголоведении становятся известными имена бурятских ученых: Г. Ц. Цыбикова, Ц. Ж. Жамцарано, Б. Б. Барадина, Э.-Д. Ринчино, М. Н. Хангалова и др. Своего наивысшего расцвета российское монголоведение достигает в XIX в. Бурное развитие монголоведения в России связано с XIX в., когда возникают первые в мире университетские кафедры монгольского языка и академические центры, сформировались школы монголоведов.

Эволюции российского востоковедения способствовал период XVII–XIX вв. В это время сформировалась российская школа монголоведения, появились исследователи широкого направления, знатоки не только монгольских, но и других восточных языков. Процесс формирования российского научного монголоведения в XIX в. шел параллельно с основными отечественными востоковедными направлениями и достиг мирового уровня.

В то же время период XVII–XVIII вв. в истории Центральной Азии был связан с захватами Монголии маньчжурами. В отечественной историографии по проблемам антиманьчжурской борьбы и правления Цинов в Монголии определена следующая периодизация: первый этап национально-освободительного движения включает 1616–1636 гг. В эти годы борьбу против маньчжурской экспансии вели южные монголы во главе с чахарским Лигдэн-ханом, номинально выступавшим наследником престола всемонгольского хагана. Второй этап — 1637–1691 гг. На этом этапе велась борьба за создание общемонгольского антиманьчжурского фронта в целях объединения всех патриотических сил. Произошли драматические события, перечеркнувшие идею объединения и приведшие к ее полному краху, в конечном итоге к установлению господства Цинов в Халхе. Третий этап охватывает период с конца XVII в. до середины XVIII в., когда западные монголы (ойраты) развернули вооруженную борьбу против цинских захватчиков и продолжительное время успешно противостояли их натискам. Это были широкомасштабные движения в Джунгарии и Халхе под руководством Амарсаны и Чингужава, вошедшие в летопись героической борьбы монгольского народа в средневековье и Новое время.

Восстания монголов XVIII в. под руководством выдающихся антиманьчжурских деятелей Чингужава и Амарсаны нашли большое отражение в устном народном творчестве, фольклоре, зафиксированы в преданиях и легендах, которые уже во второй половине XIX в. были записаны выдающимися российскими географами, путешественниками, фольклористами: Г. Н. Потаниным, А. М. Позднеевым, Б. Я. Владимирцовым, А. В. Бурдуковым и др. Народные предания об Амарсане и Чингужаве являются ценным источниковым материалом для изучения освободительного движения монгольского народа в XVII–XIX вв.

В историографическом анализе монголоведных работ российских ученых о Монголии, входящих в хронологию рассматриваемых исторических событий, нашли отражение дискуссионные вопросы, которые необходимо подразделить на ряд блоков: 1) восстановление и развитие исторических контактов России с государственными образованиями многочисленных народов, населяющих территорию Сибири, Монголии и Китая, прерванных в период XV–XVII вв. и связанных с падением династии чингисидов; 2) историография собственной истории народов этого региона; 3) национально-освободительное движение мон-

гольских народов против захвата Цинами; 4) успехи и проблемы российской историографии о событиях данного времени

Казанский период

В первой половине XIX в. формируется высшая востоковедная школа в России. Главной особенностью этого процесса стало развитие системы востоковедного образования и науки о Востоке в Казани, ставшей важным востоковедным центром России для изучения тюркологии, арабистики, монголистики и других азиатских дисциплин.

Задача подготовки квалифицированных кадров для работы в Цинском Китае и входившей в ее состав Монголии была поставлена перед руководством Казанского университета. С подачи и протекции Н. И. Лобачевского и М. Н. Мусин-Пушкина были командированы в Восточную Сибирь, Иркутск для изучения монгольского языка Осип Михайлович Ковалевский (1801–1878) и Александр Васильевич Попов (1808–1880), пробывшие там с 1828 по 1833 г. Изучение монгольского языка молодые исследователи начали в Иркутске под руководством А. В. Игумнова (1761–1834). Обучаясь монгольскому языку, О. М. Ковалевский и А. В. Попов были в числе первых собирателей и исследователей бурятского и монгольского фольклора. В июне 1833 г. после собеседования с ними академик И. Я. Шмидт был поражен знаниями восточных языков этими соискателями.

Стоявший у истоков формирования классического университетского монголоведного образования в России О. М. Ковалевский из-за участия в тайном обществе в 1824 г. в ходе польского восстания против царского правительства был сослан в Казань. В формирующемся центре российского востоковедения в Казанском университете он был привлечен к изучению тюркских и монгольских языков. В ходе совместной поездки с А. В. Поповым в Забайкалье и Монголию с 1828 по 1833 г. О. М. Ковалевский в течение 7 месяцев в 1830–1831 гг. находился с учебно-ознакомительной целью в Пекине. Там ученый провел поистине творческую работу, овладевая языком и культурой неведомой страны, приобрел для библиотеки Казанского университета сто восемьдесят девять сочинений в 1 433 томах, в том числе 48 рукописей.

Первой казанской публикацией О. М. Ковалевского после возвращения из Забайкалья и Монголии стал «Каталог по санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям в библиотеке Императорского Казанского университета».

25 июля 1833 г. в Казанском университете была учреждена первая в России и Европе кафедра монгольского языка. 11 сентября 1833 г. О. М. Ковалевский впервые в истории высших учебных заведений Европы начал преподавание монгольского языка. Ординарные профессора кафедры монгольского языка О. М. Ковалевский и А. В. Попов явились основателями научного университетского монголоведения в Казани и России. Под их руководством на кафедре монгольского языка (где помимо монгольского языка и истории преподавался санскрит) в Казанском университете обучались востоковеды А. А. Бобровников, Д. Банзаров, Г. Гомбоев и др.

Большое научное значение в развитии монголоведения в то время имели труды О. М. Ковалевского по монгольской филологии, заложившие основы классического светского, европеизированного монгольского языка. О. М. Кова-

левский мечтал создать многотомный толковый словарь монгольского языка, мечтал о специализированных отраслевых словарях. Привезенные из Монголии и Китая материалы позволили уже в 1835 г. опубликовать «Краткую грамматику монгольского книжного языка», в том же году вышел первый том «Монгольской хрестоматии». Второй том был напечатан в 1837 г. одновременно с «Буддийской космогонией». В основу его работы «Буддийская космогония» была положена ценная рукопись «Сущность всего необходимого». Опираясь на тибетские и монгольские источники, О. М. Ковалевский излагал суть представлений буддистов о космосе, земле, солнце, звездах, воде, воздухе, а также борьбе между духом и материей. Главным трудом Ковалевского, не утратившим значения и поныне, является трехязычный «Dictionnaire mongol-russe-français» («Монгольско-русско-французский словарь» (т. 1. — 1844, т. 2. — 1846, т. 3 — 1849), за что О. М. Ковалевский обрел мировую славу. Библиография его монголоведных трудов обширна. Этапы научной деятельности О. М. Ковалевского в монголоведной историографии хронологически подразделяют на: 1) конец XIX — начало XX в., 2) 30–50-е гг. и 3) 70–90-е гг. XX в.

О. М. Ковалевский в 1835–1860 гг. был профессором Казанского университета, в 1855–1860 гг. являлся ректором университета. Научные достижения по монголоведению О. М. Ковалевского были высоко оценены в России и за рубежом. Он являлся почетным членом Азиатского общества в Париже (1839), действительным членом Императорского общества истории и древностей российских (1840), членом-корреспондентом (1837) Петербургской академии наук, в 1847 г. был избран ординарным академиком, но не был утвержден императором Николаем I.

В одном ряду с именем О. М. Ковалевского стоит и имя его сподвижника и коллеги А. В. Попова. Он окончил курс в Казанском университете по разряду восточной словесности и был отправлен для изучения монгольского языка в Восточную Сибирь вместе с О. М. Ковалевским. Был профессором монгольского языка в Казанском университете и профессором калмыцкого языка и словесности в Санкт-Петербургском университете. В 1860 г. Попов был назначен инспектором училищ Западной Сибири. Им были опубликованы следующие работы: 1) «Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку». Ч. 1, 2; 2) «Арифметика на монгольском языке». Итогом плодотворной работы А. В. Попова явилось издание в 1848 г. «Граматики калмыцкого языка», удостоенной Академией наук Демидовской премией, и другие востоковедные труды.

Поиски россиянами сухопутных путей в Китай через западносибирский, а затем восточносибирский регионы и Монголию требовали подготовки квалифицированных кадров, владеющих языками. Для этого к работе начинают привлекаться представители коренных монголоязычных народов.

Исторически важная роль в выполнении этой миссии выпала на О. М. Ковалевского и А. В. Попова, добившихся принятия для учебы в Казанскую гимназию, а затем университет четырех бурятских мальчиков, представителей инородческого сословия казаков. Эта группа прибыла в Казань для обучения 25 января 1836 г. в сопровождении буддийского ламы Галсана Никитуева. Среди них был мальчик Доржи Банзаров. В июне 1842 г. Д. Банзаров окончил гимназию с золотой медалью и правом поступить в университет. В сентябре 1842 г. стал студентом философского факультета, имевшего восточный разряд. 5 июня 1846 г. окончил Казанский университет с золотой медалью. Он изучал восточ-

ные языки: монгольский, калмыцкий, маньчжурский, санскрит, турецкий. Свободно читал на немецком, английском, французском и латинском языках.

Еще в студенческие годы Д. Банзаров написал на монгольском языке для бурят-монголов «Всеобщую географию» и «Грамматику монгольского языка», перевел на монгольский язык с французского «Странствование китайского буддиста IV века Фа-Саня», с маньчжурского «Путешествия Тулишени Аюб хану», с ойратского «Убаши-гун Тайджи», которые, к великому сожалению исследователей, не сохранились.

В 1846 г. Доржи Банзаров окончил Казанский университет, получив диплом кандидата наук за представленную диссертацию «Черная вера, или Шаманство у монголов». Диссертация как одна из лучших в том же году была напечатана в «Ученых записках Казанского университета» (кн. III, 1846. С. 53–120). В этой работе о шаманизме Д. Банзаров затронул сложную и неразработанную тему, о которой ни русские, ни западные ориенталисты не имели ясного и полного представления.

Формируя историографическую и источниковую основы диссертации, он скрупулезно изучал исторические и религиозные документы. Д. Банзаров критически проанализировал сочинения, написанные на русском, монгольском, маньчжурском, китайском, тибетском, немецком, французском и других языках. При разработке теоретических аспектов проблемы, обосновании ее философской концепции для бурятского ученого важное значение имело сочинение знаменитого немецкого ученого А. Гумбольдта «Космос».

Бурятский ученый Б. С. Санжиев писал: «В отличие от Гумбольдта Банзаров в своей диссертации выступил как атеист с материалистическим воззрением: «Черная вера монголов» произошла из того же источника, из которого образовались многие древние религиозные системы: внешний мир — природа, внутренний мир — дух человека, явления того и другого — вот что было источником черной веры... Из этих двух сил, которые руководят народом в стремлении его к верованию, природа сильнее действует на младенствующего человека».

В конце XIX в. сибирский историк Г. Н. Потанин, высоко оценив «Черную веру...» Д. Банзарова, поражался той скудости источников, которыми пользовался ее автор. Давая оценку его главного труда «Черная вера, или Шаманство у монголов», П. С. Савельев отмечал: «Так верно, светло, философски понимал свой предмет юный кандидат, только что оставивший университетскую скамью, а десять лет назад — дитя природы, росший среди родных степей. Какая разница между этим разумным «воззрением на шаманство и взглядом покойного отца Иакинфа, который довольствовался извлечением из маньчжурского устава описания обрядов и штата китайских шаманов. Можно подумать, что два писателя о шаманстве имели в виду различную публику, и один писал для Европы, а другой для Пекина, и при том монгол смотрел как европеец, а европеец — как монгол». Закономерной явилась характеристика, данная работе Д. Банзарова крупным исследователем Центральной Азии Г. Н. Потаниным: «Черная вера, или Шаманство у монголов» — до сих пор одно из лучших сочинений о сибирском шаманстве».

Впервые в светской российской и мировой науке в трудах Д. Банзарова были отражены знания о древнейшей системе религиозных верований азиатских народов — шаманизме, ныне определяемой как тэнгэризм или тэнгрианство. Изучение теории и практики тэнгрианства получает в современной теоло-

гической востоковедной науке большое развитие. Анализу подвергается большое фольклорное, эпическое наследие древнейших верований монголоязычного мира, записанное с изустной традиции номадных центральноазиатских, бурят-монгольских сказителей-улигершинов.

В 1847–1849 гг., в период отставки из казачьего сословия, Д. Банзаров вел научные исследования в Азиатском музее Санкт-Петербурга. Был избран членом-корреспондентом Русского археологического общества. В 1850–1855 гг. служил в Иркутске чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве-Амурском. В этот период Банзаров опубликовал труд «Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингис-хана» (1851). В 1851 г. избран членом-корреспондентом Сибирского отдела Русского географического общества. Выполнял разнообразные поручения ВСОРГО.

Вопреки сложившейся неверной в советской историографии точке зрения, что Д. Банзаров не занимался в Иркутске наукой, профессор Б. С. Санжиев отмечает 9 положений, которые он выделил в качестве опровержения данного представления: 1) внес много исправлений на географических картах монгольских названий: жилых мест, гор, рек, озер, но не успел завершить начатое дело; 2) отлично пояснил на карте пункты китайской границы в соответствии с российскими и маньчжурскими данными; 3) совершал поездки в Тункинский край для исследования происхождения сойотов и их соседей урянхайцев (тувинцев); 4) занимался изучением древних надписей Мангутской пещеры; 5) открыл место рождения Чингисхана в пределах России — недалеко от «Большого острова» (Ехе Арал) по р. Онон — Делюн — Болдок, на правом берегу реки, в семи верстах выше ее течения и трех верстах от Кочуевского караула; 6) изучал историю перехода различных монгольских племен через границы в сторону Байкала; 7) на полях многих книг сделал многочисленные исправления и переводы к монгольским текстам и переводам с них академика Шмидта, особенно много исправлений сделано к переводу летописи Санан Сэцэна; 8) исследование «Объяснения монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингис-хана», начатое в Петербурге, завершённое в Иркутске; 9) «Путешествие Зая-хамбы в Тибет» перевел с монгольского».

Известный востоковед, председатель Российского археологического общества того времени П. С. Савельев писал: «Как исследователь среднеазиатской древности он заслужил себе место между европейскими ориенталистами; как бурят показал, что дарования и просвещение могут быть уделом и этого поколения, которое с гордостью может приводить его имя как своего представителя в области науки. Блеск примечательной личности отражается и на народе, и буряты отныне приобрели право на большое внимание потому, что из их среды вышел Доржи Банзаров.

П. С. Савельевым были изданы в 1856 г. письма Д. Банзарова (Труды Восточного отделения Археологического общества). Т. III с приложением его портрета, снятого дагерротипным способом в 1848 г. во время его шестимесячного пребывания в Петербурге. Богатый исследовательский материал по научному наследию первого бурятского ученого дают проводимые по линии Института монголоведения, буддологии, тибетологии Бурятского научного центра «Банзаровские чтения»; а также проведенные по линии Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова, а теперь Бурятского государственного университета научные конференции им. Д. Банзарова. В 1947 г.

именем Доржи Банзарова назван Бурятский государственный педагогический институт, ныне — Бурятский государственный университет. В 1957 г. перед зданием института был установлен памятник работы скульпторов А. Р. Вампилова и А. И. Тимина. Именем Доржи Банзарова названы улицы в Бурятии, в Улан-Удэ. В родном районе республики установлено еще два памятника. Научное и мемуарное наследие первого бурятского ученого представлено обширной библиографией.

Современником и наставником Д. Банзарова был его земляк — гецул лама Галсан Гомбоев. Назначенный комнатным надзирателем, он в первую очередь должен был преподавать восточные языки воспитанникам гимназии. Г. Гомбоев не только учил, но учился сам, слушал лекции О. М. Ковалевского, а с осени 1843 г. вместе с Д. Банзаровым начинает овладевать санскритским языком. 22 сентября Г. Гомбоев получил от ректора университета Н. И. Лобачевского разрешение на посещение занятий санскритского языка. На этих курсах он знакомится с монголоведом, бурятом по происхождению, А. А. Бобровниковым, дружба с которым продолжится на долгие годы и выльется в творческое содружество.

Годы пребывания Г. Гомбоева в Казани, связанные с преподавательской, а вместе с тем и учебной деятельностью, изменили его, он стал высокообразованным человеком, имеющим высшее светское образование. Становлению Г. Гомбоева как светского преподавателя и ученого способствовала сама атмосфера научных знаний и поиска, присущая в то время Казани, не уступающая европейским высшим учебным заведениям. В Петербурге он был избран членом-корреспондентом восточного отделения Императорского археологического общества, которое издавало свои труды.

В 1857 г. Г. Гомбоев как крупный знаток и выходец из бурятской и монгольской среды, являвшийся в тот период наиболее ярким ее представителем в научной среде России, опубликовал работу «О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини». Работа содержала для того и для нашего времени богатейший письменный материал об истории, этнографии, быте и жизни монголов и охватывала период возрастающих захватов соседних кочевых и земледельческих народов. Галсан Гомбоев активно работает и классифицирует величайший монгольский эпос «Алтан Тобчи». В 1858 г. Г. Гомбоевым в шестой части трудов ВОРАО был опубликован текст и полный перевод анонимной летописи «Алтан Тобчи». Как и все другие монгольские летописи XVII в., она написана в тот период, когда буддийская религия утвердилась в Монголии. В этом же 1858 г. Г. Гомбоев переводит монгольскую повесть «Ар-джи Бурджи», в то же время трудится над объяснениями «Семипалатинских древностей». В 1862 г. он переводит с комментариями монгольский текст по рукописи Азиатского музея АН о древнемонгольском гадании по кости «Долуну-Чуган». Поводом к изданию этого сочинения послужили известия Палласа, в которых обращается особое внимание на гадание на лопатке, встречающееся не только у монголов и калмыков.

Выходцами из среды крещеных инородцев были отец и сын Бобровниковы. Видный востоковед Алексей Алексеевич Бобровников в Казани продолжил научно-методическую работу отца, крещеного бурята Александра Бобровникова, который, прекрасно зная бурятский и монгольский языки, бурятские народно-эпические произведения, написал методическое пособие «Грамматика монгольского языка, сочиненная протоиереем Иркутской епархии Александром

Бобровниковым». Его грамматика, хотя и написана в далекой от научных центров периферии, представляет собой интересное и презентабельное описание грамматического строя письменного монгольского языка с элементами живой разговорной речи.

В первой половине XIX в. развитие востоковедения в России шло скорее вширь. Этот процесс, напрямую связанный с развитием университетского востоковедного образования, к середине XIX в. исчерпал себя, не разрешив вопроса относительно программы подготовки востоковедов в учебных заведениях страны.

Кафедра монгольского языка Казанского университета, утвержденная 25 июля 1833 г., за 22 года существования (1833–1855) провела огромную и весьма плодотворную учебно-педагогическую, методическую и научную работу. Она выполняла функции не только учебного учреждения для подготовки специалистов-монголоведов, но и научного центра для изучения истории, культуры Монголии и всех монголоязычных народов, поэтому выпускники этого высшего учебного заведения стали впоследствии гордостью российской науки.

В первой половине XIX в. сформировалась казанская школа монголоведов, во главе которой стоял профессор О. М. Ковалевский (1800–1878) — основатель научного монголоведения в России. Представителями этой школы были А. В. Попов, А. А. Бобровников, Доржи Банзаров, Галсан Гомбоев, К. Ф. Голстунский, В. П. Васильев и др. У каждого из них была своя судьба и свой нелегкий путь в науку. Но всех их объединяли общие интересы и стремление посвятить себя изучению монгольских языков, истории и культуры Монголии и Центральной Азии. Они своими научными трудами положили начало систематическому изучению монгольского языка в России.

Казанское монголоведение формировалось как наука комплексная. Предметом исследования монголоведов являлись язык, этнография, литература, фольклор, география, религия и история монгольских народов. В русле общей проблематики монголоведы вычленяли их применительно к бурятам, калмыкам. Выделение этих народов как этнических групп было достижением казанского монголоведения, имело существенное значение для научного исследования их культуры, открытия школ, создания учебных пособий, программ, хрестоматий. Эта деятельность монголоведов складывалась вопреки правительственному курсу в области просвещения, так как в правительственной программе образования не предусматривалось изучение и преподавание национальной истории, литературы, культуры и быта. Анализ деятельности Казанской школы монголоведов посвятили свои труды Д. Б. Улымжиев, Р. М. Валеев, О. Н. Полянская и др.

Современное казанское монголоведение разрабатывает новые категорийные оценки истории региона. Значительному пересмотру подвергаются проблемы древней истории, распространение ислама среди народов Волжского и соседних регионов, историческое значение улусов Джучи и Чагатай в истории инородческих народов региона. Огромный блок исследований посвящен разработке проблем тюркологии и др.

Середина XIX в. в российском востоковедении характеризовалась кризисными явлениями, вызванными тем, что университетское научное востоковедение исчерпало себя, не разрешив вопроса относительно программы подготовки востоковедов в учебных заведениях России. В 40-х годах преподавание восточных языков переживало кризис — «тяжелый кризис, связанный в первую оче-

редь с неясностью целей и направлений, по которым должно было развиваться университетское востоковедение».

Петербургский период

Императорским указом 22 октября 1854 г. было решено открыть в Петербургском университете факультет восточных языков. В составе вновь открытого 27 августа 1855 г. факультета среди 9 языковых кафедр были кафедры монгольского, калмыцкого и китайского языков. Преподавателями стали А. В. Попов — история монголов от Чингис-хана до настоящего времени; В. П. Васильев — история маньчжурская; И. Н. Березин — турецкая история (история тюрок); В. П. Васильев — история и литература Китая; И. Н. Березин — джагатайско-татарская литература и т. д.

В читаемые курсы на ФВЯ новым университетским уставом 1863 г. были внесены изменения: образована новая кафедра истории Востока с преподаванием истории семитских народов, истории Северо-Восточной Азии, истории арийских народов Азии; реорганизованы в кафедру монгольской и калмыцкой словесности: а) монгольский язык, б) история монгольской литературы, в) калмыцкое и бурятское наречия; слиты кафедра маньчжурской словесности и кафедра китайской словесности в одну: «китайская и маньчжурская словесность»: а) китайский язык и толкование авторов, б) история китайской литературы, в) маньчжурский язык и история маньчжурской литературы. Но уже в 1864 г. из двух разрядов (монголо-калмыцкого и китайско-маньчжурского) был образован один: китайско-маньчжуро-монгольский.

Открытие кафедры монгольской и калмыцкой словесности на ФВЯ Петербургского университета в 1855 г. А. В. Поповым и К. Ф. Голстунским способствовало изучению и преподаванию востоковедения, совершенствованию существующей школы петербургского монголоведения. В русле оптимизации преподаваемых дисциплин руководством факультета проводится учебно-методическая работа. Для повышения качества преподаваемых дисциплин было необходимо издание учебно-методических пособий, в первую очередь по старописьменному монгольскому языку (грамматика, хрестоматия, словари). Большое внимание уделялось преподаванию калмыцкого языка, так как А. В. Попов и К. Ф. Голстунский были в значительной степени калмыковедами. Привлекались для обучения монгольскому и калмыцкому языкам знатоки живого языка, а также и другим языкам на ФВЯ.

Выдающийся вклад в отечественное монголоведение внес К. Ф. Голстунский (1831–1899), проявивший большой научный интерес к изучению и публикации законодательного сборника монгольской этносферы «"Их цааз" — монголо-ойратский закон 1640 г.», изданного им в Санкт-Петербурге в 1880 г. К. Ф. Голстунский писал: «Ни великая Яса Чингис-хана, ни пайзе, ни ярлыки, ни каноническое буддийское право не были и не могли быть письменными источниками для законов 1640 г. Продолжая развивать свою теорию, он указывал: «Монголо-ойратские законы 1640 года составлялись самостоятельно и имели своим источником, во-первых, устное обычное право, т. е. собрание народных обычаев. Во-вторых, обстоятельства политического и социального положения монголо-ойратов и, в-третьих, может быть, религиозное движение вследствие распространения желтошапочной секты Зункавы».

Многолетняя научно-преподавательская деятельность К. Ф. Голстунского, проработавшего в стенах университета 44 года, была связана с изучением монгольского и особенно калмыцкого языка.

В программу преподавания ученого входили сравнительная грамматика монгольского языка, калмыцкого и бурятского наречий. В качестве учебных пособий служили хрестоматии О. М. Ковалевского и А. В. Попова, главы из исторической летописи Саган Сэцэна (по изданию И. Я. Шмидта), по калмыцкому языку — литографированные издания поэмы «Джангар», истории походов Убаши-хун-тайджи, калмыцких сказок и пословиц и др.

Свою многогранную учебно-педагогическую и административную работу профессор К. Ф. Голстунский успешно сочетал с активной научно-исследовательской деятельностью. Вершиной в монголоведческой научной деятельности проф. К. Ф. Голстунского явился его фундаментальный трехтомный труд «Монгольско-русский словарь», изданный в 1893–1895 гг., где были подведены итоги многолетней востоковедной работы.

В середине XIX в. весьма примечательным было то, что выделение истории Востока в самостоятельную дисциплину в Петербургском университете произошло почти на полвека раньше, чем в Академии наук.

С момента зарождения монгольской филологии и истории на ФВЯ проводились исследования письменных памятников. Собранные печатные монгольские и маньчжурские книги были в любой крупной коллекции и являлись основой любого исследования монгольской истории и литературы.

Во второй половине XIX в. Петербург, где находились Академия наук и Азиатский музей, отделение восточных языков университета, учебное отделение восточных языков Азиатского департамента МИД и Публичная библиотека с богатым собранием восточных книг и рукописей, имел лучшие условия для развития востоковедения и монголоведения. В то же время сосредоточение ориенталистов в одном месте имело отрицательные последствия для развития периферийной востоковедной науки, так как последовала ликвидация востоковедных кафедр и отделений в Казанском университете.

Концентрация востоковедных кадров во второй половине XIX в. в Петербурге имела, кроме недостатков, больше положительный эффект, что можно аргументировать рядом позиций. Это сосредоточение востоковедных кадров ученых, занимавшихся изучением языка, литературы, истории, этнографии, религии и культуры монгольязычных народов, вокруг Петербургского университета, более всего на факультете восточных языков, и в Российской академии наук, ее филиалах (Азиатский музей и др.).

Монголоведение в Петербургском университете, как и другие отрасли востоковедной науки, развивалось совместно с другими научными организациями и центрами аналогичного направления.

В 80-х гг. XIX в. Санкт-Петербургский университет (ФВЯ) и Азиатский музей взаимно дополняли друг друга, что можно было с полным основанием говорить о едином петербургском центре русского научного востоковедения; одни и те же ученые возглавляли кафедры в Академии наук и университете. Это обстоятельство дало основание академику С. Ф. Ольденбургу утверждать, что «факультету в истории русского востоковедения наряду с Академией наук принадлежит, бесспорно, первое место». Этот процесс был связан с общим подъемом востоковедения и монголоведения в России.

Активную преподавательскую работу в этот период вели в Петербургском университете на ФВЯ выдающийся китаевед и маньчжурист, знаток буддизма, конфуцианства и даосизма В. П. Васильев; крупный иранист и тюрколог, историк и филолог И. Н. Березин; основатель русской индологической школы И. П. Минаев; крупный знаток монгольских языков, автор знаменитых словарей (монгольского и калмыцкого) К. Ф. Голстунский, ставший ректором Казанского университета. В период 1855–1857 гг. заведовал кафедрой монгольской и калмыцкой словесности выдающийся монголовед и калмыковед А. В. Попов, работал основатель новой школы русского дореволюционного востоковедения В. Р. Розен и многие другие.

Особо следует отметить научную и административную деятельность крупнейшего русского ученого-востоковеда, выдающегося китаеведа, маньчжуриста и монголоведа В. П. Васильева, которому приписывают успехи факультета восточных языков во второй половине XIX в. Он почти в течение полувека (1855–1900) руководил кафедрой китайско-маньчжурской словесности и был деканом ФВЯ в 1878–1893 гг.

Подводя итоги реформы востоковедного образования, проведенной в 1854–1855 гг., В. В. Григорьев, историк Санкт-Петербургского университета и выдающийся востоковед, имел все основания сказать: «Устроилось в Петербургском университете то, чего нет еще ни в каком другом из университетов Европы и что в таком виде по праву только в России и должно возникнуть». Выдающийся историк-востоковед конца XIX — начала XX в. академик В. В. Бартольд утверждал, что в XIX в. ученые России, может быть, добились более значительных успехов, чем в Западной Европе.

В этот период монголоведение развивалось и в других регионах России. С конца 1840-х гг. Москва вновь начинает играть заметную роль в истории востоковедения, что связано с подъемом ориенталистики в Московском университете и Лазаревском институте восточных языков. В последней трети XIX — начале XX в. Московская школа востоковедения выпустила целую плеяду блестящих ученых. Это Ф. Е. Корш, В. Ф. Миллер, А. Е. Крымский, В. А. Гордлевский, В. Ф. Минорский. Но в целом уровень развития востоковедения в середине XIX в. не отвечал научному потенциалу Москвы. Крупных историков-востоковедов, внесших вклад в развитие востоковедения и монголоведения, в Москве не было.

На начальном гимназическом уровне восточные языки и литература преподавались в армянском училище (создан в 1815 г., преобразован в 1827 г. в Лазаревский институт восточных языков), который был основан на средства богатой армянской семьи Лазаревых (Лазарян). Здесь изучались персидский, турецкий, армянский, азербайджанский, грузинский языки. В 1919 г. Лазаревский институт был переименован в Армянский институт, в 1921 г. — Московский институт востоковедения (существовал до 1954 г.). Это было довольно узконаправленное учебное заведение, занимающееся проблемами истории и филологии народов Кавказского региона и прилегающих к нему местностей.

В этом ряду учебных учреждений, занимавшихся востоковедением, подготовкой кадров ориенталистов, драгоманов, особое место заняло созданное во второй трети второй половины XIX в. учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД. За 27 лет существования курсов их окончили 130 офицеров. Направленность языковой подготовки офицеров была более ориентирована на изучение турецкого, арабского и европейских языков. В некото-

рых ближневосточных странах почти все консульские должности были заняты выпускниками учебного отделения. Только на Дальнем Востоке выпускников учебного отделения почти не было.

6 августа 1845 г. в Петербурге, исходя из практических потребностей экономико-географического развития России, было открыто Русское географическое общество (РГО), 6 июня 1851 г. — Сибирское отделение, в результате чего накоплен значительный источниковый и источниковедческий материал. В 1877 г. был создан Восточно-Сибирский отдел РГО (ВСОИРГО).

Огромную организаторскую работу для исследования центрально-азиатской части Евразии проводил совет РГО, возглавляемый в этот период великим русским географом и общественным деятелем, почетным членом Петербургской АН (1873) и Русского этимологического общества (с 1889 г.), вице-президентом и главой РГО (с 1873 г.) П. П. Семеновым-Тянь-Шанским (до 1906 г. — Семенов). Он бессменно руководил РГО на протяжении более 40 лет, был первым (1856–1857) исследователем Тянь-Шаня. Научная деятельность П. П. Семенова-Тянь-Шанского отражена в многочисленных трудах. В 1851 г. по поручению совета РГО П. П. Семенов приступил к переводу той части 19-томного труда К. Риттера «Землеведение», которая относится к азиатской части России и странам, соседствующим с ней. Первый том (объемом 750 с.) был издан в 1855 г. В него входило описание Монголии, Маньчжурии и Северного Китая.

Деятельность РГО была напрямую связана с изучением истории Центральной Азии и Тибета, что совмещалось с разработкой грандиозных планов проведения полевых комплексных исследований. Пальма первенства в изучении новых территорий принадлежала ученым, путешественникам, деятельность которых была связана с исследованиями в рамках ВСОРГО.

Правительством и РГО широко привлекались люди талантливые, беззаветно преданные науке, отважные и предприимчивые. С первых лет существования РГО ВСОИРГО имел профильную структуру: действовали отделения математической и физической географии, этнографии и статистики, позже переименованные в секции. В 80-90-е гг. XIX в. акцент смещен с естественных на социальные науки, прежде всего на этнографию и экономику.

Тон задают исследователи-областники Г. Н. Потанин (1886–1890), Д. А. Клеменц (1891–1894). Изучение коренного населения Сибири начинает приобретать комплексный характер благодаря исследованиям Н. Н. Агапитова, Н. И. Приклонского, М. Н. Хангалова, И. А. Подгорбунского. Ряд археологических открытий был сделан И. Т. Савенковым, Н. И. Ветковским, А. С. Еленевым.

Благодаря научной работе РГО, деятельности ВСОРГО российской и мировой общественности стали известны имена Н. М. Пржевальского, его учеников и последователей — Г. Н. Потанина, М. В. Певцова, В. И. Роборовского, П. К. Козлова, В. А. Обручева и других, так или иначе изучавших Монголию и Центральную Азию.

Особенно ценным источником для изучения истории и проблем Сибири и Дальнего Востока стал журнал «Сибирский вестник», издававшийся с 1818 г. под редакцией известного в то время историка и археолога Сибири Г. И. Спаского. В последующее время (1825–1827) он публикует новый журнал «Азиатский вестник», на страницах которого печатались материалы по истории народов Сибири и Дальнего Востока, помещались даже отдельные переводы с мон-

гольского языка. Публикации востоковедных материалов, кропотливо собранных сотрудниками Русского географического общества и созданного в 1846 г. Русского археологического общества, явились первыми научными востоковедными изданиями. Это в первую очередь «Записки восточного отделения Русского археологического общества», издаваемые с 1855 г.

Выдающимся монголоведом во второй половине XIX в. по праву считается Н. М. Пржевальский (1839–1888), один из членов РГО. Приехав в Восточно-Сибирский край в 1867 г. для продолжения службы, в Иркутске при содействии ВСОРГО он был командирован в Уссурийский край. С 1877 г. начались «среднеазиатские странствия» Н. М. Пржевальского, составившие целую эпоху в истории изучения Азии. Путешествия Н. М. Пржевальского продолжались до самой его смерти, постигшей в 1888 г. на берегу озера Иссык-Куль.

В результате схождения интересов РГО и Военного министерства было разрешено финансировать трехлетнюю командировку штабс-капитана Пржевальского и подпоручика Пыльцова в Северный Китай. Так началось второе после Уссурийской экспедиции (или первое по Центральной Азии) путешествие Н. М. Пржевальского по Центральной Азии (1870–1885) — феноменальное по длительности и протяженности маршрута (около 12 тыс. км караванного пути). Затем последовали его Лобнорская и Джунгарская экспедиции (1876–1877), а также два путешествия в Тибет (1879–1880; 1883–1885). Последнее путешествие Пржевальскому осуществить не удалось: в ходе его подготовки в 1888 г. Николай Михайлович скоротечной скончался.

Таким образом, Н. М. Пржевальским даны необычайно яркие представления о многих районах, еще не так давно считавшихся «белыми пятнами» на карте Старого Света, а также поразительно живые картины быта и занятий коренного населения степей, пустынь и горных плато Центральной Азии и Тибета. Территории современной Монголии были предметом его научных интересов. В первом путешествии, названном Н. М. Пржевальским «монгольским», путешественник пересекает Монголию от Кяхты до Урги и далее до Калгана. На обратном пути в первом своем путешествии исследователь пересекает территорию Внешней Монголии — от гобийского хребта Хурху до Урги. Заслуга Н. М. Пржевальского состоит в том, что он первым собрал данные о географии, климатологии, растительности, животном мире, хозяйстве и этнографии Центральной Азии, в том числе и Монголии, которые совершенно не были известны в то время мировой науке. Результаты его путешествий обобщены в научных трудах.

В очерке, посвященном 50-летию юбилею РГО, будущий академик В. А. Обручев указывал, что особенность экспедиций Н. М. Пржевальского «состояла в том, что, организуя их по-военному, он не допускал в их состав исследователей, не облеченных в военный мундир, опасаясь с их стороны неповиновения, что могло бы расшатать дисциплину всего отряда».

Военное министерство в связи с повышением интереса к Северо-Западному Китаю и среднеазиатским землям, лежащим на пути в Китай и Индию, обострением нового «восточного кризиса», приведшего к русско-турецкой войне 1877–1878 гг., организует многочисленные экспедиции под командованием офицеров, учеников Н. М. Пржевальского — М. В. Певцова, В. И. Роборовского и П. К. Козлова.

Следует заметить, что это были экспедиции, сформированные по армейскому принципу, с жесткой военной дисциплиной, недопущением гражданских

специалистов, что ограничивало возможности экспедиций, тем не менее это оправдывалось суровыми походными условиями.

Достойное место в этом ряду занимает Михаил Васильевич Певцов (1843—1902 гг.), выдающийся востоковед, географ, путешественник. В 1876 г. молодой офицер был назначен командовать охраной торгового каравана для исследования Джунгарии. Первое путешествие сразу же выдвинуло М. В. Певцова в число выдающихся исследователей Внутренней Азии. В «Путевых очерках Джунгарии», за которые он был награжден малой золотой медалью ИРГО, М. В. Певцов мастерски описал бассейн озера Улюнгура, юго-восточные окраины Алтая и Джунгарскую Гоби. До М. И. Певцова между Булун-тохоем и Гученей не бывал никто из путешественников. Он не только составил превосходное описание пройденных мест, но и положил свой маршрут на карту. В 1878–1879 гг. Русское географическое общество помогло М. В. Певцову осуществить новую, более значительную экспедицию с торговым караваном (в Монголию и Северный Китай). От станции Алтайской через город Кобдо в крупный торговый город Хух-Хото, расположенный к северу от огромной излучины Хуанхэ, лежал путь, который ни разу не был пройден исследователями. М. В. Певцов двинулся вдоль Монгольского Алтая и по южному Хангаю, пересек затем Северную и Восточную Гоби, вернулся через Калган на Ургу и далее через Хангай и котловину Больших Западных озер на Алтай. Весь этот огромный путь был положен на карту. Были барометрически измерены 44 высоты, определены координаты 28 пунктов. Результатом путешествия было и научное объяснение различий ландшафтов Русского и Монгольского Алтая. В 1887 г. М. В. Певцова, уже известного исследователя природы и населения Джунгарии и Монголии, вновь переводят в Петербург. Согласно Петербургскому договору в 1883 г. М. В. Певцов проводил государственную границу с Западным Китаем к востоку от озера Зайсан.

В 1889–1890 гг. М. В. Певцов руководил экспедицией по Восточному Туркестану, Северному Тибету и Джунгарии. Имя М. В. Певцова академик В. А. Обручев поставил в одном ряду с Н. М. Пржевальским и Г. Н. Потаниным.

Всеволод Иванович Роборовский (1856–1910) был увлечен широко освещаемыми в печати географическими открытиями, особенно знаменитым (вторым) Лобнорским путешествием Н. М. Пржевальского в Центральную Азию. В. И. Роборовский, еще не достигший 23-летнего возраста, был принят в свою первую экспедицию — Центральную Азию (1879–1880 гг.). В этой экспедиции он становится вторым помощником Н. М. Пржевальского, который в ходе этого похода, не доходя до Лхасы примерно 200–275 км, повернул обратно. За результаты этой экспедиции Русское географическое общество присудило В. И. Роборовскому «малую золотую медаль». Помимо важнейших картографических материалов В. И. Роборовский привез из этой экспедиции гербарий, включающий 12 000 экземпляров растений, в том числе новые для науки виды.

В своих странствиях В. И. Роборовский взял на себя географически совершенно новую и наиболее трудную часть исследований в высокогорных районах Кунь-Луня и Северного Тибета, проводя работы на высоте свыше 5000 м над уровнем моря. В. И. Роборовский провел исследования и в «низкой» пустыне Такла-Макан, и по южным предгорьям Восточного Тянь-Шаня. За результаты этой экспедиции Роборовский получил от Географического общества самую ценную для него награду — «большую серебряную медаль им. Н. М. Пржевальского».

В Русском географическом обществе В. И. Роборовский по праву занял положение, многие годы принадлежавшее Н. М. Пржевальскому, и Общество справедливо возлагало на него надежды при дальнейшем изучении географии и природы Внутренней Азии. Одной из первоочередных представлялась длительная экспедиция в Восточный (китайский) Тянь-Шань (западная его часть входила в состав России) с проникновением в совершенно неисследованную центральную область Большого Юлдуса. Второй целью было обследование Люкчунской впадины к югу от Турфана, впервые открытой русскими путешественниками — братьями Г. Е. и М. Е. Грумм-Гржимайло в 1889 г. Кроме того, В. И. Роборовский лелеял осуществить мечту Н. М. Пржевальского — пройти из этого горного узла Азии в экзотическую Сычуанскую впадину Китая. В июне 1893 г. экспедиция вышла из Каракола (Иссык-Куль). Люкчунская, или, как ее чаще называют, Турфанская, впадина характеризуется контрастными формами рельефа. К северу от Турфана тянется массивный блок гор Богдо-Ула с несколькими ледниковыми вершинами, достигающими 5600 м, — это обособленная часть Тянь-Шаня.

Тяньшанская часть экспедиции В. И. Роборовского заняла много времени, но и результаты исследований, проведенных им и П. К. Козловым на Юлдусах, Баграш-куле, Лоб-Норе и Люкчуне, были значительными. Созданием Люкчунской метеорологической базы в самом центре Азии этот этап фактически завершался. В. И. Роборовский занялся изучением неизведанного европейцами Наньшаня, пройдя через «Долину бесов» (от сильных ветров здесь постоянно гибли караваны) к г. Хами и далее, пересекая пустынные холмы Бейшаня, достигнув оазиса Са-чжоу. Здесь располагался древний г. Дуньхуан, в окрестностях которого находится пещерный буддийский монастырь со скульптурами и красочной росписью стен пещер, относящейся к VI–XI вв.

Последними маршрутами В. И. Роборовский достиг урочища Юнгы-чунак в верховьях тибетских истоков Хуанхэ (Желтая река). Скорейшее возвращение на родину после почти 3-летней, последней для В. И. Роборовского, экспедиции было предрешиено через пограничный Тарбагатай. Экспедиция вернулась в Россию 21 ноября 1895 г., проделав путь почти в 20 000 км. По всему комплексу научных результатов (географических, зоологических, ботанических, этнографических и т. д.) эта экспедиция В. И. Роборовского вошла в золотой фонд Русского географического общества. За этот подвиг Роборовский был награжден Константиновской медалью — высшей наградой Русского географического общества. Значительная часть материалов обрабатывалась и после его кончины, но часть ботанических и зоологических коллекций не изучена до сих пор.

Во второй половине XIX в. объектом изучения военного востоковедения становится российский Дальний Восток, а также Китай и Япония. Это было связано с активизацией внешней политики России в Азии после Восточной (Крымской) войны.

Одним из активных исследователей Дальневосточного края в конце 60-х гг. был выпускник академии Генерального штаба М. И. Венюков, который в 1857 г. сопровождал генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева на Амур. В последующие годы молодой офицер-исследователь вплотную занялся изучением этого края, получал консультации у известного востоковеда-синолога В. П. Васильева. Результаты экспедиций М. И. Венюкова отражены в ряде публикаций в «Записках ВСОРГО», «Вестнике РГО» и монографических работах.

Но не только Дальневосточный регион территориальных столкновений России, Китая и Японии интересовал тогда царское правительство. Все более притягательными становились районы Северо-Западного Китая и среднеазиатские земли, лежащие на пути в Китай и Индию. Поэтому Военное министерство в связи с повышением интереса к этому региону, обострением нового «восточного кризиса», приведшего к русско-турецкой войне 1877–1878 гг., организует многочисленные экспедиции под командованием офицеров — М. В. Певцова, В. И. Роборовского, П. К. Козлова.

Важную роль в путешествиях Н. М. Пржевальского играл Петр Кузьмич Козлов (1863–1935 гг.), который по своему желанию был призван вольноопределяющимся в армию, для того чтобы получать заработную плату и участвовать в четвертой экспедиции Н. М. Пржевальского, в которую он был зачислен в январе 1883 г.

За долгие годы своей жизни П. К. Козлов принял участие в шести путешествиях, из которых три прошли под его руководством: 1) 1883–1885 гг. (участие в четвертой экспедиции Н. М. Пржевальского); 2) 1889–1890 гг. (участие в тибетской экспедиции М. В. Певцова); 3) 1893–1895 гг. (тибетская экспедиция спутников Н. М. Пржевальского — В. И. Роборовского и П. К. Козлова); 4) 1899–1901 гг. (монголо-тибетская экспедиция); 5) 1907–1909 гг. (монголо-сычуаньская экспедиция); 6) 1923–1926 гг. (монгольская). П. К. Козлов, занимаясь долгое время изучением Монголии, издал ряд книг: «По Монголии до границ Тибета» (1903), «Монголия и Кам» (1905–1906), «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» (1923).

В 80-х гг. XIX в. Военно-ученым комитетом было принято решение о централизованном издании материалов по Азии, собранных русскими офицерами. В 1883 г. начал выходить «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». Поскольку очередные материалы публиковались по мере накопления материала, то строгая периодичность этого издания не соблюдалась. Поначалу количество выпусков в год колебалось от двух до восьми, а с начала XX в. ежегодно был один выпуск. Всего до 1914 г. вышло в свет 87 выпусков.

Основной состав авторов сборника — русские офицеры большей частью Генерального штаба, но иногда печатались и работы выдающихся ученых-востоковедов и путешественников, к примеру, синоведа и монголоведа В. П. Васильева, ирановеда Н. В. Ханькова. Интересными были широко представленные переводы иностранных сочинений по Азии, в первую очередь английских. Во второй половине XIX в. возрастает традиционная конкуренция между Военным министерством и Министерством иностранных дел по поводу научно-исследовательских работ, посвященных освоению новых земель.

Помимо ряда дипломатических миссий под руководством Н. В. Ханькова (Иран и Афганистан) исследования цинского Китая, а через него северо-западной части Монголии проводил талантливый молодой ученый, поручик русской службы, сын казахского султана Чокан Чингисович Валиханов, который пять лет служил в Западносибирском генерал-губернаторстве, побывал в составе экспедиций в Киргизии и Джунгарии. Поездка в Кульджу позволила ему познакомиться с историей, географией и этнографией одной из западных окраин цинского Китая, чему способствовало владение им несколькими восточными языками. В формировании Ч. Ч. Валиханова как ученого большую роль сыграло его общение с передовыми деятелями российской науки и культуры.

Он поддерживал дружеские отношения с Г. Н. Потаниным, И. Н. Березиным, В. П. Васильевым, А. Н. Бекетовым; к его научным трудам проявлял интерес П. П. Семенов-Тянь-Шанский.

Поражает разносторонность этого просветителя-демократа, этнографа, фольклориста, исследователя истории и культуры народов Средней Азии, Казахстана и Западного Китая, прожившего всего 30 лет (1835–1865), оставившего оригинальные образцы станковой живописи и акварели. Научное наследие Ч. Ч. Валиханова насчитывает не один том и вызывает несомненный интерес у востоковедов-монголоведов.

Во второй половине XIX в. установился порядок в деле назначения постоянных послов в иностранных государствах, расширяется сеть дипломатических представительств. После Пекинского договора 1860 г. уже не было оснований возлагать дипломатические обязанности на Духовную миссию. В 1861 г. в Пекине была учреждена дипломатическая миссия России. Духовная (православная) же миссия из «учено-политического устройства», каким она являлась до тех пор, превратилась в учреждение с исключительно религиозными (миссионерскими) функциями и по указу от 5 ноября 1863 г. перешла из ведения МИД в духовное ведомство. В 1863 г. возглавлявший дипломатическую миссию в Пекине министр-резидент был возведен в ранг посланника. Заслуга Российской духовной миссии в установлении дипломатических, политических, культурных, отчасти религиозных связей была более чем значительна. Результатом ее работы явилось издание уже в середине XIX в. четырех томов «Трудов членов Российской духовной миссии в Пекине» (вышли в Петербурге в 1852, 1853, 1857 и 1886 гг.). Они включали в себя исследования и переводы источников. После преобразования Духовной миссии стал издаваться «Восточный сборник» Азиатского департамента для публикаций работ научного содержания, подготовленных служившими на Востоке дипломатами. Но это издание долго не просуществовало, и стоит только гадать, какого научного источника лишились последующие поколения востоковедов. В 1877 г. Азиатским департаментом опубликован первый том описей коллекций своего учебного отделения восточных языков.

Значительную помощь в востоковедных исследованиях второй половины XIX в. оказывают начавшие издаваться еще в 1840 г. в Азиатском департаменте каталоги и описи книжных и рукописных собраний по Востоку. Деятельность в этом направлении была продолжена и в значительной мере расширена в 1860–1919 гг. Кроме этого, МИД России с 1861 по 1816 г. издавал ежегодник, в котором помимо справочных сведений по ведомству иностранных дел печатались также важнейшие документы из политической переписки. Придавалось в этот период особое значение изданию работ, касающихся международных проблем отношения России с Китаем и входящей в ее состав Монголией.

Все подготовленные, как правило, многотомные сочинения исследователей Центрально-Азиатского региона на рубеже XIX–XX вв. поражают своей исчерпывающей полнотой географических описаний отдельных районов Центральной Азии, значительным объемом научных сведений о флоре и фауне данного ареала, уникальностью материалов по этнографии и фольклору. Разумеется, записи и сведения российских путешественников, особенно по устному народному творчеству коренных жителей, нуждаются в обработке. С большой осторожностью следует пользоваться фольклорным материалом, собранным учеными-востоковедами, не обладающими в полной мере филологической под-

готовкой в области восточных языков и вынужденными пользоваться во время экспедиций услугами не всегда квалифицированных переводчиков.

Важную роль в ознакомлении читательских кругов России с достижениями русских путешественников в изучении Центральной и Восточной Азии сыграли российские востоковеды, которые не только писали на их труды обстоятельные рецензии, но и оказывали им конкретную помощь своими советами, переводами, замечаниями относительно транскрипции восточных собственных имен и географических названий.

Во второй половине XIX в. в ориенталистике определилось два направления: история и филология. Несмотря на успехи российского востоковедения, общая политика царского правительства ограничивала поступление в университет представителей «малых народов».

В российской монголоведной историографии не мог остаться без внимания тот факт, что «начиная с XII в. мы видим нарастающую борьбу монгольских племен за политическую власть в Великой степи, которая в основе своей имела, исходя из формационного подхода к мировой истории, экономические, хозяйственные причины. Возросшая борьба за эти возможности во второй половине XII в. и постоянное переподчинение одних групп населения другим свидетельствуют о необходимости усиления социальных функций регулирования ранее полустихийного процесса регулирования хозяйства».

В начале XIII в. вводится особый писанный закон монголов «Великая Яса», который заменяет принципы обычного семейного права, передаваемые из поколения в поколение. «Великая Яса», созданная Чингисханом, является высочайшим правовым, этнографическим, семейным и т. д. письменным источником кочевых народов, изучение которого с новых методологических позиций вернулось в монголоведной науке на стыке XX–XXI вв.

К концу XVIII — началу XIX в. в российской историографии начинается научное изучение проблемы «монголо-татары и Русь». Ее понимание и трактовку выразил Н. М. Карамзин, положивший начало этой историографии, на которого в значительной степени повлияли труды западных и российских ориенталистов. Взгляды Н. М. Карамзина, изложенные им в «Истории государства Российского» и академических конкурсах 1826 и 1832 гг., способствовали исследованию темы «Русь и монголы».

Необходимо согласиться с устоявшейся в отечественной исторической науке точкой зрения о том, что «Карамзин Н. М. первым из историков выделил влияние монгольского нашествия на развитие Руси в большую самостоятельную проблему отечественной науки».

В отношении выдающегося русского историка С. М. Соловьева к русско-монгольской тематике привлекает взвешенность и концептуальность подхода. Исходя из собственной концепции исторического развития России, он отмечает невмешательство монголов (*tatar* — пишет ученый) во внутренние проблемы русских княжеств. Его позиция как ученого по «монгольскому вопросу» была сформулирована в следующих словах: «...историк не имеет права со второй половины XIII в. прерывать естественную нить событий — именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные — и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений».

В своей «Истории России с древнейших времен» великий историк конкретизирует и детализирует эти общие положения. Это выразилось в отсутствии эмоциональных оценок развития научной концепции этого периода, став альтернативой преобладающей до этого точки зрения Карамзина — Френа. Таким образом, взгляд на историческое развитие монгольской Руси С. М. Соловьева явился новой научной концепцией этого периода и стал альтернативой уже существовавшей. Тем не менее не умерла и эта линия, что связано, в частности, с успешным развитием русского востоковедения. Более того, Россия становится единственной страной, где складывается монголистика как самостоятельная научная дисциплина. В середине — второй половине XIX в. известны такие имена, как Н. Я. Бичурин, В. В. Григорьев, В. П. Васильев, И. Н. Березин, П. И. Кафаров, В. Г. Тизенгаузен.

Собственно же «карамзинская» линия нашла наиболее видного представителя в лице Н. И. Костомарова, для которого с завоевания монголов «начался великий переворот русской истории».

С середины XIX в. «монгольский вопрос» становится одной из важнейших тем в востоковедческих и российских медиевистских исследованиях. Насущной становится проблема завоевания Руси кочевниками. Во второй половине XIX в. формируются два магистральных пути его изучения. Первый, восходящий к традициям, заложенным Н. М. Карамзиным и Х. Д. Френом, и представленный рядом крупных монголоведов того времени, исходит из значительной, а временами и всеохватывающей роли монголов в средневековой русской истории. Второй — с именем С. М. Соловьева, а также его продолжателей, среди которых выделяются имена В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, а в первой трети XX в. — М. Н. Покровского и А. Е. Преснякова. Для этих ученых главным остается естественный ход внутренней жизни средневековой Руси, не подверженной, по крайней мере кардинальным образом, изменениям. Так, С. Ф. Платонов считал монгольское иго лишь «случайностью в нашей истории»; поэтому, писал он, «мы можем рассматривать внутреннюю жизнь русского общества в XIII в., не обращая внимания на факт татарского ига».

В начале XX в. начинает формироваться в отдельную отрасль востоковедной науки евразийство.

Сибирское монголоведение на рубеже XIX–XX вв.

Монголоведение в России, помимо Петербургской центральной части, продолжало активно развиваться и на востоке страны. Библиотекой ВСОРГО приобретались монгольские книги, рукописи и проводилась их каталогизация. В 1864 г. этнограф-монголовед Н. К. Стуков составил каталог 39 монгольских и маньчжурских книг с подробным объяснением их содержания. В 1890 г. каталог монгольских, маньчжурских и китайских книг с подробным содержанием был составлен востоковедом А. О. Ивановским. Монгольские книги поступали и после 1890 г., в частности редкие теперь книги, отпечатанные в русско-монгольской и монгольской типографиях в Урге (1912–1919). Библиотека ВСОРГО богата также русской литературой и источниками о Монголии.

В 1888 г. была издана книга З. Матусовского «Географическое описание Китайской империи», в которой Монголии посвящена целая глава. Автор подробно, используя весь объем накопленных к этому времени данных, описывает ее естественные границы. Что касается административных границ, то он пишет: «Административные границы Монголии только на севере и северо-западе со

стороны русских владений совпадают с ее естественными рубежами, в остальных же местах она нередко отступает от них и нередко на весьма значительном расстоянии». При этом он подчеркивает, что «границы Монголии, как и другие территориальные подразделения Китая по административному устройству, могут считаться только приблизительно, так как для точного начертания их не имеется еще достаточно данных».

Конец XIX — начало XX в. характеризуется масштабной научной и общественной деятельностью В. В. Радлова. Другой исследователь Д. А. Клеменц провел не только археологическое, но также географическое и геологическое обследование Монголии. Он был первым и единственным геологом, исколесившим всю Внешнюю Монголию и знавшим ее как никто из современников, все остальные экспедиции или не имели в своем составе геологов, или же исследовали только небольшую часть страны — узкую полосу вдоль своего пути. Клеменц изучил горную страну Хангай и Монгольский Алтай, джунгарскую Гоби, долину озер между Русским Алтаем, Хангаем и Тану-Олу, части бассейна Верхней Толы и верховья Керулена. Он первым отметил былую деятельность вулканов в Монголии и т. д. За труды, посвященные Центральной Азии, РГО наградило Д. А. Клеменца медалью Н. М. Пржевальского.

В конце XIX — начале XX в. активизируется научно-исследовательская деятельность видных востоковедов: Г. Н. Потанина, Д. А. Клеменца, Н. М. Ядринцева, В. А. Обручева, участвовавших в монгольских научных экспедициях, начальный маршрут которых пролегал через Иркутск.

Многие годы правителем дел ВСОРГО был Григорий Николаевич Потанин (1835–1920), крупный ученый, естествоиспытатель и путешественник, исследователь Центральной Азии. Этнографические материалы, собранные Г. Н. Потаниным в первой монгольской экспедиции 1876–1877 гг., составили два тома «Очерков Северо-Западной Монголии». Хотя Г. Н. Потанин не знал монгольского языка, участие его в первой экспедиции монголиста А. М. Позднеева позволило русскому путешественнику собрать ценный материал.

Посещение Г. Н. Потаниным Монголии, а затем Китая (1884–1886) позволило контактировать непосредственно с практиками-востоковедами. В 1893 г. вышла в свет книга Г. Н. Потанина «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия».

Крупные экспедиции совместно с женой А. В. Потаниной, которой впоследствии был установлен памятник в г. Кяхте, Г. Н. Потанин совершил в Центральную Азию: в Тибет, Китай — 1876–1877 гг., 1879–1880 гг., в Центральную Монголию — 1892–1893 гг., на Большой Хинган — 1899 г.

Особенно большое внимание Г. Н. Потанин уделял вопросам этнографии монгольских и тюркских народов, их народному эпосу. Для него на первом месте были вопросы фольклора и духовной культуры. Он привлекал к сбору материала энтузиастов из местного населения, наиболее известным был бурятский этнограф и фольклорист М. Н. Хангалов. Фольклорные записи Г. Н. Потанина были несовершенными из-за переводчиков. Он осознавал недостаток подобных записей, но рассчитывал на удовлетворение первого любопытства и получение первоначальной информации, понимал непригодность их для лингвистов.

Практическое изучение религии, фольклора, литературы привело Г. Н. Потанина к выводу о передаче фольклора от одного народа к другому, убедило в большой общности тем и мотивов народного эпоса. Он ставит вопрос шире и пытается найти следы восточных влияний в фольклоре народов Европы.

Г. Н. Потанину удалось обнаружить многочисленные совпадения и параллели в фольклоре народов Азии и Европы и определить воздействие восточной культуры на духовную культуру Запада. Эта концепция занимала всю его творческую жизнь, и факты, подтверждающие ее, постоянно и живо интересовали его. Более 40 лет Г. Н. Потанин посвятил работе над книгой «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» (1899).

В конце XIX в. выделяется два подхода, два направления, во главе каждой стоит знаковая фигура: Г. Н. Потанин и Н. М. Пржевальский. Подход Г. Н. Потанина — это «взгляд изнутри» на восточное общество, взгляд доброжелательный и пытливый. В суждениях и наблюдениях Н. М. Пржевальского, при описании местных народов, их хозяйства и быта, проявляется отчужденность и высокомерие европейца — это подход «внешних наблюдений», взгляд постороннего наблюдателя. Н. М. Пржевальский на одном из заседаний Географического общества подверг сомнению способность кочевников к социальному прогрессу, к культурному развитию. Г. Н. Потанин, напротив, рассматривал мир как оригинальное общество, не просто жизнеспособное, но и способное к развитию и имеющее самобытную историю.

Это были два принципиально разных типа личности. Пржевальский был человеком жестким и властным, а Потанин — мягким, доступным в общении, не практичным в быту. Экспедиции Пржевальского больше напоминали военные походы, они выражали военные и политические стремления России, а Потанина — миролюбивые путешествия. Отчеты Пржевальского написаны ярко, размашисто, а у Потанина путешествия описаны сухо, перенасыщены деталями и научными терминами. Если Н. М. Пржевальский видел в Азии прежде всего дикую природу, неосвоенные и необжитые европейцами земли, то Г. Н. Потанин смотрел на Центральную Азию как на живой музей народной культуры и местонахождение самобытной жизни. Н. М. Пржевальский часто видел и фиксировал негативные стороны азиатского общества: нищету, грязь, регресс местной культуры, а Г. Н. Потанин считал, что цивилизация одинаково доступна всем племенам и народам. Открытые им памятники рунической письменности доказывали, что кочевники имели свою древнюю историю, государство и письменность. Однако между ними и много общего — каждый сделал много для изучения Центральной Азии. Правда, каждый из них открыл свою Азию».

Успешной деятельности российских путешественников в Центральной и Восточной Азии в немалой степени способствовало их доброжелательное отношение к коренному населению. Учитывая тот факт, что россияне щедро расплачивались за оказанные услуги (предоставление тягловой силы, транспортных средств, проводников и т. д.) и тем самым давали дополнительный заработок наименее обеспеченной части населения, местные цинские власти относились к чужестранцам терпимо, что не характерно для китайских чиновников.

Г. Н. Потанин был награжден в 1887 г. золотой Константиновской медалью, а на следующий год иркутяне получили известие о том, что «государь император назначил члену-сотруднику Географического общества Г. Н. Потанину пожизненную пенсию в 800 рублей». Г. Н. Потанин был организатором исследования хозяйства, быта и народного эпоса бурят Иркутской губернии и Забайкалья, издал первые тома этнографической серии отдела. Под его редакцией вышли труды ряда ученых, в числе которых были работы Д. Банзарова и М. Н. Хангалова. По его инициативе стали возникать музеи, открываться регу-

лярные научные чтения и выставки, создаваться подотделы Географического общества в Троицкосавске и Красноярске.

Исследователи Монголии, путешествуя в 1860–1880 гг. по малоизученной стране, пользовались помощью некоторых русских поселенцев, хорошо знавших район, языки, быт монголов и совершавших поездки по стране. В трудах и письмах Г. Н. Потанина встречаются написанные с любовью и признанием к ним имена: священника И. Чистохина, «интеллигентных торговцев» Антропова, И. П. Котельникова, Г. И. Посылина, М. Д. Батуева, А. Д. Васенева, Н. Ф. Грязнухина, И. М. Волосатова, А. И. Воробьева и др. Заслугой Г. Н. Потанина является издание на средства кяхтинского ТД «Коковин и Басов» в типографии ВСОРГО целого тома «Трудов русских торговых людей в Монголии и Китае», который и сейчас читается с большим интересом.

Одним из коллег и соратников Г. Н. Потанина был Д. А. Клеменц. Помимо геолого-географических исследований, проведенных ученым в экспедициях, значительным был вклад его в изучение истории, этнографии, культуры монгольских народов. В период знаменитой Орхонской экспедиции в 1891 г. Н. М. Ядринцев и Д. А. Клеменц в Монголии и Туве открывают новые рунические памятники. Н. М. Ядринцев обнаружил Онгинский и Асхетский памятники, а Д. А. Клеменц тщательно обследовал Карабалгасун и некоторые другие городища Северной Монголии и Тувы. В 1893 г. Д. А. Клеменцу удалось обнаружить вторую асхетскую надпись и рунические надписи (сделанные черной краской) на скале Тайхир-чулу (Хойто-Тамир). Его жена Е. Н. Клеменц в урочище Баин-Цокто (1897) также нашла древнетюркский погребальный комплекс в честь военачальника и советника трех каганов Тонью-кука. Его описанию В. В. Радлов посвятил выпуск IV «Атласа древностей Монголии» (1899) и специальную работу «Древнетюркские надписи Монголии» (нем. яз.).

Одним из ученых, оказавшим значительное влияние на развитие российского и сибирского востоковедения и монголистики, был Гомбожаб Цыбикович Цыбиков (1873–1930). Будучи одним из лучших воспитанников Читинской гимназии, он окончил ее в 1893 г. с отличием, но в распределение медалей вмешался губернатор и Г. Ц. Цыбиков получил лишь серебряную медаль. После года обучения в Томском университете, уступив уговорам влиятельного бурятского общественного и научного деятеля П. А. Бадмаева, он переезжает учиться в школу, открытую на средства последнего в Урге. По совету П. А. Бадмаева он переезжает в Санкт-Петербург, отказывается перейти в православную веру и поступает на ФВЯ, китайско-монгольско-маньчжурское отделение. Еще в период пребывания в Урге молодой Гомбожаб Цыбиков начинает изучать монгольский, китайский, тибетский и маньчжурский языки, совершает первую поездку в Западную Монголию и в верховья реки Орхон. В этой поездке Г. Цыбиков впервые посетил знаменитый монастырь Эрдэни-дзу, оставив его описание. И в наши дни поражает подробное и скрупулезное описание этого центрального храмового комплекса во время пребывания там главы буддийской церкви Богдо-гэгэна: «Переправившись через Орхон вброд, мы, наконец, вступили в Эрдэни-цзу, славный монастырь предка Тушэту-хана, который в настоящую минуту пребывания хутукты представляет временную сто-

лицу Халхи. Сюда направлена вся жизнь Халхи». Это были первые дневниковые записи выдающегося востоковеда. В университете его наставником становится А. М. Позднеев, который считал его на старших курсах «единственным в России полноправным претендентом» на руководство кафедрой тибетского языка.

В эти же годы Г. Ц. Цыбиков работает в составе комиссии Куломзина по исследованию Забайкальской области, в результате чего издана его первая работа «Подати и повинности» (в серии «Материалы высочайше учрежденной комиссии под председательством статс-секретаря Куломзина», выпуск № 15). Труд Г. Цыбикова был разделен на три части. В первой части рассматривались подати и повинности крестьян, во второй — казаков, а в третьей — бурят и эвенков. Исследование было проведено на уровне докторской диссертации, но автор не ставил вопроса о присуждении ему степени. В том же 1898 г. Г. Цыбиков выпускает свою первую официальную работу — пособие по монголоведению «Монгольские официальные бумаги». Блестяще окончив университет в 1899 г. с дипломом первой степени и золотой медалью, Г. Ц. Цыбиков начинает сборы в далекую командировку в Тибет. Эта поездка вызывалась политическими расчетами российского правительства, связанными с нараставшими противоречиями России и Англии в Индии, Тибете и Китае. Англичане, служившие в Индии, активно занимались геодезической съемкой гималайских маршрутов, в том числе и Лхасы. Специально обученные индийцы и европейцы еще в начале XIX в., как известно, много раз безрезультатно пытались проникнуть в эту закрытую страну. Такая попытка удалась индийцу Сарат Чандра Дас, оставившему многочисленные работы, издавшему в 1902 г. большой тибетско-английский словарь, сохранивший свое значение до настоящего времени, в 1904 г. было опубликовано его «Путешествие в Тибет» в Петербурге (на рус. языке).

Начинающий востоковед, имевший небольшой опыт экспедиций в Монголии, понимал, какое это было трудное предприятие и что оно представляло для российской науки. Снискавшим мировую славу за выдающиеся открытия русским путешественникам в Центральную Азию Н. М. Пржевальскому, Г. Н. Потанину, П. К. Козлову и другим, особенно самому этому мужественному исследователю дела казались не завершенными до конца. Их заветной мечтой было достичь Лхасы, столицы Центрального Тибета. Они вынуждены были всякий раз поворачивать обратно, едва ступив в дальние пределы Тибета. Живо звучал в востоковедной науке призыв Н. М. Пржевальского: «Пусть другой, более счастливый путешественник dokonчит недоконченное мною в Азии».

Идея отправить бурята в Тибет с научными целями активно обсуждалась в научных кругах Петербурга еще в 80-х гг. XIX в. Это видно, например, из письма Н. И. Веселовского к Г. Н. Потанину от 10 июня 1887 г. Сообщая о переговорах по этому вопросу с чиновником из МИД, он пишет: «...просто попросить грамотного монгола из тех, что отправляются в Лхасу, описать свой путь для нас (подробный маршрут, празднества, церемонии) на своем языке, а мы уж извлечем из таких записок что нужно». В свою очередь еще в 1898 г. Г. Цыбикову была отправлена рукопись нештатного ламы Болтоморского дацана Мичжэд-дорджи о путешествии в Тибет и Непал, которую он передал своему учителю А. М. Позднееву. Последний, ознакомившись с работой, предложил самому Г. Цыбикову поехать в Центральный Тибет, рекомендовав ученика для поездки Совету РГО, который выдал необходимые средства для паломничества.

Поездка Г. Ц. Цыбикова подробно описана в его знаменитой работе «Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899–1902 гг.». Из-за многочисленных филологических, теологических поправок и др., войн, которые вела Россия в начале XX в. с иностранными государствами, начавшейся гражданской войны в стране издание научной работы Г. Цыбикова затянулось, и оттиски труда увидели свет только в 1919 г. в издательстве Русского географического общества. Редакторами ее значились академики С. Ф. Ольденбург и Ф. И. Щербатский (и, как стало известно из архива, в редактировании принимал активное участие третий академик — Ю. М. Шокальский), а также покойные А. В. Григорьев и К. И. Григорьева. Интересные архивные данные приводят Ж. Д. Доржиев и А. М. Кондратов о том, что в 1919 г. Г. Ц. Цыбикову были отправлены оттиски монографии, а свой монументальный труд в «готовом» виде автор увидел только в 1928 г., т. е. почти тридцать лет спустя со времени путешествия в Тибет. Художественное описание этого научного паломничества дается в добротной историко-научной работе Ж. Д. Доржиева и А. М. Кондратова «Гомбожаб Цыбиков». Намечаемый исследователем маршрут и в наши дни вызывает уважение и опасение. Г. Цыбикову предстояло пройти с севера от Урги на юг, минуя монастыри Лавран и Гумбум и труднопроходимое Тибетское нагорье. На путешествие в один конец ушло более восьми месяцев. Отправившись с попутным караваном из Урги 25 ноября 1899 г., он 3 августа 1900 г. прибыл в Лхасу. Во время пребывания в тибетской столице (до 10 сентября 1901 г.) паломник-исследователь совершил поездки в крупнейшие монастыри Галдан, Сэра, Брайбунг и Ташилхунго (резиденция Панчен-ламы около г. Шигатзе). Лишь 2 мая 1902 г. Г. Ц. Цыбиков вернулся в Кяхту. Первые были опубликованы фотографические снимки природы, монастырей, быта жителей Тибета. Фотографирование в «закрытой» стране, караемое смертной казнью, явилось проявлением величайшего человеческого мужества, продемонстрированного Г. Ц. Цыбиковым.

Необходимо отметить, что это были уникальные для того времени фотографические снимки, сделанные им в Лхасе, крупнейших монастырях и на обратном пути, а также впервые собранные на месте сведения и книги по истории, географии и этнографии Тибета. Одиннадцать снимков о далекой и недоступной священной Лхасе, резиденции «живого» бога, были напечатаны в журнале Национального географического общества США «Нэшнл Джогеографик», значительно увеличив тираж и предотвратив его банкротство.

Монгольский материал встречается в описании его путешествия в Тибет. В основном это дневниковые записи о дорожных встречах и впечатлениях, о быте и жизни населения в монгольской части пути. Здесь мы находим, как отмечает Е. И. Лиштованный, подтверждение вывода Б. Барадина о начале вхождения в практику среди бурят института перерожденцев.

Уже по пути в Лхасу Г. Ц. Цыбиков ознакомился с помощью опытного ламы с сочинением Цзонхавы «Ламрим-ченпо» — «Ступени пути к блаженству» (начало XV в.), основополагающим учением этой секты. Последующие контакты с тибетскими и монгольскими ламами оказались особенно полезными благодаря уникальному переводу Г. Ц. Цыбиковым одной из трех глав упомянутого трактата на русский язык, которым специалисты пользуются до сих пор. Во время пребывания в Тибете ученый-паломник уделил внимание и разговорному языку. В последующие годы востоковед активно занимался вопросами тибетологии и буддизма. Впоследствии, когда он стал преподавателем Восточного

института во Владивостоке, полученные знания пригодились при подготовке учебного пособия. Заслуги Г. Ц. Цыбикова перед отечественной наукой были по достоинству оценены российской научной общественностью. РГО наградило его премией им. Н. М. Пржевальского, а также золотой медалью с надписью «За блестящие результаты путешествия в Лхасу». С 1902 г. он работает лектором Восточного института, а в 1906 г. становится профессором. Ученый-востоковед работал в этом институте до 1917 г., рядом с ним находились крупнейшие российские востоковеды. Пребывая в их кругу, общаясь с ними, он написал наиболее известные труды в области монголоведения, тибетологии и буддологии. Здесь необходимо отметить, что в течение шести лет со дня откомандирования в Тибет Г. Ц. Цыбиков получал зарплату менее положенной, и только с уходом из института А. М. Позднеева 11 января 1906 г. ему было предложено занять кафедру монгольской словесности, но только 28 октября 1906 г. Г. Ц. Цыбиков получил должность профессора. 24 июня 1908 г. царское правительство награждало учителей орденом Святого Станислава третьей степени, в их числе был и Г. Ц. Цыбиков, по поводу чего он с иронией написал: «Орден Станислава третьей степени, для нехристиан установленный, получил Г. Ц. Цыбиков 9 сентября 1908 года». Во Владивостоке он издает «Пособие для практического изучения монгольского языка» (1907) и «Монгольские тексты: Образцы слога и орфографии современного делопроизводства для чтения студентов 3-го курса Восточного института» (1908). Учебник, который был озаглавлен автором «Пособие для практического изучения монгольского языка», с 1907 г. издавался три раза. Было подготовлено четвертое его издание, которое осталось в рукописи. Педагог-ученый при написании учебников использовал труды таких известных монголистов, как О. М. Ковалевский, А. А. Бобровников, М. А. Кастрен, А. М. Позднеев, Г. И. Рамстедт, А. Д. Руднев и др.

Помимо этого Г. Ц. Цыбиков отразил собственные наблюдения и выводы по истории и строю монгольских языков, в результате чего его учебник «представляет собой краткую сравнительную грамматику монгольского письменного и разговорного языков, составленную в виде тщательно разработанного учебного пособия». Практические данные разработанного учебника положили начало исследовательской работе автора в области истории и грамматики монгольских языков, а в дальнейшем и его педагогической деятельности по преподаванию письменного и разговорного монгольского языка в учебных заведениях Иркут-

ска и Верхнеудинска. Высокую оценку учебнику дал и академик Б. Я. Владимирцов. Он ставил его в один ряд с грамматическими трудами таких отечественных монголистов, как И. Я. Шмидт, О. М. Ковалевский, А. А. Бобровников, В. Л. Котвич и А. Д. Руднев.

К плеяде видных монголоведов на переломе веков необходимо отнести Николая Федоровича Катанова (1862–1922), крупного специалиста по киргизскому, башкирскому, монгольскому, калмыцкому и родному для него хакасскому языкам. Окончив Красноярскую классическую гимназию с золотой медалью (1876–1884), он продолжил образование на факультете восточных языков Петербургского университета. В формировании научных взглядов

Н. Ф. Катанова большую роль сыграли видные ученые-тюркологи В. И. Вербицкий и Н. И. Ильминский. Молодой исследователь переписывался с Н. И. Ильминским с 1881 по 1888 г., с которым он, видимо, познакомился во время его приезда в Сибирь по миссионерским делам. Вступительная лекция «Этнографический обзор турецко-татарских племен» была прочитана Н. Ф. Катановым в Казанском университете 29 января 1894 г. С этого времени начинается педагогическая деятельность Н. Ф. Катанова, продолжавшаяся свыше 25 лет. Положение Н. Ф. Катанова как ординарного профессора и приниженное положение ориенталистики в Казанском университете в годы работы ученого в Казани не позволяли ему проявлять все свои качества ученого и организатора. Такими сферами для него явились Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, преподавательская деятельность в Казанской духовной академии и большая общественная работа.

В своих экспедициях по поручению Петербургской академии наук Н. Ф. Катанов посетил Восточную и Западную Сибирь, Монголию, Джунгарию, Туркестан, Уфимскую губернию, где занимался изучением языка, этнографии различных народов. Его докторская диссертация «Опыт исследования урянхайского языка» (1903) вошла в золотой фонд мировой ориенталистики. Он был профессором кафедры турецко-татарской словесности Казанского университета. Основные его труды «Опыт исследования урянхайского языка» и два тома материалов по лингвистике, этнографии, фольклору хакасов, тувинцев, карагасов.

За время своей научной и просветительской деятельности Н. Ф. Катанов собрал огромную научную библиотеку. В настоящее время после продажи его библиотеки в Турцию (1912–1914 гг.) «в Стамбульском университете в Институте тюркологических исследований находится 7 914 книг из библиотеки Н. Ф. Катанова».

В конце XIX — начале XX в. служению востоковедению посвятил себя другой бурятский ученый — выпускник ФВЯ Санкт-Петербургского университета Базар Барадиевич Барadin (1878–1937).

После окончания Агинской четырехклассной школы и Читинского трехклассного училища в 1895 г. Б. Барadin выехал в Санкт-Петербург в 1896–1898 гг., как и Г. Цыбиков, в гимназию П. Бадмаева. В качестве переводчика богатого бурятского купца Базар побывал в 1900 г. в Германии, Швейцарии, Италии и Франции.

В 1901 г. Б. Барadin поступает на юридический факультет Петербургского университета. Однако вскоре в 1902 г. переходит вольнослушателем на санскритское отделение факультета восточных языков и обучается под непосредственным руководством академика С. Ф. Ольденбурга и профессора Ф. И. Щербатского. Три года учебы в университете научили его самостоятельной работе с восточными материалами. В 1903 г. РКИСВА поручил С. Ф. Ольденбургу и Ф. И. Щербатскому подготовить Б. Барадина к поездке в Центральный Тибет с научно-исследовательской целью. Ему предлагалось с помощью местных знатоков-наставников тщательно изучить сочинения тибетских буддистов, чтобы после ознакомления с библиотечными фондами приобрести наиболее ценные

ксилографические издания. По плану, составленному под руководством С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского, предусматривалось трехлетнее теоретическое ознакомление будущего путешественника-исследователя с циклом теоретических знаний по буддийской литературе, истории и философии, а также с санскритом. Четвертый год отводился на посещение монастырей Лавран и Гумбум (обл. Амдо) с последующей поездкой в центральную часть Тибета.

В 1903 г. Б. Барадин посетил с научной целью бурятские улусы для сбора фольклорных материалов, буддийские дацаны для языковой практики и углубленного изучения тибетского и монгольского языков, санскрита. Им было собрано значительное количество фольклорных материалов бурят-монголов, буддийских рукописей и ксилографов, многие из которых хранятся сейчас в фондах Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (ныне — Институт древних рукописей РАН).

Базар Барадин окончил университет в 1905 г. В 1905–1907 гг. он осуществил научную экспедицию в Монголию и Тибет, результаты которой были высоко оценены научным сообществом, а сам Б. Барадин был удостоен главной премии Русского географического общества — премии им. Н. М. Пржевальского — и избран действительным членом Географического общества.

В рамках экспедиции в сентябре 1905 г. Б. Барадин посетил Халху, где в то время находился Далай-лама XIII. Глава буддийской конфессии вынужден был оставить Тибет в 1904 г., когда Лхасу захватили английские войска, пришедшие из Индии через Гималаи. Предполагалось, что Б. Барадин вместе со своими учителями и коллегами Ф. И. Щербатским, П. К. Козловым и др. сможет попасть в Центральный Тибет в составе свиты Далай-ламы, когда тот отправится назад в Лхасу. Но возвращение главы ламаистов на родину затянулось, и Б. Барадину, находившемуся в Урге, пришлось ожидать указаний Русского комитета относительно своих дальнейших действий.

В автобиографии, составленной 3 марта 1936 г. в Ленинградской тюрьме НКВД, Б. Барадин отмечал: «Я пробыл в путешествии два года (1905–1907). За это время я проехал всю Монголию через Гоби (Шамо), Алатань, С.-З. Китай (пров. Ганьсу) и был в С.-В. Тибете — Амдо, посетив главнейшие его центры, монастыри — Гумбум и Лавран. Последний и был главным предметом моего изучения, и там я пробыл 8 месяцев, изучая язык и литературу тибетцев и культурно-бытовую жизнь Лаврана, его жителей монахов, а также окрестного его населения, тангутов». Получив телеграмму от Ц. Жамцарано о том, что его решили направить в Лавран, Барадин 13 октября 1905 г. отправил из Ван-Куреня, где тогда находился Далай-лама, письмо С. Ф. Ольденбургу с просьбой прислать ему санскритско-немецкий словарь и географию Тибета, изданную В. П. Васильевым. Одновременно он попросил прислать ему маленький фотоаппарат «для работы с руки или на штативе», так как большой аппарат было «немыслимо взять с собой в путешествие». В другом письме (от 2 декабря из Ван-Куреня) он уже сообщал С. Ф. Ольденбургу о том, что в состав его экспедиции входит 4 человека. Далее он пишет: «...хамбо (Агван) Доржиев не дал мне рекомендаций. Я объясняю это его взглядом, что всякая рекомендация, связанная с его именем, может в данное время лишь повредить мне или по крайней мере навлечь на меня лишние подозрения».

Путешествие Б. Барадина продолжалось с июня 1906 г. по январь 1907 г. По итогам поездки был составлен дневник его путешествия, который пока не опубликован и хранится в архиве Санкт-Петербургского отделения ИВ РАН.

Его название «Амдо — Монголия. Дневник путешествия буддийского паломника-бурята по Халха-Монголии, Алашани и северо-восточной окраине Тибета — Амдо». Б. Барадин, исходя из цели своего путешествия, дает полное описание своего маршрута, местности, через которую он проезжал, подробную характеристику событий и явлений. Вызывает интерес оценка состояния жизни и быта населения Халхи, Алашани и Амдо, где Б. Барадин затрагивает все социальные слои общества: араты, нойоны, буддийские монахи и др.: «Монгольские монастыри отличаются от тибетских многочисленностью своих монахов и большой свободой нравов. Искусная политика Маньчжурской династии стремилась, в целях мирного завоевания монголов, к увеличению числа лам и измельчанию феодальных владетелей Монголии. Эта вековая политика создала то, что нынче почти две трети населения Северной Монголии составляет духовенство и почти уничтожена монгольская семья».

Б. Барадин затронул и проблемы буддизма в Бурятии, выделив важнейшие бурятские дацаны (Камбайн курен, Цонгол-дацан, Асагат-дацан, Ана-дацан, Эгэтуйн-дацан, Агайн-дацан, Цугол-дацан). Рассматривая вопросы развития буддизма, он провел исторический экскурс о формировании этой религиозно-философской системы — с момента ее возникновения и проникновения ее в пределы Монголии и Забайкалья. В результате этого умозаключения он пришел к выводу, что самое важное отличие бурятского ламаизма от ламаизма монголов и тибетцев состоит в том, что «только в новейшее время буряты начали заводить своих хубилганов (перерожденцев)». Вместе с тем изучение с помощью лам — сторонников различных течений буддизма — позволило ему заметно расширить свои познания в истории духовной культуры народов Центральной Азии. В Лавране и Гумбуме ему удалось приобрести местные ксилографические издания, отсутствующие в коллекции, привезенной Г. Цыбиковым. Б. Барадин, как и Г. Цыбиков, вынужден был скрывать истинные цели своего путешествия от окружающих, выдавая себя за буддиста-паломника. Он посещал храмы, часто вступал в контакты с местным населением на рынке и при богослужении. Путешественник как бы изнутри общества вел наблюдения за жизнью и бытом населения. Судя по его записям, он мог общаться не только с монголами, но и с тибетцами на их родном языке. Это помогло ему узнать «сокровенные тайны» истории и культуры, быта и религии монголов, тибетцев и других народов. Б. Барадин собрал весьма ценные материалы по этнографии племен Амдо, их родоплеменному делению. На основе собранных им материалов он занимался специальным исследованием по этнографии Амдо, но работа осталась незавершенной. План работы и собранные Б. Барадиным материалы находятся сейчас в архиве востоковедов Санкт-Петербургского отделения ИВ РАН. О путешествии в Лавран Б. Барадина изложено в публикации, появившейся в 1908 г. Краткий предварительный очерк о командировке Б. Б. Барадина подготовлен С. Ф. Ольденбургом. Это была первая публикация о его путешествии в Тибет, что касается собранных им материалов, то они послужили ему надежной базой для последующих научных работ, связанных непосредственно с монголоведением и бурятиеведением. Знакомясь с тибетской буддийской литературой, он выразил свое отношение к ней: «Чем больше изучаю буддизм, тем больше я прихожу к убеждению, что тибетские источники дают несравненно больше цельного представления о буддизме, чем сохранившиеся ныне сравнительно отрывочные санскритские и палийские источники, и что Тибет — единственная страна, где

можно изучить индийский (и тибетский) буддизм во всем его историческом развитии».

Б. Барадин справедливо отмечал, что религиозная жизнь тибетцев и монголов связана с буддийскими монастырями, и оценивал их в качестве единственных культурных центров «этих неприветливых полукультурных стран», где могут обмениваться своими мыслями и чувствами, обучаться грамоте. Кроме того, он писал, что не надо забывать и то, что монастыри не всегда являются замкнутыми, открытыми для одних лишь духовных учреждений. В монастырях Гелукпы живут временно и миряне разного возраста, обучаясь частным путем родной грамоте и правилам религии под руководством образованных лам. В монастырях же других сект жизнь мирян ничем не стеснена. По всей видимости, такая оценка роли и места буддистов и буддийских монастырей во многом обусловила участие Б. Барадина в обновленческом движении ламаистской церкви в Бурятии. Поэтому на фоне существующих сегодня различных оценок деятельности «обновленцев» вполне очевидно лишь то, что в их концепции не было идеи разрушения. Они пытались делать то, что делали многие и до них на протяжении веков, реформируя религиозные течения в изменяющемся обществе. Несомненно, это был прагматический подход, позволявший сохранить основы религиозных и культурных традиций народа.

В 1908–1917 гг. Базар Барадин работал в Петербургском университете в качестве лектора монгольского языка. Перу Б. Барадина принадлежат такие научные работы, как «Путешествие в Лавран» (Известия РГО. Т. 44. 1908), «Цам Миларайбы» (Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб., 1905), «Статуя Майтрейи в золотом храме в Лавране» (Л., 1924) и др.

Совершив в 1905–1907 гг. путешествие в Монголию и Тибет, Б. Барадин внес большой вклад в развитие востоковедения. Результаты его путешествия были высоко оценены ученым миром, а он удостоен главной премии РГО — премии им. Н. М. Пржевальского — и был избран действительным членом этого общества.

Настоятельную необходимость изучения северного буддизма (махаяны) по письменным памятникам Центральной Азии, включая и древние буддийские тексты из Восточного Туркестана, отчетливо понимали и другие российские ориенталисты. Еще в 1897 г. по настоянию С. Ф. Ольденбурга Академия наук приняла решение об издании большой международной серии «*Bibliotheca Buddhica*», в которой предполагалось издавать и тексты на тибетском языке. Эта серия сочинений охватывала обширный массив трудов, написанных на разных языках и принадлежащих нескольким школам так называемого северного буддизма. Научная значимость буддийских текстов на китайском, тибетском, монгольском языках и санскрите являлась актуальной в конце XIX в., таковой остается и в наши дни. Российские ориенталисты и буддологи внесли значительный вклад в исследования буддийской теософии. В многотомной серии, основанной С. Ф. Ольденбургом, приняли участие крупнейшие востоковеды разных стран. Сам С. Ф. Ольденбург подготовил к изданию альбом изображений 300 бурханов и исследование А. Грюнведела о предметах ламаистского культа из коллекций Э. Э. Ухтомского. Его известность в научном мире, организаторские способности, широкая эрудиция и огромная работоспособность обеспечили успех задуманного дела. По свидетельству Ф. И. Щербатского, «весь этот громадный труд, который доставил нашей Академии заслуженную славу в странах азиатских не

менее, чем в Европе, прошел при ближайшем участии С. Ф., ни один лист не вышел без его внимательной и даже иногда придирчивой корректуры».

Значение С. Ф. Ольденбурга в развитии востоковедной науки в конце XIX — начале XX в. неопределимо, как и его роль в подготовке монголоведов из числа бурятских и калмыцких ученых (Г. Цыбиков, Ц. Жамцарано, Б. Барадин, Н. О. Очиров и др.). Сбор и обработка рукописей и ксилографов по буддизму, фольклору, этнографии, культуре, истории монголоязычных народов в первые десятилетия XX в. этой когортой ученых происходили интенсивно. В то же время следует отметить, что значительная часть этих работ увидела свет после 1917 г., а неизданные труды и в наши дни проходят научный анализ и готовятся к изданию.

Большая часть этих молодых людей, уже умудренных опытом дальних экспедиций и походов, становясь маститыми учеными, позднее нередко привлекалась (в качестве лекторов) к преподаванию монгольского и калмыцкого языков на ФВЯ и в Восточном институте, других учебных заведениях.

Определяющей, на наш взгляд, в этой прогрессивной деятельности С. Ф. Ольденбурга является характеристика, данная ему академиком В. М. Алексеевым: «Внимание Сергея Федоровича к людям на местах простиралось с особенной, пожалуй, силой на восточных людей, которых он точно так же стремился выволочить из национальной рутины и втолкнуть в международную жизнь науки. Они были ему так же друзья и так же дороги, как русские и европейцы. Мы, конечно, все знаем, как, например, приняв участие в двух бурятах, едва не попавших в миссионерские объятия, Сергей Федорович воспитал их научно и выработал из них очень сильных и серьезных научных деятелей, до сих пор всеми уважаемых. Я, конечно, говорю о Цыбене Жамцарановиче Жамцарано и Базаре Барадийновиче Барадийне, не упоминая о профессоре Цыбикове и других».

Наряду с А. М. Позднеевым, А. Д. Рудневым и другими бурятские востоковеды внесли немалый вклад в пополнение коллекции рукописей и ксилографов уникальных памятников монгольской письменности. Ценная подборка бурятских печатных изданий, впервые в таком значительном объеме поступившая в собрание редких книг и рукописей Азиатского музея, позволила не только полнее представить издательскую деятельность бурятских ламаистских монастырей — дацанов, но и «круг чтения» их настоятелей и паствы в области монгольской литературы. Образовательный учебно-методический процесс подготовки квалифицированных кадров монголоведов не мог не затронуть процесс формирования русскими прогрессивными людьми образовательных и культурных учреждений для русских и монголов непосредственно на территории Монголии. Там были созданы типография, клубы, частные и общественные библиотеки, кинематограф. Первой и старейшей русской школой в Монголии была Ургинская школа переводчиков и толмачей. Более полувека она готовила переводчиков монгольского и китайского языков, посредников общения русских с монголами, сама была одной из форм этого общения и первым культурным учреждением России в Монголии.

В связи с ростом русской колонии в Урге видным дипломатическим и общественным деятелем России в Монголии, просветителем Яковом Парфентьевичем Шишмаревым (1833–1915) 18 января 1915 г. была основана школа для русских детей, где насчитывалось до 20 учеников и учениц. Школа переводчиков и толмачей в Урге просуществовала 56 лет. Русский консул пытался привлечь в школы и монгольских детей, особенно влиятельных родителей.

Являясь по крови монголом, Яков Шишмарев окончил русско-монгольскую войсковую школу в 1849 г. и до апреля 1855 г. служил в канцелярии Кяхтинского градоначальства, одновременно изучая китайский и маньчжурский языки у заведующего русско-китайской школой в Кяхте К. Г. Крымского. Продолжая дипломатическую и переводческую деятельность, Я. П. Шишмарев был переводчиком в переговорах и подписании Пекинского договора 1860 г. Н. П. Игнатьев наградил его за отличное знание языков и способности. 5 сентября 1861 г. в связи с отъездом в Пекин ургинского консула полковника Боборыкина Я. П. Шишмарев был назначен управляющим консульством, а через год после возвращения Боборыкина из Пекина и отъезда его из Урги стал и.о. консула, а вскоре и консулом. Эту должность Я. П. Шишмарев занимал в течение 50 лет (1861–1911). За свою полувековую деятельность, самым тесным образом связанную с Монголией, Я. П. Шишмарев внес вклад в дело изучения и установления дипломатических и научных контактов с Россией и по праву должен быть в числе монголоведов России второй половины XIX — начала XX в. Я. П. Шишмарев стал одним из первых, кто изучал страну не только как историк и этнограф, но и как географ. В своих «Записках действительного статского советника» Я. П. Шишмарев 27 февраля 1886 г. подробно описал историю Монголии, отраженную в песнях, легендах, неоднократно слышанных от монголов. Чаще всего в них воспевались далекое, но великое прошлое страны, могущественная империя Чингисхана, наполненная драматизмом борьба между халхаскими и ойратскими князьями. Довольно подробно Я. П. Шишмаревым описаны система управления Монголии маньчжурами и ее административное устройство. Самой большой административной единицей страны был аймак, затем хошун. После завоевания монголов маньчжурами страна была разделена на 34 хошуна, а в 1765 г., по подсчетам консула, их было 86. В этом дроблении Я. П. Шишмарев усматривал политику экономического ослабления страны. Высоко оценивал роль ургинского хутухты Ундур-гэгэна, с именем которого связано распространение ламаизма в Монголии в XVII в., перевод большого количества священных книг с санскрита и тибетского языков на монгольский, изобретение особой азбуки, состоящей из 97 букв. Однако некоторые стороны жизни и деятельности ламаистского духовенства он оценивал негативно. Так, например, он считал, что ламаизм способствует сокращению населения страны. Одной из причин этого процесса он считал обет безбрачия, который давали посвящаемые ламы. Описывал Я. П. Шишмарев и вопросы этнографии, народные праздники, брачно-семейные отношения, которые являются наряду с другими источниками ценным материалом для изучения жизни и быта монголов. За 56 лет существования ургинская школа подготовила не менее 100 переводчиков. Ее воспитанники служили в разных правительственных учреждениях и частных предприятиях Китая, Маньчжурии, Дальнего Востока и Сибири.

Со сбора рукописей и этнографических материалов начал свой путь в большую науку и забайкальский бурят Цэбэн (Цыбен) Жамцаранович Жамцарано (Жамцаранов) (1881–1942).

Из Забайкалья он приезжает на учебу в Санкт-Петербург к П. Бадмаеву. Отказавшись креститься в православную религию, как и его земляк Б. Барадин,

они были вынуждены оставить гимназию. В 1898 г. Ц. Жамцарано поступил в Иркутскую учительскую семинарию, где обучение велось на пожертвования агинских бурят. В том же году Ц. Жамцарано выезжает в фольклорную экспедицию по землям аларских и кудинских бурят Иркутской губернии. Первые записи он делал на монгольском языке. Но в процессе работы начинает собирать и записывать образцы устного народного творчества на старописьменном монгольском языке, научившись их правильно транскрибировать. Много времени Ц. Жамцарано проводит в библи-

отеке Восточно-Сибирского отделения РГО. Тем самым он готовился к просветительской работе среди бурятского населения. Именно тогда были заложены основы для его научной деятельности, которой он занялся несколько позднее в Санкт-Петербургском университете. С августа 1901 г. он — преподаватель Агинского приходского училища. Вот решение собрания (суглана) бурят Агинской степной думы от 14 декабря 1901 г.: «Ныне же, приходя по возможности на помощь распространению высшего образования среди бурят, мы единогласно решили отправить на университетские курсы окончившего курс в семинарии Цыбена Жамцаранова и обучавшегося в гимназии Базара Барадиева на наши народные средства». Ц. Жамцарано вместе с Б. Барадиным направили на учебу в Петербургский университет, где с осени 1902 г. оба становятся слушателями этого прославленного учебного заведения. Ц. Жамцарано посещал лекции и семинары по востоковедению и философии, праву и языкознанию, а также лекции и семинары на естественных факультетах, поскольку готовил себя к просветительской деятельности в широком смысле этого слова. Но была у него наиболее близкая область интересов — фольклористика, научные приемы и методы записи произведений устного народного творчества. На ФВЯ Петербургского университета под руководством выдающихся востоковедов он в совершенстве овладел научными методами работы, в частности техникой записи бурятских улигеров в точной научной транскрипции. С 1903 по 1907 г. Ц. Жамцарано ежегодно выезжал в научные экспедиции по заданию АН России в Иркутскую губернию, затем Монголию, где занимался в основном фольклорными записями. В июле-августе 1903 г. он со слов замечательных знатоков устной поэзии, сказителей Солбона Шалбыкова, Бутуши Бурлаева, Петра Миханова записал улигеры «Аламжи Мэргэн», «Айдурай Мэргэн», «Ха Ошир Хубун». Это были крупные поэтические произведения, еще никем не зафиксированные на бумаге и сохраненные молодым исследователем.

Еще в 1904 г. в районе Урги во время праздника «Данчик» Ц. Жамцарано начал записи фольклора халхасцев. Будучи привлеченным С. Ф. Ольденбургом к работе по собиранию фольклорного материала в Бурятии и Монголии, он совместно с Б. Барадиным совершает ряд интенсивных поездок, увенчавшихся не только совершенствованием знаний, но и приобретением редких книг и рукописей на монгольском и тибетском языках (в том числе образцов тибетской иконографии). Об этом периоде его жизни свидетельствуют сохранившиеся письма в фондах архива РАН своему куратору С. Ф. Ольденбургу из Монголии.

С 1905 г. для молодого исследователя начинается довольно интенсивная научно-публицистическая работа. Одной из первых его значительных публикаций по фольклору были «Материалы к изучению устной литературы монголь-

ских племен». Сюда входили благопожелания, пословицы и поговорки, загадки и песни эхиритов и булагатов. К этим материалам дается интересное для современного исследователя пояснение, в котором он приносит «живейшую благодарность С. Ф. Ольденбургу за его отеческую заботливость и просвещенное руководство в работах собирателя. А также признательность профессорам Санкт-Петербургского университета В. Л. Котвичу и А. Д. Рудневу за практические указания и советы при установлении транскрипции и редактировании текста перевода».

Большой интерес вызвали опубликованные еще в те годы такие работы, как «Пережитки шаманизма у агинских бурят» (1906), «Краткий обзор бурятских песнопений» (1906), «Онгоны агинских бурят» (1906) и др. Осенью 1906 г. была завершена большая исследовательская работа «Заметки о туземцах Забайкальской области». В этом экономико-статистическом докладе Ц. Жамцарано охарактеризовал положение коренного населения Забайкальской области, в котором по численности буряты и тунгусы составляли 34,9 % населения, или 36,2 % всех населенных пунктов области. Интересной для современного исследователя является высказанная им в начале XX в. теоретическая мысль о том, что «основой общественной и семейной жизни монголо-бурят и тунгусов служат родовой быт и племенная солидарность». Подводя итог своего обозрения и всестороннего анализа жизни туземцев Забайкальской области — бурят и тунгусов, учитывая их нелегкое экономическое и социальное положение, Ц. Жамцарано признал необходимым, чтобы от забайкальского инородческого кочевого населения был избран самими инородцами один представитель в Государственную Думу. Таким депутатом, как известно, стал Бато-Далай Очиров, избранный весной 1907 г. во II Государственную Думу. Деятельность Ц. Жамцарано по собиранию фольклора была высоко оценена присуждением ему 30 января 1906 г. по представлению отделения этнографии Советом РГО малой серебряной медали за серию исследовательских работ по этнографии бурят.

В начале XX в., на протяжении примерно 10–12 лет, еще студентом, а затем молодым лектором Петербургского университета Ц. Жамцарано объездил бурятские улусы западных и восточных бурят, побывал в Монголии и записал колоссальное количество произведений устного народного творчества. В 1910 г. Б. Бардин в книге «Отрывки из бурятской народной литературы» перечислил известные в то время бурятские эпические поэмы. Из приведенных 99 названий 57 относятся к Ц. Жамцарано. Это наиболее глубоко характеризует научную деятельность молодого ученого-монголоведа в первые годы XX в. По окончании университета Ц. Жамцарано был уже признанным востоковедом и был рекомендован на преподавательскую работу в университете, где был оставлен лектором монгольского языка на ФВЯ. В качестве преподавателя он проработал 1907/08 учебный год. Его деятельность была связана с созданием самостоятельного монголо-маньчжуротатарского разряда на ФВЯ, что было оправдано стремлением к научной постановке преподавания языков алтайской группы, в которую входили тюркские, монгольские и тунгусские языки. По основным дисциплинам монгольского языка и монгольской словесности лекции читали весьма подготовленные преподаватели, профессора В. Л. Котвич и А. Д. Руднев. Ц. Жамцарано проявил себя как знаток и прекрасный лектор монгольского языка, знающий теоретические аспекты, разговорную часть, говоры и диалекты. Учебно-педагогическую работу на кафедре монгольской и калмыцкой словесности он успешно сочетал с научной.

В этот период особый интерес в петербургском востоковедении вызвала совместная работа А. Д. Руднева и Ц. Жамцарано «Образцы монгольской народной литературы», первый выпуск которой состоялся в 1908 г. Перспективный и быстро завоевывающий авторитет в области монголоведения Б. Я. Владимирцов в рецензии на эту книгу отмечал: «Собранный Ц. Жамцарано эпический материал отвергает мнение проф. А. М. Позднеева об отсутствии эпоса у монголов. Благодаря самоотверженному труду Ц. Ж. Жамцарано в нашем распоряжении находится уже очень значительное количество записей эпической поэзии халхасцев, бурят и других монгольских племен (см.: коллекция Ц. Ж. Жамцарано в Азиатском музее Императорской академии наук), можно надеяться, что собрание это будет увеличиваться». В 1991 г. в журнале «Байкал» была опубликована написанная еще в 1908 г. статья «О бурятской интеллигенции», в которой Ц. Жамцарано перечень представителей национальной интеллигенции начинает с имени Д. Банзарова, которого характеризует «замечательной личностью-одиночкой»; затем перечисляет своих современников, завершая перечень именами Г. Цыбикова и Б. Барадина. Благодаря тесному общению бурят и калмыков с известными русскими учеными в Петербурге сформировалась немногочисленная, но весьма активная группа молодых интеллигентов, выступившая с целым рядом полезных предложений. По ее инициативе было открыто издательство «Наран» («Солнце»), выпускавшее литературу на монгольском и ойратском языках. Из опубликованных тогда книг наибольший интерес вызывают сборник бурятских сказок, загадок и пословиц «Буриад хурь» (под редакцией Ц. Жамцарано), эпическая поэма «Чоно-Батур» и калмыцкий эпос «Джангар». Последнее издание стало возможным благодаря инициативе и настойчивым усилиям В. Л. Котвича.

Эта деятельность Ц. Жамцарано была патриотическим призывом, по нашему мнению, будущего лидера бурят-монгольского народа, обеспокоенного судьбой своего этноса в новых экономических и политических условиях. Цыбен Жамцарано, несомненно, в этот период являлся одним из ярких представителей национальной интеллигенции с высшим университетским образованием.

Активное участие в общественной и научной деятельности, развитии монголоведных исследований принимал Петр (Жамсаран) Александрович Бадмаев (1842–1920), который с помощью своего старшего брата Сультима овладел искусством врача-тибетолога и практиковал в Петербурге. Окончив с золотой медалью Иркутскую классическую гимназию в 1871 г., Жамсаран Бадмаев поступил на восточный факультет Петербургского университета. В 1875 г. Жамсаран (Петр — император Александр III был его крестным отцом) принял крещение, с отличием окончил восточный факультет по китайско-монголо-маньчжурскому

разряду Петербургского университета и некоторое время проработал там преподавателем монгольского языка. С 1871 г. он трудится в аптеке брата: готовит лекарства, изучает методику диагностики заболеваний. В летние месяцы Ж. Бадмаев уезжает в Монголию и Бурятию, где изучает рукописи по тибетской медицине, собирает лекарственные травы. Позднее он начинает переводить на русский язык основную медицинский трактат тибетской медицины «Джуд-ши». После смерти в 1873 г. старшего брата он унаследовал его аптеку и стал заниматься практикой ти-

бетской медицины. В период с 1875 по 1894 г. П. А. Бадмаев работал в Министерстве иностранных дел. Его деятельность была тесно связана с внешней политикой России на Дальнем Востоке. Он неоднократно побывал в Монголии, Китае и Тибете.

П. А. Бадмаев представил Александру III записку о задачах русской политики на Дальнем Востоке, где, по его мнению, назревали «крупные перемены на китайско-монгольско-тибетском Востоке», связанные с близостью падения Цинской династии. Он подчеркивал громадное значение строящейся Транссибирской железной дороги в целях укрепления позиций России на Востоке, обращал внимание на открывающуюся в связи с этим историческую перспективу. П. Бадмаев писал, что сооружение железнодорожной ветки от Байкала через Монголию к Ланьчжоу является ключом к Тибету, Монголии и Китаю.

Видный монголовед Р. Рупен так оценивал деятельность П. Бадмаева: «Императорская поддержка открыла ему многие двери, и он принимал участие во многих дворцовых интригах... Деятельность в Министерстве иностранных дел вдохновила его на мечту о грандиозном проекте соединения Китая, Монголии и Тибета с Российской империей в великую конфедерацию. Вероятно, он играл заметную роль в содействии русской экспансии в Маньчжурию и Корею, которая закончилась Русско-японской войной. П. Бадмаев был другом Распутина. «Красный архив» содержит письма, которые Бадмаев писал царю, касающиеся русской политики во Внешней Монголии». Значительным научным и общественно-политическим мероприятием П. Бадмаева было издание в 1895 г. газеты «Жизнь на восточной окраине» на монгольском и русском языках. Это, по признанию специалистов, была первая в Забайкалье периодика на бурятском языке, пользовавшаяся популярностью среди представителей бурятского общества. В газете уделялось значительное внимание развитию хозяйства и культуры, торговли и быта бурят, всего населения Забайкалья, освещению вопросов экономики, культуры и торговли народов Монголии, Китая и Тибета. Редактором и, видимо, переводчиком монгольского текста был Буда Рабданов (1855–1923) — бурятский просветитель, преподаватель в Агинском училище. В 1895–1897 гг. П. А. Бадмаев написал несколько «Записок и писем царю Николаю II», в которых изложил свои идеи и предложения. Он обосновывает необходимость активизации дальневосточной политики России, чтобы защитить русские интересы в этом регионе, которые противоположны интересам Европы и Америки. Японско-китайскую войну он рассматривал как намерение Японии «явиться в будущем заинтересованным государством по всем вопросам монголо-тибето-китайского Востока с европейцами и американцами».

Пользуясь поддержкой влиятельного графа С. Ю. Витте, в 1891–1897 гг. П. А. Бадмаеву удалось получить из казны два миллиона рублей золотом для создания фирмы «Торговый дом Бадмаева и К». В то же время отметим своеобразие фирмы П. Бадмаева: «Довольно странным для торгового предприятия был и подбор служащих фирмы. В числе его работников был значителен процент офицеров или бывших офицеров петербургских полков, что еще раз подтверждало особенный характер предприятия, было ясно, что торговыми делами маскируются задачи совсем иного свойства».

П. А. Бадмаев последнее десятилетие своей жизни полностью посвятил тибетской медицине. В этот период он возвращается к активной врачебной практике. Он, в совершенстве зная классический письменный тибетский и монгольский языки и имея европейское медицинское образование, основательно изучил принципы тибетской медицины. Как врач-тибетолог он осуществляет первый перевод на рус-

ский язык фундаментального труда тибетской медицины «Чжуд-ши». В другой своей работе П. А. Бадмаев объектом своего внимания выбирает основные разделы тибетской медицины (патология, терапия, хирургия, фармакология и т. д.) и сравнивает их с основными принципами европейской медицины.

Образовательная деятельность П. А. Бадмаева получила высокую оценку Р. Рупена: «Хорошо известный православный бурят и приближенный царя Петр Бадмаев в 1895 г. открыл специальную частную школу для бурят в Санкт-Петербурге. Бадмаев во время поездки по Забайкалью набрал около 40 учеников, включая Жамцарано, и привез их с собой. Однако эта школа просуществовала недолго, потому что в 1897 г. русское правительство отказалось разрешить продолжать занятия без преподавания православного христианства, вместо которого там преподавался буддизм. Ученики «...категорически заявляют, что они, как буддисты, должны изучать закон Будды, а не Христа», после этого заявления власти отравили их домой и закрыли школу».

П. А. Бадмаев — незаурядный практик и теоретик врачебной науки Востока, ученый-исследователь, монголовед и тибетолог. Его перу принадлежат труды и по общественно-политическим, и торгово-экономическим аспектам, проблемам зарубежного Востока: Монголии, Китая и Тибета. П. А. Бадмаев занимался исследовательской работой и внес определенную лепту в ориенталистику, в развитие востребованной в наше время восточной (тибетской) медицины. Его научно-просветительская, общественная, медицинская деятельность всесторонне анализируется в трудах иркутского историка Ю. В. Кузьмина.

Огромную религиозную, дипломатическую и общественную работу в конце XIX — начале XX в. в России и Монголии проводил цаннид-хамбо-лхарамба Агван Доржиев (1853–1938), многогранная научная деятельность которого замалчивалась в советский период истории. Его труды получили научное освещение в кандидатских и докторских диссертациях С. П. Ангаевой, А. И. Андреева, Б.В. Базарова, К. М. Герасимовой, А. В. Дамдинова, Г.-Н. Зятуева, Р. Е. Пубаева, Н. С. Кулешова, А. С.-Д. Махаковой, И. Н. Шагдуровой, Ю. П. Шагдурова, Т. Л. Шаумян и других исследователей.

Одной из первых в «агвановедении» была работа А. В. Дамдинова «Агван Доржиев: дипломат, политический, общественный и религиозный деятель», а также дополненная и переработанная совместно с профессором Ш. Б. Чимитдоржиевым монография «Агван Доржиев — выдающийся религиозный и общественно-политический деятель», в которой анализируется религиозная, дипломатическая, научно-просветительская и общественная деятельность Агвана Доржиева.

Американский востоковед Роберт Рупен писал: «Знаменитый преемник Иролтуева в должности бандидо-хамбо-ламы Агван Доржиев посетил Санкт-Петербург, Берлин, Рим, Париж и Вену, а также Лхасу и Ургу. Агван Доржиев принимал участие в целом ряде бесед и переговоров с царем, работал над новым упрощенным монгольским алфавитом, писал на исторические и другие темы и имел влияние на Далай-ламу Тибета».

До 18 лет Агван Доржиев жил мирской жизнью, после чего принимает решение всецело посвятить себя духовной жизни и отправляется в Тибет в знаменитый

Гоманский дацан при монастыре Брайбун. Более ста лет не было случая поездки бурята в Тибет. В 1880 г., уже имея степень «гэгэн», он смог вернуться в Тибет и попытался поступить в крупные монастырские университеты Лхасы. Получив высшее богословское образование в Брайбунском монастыре близ Лхасы в Тибете, в 1888 г. он оканчивает академию, защитив степень «лхарамба». Благодаря хорошим знаниям буддийской философии, он рано стал членом совета монахов, многократно входил в национальную ассамблею «Цонгда» в качестве представителя Брайбунского монастыря. Он один из трех духовных наставников XIII Далай-ламы Тубдан-Джамцо в молодые годы. С конца XIX в. он выступал дипломатическим посредником между Тибетом и Россией, часто бывал в Санкт-Петербурге, оказывал содействие в проведении российских экспедиций в Центральную Азию.

Оказавшись при дворе тибетского Далай-ламы, Агван Доржиев стал играть ведущую роль во внешней политике правительства Тибета в конце XIX — начале XX в. Его деятельность была направлена на сближение Тибета и России и протекала в сложной внешне- и внутривластной обстановке. 30 сентября 1900 г. император Николай II во дворце принял лхарамбу Агвана Доржиева, первого цаннидхамбо при особе тибетского Далай-ламы. В мае 1901 г. в составе официальной делегации во главе со вторым секретарем Далай-ламы Каинчок и представителем властей города Лхасы окружным начальником Пюнцок А. Доржиев прибыл в Санкт-Петербург уже в качестве главы делегации, а 23 июня произошла встреча делегации с Николаем II. Посольство передало царю личное письмо Далай-ламы и подарки. Но дипломатических договоров вновь не было заключено.

Немало кропотливой работы было проделано А. Доржиевым для развития русского монголоведения. Еще в 1899 г. он был принят в Императорское географическое общество на правах члена-соревнователя. С 1901 г. он полномочный представитель Тибета при правительстве России (позднее представлял Тибет при правительстве СССР). В ноябре 1907 г. Агван Доржиев подает на имя вице-председателя Русского географического общества П. П. Семенова-Тян-Шанского докладную записку «О более тесном сближении России с Монголией и Тибетом». Одна из главных целей представленного доклада была, по всей видимости, направлена на создание «великой буддийской конфедерации» народов России, Монголии и Тибета. По его мнению, именно России принадлежит ведущая роль в этом союзе (с подобными планами выступал в свое время и П. Бадмаев).

В начале XX в. А. Доржиев совместно с Ц. Жамцарано и Б. Барадиным создал издательство «Наран» (Солнце), где в течение ряда лет печатались памятники монголо-бурятской литературы. В типографии был опубликован «доржиевский, или агвановский, алфавит», автором которого являлся Агван Доржиев. Реформированный монгольский алфавит был составлен на основе классического монгольского языка с использованием знаков из ойратского и маньчжурского алфавитов и был рассчитан для всех монгольских народов.

Агван Доржиев, который позднее стал Бандидо хамбо-ламой бурятской буддийской церкви, занялся латинизацией монгольского алфавита, а Б. Барадин, близкий друг Ц. Жамцарано, в течение всей жизни уделял много внимания этому вопросу. Э.-Д. Ринчино в ранний период тоже осуществлял языковую реформу и модернизацию. Так называемый «доржиевский алфавит» возник в результате этих первых усилий. На нем было опубликовано несколько книг. Были изданы «Чано Батор. Героическая поэма иркутских бурят-ойратов. Запись Н. Амагаева. Введение А. Доржиева», книга Баярто Вампилова, Агвана Доржиева «Просвещающие рассказы-сказы», «Сборник постановлений по наделению земельными участками

населения Забайкальской области» и др. Известный бурятский языковед Бато-Далай Очиров перевел на монгольский язык Дхаммападу — классический сборник Данжинова, где довольно ясно отражено мировоззрение консервативного нойонства.

По инициативе А. Доржиева в 1908 г. была открыта типография при Ацагатском дацане, где было напечатано немало уникальных книг на монгольском и тибетском языках. Цугольский и Агинский дацаны занимались литографической публикацией религиозно-научной литературы. В их типографиях имелись не только монгольские и тибетские печатные доски, но и европейские шрифты. Был издан исторический труд Агвана Доржиева «Монголо-буряад улас анхан хаанас тасаржа. Ямар орной али сагта хэн хагаантай суугсан... туухэ бэшэг оршибай» («Сокращенный исторический очерк о том, когда и откуда отделился монгол-бурятский народ, в какой стране, в какое время и с какими ханами жил он и прочее»). Объем небольшой, около 20 страниц, был издан тиражом в 200 экземпляров примерно в 1906–1907 гг. Следовательно, в дацанах издавались произведения светской культуры, хотя и в небольшом количестве.

А. Доржиевым также был опубликован ряд произведений о проблемах морали и нравственности, по истории и идеологии буддизма. В частности, такие работы, как «Житие победоносно отошедшего Всемогушего, именуемого "Солнечный свет, кратко раскрывающий лотос учения"», «Краткая биография святого Учителя и принца Буянты» и др.

Он известен и как организатор и идеолог строительства буддийского храма в Санкт-Петербурге, и основатель ряда храмов в Западной Бурятии, буддийской академии (цаннид-чойра) в Калмыкии. После 1917 г. он выступил идеологом обновленчества, пытаясь сочетать учение Будды с марксистским учением. Он оказывал большую помощь академику Ф. И. Щербатскому и его ученикам (А. И. Востриков, Е. Е. Обермиллер и др.). В 1922 г. А. Доржиев возглавил знаменитую школу тибетской медицины при Ацагатском дацане в Бурятии. В декабре 1928 г. на заседании ОГН АН СССР утвержден в качестве иностранного (тибетского) ученого — члена Совета ИНБУК. В 1909–1915 гг. по проекту архитектора Барановского в Петроградской стороне А. Доржиевым было организовано строительство буддийского храма, ныне вновь являющегося собственностью буддийской общины Санкт-Петербурга, освящение которого состоялось 10 августа 1915 г. в честь божества Калачакры, представляющего собой персонификацию тайного учения того же названия. Это было первое буддийское культовое сооружение в Европе. Религиозная и просветительская деятельность буддийского дацана активно продолжалась до кровавых 30-х гг.

А. Доржиев оказывал практическое содействие таким известным русским путешественникам и исследователям Центральной Азии, как П. К. Козлов, М. В. Певцов, Д. А. Клеменц, Э. Э. Ухтомский, Ф. И. Щербатский. Об этом писал академик Ф. И. Щербатский в 1908 г. председателю Совета Министров России П. А. Столыпину: «Почти все русские путешественники по Монголии и Тибету — капитан Козлов и генерал Певцов, Д. А. Клеменц, князь Ухтомский и я лично — глубоко обязаны Доржиеву, помогавшему нам всеми способами».

Агван Доржиев часто привлекался российскими востоковедами в качестве эксперта, крупнейшего в буддийском мире исследователя-знатока культов и обычаев Тибета и Монголии. Им была написана и опубликована ксилографическим письмом отдельная «Биография Будды», которая являлась «самой крупной из его

работ и представляет собой яркий образец бурят-монгольского дацанского книгопечатания».

Агваном Доржиевым написано на монгольском и тибетском языках около десяти работ. Отдельные его статьи были опубликованы и на русском языке. Так, в 1909 г. в сборнике, посвященном 70-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина (XXXIV том Записок Императорского географического общества), была помещена его статья «Ло-гун-гье-бо» (один из религиозных обычаев в Лхасе). Статья первоначально была написана Агваном Доржиевым по-монгольски, любезно переведена на русский язык лектором Санкт-Петербургского университета Б. Б. Барадиным и снабжена примечаниями академика С. Ф. Ольденбурга.

Имея ученую степень доктора буддийской философии (цаннид-хамбо-лхарамба), он был известен в правительственных кругах России, Англии, Китая и Японии как крупный буддийский деятель и дипломат, но на своей родине, в Бурят-Монголии, предан забвению.

Научно-просветительская и духовная деятельность Агвана Доржиева была многоплановой и разносторонней. Она включала в себя активное участие в сооружении многочисленных дацанов, дуганов и хурулов, построенных в Калмыкии, Иркутской губернии и Бурятии, Санкт-Петербурге, историко-этнографические исследования, просветительскую и издательскую деятельность.

Незаменимым помощником в качестве переводчика и эксперта в многочисленных к тому времени экспедициях в Монголию российских ученых был Цокто Гармаевич Бадмажапов (1879–1937). О его жизни и научной деятельности имеется много свидетельств в опубликованных дневниках и работах П. К. Козлова. Многогранная деятельность Ц. Г. Бадмажапова освещена в библиографической литературе.

Не получив специального образования, он 1898 г. по приглашению Русского географического общества вошел в состав экспедиции П. К. Козлова. С этого момента начинается его дружба с великим путешественником, длившаяся до конца жизни, т. е. до 1935 г. Он участвовал в монголо-тибетской (1899–1901), монголо-сычуаньской (1907–1909) экспедициях, в 1913 г. помог П. К. Козлову организовать экспедицию в Центральную Азию, в 1915 г. принимал участие в монгольской экспедиции для закупа скота действующей русской армии, а также в монголо-тибетской экспедиции (1923–1926).

Ц. Бадмажапов был переводчиком в переговорах с монгольскими повстанцами во главе с Тогтохо-тайджи (из Южной Монголии) в 1910 г. В 1913 г. в составе монгольской делегации в Санкт-Петербурге, возглавляемой монгольским Сайноен-ханом Намнан-Сурэнгом, Ц. Бадмажапов участвовал в переговорах с российскими министрами в качестве переводчика. Он был на Всемирной выставке в Париже в 1913 г. вместе с хамбо-ламой бурятских дацанов Д. Итигэловым и другими буддийскими деятелями. Побывал на торжествах в честь 300-летия царского дома Романовых, состоявшихся в столице Российской империи.

Небесспорным в современной монголоведной науке является приоритет «первооткрывателя» П. К. Козловым «мертвого города Хара-Хото», столицы тангутского государства. Многие столетия простоял в пустыне Алашань ныне разрушенный город Хара-Хото. Тибето-бирманские племена минья, которых монголы прозвали тангутами, создали в X в. государство Си-Ся на территории Северо-Западного Китая. Величественная и многолюдная столица государства пережила нашествие войск Чингисхана и была разрушена в неизвестные историкам времена. Данные

источников позволили выяснить, что в конце X в. тангуты образовали свое государство, создали свою письменность.

В 90-х гг. XX в. бурятские ученые Ш. Б. Чимитдоржиев и Н. В. Ким выдвинули дискуссионную проблему, утверждая: «В нашем распоряжении имеется рукопись Цокто Бадмажапова под названием «35-дневная поездка князя Алашана до ставки князя Торгут-бэйле (1907)». В ней содержатся подробные сведения о Хара-Хото, полученные им от жителей окрестностей этого мертвого города. А экспедиция П. К. Козлова направилась в Хара-Хото осенью 1908 г. Можно предполагать, что рукопись Ц. Бадмажапова с описанием Хара-Хото и фотографиями его развалин была представлена в распоряжение экспедиции П. К. Козлова (прямо в его руки или через Географическое общество по официальным каналам). Мы убеждены в том, что, отправляясь в Хара-Хото, П. К. Козлов имел рукопись Ц. Бадмажапова на руках. Удивительно то, что нигде, ни у П. К. Козлова, ни у других авторов, описавших Хара-Хото, не говорится об этой рукописи и участии Ц. Бадмажапова в открытии этого исторического памятника... Мог точно описать эту дорогу человек, продолжительное время живший в этих краях и вошедший в доверие местного населения. Таковым мог быть только Ц. Бадмажапов. Поэтому с полной уверенностью можно утверждать, что своевременная и точная информация Цокто Бадмажапова о Хара-Хото помогла российской науке открыть и исследовать этот уникальный памятник древностей в Центральной Азии». По свидетельству И. И. Ломакиной, «осенью 1907 г. в РГО пришел увесистый пакет с письмами вице-президенту РГО П. П. Семенову-Тянь-Шанскому, П. К. Козлову с любительскими фотоснимками и описанием Хара-Хото...». По приведенным фрагментам из сочинения Ц. Бадмажапова нетрудно понять, что это не случайное описание встретившихся работнику торговой фирмы, перегонявшему скот, любопытных развалин, а совершенно сознательно и старательно проведенное описание остатков древнего города. С обмерами, с привлечением легенд, записанных со слов кочевников, с пониманием важности открытия для науки². Эта публикация и архивный материал, представленный И. И. Ломакиной, существенно меняют наше представление о том, кто был первооткрывателем Хара-Хото. Приоритет же предоставления сведений о Хара-Хото художественными средствами выражения всецело принадлежит Г. Н. Потанину. Он писал Ц. Бадмажапову: «... как я тебе сообщал лично и как это вошло в литературу. Со своей стороны я бы не советовал тебе ссориться с Географическим обществом. От этого косвенным образом может ослабеть к тебе отношение Министерства иностранных дел и Г.У.Г. Шу-а... Я хочу еще раз сказать тебе — обдумай хорошенько».

В то же время из записей известно, что Г. Н. Потанин не смог указать точного расположения города. Торгоуты тщательно скрывали существование древних развалин и дорогу к ним³. В книге П. К. Козлова «Три года по Монголии и мертвый город Хара-Хото» (М., 1927) приводятся сведения о Хара-Хото.

Таким образом следует подытожить, что открытие и описание развалин Хара-Хото, а также рукопись Ц. Г. Бадмажапова вызывают огромный интерес и содержат большой историко-фактологический и этнографический материал. В то время укоренилась практика того, что все историко-археологические открытия принадлежат

---

² Ломакина И. И. Цогто Бадмажапов (Судьба первооткрывателя Хара-Хото) // *Orient*. 1998. Вып. 2–3. С. 187.

³ Потанин Г. Н. Тангуты-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893. Т. 1. С. 464.

руководителю экспедиции. При этом мы исходим из логики, что бурят хорунжий, несмотря на сохранившиеся хорошие отношения с руководителем экспедиций (П. К. Козловым), не мог в тех условиях конкурировать с полковником Генерального штаба. К тому же П. К. Козлов считал себя самым известным после Н. М. Пржевальского ученым-путешественником, выполнявшим секретные разведывательные миссии высшего военного руководства России в Центрально-Азиатском регионе. Сохранившиеся в архиве П. К. Козлова тетради Ц. Бадмажапова свидетельствуют о ценных качествах переводчика. Он быстро научился отбирать сведения, проводить интервью на самых разных уровнях, толково излагать все в тетрадях. Они читаются с не меньшим интересом, чем изданные книги П. К. Козлова о тех краях.

Описывая дальнейшую жизнь Ц. Бадмажапова в Урге (1921), известный краевед и монголист того времени Д. П. Першин в работе «Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак», подготовленной к изданию И. И. Ломакиной, так характеризовал Ц. Бадмажапова: «Алтан-булакские революционеры, хотя и имели в Урге связи, например, в лице влиятельного бурята Цогто Бадмажапова, бурята-доктора Цыбиктарова и других, но не могли получить обстоятельной информации о наличных силах барона Унгерна и его дальнейших намерениях».

В востоковедной науке остается малоизвестной деятельность учителя Г. Ц. Цыбикова, ученого-путешественника Буды Рабдановича Рабданова (1853–1923). Он окончил Агинскую приходскую школу, Нерчинское уездное училище и три класса гимназии в Чите. Буда Рабданов был увлечен идеей просвещения своего народа и при всем разнообразии деятельности остался в истории прежде всего как вдохновитель своих учеников. Он знал несколько языков: английский, бурятский, монгольский, русский, самостоятельно изучил китайский и тибетский. Буда Рабданов начал свою просветительскую миссию с того, что был учителем в Агинской приходской школе. Он обучал Гомбожаба Цыбикова. Бурятский подвижник неоднократно путешествовал по Монголии и Китаю, посетил крупнейшие буддийские центры. В Монголии он посетил монастырь Табын-богдо-сумэ, находящийся в средней части Большого Хингана. О незаурядных языковых способностях самобытного бурятского ученого мы можем судить по его профессиональной деятельности. Он владел китайским, тибетским, русским, английским и монгольским языками. Б. Рабданов внес большой вклад в подготовку и развитие монголоведных исследований.

Приведем замечание выдающегося исследователя Внутренней Азии В. А. Обручева, лично знавшего Б. Р. Рабданова: «Осенью 1892 г. он согласился принять участие в качестве переводчика без всякого вознаграждения в экспедиции Г. Н. Потанина только ради того, чтобы познакомиться со страной, в которой господствующей религией является буддизм». Тесными были контакты Б. Р. Рабданова с выдающимся тибетским дипломатом, религиозным и политическим деятелем Агваном Доржиевым, с которым в 1893 г. он посетил Францию. В 1895–1896 гг. в Чите Буда Рабданов стал редактором монгольского текста издаваемой П. А. Бадмаевым газеты «Жизнь на восточной окраине». Б. Рабданов был незаурядным человеком, учениками которого считали себя, кроме Г. Ц. Цыбикова, выдающиеся российские ученые Ц. Ж. Жамцарано, Б. Б. Барадин, депутат II Государственной Думы Бато-Далай Очиров и другие выходцы из Агинских степей.

В 1898 г. Буда Рабданов сопровождал Агвана Доржиева, впервые приехавшего в Петербург в качестве посла Тибета. Как спутник Агвана Доржиева он был представлен Э. Э. Ухтомским Николаю II. В Петербурге он был также в качестве делегата по земельному вопросу от забайкальских бурят (тогда проходила ревизия

Куломзина и Б. Рабданов приехал с документом, где было выражено требование признания права собственности бурят на фактически занимаемые ими земли). Он же по просьбе российских ученых-востоковедов составил сборник бурятских пословиц. Вместе с Агваном Доржиевым он побывал в западных странах. В 1901 г., когда Агван Доржиев провел буддийское богослужение в Музее востоковедения во время открытия Всемирной выставки, Буда Рабданов прочитал лекцию о религии и этнографии монголов, китайцев и бурят.

Учитывая сложную международную обстановку в Центральной Азии в конце XIX в., Агван Доржиев считал, что в случае учреждения в 1898 г. русского консульства в Лхасе другие иностранные державы будут требовать такого же права и для себя, поэтому он предлагал направить русского чиновника в Да-цзян-лу — небольшой населенный пункт в Тибете, находившийся на торговом пути между Тибетом и Китаем и связанный железной дорогой с Пекином. В качестве такого чиновника Агван Доржиев рекомендует Б. Рабданова. В 1903–1904 гг. Б. Рабданов жил в Восточном Тибете, изучая вопрос об основании русского консульства в г. Да-цзян-лу и развитии там русской торговли. Впоследствии он стал чиновником МИД Российской империи и работал в русских консульствах в Урге и Хайларе.

Время пребывания Б. Рабданова в Тибете совпало с периодом нахождения англичан в Центральном Тибете в 1903–1904 гг. 18 мая 1903 г. вице-король Индии лорд Джордж Керзон принял решение направить вооруженную экспедицию в Лхасу, которая началась 1 июля 1904 г. Именно поэтому 3 августа 1904 г. Далай-лама XIII Тубдан-Чжамцо вместе со свитой в сопровождении Агвана Доржиева был вынужден покинуть Лхасу и направиться в Ургу. В этот период Б. Р. Рабданов являлся связующим звеном между русским и тибетским правительствами. «Основная задача остается та же. Неизвестно, какое задание прибудет от наших русских. Получив от вас полные известия, хотим обратиться с письмом, что хорошо бы быстро получить вазочку, украшенную бусами...», — писал он позже. За время пребывания в Тибете Б. Д. Рабдановым был собран обширный материал по истории, этнографии Центральной Азии, который еще ожидает научной оценки. В своих дневниках Б. Р. Рабданов описывает угнетенное положение тибетцев в условиях маньчжуро-китайского господства, коррупции и мошенничества китайских чиновников, происки и засилье английских, французских, немецких миссионеров, продажность и пресмыкательство китайских чиновников перед международными агентами.

Путешественник дает подробную характеристику особенностей быта и культуры тибетцев, обращает внимание на положение буддийской религии и церкви, на жизнь монахов, князей и простолюдинов, подчеркивает главенствующую роль женщин-тибетянок в торговых операциях и деловых сделках, мастерски описывает город Да-цзян-лу и городскую жизнь. Б. Р. Рабданов рассказывает о монгольских и бурятских паломниках, о прохождении торговых караванов и почтовых курьеров между Чэнду-фу и Лхасой. Дневники, оставленные Б. Рабдановым, — ценные исторические и этнографические источники, описывающие быт и культуру тибетского и китайского населения Восточного Тибета.

В 1905 г. Б. Рабданов в Чите организовал издание газеты «Свободная печать» и вступил в конфликт с официальными буддийскими деятелями. После 1917 г. он призывал к сотрудничеству с советской властью, занимался собиранием бурятской старины и исследованием фольклора. В 1917 г. Б. Рабданов участвовал в работе II съезда сельского населения Забайкалья, избирался членом Народного Совета и Забайкальского областного исполкома. Личный архив Б. Р. Рабданова был уничтожен в 1923 г.

Несомненно, Б. Р. Рабданов внес существенный вклад в востоковедение, но только в наши дни его заслуги оценены по достоинству. Его характеристика быта и хозяйственно-экономической деятельности различных социальных слоев Монголии и Тибета содержит обширную информацию о внутренней и внешней политике тибетского государства, о засилье представителей Цинского Китая, попытке ассимиляции тибетцев и других малых народностей. Издание его дневников — насущная задача нашего времени.

В историографии научной деятельности бурятского ученого выделяются дневники исследователя. Первым ученым, кто ввел в научный оборот дневники путешествия в Восточный Тибет и письма Б. Р. Рабданова, был Р. Е. Пубаев. Дневники путешествия Б. Р. Рабданова в Восточный Тибет — это три маленькие тетради, из которых первые две названы «Путевыми заметками богомольца», а третья — «Год в Да-цзян-лу». Как отмечает Р. Е. Пубаев, пагинация во всех тетрадях архивная. Первая датирована 28 мая 1903 г., Ханькоу, вторая — 17 августа 1903 г., Дацзянлу, а третья — 15 декабря 1904 г., Ханькоу».

В рассматриваемый период широко известен выдающийся бурятский монголовед Элбэк-Доржи Ринчинович Ринчино (1888–1938).

Первоначальное образование Э.-Д. Ринчино получил в приходской школе, по окончании которой поступил в городское училище. Завершив учебу в 1905 г., он переезжает в Верхнеудинск, где поступает в реальное училище, а затем учится в Троицкосавском реальном училище. В 1907 г. уехал в Томск и поступил на общеобразовательные курсы технологического института. Здесь он познакомился с известным ученым-этнографом Г. Н. Потаниным и под его влиянием стал проявлять интерес к областническим идеям. Такие идеи, как автономия и самоопределение национальных меньшинств, были близки по духу юному Элбэк-Доржи. В 1908 г., сдав экстерном экзамен за курс гимназии, он стал студентом юридического факультета Петербургского университета, где прouчился до 1914 г.

Исключительно благотворным для Э.-Д. Ринчино было общение со своим земляком, выдающимся деятелем буддизма, реформатором буддийской конфессии, дипломатом и полномочным представителем Тибета в России Агваном Доржиевым. Студент и высочайший духовный лидер познакомились в Санкт-Петербурге, где Агван Доржиев разворачивает грандиозную деятельность по строительству буддийского храма в столице Российской империи. С 1906 г. при его активном участии, помощи Б. Барадина, Ц. Жамцарано и других стала работать типография «Наран» (Солнце), где выпускались религиозные и светские произведения на монгольском и тибетском языках. В этот период у Э.-Д. Ринчино зарождаются идеи автономии бурятского народа в составе монголоязычных народов, впоследствии переросшие в «панмонголизм».

Молодой Элбэк-Доржи Ринчино начинает активно писать под псевдонимом Аламжи Мэргэн и совместно с Н. Амагаевым издает учебник «Новый монголо-бурятский алфавит». В этой брошюре предисловие и общий обзор были написаны Э.-Д. Ринчино, и основные мысли, высказанные здесь, затем будут повторяться в его последующих работах. Отныне Э.-Д. Ринчино будут бесконечно волновать животрепещущие вопросы: единство интересов и задач монгольских народов, вклю-

чая и бурят, элементы классово-дифференцированного подхода к решению социальных проблем, культурно-экономическая отсталость бурятского народа и как найти выход из этого кризиса, как примирить различные, порой враждующие течения в общественной жизни бурят.

Большую работу по усовершенствованию алфавита Агвана Доржиева, в написании букв которого использовалось реформированное уйгуро-ойратское письмо, провел Э.-Д. Ринчино. Авторы учебника отмечали большое значение родного языка в совершенствовании культуры и просвещения, старались, чтобы эта мысль стала достоянием широких кругов бурятской общественности. Э.-Д. Ринчино подчеркивает, что «чужой язык в школе и в сфере религии затруднял усвоение знаний и сознательно выработанных идеалов общественности. И школа, и религия мало считались с тем общепризнанным положением, что истину необходимо преподавать на языке, доступном для масс, что родной язык есть могущественнейшее орудие культурной работы среди данного народа».

В 1910 г. в Петербурге вышел «Сборник монголо-бурятской народной поэзии», а через год увидел свет второй выпуск этого сборника. Они были изданы на новом алфавите, содержали упражнения по чтению. Тексты взяты из образцов фольклора: отрывки из улигеров, сказок, песен, подобранных почти на всех бурятских диалектах. Кроме того, в них помещено несколько стихотворений представителей молодой бурятской интеллигенции, которых редактор по праву называет первыми ласточками. Задачей современных монголоведов является обработка собранного Э.-Д. Ринчино фольклорного материала, хранящегося ныне в архивах Санкт-Петербурга, в их числе и первая часть главы «Гэсэра» на старомонгольской письменности. Также Э.-Д. Ринчино были записаны улигеры «Шаргал моритой Шаралдай мэргэн» («Шаралдай мэргэн на соловой лошади»), «Хүрин зээрдэ моритой Хүрэлтэр мэргэн хүбүүн» (Хүрэлтэр мэргэн на темно-рыжей лошади), сказка «Залхуу Борной, Эргу Шаралдай». В музее этнографии и антропологии в Санкт-Петербурге хранятся экспонаты, привезенные Э.-Д. Ринчино из Бурятии: таарай нэхүүр — ткацкий станок, женские украшения из серебра, сбруя, седло, украшенные пластинами. Добытый материал по говору баргузинских эвенков Э.-Д. Ринчино передал своему учителю — профессору В. Л. Котвичу, который впоследствии, уже пребывая в Польше, написал на их основе и на основе языковых данных обстоятельную статью, которая была опубликована в польском востоковедном журнале в 1950 г. Часть фольклорного материала была издана Э.-Д. Ринчино во втором выпуске «Сборника монголо-бурятской народной поэзии» под псевдонимом Аламжи Мэргэн.

В эти же годы Э.-Д. Ринчино проявляет большой интерес к вопросам национально-освободительного движения в Монголии, восторженно принял известие о провозглашении независимости Монголии в 1911 г. На страницах газет «Русское слово», «Русская молва», «День» он осуждает Министерство иностранных дел России в связи с подписанием русско-китайской декларации, ограничивающей суверенитет Монголии. На формирование взглядов Э.-Д. Ринчино большое влияние оказал Г. Н. Потанин, известный ученый и лидер сибирского областничества. В 1915–1916 гг. Э.-Д. Ринчино участвовал в экспедиции в Монголию, в результате чего им были написаны работы «Шаманство в Монголии» и «Экономические районы Монголии», где скрупулезному анализу подверглась социально-экономическая и религиозная ситуация в стране.

Э.-Д. Ринчино активно занимался и политическими вопросами, став впоследствии одним из лидеров монгольской национально-демократической революции.

О работе Кяхтинской русско-китайской тройственной конференции Э.-Д. Ринчино в журнале «Новое звено» написал отклик: «... единственно возможная и целесообразная форма разрешения монгольской проблемы — это окончательное и бесповоротное устранение незаконных притязаний Китая на Монголию и объявление ее нейтральной зоной между Россией, Китаем и Японией (в Южной Маньчжурии) без всяких протекторатных отношений к Монголии кому бы то ни было». По завершении конференции в газете «Сибирь» он опубликовал несколько статей под общим заглавием «Дальневосточные Балканы». По компетентному замечанию Б. Д. Цибинова, в них он критиковал великодержавную политику правительства Китая в отношении Монголии, осуществил обзор освободительной борьбы партизанских соединений под руководством Бабужаба и Дамбижанцана во Внутренней Монголии, анализировал внутривластическое положение во Внешней Монголии.

С 1920 г. начинается период активного сотрудничества Э.-Д. Ринчино с монгольскими революционерами, а также публицистическая деятельность по вопросам политического положения и истории Монголии. Э.-Д. Ринчино назначается секретарем монголо-тибетской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна. Во второй половине 1921 — конце 1925 г. Э.-Д. Ринчино занимается революционной работой в Монголии — участие в гражданской войне, организация МНП/МНРП, руководство работой правительства, формирование аратской армии, работа в качестве члена ЦК МНРП, члена Президиума Правительства и председателя Реввоенсовета Монгольской народно-революционной армии. И все это совмещалось с активной научной деятельностью. В докладе на III съезде МНРП он обосновал идею о некапиталистическом пути развития страны. Э.-Д. Ринчино являлся одним из авторов первой Конституции, принятой первым Великим Народным Хуралом Монголии, одним из инициаторов и активных участников борьбы с буддийской церковью, доказавшим необходимость ликвидации теократической монархии в Монголии. Наиболее плодотворной в научном плане после выезда из Монголии была его учеба и работа в 1926–1930 гг. в Институте Красной Профессуры и Коммунистическом университете трудящихся Востока в г. Москве. С ноября 1934 г. Э.-Д. Ринчино — профессор КУТВ, активно занимается проблемами монгольского этномира.

Многообразной деятельности Э.-Д. Ринчино посвятила свои исследования проф. Л. Б. Жабаяева, ею опубликован огромный массив ранее засекреченного материала, даны новые методологические ориентиры в оценке этого выдающегося сына бурятского народа.

В отечественном монголоведении заслуживает пристального внимания судьба сибирского просветителя, монголоведа Дмитрия Петровича Першина (1861–1936), выступавшего против «большевистствующих». Серьезным вкладом в современную монголистику (конец XIX — начало XX в.) явилось ранее известное из отдельных публицистических изданий, из статей самого Д. П. Першина в прессе его посмертное издание работы, подготовленное на основе ксерокопии рукописи из архива Гумбольдтского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США) «Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак». Работа имела скромный подзаголовок «Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX в.». Сочинение было издано И. Ломакиной в 1999 г. в Самаре.

В биографии этого журналиста и общественного деятеля более всего интересует период журналистской и литературной деятельности Д. П. Першина в сибирской периодике. В его книге «По Забайкалью», напечатанной в газете «Сибирь» (1910–1911), где только глава «Маймачен и китайцы» печаталась в трех номерах,

П. И. Першин с гордостью писал о создании «Кяхтинского листка» — первого печатного издания на востоке России, «всполюшившего весь чиновный мир», потом сам издавал такие газеты, как «Русский Восток», «Уссурийский листок» и др. Он проявил себя большим патриотом в период Русско-японской войны 1905 г. Таким образом, монголоведные публикации Д. П. Першина требуют специального исследования и отдельного издания.

Большой политико-просветительский смысл придавался совместной деятельности Ц. Жамцарано и Д. П. Першина для подготовки европейски образованных молодых монголов в Иркутске и Троицкосавске (1913–1917) после провозглашения независимости Внешней Монголии. Этому вопросу уделялось внимание, тщательно готовилось и субсидировалось его практическое осуществление. Уполномоченный МИД России в Монголии И. Я. Коростовец просил предоставить монгольским мальчикам на пароходах и в поездах отдельные помещения на льготных условиях и т. д. Большое значение имели поездки и учебные экскурсии монголов в Россию, обучение группы мальчиков.

17 мая 1913 г. Ц. Ж. Жамцарано с 14 учениками ургинских русско-монгольских школ в возрасте от 12 до 17 лет, а также с приватным учеником Сундуй-гуном, его врачом и адъютантом приехали в Иркутск. По распоряжению генерал-губернатора на вокзале их встретил чиновник для особых поручений Д. П. Першин.

Он сохранил подробные и достоверные сведения о пребывании мальчиков в Иркутске. Из их числа, по просьбе Ц. Ж. Жамцарано, было оставлено для учебы в иркутских училищах 7 человек. В период их обучения Д. П. Першин в газете «Сибирь» стремился привлечь внимание властей и общественности Иркутска к обучению монголов — «первых ласточек из Монголии... свить гнездышко и потеплее, и понадежнее». Повседневную практическую опеку над монгольскими мальчиками осуществляли учителя и заведующие училищами, особый попечительский совет в составе Д. П. Першина и А. В. Инкижиновой. Активное содействие оказывали и другие члены «Общества вспомоществования учащимся бурятам Иркутской губернии»: Н. Н. Инкижинов, М. П. и А. Т. Трубачевы, М. Н. Богданов и др. И лишь реакционная часть православного духовенства усмотрела в этой акции угрозу влияния ламаизма на население Сибири. Д. П. Першин принимал участие и в судьбе ученика Ургинской русско-монгольской школы Х. Чойбалсана, выдающегося общественно-политического деятеля Монголии в первой половине XX в. Тщательно изучив этот вопрос, монголовед Е. М. Даревская установила, что сведения Б. Ширендыба, Л. Бат-Очира и Д. Дашжамца, Г. Кунгурова и И. Сороковикова, И. Тугутова не совсем верны. Так, наиболее компетентный исследователь истории Монголии академик, президент АН Монголии Б. Ширендыб в работе «История Монгольской народной революции 1921 г.» пишет: «В 1913 г. Чойбалсан поступает в Ургинскую школу переводчиков. В 1914 г. его как лучшего ученика этой школы посылают в Иркутское училище. Чойбалсан приобщается к русской культуре, изучает русский и немецкий языки, историю и другие предметы. В 1917 г., когда началась Февральская революция, правительство отозвало его в Монголию». Л. Бат-Очир и Д. Дашжамц в работе «Сухэ Батор. Биография» пишут, что Чойбалсан «в 1914–1917 гг. учился в русской средней школе Иркутска». Опираясь на документы Государственного архива Иркутской области, Е. М. Даревская вполне аргументированно подводит итог этой дискуссии: «Х. Чойбалсан был принят в высшее начальное училище при Иркутском учительском институте в октябре 1916 г. и учился в нем только один 1916/17 учебный год. 3 октября 1916 г. «надзирательница учащихся в

Иркутске монголов М. П. Трубачева» подала прошение директору Иркутского учительского института о принятии Х. Чойбалсана в начальное училище при Иркутском учительском институте в 1-е отделение 1-го класса. В мае педсовет постановил перевести его во 2-е отделение 1-го класса. Училище при первом в Сибири Иркутском учительском институте было 4-годичным. Из Ургинской школы было отправлено по одним данным 14, а по другим — 18 учеников в Иркутск и Троицкосавск (ныне Кяхта).

Уже в 1921 г. Д. П. Першин в первом монгольском правительстве, которое он осуждал за «большевистские» идеи в Монголии, увидит «тихого» Х. Чойбалсана, которого опекал во время учебы монгольских подростков в Иркутске как попечитель. «Он хотел красиво одеваться, торговал, его звали на китайский манер Чой-Балсан, он и думать не думал ни о каких «пролетарии всех стран, соединяйтесь!», но его поставили к власти, и оказалось, что революционная власть дала ему то, о чем он и помышлять не мог, — за то время сориентировался и делал то, что велели...».

К концу XIX в. относится языковедческая деятельность видного бурятского монголиста-филолога Ринчена Номтоева (1821–1907), ставшего в 1889 г. действительным членом Русского географического общества.

Известны работы Р. Номтоева и в области тибетского языка. Его переводы способствовали ознакомлению востоковедов со многими произведениями тибетских авторов. Тибетско-монгольский словарь, созданный Р. Номтоевым в 1877 г., получил впоследствии высокую оценку Г. Цыбикова, Ц. Доржа, Б. Ринчена и др. Словарь был издан только в 1956 г. в двух томах монгольским академиком Б. Ринченем. Существует и русско-монгольский словарь Р. Номтоева, который «до сих пор не упоминался в работах исследователей». В словаре содержится около 7000 слов и выражений. В нем использовано большое количество пословиц, поговорок, поэтических выражений из произведений русской литературы. В мае 1914 г. в Алексеевском реальном училище (Троицкосавск) состоялось заседание представителей местной интеллигенции и купечества, которые выступили с инициативой создания 3-годичных курсов при училище с целью подготовки китаистов и монголистов.

В числе ученых России, всесторонне изучавших Монголию, весьма значительна доля работавших в Восточно-Сибирском и Троицкосавско-Кяхтинском отделах РГО, а также сибиряков-поселенцев. Некоторые из них — А. В. Бурдуков и К. В. Вяткина — после Октября стали учеными-монголоведами. Монголы были не только объектом изучения, но и активными помощниками ученых и поселенцев. Экспедиции ученых России по Монголии можно считать периодической и довольно часто повторяющейся формой общения и просвещения монголов, тем более, что большинство исследователей были людьми прогрессивными, считавшими своей обязанностью просвещать монголов.

Экономические и культурные связи России с Монголией в конце XIX — начале XX в. были более разносторонними и интенсивными, чем в предшествующие периоды. Они определялись соседством, уровнем и особенностями развития обоих государств, политическими отношениями России с Китаем и Монголией. В этот период возрастает научный интерес россиян к соседней стране. Российским

правительством по самым разным линиям организуются научные и торговые экспедиции в Монголию. Наиболее активно, тесно и повседневно это проявлялось в пограничной полосе Сибири и Монголии, где наглядно ощущалась их необходимость для обеих сторон.

Существенный вклад в изучение Монголии в начале XX в. внесли практические работники Российской империи: переводчики, дипломаты (Я. П. Шишмарев, В. Ф. Люба, И. Я. Коростовец, А. Я. Миллер), военные (В. Л. Попов, А. А. Баранов, С. Д. Харламов, Ю. Кушелев, А. Н. Куропаткин, А. А. Баторский, В. Ф. Новицкий), купцы (А. Д. Васенев, А. В. Бурдуков, С. Ф. Степанов, А. Балобан), торговые представители и миссионеры (И. А. Подгорбунский, К. К. Стуков, Н. Ф. Исакович, А. Орлов).

В методологическом плане интересны путевые записки купцов, предпринимателей, путешественников, бывавших в Монголии по торговым и другим причинам. Эти материалы являлись объектом пристального внимания офицеров Разведывательного отдела Генерального штаба Российской армии.

Классическими источниками того времени считаются, не отрицая огромного научного наследия других монголоведов, материалы по истории Монголии видных путешественников и ученых. Неизменный интерес в качестве источникового и статистического материала о Монголии, как будущего театра военных действий, вызывают труды ученых-путешественников, посещавших Монголию на рубеже XIX–XX вв.: К. П. Патканова, А. П. Болобан, Г. И. Боровка, В. П. Васильева, Н. И. Веселовского, В. В. Григорьева и др.

Сотрудничество в области экономических и политических отношений России и Монголии приводило к образованию постоянных связей в области науки, просвещения и культуры. Созданные русскими в Монголии школы переводчиков, начальные и коммерческие училища, русско-монгольская школа для монголов и русско-монгольская типография, где печатались на монгольском языке журнал, газета, учебники, книги, кинематограф, частные и общественные библиотеки, клубы и общественные собрания были небольшими очагами просвещения и культуры.

Российские монголоведы рассматривали самые кардинальные и сложные вопросы языка и письменные памятники литературы и фольклора, историю и этнографию, культуру и религию всех монгольязычных народов. Их научные труды способствовали развитию российского, а затем советского монголоведения в XX в.

Православная церковь в своей образовательной миссионерской деятельности по отношению к коренному населению Забайкалья тесно взаимодействовала со светской губернской властью, а также ВСОРГО. Многовековой опыт миссионерской деятельности Русской православной церкви среди инородцев, в частности бурят и монголов, приводил к закономерному выводу о необходимости пропаганды идей христианской религии на родном языке аборигенов. В этом случае переводческая деятельность православных миссий, издание церковной литературы на языке «местного населения» должны были улучшать качество проповеди «русской веры» и облегчить ее усвоение инородцами. Это направление миссионерской деятельности получило свое развитие в связи с работой Библейского общества, ставившего своей целью перевод Библии на все языки народов мира. Русский отдел был организован в Петербурге в 1812 г., а его отделение в Иркутске открылось в конце 1819 г.

Малораскрытой в монголоведной отечественной историографии остается деятельность православных священников из числа бурят, которые занимались переводом и исследованиями, связанными с монгольским языком: Николай Болдонов, Николай Затопляев, Иван Косыгин, Николай Нилов — Доржеев, Алексей Норбоев,

Игнатий Разгильдеев, Яков Чистохин и др. Например, Н. Болдонов составил «Русско-бурятский словарь», А. Норбоев перевел с монгольского «Буддийскую космогонию», Я. Чистохин в «Известиях ВСОРГО» за 1894 г. опубликовал «Материалы по народному творчеству монголов». В их трудах раскрывается малоисследованный в востоковедной науке пласт знания. Также можно отметить имена И. П. Родионова и К. К. Стукова.

Значительный вклад в востоковедение на рубеже XIX–XX вв. внесли братья Д. М. и А. М. Позднеевы. Они создали на востоке страны в 1899 г. Восточный институт. Алексей Матвеевич был директором в период с 1899 по 1903 г., Дмитрий Алексеевич — с 1904 по 1906 г.

После окончания в 1876 г. ФВЯ Петербургского университета по китайско-монгольско-маньчжурскому разряду А. М. Позднеев, по протекции профессора К. Ф. Голстунского, для усовершенствования монгольского языка принимает участие в экспедиции по Монголии для изучения быта монголов. Она была организована Императорским географическим обществом под руководством Г. Н. Потанина. За три года командировки им были собраны ценные рукописи и ксилографы, положившие начало так называемому «позднеевскому фонду» рукописного отдела библиотеки восточного факультета. Среди них были 6 тетрадей «Юань-чао би-ши», крупнейшего историко-литературного сочинения монголов, записанного китайскими иероглифами, изучение которых стало и является по настоящее время целой отраслью монголоведной науки. Им также были приобретены исторические летописи «Эрдэнийн эрихэ» и «Алтан товч». В результате этой поездки университетская библиотека пополнилась монгольскими рукописными и печатными сочинениями, всего 972 тома (бэнь-цзы) из 157 заглавий.

Эти коллекции, полученные А. М. Позднеевым в 1878 г. от синолога архимандрита П. И. Кафарова в Пекине, явились наиболее полными. В 1884 г. вышла его статья «О древнем китайско-монгольском историческом памятнике Юань-чао-ми-ши», знакомящая ученых мир с рукописью, содержащей это сочинение в его полном виде. В рукописи 6 небольших книжечек (тетрадей), разделенных на 15 цзюаней (глав) и затем на параграфы, «всего 292 китайских иероглифических письма».

Богатые источниковедческие и историко-этнографические материалы, собранные ученым во время его поездок в Монголию и Китай, послужили базой для научной и преподавательской работы. Уже первые работы, написанные А. М. Позднеевым, знакомят читателя с современной ему Монголией. Это «Ургинские хутухты» (1879–1880), «Города Северной Монголии» (1880), «Образцы народной литературы монгольских племен» (1880). В 1883 г. ему была присуждена ученая степень доктора монгольской словесности за перевод и исследование монгольской исторической летописи «Эрдэнийн эрихэ». Среди многочисленных монгольских письменных источников эта летопись является одной из значительных по объему и содержанию. Она была написана монгольским летописцем Галданом в Халхе в 1841 г., и ее экземпляр впервые был найден в 80-х гг. XIX в.

Как ординарный профессор А. М. Позднеев первым открыл в России курс чтений по истории литературы монгольских наречий. Преподавание же монгольского языка было оживлено им введением в курс чтения официальных бумаг гражданского и уголовного делопроизводства монголов с подробным изложением как особенностей современного официального монгольского языка, сложившегося под влиянием на жизнь монголов Китая, так и административных устройств Монголии и порядков управления этой страной.

В 1892–1893 гг. А. М. Позднеев предпринял свое второе путешествие в Монголию и Китай, во время которого он собрал большой рукописный и ксилографический материал. Самым ценным приобретением на этот раз явился монгольский рукописный «Ганджур» XVII в., состоящий из 113 томов. Эта поездка была организована по линии МИД для изучения административного строя и политического положения Монголии, а также русско-китайской торговли. В результате опубликовано двухтомное издание «Монголия и монголы» (1896–1898). Монография получила мировое признание в науке, была переведена на японский язык. Это было одно из немногих монголоведных изданий, посвященных тому времени. Обычно монголоведы основное внимание уделяли изучению древности и средневековья.

Приобретенный А. М. Позднеевым петербургский рукописный «Ганджур» — первая полная редакция перевода буддийского канона на монгольский язык — представляет собой уникальное произведение монгольского народа. Научная командировка А. М. Позднеева была весьма плодотворной и важной как для исследователя, так и для университета. Достаточно сказать, что только для Санкт-Петербургского университета им была снова приобретена (помимо «Ганджура») большая коллекция рукописных и печатных китайских, монгольских и маньчжурских сочинений, всего 727 томов (бэнь) из 138 заглавий, а для своих практических занятий со студентами А. М. Позднеев собрал редкую коллекцию ламайских кумиров и других принадлежностей ламайского культа.

Во второй половине XIX в. ученый глубоко исследует ряд крупных проблем: описание и роль монгольских городов (на примере Урги, Улясутая, Кобдо), место и значение ламаистской церкви, ее структура и ламаистская доктрина. Труды А. М. Позднеева являются до сих пор актуальными.

А. М. Позднеев был талантливым ученым и педагогом, опубликовано 122 работы, из которых 17 — монографии. А. М. Позднеев неоднократно посещал Монголию, Бурятию и Калмыкию, благодаря чему прекрасно знал язык и быт монгольских народов, их историю, фольклор и литературу. Учебно-методические материалы и письменные источники, внедряемые профессором А. М. Позднеевым в университете, в значительной степени способствовали усвоению учебных дисциплин на кафедре монгольской и калмыцкой словесности. В этот период монголоведами О. М. Ковалевским, А. В. Поповым, К. Ф. Голстунским составлены основные учебные пособия и хрестоматии, которые содержали тексты историко-религиозного характера, снабженные комментариями и разъяснениями о распространении буддизма в Монголии, основные догматы буддийской религии. По собранным материалам и известным ранее памятникам монгольского письма А. М. Позднеев составил в 1900 г. хрестоматию.

По заданию министра финансов С. Ю. Витте под руководством Д. М. Позднеева было подготовлено двухтомное «Описание Маньчжурии», представляющее собой преимущественно справочное издание по географии и экономике этого региона, в этом труде имелся и исторический очерк.

Следует отметить, что историко-политическими и научными предпосылками деятельности Позднеевых были, на наш взгляд: 1) решение стратегических задач, стоящих перед российским государством в Азиатско-Тихоокеанском регионе, конкурентная борьба с Японией, европейскими государствами, стремящимися завладеть российскими дальневосточными землями, Китаем; 2) исходя из предыдущей задачи подготовка достаточного количества переводчиков, владеющих языками народов этого региона, для дипломатических, военных, коммерческих, религиоз-

ных целей имперского романовского правительства; 3) развитие научного востоковедения.

Открытие Восточного института состоялось 9 июля 1899 г. Институт находился в ведении Министерства народного просвещения, но из-за нарастающей угрозы войны с Японией контроль за его деятельностью был возложен на приамурского генерал-губернатора. Преодолев первые трудности, связанные с устройством помещения и территории, подобрав штат из числа преподавателей в количестве 17 человек, А. Д. Позднеев набирает первый контингент слушателей в составе 82 человек: студентов — 50, вольнослушателей — 14 и офицеров — 18. Поступило на первый курс 37, из коих 8 получили среднее образование в духовных семинариях, а остальные — светских учебных заведениях.

В состав преподавателей вошли востоковеды — выпускники ФВЯ Петербургского университета: А. В. Рудаков, П. П. Шмидт, Е. Г. Спальвин, Г. В. Подставин, с 1902 г. вернувшийся из Тибета Г. Ц. Цыбиков, из Китая и Кореи — Н. В. Кюнер и другие. Если исключить период русско-японской войны, когда Восточный институт был вынужден эвакуироваться в Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), то число студентов в 1906–1910 гг. увеличилось примерно вдвое по сравнению с предыдущим пятилетием (1900–1904). Наиболее значительный прирост приходился на долю военнослужащих: если в первом пятилетии в институте обучалось 78 офицеров, то во втором — 378. Выросло за указанное десятилетие и число вольнослушателей, которые, как и студенты, обязаны были платить за обучение. Как видно из резкого роста числа обучаемых военных, здесь отразились противоречия с Японией, да и начавшаяся русско-японская война. Общественное движение за предоставление женщинам права активного участия в жизни своей страны, сопровождавшееся в России созданием бестужевских и других женских курсов, не прошло бесследно и для Восточного института: среди студентов 1-го курса, отправленных в 1907 г. на языковую практику в Пекин, была и представительница женского пола — вольнослушательница Анастасия Маломеркова.

Срок обучения в Восточном институте составлял четыре года, причем на 2-м курсе студенты распределялись по четырем отделениям (китайско-японское, китайско-корейское, китайско-монгольское и китайско-маньчжурское). На китайско-монгольском отделении кроме монгольского языка студенты изучали основы политического и экономического строя современной Монголии, а также особую роль ламаизма и возможности торгово-предпринимательской деятельности. Почти три четверти учебного времени отводилось восточным и европейским языкам.

Поскольку в Петербургском университете традиционно изучались только Китай и Монголия, этот опыт для Восточного института оказался недостаточным в силу его «практического» предназначения, требовалось расширение преподаваемых дисциплин, а также разработка новых курсов. После возвращения в 1902 г. из заграничной командировки Н. В. Кюнера преподавание историко-географических дисциплин было поручено ему. Возглавив кафедру, он впервые в российской практике стал систематически читать курсы лекций по истории, географии, этнографии и культуре стран народов Центральной и Восточной Азии, Дальнего Востока, а также по истории русско-китайских отношений (первая половина XVII — начало XX в.).

Для изучающих тибетский язык Г. Ц. Цыбиков впервые составил в 1908 г. и издал учебное пособие. Хотя преподавание тибетского языка в Восточном институте успешно продолжалось вплоть до 1917 г., кафедра тибетской филологии так и не была открыта: помешала Первая мировая война.

С первого же года существования института А. М. Позднееву удалось организовать выпуск «Известий Восточного института» — первого востоковедного научного издания на периферии. Интересной для историографии востоковедной науки является до конца не изученная библиотека Восточного института, сформированная в первую очередь стараниями японоведа Е. Г. Спальвина на казенные и частные пожертвования. Наиболее богатым отделом библиотеки считается китайский. Его основу составили китайские сочинения, привезенные из Китая А. В. Рудаковым и П. П. Шмидтом. В этом отделе значительное место занимали классические книги с комментариями как ранних, так и более поздних авторов, полное по тем временам собрание династийных историй, своды законов цинской эпохи и энциклопедии. Архивные документы попали в Россию в качестве трофеев во время восстания ихэтуаней, спасенные русскими солдатами при попытке уничтожения их цинскими властями, они были переданы Восточному институту для хранения и приведения их в порядок. В 1914 г. в библиотеке Восточного института насчитывалось около 125 тысяч томов различного содержания.

Успехи востоковедов-дальневосточников в изучении сопредельных стран, особенно на стадии становления нового центра ориентализма, не сразу были приняты благосклонно со стороны их коллег, тем не менее достижения в области синологии за короткий срок были обнадеживающими.

Когда по семейным делам и по состоянию здоровья старший брат А. М. Позднеев оставил пост директора, младший брат Дмитрий Матвеевич по приказу министра народного просвещения 5 декабря 1904 г. заменил его. Он руководил институтом в период русско-японской войны, эвакуации института в Верхнеудинск, начавшейся первой русской революции, что привело к временному закрытию учебного заведения до весны 1906 г. Все это отрицательным образом сказалось на здоровье Д. М. Позднеева, он подал прошение об отставке, которое было принято осенью 1906 г.

Учебно-педагогическая деятельность братьев Позднеевых благоприятным образом повлияла на развитие востоковедения. Традиции, заложенные ими, были продолжены и в советское время.

В 1903–1917 гг. А. М. Позднеевым была переведена с монгольского на русский язык первая часть учебника тибетской медицины «Джуд-ши» (1908). Дословный перевод первых двух томов «Чжуд-ши» — это «...один из трех вариантов «Чжуд-ши», опубликованных ранее П. А. Бадмаевым (1899 г.) и Д. Ульяновым (1903) и представлявших собой вольные и подстрочные переводы. По мнению современных исследователей тибетской медицины, труд А. М. Позднеева впоследствии не утратил своего научного значения и потому в 1991 г. был переиздан репринтным способом в Ленинграде.

Большой политико-просветительский смысл имела совместная деятельность Ц. Жамцарано и Д. П. Першина после провозглашения независимости Внешней Монголии для подготовки европейски образованных молодых людей из числа монголов в России. Этому вопросу уделялось внимание.

Таким образом, экономические и культурные связи России с Монголией в конце XIX — начале XX в. были более разносторонними и интенсивными, чем в предшествующие годы. Они определялись соседством, уровнем и особенностями развития обеих государств, политическими отношениями России с Китаем и Монголией. В этот период возрастает научный интерес россиян к соседней стране. Российским правительством по самым разным линиям организуются научные и торго-

вые экспедиции в Монголию. В пограничной полосе Сибири и Монголии наглядно ощущалась их необходимость для обеих сторон.

На основе формирующихся тесных экономических и политических отношений россиян и монголов развивались связи в области науки, просвещения и культуры. В Монголии были созданы школы переводчиков и начальные, коммерческие училища, русско-монгольская школа для монголов и русско-монгольская типография, где печатались на монгольском языке журнал, газета, учебники, книги, кинематограф, частные и общественные библиотеки, клубы. Организованы поездки и учебные экскурсии монголов в Россию, обучение группы мальчиков в 1913–1917 гг. в Иркутске и Троицкосавске. Огромный вклад во всестороннее изучение Монголии внесли ученые сибирских отделов РГО — Восточно-Сибирского и Троицкосавско-Кяхтинского, а также сибиряки-поселенцы. Некоторые из них — А. В. Бурдуков, К. В. Вяткина — стали монголоведами.

Иван Яковлевич Коростовец (1862–1933) — русский дипломат, востоковед. В 1912 г. по поручению премьер-министра С. Ю. Витте возглавил русскую дипломатическую миссию в Урге (ныне — Улан-Батор). 21 октября (3 ноября) 1912 г. подписал русско-монгольское соглашение, где признавалась автономия Внешней Монголии и приводился ряд привилегий русским подданным в Монголии. Это означало признание независимого монгольского государства, сыграло решающую роль в процессе образования Монголии, что было одним из дипломатических успехов императорской России перед Первой мировой войной.

Монголы были активными помощниками ученых и поселенцев. Экспедиции по Монголии можно считать периодической, но довольно часто повторяющейся формой общения и просвещения монголов, тем более, что большинство исследователей считали своей обязанностью учить монголов.

В монголоведной историографии считается, что существование летописных сочинений — это показатель достаточно высокой культуры бурятского народа, обладавшего вполне сложившейся письменностью и достаточно богатой письменной литературой. Многие летописи сохранились в рукописях. Возникает вопрос: «Почему они так мало печатались в дацанских типографиях?» Ведь там издавались в значительном количестве духовные (богословские) сочинения на тибетском и старомонгольском языках. Возможно, это объясняется тем, что ламы, зная исключительную популярность изданий исторической и художественной литературы, отрицательно относились к подобным публикациям.

Начало XX в. было ознаменовано дальнейшим развитием востоковедной науки в России. Флагманом продолжал оставаться факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, в котором, по данным на 1 января 1910 г., обучалось 176 студентов.

На кафедрах велись научные исследования по всем специальностям востоковедной науки. Новые экономические и политические реалии России, связанные с интенсивным развитием капиталистических отношений, требовали большей специализации научных исследований. Дифференциация востоковедных наук на ФВЯ характеризовалась дальнейшим развитием археологических раскопок и сбором рукописей, новыми выводами в истории народов Кавказского, Центрально-Азиатского и Сибирского регионов. Активно работают на факультете будущие академики Н. Я. Марр, И. А. Орбели, примыкающие к ним литературоведы В. А. Жуковский, В. Д. Смирнов, И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев и др.

Характеризуя востоковедную науку России начала XX в., академик В. В. Бартольд отмечал: «В XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе».

Российские востоковеды создали такие разделы ориенталистики, как кавказоведение, монголоведение, тюркология, внесли свой вклад в развитие арабской, иранской, индийской, семитической филологии.

Система организации и формирования востоковедной науки была более гибкой и сложной, часто наиболее приспособленной к потребностям практического имперского российского востоковедения. Вторая половина XIX в. до начала 20-х гг. XX в. — период, связанный с бурным развитием капиталистических отношений в России и вовлечением восточных окраин империи и приграничных территорий, в частности Монголии, в этот процесс. Механизм капитализации этих территорий был напрямую связан с расширением светских знаний у жителей, населяющих эти края. Этот период характеризуется дальнейшим развитием классического востоковедения и, что является для нас немаловажным, широким развитием в рамках этого процесса китаеведения (синологии) и монголоведения.

«Монгольская проблема» как составная часть восточной политики царизма в отношении Китая увеличивала значимость русско-монгольских торгово-экономических отношений. В обсуждение этой проблематики вступили представители различных слоев российского общества того времени. Формируется достаточно большой блок письменных документов и материалов по этой проблематике.

Фундаментальные работы по истории Монголии периода раннего, средневекового, Нового времени были подготовлены российскими востоковедами, представителями старой классической школы монголоведения. Эта школа зародилась и укрепилась в XVII–XIX вв. Ученые ориенталисты этой школы осознавали историческую сопряженность судеб России и Монголии. Сформированные научные традиции по-своему влияли на развитие монголоведения в России.

Многогранная научно-исследовательская деятельность выдающихся востоковедов — В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцова, В. Л. Котвича, А. Д. Руднева и других ученых — происходила на переломе XIX и XX веков.

В этот период российскими востоковедами были разработаны их основные фундаментальные труды по вопросам монгольской истории, языку, культуре, религии, этнографии. Стали достоянием широкой научной общественности в первой половине XX в., «захватывая» советский период монголоведной историографии.

Активизация российского правительства в проведении межимпериалистической захватнической политики приводит к расширению изучения Монголии и прилегающих регионов. Сюда активно подключаются военные, увеличивается финансирование научных исследований, создаются географические экспедиции, приводящие к новым археологическим, этнографическим, филологическим открытиям. Развитие более узкой специализации, расширение направлений в российском востоковедении находят отражение в монголоведении.

Международные отношения и формы связей русских с монголами на рубеже XIX–XX вв. были значительно шире и разнообразнее, чем это было раньше. А. И. Герцен писал: «Из Европы Россия казалась азиатской, из Азии — европейской». В. О. Ключевский отмечал: «Россия — переходная страна в отношении культуры и истории между государствами Европы и Азии. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа наложила на нее свои особенности и влияние, которые всегда влекли ее к Азии или же в нее влекли Азию. Россия — переходная страна, посредница между двумя мирами».

Исходя из этих положений, продолжает оставаться актуальной развиваемая в современном монголоведении проблема евразийства, получившая практическое воплощение в имперском периоде правления чингисидов, характеризуемая масштабными проектами переселения народов, развитием земледелия в отдельных районах Монголии и параллельно скотоводства в определенных областях Китая.

Процесс развития российского востоковедения и монголоведения, исходя из общеисторической диалектики развития, принципиально отличался от тождественного процесса в европейских странах. Это было связано с историческими особенностями развития регионов монгольского этномира в силу географических, экономических, политических отличий, особенно в формах колониальной собственности в завоеванных странах. В этом случае российская система организации и формирования востоковедной науки была более гибкой и сложной, часто наиболее приспособленной к потребностям практического имперского российского востоковедения. Эти принципы во многом были продолжены представителями зарождающейся советской монголоведной науки.

Монголоведение на Западе

Во второй половине XX в. развитию монголоведения на Западе посвятил научную деятельность М. И. Гольман. Приведем его фундаментальные труды: «Проблемы новейшей истории МНР в буржуазной историографии США» (М., 1970), «Изучение истории Монголии на Западе (XIII — сер. XX в.)» (М., 1988), «Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е — середина 90-х гг XX века» (М., 2004).

По замечанию М. И. Гольмана, «монголоведение на Западе — это самостоятельная научная дисциплина, изучающая языки и литературу, историю и культуру, экономику и этнографию, современное положение Монголии и монголоязычных народов. Ее становление и развитие проходило после окончания Второй мировой войны и опиралось на определенную инфраструктуру — центры, кадры, общества».

Процесс становления российского и немецкого востоковедения во многом связан с именами немецких ученых, получивших российское гражданство и работавших в российских научных учреждениях, ставших академиками и профессорами Российской академии наук: Готлиба (Теофила) Зигфрида Байера (1694–1738), Якова (Якоба) Яковлевича Штелина (1709–1785), Федора (Фридриха) Павловича Аделунга (1768–1843), миссионера Антония Гобиля, прожившего 36 лет в Китае. Классические монголоведные труды иностранных ученых, в первую очередь немецких, составили источниковую и историографическую базу российского монголоведения, получившего дальнейшее развитие в XX в.

Формирование монголоведения на Западе после Второй мировой войны шло волнообразно, но в целом по восходящей линии: от первых разрозненных очагов в разных концах западного мира до современной отрасли западной ориенталистики, ученые занимались изучением различных аспектов истории и культуры, экономики и текущей жизни монголоязычных народов.

Особенностью западной монголистики является то, что она сосредоточена почти исключительно в университетах и сильно персонифицирована, т. е. в огромной степени зависит от индивидуальных устремлений и усилий. Хронологически этот процесс, исходя из общей обстановки и факторов, оказавших влияние на него, можно разделить на три фазы.

Первая фаза охватывает 50-е — начальную половину 60-х гг. и характеризуется окончательным превращением монголоведения из побочной ветви синологии, каковым оно в общем являлось с момента зарождения во Франции и Германии в XVIII в. и вплоть до середины XX в., в самостоятельную дисциплину.

Следует подчеркнуть, что становление монголоведения в этот период происходило в весьма неблагоприятных условиях, а именно: с одной стороны, западные державы продолжали политику непризнания и дискриминации Монгольской Народной Республики на международной арене, с другой — существовал «железный занавес» и развертывалась «холодная война» между социалистическим лагерем во главе с СССР, составной частью которого была этническая Монголия (МНР, Внутренняя Монголия, Бурятия и Калмыкия), и демократиями Запада.

Следствием этого были почти полная оторванность научной и широкой общественности Запада от монгольского мира, отсутствие с ним каких-либо научных и культурных связей, острая нехватка достоверной информации, оригинальной литературы, учебных пособий, материалов, полевых исследований.

Тем более велики заслуги небольшого числа ученых старшего поколения, монголоведов и востоковедов широкого профиля, с еще довоенным стажем работы в данной области, которые в это трудное время положили начало исследованиям Монголии и подготовке кадров специалистов. Это были Э. Хениш, Г. Франке и В. Хейсиг — в Германии, Л. Амбис — во Франции, Д. Синор — в Англии, К. Гренбек — в Дании, П. Аалто — в Финляндии, Н. Поппе, Ф. Лессинг, О. Латтимор и Ф. В. Клифс — в США.

Именно они стали инициаторами проведения первых университетских курсов монгольского языка, литературы, истории, каталогизации и серийного издания письменных памятников монголов, разработки и осуществления первых исследовательских программ и проектов, формирования монголоведческих центров.

Так, Эриха Хениша с полным правом можно считать одним из зачинателей современного немецкого монголоведения, так как «...монголоведческие изыскания в Германии были продолжены преимущественно учениками Хениша».

Луи Амбис возродил изучение Монголии в других востоковедных центрах в Париже, в Коллеж де Франс в духе классических традиций, заложенных его учителем — крупнейшим сино-монголистом XX в. Полем Пеллио (1878–1945).

В Англии другой ученик П. Пеллио — Денис Синор — в 50-х гг. положил начало не только широкому распространению, но и даже популяризации монголоведения, которое, по авторитетному свидетельству Чарльза Боудена, вне стен Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета «... было почти неизвестной дисциплиной, вплоть до приезда в Кембридж Д. Синора в 1948 г.».

Заслуга Николая Николаевича (Николаса — как его именовали на Западе) Поппе, российского эмигранта, в американском монголоведении заключалась в превращении университета штата Вашингтон в г. Сиэтле, бывшего постоянным пристанищем и местом работы ученого в США начиная с 1949 г., в «кузницу кадров» современного американского монголоведения, один из его центров. Творческое наследие Н. Н. Поппе имеет признанное и непреходящее значение. Его труды, в том числе и те, которые были созданы и опубликованы на Западе, по мнению специалистов, монголоведы и алтаисты «... будут цитировать в течение всего XXI века».

Оуэн Латтимор в 50-е — начале 60-х гг. разрабатывал и внедрял в США комплексную программу изучения Монголии в университете Джона Гопкинса и лекционные курсы по монголоведению в Лидском университете в Англии.

В целом же за 60 лет О. Латтимор, по верному определению бывшего посла Великобритании в МНР Джона Колвина, стал «самым прославленным монголистом Запада».

Деятельность всех этих ученых, их начинания сыграли важную, если не главную, роль в процессе утверждения монголоведения в послевоенное время в качестве учебного предмета и относительно новой научной дисциплины. Вообще личностный фактор всегда имел особое, едва ли не решающее, во всяком случае первостепенное, значение на всем протяжении истории монголоведения на Западе.

Вместе с тем популярности монголистики способствовал начавшийся общий подъем западного монголоведения, обусловленный совокупностью ряда факторов: а) выдвижением стран Востока на авансцену международных отношений и мировой политики после Второй мировой войны; б) региональными и глобальными политическими и экономическими интересами и идеологическими устремлениями западных держав, их борьбой за сферы влияния, привлечением на свою сторону «третьего мира», отсюда — их глубокой заинтересованностью в подлинном научном обеспечении своей политики на Востоке, ростом спроса на востоковедов и востоковедные исследования; в) неуклонным возрастанием общественного и научного интереса к Востоку, пониманием роли и значения его самобытных цивилизаций для судеб мира, стремлением осмыслить процессы революционных и эволюционных изменений, происходивших в восточных странах.

Нельзя не отметить, что становление монголоведения началось тогда, когда стал ослабевать «заговор молчания» в западной прессе и периодике до Второй мировой войны; соответственно появились первые публицистические очерки и обзоры текущего положения Монголии, журналистские репортажи, путевые заметки ученых, политических и общественных деятелей, путешественников и туристов и даже отдельные книги, посвященные этой стране. Глубокого познания предмета нельзя было, естественно, ожидать во время кратковременных вояжей.

Вторая фаза послевоенного развития западной монголистики — середина 60-х и почти до конца 80-х гг., точнее, до 1987 г. Она знаменательна расширением и углублением «монгольских штудий», их развитием не только в традиционных направлениях — филология, источниковедение, история (до начала XX в.), этнография, культура, но и в некоторых новых областях: история Монголии после 1921 г., ее экономика, государственный строй, международное положение и т. д.

Неуклонно увеличивалось в это время число монголоведческих, преимущественно университетских центров, внутри и вокруг которых группировались уже целые научные коллективы монголистов послевоенного поколения и шел процесс образования национальных школ монголистики — каждая со своей спецификой, возникали соответствующие ассоциации — так называемые «монгольские общества», расширялось двух- и многостороннее сотрудничество западных монгологов, в частности по публикации письменных источников, подготовке и изданию юбилейных сборников в честь известных ученых, появились первые коллективные труды.

На этом этапе монголоведение все больше развивалось в области алтаистики, тюркологии, тибетологии и других смежных дисциплин; а также в рамках исследований Внутренней (Центральной) и Восточной Азии, региона Урало-Алтая и Дальнего Востока.

Определенное место монголоведческая проблематика занимала и в трудах ученых СССР и КНР, рассматривались общие проблемы так называемого социалистического лагеря, коммунизма, национально-освободительные движения слабо-

развитых и развивающихся стран — они входили в учебные и научные программы специализированных учреждений и институтов, созданных и действовавших в соответствии с реалиями политического и идеологического противостояния двух мировых систем того времени.

В целом же с выходом МНР на международную арену — вступление в ООН и другие международные организации, установление дипломатических отношений в 60–70-е гг. почти со всеми западными державами, заключение с ними первых межправительственных и межведомственных контактов и соглашений о культурном обмене и сотрудничестве — безусловно, возрастал академический и общественный интерес к Монголии, расширялись возможности получения монголоведческого образования и проведения научных исследований, в том числе непосредственно в самой стране, появлялась относительно регулярная информация и поступала на запад оригинальная литература, а также устанавливались связи западных ученых с институтами Монгольской академии наук, получившей всеобщее признание как главный центр мировой монголистики и расширения международного сотрудничества ученых.

Все это обусловило общий подъем монголоведения на Западе, выразившийся, в частности, в широкой практике «монгольских штудий» во всем мире.

И тогда, как в 50-е гг., по справедливому замечанию Пенти Аалто, монголоведение во многих странах находилось лишь «... в начальной стадии развития», к середине 80-х гг. оно формировалось уже в 60 крупных университетах и 50 научно-исследовательских институтах, более чем в 40 странах мира. Ежегодно в общей сложности появлялось до 200 новых печатных работ в этой области, значительную долю которых составляли труды западных авторов.

Прогресс мог быть еще более масштабным, если бы не влияли на состояние монголистики в западных странах неблагоприятные факторы. Во-первых, общая атмосфера политической конфронтации и обострения идеологической борьбы между советским блоком, частью которого была в то время Монголия, и «буржуазным, капиталистическим Западом» во главе с США. Во-вторых, односторонняя ориентация на Советский Союз, идеологизированный внешнеполитический курс руководства МНР, закрытый в то время характер монгольского общества в целом, недоступность архивов, рукописных собраний и многих книжных фондов в частности. В-третьих, стойкие и старательно поддерживаемые с обеих сторон стереотипы мышления, отражавшие несовместимость марксистской и немарксистской научной мысли. В-четвертых, пожалуй, самое главное: «при всех изменениях позиции западных стран в отношении к МНР — признание ее де-факто и де-юре, развитие дипломатических и культурных связей, а также монголоведения шло бы успешнее, если бы оно не оставалось на периферии глобальных политических и экономических интересов Запада, который в лучшем случае рассматривал Улан-Батор лишь как выгодный пункт наблюдения за перипетиями советско-китайских отношений, особенно в период их обострения в 60–70-е гг. и начавшейся дезинтеграции мирового коммунистического движения. В-пятых, это стойкое реноме МНР как «старейшего и верного» сателлита СССР, как исключительной сферы влияния и диктата у широкой общественности и даже части академических кругов на Западе. Эти негативные моменты постепенно исчезли уже в начале третьей, современной, фазы развития монголоведения, т. е. в конце 80-х до середины 90-х гг.

Третья, или начальная, фаза современного этапа началась на Западе вместе с коренными переменами в мире, в самой Монголии, в ее взаимоотношениях с западными державами. Эти перемены уже оказали и впредь еще долго будут оказы-

вать прямое воздействие на характер и особенности монголоведения во всем мире, включая его западную ветвь.

В конце 80-х — начале 90-х гг. был проведен ряд международных мероприятий ученых в области монголистики по обе стороны Атлантики, велась более широкая популяризация культуры и истории Монголии, развивались научные и культурные контакты с ней западных стран. На Западе в свет вышло немало работ, обогативших научную литературу соответствующей тематики, прошли совместные научные конференции и симпозиумы по проблемам номадизма.

Большой вклад в монголистику вносили Международные конгрессы монголоведов в г. Улан-Баторе, проводившиеся с 1959 г., западные монголоведы принимали активное участие, начиная с V Конгресса монголоведов (1987). С 1987 г. проводятся международные симпозиумы по проблемам Монголии в автономном районе Внутренняя Монголия в г. Хух-Хото.

Интенсификация работ западных монголистов способствовала налаженному книгообмену с Монголией, а также с Россией и КНР, беспрецедентным возможностям свободного знакомства со многими ранее недоступными библиотечными и архивными фондами, появлению в печати ранее неизвестных документов и материалов. С начала 90-х гг. главные центры Запада располагают основной массой литературы, опубликованной в бывших МНР и СССР, всеми последними новинками монголистики и получают соответствующую периодику со всего мира.

Повышенный спрос на специалистов в связи с развитием многосторонних отношений с этой страной, привлечение их на дипломатическую работу также стимулировали деятельность монголоведов в обозреваемое время. Таким образом, активности ученых способствовали расширение источниковедческой и историографической базы исследований, новые импульсы и новые возможности в работе — характерные черты начальной стадии современного этапа развития монголоведения на Западе.

Важная отличительная черта современного мирового монголоведения с участием западных специалистов — работа Международной ассоциации монголоведения (МАМ), созданной «в результате длительного объединения усилий монголистов мира» на V Международном конгрессе монголоведов в 1987 г. в г. Улан-Баторе. Уже в 1997 г., к своему десятилетию, особенно после принятия ее в ЮНЕСКО в 1989 г., МАМ включала 300 индивидуальных и более 10 коллективных членов из 32 стран, а общее число подписчиков в мире на издания МАМ достигло 400.

Наблюдалось развитие новых направлений, внимание к актуальным проблемам Монголии, вопросам истории и культуры ее номадов, их роли и месте в мировой цивилизации, а также интерес к социально-экономическим процессам и актуализация исторических исследований.

В формирование монголоведения внесен немалый вклад, происходит процесс превращения МАМ в инструмент интеграции всех специалистов в мире, а печатных органов ассоциации — ежегодника «Mongolica» и Информационного бюллетеня — в трибуну свободного обмена информацией, идеями, мнениями, проектами и результатами исследований.

Развитию интеграционных процессов, расширению и активизации научных связей и контактов, кооперации монголоведов разных стран, кроме МАМ, способствуют Постоянная международная конференция алтаистов (ПИАК), Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии, Международная ассоциация санскритологии, международные объединения и общества буддологов, тюрко-

логов, тибетологов, востоковедов и, конечно, национальные ассоциации и общества монголоведов.

Анализ соответствующих материалов позволяет сделать вывод, что на трех этапах развития в послевоенные годы монголоведение в Западной Европе и США при всех его особенностях в каждой стране наблюдались научно-организационные, методические и проблемно-тематические изменения, характерные в рассматриваемый период вообще для всей западной ориенталистики.

Советская монголоведная историография

Революционные события начала 20-го столетия в Евразии привели к образованию Советской России и автономной Монголии, где продолжались многолетние дореволюционные традиции изучения истории, филологии, этнографии, географии, археологии Монголии, сложившиеся в отечественной монголистике в предшествующий период.

В советском монголоведении, неотделимом от мирового востоковедения, которое в XX в. нередко «выстраивалось» по западным моделям, необходимо выделять методологические закономерности, связанные с негативной трансформацией истории кочевых народов.

Этот процесс зачастую характеризовался механическим переносом на Восток процессов и явлений, свойственных европейской цивилизации и культуре. При таком подходе нарушалась сложная диалектика общего и особенного, а национальное-самобытное (монгольское) как бы растворялось в мировом историко-культурном развитии. Многовековое духовное наследие монгольской этносферы в советский период истории было подвергнуто отличной от дореволюционного монголоведения трансформации имеющей свои положительные и отрицательные особенности. В трудах советских ученых-монголоведов отражен анализ кочевникового ведения как специфической науки, характеризующей историю Монголии.

В то же время необходимо особо подчеркнуть, что базовой основой советской монголоведной науки продолжала оставаться классическая дореволюционная российская монголоведная научная платформа.

Основным методологическим положением, характеризующим советскую историографию истории Монголии в XX в., являлась формирующаяся догматическая марксистская наука о роли кочевников в мировой истории, а также их развитие в индустриальном мире. Стержнем этой теории являлась концепция некапиталистического пути развития Монголии, что обосновано догматическим учетом особенностей хозяйственного уклада, социальной жизни, культуры, религии, бытовых традиций монгольского народа. Непреложным являлся тезис о том, что наличие марксистско-ленинской партии (МНРП) и всесторонняя помощь КПСС в лице Советского Союза будет способствовать созданию социализма в МНР. В рамках этой методологической концепции происходило изучение вопросов истории Монголии, сотрудничества двух стран, в том числе пригранично-регионального, основу которого составляли интеграционные процессы развития социалистического сотрудничества.

В современном мировом монголоведении особой полемике подвергаются проблемы некапиталистического пути развития Монголии. Основные положения, тезисно выдвинутые В. И. Лениным при активном участии бурятских переводчиков и консультантов монгольской делегации в ноябре 1921 г. о теории некапиталистического пути развития ранее отсталых народов активно обсуждаются в современной историко-политологической науке. В трудах отдельных монголоведов утвер-

ждается, что такого методологического определения, как «некапиталистический путь развития», В. И. Ленин не применял, что этот термин впоследствии стал разрабатываться Э.-Д. Ринчино, другими большевиками и т. д. Безусловно, проблема определения многих категориальных понятий в монголоведной науке требует своего дальнейшего обоснования и исследования.

В историографическом анализе монголоведных работ советских ученых о Монголии, входящих в хронологию исторических событий, нашли отражение дискуссионные блоки вопросов: 1) проблемы ранней истории монголов в свете новых археологических открытий; 2) проблема «Монголы и Русь» и связанная с ней теория евразийства, а также номадизма или кочевниковедения; 3) проблема восстановления прерванных в период XV–XVII вв., что связано с падением династии чингисидов, исторических контактов России с государственными образованиями народов, населяющих территорию Сибири, Монголии и Китая; 4) проблема источниковедения и историографии собственной истории народов этого региона; 5) проблемы национально-освободительного движения монгольских народов в борьбе против Цинов; 6) успехи советских историографов, достигнутые под руководством КПСС и МНРП в освещении советско-монгольского научного сотрудничества; 7) проблемы современной отечественной историографии, анализирующей эволюцию дореволюционной и советской исторической монголоведной науки. Все эти блоки вопросов имеют более детализированную специальную историографическую градацию, свои этапы и подэтапы.

В то же время для периодизации эволюции отечественного монголоведения считаем необходимым обоснование отдельной периодизации развития советской монголистики по сотрудничеству СССР и МНР в области образования и гуманитарной науки в МНР в 1921 — начале 1990 гг.

Необходимость выделения этой периодизации вызывается тем, что эти сферы образовательной деятельности являлись идеологической составляющей развивающегося по некапиталистическому пути развития монгольского общества. Эти научные исследования отражали официальную партийно-государственную позицию по истории МНР, советско-монгольских отношений. Выделение этих этапов является дискуссионным, не до конца получившим свое утверждение в современной отечественной монголистике. Исходя из анализируемых источников, мы подразделяем их на историографические подэтапы: 1) формирование монголоведной советской историографии развития светского монгольского общества, образования и науки в МНР в 1921–1940 гг., подвергнутой политическим и научным репрессиям в конце 30-х гг. XX в.; 2) эволюция советской монголистики в 1940–1952 гг.: выход первых историографических работ в не до конца сформировавшейся марксистской монголоведной методологии; 3) успехи и ошибки советского монголоведения при анализе процессов развития монгольского общества в период строительства социализма (1953–1984 гг.); 4) трансформация монголоведной историографии (1984–2000-е гг.), смена методологических парадигм в отечественном монголоведении.

Необходимо выделить, на наш взгляд, и историографию такого важного аспекта во взаимоотношениях СССР-МНР, как советско-монгольское военнополитическое сотрудничество в период с 1921 по 1992 г. Как нам видится, его необходимо подразделить на пять этапов.

Первый этап — это становление и начало развития советско-монгольского военнополитического сотрудничества Советской России и трудящихся Монголии, ведущих революционную борьбу (1921–1925). Это первый опыт деятельности КПСС и МНРП по руководству боевым союзом братских стран в борьбе с русски-

ми белогвардейцами и реакционными монгольскими феодалами. У истоков боевого союза СССР и МНР стояли В. И. Ленин, Б. З. Шумяцкий, Элбэк-Доржи Ринчино, Д. Сухэ-Батор, Хатан-Батор Магсаржав, С. Данзан и другие.

Второй этап советско-монгольского военно-политического сотрудничества начинается после окончания разгрома белогвардейщины, внутренних и внешних врагов на территории МНР и завершается захватом Японией Маньчжурии (1925–1931). Этот этап характеризуется дальнейшим обострением общего кризиса капитализма, усилением агрессивного характера международного империализма, в том числе и японского милитаризма на Дальнем Востоке, что проявилось в провокациях на КВЖД в 1929 г., особенно при захвате в 1931 г. Маньчжурии. Он характеризуется также строительством социализма в СССР, углублением революционно-демократических преобразований в Монголии, укреплении сотрудничества братских стран, на данном этапе военно-политическое сотрудничество братских стран проявилось прежде всего в оказании Советским Союзом помощи Монголии в развитии экономики страны и укреплении Вооруженных Сил.

С захвата Японией Маньчжурии начинается третий этап в советско-монгольском военно-политическом сотрудничестве (1931 г. — июнь 1941 г.). Это период резкого усиления агрессивности международного империализма, в том числе японского милитаризма на Дальнем Востоке вследствие мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Он характеризуется серьезными изменениями внутри самого капиталистического мира и появлением группы агрессивных капиталистических фашистских государств на Западе (Германия, Италия), а также на Дальнем Востоке (Япония) с целью нового передела мира. Такая политика международного империализма привела к созданию блока фашистских государств во главе с Германией в 1936 г. (антикоминтерновский пакт).

Япония против Советского Союза в этот период развязала военный конфликт в 1938 г. в районе озера Хасан. На данном этапе советско-монгольское военно-политическое сотрудничество особенно ярко проявилось в совместной борьбе с японскими милитаристами в районе реки Халхин-Гол летом 1939 г.

Четвертый этап советско-монгольского военно-политического сотрудничества исторически охватывает период с июня 1941 г. по август-сентябрь 1945 г., т. е. весь период Великой Отечественной и советско-японской войны. Он начинается с нападения фашистской Германии на Советский Союз и завершается вступлением СССР и МНР в войну, поражением милитаристической Японии в августе-сентябре 1945 г.

Данный этап характеризуется дальнейшим развитием советско-монгольского военно-политического сотрудничества до Великой Отечественной войны — совместная защита границ МНР, оказание взаимной помощи в борьбе с фашистской Германией и милитаристской Японией. Особый размах оно приняло в период непосредственной подготовки и в ходе войны, совместного участия советских и монгольских войск в разгроме Квантунской армии.

Пятый этап хронологически характеризуется временем с 1945 по 1992 г. В советско-монгольской историографии это период братского военного сотрудничества СССР и МНР. В современной историографии появляется немало критических статей о сотрудничестве Советской Армии и Монгольской народной армии.

Интересна в методологическом плане следующая периодизация, представленная Е. И. Лиштованным: «I этап — дореволюционный, традиционно выделяющийся советскими отечественными историками. II этап — это 1920–1930-е гг., период «панмонголизма», когда основное внимание в исследованиях уделялось про-

блематике мировой революции и Монголии как плацдарму в продвижении революции на Восток. III этап — приходится на 1950–1980-е гг., когда основной тематикой исследований были вопросы идеологической общности СССР и МНР, социалистического интернационализма и социалистического строительства. IV — это 1980–1990-е гг., являющиеся временем новых оценок и постановки новых проблем».

В начале XX в. традиции светского европейского образования в Монголии были заложены по инициативе бурят-монгольского просветителя, гражданина России и Монголии Ц. Ж. Жамцарано. В 1913 г. появилось два важных издания: журнал «Шинэ толи хэмээх бичиг» и газета «Нислэл хурээний сонин бичиг». Журнал начал выходить в 1913 г., а в последующем был преобразован в газету. С 1915 г. стала издаваться газета «Нийслэл хурээний сонин бичиг», которая выходила до 1920 г.

В переходный по хронологическим меркам период — от российского монголоведения к формирующемуся советскому — опубликованы в 1919 г. известные в научной и публицистической печати еще в 1902 г. путевые записки Г. Ц. Цыбикова «Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899–1902 гг.».

Из-за многочисленных филологических, текстологических поправок, войн, которые вела Россия в начале XX в. с иностранными государствами, начавшейся гражданской войны издание научной работы затянулось. Оттиски труда увидели свет только в 1919 г. в издательстве Русского географического общества. Редакторами ее значились академики С. Ф. Ольденбург и Ф. И. Щербатский (и, как стало известно из архива, в редактировании принимал активное участие третий академик — Ю. М. Шокальский), а также покойные А. В. Григорьев и К. И. Григорьева.

Новый, советский, этап развития монголоведения характеризуется публикацией в 1921 г. в Иркутске фундаментального исследования Ивана Михайловича Майского (1884–1975) «Современная Монголия». Он являлся руководителем экспедиции по Монголии, снаряженной Всероссийским центральным советом потребительских обществ, работавшей на протяжении полутора лет (1919–1920), было пройдено более трех тысяч километров по стране. В итоговом труде по результатам экспедиционных и статистических исследований И. М. Майский с большим эмоциональным восприятием охарактеризовал экономическое и социальное положение Монголии периода «автономии».

Работа «Современная Монголия» была написана с помощью известного в тот период и прожившего более тридцати лет в Монголии исследователя А. В. Бурдукова. Он предоставил свою монголоведную библиотеку (свыше тысячи томов), а также, по замечанию автора, «в мое распоряжение не только удобное помещение и библиотеку (которая имела для меня огромную ценность), но и связи с монголами и свое несравненное знание страны, населения и местных порядков».

Работа И. М. Майского «Современная Монголия» в отличие от всех без исключения предыдущих изданий о Монголии носила комплексный характер. Не будет преувеличением, если мы назовем монографию Майского своеобразной энциклопедией дореволюционной Монголии не только по объему (472 страницы большого формата), но и по насыщенности фактическим материалом и кругу вопросов, рассматриваемых в работе. В книге пять больших разделов, материалы которых являются ценным историческим источником. И. М. Майский в работе «Монголия накануне революции» (1959) подвел определенный итог политического развития Монголии в первой половине XX в.

Большой интерес для формирования научных знаний о Монголии на рубеже XIX–XX вв. вызывает классическая монголоведная работа в Монголии А. В. Бурдукова «В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма». Обширные связи с духовными, светскими, научными деятелями всех направлений дореволюционной и послереволюционной Монголии, сотрудничество автора с выдающимися российскими исследователями Монголии: путешественниками и географами, археологами и этнографами, такими как Г. Н. Потанин, В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов и другие, раскрываются в этой фундаментальной монографии.

В 20-е гг. XX в. небольшой блок историографических трудов об организации Академией наук исследовательских работ в Монголии схематично освещен во многих изданиях, посвященных истории Академии наук, ее экспедиционной деятельности и международным связям, а первые статьи по этой теме появились уже во второй половине 1920-х гг.

Большой вклад в эту проблематику вносят труды исследователя В. П. Гирченко, в которых после краткого перечисления работ Академии наук на территории Монголии и Бурятии с XVIII в. до начала 1920-х гг. указывается на необходимость продолжения этих исследований, особенно в Бурят-Монголии, автономной республики СССР. Для этого автор предлагает создать специальную экспедицию, подобно экспедиции, организованной для изучения Якутской республики.

В 1923 г. в Монголию была направлена комплексная Монголо-Тибетская экспедиция, снаряженная Географическим обществом и Академией наук СССР. Ее возглавлял известный ученый, путешественник по Центральной Азии П. К. Козлов. Она длилась до 1926 г. В организационной работе экспедиции П. К. Козлова помогали видные советские ученые и деятели науки В. Л. Комаров, Ю. М. Шокальский и др.

В научных статьях исследователей Монголии А. Д. Симуква и С. А. Кондратьева, живших в Монголии в 20-е годы, была отмечена роль Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова в привлечении внимания российских и иностранных ученых к изучению Монголии. Дан обзор российских экспедиций в Монголии с 1923 по 1929 г. В их статьях отражены перспективные планы развития монгольской науки.

Этот период работы АН СССР по оказанию научно-исследовательской помощи формирующейся монгольской науке освещен в публикации Т. Д. Комкова, Б. В. Левгиина, Л. К. Семенова «Академия наук СССР. Краткий исторический очерк» (М., 1974), в коллективных монографиях: «История исследований полезных ископаемых экспедициями Академии наук СССР» (М., 1966); «Международные научные связи Академии наук СССР: 1917–1941» (М., 1992) и других.

Зарождающаяся востоковедная литература новой эпохи достаточно полно была отражена в первой советской библиографии по МНР, составленной Е. Н. Яковлевой (библиограф КУТВ) и изданной в серии трудов научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (Вып. XVIII): «Библиография Монгольской Народной Республики. Систематизированный указатель книг и статей на русском языке». Проблемы реформирующихся советских научных учреждений были подвергнуты квалифицированному анализу рядом советских авторов, которые указывали, что «прежде всего Академия наук СССР (до 1925 г. Российская Академия наук) развернула работу по изучению монгольской экономики, производительных сил, истории и культуры.

Процессы формирования советской академической монголоведной науки были квалифицированно проанализированы российскими учеными, прежде всего

Т. И. Юсуповой в работе «Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953)», в которой подчеркивается, что «формирование советской академической монголоведной науки непосредственно связано с традициями и историей Российской академии наук 1920-х гг.».

В историографическом обзоре автор подчеркивает, что в советской и российской историографической литературе период начала 20-х годов, когда происходило реформирование Российской академии наук, прошедшей путь от Императорской академии наук (1724–1917), РАН (1917–1925), Академии наук СССР (1925–1991), вновь РАН (с 1991 г.), и установление ее полноценных контактов с новой советской властью, процессы становления ее первенствующего значения в системе государственных научных институтов находили свое широкое освещение.

Большую роль в признании изучения МНР сыграла готовность Академии наук Советской России оказывать «ученые услуги» по исследованию страны. Этой работой ранее занималась, прежде всего, Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), организованная еще в 1915 г., и Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС), созданная в 1917 г. Монгольская комиссия по продолжительности и объему работ занимала видное место в истории Академии наук и российско-монгольских научных отношений. Члены комиссии рассмотрели работы практически всех русских путешественников конца XIX — начала XX века, где представлены многие отрасли знаний академической науки.

Большую научную помощь в формировании советского монголоведения сыграл обмен публикациями между Российской академией наук и Ученым комитетом Монголии. Российской академии наук посылали книги и рукописи на монгольском, маньчжурском и тибетском языках. В 1922 г. из Монголии были отправлены в адрес Азиатского музея при Российской академии наук книги и рукописи, в том числе «История Гэсэра» (части 8–170, «Хох сутар») и др.

Важнейшей формой научного сотрудничества между АН СССР и Ученым комитетом Монголии была организация совместных научных экспедиций для изучения географии, флоры и фауны, природных ресурсов, производительных сил и исторических памятников культуры Монголии. Перед советскими научными экспедициями были поставлены задачи не только изучать, но и оказывать содействие развитию светской науки в Монголии путем подготовки национальных научных кадров. Ученый комитет Монголии с начала 20-х годов установил связи с научными и культурными учреждениями приграничных республик и областей СССР. В 1919 г. из Иркутска в Монголию были посланы две советские экспедиции. Одна — под руководством И. М. Майского, другая — гидрографическая с целью изучения бассейна р. Селенги. Тем самым было положено начало Иркутскому монголоведению советского периода.

В 20-е годы в Монголии были продолжены традиции русских исследователей при изучении археологических nomadных памятников Монголии. В 1924 г. П. К. Козлов открыл знаменитые курганы эпохи сюнну в Ноён-уле, С. И. Руденко — Пазырыкские курганы на Алтае. Г. И. Боровко сумел датировать часть археологических памятников Северной Монголии. Так, к скифскому времени он отнес и оленные камни — один из самых ярких памятников Западной и Северной Монголии.

В 30-х годах сотрудник Комитета наук МНР Д. Д. Букинич произвел раскопки в долине р. Орхон, обращая внимание на изучение древних городов. По мнению археолога-востоковеда С. В. Данилова, «именно археологами были выделены среди

кочевнических древностей, в том числе и Центральной Азии, памятники, связанные с оседлостью, и поставлен вопрос о существовании у кочевников городской культуры».

Основная задача археологов при раскопках Каракорума, Кондуйского дворца, города на р. Хирхира, Ден-Терека заключалась в том, чтобы изменить прежние стереотипы о кочевых обществах Центральной Азии путем публикации материалов. Исследования российских ученых совместно с монгольскими и другими иностранными учеными во многом меняют прежнюю (советскую) картину развития кочевых цивилизаций.

Отметим работы выдающегося русско-советского востоковеда, академика Василия Владимировича Бартольда (1869–1930). Его опубликованный курс лекций «История изучения Востока в Европе и России» явился базовым фундаментальным ориенталистским трудом, в котором отражены постановочные проблемы будущего вектора развития зарождающейся советской востоковедной науки, а также ориентиры центральноазиатских исследований.

Российская академия наук, придавая важное значение книгообмену, создала Комитет по международному обмену научными трудами и литературой. Этот комитет послал в Монголию книги по востоковедению, получая, в свою очередь, от Книжной палаты исторические летописи и сочинения на монгольском и других языках.

С учетом значимости совместных советско-монгольских мероприятий Советское правительство в январе 1925 г. образовало специальную комиссию во главе с Н. П. Горбуновым и с участием видных ученых В. Л. Комарова, С. Ф. Ольденбурга, А. Е. Ферсмана, представителей Наркоминдела СССР и Наркомпроса РСФСР. В том же году весной была образована при СНК СССР постоянная Монгольская комиссия «для организации планомерного, систематического и всестороннего научного исследования Монголии». В 1927 г. правительство поручило Академии наук изучение Монголии, до этого почти два года (март 1925 г. — январь 1927 г.) проводимое Комиссией Совнаркома (СНК) СССР по научному исследованию МНР и Танну-Туvinской Народной Республики и Бурят-Монгольской АССР.

С этой целью в Академии наук была создана специальная Комиссия, сохранившая название своей предшественницы, — Комиссия СНК. С 1928 г. она стала называться просто Монгольской комиссией, что в полной мере отражало основное направление ее исследований. На приграничной с Монголией территории Танну-Тувы работали некоторые экспедиционные отряды Монгольской комиссии (геологический и археологический). Для исследования Бурятии в 1928 г. была создана особая Комиссия по изучению Бурят-Монгольской республики под председательством А. Е. Ферсмана, вошедшая в состав ОКИСАР.

Включение в сферу исследований Академии наук территории другого государства предопределило особенности функционирования Монгольской комиссии, что выражалось в первую очередь в контроле за ее деятельностью со стороны Наркоминдела (НКВД). Научная деятельность имела важное значение в советско-монгольских отношениях, особенно в довоенный период, и рассматривалась советским правительством как один из важных факторов усиления политического влияния СССР в Монголии, идеологического оправдания своей политики и повышения международного престижа. Позже работа советских ученых стала необходимым элементом создания экономических основ монгольского народного хозяйства, организации научно-исследовательских учреждений и воспитания национальных научных кадров.

На примере этого конкретного академического учреждения хорошо прослеживается тенденция того, как сильна была зависимость научно-организационной деятельности Академии наук от социально-политической ситуации в советском государстве и от его внешнеполитических задач. Как было сильно влияние политико-идеологических условий в стране на формирование исследовательских программ научного сообщества.

Поступательные процессы развития монголоведной науки в Советском Союзе и МНР были резко остановлены в годы сталинских репрессий в 30-х годах. Борьба с инакомыслием, панмонголизмом привела к гибели большого количества монголоведов. Реформы в области письменности и языка, проведенные в МНР и Бурят-Монгольской АССР в 30–40 гг. XX в., привели к отказу от старомонгольской письменности, насильственному внедрению кириллицы. Многовековое письменное богатство монгоязычных народов было уничтожено в период репрессий 30-х годов вместе с ее носителями — ламами, бурят-монгольскими и советскими гражданами, владеющими этим письмом. Фактически было уничтожено изучение старомонгольских рукописей, основанных на выдающихся памятниках буддийской науки, образования и культуры. После политической и научной «оттепели» 50–60-х годов процессы политической и научной реабилитации приобрели качественно иной характер в 90-е гг. XX в. Вышла огромная библиографическая литература, посвященная этим процессам.

Борьба с панмонголизмом ознаменовала гибель большого количества монголоведов, были уничтожены национальные кадры монголоведов. В рамках дальнейшей реабилитации этих научных и общественных деятелей, имена которых были под запретом до конца 50-х годов, под редакцией директора БИОН СО РАН, профессора В. Ц. Найдакова было осуществлено издание «Библиографического словаря репрессированных писателей Бурятии», содержащее наиболее полные сведения о невинно пострадавших литературных деятелях 20–30-х годов прошлого века.

Огромную роль в реабилитации безвинно погибших ученых-монголоведов, буддийских и православных священнослужителей, носителей традиций классического досоветского востоковедения сыграл творческий коллектив под руководством чл.-кор. РАН Б. В. Базарова, опубликовавший огромное количество ранее засекреченных материалов, а также востоковедных трудов. Перед учеными стоит задача восстановления, перевода, публикации сохранившихся письменных источников, находящихся в запасниках архивов Улан-Батора, Улан-Удэ, Санкт-Петербурга и других городах.

За годы существования советской власти в СССР были созданы значительные по своему потенциалу научные центры востоковедения и монголоведения. Знаменательным событием было создание в 1930 г. Института востоковедения Академии наук СССР (ИВ АН СССР, в настоящее время — ИВ РАН) на базе Азиатского музея, Института буддийской культуры, тюркологического кабинета и Коллегии востоковедения в Ленинграде. Несомненным лидером является квалифицированный коллектив отдела Кореи и Монголии, сектора Монголии ИВ РАН. В дальнейшем большое развитие получили монголоведные и востоковедные исследования в региональных научных центрах на базе филиалов Академии наук: Восточно-Сибирского филиала Сибирского отделения АН в Иркутске, Бурятского филиала Сибирского отделения АН в Улан-Удэ (Бурятский институт общественных наук, с 1997 г. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН), Казанском университете, в высших учебных заведениях приграничных территорий и др.

Во второй половине XX в. больших успехов в монголоведных исследованиях достигает калмыцкое монголоведение (Элиста). На переломе XX–XXI вв. были созданы Алтайский (Барнаул) и Тывинский (Кызыл) центры востоковедения с выделением монголоведной проблематики. Монголоведная тематика развивалась в высших учебных заведениях, особенно приграничных территорий, где были созданы по разным отраслям монголоведной науки кафедры востоковедения и монголоведения.

Большинство академических центров и высших учебных заведений имели свои научные печатные органы, издавали научные журналы: «Советское востоковедение» (1955–1958), «Проблемы востоковедения» (1959–1961), «Народы Азии и Африки» (с 1961 г.), «Проблемы Дальнего Востока» (с 1972 г.), «Азия и Африка сегодня». При Институте востоковедения с 1957 г. действовало «Издательство восточной литературы», в 1964 г. оно было передано в издательство «Наука» и переименовано в «Главную редакцию восточной литературы». Научные центры и вышеупомянутые печатные издания сыграли большую роль в массовой подготовке кадров советских и современных российских ученых-востоковедов.

В отечественной монголоведной историографии традиционно считается, что одной из первых историографических работ по истории МНР была статья Нины Павловны Шастиной (1898–1980) «История изучения МНР», изданная в 1952 г. и представлявшая собой обзор советской и монгольской литературы по истории, культуре и экономике Монголии. В своих многочисленных статьях «Изучение истории Монголии после Октября» (1967) об известных русских и советских востоковедах: И. Рассохине, И. Бичурине, В. П. Васильеве, Б. Я. Владимирце, Д. Банзарове и других, патриарх советского монголоведения, посвятившая свою научную деятельность истории и культуре Монголии, заложила историографический вектор развития монголоведной советской науки.

Н. П. Шастина родилась в номадной стране, в семье известного медика-просветителя Павла Николаевича Шастина, именем которого назван больничный комплекс в Улан-Баторе. Н. П. Шастина принимала участие в подготовке крупных востоковедно-монголоведных коллективных работ: однотомника «История МНР», VI выпуска «Очерки по истории русского востоковедения» (1953–1963), переиздании «История монголов» и «Путешествия в восточные страны» Плано Карпини и Г. Рубрука (1957). Ею опубликована монография «Русско-монгольские посольские отношения в XVII веке» (1958). Нельзя не подчеркнуть и значительный историко-филологический, этнографический вклад Н. П. Шастиной в изучение и публикацию крупнейших памятников монгольской историографии — летописей и монгольских хроник: «Шара туджи» (1957), «Алтан Тобчи («Золотое сказание» Лубсан Данзана)» (1973). Всего видным монголоведом было опубликовано более 80 статей.

Длительное время в качестве основной методологической работы по монголоведению была фундаментальная статья востоковеда, члена-корреспондента АН СССР (1943) Александра Юрьевича Якубовского (1886–1953), автора трудов по истории Средней Азии, Кавказа, Золотой Орды, стран Переднего Востока «Из истории изучения монголов периода XI–XIII вв.», изданная в сборнике «Очерки по истории русского востоковедения». В работе были даны не потерявшие своей актуальности и в наше время методологические оценки истории монгольского государства, государства монголов Чингисхана, роли чингисидов в российской и мировой истории. Проанализировано развитие российского и зарубежного монголоведения, даны квалификационные характеристики монголоведным трудам.

Большой методологический и историографический вклад в монголоведную историографию внес видный монголовед Илья Яковлевич Златкин (1898–1990), автор трудов «Очерки новой и новейшей истории Монголии» (1957) и «История Джунгарского ханства» (1964), соавтор трех томов «История Монгольской Народной Республики». Его многочисленные историографические статьи и публикации по истории средневековой Монголии, персоналиям видных российских и советских монголоведов определяли вектор развития советского монголоведения во второй половине XX века. Его труды не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Основные научные достижения и результаты советской монголоведной науки в области изучения двусторонних отношений были отражены в совместных коллективных монографиях и фундаментальных трудах, где приводилась официальная партийно-государственная точка зрения на развитие социалистической Монголии и советско-монгольских отношений.

Фундаментальное значение для развития отечественной ориенталистики имели двухтомный труд ученых Института востоковедения АН СССР «История отечественного востоковедения до середины XIX века», «История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г.». Несмотря на определенную партийную цензуру, ограничивающую ориенталистские выводы и положения в сборниках, эти труды видных советских монголоведов сектора монголоведения ИВ РАН не потеряли своей методологической актуальности и в наши дни.

Большую роль в формировании официальной партийной историко-методологической парадигмы истории Монголии в XX в. сыграл обстоятельный труд монгольских и советских ученых «Очерки истории МНРП», изданный в 1971 г. и переизданный в 1987 г.

Важным вкладом в обобщение и систематизацию истории советско-монгольского сотрудничества с позиций пролетарского интернационализма явилась коллективная монография «История советско-монгольских отношений» (М., 1981). Социально-экономическое развитие страны приведено в обобщающей советско-монгольской работе «История социалистической экономики МНР» (М., 1987). Достижения монгольского народа в области материальной и духовной культуры были отражены в совместном труде «Очерки истории культуры МНР» (Улан-Удэ, 1971).

Для обоснования официальной марксистско-ленинской концепции истории МНР и советско-монгольских отношений было подготовлено большое количество совместных историко-партийных работ советских и монгольских ученых: «Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм» (М.; Улан-Батор, 1971), «Воплощение ленинского учения о партии нового типа в деятельности Монгольской народно-революционной партии» (М., 1976), «Роль КПСС и МНРП в развитии и углублении советско-монгольского сотрудничества» (М.; Улан-Батор, 1981), «Революционный переход Монголии к социализму» (М., 1984) и других.

В этих исследованиях также содержались небольшие историографические обзоры отечественного и мирового монголоведения, были использованы при изучении истории Монгольской Народной Республики, исторических событий XX в. В то же время многие вопросы, не попадавшие под общую официальную партийную концепцию, оставались малоизученными вплоть до начала 1990-х гг.

Огромное значение в развитии отечественной монголоведной науки имело издание библиографических сборников под редакцией Р. Л. Балдаева, Н. Н. Васильева, А. П. Раскина, Н. В. Куликаускене, В. Л. Кензиной, В. В. Ванчуговой, Е. В. Бой-

ковой: «Указатель библиографии по монголоведению на русском языке 1824–1960» (Л., 1962), «Монголия: рекомендательный указатель литературы» (М., 1977), «Монголия в трудах ученых Восточной Сибири (1946–1973)» (Иркутск, 1975), «Монголия в трудах ученых Восточной Сибири (1974–1982)» (Иркутск, 1988), «Советское монголоведение (1917–1987)» (М., 1987), «Библиография по советскому монголоведению (1980–1986)» (М., 1987) и других. Данные исследования представляли собой систематический указатель по монголоведным исследованиям в Советском Союзе и регионах Восточной Сибири. Группировка библиографического материала в приведенных работах отражала партийно-идеологический характер советского монголоведения. Подробные обзоры отечественного монголоведения и монгольской исторической литературы содержались в периодически издававшихся сборниках «Общественные науки в МНР». Авторами являлись крупные советские востоковеды И. Я. Златкин, С. К. Рошин (отв. редакторы), М. И. Гольман, Л. М. Гатауллина, Г. С. Матвеева, В. В. Грайворонский и другие. Ценность указанного сборника состояла в широком обобщении достижений исторической науки МНР при изучении новейшей истории страны, в том числе вопросов советско-монгольских отношений.

Региональные аспекты развития советского востоковедения нашли свое отражение в исследованиях Ш. Б. Чимитдоржиева «Востоковедные исследования в Бурятии в 1970-е гг.» (1980), «Становление и развитие востоковедения в Бурятии» (М., 1989), С. Д. Дытыкова «Монголоведение в СССР» (Улан-Удэ, 1974) и других.

В этот же период были защищены кандидатские диссертации, посвященные историографическому изучению развития советского монголоведения: В. Д. Дугарова «Современная историография братского содружества КПСС и МНРП в период строительства социализма в МНР (1960–1980)» (Иркутск, 1986), Ю. В. Кузьмина «Современная общественная мысль об основных проблемах некапиталистического развития Монголии в 1921–1940-х гг.» (Л., 1986) и другие. В этих работах приведен подробный историографический обзор советской монголоведной литературы, изданной в 1960–1980-е гг.

Анализируя историографические исследования советского периода истории, необходимо отметить, что они содержали анализ опубликованных авторских материалов советских монголоведов, но в то же время нельзя не учитывать их партийно-идеологический характер.

Именно в советский период началось изучение военного дела кочевников Центральной Азии, в том числе монголов, была создана сибирская школа оружиеведения. Военное дело кочевников эпохи средневековья является одной из интересных проблем в истории Центральной Азии, первые специализированные работы появились в конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. В более ранний период, в 30–60-е гг. XX в., в трудах по истории и археологии появляются и становятся традиционными разделы по военному делу кочевников Центрально-Азиатского региона. А накопленный к 70-м гг. XX в. материал позволил изучать вооружение и военное искусство кочевников, опираясь на комплекс источников (находки предметов вооружения, изображения воинов, письменные источники и др.). Ведущим специалистом в области оружиеведения кочевников Центральной Азии и Южной Сибири по праву считается Ю. С. Худяков. В его статьях и монографиях рассмотрено вооружение кочевников Монголии от эпохи древности до позднего средневековья. Им было исследовано вооружение хунну, древних тюрков, монголов, джунгаров, енисейских кыргызов, кочевников Средней Азии и мн. др. Немалый вклад в изучение военного дела кочевников Центральной Азии внес М. В. Горелик, который реконструировал

внешний облик воинов — от хунну до ойратов. Им же написан ряд статей по вооружению и военному искусству киданей и средневековых монголов. Интересные статьи по вооружению древних тюрков написаны В. В. Горбуновым. Военное дело киданей с опорой на письменные источники рассмотрели В. Е. Ларичев и Л. В. Тюрюмина. Ряд статей и монографий по военному делу позднесредневековых кочевников Центральной Азии имеется у Л. В. Боброва, ученика Ю. С. Худякова.

При формировании современных методологических принципов монголоведной науки произошел отказ от партийного и классового принципов исторической науки, от концепции «некапиталистического пути развития». Многие положения этого теоретического понятия не выдержали испытания временем. В новых исторических условиях выявилась, несмотря на большой блок научной теоретической литературы, недостаточная разработанность собственно понятия «некапиталистический путь развития» как в общетеоретическом плане, так и в специфических чертах его монгольского варианта.

В современной российской монголоведной историографии подверглись критическому анализу успехи и достижения марксистской методологии. Были поставлены задачи теоретического переосмысления событий прошедшей эпохи. Актуальность историографического изучения советско-монгольских отношений вызывается и геополитическим фактором определения внешнеполитической стратегии России в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, в районах Внутренней и Центральной Азии.

Период 90-е гг. XX в. — начало XXI в. характеризуется не всегда безболезненным отходом от марксистско-ленинской парадигмы истории развития монгольского общества. Издаются работы российских, монгольских ученых гуманитарного направления, основанные на фундаментальном историческом, филологическом, этнографическом, фольклорном и другом материале. В них представлены ранее не изданные, не афишируемые переводные работы на старомонгольской письменности, тибетском, маньчжурском и других языках, проведен критический анализ опубликованной литературы. В монголоведной исторической науке были обнаружены многочисленные материалы ранее совершенно секретных материалов.

Этот переходный этап, от советско-монгольского к российско-монгольскому научному сотрудничеству, характеризовался свободной, без партийного диктата интерпретацией многих проблем монгольской истории. Разработка современных методологических проблем исследования и отход от марксистско-ленинской классовой парадигмы развития монгольского общества в современной российской монголоведной науке требует отказа от замалчивания и даже отрицания достижений советского периода истории двух стран.

В этом случае необходим беспристрастный анализ советско-монгольской, пусть даже с перекосами, интернациональной дружбы, которая получила свою неадекватную, зачастую неправомерную критику в монголоведной науке России и Монголии в 90-х гг. прошлого века. Это была однозначно агрессивная позиция: все советское, советско-монгольское плохо. К примеру, советскую историческую науку, советское монголоведение называли так: феномен советской исторической науки. То есть не было научности вообще, мол, это не история, а некий политико-идеологический феномен. Несмотря на определенный догматизм советского монголоведения, было опубликовано огромное количество исследовательских работ, что внесло существенный вклад в мировую ориенталистику.

Советская монголоведная историческая наука — это уже предмет изучения современных историографов и историков. На сегодняшний день нет необходимо-

сти коррелировать свои взгляды с позиции той или иной концепции, и это самое большое достижение современности. Отечественные монголоеды с учетом историзма, позитивизма, структурализма, хронологического метода занимают свое достойное место в ряду исторических школ и направлений мирового востоковедения.

Вопросы теории и практики востоковедных историографических работ советских ориенталистов, проблема становления, опыта и достижений советской монголоведной науки в новых исторических условиях, вызванных глобализационными и интеграционными изменениями, требуют периодизации и персонификации. В историографической науке необходимо выделение отдельных этапов и центров становления советской монголоведной исторической науки, отражающих специфику ее развития, основанных на исторических, социально-политических, экономических, географических особенностях.

При разработке новых методологических принципов в отечественной исторической науке необходим критический анализ процессов развития отечественного монголоведения в советский период истории, а также выделение и обоснование хронологических векторов развития научной советской монголоведной литературы.

Комплексный анализ образования научных востоковедных центров и школ в Советском Союзе, их характеристик был необходим, потому что в этих учреждениях создавалась научная монголоведная литература, которая имела специфические особенности в различные временные рамки, отражала региональные особенности этих центров в Советском Союзе.

Монголоведные научные центры СССР являлись концентрированными научными учреждениями, где изучались советско-монгольские многогранные взаимоотношения в политической, экономической, культурной, научной и других сферах. За прошедшие двадцать лет развития суверенная Монголия сумела определиться с внутренней и внешней политикой. Поэтому для разработки современной российской внешнеполитической стратегии в отношении Монголии необходим адекватный анализ истории взаимоотношений двух стран в 20-м столетии.

Большое внимание вопросам отечественной историографии новейшей истории Монголии и советско-монгольских отношений стало уделяться российскими учеными в 1990-е гг. Во многом это было обусловлено пересмотром многих ключевых проблем в монголоведении в связи со сменой научной методологии и процессом деидеологизации общества. При рассмотрении исследований советского периода, в частности, отмечается: «Бесспорно, что литература, издававшаяся в тот период, несла на себе печать того времени, опиралась на марксистско-ленинскую методологию, рассматривала взаимоотношения двух стран через призму классового подхода, союзнических интересов, социалистического интернационализма и братского сотрудничества».

Большую роль в пересмотре прежних методологических подходов при изучении различных аспектов советско-монгольских, российско-монгольских отношений сыграл коллективный сборник «Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX в.» (М., 2001), куда были включены статьи ведущих российских и монгольских авторов: Е. В. Бойковой, М. И. Гольмана, В. В. Грайворонского, Г. С. Яскиной Н. Алтанцэцэг, Ц. Батбаяра, Ж. Болдбаатар. Ее новизна в подходах к изучению истории российско-монгольских отношений в XX в. проявляется, прежде всего, в отказе от старой традиционной, ... идеализированной схемы развития советско-монгольских отношений как образца гармоничного, бесконфликтного сочетания государственных и национальных интересов России и Монголии.

Коллектив Сектора истории Монголии ИВ РАН (М. И. Гольман, В. В. Грайворонский, С. Г. Рошин, Ш. Г. Надиров, Г. С. Яскина и другие) в последние годы провел огромную методологическую работу, связанную с изменениями в теории и практике монголоведных исследований в России на рубеже XX–XXI вв. Результатом плодотворной деятельности этого дружного коллектива является издание в 2007 г. крупной коллективной монографии «История Монголии, XX век».

В предисловии авторы отмечают, что монография является первым в отечественном востоковедении крупным коллективным трудом по истории Монголии XX века, написанным группой ведущих монголоведов Института востоковедения РАН на основе обобщения и анализа большого массива источников и литературы. В книге на основе новых подходов и оценок освещены основные этапы и главные исторические события в Монголии на протяжении прошедшего столетия, в том числе те, которые раньше преимущественно по идейно-политическим соображениям замалчивались или трактовались односторонне. Этот труд также содержит краткий историографический обзор и библиографический справочный аппарат.

Вопросы отечественной историографии новейшей истории Монголии и советско-монгольских отношений изучались в исследованиях И. А. Гусевой «Отечественная историография российско-монгольских отношений первой четверти XX в.» (Иркутск, 2005), В. Д. Дугарова «Российское монголоведение в конце XX в.: опыт и проблемы» (Улан-Удэ, 2002), «Генезис бурятского монголоведения в российском востоковедении в период XIX — начала XX в.» (Улан-Удэ, 2008), А. С. Железнякова «Новые условия развития российского монголоведения» (М., 2001), Ю. В. Кузьмина «Некоторые вопросы историографии российского монголоведения» (М., 1992), «История сибирского монголоведения» (Иркутск, 2002), «Иркутское монголоведение 1725–2004 гг.: исследователи и книги» (Иркутск, 2004) и других. В этих работах по-новому формулируются задачи российского монголоведения при изучении новейшей истории Монголии, дается обзор отечественной историографии российско/советско-монгольских отношений на различных этапах истории.

Существенный вклад в формирование и анализ историографии отечественного монголоведения внесла монография Ю. В. Кузьмина «Иркутское монголоведение», изданная в 2013 г. в Иркутске, где автор квалифицированно проследил все основные этапы развития и функционирования иркутского монголоведения. Автором даны яркие характеристики ведущих востоковедов Восточной Сибири, создававших школу иркутского монголоведения.

Определенную роль в развитии отечественной монголоведной науки сыграла фундаментальная монография В. Д. Дугарова «Российская историография истории Монголии» (Улан-Удэ, 2014). Здесь на обширном материале показано развитие отечественной монголоведной исторической науки с XVII по XXI в. Проанализирована история формирования монголоведных центров и научных учреждений. Дается диалектический анализ основных работ большого отряда отечественных монголоведов.

Существенный вклад в развитие и изучение отечественного монголоведения внесли регулярно издававшиеся в эти годы сборники «Монголоведные исследования», подготовленные коллективом Института монголоведения, буддологии и тибетологии под редакцией Ш. Б. Чимитдоржиева, а также «Биобиблиографический словарь. Русские военные востоковеды до 1917 г.» (автор-составитель М. К. Басханов).

Для изучения проблем новейшей истории Монголии регулярно проводились Международные конгрессы монголоведов в Улан-Баторе с 1959 г. К переходному периоду конца 1980-х — начала 2000-х гг., периоду кардинальной смены теоретико-методологических парадигм монголоведных исследования относятся V (1987), VI (1992 г.), VII (1997), VIII (2002), IX (2006), X (2011) Международные конгрессы монголоведов в г. Улан-Батор.

Новый взгляд на монгольскую историю отражают материалы международных конгрессов востоковедов (ICANAS), которые проходили в различных странах, и конгрессы востоковедов России. Анализ опубликованных научных материалов всемирных съездов монголоведов и востоковедов за изучаемый период наглядно демонстрирует динамику развития мировой монголоведной науки. Материалы исследований, опубликованные в сборниках трудов монголоведов и востоковедов, отражают многообразие актуальных, требующих своего объективного освещения проблем истории Монголии и советско-монгольского сотрудничества (политическая сфера, межпартийные и межгосударственные взаимоотношения, социально-экономическое развитие, вопросы культуры, науки, образования, здравоохранения).

В постсоветский период в российской монголоведной историографии было издано значительное количество сборников, научно-исследовательских статей и материалов многочисленных конференций, посвященных различным аспектам советско-монгольских и российско-монгольских отношений. Они проводились как на общероссийском уровне, так и на базе региональных научных центров (Улан-Удэ, Иркутск, Абакан, Элиста, Кызыл, Барнаул и др.). Материалы монголоведных исследований, обсуждаемые на этих конференциях, весьма разноплановы: они охватывают различные периоды истории Сибири и Монголии; различаются по своей предметной направленности (политические, социально-экономические отношения, духовная и материальная культура и т. д.), по методам и принципам исследовательской деятельности автора. Закономерным результатом этих конференций были научно-теоретические и практические выводы по историографическим вопросам сотрудничества двух стран.

Большое значение в развитии отечественной монголоведной науки имело издание работ по библиографии — Е. В. Бойковой «Библиография по советскому монголоведению (1987–1991)» (М., 1992), «Библиография по российскому монголоведению (1992–1997)» (М., 1997), «Библиография по российскому монголоведению (1946–1998)» (Улан-Батор, 2002), «Библиография отечественных работ по монголоведению: 1946–2000 гг.» (М., 2005); М. И. Гольмана «Литература по истории Монголии XX в.» (М., 2007); С. Д. Милибанда «Библиографический словарь советских востоковедов» (М., 1995); сборник «Советская историография» (М., 1996) и др. Их значение состоит в обобщении обширного комплекса отечественного и мирового востоковедения, создании подробных справочников-путеводителей по монголоведным исследованиям.

В настоящее время в отечественном монголоведении накоплен обширный исторический материал. В то же время многие вопросы истории Монголии и российско/советско-монгольских отношений малоизучены. Проанализированный материал необходимо подразделить на ряд блоков:

1. Коллективные обобщающие труды по истории Монголии и советско/российско-монгольских отношений, подготовленные большими авторскими коллективами отечественных и монгольских ученых-востоковедов, работающих в крупных научно-исследовательских учреждениях двух стран — Институте восто-

коведения АН СССР (РАН), Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институте истории партии при ЦК МНРП, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Высших партийных школах при ЦК КПСС и ЦК МНРП и других. Советские коллективные монографии: «История Монгольской Народной Республики» (М., 1983), «История советско-монгольских отношений» (М., 1981), «История социалистической экономики МНР» (М., 1987), «Очерки истории культуры МНР» (М., 1971) и другие. В ряде историко-партийных сборников исследовались вопросы некапиталистического развития МНР, влияния Октябрьской революции на национально-освободительное движение в Монголии, интернациональной помощи КПСС в создании и укреплении МНРП, руководящей роли МНРП и МРСМ в социалистических преобразованиях в стране и другие вопросы исторического развития монгольского государства, советско-монгольских отношений под партийно-идеологическим углом зрения.

2. Научные монографические исследования советско-российских монголоведов, в рамках которых наиболее полно и целостно освещаются авторские концепции и научные подходы к рассматриваемой теме.

В советский и постсоветский период было издано значительное количество монографических исследований по проблемам советско-монгольских отношений и истории МНР, а также сборников материалов международных, всероссийских и региональных научных востоковедных и монголоведных конференций.

3. Партийно-документальные сборники и справочные труды. В 1966 г. был издан первый сборник документов «Советско-монгольские отношения. 1921–1966 гг. (сборник документов)», в 1974 г. — более полный сборник «Советско-монгольские отношения. Документы и материалы, 1921–1974». В них всесторонне освещались политические, экономические, военные и культурные отношения между СССР и МНР в русле марксистско-ленинской и интернационалистской концепции союза КПСС и МНРП. Это были в целом тензионные сборники, показывающие заслуженные успехи советского и монгольского народов в строительстве социализма. Многие негативные моменты во взаимоотношениях КПСС и МНРП, СССР и МНР не рассматривались.

К этой же группе относятся материалы партийных совещаний, съездов, пленумов, а также сборники выступлений и докладов отдельных руководителей. При работе с данными историческими и историографическими источниками необходимо учитывать идеологический характер подборки документов в рамках этих сборников.

4. Работы публицистического характера и материалы периодической печати. Авторами этой группы трудов являются не профессиональные историки, а люди творческих профессий — писатели, журналисты. К работам подобного характера не применимы критические и методологические требования, которые предъявляются историческим научным монголоведным исследованиям.

Историографическая научная литература о монголоведных исследованиях периода конца XIX — начала XX в. нашла свое отражение в современной российской монголистике. Советскими и российскими учеными создан большой блок историографической литературы об этапах становления, особенностях развития буддологической науки в Советском Союзе и России. Не афишируемая в советский период, исходя из классового принципа, отделения религии от государства, преобладания атеистических принципов в истории монголоведения, эта наука не получала соответствующего отражения. Поэтому, учитывая современное состояние российского общества, российского монголоведения, необходимо отметить, что в историогра-

фической литературе, помимо чисто буддологических исследований, отрицалось огромное духовно-нравственное влияние буддизма на идеологию монголоязычных народов. Отрицалось, что с самого начала история монгольских этносов была тесно связана с буддийской цивилизацией.

При анализе роли и значения буддизма в евразийском пространстве необходимо исходить из того, что буддизм — это не просто религия, институционально оформленная в виде буддийской церкви, но и нечто принципиально большее, чем религия. Это универсальное мировоззрение и форма культуры, а также образ жизни и транснациональная идеология.

В монголоведной российской историографии необходимо изучать альтернативные проблемы. Например, ученые КНР обосновывают то, что тибетский буддизм развивался в тесной связи с китайским буддизмом, это оправдывает китаецентристскую интерпретацию исторического процесса и обосновывает непосредственное единство Тибета и Китая, а также притязания Китая на «утраченные территории», включающие все территории, входившие в состав Великой монгольской империи, в том числе все земли, населенные в прошлом бурятами.

В области духовной, нравственной, мировоззренческой, всей традиционной системы ценностей кочевые государства Центральной Азии на протяжении двух тысячелетий соседства с Китаем сохраняли курс на параллельное развитие своей цивилизации, коренным образом отличавшейся от китайской цивилизации по базовым ценностям, общественному сознанию и менталитету людей.

На современном этапе большое внимание уделяется дацанскому просвещению монголоязычных народов, старомонгольской письменности и другим аспектам образования монголоязычного мира, наряду с другими российскими филологами и лингвистами этим вопросам посвятил свои многочисленные работы Ш. Б. Чимитдоржиев.

В своих исследованиях автор приводит определенные выводы о значении летописного наследия, касающегося истории монголоязычных народов эпохи средневековья и Нового времени. Ученый правильно подчеркивает, что в «этих источниках представлен весь комплекс политических, социально-экономических и культурных проблем бурятских племен и родов, их взаимоотношений с другими монгольскими народами в древности, средневековье и Новое время». Ш. Б. Чимитдоржиев в своих трудах освещает историографические проблемы истории монгольской письменности, монгольского летописания XIII–XIX вв., монгольские законодательные памятники и другие проблемы развития монгольской гуманитарной мысли до XX в.

Во второй половине XX в. Академии наук СССР и МНР организовали четыре многопрофильные совместные советско-монгольские научные экспедиции с долгосрочными программами: геологическую, палеонтологическую, биологическую и историко-культурную, которые объединили отдельные группы ученых в большие коллективы. Постепенно, уже с конца 60-х гг., между учеными возникло подлинное сотрудничество. Были достигнуты результаты по многим отраслям наук. Особенно ценны и имеют практическое значение успехи в области геологического изучения Монголии, фауны и флоры страны, а также совместная работа ученых таких институтов Академии наук СССР, как Институт востоковедения, Институт экономики мировой социалистической системы, Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения, Институт Дальнего Востока, Институт научной информации по общественным наукам, с коллегами из институтов академии наук МНР. Так, в Институте востоковедения стало доброй традицией проведение совместно с мон-

гольскими учеными научных конференций, посвященных актуальным вопросам истории, экономики и отношений двух стран, издание совместных научных трудов.

В то же время следует отметить, что в советской монголоведной историографии, тесно связанной с направляющей методологической силой правящих марксистских партий, присутствовали негативные моменты, характерные для всего советско-монгольского сотрудничества:

- оно не имело научно обоснованной программы, отражающей реальные экономические потребности и возможности МНР, увязанные также и с возможностями СССР;

- техническое содействие Советского Союза МНР при создании промышленных предприятий нередко основывалось, в связи с его возможностями, на невысоком уровне техники и технологии, далеко не на передовом опыте организации и управления производством; наряду с такими прекрасными предприятиями, как ГОК «Эрдэнэт», существовало множество нерентабельных заводов и фабрик, выпускавших продукцию невысокого качества;

- советской стороной иногда допускались грубейшие ошибки в проектировании и строительстве промышленных предприятий: сооружались необоснованно крупные объекты без достаточного учета возможностей страны в обеспечении их в нужных объемах сырьем; допускались случаи несвоевременного обеспечения строек проектно-сметной документацией (их обеспеченность в целом не превышала 70 % от планируемых работ);

- отрицательно сказывались на работе совместных предприятий нерешенность на протяжении нескольких лет вопроса об увязке внутренних оптовых цен с внешнеторговыми контрактными ценами на продукцию этих предприятий. Это ставило монгольскую сторону в невыгодные условия: она несла немалые экономические убытки.

Эти отрицательные тенденции в совместном советско-монгольском сотрудничестве приходилось нивелировать, допускать большие неточности при анализе и освещении этих процессов. Несомненно, диктат правящих партий сыграл не только положительную, но и отрицательную роль в развитии советско-монгольского сотрудничества.

Большим нерешенным блоком вопросов в советской монголоведной историографии оставались проблемы древней, средневековой и новой истории.

Отечественное и региональное монголоведение на рубеже XX–XXI вв.

Диалектические процессы развития отечественного монголоведения в начале XXI в. приводят к тому, что на основе проведенных многочисленных научных теоретических дискуссий в современной ориенталистике назрела методологическая необходимость дальнейшей трансформации и совершенствования многочисленных направлений монголоведной исторической науки, при этом квалифицированно отказываясь от догматических, не выдержавших испытания временем отдельных положений советского монголоведения XX в., правопреемником которого выступает современное российское монголоведение. Российским монголоведам после дезинтеграции марксистско-ленинской науки в СССР и выхода суверенной Монголии из зоны советского влияния на рубеже XX–XXI вв. предстоит теоретически осмыслить этапы формирования и развития советской монголоведной науки XX в.

Период неопределенности в 90-х гг. XX в. достаточно быстро сменился закономерным интересом к Монголии, российско-монгольским отношениям. Показателем этого глубинного процесса с точки зрения историографической науки явились

опубликованные монографии, защищенные докторские и кандидатские диссертации. Их анализ свидетельствует о новых тенденциях в монголоведной науке России, многогранности российской ориенталистики: Белов Е. А. Русско-китайские отношения в 1911–1915 гг.; Ванчикова Ц. П. «Сауан теуке» — «Белая история» — монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв.; Ганжуров В. Ц. Россия и Монголия (на трудном пути реформ); Гольман М. И. Изучение истории Монголии на Западе (XIII — середина XX вв.); Грайворонский В. В. Современное аратство Монголии: проблемы социального развития (1980–1995); Жабасева Л. Б. Элбэк-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов; Единархова Н. Е. «Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности»; Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв.; Кузьмин Ю. В. «Монгольский и урянхайский вопросы» в общественной мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX в.); Лиштованный Е. И. Россия и Монголия в XX в.: региональный опыт взаимоотношений (на материалах Восточной Сибири); Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай: внешнеполитические отношения в 1911–1946 гг.; Рощин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.); Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана; Яскина Г. С. «Монголия: смена модели общественного развития» и другие.

В результате отхода от диктата правящих партий на рубеже XX–XXI вв. были опубликованы монографии, сборники документов, библиографические сборники, статьи, выступления на многочисленных научных конференциях, конгрессах, симпозиумах ученых-монголоведов ИВ АН СССР (ныне ИВ РАН) и его филиалов в Ленинграде (Санкт-Петербурге), научных учреждениях других городов: Е. А. Белова, Е. В. Бойковой, Л. М. Гатауллиной, М. И. Гольмана, Г. С. Гороховой, В. В. Грайворонского, Р. М. Валеева, А. С. Железнякова, С. Г. Кляшторного, Н. Н. Крадина, Ю. В. Кривошеева, И. В. Кульганек, Е. И. Кычанова, В. А. Моисеева, К. В. Орловой, Ш. Г. Надирова, А. Н. Насонова, С. К. Рощина, А. Г. Сазыкина, Г. С. Слесарчук, В. Л. Успенского, А. Д. Цендиной, Г. С. Яскиной, Н. С. Яхонтовой и др.

Монголоведная историографическая литература, посвященная исследованиям российских ученых истории Монголии, представлена краткими вводными приложениями к докторским и кандидатским диссертациям, введениями к монографическим работам по узкоспециальным вопросам, обзорными статьями, рецензиями на коллективные сборники и монографические исследования, подвергнуты анализу проходившие научные конференции, конгрессы, симпозиумы и т. д.

Основные научные достижения и результаты советской монголоведной науки в области изучения двусторонних отношений были отражены в совместных коллективных монографиях и фундаментальных трудах, в которых наиболее полно выражалась официальная партийно-государственная точка зрения на развитие социалистической Монголии и советско-монгольских отношений.

Новый взгляд содержат совместные российско-монгольские сборники, написанные авторитетными специалистами: «Российско-монгольское военное сотрудничество от Халхин-Гола до линкора "Миссури" (1939–1946)»: сборник документов / науч. ред. Б. В. Базаров, Ч. Дашдаваа. Улан-Удэ; Улан-Батор: Отгиск, 2011. 192 с.; Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) / науч. ред. Б. В. Базаров. — Ч. 1 (1919–1929). — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. — 527 с.; Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) / науч. ред. Б. В. Базаров. — Ч. 2 (1930–1934). — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. — 480 с. В работах были

обнародованы многочисленные ранее секретные и недоступные документы и факты совместной советско-монгольской истории первой половины — середины XX в.

Вопросы отечественной историографии новейшей истории Монголии и советско-монгольских отношений изучаются многими монголоведами в начале XXI в. В их работах по-новому формулируются задачи российского монголоведения при исследовании новейшей истории Монголии, дается обзор отечественной историографии российско/советско-монгольских отношений на различных этапах истории.

Большое значение в развитии отечественной монголоведной науки имело издание работ по библиографии — «Этнография бурятского народа. Библиографический указатель литературы (до 1917 г.) / под ред. Д. Д. Нимаева. Улан-Удэ, 2002; «Этнография бурятского народа. Библиографический указатель литературы» / под ред. Д. Д. Нимаева. Улан-Удэ, 2007; Тармаханов Е. Е., Санжиева Т. Е. «Историография истории Бурятии» (Улан-Удэ, 2009). Значимость этих изданий состоит в обобщении обширного комплекса отечественного и мирового востоковедения, создании подробных справочников-путеводителей по монголоведным исследованиям.

На рубеже XX–XXI вв. флагманом российского монголоведения на вполне законных основаниях становится бурятское монголоведение. Стали известными имена бурятских ученых: Г. Ц. Цыбикова, Ц. Ж. Жамцарано, Б. Б. Барадина, Э.-Д. Ринчино, М. Н. Богданова, П. А. Бадмаева М. Н. Хангалова, Ц. Бадмажапова, Б. Рабданова и других, роль и значение которых положительно оцениваются в российской историографии. Их ставшие классическими труды по вопросам монгольской истории, языку, культуре, религии, этнографии стали достоянием научной общественности в первой половине XX в. Источниковедческое наследие бурятских национальных демократов стало базовой основой формирующейся советской монголистики. Малоизученной в советской научной востоковедной литературе была многосторонняя деятельность бурятских ученых-демократов, получивших в 30-е годы ярлык панмонголистов, японских шпионов и т. д.

Монголоведное и бурятоведческое наследие не до конца исследовано, это огромное архивное сокровище современного монголоведения. Бурятские ученые, получившие классическое образование в ведущих востоковедных центрах России, и буддийские иерархи и мыслители явились основоположниками бурятского монголоведения XX в., которое занимает достойное место в мировом востоковедении. Многотемная палитра научных проблем, изучаемых российскими монголоведами, охватывает огромные временные рамки: начиная с археологических раскопок времен камня и бронзы во второй половине XIX в., проводимых совместными советско(российско)-монгольскими экспедициями в XX в., деятельность которых была резко сокращена в 90-е годы, до современных исторических проблем, касающихся внутри- и внешнеполитических контактов обоих государств.

За прошедший период опубликована огромная востоковедная и монголоведная бурятская научная литература, являющаяся органичной частью мировой ориенталистики. Монголоведение и бурятоведение являются одним из старейших направлений российской ориенталистики, имеющей свою богатую историю и развитые традиции. В 90-е гг. XX в. — начале XXI в. усилиями бурятских ученых были опубликованы краткие биографии российских и бурятских ученых, занимавшихся историей Монголии (Российские монголоведы (XVII–XX вв). Улан-Удэ, 1997, серия из семи выпусков «Выдающиеся бурятские деятели»). В 2010 г. благодаря подвижнической деятельности профессора Ш. Б. Чимитдоржиева был издан обобщающий двухтомник «Выдающиеся бурятские деятели», в котором дан крат-

кий глоссарий общественной и научной деятельности более чем 400 выдающихся бурятских ученых.

В этих работах после длительного умалчивания были описаны исторические портреты старобурятской интеллигенции, видных деятелей самых различных сфер духовной жизни: учителей-просветителей, ученых-исследователей, общественных деятелей, представителей духовенства, инженеров, коммерсантов, врачей. Привлекает интерес сборник «Выдающиеся деятели — выходцы из хори-бурят», в котором приводятся факты научной деятельности выдающихся бурят одного из сильнейших бурятских родов: хори-бурят.

Ш. Б. Чимитдоржиев в теоретической работе «Бурят-монголы: история и современность. Очерки. Раздумья монголоведа» впервые в наиболее полном объеме дает научную характеристику еще не переведенным на русский язык архивным рассказам-дневникам и записям о путешествиях в Монголию, Тибет и Непал ламы Болдоморского дацана Лубсан-Мижида (Мижид-Доржи) в 1882–1886 гг., о хождении в Монголию, Тибет и Непал Лудуба Ангабаева, о путешествии ламы Гончокжаба Зангиана по святым местам Тибета, Непала и Индии, а также рассказ буддийского монаха Гэгэла об амдоской местности Кгааринг.

В рамках развития отечественной монголоведной историографии бурятское монголоведение также имеет этапы эволюционного развития: досоветский, советский (1922 — нач. 1990 г.), с нач. 90-х годов (период формирования новой отечественной монголоведной науки). Советский период бурятского монголоведения можно условно подразделить на: 1) период от образования Бурятского ученого комитета до массовых репрессий 30-х годов; 2) период 40-х годов до 1952 г., до признания «Гэсэра» народным эпическим памятником; 3) 1950 — конец 1980-х годов, период бурного роста советского монголоведения. За этот плодотворный в научном плане период произошло становление качественной, с учетом методологических принципов марксистской науки бурятской монголоведной науки, признанной во всем ориенталистском мире.

На территории Монголии в ноябре 1921 г. была создана первая монгольская научно-исследовательская организация — Ученый комитет, переименованный впоследствии в Комитет наук (с 1961 г. — Академия наук МНР), ученым секретарем был избран Ц. Жамцарано.

В РСФСР 1 июля 1922 г. было создано первое в истории бурят научно-исследовательское учреждение — Бурятский ученый комитет (Буручком). В его рабочий аппарат были избраны Б. Барадин, Ц. Жамцарано, М. Забанов, Г. Цыбиков, М. Малков и три кандидата в члены. Председателем комитета единогласно избрали репрессированного в годы сталинских репрессий выдающегося монголоведа Базара Барадиевича Барадина (1878–1938), который возглавлял его в 1922–1929 гг. Буручком установил тесные научные и деловые связи с Монучкомом, где активно работал Ц. Жамцарано. Следовательно, еще до образования в 1923 г. Бурят-Монгольской Автономной Республики (БМАССР) закладываются основы разносторонних связей между учеными Монголии и Бурятии.

Светское образование в Бурят-Монголии получали в Бурятском агропедтехникуме, созданном в 1932 г., Бурятском государственном педагогическом институте им. Доржи Банзарова (ныне Бурятский государственный университет, сформированный в 1995 г.).

В мае 1929 г. Буручком был реорганизован в Бурят-Монгольский государственный институт культуры (БМГИК). Директором института был назначен М. П. Хабаев. В дальнейшем институт имел различные наименования: Государ-

ственный институт языка, литературы и истории (ГИЯЛИ, 1936 г.), Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры и экономики (БМНИКЭ, 1944 г.), Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры (БМНИИК, 1949 г.). В период с 1933 по 1957 г. институт возглавляли Ж. Раднабазарон, Г. Ц. Бельгаев, Б. С. Санжиев, М. П. Шулушкин, М. А. Рампилова, П. И. Хадалов, Ц. Б. Цыдендамбаев.

Новый этап развития института связан с образованием в стране Сибирского отделения АН СССР (1957). В 1958 г. на базе БМНИИК был открыт Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР, в котором впервые созданы наряду с традиционными гуманитарными подразделениями отделы по естественным наукам. В 1966 г. БКНИИ СО АН СССР был преобразован в Бурятский филиал СО АН СССР в составе двух крупных подразделений — Бурятского института общественных наук СО АН СССР (БИОН БФ СО АН СССР) и Бурятского института естественных наук СО АН СССР (БИЕН СО АН СССР). С 1958 по 1980 г. институт возглавлял Д. Д. Лубсанов, с 1980 до 1997 г. директором института являлся В. Ц. Найдаков. В 1997 г. БИОН СО РАН переименован в Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН). С 1997 г. и по настоящее время директором Института является член-корреспондент РАН, академик АН Монголии, д-р ист. наук, проф. Б. В. Базаров.

В академическом институте СО РАН, исходя из требований современного развития мировой востоковедной науки, отечественной монголоведной историографии, активно внедряются в научно-образовательную практику теории евразийства, кочевниковедения или нomaдоведения, достаточно хорошо разработанные в зарубежной ориенталистике.

Актуальной методологической ориенталистской проблеме в России посвящен разрабатываемый под эгидой ЮНЕСКО с 2000 г. Международным институтом по изучению кочевых цивилизаций проект «Трансформация кочевых цивилизаций». Более детальная реализация этого проекта в России под названием «Взаимодействие кочевых, земледельческих и индустриальных цивилизаций Северной, Восточной и Центральной Азии» успешно проводится под руководством председателя Президиума БФ СО РАН, директора Института монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН чл.-кор. РАН Б. В. Базарова.

В конце 80-х гг. 20-го столетия в Бурятии, как и других республиках СССР, начался период национально-культурного возрождения, резко усилился интерес к истории бурят-монгольского народа. С этого времени наблюдалось формирование новой монголоведной науки в России и Бурятии, проведение систематических востоковедных конференций, посвященных памяти Г. Ц. Цыбикова, Ц. Ж. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, Б. Б. Барадина, другим деятелям монгольского этномира, роли старобурятской и советской интеллигенции в монголоведении. Особого внимания заслуживает огромное буддологическое наследие выдающихся буддийских иерархов конца XIX — начала XX в., деятельность которых не являлась объектом пристального внимания монголоведов в советский период истории.

После массовых репрессий с середины 30-х до начала 1950-х годов, до времени признания «Гэсэра» национальным эпическим памятником, развитие бурятского монголоведения продолжается. Огромная работа по восстановлению исторической истины, возвращению имен и востоковедных трудов была проведена под руководством чл.-кор. РАН, директора ИМБТ СО РАН Б. В. Базарова. Безусловно, была необходима реабилитация этнографического, фольклорного материала:

эпосов «Гэсэр», «Джангар», «Манас», других памятников народного творчества, а также освещение ранее недоступных архивных научных материалов о безвинно погибших востоковедах Советского Союза. Частичное ограничение доступа к архивам монголоведов в начале нового века, безусловно, тормозит процесс восстановления исторической истины.

Вторая половина XX в. характеризуется тем, что подготовка научных кадров в Советском Союзе продолжалась в Ленинградском институте живых восточных языков и на восточном факультете Ленинградского госуниверситета им. А. А. Жданова. Выпускники вузов центральных регионов Советского Союза представляли, как они сами отмечали, «ленинградскую школу монголоведения»: Д. Д. Амоглонов, Д. А. Алексеев, Т. А. Бертагаев, Б. Бамбаев, Г. Н. Румянцев, К. М. Черемисов и другие. Они были первыми выпускниками советской школы монголоведения, которые опубликовали работы, посвященные вопросам бурятского и монгольского языков, проблемам источниковедения и историографии, культурному наследию монгольских народов, и в дальнейшем стали специалистами по монгольской филологии и истории.

Имена ученых-востоковедов, активно работавших в Бурят-Монголии, Бурятской АССР, Республике Бурятия, составляют золотой фонд отечественного монголоведения и бурятиеведения: Д. А. Алексеев, Д. Д. Амоглонов, И. А. Асалханов, Б. Б. Бадараев, Э. Г. Базарон, С. Ж. Балданов, П. Б. Балданжапов, С. П. Балдаев, Р. Л. Балдаев, Б. Бамбаев, Е. В. Баранникова, Б. Д. Баяртуев, Т. А. Бертагаев, И. Д. Бураев, Г. Р. Галданова, В. Ц. Ганжуров, Б. О. Гатанов, К. М. Герасимова, С. В. Данилов, Б. Б. Дашибалов, Б. Д. Дандарон, Ц. - А. Дугарнимаев, Д.-Н. С. Дугаров, С. Д. Дытыков, Е. М. Залкинд, Н. П. Егунов, Ф. А. Кудрявцев, Д. Д. Лубсанов, С. А. Максанов, Т. М. Михайлов, В. Ц. Найдаков, Г. Д. Нацов, А. П. Окладников, Р. Е. Пубаев, Э. Р. Раднаев, Г. Н. Румянцев, Г. Д. Санжеев, Б. С. Санжиев, Б. В. Семичов, А. Б. Соктоев, Г. О. Туденов, М. И. Тулохонов, А. И. Уланов, Д. Б. Улымжиев, С. Ш. Чагдуров, К. М. Черемисов, Б. Д. Цибилов, Ц. Б. Цыдендамбаев, Л. Е. Элиасов, Н. О. Шаракшинова, П. Т. Хаптаев, М. П. Хомонов, Д. Д. Хуташкеев, И. З. Ярневский, Ю. Б. Рандалов, В. И. Рассадин, Г. Л. Санжиев, Е. Е. Тармаханов, Ш. Б. Чимитдоржиев, Л. Д. Шагдаров и другие.

Монголоведами Иркутска были подготовлены и успешно защищены докторские диссертации, посвященные истории Монголии, русско-монгольских связей конца XIX — начала XX в.: Н. Е. Единарховой, Н. Н. Крадина, Ю. В. Кузьмина, Е. И. Лиштованного, С. Г. Лузянина.

Калмыцкое монголоведение, как и иркутское, имеет свою давнюю историю. Калмыцкий народ пережил все тяжелые и зигзагообразные события в стране, особенно в XX в. И это не могло не отразиться на востоковедной и монголоведной науке. Историография истории калмыков была тесно связана с развитием дореволюционного востоковедения, которое в начале XIX в. представляло собой объединение целого комплекса наук, таких как филология, история, география, история религий.

В 1929 г. при Саратовском государственном университете было открыто калмыцкое отделение, которое в 1938 г. входит в состав Калмыцкого учительского университета (г. Астрахань), впоследствии (в 1941 г.) оно было переведено в Элисту. Затем был долгий период депортации калмыцкого народа, что отразилось на развитии науки в целом. После восстановления автономии калмыцкое отделение вновь открыто на филологическом факультете Ставропольского пединститута в 1957 г. В короткий срок было подготовлено и издано несколько книг в связи с

350-летним юбилеем добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России.

В 1964 г. был создан Калмыцкий пединститут в г. Элисте, преобразованный в 1970 г. в Калмыцкий государственный университет. Институт калмыцкой и восточной филологии в университете открыт в 2007 г. на базе факультета калмыцкой филологии и культуры, организованного в 1993 г.

В историографии постсоветского периода Калмыкии наблюдается пересмотр прежних научных теорий, основных теоретико-методологических вопросов, в том числе изучение общественного строя калмыков, национальной политики российского правительства, оценивается социально-политическое развитие Калмыкии на рубеже XIX–XX вв.

В 2009 г. калмыцкими учеными был издан фундаментальный трехтомник «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней». Систематизированное обобщающее исследование проведено на высоком уровне. По оценке ученых Института российской истории РАН, «...подготовленная работа находится в одном ряду с академическими сводами истории российских республик и народов, опубликованными в различных регионах в 2000-х годах».

Впервые введен в научный оборот значительный массив новых исторических источников, выявленных в центральных и региональных архивах, что дало возможность восполнить многие пробелы в истории автохтонного населения и Калмыкии. Весьма ценными источниками явились мемуарная литература и монографические исследования отечественных и зарубежных ученых, опубликованные в последнее время.

В первом томе издания рассматривается период с древнего времени и раннего средневековья до 90-х гг. 19-го столетия. В нем освещены этногенез и этническая история предков калмыцкого народа — ойратов, игравших заметную роль в XIII–XVII вв. в истории Центральной Азии, особенно в Монгольской империи Чингисхана, государствах чингисидов, объединенном монгольском государстве XV в. Большое место отводится проблемам, связанным с добровольным вхождением части ойратов в состав России, историей автономного Калмыцкого ханства. Особое внимание в томе уделено русско-калмыцким отношениям, военно-политическим союзам калмыков, их участию в войнах России. Освещая период после откочевки значительной части калмыков в Джунгарию и впоследствии ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г., авторы подробно рассматривают процессы аккультурации калмыков в качестве российских подданных, хозяйственного освоения ими Нижневолжского региона, участия в торговле и промыслах, интеграции в общероссийский рынок.

Второй том охватывает более чем вековой период, начиная с социальной реформы 1892 г. в Калмыкии и до 2000 г. — распада Советского Союза, начала нового этапа в истории России и ее субъекта — Республики Калмыкия. В книге обстоятельно освещаются социально-экономическое развитие региона в начале XX в., события революции 1917 г. и Гражданской войны, национальная политика партии большевиков и социалистическое строительство, участие калмыцкого народа в Великой Отечественной войне, патриотизм и самоотверженный труд жителей республики в военные годы, их помощь фронту. В работе восполнены пробелы в освещении данной темы на основе привлечения новых архивных документов.

В многотомной истории Калмыкии впервые исследованы проблемы депортации калмыков, жизнь и быт спецпереселенцев, их трудовая деятельность в местах ссылки. Новые исторические источники позволили рассмотреть процессы восста-

новления национальной государственности, развития экономики и культуры, вопросы реабилитации репрессированного народа.

Основная тема третьего тома — выявление особенностей и освещение специфики культуры народов Калмыкии в исторической ретроспективе за четыре столетия. С позиций современных методологических подходов рассмотрены важнейшие аспекты духовного и наследия этноса.

Становление национальной государственности Тувинской Республики, дальнейшее развитие экономики и культуры требовало постоянного увеличения квалифицированных кадров во всех сферах общественной жизни молодого государства. Учитывая все это, правительство Тувы обратилось к правительству СССР с просьбой об открытии учительского института. По решению Совета Министров СССР в 1952 г. создан учительский институт в г. Кызыле.

Изучение истории южной части Приенисейского края началось в первой половине XVIII в., с экспедиций в Сибирь академика Г. Ф. Миллера. Большой вклад в исследование Южной Сибири и популяризацию знаний о крае внес Г. И. Спасский, проживший 12 лет в Сибири и издававший в Петербурге журналы «Сибирский вестник» и «Азиатский вестник». Во второй половине XIX в. при изучении истории южной части Приенисейского края основное внимание уделялось поиску и обработке уцелевших архивных материалов, переводам китайских и монгольских документов. Важный вклад в изучение истории Урянхая и русско-тувинских отношений внесли сибирские областники Г. Н. Потанин, А. В. Адрианов, Д. А. Клеменц, Н. М. Ядринцев и другие.

Огромное значение имели работы крупнейшего сибирского исследователя Н. Ф. Катанова. Во второй половине XIX — начале XX в. интерес к исследованию истории Тувы и русско-тувинских отношений обуславливался практическими потребностями экономического освоения прилегающих к России районов и проч.

Систематическое изучение Тувы началось в 20-е гг. XX в. Советские историки ввели в оборот архивные документы, расширили сферу деятельности. Обобщающее исследование Р. М. Кабо явилось показателем качественно нового уровня изучения истории Тувы и русско-тувинских отношений. В этот период проблемы межнациональных отношений рассматривались с «классовых» позиций, в рамках концепции агрессивной политики царской России в Центральной Азии. В послевоенный период наблюдался новый этап изучения Тувы. В отечественной историографии появилось множество работ, включая и фундаментальные труды, отличавшиеся богатой источниковой базой, широким кругом проблематики и глубиной анализа проблем. В 1956 г. было опубликовано обобщающее исследование иркутского историка В. И. Дулова «Социально-экономическая история Тувы XIX — начало XX в.». Историю Засаянского края в советский период изучали ученые, работавшие в Туве. В этот период были введены в научный оборот новые документы, сделаны попытки обобщить материалы. Вопросы истории Тувы и международных отношений в регионе рассматривались в работах по истории Монголии и русско-монгольских отношений. Практически во всех исследованиях советских историков затронуты различные вопросы русско-тувинских взаимоотношений. Однако в силу методологии, а также жестких идеологических и политических установок они не имели возможности глубоко и всесторонне исследовать проблемы межнациональных отношений в регионе.

В последние годы развития советской историографии было опубликовано несколько обобщающих работ, с разных сторон раскрывающих проблемы истории южной части Приенисейского края. В 1983 г. вышла работа В. А. Моисеева «Цин-

ская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в.», до сих пор остающаяся крупнейшим обобщающим исследованием. В монографии специалиста по истории русско-китайских отношений Е. А. Белова «Россия и Китай в начале XX века» выделена специальная глава «Проблема Урянхайского края». В 2001 г. в Кызыле вышло переработанное издание «История Тувы», в котором выделяются главы «Тува в период возникновения и распада государства Алтын-ханов и Джунари» и «Тува в период господства Цинской империи в Центральной Азии (вторая половина XVIII — начало XX в.)». В этой работе был закреплён устоявшийся в отечественной науке взгляд на историю Тувы и русско-тувинских отношений, но без идеологической риторики. В современной российской исторической науке по истории Тувы сохранились традиционные подходы, формировавшиеся с начала XX в.

Проблемы истории народов Саяно-Алтайского региона традиционно исследуются хакасскими историками. В постсоветский период продолжала развиваться «школа» Л. Р. Кызласова, а в Абакане появилось новое направление, разрабатываемое В. Я. Бутанаевым. В работах этих авторов отмечается, что граница государственного образования енисейских кыргызов проходила по Саянскому хребту, а тувинцы с кыргызами являлись единым народом. Однако хакасские исследователи не рассматривают проблемы государственности этих народов в Засаянском крае.

«Алтайский центр востоковедных исследований» (АЦВИ) был создан 1 октября 2001 г. по инициативе д-ра ист. наук, профессора, заведующего кафедрой востоковедения Алтайского госуниверситета В. А. Моисеева, переехавшего в Барнаул в 1993 г. из Киргизии, где продолжает заниматься проблемами Центрально-Азиатского региона.

Востоковедение на Алтае имеет свою историю. В 60–70-е гг. XIX в. на Алтае работал известный тюрколог В. В. Радлов. Большой вклад в востоковедные исследования внес заведующий кафедрой всеобщей истории АлтГУ Е. М. Залкинд, который начал заниматься исследованиями истории русско-монгольских отношений, этнической истории народов Дальнего Востока, теоретическими вопросами кочевниковедения в г. Улан-Удэ.

Плодотворная научная деятельность Е. М. Залкинда продолжилась в Барнауле, где проводятся традиционные «Залкиндовские чтения». Первая научная конференция «Центральная Азия и Сибирь» состоялась в 2003 г.

В настоящее время АЦВИ продолжает традиционные исследования в области истории сопредельных стран Востока: Китая, Монголии, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Афганистана.

По инициативе В. А. Моисеева сформирована научная востоковедная школа на Алтае. После его смерти в 2007 г. кафедру возглавил А. В. Старцев, известный специалист по русско-монгольской торговле в XIX — начале XX в. Им созданы «Общество русско-китайской дружбы на Алтае» и «Общество русско-монгольской дружбы». Он продолжает развивать востоковедные традиции, заложенные В. А. Моисеевым.

Таким образом, монголоведение как отдельная отрасль ориенталистики в современной России получает дальнейшее развитие. Новые тенденции и критерии, разрабатываемые в историографической науке современной России, приводят к частичному отказу от прежней марксистской методологии как единственного научного метода познания социально-исторических процессов, а также к более качественному изучению истории Монголии и России, их многогранных взаимоотношений на межгосударственном и междисциплинарном уровне. Поэтому перед монголоведами России стоит насущная задача — выделить и проанализировать

исследования, обогатившие мировую востоковедную историческую науку, выявить конъюнктурные работы, особенно второй половины XX в.

Историографический анализ научных работ отечественных ученых, посвященных изучению истории монголоязычных народов, Монголии, межгосударственных отношений России и Монголии, определяется необходимостью разработки актуальных для современной истории и политики критериев оценки международных отношений. Исходя из реалий современной исторической науки, на наш взгляд, большее внимание должно быть уделено критическому осмыслению, без идеологической и националистической окраски, накопленного российско-монгольского исторического материала. Но это не следует понимать как внутринаучное развитие в монголоведении, произошли фундаментальные изменения в отношениях России и Монголии в рассматриваемый период.

В российском монголоведении представлены огромный историографический научный материал, самые разнообразные, зачастую противоречащие точки зрения. Но именно в этом заложено дальнейшее развитие российского и мирового монголоведения. Понятие «российско-монгольское востоковедение» требует своего концептуального обоснования.

Многообразные научные проблемы, изучаемые российскими монголоведами, охватывают огромные временные рамки: от археологических раскопок времен камня и бронзы во второй половине XIX в., проводимых совместными советско/российско-монгольскими экспедициями в XX в., до современных исторических проблем, касающихся внутри- и внешнеполитических контактов двух государств.

Научные поиски монголоведов, работающих в такой сложной и тонкой сфере исторической науки, как историография работ по российско-монгольским отношениям, должны привести к получению более или менее достоверных знаний о прошлом, а любой анализируемый научный труд по монголоведению — это вклад в изучение прошлого, который может быть объективно оспорен, дополнен, исправлен; исходить из принципа, что монголоведная история — это не просто прошедшее, а дополнительные знания, полученные ориенталистами из первоисточников, как светских, так и теологических; необходима разработка концептуальной основы как в интерпретации востоковедных и российских источников по рассматриваемой проблеме, так и в изложении результатов исследовательской работы; наработанные концепции должны быть приведены в соответствие с тем, что обнаружено в источниках, а не наоборот. Монголоведная российская историография, как и мировая историографическая наука, на рубеже XX–XXI вв. переживает этап «историографической революции», которая, по твердому убеждению автора, не первая и, скорее всего, не последняя.

Часть II

МОНГОЛИЯ В ДРЕВНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Формирование племенных союзов и первых государств в Центральной и Восточной Азии

Тема 1. Археология древней Монголии

Один из древнейших народов Центральной Азии — монголы — внес свой неограниченный вклад в развитие мировой цивилизации. Вместе с тем, исходя из ложно понимаемой марксистской теории, что кочевой способ производства — это тупиковая ветвь человеческой цивилизации, древняя история монгольского народа не получила достаточно достоверного освещения в учебной и научной литературе.

Прежде всего это относится к периоду существования на центральноазиатских просторах Монгольской империи чингисидов стационарных кочевых городов. Эти проблемы на рубеже XX–XXI вв. получают научное, без политических пристрастий, освещение.

Найденные на территории современной Монголии следы деятельности человека относятся к глубочайшей древности. К первому и основному виду источников относятся археологические памятники и информация, извлекаемая из них в процессе исследования. Археологическое изучение Монголии началось во второй половине XIX в., что связано с открытиями русского ученого Н. М. Ядринцева, изучившего развалины древней монгольской столицы Каракорума (Хара-Хорина). История столицы Монгольской империи начинается, очевидно, с 1220 г., когда Чингисханом была основана столица на Орхоне. Полемика по поводу времени основания Каракорума хорошо освещена С. В. Киселевым в работе «Древнемонгольские города» (1965). После проведения им раскопок появились доказательства того, что, действительно, Каракорум был заложен раньше 1235 г., считавшегося датой основания города Угэдэем. Скорее всего, в силу традиционного почитания родителей Угэдэй начал строительство столицы Монгольской империи на месте, определенном его отцом — Чингисханом.

Следующим этапом изучения древней истории явилось первое археологическое обследование Монголии в 1890 г. специальной экспедицией Академии наук России во главе с академиком В. В. Радловым. Он был привлечен к этой работе потому, что одновременно с открытием развалин Каракорума Н. М. Ядринцев обнаружил в долине р. Орхона ряд рунических надписей особым письмом, схожим с давно известными, но не прочитанными надписями на камнях из долины р. Енисей. Письмо это получило в науке название «орхонско-енисейское». Одним из первых прочел это письмо русский ученый В. В. Радлов.

В орхонских надписях содержались ценные сведения по истории енисейских киргизов и Тюркского каганата, т. е. государств кочевников Центральной Азии, существовавших в VII–IX вв. Сотрудниками экспедиции В. В. Радлова, в том числе известным исследователем Д. А. Клеменцом, было проведено пред-

варительное археологическое обследование центрального района Монголии. Было зарегистрировано много древних развалин, курганов и других памятников, относящихся к различным историческим эпохам. После исследований Орхонской экспедиции на территории Монголии было открыто немало руинированных остатков древних городов. Результаты исследований этого отряда нашли отражение в четырехтомном издании «Труды орхонской экспедиции».

После доклада датского ученого В. Томсена в 1893 г. и завершения перевода текста в честь полководца Кюль-Тегина российского ученого В. В. Радлова в 1894 г. было положено начало новой науке — тюркологии.

В конце XIX в. изучением Монголии занимались Г. Н. Потанин, А. М. Позднеев. В этот период собран большой археологический и этнографический материал экспедициями, организованными Русским географическим обществом. Его филиал, Восточно-Сибирское отделение (ВСОРО), был образован 17 ноября 1851 г.

В 1921 г. в Монголии был создан Ученый комитет (современная Академия наук), в состав которого входил исторический кабинет, занимающийся поисками и регистрацией памятников. С 1922 г. начались первые разведочные археологические работы, которые проводились как монголами, так и вместе с советскими специалистами. В это время поиски, а также некоторые раскопки таких археологических памятников, как древние монументы, могилы и города, велись сотрудниками Ученого комитета МНР и Академии наук СССР.

Монгольские археологические источники делятся на неравноценные по значимости группы: 1) случайные находки, обнаруженные скотоводами и путешественниками (наименее ценные, хотя и весьма многочисленные, разбросанные по сомонным, аймачным и центральным музеям, а также сохраненные в частном владении); 2) погребальные комплексы, открытые в результате раскопок; найденные там предметы хранятся в археологической лаборатории Института истории АН Монголии, в музеях Улан-Батора, а также в Санкт-Петербурге — в Государственном Эрмитаже и Музее антропологии и этнографии; 3) каменные стелы, оставленные древними племенами по всей Монголии, это оленные камни эпохи бронзы и ранних кочевников и древнетюркские изваяния; 4) жертвенники; 5) петроглифы: рисунки охрой или гравировка на скалах, относящиеся ко всем эпохам и распространенные по всем аймакам.

Исходя из большого комплекса археологических исследований, необходимо отметить, что территория Монголии была обжита уже 200–100 тыс. лет тому назад, а самые ранние следы обитания человека относятся к концу нижнего палеолита. Стоянки людей этого времени обнаружены в различных районах Монголии: на севере — близ города Алтан-Булак, на юге — в местности Оцон-Маньт Южно-Гобийского аймака, в Гоби-Алтайском аймаке близ озера Орог-Нур, в бассейне рек Орхон, Тола, Онон, Керулен.

На местах стоянок людей нижнего палеолита находят большое количество грубо обработанных каменных орудий: рубиловидные орудия, нуклеусы дисковидной или прямоугольной формы, изготовленные из красного кремня, желтоватой яшмы, серо-зеленоватых речных галек.

В период перехода от нижнего палеолита к среднему палеолиту (100–40 тыс. лет назад), который совпал с изменениями климата и наступлением ледников, древний человек овладел искусством добывания огня. Стоянки людей среднего и верхнего палеолита (40–12 тыс. лет назад) обнаружены в горах Арц-Богдо Увэр-Хангайского аймака и в местности Оцон-Маньт Южно-Гобийского

аймака. Среди находок переходного от палеолита к неолиту и самого неолитического периода (ок. 8–3 тыс. лет до н. э.) следует особо отметить многочисленные, хорошо обработанные каменные орудия, свидетельствующие о том, что древнее население этих мест освоило технику обработки камня.

Наибольший интерес представляют открытые археологами в Гоби, в местностях Баиндзак и Дзун-Хайрхан-Ула, стоянки эпохи неолита с остатками сложенных из бульжников очагов, возле которых в изобилии были обнаружены узкие ножевидные отщепы, дисковидные скребочки, наконечники стрел, найдены глиняные сосуды полуяйцевидной формы, покрытые снаружи оттисками мелкой сетки-плетенки. Такие же сосуды и каменные орудия характерны для ранних стадий неолитических соседних областей Восточной Сибири, прежде всего Забайкалья. Это еще одно подтверждение того, что древнейшая история Сибири и Центральной Азии имела много общих черт.

Большой интерес вызывают палеоантропологические материалы, которые, как правило, находят при археологических раскопках. Во второй половине XX в. в Монголии найдено значительное количество палеоантропологического материала, что позволяет сделать некоторые предварительные выводы об этногенезе народов древней Монголии, их контактах и миграции, социальной и этнической ситуации.

В настоящее время антропологи располагают коллекцией, насчитывающей около 180 черепов. Известны два черепа неолитического времени, три — энеолитического периода, один — карасукской эпохи и 74 черепа — скифского времени. Различия черепов из раскопок погребения сюнну свидетельствуют о пестроте населения в ту эпоху, о смешении монголоидной и европеоидной рас. Очень интересные результаты дает сравнение данных антропологии и археологии на этой территории.

Одним из первых крупных достижений монгольских и советских археологов является раскопка в горах Ноён уул крупной княжеской могилы периода хунну, которая проводилась в 1924–1925 гг. силами Монголо-Тибетской экспедиции под руководством П. К. Козлова. Раскопки этих могил явились знаменательным событием в археологическом исследовании Монголии и одним из крупных открытий древней истории Монголии XX в.

Нужно отметить, что в 20–30-х годах проводились в основном комплексные исследования, такие как историко-археологические и археолого-этнографические. В результате совместной научной деятельности советских ученых В. А. Казакевича, С. А. Кондратьева, А. Д. Симукова, Д. Д. Букинич и монгольских коллег, сотрудников Ученого комитета О. Жамъяна, Ж. Цэвээнэ, Н. Дэндэва заложены основы монгольской археологии.

Монголовед В. А. Казакевич совершил ряд поездок по территории Монгольской Народной Республики, посетил гобийские горы Алтан уул, долины рек Халхин-Гол, Керулен и Туул. В числе обнаруженных и описанных им памятников были города XVII в. Хэсэг байшин и Олон байшин, расположенные на юге Хэнтийского аймака. В. А. Казакевичем впервые были даны и опубликованы научные характеристики каменных изваяний Дариганги.

Сотрудники комитета наук Монголии (бывший Ученый комитет) с 1927 г. постоянно собирали материалы, связанные с археологическими находками. На основе материалов, собранных историческим кабинетом Комитета наук за 19 лет, и сведений российских ученых, работавших в Монголии с XIX в., в 1941 г. монгольский ученый Х. Пэрлээ начал создавать «Археологи-

ческую картотеку Монгольской Народной Республики», которая впоследствии обновлялась.

В 1942 г. Х. Пэрлээ был составлен план расположения археологических памятников правого берега реки Хуйтний гол и горы Авдар уул Авдарбаян сомона Центрального аймака, там же было раскопано и изучено небольшое число могил. Результаты проведенных работ отражены в первом научном труде монгольского ученого, самостоятельно исследовавшего археологические памятники своей страны.

В 1948–1949 гг. на территории МНР работала совместная Монголо-советская экспедиция под руководством профессора С. В. Киселева и Х. Пэрлээ, которая, проводя раскопки Каракорума и Хара-Балгаса, выявила торговоремесленный квартал и остатки дворцов. Ими также было изучено большое количество могил древних племен, проживавших в долине реки Орхон. Два отряда экспедиции, возглавляемых профессором А. П. Окладниковым и этнографом К. В. Вяткиной, работавших в западных, восточных и южных областях страны, обнаружили множество древних памятников, среди которых были и поселения каменного века. На реке Дунд Жаргалантын гол Хэнтийского аймака и в местности Наран-Толгой сомона Мунгэнморьта Центрального аймака зафиксировано несколько оленных камней. На скалах горы Шунхлай-Уул сомона Хужирт Убурхангайского аймака К. В. Вяткиной обнаружены петроглифы, исполненные выбивкой.

В 1948–1949 гг. отряд по изучению палеолитических стоянок под руководством А. П. Окладникова обнаружил палеолитические и неолитические поселения в Мойлтын ам Лун сомона Архангайского аймака, в Тамсагбулаг сомона Матад Восточного аймака, а также наскальные изображения в Тэвш уул сомона Ховд Убурхангайского аймака и в пади Гачууртын ам, расположенной недалеко от Улан-Батора.

Существенный вклад в изучение Монголии внесла Советско-монгольская экспедиция, работавшая с 1948 г., с перерывами, по 1958 г. под общим руководством члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева. Исследованиями экспедиции были охвачены территории Монголии, Забайкалья, Тувы. Большой вклад в изучение Монголии был внесен одним из участников экспедиции С. В. Киселева — известным монгольским археологом Х. Пэрлээ, который опубликовал данные о хуннской, уйгурской, киданьской истории Монголии, поставил вопрос о древней оседлости на территории Монголии.

Важный этап изучения древней Монголии был связан с деятельностью Советско-монгольской экспедиции, организованной по инициативе выдающегося археолога, академика А. П. Окладникова. Исследованиями экспедиции были охвачены практически все исторические периоды — от раннего палеолита до этнографической современности. Значительный вклад в изучение Монголии был сделан Л. Р. Кызласовым, занимавшимся раскопками древнемонгольских городов.

К 1950-м годам были подготовлены кадры монгольских археологов, которые самостоятельно и совместно с учеными социалистических стран стали проводить археологические исследования по трем основным направлениям: каменный век, бронзовый и начало железного века, древние государства (хунну, государства тюрков и киданей). В 1951 г. Х. Пэрлээ проводил исследования поселений «Тахилын ус» и «Дуудий тээгийн дунгэндэг газар», находящихся недалеко от скал Их газрын чулуу Среднегобийского аймака, города Барс хот III, осно-

ванного Тогоонтумур-ханом на северном берегу реки Хэрлэн (Восточный аймак), обследовал могилы IX–XII вв. на территории Сайнцагаан сомона Средне-гобийского аймака.

В 1967–1968 гг. Х. Пэрлээ было раскопано более 20-ти могил в местностях Тугсийн увдуг Батширээт (бывший Хэнтий) сомона, в долинах рек, Хурхын гол и Жаргалантын гол того же аймака. Была выдвинута версия, что данные могилы относятся к периоду Киданьского государства. В 1952 г. монгольский ученый обследовал более 10-ти плиточных могил в Баянцогт обоо Баянмунх сомона Хэнтийского аймака и Сууджийн булаг Мунгунморьт сомона Центрального аймака.

Научный отряд под руководством Х. Пэрлээ в 1952–1957 гг. проводил раскопки городищ Гуа дов, Тэрэлджийн дурвуджин Мунгунморьт сомона, Бурхийн дурвуджин, Хурээн дов, Ундур дов Эрдэнэ сомона, вал на берегу реки Цэнхэрийн гол (Жаргалтхаан, Дэлгэрхаан, сомоны Хэнтийского аймака), Барс хот II (Баруун дуруугийн хэрэм), вал на берегу реки Шувуутайн гол Бурэгхангай сомона Булганского аймака, городище времен хунну Баянбулаг в Южно-гобийском аймаке. Научное значение исследований Х. Пэрлээ заключается в том, что монгольский ученый опровергнул теорию о «чистых кочевниках» и на основании вещественных фактов доказал существование городов и поселений у кочевых племен.

В 1954–1955 гг. монгольский ученый Ц. Доржсурэн обследовал около 20 могил хунну и две плиточные могилы в горах Ноён уул. В долине реки Хунуй гол Архагайского аймака им было обнаружено более 300 могил хунну, 26 из которых были исследованы, а материалы опубликованы. В 1956–1958 гг. на территории Архангайского аймака, а также в пади Хурхрээгийн ам, расположенной недалеко от Улан-Батора, он изучил большое число памятников бронзового и начала железного веков, среди которых были и восемь плиточных могил, раскопанных им в 1956 г. в горах Алтан сандал Их Тамир сомона Архангайского аймака.

В 1955 г. Ц. Доржсурэн обнаружил стелы с орхон-енисейскими и уйгурскими письменами в местности Долоодойн херексур Увс аймака, в 1956 г. на территории Их Тамир сомона Архангайского аймака им выявлен комплекс с огромной стелой, где согдийскими письменами и на санскрите была высечена важнейшая информация, связанная с историей I Тюркского каганата 80-х гг. 6-го столетия. В 1957 г. в местности Долоон мод Тариат сомона Архангайского аймака Ц. Доржсурэном обнаружена и включена в научный оборот верхняя часть стелы с орхон-енисейскими письменами.

В 1956 г. монгольский ученый Н. Сэр-Оджав раскопал плиточную могилу в горах Шунхлай уул Худжирт сомона Убурхангайского аймака, в следующем году совместно с Ц. Доржсурэном обследовал поминальный комплекс древнетюркского военного и политического деятеля Тоньюкука, находящийся на территории Эрдэнэ сомона Центрального аймака. Здесь были обнаружены строительные материалы, керамические изделия, различные украшения, а также орхон-енисейская надпись на стене жертвенного храма. В 1957–1958 гг. им же были найдены интересные петроглифы с изображениями различных животных, оленей и сцен охоты в местностях Цэнэгтийн ам Ундурсант сомона Архангайского аймака, Хух хутлийн тост утгу Уйгар сомона Баян-Улгийского аймака.

В 1952 г. монгольский археолог О. Намнандорж обнаружил в пещере Хойд Цэнхэрийн агуй Манхан сомона Ховд аймака наскальные рисунки, сле-

ланные охрой. Они были отнесены исследователем к временам неолита, некоторые рисунки были опубликованы. В 1953 г. на территории Арбулаг сомона Хубсугульского аймака он нашел и обследовал остатки дворца Мунх хана и величественную стелу с надписями.

В 1960–1966 гг. отряд по изучению каменного века Монголии, в состав которого входили советские и монгольские археологи А. П. Окладников, Х. Сэр-Оджав, Д. Дорж, провели разведку почти на всей территории страны и во многих местах обнаружили памятники среднего и верхнего палеолита, неолита. Наряду с этим в 1960, 1961, 1964 гг. была обследована стоянка времен палеолита с четырьмя культурными слоями в местности Мойлтын ам Хархорин сомона Убурхангайского аймака. В ходе исследования стало ясно, что данная стоянка является редчайшим памятником Центральной, Северной и Восточной Азии.

В 1967–1989 гг. на территории МНР работала совместная Монголо-советская историко-культурная экспедиция под руководством Ш. Нацагдоржа, Д. Доржа, А. П. Окладникова, А. П. Деревянко. В ее состав входило несколько научно-исследовательских отрядов, которые внесли неоценимый вклад в изучение истории монгольского народа.

В 1967–1969 гг. отряд по изучению каменного века, возглавляемый академиком А. П. Окладниковым и Д. Доржем, кроме палеолитических находжений обнаружил на территории Восточного, Восточногобийского и Сухэбаторского аймаков несколько десятков поселений мезолита и неолита. Впервые были проведены раскопки неолитических жилищ и захоронений в местностях Овоот, Тамсагбулаг и на южном берегу реки Керулена (недалеко от города Чойбалсан). Отрядом по изучению каменного века Монголии в 1969 г. обнаружена мастерская нижнего палеолита у горы Ярх Гурвансайхан сомона Среднегобийского аймака, где была зафиксирована культура бифасовидных орудий.

С 1970 г. наблюдается качественный этап изучения Монголии. Этот период характеризуется созданием совместных отрядов по изучению каменного века, бронзового и начала железного веков, которые побывали практически во всех аймаках Монголии. Эти отряды регистрировали и исследовали тысячи памятников, таких как поселения, могилы, оленные камни, монументы, петроглифы, древние надписи и каменные скульптуры, оставленные жителями каменного, бронзового, железного веков. Были исследованы археологические памятники периода державы хунну, Уйгурского и Киданьского государств, империи чингисидов.

Археологический отряд, возглавляемый Х. Пэрлээ в 1970 г. на городище Хар Бухын балгас Дашинчилэн сомона Булганского аймака, обнаружил несколько десятков берестяных книг, среди них были и ранее неизвестные науке редчайшие экземпляры. Всемирно-исторический характер имело открытие свода из 18-ти законов, принятых 18 собраниями князей четырех, шести и семи хошунов. Публикация этих памятников истории, культуры и права впоследствии явилась одним из главных трудов Х. Пэрлээ.

В 1970–1973 гг. палеолитические орудия обнаружены в местностях Ёроолгоби и Цахиурт Хулд сомона Среднегобийского аймака, стоянки времен мезолита найдены в горах Зуунхайрхан и Баруун хайрхан Южногобийского аймака. В 1975, 1979 гг. отряд под руководством А. П. Окладникова и Д. Цэвээндоржа обнаружил палеолитические, неолитические изделия и мастерские на территории Заамар сомона Центрального аймака, в долинах рек Селенга и Дэлгэр-Мурен, на бе-

регах озера Толбо-Нуур, в долине реки Хонгиогийн гол Эрдэнэбурэн сомона, на реке Цэнхэрийн-Гол Манхан сомона, на территории Муст сомона Ховд аймака.

Отряд по изучению бронзового и начала железного веков совместной Монголо-советской историко-культурной экспедиции в 1971 г. раскопал несколько плиточных могил в местности Тэмээн чулууны ам Бат Улзийт сомона Убурхангайского аймака. В 1976 г. было обследовано еще 4 плиточные могилы в Шивэртийн ам их Тамир сомона Архангайского аймака.

В 1976–1983 гг. исследовано около 50 плиточных могил и обнаружены бусы, украшения из бирюзы, золотые серьги, фрагменты керамики, костяные изделия, кости домашних животных и множество других находок. Кроме того, в 1976–1977, 1980 гг. в степи Хушуун тал Эрдэнэмандал сомона Архангайского аймака был обследован памятник тюркского времени с каменной черепахой. В 1980–1982, 1984 гг. исследовано около 20-ти могил монгольского времени в горах Буурал уул на территории государственного хозяйства Хонгор Сэлэнгэ аймака.

В 1972–1974, 1981–1982 гг. отряд по изучению археологических памятников кочевников Института истории совместно с отрядом по изучению бронзового и начала железного веков совместной Монголо-советской историко-культурной экспедиции под руководством Д. Цэвээндоржа и В. В. Волкова раскопал в горах Чандмань уул Увс аймака более 50-ти могил, относящихся к VII–III вв. до н.э. В исследованных могилах обнаружены сотни находок, среди которых были орудия труда, предметы вооружения, различные украшения. Они имели важное научное значение не только для установления времени внедрения в производство железа на территории Монголии, но и для изучения хозяйственной и общественной жизни тех времен.

В 1979 г. палеолитический отряд под руководством А. П. Окладникова и Д. Цэвээндоржа обнаружил петроглифы на скалах Ишгэн толгой и Хойт узуур хухад Манхан сомона, в Алаг чулуу и Ихэр хушоот сомона Эрдэнэбурэн аймака Ховд, в Бугат Жаргалант сомона Баянхонгорского аймака, в местности Хуудасны орой Тонхил сомона Гоби-Алтайского аймака. Среди них были наскальные рисунки времен палеолита из Ишгэн толгой, изображение сцены пахоты земли плугом двумя волами и много других писаниц, имеющих важное научное значение.

В 1982 г. отряд, возглавляемый Р. С. Васильевским и Д. Цэвээндоржем, провел широкомасштабную разведку и собрал богатейшие палеолитические и неолитические материалы в долинах рек Туул, Орхон, Тамир-Гол, Дэлгэр-Мурен и Селенга. В 1983–1989 гг. отряд под руководством А. П. Деревянко и Д. Доржа проводил разведочные работы на территории Баян-Ульгийского, Ховд, Гоби-Алтайского, Убурхангайского, Баянхонгорского аймаков. В результате поисков были собраны тысячи каменных изделий из более чем трехсот местонахождений. Среди них можно назвать долину реки Сагсай, озеро Хар ус нуур, долину древних озер, долины рек Ховд, Хойд Цэнхэр, Дунд Цэнхэр, Урд Цэнхэр (в районе Манхан сомона), озеро Хулман нуур, территорию Бууцагаан сомона, долины рек Таац, Туйн, Байдраг. По материалам этих исследований были опубликованы десятки брошюр и книг.

В 1995–2001 гг. монголо-российско-американский отряд по изучению каменного века под руководством А. П. Деревянко, Д. Цэвээндоржа и Дж. Олсена исследовал палеолитические и мезолитические стоянки пещер Цагаан агуй и Чихэн агуй Баянхонгорского аймака. Установление даты памятников в лабораториях России и США с применением геологических, палеоботанических и радиоуглеродных методов — новое прогрессивное явление при исследовании каменного века Мон-

голии. Отрядом также проведены разведывательные работы в районе Алтайского Гоби и обнаружено множество стоянок старого и нового каменного веков. Среди них стоянка Цахиуртын хундий (Кремниевая долина), расположенная на границе Убурхангайского и Южногобийского аймаков, имеет важное научное значение и является редчайшим памятником каменной индустрии. Она занимает площадь в 25 квадратных километров. Кроме трехтомного отчета на монгольском, русском и английском языках по результатам исследований опубликовано несколько монографий и множество статей.

При реализации монголо-американо-российского проекта «Алтай» (Д. Цэвэндорж, Э. Якобсон, В. Д. Кубарев) в 1994–2001 гг. в местностях Хар ямаа, Цагаан салаа, Бага Ойгор, Хар ус, Цагаан ус, Харуул толгой, Хатуу Монгольского Алтая обнаружено и исследуется большое число наскальных рисунков. Эти памятники по количеству и по содержанию занимают особое место в изучении петроглифов не только Монголии, но и всего Азиатского континента.

В 1994–2000 гг. Монголо-американо-российская экспедиция под руководством Д. Цэвэндоржа, Э. Якобсона и В. Д. Кубарева занималась изучением петроглифов Монгольского Алтая. В ходе исследования был обнаружен ряд памятников. Самыми грандиозными из них считаются петроглифы Цагаан салаа и Бага Ойгор, где открыто более 10 000 сцен. Из них выборочно опубликовано около 1400 сцен в двух томах в Париже, одном томе в Новосибирске. Эти памятники датируются от эпохи палеолита до средневековья. Палеолитическим временем датируются некоторые рисунки мамонтов. В местности у горы Шивээт Хайрхан и верховьях реки Цагаан гол (Хух чулуу, Шивээт Хайрхан, Хар салаа, Цагаан салаа, Хар чулуу) было открыто более десяти тысяч сцен. В местности Арал толгой обнаружено местонахождение петроглифов, датируемых от мезолита до бронзового века. Мезолитическим временем датируются изображения лошадей. Петроглифы Арал толгой опубликованы отдельной монографией. Основная масса петроглифов Монгольского Алтая датируются бронзовым и ранним железным веком.

В 2005 г. российско-монгольская археологическая экспедиция под руководством Н. В. Полосьмак и Н. Эрдэнэ-Очира раскопала большую могилу хуннской знати в пади Суджигт в горах Ноён уула, где обнаружены многочисленные уникальные находки: несколько серебряных пряжек с изображением однорогого небесного козла, крылатого козла, с изображением дракона. Уникальной находкой является округлая пряжка с изображением античных сюжетов.

В 2004–2006 гг. Монголо-российско-германская экспедиция под руководством Д. Цэвэндоржа, В. И. Молодина и Г. Парцингера занималась исследованием, поиском и раскопками пазырыкского кургана на территории Монгольского Алтая. В 2006 г. в местности Олон гуурийн гол была открыта нетронутая могила пазырыкского типа в мерзлоте, где над срубом были положены два коня с уздой и седлом. Покойник был похоронен в бревенчатом срубе, устеленном войлоком черного цвета. Он был в сурковой шубе, коротких шортах из ткани, длинных войлочных сапогах, войлочной шапке с верхушкой в виде птичьей головы, с поясом, украшенным деревянной пряжкой. Кроме того, найдены многочисленные украшения, вырезанные из дерева в виде оленя, лошадей, головы горных козлов, диадемы с изображением парных зверей, скорее всего волков, и т. д. Вместе с покойником клали полный набор вооружения: лук со стрелой, бронзовый чекан с деревянной рукояткой, бронзовый кинжал в деревянных ножнах, деревянный щит и т. д. Возле головы покойника был поставлен керамический сосуд, сделанный из рога архара,

деревянный сосуд и большая палица. Судя по комплексу находок, он был скотоводом, охотником и воином.

С 2004 г. совместной российско-монгольской археологической экспедицией проводились исследования городов киданей на территории Монголии под руководством чл.-кор. РАН Н. Н. Крадина. Российскую сторону в полевых исследованиях представляли Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (чл.-кор. РАН Н. Н. Крадин, канд. ист. наук А. Л. Ивлиев, канд. ист. наук С. Е. Саранцева, Ю. Г. Никитин и др.), Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д-р ист. наук С. В. Данилов), Кемеровский государственный университет (канд. ист. наук С. А. Васютин), Читинский государственный педуниверситет (канд. ист. наук Е. В. Ковычев). С монгольской стороны партнерами являются Институт изучения кочевых цивилизаций ЮНЕСКО (проф. А. Очир, Б. Анхбаяр, Г. Батболд), Монгольский технический университет (канд. ист. наук Л. Эрдэнэболд), Институт археологии МАН (др. А. Энхтур). В раскопках принимали участие студенты-антропологи Дальневосточного государственного технического университета и студенты монгольских вузов. Особый интерес из киданьских городищ Монголии вызывает самый крупный памятник — Чинтолгой-балгас. Городище расположено в Булганском аймаке (Дашинчилэн сомон) Монголии (примерно в 200 км к СЗ от Улан-Батора).

Городище раскапывалось в 2004–2008 гг. В процессе раскопок было обнаружено огромное количество керамики и черепицы, предметов материальной культуры, остатки фауны, предметы искусства. Полученные материалы могут быть представлены в эталонной коллекции различных категорий артефактов городской культуры империи Ляо на территории монгольских степей. Это наиболее изученный в настоящее время город империи Ляо.

Ряд категорий артефактов имеет аналогии с культурой существовавшего на территории Манчжурии, Северной Кореи и Приморья раннесредневекового государства Бохай (698–926 гг.). После завоевания территории Бохая кидани из-за подавления ряда восстаний начали политику депортации бохайцев в другие районы страны, в том числе и на территорию современной Монголии. Еще одним следом присутствия бохайцев в районе долины Толы на западной границе Ляо может служить специфическая фортификация киданьского городища Эмгэнтийн-хэрэм, расположенного в 20 км от Чинтолгой-балагаса, на левом берегу р. Харбухын-гол. В 2010–2012 гг. проводились раскопки городища Хэрмэн-дэнж.

В 1976 г. в отделе истории, этнографии Института общественных наук БФ СО АН СССР была создана археологическая группа, в 1991 г. — лаборатория археологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Труды бурятских ученых-археологов Е. А. Хамзиной, П. Б. Коновалова, С. В. Данилова, Н. В. Именохоева, Б. Б. Дашибалова и других значительно обогащают знания об истории монгольских народов в древности.

В российском монголоведении для устранения теоретических и методологических ошибок советского периода истории и историографии в монголоведении со второй половины 90-х гг. XX в. под эгидой Института монголоведения, буддологии, тибетологии, под руководством д-ра ист. наук, проф., чл.-кор. РАН Б. В. Базарова, академика АН Монголии, активно разрабатывается методологическая Программа фундаментальных исследований в рамках приоритетных направлений Сибирского отделения РАН «Кочевые, земледельческие и индустриальные цивилизации Северной, Восточной и Центральной Азии: традиции и преемственность в современных взаимодействиях».

Монголоведами России и Монголии в аймаках Монголии и районах Бурятии были проведены фундаментальные раскопки археологических памятников Центральной Азии. Они охватывают широкий хронологический диапазон: от палеолита до позднего средневековья. Впечатляет анализ исследуемых программ, в рамках которых восстанавливается история народов Центральной Азии, в том числе определенные виды хозяйственной деятельности, культуры, быта, вооружения, форм вооружения. Большинство обнаруженных артефактов находится в стадии обработки, но уже обнародован ряд результатов этих исследований. В целом этот комплекс материалов будет опубликован в ближайшее время.

Эта научная работа выполняется с помощью Программ: 1. «Народы Монгольского Алтая и Прихубсугуля в динамике транснациональной истории»; 2. «Археологическая экспедиция по исследованию киданьского города Чин-Тологой»; 3. «Исследование хуннских и киданьских городов Монголии»; 4. Исследование киданьского городища Чин Тологой»; 4.«Археологическая экспедиция по изучению хуннского городища Тэрэлжин Дэрэвэлжин»; 5. «Археологическая экспедиция по исследованию элитного кургана киданьской знати Шороон дов»; 6. «Археологическая экспедиция по изучению неолитических памятников Монголии»; 7. «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии».

Научный анализ археологических памятников Монголии в начале XXI в. осуществлен коллективом ученых ИМБТ СО РАН, российских, монгольских коллег: д-р ист. наук, главный научный сотрудник П. Б. Коновалов, д-р ист. наук, проф., заведующий отделом истории и культуры Центральной Азии С. В. Данилов, д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Б. Б. Дашибалов, д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН Н. Н. Крадин, канд. ист. наук, науч. сотр. А. И. Бураев, научный сотрудник Н. В. Именохоев и др.

Археологами Бурятии совместно с учеными российских научных заведений организован ряд фундаментальных экспедиций для изучения древнего периода истории Монголии: исследование киданьского города Чин Тологой, хуннских и киданьских городов Монголии, элитного кургана киданьской знати Шороон Дов, неолитических памятников Монголии и др. Исходя из современных достижений мировой и отечественной науки подготовлена «Электронная карта городов древних кочевников Центральной Азии».

Ведущими археологами Бурятии были рассмотрены следующие проблемы: С. В. Данилов — «Города в кочевых обществах Центральной Азии»; Б. Б. Дашибалов — «На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в Средние века)»; П. Б. Коновалов — «Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье)» и др. Российскими учеными С. В. Даниловым, П. Б. Коноваловым, Н. Н. Крадиным и другими изучаются проблемы социальной структуры хунну Забайкалья. Данные археологической науки, особенно конца XX — начала XXI в., логично и научно доказывают тысячелетнюю историю монгольских народов.

Тема 2. Хуннская держава и ее влияние на судьбы Евразии

В Центральной Азии в конце II — начале I тыс. до н. э. сложился хозяйственно-культурный тип экстенсивного кочевого скотоводства, определивший на несколько тысячелетий историческую судьбу степной зоны Евразии. Отдаленные предки монголов, как и других азиатских народов, в своем эволюционном развитии

перешли от состояния первобытного стада к первобытному строю. Этот переворот был связан с крупным общественным разделением труда: выделением пастушеских племен из остальной массы населения и ускорением процесса имущественного расслоения в обществе. Кочевников, кочевой способ производства нельзя прямо сопоставлять ни с восточными деспотиями, ни с античными полисами, ни с феодальными королевствами Европы.

С позиций получившего развитие в конце XX в. мир-системного подхода мир делится на «центр» и «периферию», из которой выкачиваются ресурсы, кочевники являются «спутниками» земледельческих цивилизаций (мир-империй). Выполняя важные посреднические функции между региональными «мир-империями», номады выступали как важный стабилизирующий элемент в мировом разделении труда. По мнению некоторых ученых, в степной Евразии сложившаяся скотоводческая цивилизация в своем развитии прошла два периода:

1. Эпоха скифо-сибирского мира (VII–III вв. до н. э.);
2. Гунно-тюркская эпоха номадизма.

Для каждого периода были характерны свои особенности. Древние общества VII–II вв. до н.э., фиксируемые по археологическим памятникам, были раннегосударственными образованиями, поскольку они обеспечивали производство необходимых продуктов, разделение труда, регулировали взаимоотношения внутри общества и обеспечивали целостность общественной структуры.

Изменения происходят на рубеже нашей эры, в степях, горных долинах складываются основы новой эпохи, меняется облик культур, происходят цивилизационные изменения.

Определяющей силой исторического развития явились хунну на востоке, усуню на юге, сарматы на западе. На рубеже тысячелетий начинается второй этап степной скотоводческой цивилизации — эпоха номадизма в степной зоне. Этот период развития цивилизации характеризуется увеличением роли экстенсивного скотоводства как экономической основы, сложением новых направлений в экономике, изменением этнического состава. Возникают новые элементы материальной и духовной культуры, нашедшие свое отражение в новых сюжетах в искусстве, иных художественных традициях.

Номады были политически господствующей силой на рубеже тысячелетий и в первой половине I тыс. н.э. Приведем наиболее характерные черты нового периода цивилизации: экстенсивность скотоводческого хозяйства, особенно кочевого; полная зависимость кочевников от природных условий; возникновение лидирующих центров и концентрация в руках знати прибавочного продукта; наличие у знати престижных, символически значимых предметов. Эпоха средневековья начинается в связи с падением первых государственных образований скифо-сибирского мира, формированием нового хозяйственного, бытового комплекса, новой культуры и идеологии, военного дела. Эта эпоха заканчивается с момента распространения машинной технологии, огнестрельного оружия и новых источников энергии. С этого времени кочевники как культурно-хозяйственный тип сходят с исторической арены и сами становятся предметом экспансии со стороны оседлых держав. Хронологически это происходит в XVII–XVIII вв.

На наш взгляд, необходимо более подробно рассмотреть сущность номадов и понятие «кочевая империя». Чем объяснить их стремительное возникновение, превращение в мировые державы, перед которыми трепетали королевские дворы государств Запада и Востока, и столь же стремительное их исчезновение с политической арены доиндустриальной эпохи? В современной мировой историографии одна

из наиболее «метких» характеристик принадлежит Н. Н. Крадину: «Кочевые империи» — это самые крупные политические образования кочевников, объединявшие на непродолжительное время гигантские территории и приводившие в ужас более высокоразвитых соседей-земледельцев».

Н. Н. Крадин следующим образом раскрывает сущность понятия «кочевая империя». Само слово «империя» обозначает такую форму государственности, которой присущи два главных признака: 1) большие территории и 2) наличие зависимых или колониальных владений. Р. Тапар со ссылкой на труды С. Айзенштадта было предложено определять империю как общество, состоящее из «метрополии» (ядра империи) — высокоразвитого экспансионистского государства и территории, на которую распространяется ее влияние («периферии»). Периферией могли являться совершенно различные по уровню сложности типы социальных организмов: от локальной группы до государства включительно. По степени интегрированности этих подсистем автор выделила «раннюю» и «позднюю» империи. В ранней империи, по ее мнению, метрополия и периферия не составляли прочной взаимосвязанной единой системы и различались по многим показателям, таким, например, как экология, экономика, уровень социального и политического развития. К числу классических примеров ранних империй можно отнести Римскую державу, Инкское государство, королевство Каролингов и др. Поздняя империя характеризуется менее дифференцированной инфраструктурой. В ней периферийные подсистемы функционально ограничены и выступают в форме сырьевых придатков по отношению к развитым аграрным, промышленным и торговым механизмам метрополии. В качестве примера можно сослаться на Британскую, Германскую или Российскую империи начала нынешнего столетия.

Одним из вариантов «ранней» империи следует считать «варварскую империю». Принципиальное отличие последней заключалось в том, что ее «метрополия» являлась «высокоразвитой» только в военном отношении, тогда как в социально-экономическом развитии она отставала от эксплуатируемых или завоеванных территорий и, по существу, сама являлась «периферией» и «провинцией». Все империи, основанные кочевниками, были «варварскими». Однако не все «варварские империи» основывались кочевниками. Поэтому «кочевую» империю следует выделять как вариант варварской. В таком случае кочевую империю можно определить как кочевое общество, организованное по военно-иерархическому принципу, занимающее относительно большое пространство и получающее необходимые скотоводческие ресурсы, как правило, посредством внешней эксплуатации (грабежей, войн и контрибуций, вымогания «подарков», неэквивалентной торговли, данничества и т. д.).

Согласно замечаниям Н. Н. Крадина, «самый интригующий вопрос истории Великой степи: какова причина, толкавшая кочевников на массовые переселения и на разрушительные походы против земледельческих цивилизаций. По этому поводу было высказано множество самых разнообразных суждений. Их можно свести к следующим мнениям: 1) разнообразные глобальные климатические изменения: усыхание, по А. Тойнби и Г. Грумм-Гржимайло; увлажнение, по Л. Н. Гумилеву, и др.; 2) воинственная и жадная природа кочевников; 3) перенаселенность степи; 4) рост производительных сил и классовая борьба, ослабленность земледельческих обществ вследствие феодальной раздробленности (марксистские концепции); 5) необходимость дополнять экстенсивную скотоводческую экономику посредством набегов на более стабильные земледельческие общества; 6) нежелание со стороны оседлых соседей торговать с кочевниками (излишки скотоводства некуда бы-

ло продавать); 7) личные качества предводителей степных обществ; 8) этноинтегрирующие импульсы («пассионарность», по Л. Н. Гумилеву)».

В большинстве из перечисленных факторов есть свои рациональные моменты. Однако значение некоторых из них оказалось преувеличенным. Так, современные палеогеографические данные не подтверждают жесткой корреляции глобальных периодов усыхания/увлажнения степи с временами упадка/расцвета кочевых империй. Оказался ошибочным тезис о «классовой борьбе» у кочевников. Не совсем ясна роль демографического фактора, поскольку поголовье скота росло быстрее, чем увеличивалось народонаселение, приводя при этом к стравливанию травостоя и к кризису экосистемы. Кочевой образ жизни, конечно, может способствовать развитию некоторых военных качеств. Но земледельцев было во много раз больше, они обладали экологически комплексным хозяйством, надежными крепостями, более мощной ремесленно-металлургической базой.

Этноисторические исследования современных пастушеских народов Передней Азии и Африки показывают, что экстенсивная номадная экономика, низкая плотность населения, отсутствие оседлости не предполагают необходимости развития сколько-нибудь легитимизированной иерархии. Следовательно, по Н. Н. Крадину, можно согласиться с мнениями тех исследователей, которые полагают, что потребность в государственности не была внутренне необходимой для кочевников. Степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации. С точки зрения мир-системного подхода, кочевники всегда занимали место «полупериферии», которая объединяла в единое пространство различные региональные экономики (локальные цивилизации, «мир-империи»). В каждой локальной региональной зоне политическая структурированность кочевой «полупериферии» была прямо пропорциональна размерам «ядра». Кочевники Северной Африки и Передней Азии, для того чтобы торговать с оазисами или нападать на них, объединялись в племенные конфедерации или вожества; номады Восточноевропейских степей, существовавшие на окраинах античных государств, Византии и Руси, создавали «квазиимперские» государствовподобные структуры, а в Центральной Азии, например, таким средством адаптации стала «кочевая империя».

Имперская и «квазиимперская» организация у номадов Евразии развивалась только в эпоху «осевого времени» (К. Яспер) с середины I тыс. до н. э., когда создаются могущественные земледельческие империи (Цинь в Китае, Маурьев в Индии, эллинистические государства в Малой Азии, Римская империя на Западе), и в тех регионах, где, во-первых, существовали достаточно большие пространства, благоприятные для занятия кочевым скотоводством (Причерноморье, Поволжские степи, Халха-Монголия и т. д.), и, во-вторых, где номады были вынуждены иметь длительные и активные контакты с более высокоорганизованными земледельско-городскими обществами (скифы и древневосточные и античные государства, кочевники Центральной Азии и Китай, гунны и Римская Империя, арабы, хазары, турки и Византия и пр.).

Как отмечает Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова в работе «Империя Чингисхана», «прослеживается синхронность процессов роста и упадка земледельческих «мир-империй» степной «полупериферии». Империя Хань и держава Хунну появились в течение одного десятилетия. Тюркский каганат возник как раз в то время, когда Китай был объединен под властью династий Суй, а затем Тан. Аналогичным образом Степь и Китай вступали в периоды анархии в пределах небольшого промежутка времени один за другим. Когда в Китае начинались смуты и экономиче-

ский кризис, система дистанционной эксплуатации кочевников переставала работать, и имперская конфедерация разваливалась на отдельные племена до тех пор, пока не восстанавливались мир и порядок на юге (Barfield). Кроме этих генеральных закономерностей важную роль играли другие факторы (экология, климат, политическая ситуация, личные качества политических лидеров и даже везение), которые определяли ход исторического развития в каждом конкретном случае».

Можно выделить четыре варианта образования степных держав. Первый вариант представляет собой классический путь внутренней интеграции племенного кочевнического этноса в централизованную империю. Как правило, данный процесс был обусловлен появлением в среде кочевников талантливого политического и военного деятеля, которому удавалось объединить все племена и ханства, «живущие за войлочными стенами», в единое государство (Модэ у хунну, Таньшихуай у сяньби, Абаоцзи у киданей, Чингисхан у монголов). После объединения кочевников для поддержания единства империи правитель должен был организовать поступление прибавочного продукта извне. Если ему это не удавалось, империя разваливалась. Так как наиболее часто данный вариант образования степной империи ассоциируется с именем Чингисхана, его можно называть монгольским.

Второй вариант был связан с образованием на периферии уже сложившейся кочевой империи политического объединения с сильными центростремительными тенденциями. В борьбе за независимость это объединение свергло своего эксплуататора и занимало его место в экономической и политической инфраструктуре региона. Данный путь можно проследить на примере взаимоотношений тюрков и жузжаней, уйгуров и тюрков, чжурчжэней (с долей условности, поскольку они не совсем кочевники) и киданей. Условимся называть данный вариант тюркским.

Третий вариант был связан с миграцией кочевников и последующим подчинением ими земледельцев. В литературе сложилось мнение, что это был типичный путь возникновения кочевых империй. Однако на самом деле завоевание крупных земледельческих цивилизаций часто осуществлялось уже сформировавшимися кочевыми империями (кидани, чжурчжэни, монголы). Классическим примером такого варианта становления кочевых (точнее, теперь «полукочевых» или даже земледельческо-скотоводческих) империй явилось образование государства Тоба Вэй. В то же время чаще эта модель встречалась в более мелких масштабах в форме «квазиимперских» государствовидных образований кочевников (аварская, болгарская и венгерская державы в Европе, эпоха смуты IV–VI вв. в Северном Китае, «эпоха 16 государств пяти варварских племен», каракидани в Восточном Туркестане). Этот вариант условимся называть гуннским.

Существовал последний, четвертый, относительно мирный вариант. Он был связан с образованием кочевых империй из сегментов уже существовавших более крупных «мировых» империй кочевников — тюркской и монгольской. В первом случае империя разделилась на восточно-тюркский и западно-тюркский каганаты (на основе западного каганата позже возникли Хазарский каганат и другие «квазиимперские» образования кочевников). Во втором случае империя Чингисхана была разделена между его наследниками на улус Джучидов (Золотая Орда), улус Чагатаидов, улус Хулагуидов (государство ильханов), империю Юань (собственно Халха-Монголия и Китай). Впоследствии Золотая Орда распалась на несколько независимых друг от друга ханств. Этот вариант можно называть, например, хазарским.

Кочевые империи были организованы в форме «имперских конфедераций» (Barfield). Эти конфедерации имели автократический и государствовидный вид снаружи (они были созданы для получения прибавочного продукта извне степи), но

оставались коллективистскими и племенными внутри. Стабильность степных империй напрямую зависела от умения высшей власти организовывать получение шелка, продуктов земледелия, ремесленных изделий и изысканных драгоценностей из оседлых обществ. Так как эта продукция не могла производиться в условиях скотоводческого хозяйства, получение ее силой или вымогательством было первоочередной обязанностью правителя кочевого общества. Будучи единственным посредником между земледельческими цивилизациями и степью, правитель кочевнического общества имел возможность контролировать перераспределение получаемой из оседло-городских обществ добычи и тем самым усиливал свою собственную власть. Это позволяло поддерживать существование империи, которая не могла развиваться на основе экстенсивной скотоводческой экономики.

Вожди племен, входивших в степную империю, были инкорпорированы в военную иерархию «сотен» и «тысяч», однако их внутренняя политика оставалась в известной степени независимой от политики центра. Эта особенность хорошо проанализирована Т. Барфилдом на примере империи Хунну (Т. Барфильд, Н. Н. Крадин). Некоторая автономность скотоводческих племен может быть объяснена следующими обстоятельствами: 1) хозяйственная самостоятельность делала их потенциально независимыми от центра; 2) главные источники власти (грабительские войны, перераспределение дани и других внешних субсидий, внешняя торговля) являлись достаточно нестабильными и находились вне степного мира; 3) всеобщее вооружение ограничивало ресурсы политического давления на племена; 4) перед недовольными политикой хана племенными группировками открывались возможности откочевки, дезертирства под покровительство земледельческой цивилизации или восстания с целью свержения неугодного правителя.

По этой причине политические связи между племенами и органами управления степной империи не были чисто автократическими. Надплеменная власть сохранялась в силу того, что, с одной стороны, членство в «имперской конфедерации» обеспечивало племенам политическую независимость от соседей и ряд других важных выгод, с другой стороны, правитель кочевой державы и его окружение гарантировали племенам определенную внутреннюю автономию в рамках империи.

Механизмом, соединявшим «правительство» степной империи и племена, служили институты престижной экономики. Манипулируя подарками и раздавая их соратникам и вождям племен, правитель кочевой империи увеличивал свое политическое влияние и престиж «щедрого хана». Одновременно он связывал получивших дар «обязательством» отдаривания. Племенные вожди, получая «подарки», могли, с одной стороны, удовлетворять личные аппетиты, а с другой стороны, повышать свой внутриплеменной статус путем раздачи даров соплеменникам или посредством организации церемониальных праздников. Кроме того, получая от правителя дар, племенной вождь как бы приобретал от него часть сверхъестественной харизмы, что дополнительно способствовало увеличению его собственного престижа.

Раздачи подарков хорошо отражены в письменных источниках. В частности, они многократно упомянуты у Рашид ад-Дина и в сочинениях европейских путешественников, посетивших метрополию Монгольской империи. «Этот царевич Тэмуджин снимает одетую [на себя] одежду и отдает ее, слезая с лошади, на которой он сидит. Он тот человек, который мог бы заботиться об области, печься о войске и хорошо содержать улус» (Рашид ад-Дин, 19526, кн. 2:90). Однако массовыми раздачами занимался не только Чингисхан (Рашид ад-Дин, 19526: 233), но и его ближайшие потомки, правившие империей до ее распада на независимые улусы:

Угэдэй (Рашид ад-Дин, 1960: 19,41), Гуюк (там же: 119, 121; Плано Карпини, 1957: 77), Мункэ (Рубрук, 1957: 146; Рашид ад-Дин, 1960: 142), а также Хулагуиды (Рашид ад-Дин, 1946: 67, 100, 190, 215–217).

Можно предположить, что интеграция племен в имперскую конфедерацию осуществлялась не только посредством символического обмена дарами между вождями различных рангов и ханом. Эту же цель преследовали включение в генеалогическое родство различных скотоводческих групп, разнообразные коллективные мероприятия и церемонии (сезонные съезды вождей и праздники, облавные охоты, возведение монументальных погребальных сооружений и т. д.).

Определенную роль в институционализации власти правителей кочевых обществ играли выполняемые ими функции священных посредников между социумом и Небом (Тэнгри), которые обеспечивали бы покровительство и благоприятствование со стороны потусторонних сил. Согласно религиозным представлениям кочевников, правитель степного общества (шаньюй, каган, хан) олицетворял собой центр социума и в силу своих божественных способностей проводил обряды, которые должны были обеспечивать обществу процветание и стабильность. Эти функции имели для последнего громадное значение. Поэтому в случае природного стресса или болезни и гибели скота неудачливый хан мог ослабить или утратить свою харизму. Неудачливого хана или вождя могли заменить, а то и просто убить. Но идеология никогда не являлась доминирующей переменной в балансе различных факторов власти у кочевников. Жизнь степного общества всегда была наполнена реальными тревогами и опасностями, которые требовали от лидера активного участия в их преодолении. В целом власть правителей степных империй Евразии основывалась главным образом на внешних источниках.

Для реализации своих замыслов кочевники использовали несколько пограничных стратегий, которые могли на протяжении истории одного общества сменять одна другую:

- 1) стратегия набегов и грабежей (сяньби, монголы XV–XVI вв. по отношению к Китаю, Крымское ханство по отношению к России и др.);
- 2) подчинение земледельческого общества и взимание с него дани (Скифия и сколоты, Хазария и славяне. Золотая Орда и Русь), а также контроль над трансконтинентальной торговлей шелком;
- 3) завоевание оседло-городского государства, размещение на его территории гарнизонов, седентеризация и обложение крестьян налогами в пользу новой элиты (тоба, кидани и чжурчжэни в Китае, монголы в Китае и Иране);
- 4) политика чередования набегов и вымогания дани в отношении более крупного общества (хунну, тюрки, уйгуры и пр.).

В историографической литературе кочевые империи, созданные протомонголами и монголами, в целом характеризуют как варианты «варварских империй»: «Это общество кочевников, организованное по военно-иерархическому принципу, занимающее относительно большое пространство и получающее необходимые скотоводческие ресурсы, как правило, посредством внешней эксплуатации (грабежей, войн и контрибуций, вымогания «подарков», неэквивалентной торговли, данничества и т. д.). Необходимо выделять следующие признаки «кочевых империй»:

- 1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями;
- 2) дуальный (на крылья) или триадный (на крылья и центр) принципы административного деления империи;

- 3) военно-иерархический характер общественной организации «метрополии», чаще всего по «десятичному» принципу;
- 4) ямская служба как особый способ организации административной инфраструктуры;
- 5) специфическая система наследования власти (империя — достояние всего ханского рода, институт соправительства, курултай);
- 6) особый характер отношений с земледельческим миром.

Выделяется три модели кочевых империй:

1. Типичные империи — кочевники и земледельцы сосуществуют на расстоянии. Получение прибавочного продукта номадами осуществляется посредством дистанционной эксплуатации: набеги, вымогание «подарков» (в сущности рэкет, неэквивалентная торговля) и т. д. (хунну, сяньби, тюрки, уйгуры, I Скифское царство и пр.);

2. Даннические империи — земледельцы зависят от кочевников; форма эксплуатации — данничество (Хазарский каганат, империя Ляо, Золотая Орда, Юань и пр.);

3. Завоевательные империи — номады завоевывают земледельческое общество и переселяются на его территорию (Парфия, Кушанское царство, поздняя Скифия и пр.). На смену грабежам и данничеству приходит регулярное налогообложение земледельцев и горожан.

В кочевом обществе война играла большую роль. Для степной аристократии начиная с эпохи древности и заканчивая Новым временем она была едва ли не главным, помимо скотоводства, источником дохода. Путем военных набегов знать получала предметы роскоши — украшения из драгоценных металлов, дорогие ткани и вооружение, породистых коней.

Письменные источники неоднократно подчеркивают, что основным занятием кочевников является война и они лучшие воины. Еще Геродот, описывая скифов, отмечал, что они и подобные им варварские народы «меньше всех ценят тех граждан и их потомков, которые занимаются ремеслом, напротив, считают благородными тех, которым совершенно чужд ручной труд и которые ведают только военное дело».

Подобным образом говорили о хунну в китайских источниках. «Сюнну открыто считают войну своим занятием». «У сюнну быстрые и смелые воины, которые появляются подобно вихрю и исчезают подобно молнии». Европейские гунны, в свою очередь, говорили о себе: «Мы живем оружием, луком и мечом». Один из арабских средневековых историков ал-Джахиз указывал, что никто «не внушает (такой) страх арабским войскам, как тюрки». Он объяснял это тем, что у последних нет «иных помыслов кроме набега, грабежа, охоты, верховой езды, сражения витязей, поисков добычи и завоевания стран ... Они овладели этим делом в совершенстве и достигли в нем предела. Это стало их ремеслом».

Подобного рода сведения имеются у нас и о номадах более позднего времени. Так, у киргизов вплоть до включения в состав России основным фоном, на котором разворачивались важнейшие события политической и общественной жизни, были войны, набеги и столкновения.

Русские отписки XVII в. пестрят сообщениями о постоянных нападениях на ясачных людей и приходе под остроги «мунгальских» и ойратских «воинских людей». В сочинении Вандана Юмсунова «История происхождения одиннадцати хоринских родов» говорится, что до принятия буддизма буряты «грабили и отнимали у других близ живущих людей разный скот и имущество и, проявляя радение по

мере сил к лукам, стрелам, колчанам, панцирям, шлемам и прочему, готовили войска и оружие».

Хотелось бы отметить, что важным переходным этапом в военной истории Центральной Азии являлась эпоха поздней древности (III в. до н.э. — V в. н.э.). В это время железное оружие окончательно вытесняет бронзовое, в хуннской среде появляется более мощный сложносоставной лук нового типа, что определило все последующее развитие тактики дистанционного боя в кочевом мире. Более широкое распространение получили железные трехлопастные наконечники стрел, на древко которых нередко крепились костяные шарики-свистунки, у кочевников появляются и получают распространение железные ламеллярные доспехи, в том числе и для защиты боевого коня. В III в. до н.э. на стыке Маньчжурии, Кореи и Северного Китая появляются седло с высокими твердыми луками и стремяна (первоначально стремя было одно, его подвешивали с правой стороны седла, чтобы облегчить посадку на коня). Это новшество раз и навсегда изменило тактику конного боя во всем Старом Свете. Упираясь в твердую высокую заднюю луку седла и на стремяна, всадник мог нанести страшный удар, зажав копьё под мышкой. Благодаря стремянам резко возросла сила и повысилась точность рубяще-режущего удара клинком, что в дальнейшем привело к изобретению сабли. В этот же период у сяньби как отдельный род войск появляется тяжелая кавалерия. Важным новшеством организационного характера становится изобретенная хуннами десятичная система разделения народа и войска, а также деление на центр и крылья, впоследствии ставшее традиционным для кочевых империй.

Поскольку война для кочевой знати являлась основным занятием, ее представители старались вооружаться и экипироваться по последнему слову техники того времени. Долгое время считалось, что кочевники одерживали победы только благодаря большой численности и внезапности нападения, что своего оружия, кроме луков и стрел, у них всегда было мало, но многочисленные исследования последних лет в области оружейведения кочевников Центральной Азии и Южной Сибири показывают, что номады сами могли производить достаточное количество доспехов и оружия и доминировали в военном отношении над оседлым населением вплоть до начала Нового времени. С широким распространением огнестрельного оружия (на тот момент еще весьма несовершенного) в военном деле происходит переворот, повлекший за собой изменения во всех сферах военной деятельности. Сюда включается производство военной техники, совершенствование форм военной организации, приемов боя и способов ведения войны и пр.

Номады из-за специфики кочевого производства не смогли приспособиться к новым условиям и освоить новые формы производственной деятельности с разделением и кооперацией труда. Кочевники постепенно отстали в военно-технической области, а со временем утратили не только превосходство в военном отношении, но и сами стали объектом экспансии со стороны оседлых империй, становясь, таким образом, относительно легкой добычей для профессиональных армий соседей-земледельцев, вооруженных огнестрельным оружием.

В конце III в. до н.э. в Центральной Азии сложились два крупных племенных союза — хунну и дунху. Научный спор об этническом происхождении и принадлежности этих двух племенных союзов не решен до конца в востоковедной науке. Наиболее противоречивые мнения были высказаны о хунну. По материалам современных исследований, научно обоснованная гипотеза происхождения гуннов в настоящее время дается российским ученым Н. Н. Крадиным в его цикле работ о гуннах, гуннском государстве. По его определению, «хунну (сюнну, азиатские гун-

ны) — кочевой скотоводческий народ, обитавший в степях Центральной Азии в I тыс. до н.э. — I тыс. н. э. На рубеже III–II вв. они создали первую центральноазиатскую кочевую империю, которая объединила многие этносы Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. Хунну сформировали оригинальное культурное пространство, в пределах которого сложился особый образ жизни, послуживший идеалом для многих соседних народов и оказавший весомое влияние на их культуру и историю. Многие ученые прослеживают преемственность между Хуннской державой и более поздними степными империями и не без оснований находят многочисленные аналогии в хозяйстве, социально-политическом устройстве и культуре хунну, торков и монголов».

Выдающийся русский синолог Н. Я. Бичурин впервые высказал мнение о монгольском происхождении как гуннов, так и дун-ху, в основе их были и монгольские племена. Он указывал на общность их обычаев, сходство языка и принадлежность обеих племенных групп к племени бэй-ди («северные ди»), именем которых древние китайские источники обозначали различные протомонгольские племена, кочевавшие задолго до гуннов на территории Южной Монголии и Северного Китая.

История изучения хунну насчитывает почти 250 лет. За этот хронологический период хуннология прошла три этапа развития. Первый этап следует отсчитывать с 1756 г., когда была опубликована первая специальная книга по истории кочевников Внутренней Азии, начиная с эпохи хунну. Ее автором был профессор Сорбонны и хранитель древностей в Лувре Ж. Дегюнь. Квинтэссенция исследований истории хунну по письменным источникам от XVIII в. до середины 1920-х гг. дана Г. Е. Грумм-Гржимайло и К. А. Иностранцевым. Сводный характер по политической истории хунну на основе нарративных материалов для своего времени имели работы В. Мак-Говерна, Р. Груссе, Л. Н. Гумилева.

Значительным источником по истории гуннов являются китайские источники. Китайские хроники были написаны древними авторами под определенным углом зрения, целый ряд проблем получил своеобразное толкование. Выводы летописей существенно дополняют и корректируют археологические источники. Начало второго этапа относится к концу XIX в., его следует связывать с личностью Ю. Д. Талько-Грынцевича. Именно он положил начало изучению археологических памятников культуры хунну. Однако широкий международный резонанс хуннская археология получила только после исследований экспедиции П. К. Козлова в Ноин-Уле. Экспедицией были обследованы так называемые «княжеские» погребения, давшие уникальные материалы. Эти материалы в свое время вызвали сенсацию в научных кругах, демонстрировались на крупных международных научных выставках, неоднократно публиковались. В последующие годы изучением хуннских археологических памятников занимались Г. Ф. Дебец, А. Д. Симуков.

Третий этап следует отсчитывать с 1947 г., когда под руководством А. П. Окладникова начались исследования второй Бурят-Монгольской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и БМКНИИКЭ. Именно с этого периода начинается широкомасштабное изучение археологических памятников хунну исследователями многих стран, в первую очередь СССР и Монголии (А. П. Окладников, В. П. Шилов, А. В. Давыдов, Х. Пэрлээ, Ц. Доржсүрэн, И. Эрдэли, П. Б. Коновалов, В. В. Волков, Ю. С. Гришин, В. В. Свинин, Н. Сэр-Оджав, Э. В. Шавкунов, Д. Наваан, Д. Цэвэндорж, С. С. Миняев, С. В. Данилов и др.).

В результате крупномасштабных археологических исследований, описываемых ранее, были достигнуты впечатляющие успехи, позволившие существенно

дополнить сведения письменных источников данными об оригинальной культуре древних кочевников Монголии. В научный оборот вводятся неизвестные ранее материальные и письменные источники о многих сторонах экономики хуннского общества (земледелие, ремесло), военном деле, хронологии и пространственном распространении археологических памятников культуры хунну, этнических, торговых и других связях с соседними народами.

По мнению Н. Н. Крадина, «к настоящему времени проблема специфики общественного строя Хуннской империи рассматривалась в большом числе различных исследований. В то же время анализ всех публикаций показывает, что большинство высказанных точек зрения может быть объединено в две группы. Одни исследователи полагают, что хуннское общество не достигло порога государственности. По мнению других, Хуннская держава преодолела этот барьер. Однако определение характера развития хуннского общества (рабовладельческая стадия, раннее государство, феодализм) по-прежнему остается дискуссионным».

В последние десятилетия III в. до н.э. союз хуннских племен, представленный небольшой этнической группой, имевший максимально 1,5 млн человек, возглавлявшийся военным вождем — шаньюем, испытал небывалую ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением примитивного варварского государства.

Основатель хуннской державы Модэ в ходе победоносных войн сумел принудить Ханьскую империю не только признать ее суверенитет, но и уплачивать ежегодную дань, хотя население Китая достигало тогда порядка 60 млн человек.

Стратегия Модэ включала в себя три главных компонента:

- 1) умышленный отказ от завоевания разграбленных китайских земледельческих территорий даже после больших побед;
- 2) грабительские набеги, производимые с целью запугивания китайского правительства;
- 3) чередование войны и мира для того, чтобы увеличить размер «подарков» и торговых привилегий от Китая.

В этот период комплекс вооружения хуннского воина включал оружие дистанционного и ближнего боя, разнообразные защитные приспособления. Остатки луков, стрел и колчанов найдены во многих хуннских памятниках. Сложносоставной лук, состоящий из соединенных вместе деревянных и роговых пластин, был изобретен на территории Прибайкалья в позднем неолите. Впервые он встречается в погребениях, относящихся к серовской культуре. Лук достигал в длину 1,6 м. Были известны луки, усиленные костяными накладками, и населению культуры плиточных могил. Все хуннские луки были сложносоставными. Длина луков колебалась в пределах от 1,4 до 1,6 м. Считается, что луки «гуннского» типа появились в последних веках до нашей эры. Они были более совершенны, чем луки скифского типа, распространенные до этого. «Гуннский» лук имел деревянную основу, склеенную из нескольких планок, которые могли быть изготовлены из разных сортов дерева. К основе прикреплялись роговые пластинки, сухожилия, костяные накладки и т. д. Костяные накладки делали определенные части лука негнущимися, обычно их было семь. По две пары накладок приклеивалось на концах лука и три в середине, в районе рукояти. Внутренняя поверхность накладок покрывалась насечками в виде пересекающихся диагональных полос, которые служили для лучшего соединения с деревом. Снаружи накладки ложились и делались слегка выпуклыми. На концевых накладках имеются вырезы для тетивы, на которых часто прослеживаются бороздки от ее трения о костяную поверхность. Размеры концевых накладок бы-

ли неодинаковы — одна пара длиннее другой. Тетива крепилась наглухо только на конце с более длинными накладками, поэтому вырез здесь часто делался прямоугольным. На противоположный же конец она надевалась только перед тем, как лук натягивали для стрельбы, и для удобства натягивания тетивы вырез был полукруглым. Срединные накладки состояли из двух боковых, трапециевидной формы, располагавшихся по обе стороны от рукояти таким образом, что их широкое основание было обращено вперед, между ними, обычно с задней стороны лука, располагалась третья накладка, ровная и узкая, с несколько расширяющимися концами.

Широкое распространение данного вида оружия у хуннов отражено в письменных и изобразительных источниках этого времени. В китайской хронике «Ши-цзи» говорится, что все владеющие луком мужчины у хунну поступают в латную конницу. Там же говорится — «Из оружия дальнего действия [они] имеют лук и стрелы, из оружия, применяемого в ближнем бою, мечи и короткие копья с железной рукоятью». Нередко летописцы называют хуннов «лучниками», «всадниками, натягивающими лук». На петроглифах горы Ханын-Хад в Монголии, на китайских рисунках и скульптурах хунны изображены конными лучниками, стреляющими на полном скаку или едущими верхом с луком в налучье за спиной. Хунны пользовались железными, бронзовыми и костяными наконечниками стрел. Изобретение свистунок приписывается легендой хуннскому правителю — шаньюю Модэ. Железные трехлопастные наконечники стрел имели у хунну традиционные формы бронзовых трехлопастных наконечников, но в силу новой технологииковки изменились в пропорциях и способе насада. Трехлопастные наконечники новых форм оказались очень эффективными и быстро распространились по всей Центральной Азии. Они намного пережили саму хуннскую культуру. Плоские железные наконечники стрел будут существовать на востоке Центральной Азии в течение всего средневековья и получают широкое распространение в монгольскую эпоху, став наиболее употребительными на территории всей степной Евразии. Стрелы хунну носили в колчанах, но сказать что-либо об их форме и способах крепления трудно. На одном из рисунков воин хунну, возможно, изображен с колчаном со стрелами за спиной. Можно предположить, что колчан носили за спиной, его нижний конец затыкался за пояс, а верхний крепился на портупее через плечо. При таком способе ношения колчана отсутствовала необходимость в его подвешивании с помощью дополнительного ремня с крюком к поясу. Говоря о дистанционном оружии, хотелось бы подчеркнуть одну немаловажную деталь, а именно способ стрельбы из лука. Хунну и все следующие за ними кочевники натягивали тетиву не двумя пальцами, указательным и средним, а специальным кольцом, которое носили на большом пальце. При таком способе стрельбы кисть сжимали в кулак, но большой палец оказывался не с наружи, а внутри. Его прижимали указательный и средний пальцы. Этим способом до сих пор натягивают лук монголы, до недавнего времени также стреляли из лука и буряты.

Клиновое оружие в хуннских памятниках встречается крайне редко. Имеется изображение, на котором хуннский всадник запечатлен с длинным однолезвийным клинком-палашом в правой руке. Судя по этому изображению, хуннские палашы могли превышать длину вытянутой руки.

Наконечники копий были найдены в Монголии, они круглые в сечении, с пером удлинненно-треугольной формы и конусовидной расширяющейся втулкой. Длина пера с втулкой — 17 см, ширина — 4 см. Имеются сведения, согласно которым в ближнем бою хунну использовали булавы и клевцы.

Хунну были преимущественно легковооруженными всадниками, однако у них имелось и защитное вооружение. Голову воина защищал шлем — «бронированный венец», покрой которого восходит к одному из типов хуннских головных уборов, образцы которых сохранились в курганах Ноин-улы, в Монголии. Возможно, хунну использовали и другие типы боевых оголовий, но достоверных сведений об этом мы не имеем. Для защиты тела использовали широкие пояса с железными и костяными бляхами, при раскопках Иволгинского городища были найдены панцирные пластины, которые, судя по системе отверстий, принадлежали ламеллярному доспеху. По покрою это мог быть панцирь двух видов — корсет-кираса, состоящая из наспинника и нагрудника, или так называемый нагрудный доспех. Такой панцирь, датированный III–V вв. н. э., был обнаружен в кургане 2 могильника Чендек (Горный Алтай). Панцирь состоял из 27 кованых пластин, расположенных тремя вертикальными рядами. Его размер 45 x 26 см. Он носился на ремнях или пришивался к одежде, пластинки соединялись между собой и пришивались к основе сырмятными ремнями. Ученые предполагают, что хунну могли использовать кожаные или войлочные доспехи и деревянные щиты. Для защиты рук применяли бронзовые наручи, крепившиеся с помощью кожаных ремней к запястью. Ноги защищали железные поножи-наголенники на войлочной подкладке. Как понож интерпретируется находка плоской продолговатой пластины из железа, длиной 28 см, шириной с одного конца 6,5 см, с другого — 3 см, толщиной 3 мм. На закругленных концах предмета имеются остатки либо петелек, либо шпеньков для прикрепления к чему-нибудь. Возможно, аналогичное назначение имели и две другие, правда, узкие пластины, также имеющие на концах какие-то приспособления для крепления. Насколько широко было распространено защитное вооружение, судить сложно, по крайней мере китайский летописец Сыма Цянь в «Исторических записках» писал: «Все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными латниками». Однако у нас нет оснований думать, что все хуннские всадники обладали защитным вооружением. В современных работах, где рассматривается история хунну, последние всегда изображаются как легкая кавалерия, основное оружие которой — сложносоставной лук и стрелы. Защитное вооружение, вероятно, имели только знатные воины.

Комплекс вооружения хунну отображал особенности развития военного дела переходного периода — от эпохи древности к средневековью, сочетая характерные элементы оружия эпохи развитой бронзы, раннего железа и предметов вооружения, получивших широкое распространение в последующее время.

Война приносиланомадам гораздо больше прибыли, чем приграничная торговля. Это в конечном счете предопределило характер хуннской политики в отношениях с Китаем. То, что не кочевая аристократия, а обычные скотоводы часто являлись инициаторами набегов на земледельческие общества, подтверждается многочисленными аналогиями из истории номадов разного времени.

Хуннское войско было сформировано из отрядов конницы, вооруженной преимущественно луками. Основу их тактики составлял дистанционный бой в рассыпном строю. В ходе боя хуннские воины старались выманить противника на открытое пространство и охватить его с флангов. Излюбленным приемом хуннов было притворное бегство.

Тактика базировалась на использовании повышенной дальности луков. Эффективная стрельба, обеспечивающая поражение противника с расстояния, на котором сами лучники оставались практически неуязвимыми, как правило, решала исход боя в пользу хунну. По-видимому, поэтому у хуннов не сложился в доста-

точной степени развитый комплекс средств ведения ближнего боя и защиты. Кроме того, расчет хуннов только на возможности луков обусловил их слабость: если противник проявлял стойкость и атаковал, не нарушая строя, хунны бросались в повальное бегство. Недостаточная оснащенность хуннов средствами ближнего боя не позволила шаньюю Модэ, окружившему в 200 г. до н. э. в Пхин-чене (на горе Бай-дэн) войско первого ханьского императора Гао цзу (Лю Бан) и державшему его в блокаде семь дней, победить, несмотря на значительный численный перевес в людской силе.

Тем не менее хунну вступали в ближний бой, о чем свидетельствует наличие оружия ближнего боя (палаши, булавы, клевцы, копья) и средств защиты («бронированные венцы», панцири, наручи и поножи). Вероятно, они стремились атаковать противника лавой, когда тот дрогнул, нарушил построение и начинал отступать. В этот момент можно было решительной атакой ускорить победу, нанести врагу сокрушительное поражение.

Хуннские войска совершали далекие походы. Они организовывали крупные военные кампании, а также совершали мелкие набеги, опустошая пограничные области неприятеля.

Помимо полевых действий хуннам была известна и крепостная война. На территории Монголии и Забайкалья имеется немало хуннских фортификационных укреплений. В Монголии хуннские крепости имели квадратный в плане двор, обнесенный земляными валами и внешними рвами. Встречаются крепости с одним рядом стен без башен или с двумя рядами стен и угловыми башнями. Ворота располагались в центральной части стен с двух или со всех четырех сторон. Постройки внутри двора ограничиваются остатками одного-двух строений. В таких крепостях не жили подолгу, это были военные лагеря, ставки военачальников или крепости-убежища, куда уходили на время нападений неприятеля. Также существовали укрепленные поселения. Иволгинское (гуннское) городище, находящееся в 30 км от Улан-Удэ, имело четыре линии валов с тыном и три рва. Оборонительная линия окаймляла двор городища с напольной стороны, четвертая сторона, выходившая на болотистую пойму р. Селенги, не была защищена валами и рвами. В стенах имелись проемы от двух ворот, расположенных на одном из углов оборонительной линии. За стенами находились жилые и хозяйственные постройки, мастерские, административные здания. В непосредственной близости от большого городища располагалось малое городище, окаймленное валом с напольной стороны. Его двор не имел культурного слоя.

К числу памятников хуннского оборонительного зодчества относится глинобитный замок на р. Абакан в Хакасии. Он имел мощные стены сложной планировки из четырех рядов комнат и перегородок.

Хуннские крепости были опорными пунктами власти шаньюев. В источниках указывается, что «хунны не могут защищать городов», поэтому многие ученые считают, что на территории укрепленных поселений проживали военнопленные и перебежчики из ханьских земель, которые использовались в качестве военных поселенцев. Важными особенностями военной стратегии хунну были внезапность нападений, опустошение вражеской территории, глубокое проникновение в тыл противника. Хунны стремились внезапно начинать военные действия, захватить максимальную добычу и уйти по возможности без потерь. Главным стимулом в таких набегах был захват добычи. Если воин в сражении отрубал голову противнику, то он, согласно обычаю, получал кубок вина и захваченное им добро. Если воин привозил убитого врага из сражения, то получал все имущество убитого. Основны-

ми стратегическими целями военных походов хунну были подчинение кочевых племен Центральной Азии и Южной Сибири, установление контроля над Великим шелковым путем через Восточный Туркестан, навязывание даннических отношений империи Хань.

В 203–202 гг. Модэ подчинил племена, населяющие Саяны, Алтай и Верхний Енисей; в 174–165 гг. его наследник Лаошан, одержав над юэчжи победу и вытеснив их в Среднюю Азию, установил контроль над богатыми городами — оазисами бассейна р. Тарима.

При Модэ гуннский племенной союз достиг наивысшего могущества, занимая обширную территорию. На западе границы гуннских владений были города-государства Восточного Туркестана, на востоке — р. Ляохэ, в верховьях которой кочевали племена дун-ху; на юге — Китай (территории современного Шаньси и Ордоса), граница с ним шла вдоль Великой стены; на севере владения гуннов достигали Байкала.

Китайская империя Хань, страдавшая от постоянных набегов гуннов, вынуждена была временами откупаться от них дарами — своеобразной данью. После 200–199 гг. до н.э. три года на хунно-китайской границе держался мир. Затем в 196 г. до н.э. был совершен новый набег и вновь заключен мир.

Несмотря на то, что Китай с 198 г. до н.э. неоднократно возобновлял заключение договоров о мире и родстве, отправлял китайских принцесс в жены гуннским правителям и посылал дань, гунны не прекращали набеги на территорию Китая. Эти вторжения приводили к разрушению городов, уничтожению сельскохозяйственных угодий. На долгое время прекращалась торговля Китая с западом, так как гунны захватывали территорию, по которой раньше пролегал «Великий шелковый путь», соединяющий Китай с «Западным краем». Набеги гуннов разрушали производительные силы, тормозили общественное развитие.

После смерти Модэ (174 г. до н.э.), при последующих шаньюях, в течение свыше ста лет происходила борьба как внутри гуннского союза между отдельными племенами, так и борьба гуннов с Китаем. В ходе ее китайские войска неоднократно наносили поражение гуннам. Военная кампания в 119 г. до н.э. обескровила обе армии. Хунну потеряли в 119 г. до н.э., по китайским данным, около 90 тыс. человек. В последующем рейды ханьских конных армий принесли результаты: 127 г. до н.э. — вновь отвоеван Ордос, хунну потеряли несколько тысяч номадов и более 1 млн голов скота; 124 г. до н.э. — поход на 600–700 ли (до 280 км). Захвачено 15 тыс. человек, в том числе 10 племенных вождей; 123 г. до н.э. — поход на несколько сот ли. Убито и взято в плен более 19 тыс. хунну; 121 г. до н.э. — поход на северо-запад на одну тысячу ли (400 км). Убито и захвачено в плен 18 тыс. человек. В качестве трофея взят золотой идол, использовавшийся при жертвоприношениях небу. В 121 г. до н.э. — поход на северо-запад на две тысячи ли (800 км). Убито и взято в плен более 30 тыс. кочевников и более 70 мелких племенных вождей и старейшин.

Последние поражения ослабили позиции хунну на Западе. Разгневанный шаньюй хотел вызвать виновников поражения племенных вождей Хунье и Сючу в ставку, чтобы казнить. Испуганные такой перспективой, Хунье и Сючу решили с остатками племен дезертировать в Китай. Во время побега Хунье убил колеблющегося Сючу и вместе с остатками его племени сдался китайским властям. Номады предусмотрительно были поселены на другие территории, а земли Ганьсунского коридора стали заселяться китайскими колонистами. Так Китай «прорубил» окно на Запад.

Внутренняя борьба в гуннском союзе между племенами, а также среди правящей верхушки привела к расколу гуннов на южных и северных (57–55 гг. до н. э.) и переходу южных гуннов, во главе с шаньюем Хуханье, в зависимость от Ханьской империи. Северные гунны во главе с шаньюем Чжичжи, братом Хуханье, продолжили борьбу с Китаем. В дальнейшем шаньюй Чжичжи, вступив в союз с кангюйцами — среднеазиатскими племенами, откочевал с частью северных гуннов на запад.

На территории Монголии продолжали находиться южные гунны, зависимые от Китая и ослабленные борьбой с племенами ухуань и сяньби из группы дун-ху.

В 85 и 87 гг. до н. э. племя сяньби дважды разгромило северных гуннов, после чего они не смогли оправиться. Южные гунны, совместно с китайскими войсками, в ряде сражений добились их (89, 90, 91 и 93 гг. до н. э.).

В 93 г. северные гунны как самостоятельное племенное образование перестали существовать. Значительная часть их была физически уничтожена, а оставшиеся в живых — до 100 000 кибиток — влились в состав сяньби, приняв их племенное название. Южные гунны играли известную политическую роль в Монголии до 215 г. н. э., после чего часть их растворилась среди других племен, а другая часть перешла на территорию Северного Китая.

Социальный строй Хуннского государства до настоящего времени остается предметом дискуссии. По мнению А. Н. Бернштама, уже при Модэ оформились основные военно-демократические институты, существование которых все сильнее опосредовывалось развивающимся рабовладельческим укладом. Л. Н. Гумилев определял общественный строй, сложившийся при первых хуннских шаньюях, как «геронтократию — власть старейшин в роде», а Хуннскую державу — как «родовую империю». К I в. н. э. этот родовой строй, по мнению Л. Н. Гумилева, преобразовался в орду — военную демократию, да и то только для части хуннского общества — «северное Хунну» из родовой державы превратилось в военно-демократическую.

Государство хуннов, выросшее из военной демократии хуннских племен V–IV вв. до н. э., сложившееся в жестокой борьбе с соседними племенами, союзами племен и китайскими царствами. Это было государство, цель которого его создатели и их преемники видели в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т. е. над кочевниками), и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т. е. над оседлыми земледельцами). Такое государство могло существовать только как централизованная империя, организованная на военно-административных принципах.

Во главе государства стоял шаньюй, чья власть была строго наследственной и освященной божественным авторитетом. Его называли Сыном Неба и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, великий хуннский шаньюй». Его власть определялась функциями и правами: а) правом распоряжаться всей территорией, принадлежащей хуннам, и функцией охраны этой территории; б) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; в) правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; г) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи.

Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти, во всяком случае все упомянутые источниками действия в защиту культа исходили от шаньюя, который «утром выходил из ставки и совершал поклонение восходящему солнцу, а вечером совершал поклонение луне». Шаньюя окружала многочисленная группа по-

мощников, советников и военачальников, однако решения всегда принимал шаньюей, даже вопреки единодушному мнению своего окружения.

Высшие после шаньюя лица в государстве — левый и правый (т. е. западный и восточный) «мудрые князья», сыновья или ближайшие родственники шаньюя. Они возглавлялись Чжуки-князем (по-китайски — Сянь ван, что значит мудрый князь) и Лули-князем. Восточная, или левая, сторона считалась старшей. Обычно наследник престола шаньюя бывал восточным Чжуки-князем. Они управляли западными и восточными территориями империи и одновременно командовали левым и правым крыльями армии. Ниже них стояли другие родичи шаньюя, управлявшие определенной территорией, — все они носили различные титулы и назывались «начальниками над десятью тысячами всадников» (темники). Их число было строго фиксировано — 24 высших военачальника, распределенных между левым и правым крыльями войска, западной и восточной частями империи. Тот или иной пост занимался в зависимости от степени родства с шаньюем. Темников назначал сам шаньюй. Он же выделял для управления каждому темнику территорию вместе с ее населением; любое перемещение населения без приказа шаньюя строго запрещалось. Наибольшее значение для определения статуса военачальника, его власти и силы имела не территория, а именно численность ее населения. Число 10 тыс. воинов, находившихся под командой темников, было условным. Сыма Цянь замечает, что каждый из 24 военачальников имел от 10 тыс. до нескольких тысяч воинов. В пределах своих владений темник подобно шаньюю назначал тысячников и десятников, отводил им землю вместе с кочующим населением. Сместить и наказать темника мог только шаньюй. В свою очередь, темники участвовали в возведении шаньюя на престол, не имея, впрочем, права выбора, — власть переходила по строгой наследственной системе, которая утратила свое значение в период полного ослабления Хуннского государства.

Основной повинностью всего мужского населения государства была военная служба. Каждый считался воином, и малейшее уклонение от исполнения воинских обязанностей каралось смертью. Каждый с детства и до самой смерти был приписан к строго определенному воинскому подразделению и сражался под командованием своего темника.

Вместе с тем военно-административный характер организации хуннов отнюдь не уничтожил родоплеменных отношений. Верхушку хуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанных между собой брачными союзами (мужчины любого из этих родов брали жен из трех других знатных родов). Шаньюй мог быть только из рода Люанди, самого знатного из четырех. Очевидно, что иерархия родов и племен играла в хуннском обществе немаловажную роль, причем на низшей ступени иерархической лестницы находились покоренные племена, адаптированные к хуннской родоплеменной системе. Еще ниже них стояли покоренные племена, не включенные в состав собственно хуннских; они подвергались безжалостной эксплуатации.

Высшие посты в системе управления государством занимали, как правило, представители четырех аристократических родов. Трижды в год они съезжались в ставку шаньюя для «принесения жертв предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам», для обсуждения государственных дел и один раз, осенью, — для «подсчета и проверки количества людей и домашнего скота». Все участники этих совещаний были родичами или свойственниками шаньюев. Таким образом, правящая элита Хуннской империи сложилась из родоплеменной знати. Отношения родства определяли социальное положение и политическую роль каждого, кто принад-

лежал к высшим слоям хуннского общества. Вместе с тем хуннская знать, сохраняя внутриродовые и внутриплеменные связи, выступала и как патриархальная верхушка общества, связанная кровно с другими соплеменниками.

Военная структура хуннского общества, завоевательные походы и набеги, управление покоренными племенами и странами открывали перед хуннской знатью широкие возможности для приобретения материальных благ за счет эксплуатации зависимого или подвластного населения. Основными формами эксплуатации оставались военный грабеж, контрибуция и дань. Естественно, что внутри хуннского общества практиковались иные формы эксплуатации, которые определялись неизменными способами хозяйственной деятельности и застойными социальными отношениями. Именно военный характер приобретения материальных благ, не производимых в самом хуннском хозяйстве, вынуждал верхние слои общества к сохранению родоплеменных традиций, сплачивающих общество и определяющих военную мощь государства, к предельному сохранению консерватизма в отношении уже сложившихся социальных институтов, к сдержанности в использовании возможностей эксплуатации соплеменников. Всякое усиление социального расслоения и отчуждения в собственно хуннском обществе неизбежно влекло за собой ослабление военной мощи государства, а вслед за тем — отпадение покоренных племен, военные поражения, прекращение притока продуктов, поставляемых в виде дани, и в конечном счете распад империи, ставший реальностью в первых веках нашей эры.

Хуннское общество является примером социальной организации раннего типа, лишенной потенций внутреннего развития, в ходе которого могли выкристаллизоваться более определенные и развитые классовые отношения. Архаичные формы рабства и личной зависимости, возникшие на заре хуннской государственности, получили лишь незначительное развитие.

Хунну стали создателями первого, еще очень архаичного государства кочевников Центральной Азии, внутри которого социальная поляризация не приобрела законченных форм. Это проявилось в том, что, с одной стороны, зарождается знать, основывающая свое могущество, свои привилегии и престиж на неразвитых формах эксплуатации соплеменников и иноземных рабов, с другой стороны, зависимую от знати в военно-административном отношении массу лично-свободных скотоводов-кочевников. Низшим слоем общества после создания империи стали рабы-иноплеменники. Усилившиеся центробежные тенденции в хуннской державе, как мы указывали, привели в начале I в. н. э. к ее распаду, а затем подчинению северных хунну сяньбийцам. Вероятно, к этому времени хунну в значительной степени утратили свою боеспособность. Уменьшились также возможности достижения прежних стратегических целей, масштабы и территориальный размах военных действий. Уровень вооружения хуннского войска и особенности применения тактики боя в рассыпном строю, вероятно, не претерпели существенных изменений. С утратой самостоятельности хунны быстро исчезают с исторической арены.

Тема 3. Сяньбийское государство

Сяньби были потомками разбитых хуннским шаньюем Модэ дун-ху, которые после поражения бежали на восток и поселились в лесной высокогорной стране, предположительно близ бассейна Амура. Это территория Внутренней Монголии и Северо-Восточного Китая. Китайские летописи сообщают, что в дальнейшем они стали называться по названиям гор, где осели, т. е. Ухуань и Сяньби. Во время мо-

густества хуннов дун-ху не играли большой политической роли в истории региона, они были данниками хуннов и служили в их войсках. Но незадолго до разделения хуннов на северных и южных ухуань и сяньби стали усиливаться. Они попадают на страницы китайских летописей, их рассматривают как силу, могущую противостоять хуннам. Племя сяньби, получившее свое название от Сяньбийских гор, куда оно переселилось, начинает играть активную политическую роль в истории Центральной Азии в I в. до н. э. Они жили севернее ухуань и в отличие от последних меньше подвергались воздействию Китая. С середины I в. до н.э. до конца его сяньби, используемые Китаем, вели борьбу главным образом с северными гуннами, с которыми их границы соприкасались на западе.

Китайские власти, заинтересованные в военной поддержке и лояльности сяньбийцев, старались привлекать их к своей внешней политике, используя традиционную в отношении кочевников политику «кнути и пряники». Сяньбийские старейшины в 54 г. н. э. получили от китайского двора княжеские титулы, а в дальнейшем им ежегодно выдавали за их военные заслуги немалое вознаграждение.

Основу хозяйства сяньби составляло кочевое экстенсивное скотоводство, жили они в войлочных юртах. Считается, что сяньби — монголоязычный народ. Сяньби были сильны в военном отношении. Согласно китайским хроникам, они могли выставить армию численностью 100 тыс., также подчеркивалось, что они отличаются физической крепостью и большей, чем хунну, сообразительностью, отмечалось, что «у них более острое оружие и более быстрые кони, чем у гуннов». Существует теория, что у сяньби были целые подразделения тяжеловооруженных всадников, благодаря этому они смогли разбить хунну, а затем китайцев.

Власть в обществе сяньби находилась в руках старейшин, которых избирали. Во II в. н. э. у сяньби выделилась племенная знать. К концу II в. власть старейшин стала наследственной. Войны, которые вели сяньби с соседями (хунну, ухуань и Китаем), способствовали имущественной дифференциации племен и разрушению родовой общины. В социальной структуре сяньбийского общества имелись рабы, захваченные в период набегов на соседние племена и Китай. В связи с этим необходимо подчеркнуть проблему рабовладельческих отношений в кочевых обществах. Данные науки свидетельствуют, что рабовладельческие отношения всегда существовали у кочевников, однако ни в одном скотоводческом обществе они не получили значительного распространения, чтобы данное общество могло считаться рабовладельческим. Это обусловлено рядом причин: во-первых, в скотоводческом труде потребности в дополнительных рабочих руках ограничены, они полностью удовлетворялись за счет внутренних ресурсов. Следовательно, приток рабов извне кочевникам был не нужен. Во-вторых, использование рабского труда в выпасе скота экономически неэффективно, так как рентабельнее вдвоем-втроем пасти стадо, чем приставлять к двум-трем рабам еще одного надсмотрщика.

В-третьих, при кочевом образе жизни были сравнительно легкие условия для бегства и одновременно существовала опасность повышенной концентрации рабов в одном месте при весьма низкой демографической плотности свободного населения. В-четвертых, скотоводческий труд требовал определенной квалификации, личной заинтересованности и в то время считался престижным. По этим причинам рабов преимущественно использовали в домашнем хозяйстве (женский труд) или же поставляли на внешние работорговые рынки. Только крупным степным империям требовалось большое количество ремесленников-рабов, которые концентрировались в специально построенных поселках или городах.

Имущественные и социальные отношения, развивавшиеся у сяньби в этот период, во многом зависели от территориально-географического положения по отношению к Китаю. Те племена, которые были ближе к Китаю и непосредственно участвовали в грабительских войнах, быстрее прошли все этапы первобытно-общинного строя, а сяньбийские племена, ушедшие далеко на север (на Онон, Аргунь), еще долго оставались в рамках первобытно-общинных отношений.

В середине II в. н.э. за храбрость и выдающиеся способности старейшиной был избран Таньшихуай (141–181 гг.). Он построил себе дворец, набрал дружину и подчинил всех остальных старейшин. В период с 155 г. н. э. по 166 г. н. э. сяньби овладели всеми землями, ранее входившими в состав хунну. После укрепления положения сяньби в Центральной Азии начался ряд набегов на северные провинции Китая.

Среди археологических находок в этот период встречается немало предметов вооружения, которые приписываются сяньби. На территории Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии были обнаружены детали защитного вооружения, относящиеся к культуре сяньби, памятники датированы II–III вв. н.э. Китайские ученые восстановили данный доспех. Судя по реконструкции, панцирь представлял собой жилет с оплечьями-лямками и разрезом на правой стороне, который завязывался в трех местах вдоль бортов. Панцирь состоял из железных пластин, соединенных ремешками и крепившихся к подкладке. В этом же могильнике были обнаружены детали шлема: сферическое навершие, узкие пластины купола и прямоугольные пластины с округлым нижним краем, составлявшие бармицу. Шлем был сферическим, он состоял из навершия и 20 вертикально составленных узких пластин. Бармица состояла из двух рядов вертикально расположенных пластин. Центральная пластина лицевой части купола имеет в нижней части небольшой приостренный выступ — наносник. Пластины соединяются между собой ременной вязкой. Навершие соединено с пластинами купола горизонтальным ремешком. Пластины купола соединяются между собой через отверстия в средней и нижней части купола. Ряды пластин бармицы соединены ремешками между собой и с куполом.

Конский доспех, судя по всему, был перенят сяньби от южных соседей-китайцев, предполагается, что конский доспех могли использовать еще хунну, по крайней мере западные соседи хунну — юэцжи — конский доспех применяли. Конская броня состояла из наголовья, нашейника и прикрытия корпуса. Маски изготавливали из железа, они могли закрывать голову коня полностью или наполовину. Маски ковались из железа согласно анатомии лошадиной головы, они состояли из налобника и двух нашечников. Защитная попона состояла из пластин металла или твердой кожи, соединенных ламеллярным способом. По предположению ученых, в степях Центральной Азии также могли применять конские доспехи из мягкой расписной кожи или плотно простеганной ткани. Прикрытие корпуса коня часто изображается на древних статуэтках и рисунках как бы сделанным из одного куска, на самом же деле оно состояло из нашейника-нагрудника, двух боковин и накрупника. Такой покрывной был на территории Монголии в IV–VI вв. Этот вид вооружения способствовал захватническим войнам сяньби.

Ханьская династия (25–220 гг. н. э.), обеспокоенная разорением своих пограничных областей, предложила Таньшихуаю титул князя и заключение союза «мира и родства», но последний на это не согласился. Таньшихуай разделил свою державу на центр и два крыла, поставив во главе подразделений подчиняющихся ему старейшин. Примечательно то, что Таньшихуай не принял никакого титула, он просто

оставался степным вождем. Укрепив свои позиции в Центральной Азии, сяньби стали совершать набеги на северные провинции Китая. В 177 г. н. э. 30-тысячное китайское войско выступило в поход на сяньби, однако все три колонны, на которые оно было разделено, были разбиты, а сяньби «начисто разграбили Ляоси» и в 178 г. н. э. Хэси. После этого поражения Китай долго не мог оправиться, и кочевники четыре века безнаказанно хозяйствовали в его пределах. Победам сяньби во многом способствовало ослабление Восточной Хань в результате неоднократных крестьянских восстаний и внутренних усобиц.

С другой стороны, произошло укрепление племенного союза сяньби, в частности за счет подчинения других кочевых племен. Характеризуя могущество сяньби при Таньшихуае, китайский источник отмечает: «Они имеют 100 000 войска... У них оружие острее и лошади быстрее, нежели у хуннов. Сяньбийские роды многочисленны, но слабее прежнего времени». Пограничные области Китая постоянно опустошались набегами сяньби. Китайский источник следующим образом объясняет причины этих набегов: «Скопища кочевых день ото дня умножались. Скотоводство и звероловство недостаточны были для их содержания».

Государство сяньби просуществовало недолго, оно распалось уже при сыне Таньшихуа Кэбыныне в 235 г. н. э. В IV в. н. э. переселившиеся ранее на территорию Северного Китая сяньби создают собственные раннефеодальные государства. Особую известность получили раннефеодальные государства, созданные на территории Южной Монголии племенами муюн и тоба, которые оказали определенное влияние на формирование элементов феодальных отношений у других кочевых народов. Со временем они были ассимилированы китайцами.

Тема 4. Жужаньский каганат

Об истории и военном деле народа, являвшегося потомками дун-ху, сменившего на исторической арене сяньби, известно еще меньше. Осложняется ситуация и тем, что археологические памятники жужаней пока не найдены. Как этническая группа жужане известны с III в. н. э., в середине IV в. появилось государственное объединение, которое получило название Жужань. Основоположителем его можно считать человека по имени Ююлюй. Его преемник Гюйлухой установил дипломатические отношения с тобасскими ханами и стал выплачивать им дань. В 391 г. после войны с Тоба-Вэй жужане отступили в Гоби, а затем, покорив племена, обитавшие к северу от нее, сами переселились туда. Каган Шелунь, при котором жужане особенно усилились, ввел «военные законы, по которым 1000 человек составляли отряд, во главе отряда ставился начальник, а 100 человек составляли знамя, во главе знамени ставился вождь. Тому, кто первым врывается в ряды противника, жаловались пленные и захваченная добыча...», трусов побивали палками. Сам Шелунь принял титул «Цюдоуфа кэхань» — «правлящий и приведший к расширению император». Каганат был разделен на два крыла — западное и восточное, во главе каждого крыла стоял селиф. Считается, что титул каган, который использовали практически все последующие кочевые образования, произошел от «кэхань» — император.

В состав Жужаньского ханства входили Монголия, Западная Маньчжурия (Северо-Восточный Китай) и восточная часть современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. В результате успешных завоевательных походов в V в. владения жужаней увеличились. Они доходили на юге до Гоби, на севере — до

Байкала, на западе — до Харашара, на востоке — до границ с Кореей. Жужане по сравнению с сяньбийцами стояли на более высокой ступени социального развития. Жужаньский каганат — первое государство раннефеодального типа, созданное в конце IV в. на территории современной Монголии. Его расцвет связывают с деятельностью правителя Шэлуня, который в 402 г. принял титул кагана и провел ряд мероприятий по укреплению своего государства. В их числе была военная реформа, направленная на улучшение боеспособности войск каганата. Система управления каганатом включала кагана, его наместников (селифов — управителей восточного и западного крыльев), тысячников, сотников и других военачальников, входивших в господствующий класс. Столицей Жужаньского государства был г. Мумочен, остатки его обнаружены археологами севернее р. Тамира в Ара-Хангайском аймаке Монголии.

История Жужаньского каганата — это череда войн с китайскими царствами и покоренными племенами. В работах, посвященных военному делу, приводятся выдержки из источников, где говорится об оружии и доспехах жужаней. Имеется сообщение, что император сяньбийской по происхождению династии Северная Вэй в 520 г. подарил жужаньскому царевичу Анахуаню в числе прочих предметов шесть пар лат для воина и лошади, шесть щитов, покрытых красным лаком, и мечи к ним, шесть щитов, покрытых черным лаком, и мечи к ним.

Византийский император Маврикий советовал вооружить свою тяжелую конницу аварским (жужаньским) оружием, по его сообщению авары, имели «... брони с плечевыми ремнями и наножники, доходящие до пят... шлемы с небольшими султанами наверху... круглые ожерелья...», у начальников и отборных воинов грудь и шея лошади была защищена броней из железа или «лоскутьев» (кожаных полос). Наступательное вооружение состояло из мечей, луков, длинных копий, в бою некоторые воины имели по два копья, их носили за плечами, луки в руках, в бою действовали тем или другим, смотря по обстоятельствам. Маврикий подчеркивает, что авары «могут с коня стрелять из луков». О боевом построении сообщается следующее: «Глубина боевого порядка неопределенная и делается смотря по обстоятельствам; о соблюдении ее, а также о равнении по фронту и сомкнутости заботятся более всего».

Войны приносили жужаньской знати огромный доход в виде захваченной добычи и дани. Но эти же войны вели к ослаблению державы. Соседние народы были озлоблены на жужаней за постоянные набеги, покоренные племена поднимали восстания, китайцы совершали ответные походы в степь. Подрывали силу жужаней и внутренние междоусобицы. Конец Жужаньскому каганату был положен в 552 г. Алтайские племена тугю и теле подняли очередное восстание и разгромили жужаней, предводитель которых каган Анахуань покончил жизнь самоубийством, а его сын Яньлочен бежал к своим союзникам в китайское государство Бэй-Цы. Оставшись без скота и не имея привычки трудиться на земле, жужане принялись грабить местное население, в ответ на это в 554 г. китайские правительственные войска разбили их, а в следующем году изгнали обратно в степь, где жужане были разгромлены тюрками и киданями. Оставшиеся жужане большей частью вошли в состав новой державы — Тюркского каганата. Остальные в количестве 30 тыс. шабтров, не желая подчиняться, ушли из Центральной Азии на запад, где стали известны под именем аваров. Они расселились на территории Паннонии и совершали постоянные набеги на соседние народы. Византийцы, чтобы не держать огромные гарнизоны на границе, платили им дань. В 795 г. франки под предводительством сына Карла Великого Пипина Короткого оттеснили аваров к их столице — г. Рин-

гу — и взяли его штурмом. В следующем году франкам приходится организовывать еще одну кампанию, чтобы покончить с остатками этого воинственного племени. В 796 г. столица аваров была стерта с лица земли. Тем не менее оставшиеся в живых авары продолжили борьбу и были подчинены только в 805 г., после чего аварский каган принял крещение.

Тема 5. Тюркский каганат

Современная этнографическая карта, отражающая расселение древнетюркских народов, — это результат многотысячелетних этногенетических и миграционных процессов. Древнейшие очаги тюркского этногенеза неразрывно связаны с восточной частью Евразийского континента — Центральной Азией и Южной Сибирью — от Алтая на западе до Хингана на востоке. Этот огромный регион не был изолирован ни от соседних цивилизаций, ни от горно-таежных и степных племен иного этнического облика. Трассы миграционных процессов, то усиливаясь, то затихая, пронизывали всю Великую Степь. В востоковедной историографии формирование тюркоязычных этнических групп вплоть до первых веков устойчиво связывали с востоком степной зоны Евразии. Общей особенностью тюркоязычных племенных образований древности была их неустойчивость, мобильность, способность легко адаптироваться в составе вновь возникающих племенных объединений. Только в рамках этнополитических объединений, созданных одной родоплеменной группой (династией), интегративные процессы приобретали некоторую стабильность, а, казалось бы, хаотичная миграция подчинялась общей закономерности — смещению тюркоязычных племен с востока на запад.

Начальный этап формирования тюркских народов прочно увязывается, таким образом, с формированием ранней тюркской государственности. В недрах многоплеменных союзов постепенно возникали и укреплялись языковая общность и достаточно прочные социокультурные связи, перераставшие в осознание надплеменной этнической близости. Эти процессы, чрезвычайно растянутые во времени и пространстве, имеют ту нижнюю хронологическую грань, которая может быть принята за точку отсчета. Такой гранью стало образование степной империи, в названии которой впервые появилось слово тюрк, — Тюркского эля, или I Тюркского каганата.

Тюркская легенда и китайские хроники связывают происхождение тюрков с Восточным Туркестаном, куда из Северо-Западного Китая была вытеснена группа позднехуннских племен. В целом легенда о происхождении тюрков была необычна. Тюрки рассказывали, что праматерью их была волчица. А праотцом стал мальчик из племени, истребленного врагами. Волчица спасла ребенка, выкормила его, унесла в горы Восточного Тянь-Шаня и спрятала в пещере. Там впоследствии волчица родила десятерых сыновей, отцом которых был спасенный ею человек. Когда сыновья волчицы вышли из пещеры, они женились на женщинах из ближайшего к их горам Турфанского оазиса, что в Восточном Туркестане. Там они говорили на иранских языках, согдийском и сакском. По местным обычаям, рожденные здесь дети принимали имена матерей. Один из внуков волчицы получил имя Ашина. В согдийском и сакском это имя означает все оттенки синего цвета. Через двести лет Йоллыг-тегин перевел имя Ашина, ставшего основателем царского рода тюрков, на родной язык словом «кек» («небесно-синий», «небесный»).

Здесь кончалась легенда и начинались воспоминания о недавнем прошлом. В 460 г. жужане вторглись в Турфан и Восточный Тянь-Шань. Они переселили живший там народ Ашина на Алтай. Вскоре пришельцы подчинили все окрестные племена, а сложившийся новый племенной союз стали именовать тюрками. В начале VI в. тюрки расширили свои владения до берегов Хуанхэ. В 545 г. государство тюрков получило признание северокитайского государства (Западный Вэй), одного из трех наследников некогда единой китайской империи Цзинь, и обрело международный статус. Объединенными силами тюрков и китайцев были уничтожены жужане, после чего в 551 г. Бумын был провозглашен каганом Тюркского эля.

Позднее тюрки во главе с родом Ашина сумели подчинить часть телеских племен, родственных им по языку, и, усилившись за их счет, разбить жужаней. Было создано сильное государство — Тюркский каганат, который в момент наибольшей территориальной экспансии (576 г.) простирался от Маньчжурии до Боспора Киммерийского (Керченского) пролива, от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Тюрки участвовали в системе политических и экономических отношений крупнейших государств того времени — Византии, Сасанидского Ирана, Китая — и вели борьбу за Великий шелковый путь. Это была первая евразийская империя, политический опыт которой был еще в больших масштабах повторен в XIII в. монголами, а в XVIII–XIX вв. — Российской империей.

В этих завоеваниях большую роль играло тюркское войско — орда. Древнетюркское войско-орда делилось на восточное (тогос) и западное (тардуш) крылья. Во время правления Капаган-кагана тюркское войско было поделено на два крыла и центр, левое крыло (20 тыс. воинов) было отдано младшему брату кагана Дусифу; правое крыло (20 тыс. воинов) было передано сыну Могилян (будущему Бильге-кагану). Над обоими крыльями был поставлен верховный главнокомандующий — «малый каган, держащий в руке запад» старший сын Капаган-кагана Богу, под командованием которого находилось 40 тыс. воинов. «Малый каган» подчинялся только царствующему кагану.

Существовало деление войска и народа по десятичной системе. Если верить китайским хроникам, то войско тюрков достигало в этот период 10–40 туменов. Среди них выделялась гвардия из рода Ашина. Управляли войсками чиновники различных степеней, высшие должности — шеху, дэлэ, селифа, тумофа — были наследственными, и, по всей вероятности, замещали их члены правящего рода Ашина. Каждый отряд из 10, 100, 1000 и 10 000 воинов делился на два крыла соответственно по 5, 50, 500, 5000 человек. Во главе этих подразделений стояли дэлэ (тегины), селифа (эльтиберы) и т. д.

С момента возрождения II Восточно-тюркского каганата начала набирать силу военная организация нового государства. Система разделения на центр и крылья сохранила свое значение. Структура разделения войск была следующей: правое крыло (арьергард) — два тумена, один из них тардуши, второй — шадапыт-беги; левое крыло (авангард) — также два тумена, один из них толисы, второй — шадапыт-беги; центр — четыре тумена, два — буюруков (телохранитель, тяжелооруженный воин), два — внутренних буюруков (вероятно, охраняли ставку кагана). Существовал и верховный главнокомандующий, так называемый «малый каган». Отряды телохранителей формировали из десяти наиболее знатных тюркских фамилий. Шадапыт беги — это беги, подчиненные шаду, командующему крылом. Высшие чины военной администрации принадлежали представителям правящей династии Ашина и рода Ашидэ. Каждый тумен подразделялся на два полутумена, 20

отрядов по 500 воинов, 100 сотен, 200 отрядов по 50 воинов, 1000 десятков, 2000 отрядов по 50 воинов.

В состав тюркского войска, помимо собственно тюрков, входили представители подчиненных племен — теле. В их числе были уйгуры, токуз-огузы, басмылы, азы, чики и другие. Их отряды тоже формировались по десятичному принципу и включались в состав армии в качестве подразделений легкой вспомогательной конницы.

О структуре военной организации тюрков в VIII–X вв. после падения II Восточно-тюркского каганата в источниках данных нет. Вероятно, в этот период тюрки поставляли отряды воинов, формируемые в соответствии с принципами десятичной системы, в войска уйгурских и кыргызских каганов.

Возникновение тюркской империи в столь широких масштабах привело к изменению социального состава, структуры тюркского общества. Сложилась наследственная имперская аристократия. Его возглавил каган из рода Ашина и его близкие родичи. Сама империя разделилась на западную и восточную части, где были потомки древних тюркских родов. Исполнительным органом каганской власти стал совет великих буюруков, т. е. «приказных», которым и подчинялись все низшие должностные лица. По крайней мере дважды в год тюркская знать собиралась в ставке кагана на Алтае. Там приносились жертвоприношения Небу и предкам, там решались важнейшие дела.

Другим следствием создания каганата было резкое изменение культурного состояния тюрков. Выйдя из относительной изоляции и соприкоснувшись с цивилизациями Средней Азии, Ирана, и Византии, тюрки в исторически короткий срок сформировали новый тип культуры, основанной на овладении письменностью. В первом каганате языком культуры был согдийский, один из восточноиранских языков, своего рода латынь Центральной Азии, общий язык на Великом Шелковом пути. Был обнаружен единственный сохранившийся памятник I Тюркского каганата в 1968 г. в Северной Монголии, написанный согдийским письмом и на согдийском языке. В дальнейшем тюрки приспособили согдийскую письменность к своему языку, а затем, уже в VII–VIII вв., создали собственное руноподобное письмо. Древнетюркская литература возникла не позднее VI в., а вместе с ней сложился общетюркский литературный язык, началось освоение высоких достижений культур Дальнего и Ближнего Востока. Можно утверждать, что в результате культурного прорыва конца VI в. началось формирование древнетюркской цивилизации.

После появления Первого каганата новую направленность приобрели этногенетические процессы. Уже генеалогические легенды тюрков позволили обнаружить, кроме собственно тюркской, существование в ту же эпоху еще трех тюркоязычных этнических группировок: кыргызов, живших на Верхнем Енисее; кыпчаков, называвшихся на Руси половцами, а на Западе — команам; огузов, которых русские летописи именуют торками, а византийцы — узам. Начиная с VI в. слово «тюрк» в представлении соседних народов — персов, арабов, византийцев — стало обозначать огромную общность степных народов, не различимых ни по языку, ни по обычаям. Внутри тюркской империи появляется общеимперская мода, единая социально-политическая номенклатура. Вместе с тем наряду с интеграционными процессами в Средней Азии и Восточном Туркестане, в Поволжье и на Северном Кавказе обозначились новые устойчивые этнотерриториальные группировки. Внутри них крепились межплеменные связи, формирующие будущие тюркские народности. В границах империи и ее наследников четыре первоначальные груп-

пировки тюркоязычных племен стали очагами сложения новых этносов. Произошло смещение на запад основных центров тюркского этногенеза.

Особое внимание у тюрков, как и у многих других кочевников, уделялось военному делу. В мирное время воины тренировались, используя разные виды спортивных игр, особенно охоту. Для охоты у кагана было выделено специальное место, где никто не мог охотиться. Тактику, которую применяли на войне тюрки, арабы называли ал-карр ва-л-фарр (дословно «нападение и отступление»), т. е. это была тактика стремительной атаки и притворного бегства с целью заманить противника в ловушку, такую тактику на мусульманском востоке называли «тюрской» в отличие от «сасанидской», когда наступление велось в строю. При подготовке к вторжению большое внимание уделялось шпионажу и разведке, для чего вперед высылались лазутчики либо специальные отряды различной численности. В поход каган отправлялся со своей личной охраной, одинаково одетой гвардией, ополчением, составленным из тюркских племен, иногда — наемниками. Перед сражением каган «отделялся с двумя или тремя» военачальниками и производил рекогносцировку, если видел незащищенное место, отдавал приказ своим войскам, и они атаковали со стороны этого незащищенного места. Сам каган редко вступал в битву, он восседал «на золотом троне» и наблюдал за ее ходом. Отряды телохранителей — «фули», вооруженные «латами, копьями, саблями и палашами», составляли ударный костяк тюркского войска. Центр боевого построения занимали «витязи», «герои», они же открывали сражение, вступая в единоборство. Управление войском в сражении осуществлялось при помощи знамен, «тюркских литавр и барабанов», знамен «с золотой волчьей головой». Для передачи приказов использовали стрелу «с золотым копьем, с восчаной печатью», своего рода пайцзу. Слабостью тюрков было то, что они практически не использовали осадную технику.

Во времена Первого каганата тюркское войско, составленное из подчиненных племен, было недостаточно дисциплинированным, не всегда соблюдало четкость построения. Так, один из китайских военачальников говорил: «Тукуюсские ратники пренебрегают наградами и наказаниями, мало уважают начальников и по большей части не соблюдают порядка. Управиться с ними не трудно. Напрасно говорят об их мужестве...». Результат сражения во многом зависел от первого натиска. В случае неудачи всадники бросались врассыпную, чтобы затем собраться вновь для повторной атаки.

Масштабы войн и протяженность театра военных действий в период первого каганата были необычайно широки: от земель кыргызов на севере до Китая и Средней Азии на юге, от земель киданей и шивэй на востоке до Причерноморья на западе. С распадом каганата на Восточный и Западный театр военных действий несколько сократился. Масштаб войн изменился. Нередко военные действия начинались ради грабежа. Тюркские войска могли совершать длительные походы, проникая в глубь вражеской территории. Стратегия ведения войн в этот период была у тюрков преимущественно наступательной.

Основную угрозу для целостности их государства представляли междоусобицы. Нередко претенденты на престол решали участь державы силой оружия. Отдельные каганы, тегины, предводители аймаков самостоятельно совершали походы, заключали военные союзы, втягивали в борьбу за престол внешних врагов.

Особенности военного искусства получили свое дальнейшее развитие в эпоху II Восточно-тюркского каганата. В этот период войско состояло из иррегулярной разноплеменной легкой конницы и отрядов панцирной кавалерии. Тюркские полководцы могли применять в бою тактику, сочетающую рассыпной строй и метание

стрел с ударом конных копейщиков плотно сомкнутым строем. Бой начинался с обстрела, а затем шла атака панцирной конницы с копьями. Боеспособность профессиональных тюркских воинов для своего времени была достаточно высокой. Они воевали практически непрерывно, подавляли силой оружия сопротивление племен в самой Центральной Азии, совершали далекие походы в Восточную и Среднюю Азию. При необходимости отдельные отряды тюркского войска могли действовать самостоятельно, атакуя противника в разных направлениях. Преследуя врага, тюрки навязывали ему сражения, пока не добивались решающей победы. Высокая боеспособность войска позволила тюркам в течение ряда десятилетий вести непрерывные войны на разных фронтах, совершать далекие походы, отрываясь от своего тыла на многие сотни километров. Несмотря на известную ограниченность людских ресурсов в сравнении с периодом Первого каганата, театр военных действий в эпоху кок-тюрков был достаточно обширен: он охватывал районы от Минусинской котловины до Бешбалыка и Великой китайской стены, от Маньчжурии до Средней Азии. Стратегия ведения войн была наступательной. Сохранились и основные стратегические цели: подчинение кочевых племен Центральной Азии, контроль над Восточным Туркестаном и Средней Азией, установление даннических отношений с империей Тан.

В 603–604 г. каганат раскололся на Восточный и Западный. Восточный каганат занимал территорию современной Монголии. В первой трети VII в. н. э. его правителям удалось вывести государство из состояния кризиса и возобновить войны на юге. Западный тюркский каганат занимал территорию Джунгарии и Средней Азии, его правители были хозяевами Великого Шелкового пути. Они вели активную внешнюю политику, неоднократно воевали с Ираном, совершали походы в Поволжье и на Северный Кавказ, были союзниками Византии. Конец обоим государствам был положен Китаем. Восточные тюрки были подчинены в 630 г., а западные — в 657 г. На правах федератов они вошли в состав империи Тан и были расселены китайцами в Ордосе и Шаньси. Но тюрки не смирились с создавшимся положением, и в 679–681 гг. поднимается ряд восстаний. Один из тюркских вождей Кутлуг-чор (будущий Ительриш-каган — объединитель народов) из рода Ашина в 682 г. уходит в Гоби, где вместе со сподвижниками привлекает на свою сторону большинство тюрков и начинает военные действия в Шаньси (682–687 гг.). В 682 г. сплоченное в боях тюркское войско покидает Иншань и направляется в Центральную и Северную Монголию. В период с 682 по 691 г. тюрки разбивают и подчиняют обитавший там племенной союз токуз-огузов во главе с уйгурами. После победы центр державы был перенесен в Оттокенские горы на берега Орхона, Толы и Селенги. В 696–697 гг. были подчинены кидани, в 706–707 гг. — байырку, в 709–710 гг. — Тува и разбиты енисейские кыргызы, в 711 г. было занято Семиречье. Преследуя торгешей, разбитых в Семиречье, армия тюрков форсировала Сырдарью и дошла до границ Тохаристана. Однако в битвах с арабами под Самаркандом оторвавшееся от своих тылов тюркское войско понесло существенные потери и с трудом сумело вернуться на Алтай (713–714 гг.). Используя ослабление тюрков, пять раз поднимали восстания токуз-огузы. Разброд в державе усилился еще больше после гибели в 716 г. Капаган-кагана. Отпали западные владения, отказались платить дань кидани, продолжались восстания огузов, смута охватила и самих тюрков. В этих условиях Бильге-каган, поддерживаемый своим братом Кюль-тегином и служившим еще Ительриш-кагану 70-летним Тоньюкуком, смог укрепить государство. Были разбиты уйгуры, что подорвало сопротивление токуз-огузов, затем кидани и карлуки. Был восстановлен, хотя и далеко не в прежних размерах, каганат.

Наибольшую территорию Второй тюркский каганат занимал при преемнике Ительриш-кагана Мочжо-хане в начале VIII в. Завоевав территорию всей современной Монголии и часть Северо-Восточного Китая, Мочжо повел жестокую политику по отношению к покоренным народам и был убит в одном из походов против восставших племен байырку.

Сколоченная китайцами антитюркская коалиция из киданей, татабов и басмылов была разбита. После заключения мира китайский император вынужден был отправлять тюркам замаскированную под подарки дань. Со смертью Бильге-кагана начались борьба за престол и междоусобицы. Воспользовавшись этим, подвластные тюркам племена подняли восстание, которое было поддержано китайцами. В 742 г. войска уйгуров, карлуков и басмылов разбили ослабленных тюрков, а в 744 г. погиб последний тюркский каган Озмиш. В 745 г. восточнотюркский каганат был уничтожен. На смену каганату тюрков пришел Уйгурский каганат.

Тема 6. Уйгурский каганат

Уйгурский каганат — государственное образование VIII–IX веков н. э., пришедшее на смену Восточно-тюркскому каганату. По историческим источникам уйгуры, как и тюрки, связаны с позднегуннскими племенами. В III–IV вв. уйгуры входили в племенное объединение — гаогюй. В конце V — начале VI в. они успешно соперничали с жужанями за власть над оазисами Таримского бассейна. В V в. появилось новое название племенного союза, куда входили и уйгурские племена, — теле, так их называли китайцы, сами же себя они именовали огузами. Во время существования тюркских каганатов уйгуры жили в бассейне р. Селенга и находились в зависимости от тюрков.

В своей истории Уйгурский каганат имел три независимых объединения: 1) самый ранний каганат, был создан в Хангае в 323 г. и просуществовал около 200 лет; 2) каганат появился в 523 г. и просуществовал чуть более 80 лет и был уничтожен Тюркским каганатом в 603 г.; через 140 лет появился третий Уйгурский каганат на территориях бывшего Восточно-тюркского каганата. Под натиском кыргызов уйгуры откочевали на юг в Восточный Туркестан. Очаги их государственности продолжали существовать на западе Ганьсу и в Турфанском оазисе.

В истории уйгуров немаловажное значение имеет великий уйгурский миф о происхождении, который появился в манихейской среде, но отражал традиционные религиозные представления. Согласно этому мифу, Идигань-каган родился от дерева, оплодотворенного лучом света. Это наводит на мысль о том, что речь идет не о первобытном мифе уйгуров, предводительствуемых кланом яглакаров, верных тюркским традициям, но о более позднем мифе, который окончательно сформировался в начале IX в., во время смены династии и восхождения на трон племени эдизов.

Этот миф получил столь широкую популярность, что его не раз упоминали китайцы, мусульманин Джувеини в монгольскую эпоху, а также другой великий иранский историк — Рашид ад-Дин, упоминается он и в сочинениях Марко Поло. Уйгурский миф оказал влияние на огузов, кайманов, онгутов, калмыкских и ойратских монголов и многих других.

Период примерно с 600 г. до падения II Тюркского каганата уйгуры постоянно вели войны с соседями. В 742 г. уйгуры, карлуки и басмалы восстали против тюрков Второго каганата и разбили их. К тому времени они уже испытали влияние

Китаю, заимствовали китайскую административную систему и стали верными союзниками китайцев.

В 745 г. уйгуры пришли к власти в лице кланового вождя Бильге из рода Яглакар. Эту дату можно считать годом основания Уйгурского каганата. Уйгуры построили свою державу на иных принципах, чем тюрки. Десять родов составляли племя тогуз-огузов, которое было ведущим, но не господствующим. Уйгуры подчинили себе басмалов и карлуков и приняли их в свою среду как равных; шесть телеских племен — буту, хунь, тайырку, тонгра, сыче и киби — в правах и обязанностях были приравнены к тогуз-огузам.

Моюн-чур, сын кагана Бильге, пришедший к власти в 747 г. через сопротивление народа, обратившегося за помощью к киданям и татарам, подавил восстание и смял противника. В целом Моюн-чур стремился к компромиссам, и этим, наверное, объясняется его успешное завершение гражданской войны. Моюн-чур сформировал мобильную, хорошо обученную армию. Арабский историк Кужама писал, что десять уйгуров могли справиться с сотней карлуков. Маянчур с присущей ему энергией обустроивал свою державу. Весной 750 г. он нанес поражение чикам в верховьях Енисея, осенью — татарам в Северо-Западной Маньчжурии, на следующий год — на северо-западе кыргызам. При этом некоторые представители побежденных племен присоединялись к уйгурам, и те называли их «гостями». Кыргызы, граничившие с Уйгурским каганатом на севере, сопротивлялись до 758 г. И хотя они потерпели поражение и покорились, платя уйгурам дань соболями, зато не утратили самоуправление. Западные границы не позволили расширить уйгурам печенеги, кочевья которых в это время распространились до Нижней Волги.

Столица уйгуров г. Орду-Балык находилась на Орхоне, ее основателем считается Моюн-чур, при котором уйгуры достигли наибольшего могущества. В 50–60-х гг. VIII в. благодаря уйгурской коннице было подавлено восстание, поднятое военачальниками против танского императора Сюань-Цзуна. В 755 г. один из военачальников китайской армии Ань-Лушань, выходец из благородной тюркской семьи, воспитанный на согдийской культуре, один из самых известных кондотьеров Азии, во главе сильного отряда, состоявшего в основном из тюрков, поднял мятеж против императорской власти и захватил обе столицы — Лоян и Чаньань. Сыну Неба ничего не оставалось, кроме как обратиться к уйгурам. Моюн-чур послал в Китай своего сына Ябгу. Тот одержал победу над узурпатором и вернулся в свою страну для участия в походе на кыргызов (758 г.). Это восстание стало началом конца Танской империи.

В 761 г. в Северном Китае снова вспыхнула гражданская война. Танская династия, опередив своих противников, которые также собирались обратиться к уйгурам, заручилась поддержкой последних, заплатив золотом. Каган Идигань лично, во главе четырех тысяч профессиональных и десяти тысяч вспомогательных воинов, вступил на территорию империи и за период с 762 по 770 г. восстановил порядок и спас династию. Танам за это пришлось платить. Еще больше китайцы платили за то, чтобы спасители ушли. Тюрки всегда неохотно уходили с захваченных китайских земель. Но уйгуры ушли. И возвращались еще только один раз — в 790–791 гг.

Ставка уйгурского хана находилась между Хангаем и Орхоном. На востоке границы охватывали Западную Маньчжурию, на западе территория ограничивалась Джунгарией. После разгрома карлуков их восточные кочевья на Черном Иртыше оказались в составе Уйгурского каганата. Уйгуры не стремились к территориальным приобретениям, им хватало своих внутренних межплеменных проблем. Обра-

зовавшийся Уйгурский каганат стал важной политической силой в Центральной Азии.

В этот период было принято общее для всех название — уйгуры. Третий уйгурский каганат с натяжкой можно считать раннефеодальным государством с первыми признаками оседлости у уйгуров. В государстве были развиты скотоводство, земледелие, а также ремесла и промыслы, развивалось строительство городов и крепостей. Как и в случае с предыдущими тюркскими каганатами, столичные функции выполняла долина Орхона (города Хара-Балгас и Бешбалык). Несмотря на то, что материальная культура уйгуров имеет глубокие центральноазиатские корни, именно уйгуры начали всерьез насаждать в центральноазиатских степях оседлую цивилизацию. Внутреннее устройство Уйгурского государства основывалось на удельной системе.

Верховная власть принадлежала хану, которому подчинялись наместники (тутуки) подвластных областей и местные феодалы (беги). Важнейшими отраслями хозяйства уйгуров были кочевое скотоводство, частично земледелие и охота. Значительное развитие получили металлургическое, кузнечное, гончарное и ювелирное ремесла, а также прикладное искусство. Как мы уже отмечали, в Уйгурском ханстве имелась своя письменность.

Уйгурское войско состояло из двух крыльев (толис и тардуш) и центра (внутренние буюруки), отдельно от которых формировалась Каганская гвардия, состоявшая из 300 человек, причем имеется сообщение, что численность «отборного (строевого) войска» уйгуров составляла 5 тыс. чел. Поскольку в источниках имеются упоминания о туменах, тысячных отрядах, пятисотниках и сотниках, мы вправе предположить, что у уйгуров войско делилось по азиатской десятичной системе (отряды формировались из 5, 10, 100, 500, 1000, 5000, 10 000 воинов).

Армия кагана включала не только уйгуров, но и представителей союзных или покоренных племен: буку (букут), хунь (кунь), байырку, тонра, сегир (секир), киби, татары, азы, карлуки. Все названные племена относятся к числу телеских — тогуз-огузских. Состав и численность союзных войск в составе уйгурской армии не были постоянными. Военная система уйгуров была во многом близка военным системам тюрков, кыргызов и других тюркоязычных кочевников средневековья.

Уйгуры строили окруженные стенами города и крепости, которые были административно-территориальными, военными и ремесленно-торговыми центрами, их жители занимались ремеслом и земледелием. Правителю уйгуров Муюн-чтуру принадлежит инициатива создания крепостей в стратегически важных пунктах своего беспокойного государства. Эти крепости в момент сооружения служили ему ставкой, затем здесь располагались военные гарнизоны для охраны границы. В строительстве крепостей, судя по особенностям фортификации, принимали участие согдийские мастера.

К настоящему времени исследованы крепости Орду-Балык и Бай-Балык в Монголии, Пор-Бажин и ряд других крепостей в Туве. Особо сложной планировкой и системой фортификации отличается крепость уйгурской столицы — Орду-балык. Она имеет квадратный двор, мощные стены с 14 угловыми и простеночными башнями, одни ворота, бастион, встроенную угловую цитадель. Внутри крепости находятся сторожевая башня-донжон, дворцовые постройки, окаймленные внутренней стеной с двумя воротами. Вдоль стен идет обводной ров. За пределами крепости находились храмовые и жилые постройки города. Более простой является планировка Бай-Балыка, Пор-Бажина и других крепостей. В уйгурское время использовались городища более раннего времени. Бажин-Аллак, Шагонарское и другие уйгур-

ские крепости имеют ряд общих конструктивных особенностей. Стены сооружались из сырцового кирпича. Крепости имеют квадратную или прямоугольную планировку. По углам, реже по стенам и у ворот располагались башни. Городища обнесены рвами. Крепость Пор-Бакин находится на острове. Часть крепостей использовалась как опорные пункты или убежища, в них не было долговременных построек. В некоторых городищах имелись административные, культовые и жилые здания. В районах учреждения крепостей-ставок сооружались стелы, на которых были выбиты манифесты, прославляющие деяния кагана, призванные воодушевлять воинов. Создание системы крепостей стало важной частью военно-политической стратегии уйгуров в борьбе за господство в Центральной Азии. С падением Уйгурского каганата прекратили свое существование и крепости.

В конце 80-х гг. VIII в. из-за огромного налогового бремени произошло восстание населения в Таримском бассейне, которое привело к смене правящей династии из рода Яглакар. Основателем новой династии стал в 795 г. выходец из племени эдизов Алп Кутлуг, который для легитимизации своей власти принял прозвание «Яглакар», отождествив себя с прежней династией. В первые десятилетия IX в. главным врагом Уйгурского каганата стали енисейские кыргызы. В Туве, за которую шла война, уйгурами была построена система пограничных укреплений с 17 крепостями вдоль нее.

После 820 г. началась война за власть в Монголии. Победе кыргызов способствовали междоусобицы среди уйгурской знати. Кыргызский правитель Ажо совместно с мятежным уйгурским полководцем Кюлюг бага-тарханом разгромил войска уйгурского кагана, который сам погиб в сражении, под стенами Орду-Балыка, а затем взял столицу, разграбил и сжег ее. После этого часть токуз-огузских племен ушла в Восточное Притяньшанье, остальные, овладев Турфаном в 866 г., основали там после разгрома тибетцев Восточно-Туркестанское уйгурское государство Кочо.

Следует отметить, что после падения Второго каганата Азия вступила в эпоху смены веры: кочевники начали заимствовать культуру и мировоззрения с Запада, а вовсе не из Китая. Из Ирана уйгуры позаимствовали манихейство, из Сирии кочевники приняли несторианство, из Аравии — ислам, из Тибета — теистический буддизм. Правда, буддизм был воспринят позже, но принцип заимствования остался прежним — «антикитайским».

Заимствованная уйгурами религия Мани, манихейство, опиралась на противопоставление и сосуществование доброго, светлого, принципа и злого, темного, принципа (оба созидательные), возникла в Вавилоне в III в. и распространилась по всему миру, включая даже Северную Африку, где ее проповедовал будущий святой Августин до своего обращения в христианство. Оно пришло в Европу, породив альбигойскую ересь, и в иранский мир, который продвинул его еще дальше, до Дальнего Востока. Уйгуры сделали манихейство своей государственной религией, и она оказала на них сильное воздействие.

Для монголоязычных народов огромное значение имела уйгурская письменность, постепенно входившая в употребление. Она была менее приспособлена к их языку, чем старая система, используемая тюрками, зато передавала много гласных. Уйгурская письменность, произошла из согдийской графики и долго существовала параллельно с тюркской рунической письменностью, к которой тяготела национальная религия. Именно руническими знаками, при помощи кисти, будут сделаны в середине VIII столетия надписи на опасном перевале, который ведет в долину Хойту Тамир, а позже будет написано несколько манускриптов в оазисах Тарима. Но в конце концов ее вытеснил новый алфавит и в течение нескольких веков был

основой первой великой национальной литературы на тюркском языке. Поэтому эту письменность, которую называют уйгурской, взяли на вооружение монголы и передали маньчжурам.

К 800 г. были основаны колонии в Серинде, Карачаре, Бешбалыке, Турфане, т. е. в богатых оазисах Тарима, которые были своего рода залогом будущего. Что касается отношений с Китаем, хотя они и были мирными, плодотворными назвать их никак нельзя. После похода 762–770 гг. уйгуры начали общаться на равных со своим могучим соседом и даже относиться к нему свысока. Если они оказывали китайцам неоценимые услуги, например, в борьбе против тибетцев, то за них приходилось расплачиваться ценой жесткого уйгурского протектората, который с трудом переносили китайские националисты, священники и консерваторы. Уйгуры требовали — и получали — в жены принцесс, насаждали манихейство и, что еще хуже, ввели систему обмена скота на шелк по такому курсу, что лошадь, в сущности не нужная китайцам, стоила в два раза больше своей настоящей цены, другими словами, это было не что иное, как требование платить дань. Интенсивное коневодство в Уйгурии предполагало либо войну, либо экспорт лошадей. Китай предпочитал мир, и министру, который жаловался на безвыходное положение в стране, император однажды ответил: «Народ постоянно страдает от отсутствия лошадей...».

Принятое в качестве религиозной доктрины манихейство отвратило массы от своих древних верований не в большей степени, чем буддизм в начале эпохи Тюркской империи. Отношения между манихейством и шаманством оставались напряженными, хотя в них присутствовали и терпимость, и сотрудничество, несмотря на то, что эти две религии основывались на совершенно разных позициях. Возможно, дихотомия древнего шаманства, со всеми его параллелями типа «небо—земля», «восток—запад», «синее—черное», только усиливалась манихейством, что может объяснить определенную тенденцию к дуализму в некоторых последующих религиозных представлениях тюрков. Как бы то ни было, именно в манихейском монастыре в X в. будет написана сходными на рунические знаки книга пророчеств «Ирик Битиг», которая целиком восходит к традициям кочевников. Огромное значение в историографии уйгуров имеет созданная примерно в 1300 г. великолепная огузская эпопея «Огуз-намэ», которая хранится в Национальной библиотеке в Париже и прославляет тюркское язычество.

Политические отношения между Уйгурией и ее мощным соседом Китаем имели неровный характер. В 778 г. в Китае на престол вступил Дэцзун, который не был расположен к уйгурам. Идигань-каган, зная это, решил принудить нового императора к покорности, и в том же году напал на Северный Китай, но война закончилась отступлением уйгуров. Этот проигрыш был следствием того, что за 15 лет, т. е. за период с 764 по 780 г., население Китая выросло на полмиллиона душ, что позволило создать армию в 768 тыс. человек. После поражения уйгуры получили разрешение жить в столице как «гости», но в 780 г. Дэцзун выслал их из Китая. Однако на границе обнаружилось, что уйгуры в дорожных мешках увозили китайских девочек. Пограничные войска оцепили табор уйгуров, отобрали девочек, а «гостей» казнили. Император, понимая, что уйгурский каган потребует китайской крови, направил посла с объяснениями и извинениями.

В это время в Уйгурии власть была узурпирована Кутлугом, и уже новый каган (из вельмож) в 781 г. взял выкуп за смерть «гостей», а в 783 г. был заключен мирный договор на следующих условиях: 1) каган назывался вассалом Китая; 2) посольство Уйгурии не должно превышать 200 человек; 3) для принудительного торгова приводилось не более тысячи лошадей; 4) запрещено уводить китайцев за

границу. Договор был скреплен в 788 г. через брак и союз против Тибета. В 789 г. Уйгурия стала выборной монархией, и фактически получалось, что не уйгуры зависели от китайцев, а китайцы — от уйгуров.

Ведя региональную политику, уйгуры объявили войну Тибету, и в течение трех лет мешали наступлению Тибета на север Китая. Уйгуры выиграли трехлетнюю кампанию, но когда они возвратились в родные степи, им было необходимо подавлять протибетские настроения среди карлуков, тюркешей, входивших в состав Уйгурского каганата. Кроме того, в тылу у уйгуров восстали кыргызы, сохранившие при подчинении в 758 г. свою автономию. В китайских источниках отмечается: «Кутлуг сумел подавить кыргызов, подверг их страну разгрому, и их государственные дела прекратились, на земле их не стало живых людей». Это, очевидно, значительно преувеличено, но тем не менее после разгрома целых 20 лет, т. е. пока не выросло новое поколение, о кыргызах не было слышно.

Далее уйгуры разгромили западных и восточных карлуков и поддерживающую их тибетскую армию. Все эти события произошли с 795 по 805 г. В этот период остатки китайских владений на западе вошли в состав Уйгурского каганата. Тибетская армия не смогла сокрушить уйгуро-китайскую коалицию. В 816 г. тибетцы бросили армию на уйгурскую столицу Каракорум. Они удачно подрассчитали время: в тылу у уйгуров вспыхнуло восстание кыргызов, на этот раз удачное для последних.

В Китае воспользовались унижением Уйгурии и в 817 г. выслали уйгурское посольство. Это означало разрыв китайско-уйгурского союза. Но поскольку Тибет продолжал оставаться грозным врагом, в 821 г. союз Китая и Уйгурии был восстановлен и скреплен браком. В том же году тибетцы запросили мира, и был заключен договор с некоторыми для Тибета потерями.

Китайские учения: даосизм, конфуцианство и даже чан, созерцательный буддизм, кочевниками не усваивались. Ислам был религией их врагов арабов. Культ Митры — бон — в это время переживал жестокие гонения в Тибете и отнюдь не отвечал настроениям уйгуров. Зато христианство и манихейство понравились степнякам.

В это время историки, в частности Ибн Хордадбег, описывают Уйгурию как самую обширную и культурную из тюркских стран. На ослабление мощи Уйгурской державы косвенно указывает тот факт, что до 839 г. никаких значимых событий там не происходило. К середине IX в. сила Уйгурии была уже в прошлом. Племена отпадали от Уйгурии: в 794 г. отошло племя шато, в 835 г. — татабы. И, конечно, самым страшным для уйгуров было восстание кыргызов. Уже в 841 г. вся Халха, Каракорум, а также все сокровища уйгуров были захвачены кыргызами, и только воинственный дух уйгуров толкал их на дальнейшее сопротивление. Здесь важно подчеркнуть, что разгром Каракорума — событие такого же масштаба, как падение Константинополя в 1453 г., а уйгуры по талантам, восприимчивости, героизму не уступали византийцам эпохи Палеологов. Итак, в 842 г. Китай мобилизовал против уйгуров армию, и те были разбиты и отброшены от Ордоса в Маньчжурию, однако кыргызский хан, узнав, что уйгуров приютили татары, пришел в Маньчжурию и уничтожил беглецов. В 861 г. было создано небольшое уйгурское княжество. В конце концов они обосновались на северо-западе Китая, в нынешней провинции Ганьсу, главным образом в районе сегодняшнего Турфана, где и основали два независимых небольших удельных княжества. Во главе первого, по всей вероятности, стояла старая императорская династия Орхона — Яглакар.

Вслед за падением Уйгурской империи, истреблением большей части племен, миграцией в оазисы произошла длительная конфронтация с тибетцами. Последние оказывали сильное давление на весь бассейн Тарима после битвы при Тафей-Чуане (679 г.). Теперь же уйгуры могли позволить себе содержать лишь небольшую армию для сдерживания нападения соседей: с севера им угрожали карлуки, хозяева нынешней Джунгарии, с запада — племена ягма и чигили, о которых сохранились обрывочные сведения, оставленные мусульманскими авторами.

Китай поддерживал мирные отношения с уйгурским княжеством Ганьсу и долгое время относился к нему с уважением, тем более что уйгуры исправно платили дань и официально находились в зависимости от Китая благодаря китайскому укрепляющему с центром в Дуньхуане. Однако постепенно эти связи ослабли. Китайцы обвиняли уйгуров в мятежах, разбоях, в других всевозможных преступлениях. Наконец, в 1028 г. тангуты, близкие к тибетцам, самым жестоким образом овладели землями уйгуров и тем самым положили конец существованию их княжества. Однако часть населения осталась на месте, хотя и перестав играть политическую роль, но сохранив свой язык и некоторые культурные традиции. Другая нашла убежище неподалеку — на юге у ван-шаней — и поселилась среди них.

Уйгуров Ганьчжу иногда называли сары-уйгуры (желтые уйгуры), или еще «уйгуры с желтой головой». Это имя, которое сохранилось за ними, они получили «по причине своей буддийской веры». Однако следует отметить, что некоторые тюркские народы специально уточняли свое название «цветовым признаком»: синий, красный, черный, желтый, причем эти определения всегда имели мифические или мистические значения в шаманстве, по связи с солнцем и луной. В действительности сары-уйгуры — это тюрки, принявшие буддийскую веру. Племена, скорее «уйгуризированные», нежели настоящие уйгуры, они были выходцами из бассейна Среднего Тарима, постепенно вытесненные на восток в результате продвижения ислама. Они смешались с истинными уйгурами Ганьсу после того как тангуты уничтожили их княжество. В XI в. они жили в районе Хотана; в XIV в. — между Цайдамом и Черченом; только в XVII или XVIII веке они обосновались к югу от пути, ведущего из Си-Чеу в Ганьчеу.

В конце IX в. культурный уровень уйгуров в оазисах был намного выше, чем в Северной Монголии в более поздние времена. Уже в первой половине IX в. они в полной мере испытали на себе благотворное влияние цивилизации. В Южной Кашгарии такие центры, как Тумшук, Кызыл, Кумтура, Шортук, Бешбалык, Муртук, когда-то были вехами на пути продвижения буддизма на восток. Ситуация в литературе складывалась аналогично. Оригинальных произведений почти не было, зато было изобилие переводов. Они занимали весьма значимое место в трудах писателей Турфана, а самые древние произведения восходят, возможно, к VIII в. Более поздние, датируемые X в., представляют собой первые тексты Дуньхуаня, что объясняется тибетской оккупацией оазиса, которая продолжалась до IX в., а также отсутствием тюркской колонизации.

Тангутское нашествие в 1028 г. привело к образованию собрания полотен и многоязычных манускриптов, преимущественно китайских, а также тюркских, хранившихся в архивах одного монастыря в пещере и обнаруженных в 1900 г. Эти раритеты в тысячи страниц хранятся в Британском музее и Национальной библиотеке, большая часть которых еще не опубликована. Они относятся к самым разным жанрам, зачастую написаны в форме личных заметок, упражнений или деловых писем; однако среди них есть и назидательные сказки, религиозные трактаты, в большинстве своем переведенные с иностранных языков — китайского или сан-

скрыта. От уйгурского каганата в буддизме хранится много манускриптов на тюркском, уйгурском графическом, согдийском и индийском (брахми) языках.

Наряду с буддизмом, манихейством и шаманством (при этом следует помнить, что все они существовали одновременно и независимо друг от друга) в Синьцзяне и уйгурском Ганьсу были распространены и другие религии, в частности несторианское христианство. Известно, что несторианство, доктрина Нестора, патриарха Константинополя, утверждает, что в Христе жили два человека, соответствующие его двойственной природе или двум разным природам. После того как эта вера была осуждена церковным собором в Эфесе в 431 г. и после преследований, которые она пережила в странах Средиземноморья, несторианство нашло пристанище в сасанидском Иране, и миссионерские усилия были направлены на восток.

Мы не знаем, когда оно проникло в Центральную Азию, но в Китае оно появилось в 635 г. и продержалось недолго. Зато оно прочно закрепилось в Тариме, который стал его апостольским центром, нацеленным на крупные государства кочевников. Большой успех получил он и в степях Монголии. В мусульманских источниках упоминается о существовании христианских общин в X в. в Синьцзяне, а немецкие экспедиции собрали много несторианских текстов в районе Турфана, которые напоминают тексты, обнаруженные ориенталистом Пеллиу в пещере Дуньхуаня, например «Похвала Святой Троице».

Отмечая сложную религиозную ситуацию, необходимо отметить, что такие религиозные течения, как маздейство и иудаизм, оставили меньше следов в Центральной Азии. Присутствие первого в Турфане подтверждается мусульманскими источниками, а китайцы упоминают Заратустру и существование жертвенных алтарей, посвященных огню. Присутствие второго более достоверно, что доказывают иудейско-персидские документы Кашгарии и рукопись на иврите примерно 800 г., которую Пеллиу нашел в Дуньхуане. Тем не менее их активность была ограниченной. Наконец, ислам, призванный торжествовать победу в этих регионах, в ту пору был еще слабо представлен, хотя мусульманские торговцы, посланники и суфии давно бродили по стране. В такой противоречивой социально-политической, экономической и внешнеполитической обстановке протекала история «угасающего» Уйгурского каганата.

В 847 г. последний каган Энянь дэлэ-хан взял с собой жену, сына и 9 воинов и уехал на запад. Больше его не видели. Знатные уйгуры, укрывавшиеся с ним у татар, стали татарскими пленниками, но вскоре 70 000 кыргызов хана Або заставили их отдать всех пленных кыргызам. Потеряв лидера, уйгуры «скрывались по горам и лесам» от кыргызов. Уйгурский старейшина Пан Торэ, укрывавшийся у карлуков, объявил себя каганом и княжил в городе Ганьчжоу. Император Китая Тан Сюань-цзун отправил к нему послов. В ответ уйгуры прислали своих послов и получили от императора грамоты на имя Валу-дэнлило-мэймишихэ-цзюлу-пига-Хуай Цзюань-кэханя, то есть внешнеполитическое признание. Последующие десять лет он присылал подарки императору.

Тема 7. Курыканы

По археологическим изысканиям в I тыс. н.э. на территории Прибайкалья от восточного побережья Байкала до средней Ангары существовала курумчинская культура. По мнению многих ученых, хотя эта версия продолжает оставаться дис-

куссиионной, курумчинская культура этнически связывается с народом, известным по руническим надписям орхонских тюрок под названием курыканы, китайских летописях — гулигань.

В VI в. в Байкальской Сибири произошло важнейшее историческое событие: здесь складывается курыканский союз племен, который существовал почти до X в. Основу его составили потомки населения культуры плиточных могил, в этот союз вошли остатки хуннских родов, сюда же влились и выходцы из Хакаско-Минусинской котловины. Главным компонентом, скрепившим и связавшим все эти разнородные и чуждые поначалу группы, были местные племена, которые издревле жили по берегам Байкала. Немаловажное значение для складывания курыканского этнополитического объединения имело то, что в начале I тыс. нашей эры территория Западного Забайкалья (юг Бурятии) была занята хуннами. Именно через юг Центральной Азии проникали в прибайкальскую тайгу культуры кочевников.

Отец Иакинф Бичурин отмечал, что курыканы являются потомками хунну, о чем свидетельствовали записи летописи танской династии: «Предки дома ойхор (хойху) были хунны. Они обыкновенно ездили на телегах с высокими колесами: почему их при династии Юань-Вэй (с 385 г.) называли Гао-гуй или Чилэ, ошибочно превращено в Тийелэ. Поколения их суть: Юаньгэ, Сиеньбо, Кибийю, Дубо, Гулигань, Доланьгэ, Пугу, Байегу, Тунло, Хунь, Сыгие, Хусие, Хигийе, Адие, Байси, всего пятнадцать поколений. Они рассеянно обитали по северную сторону Великой песчаной степи».

В VI в. прибайкальские курыканы в определенной мере ориентировались на усиливающуюся мощь тюрок-туго. Чтобы сохранить свою самостоятельность и границы, курыканы неоднократно отправляют посольства и подарки орхонским каганам. На территории Байкальской Сибири не отмечено археологических памятников, которые свидетельствовали бы о появлении здесь тюрок-туго. Вместе с тем племена теле (в их состав входили и курыканы) постоянно стремились к независимости от орхонских тюрок. Они неоднократно поднимали восстания и пытались играть на противоречиях во взаимоотношениях орхонских каганов и китайских императоров. Номинальное подданство телесцев китайскому государству во многом было выгоднее, чем прямое подчинение тюркам-туго. После разгрома орхонского каганата в 581 г., в результате выступления телеских племен, среди степных народов началась кровопролитная борьба за политическое господство. Власть захватили племена сейяньто.

Телеский союз, в котором немаловажную роль играли курыканы, разгромив сейяньто, обратился с просьбой к китайскому императору Тайцзуну: «Сейяньто не повиновался Великой державе и через то сам навлек на себя гибель. Подчиненные ему старейшины от страха рассеялись, подобно птицам, неизвестно куда. Ныне каждый имеет отдельную ему часть земли; все желают поддаться сыну неба и просят установить у них при сем случае чины дома Тан». Китайским императором в северных землях было создано 11 округов, во главе которых остались прежние правители, но с новыми китайскими военными титулами. Округ курыкан получил название Сюань-Кюе-Чжу. Как свидетельствует И. Бичурин, в хронике династии Тан (618–907 гг. н.э.) «тридцать лет в северных странах не слышали военного шума».

В 679 г. тюрки-туго, возглавляемые каганом Кутулугом, восстали против власти империи Тан. После ряда удачных сражений восточным тюркам удалось восстановить границы своих земель и воссоздать в 682 г. Второй восточнотюркский каганат. В числе врагов Кутулуга упоминаются, по свидетельству И. Бичури-

на, и курыканы: «На юге китайский народ был ему врагом, на севере народ токуз-огузов Баз-кагана был ему врагом. Кыргызы, курыканы, отуз-татары, кытай и татаби — все ему были врагами».

Телеские племена пытались неоднократно освободиться от зависимости тюрок-туго. Борьбу за освобождение возглавили уйгуры. После убийства последнего восточнотюркского кагана в 745 г. борьба завершилась окончательной победой селенгинских уйгуров. Вполне возможно, что с образованием Уйгурского каганата произошло объединение всех телеских (уйгурских) племен. В этот военный союз, очевидно, входили и прибайкальские курыканы (северные уйгуры).

К IX в. в Центральной Азии усиливается государство средневековых хакасов. Возникает противоборство между хакасами и уйгурами. Хакасам важно было освободиться от уйгурских войск территорию Тувы и разгромить уйгурскую мощь в Центральной Азии. Каковы были взаимоотношения между хакасами и курыканами — неизвестно, но в летописях отмечается, что на знаменитых «гулиганьских (курыканских) лошадей похожи лошади племен цзегу (хакасов), разница в малом». Также китайские летописи в записях И. Бичурина сообщают: «Хагас было сильное государство: по пространству оно равнялось тукюесским владениям... На восток простиралось до Гулигани (то есть до прибайкальских курыканов)». Следовательно, земли курыкан и средневековых хакасов граничили друг с другом. Погребения хакасских воинов найдены археологами в междуречье между Енисеем и Ангарой: это возле Красноярска, а также на реке Кан.

В X–XI вв. группы племен, возглавляемые хори, оказываются у берегов Байкала. В это время здесь жили курыканы. Очевидно, проникновение хори на территорию Байкальской Сибири не было мирным. Но об этом периоде мы знаем очень мало, так как у ученых недостаточно источников для воссоздания точной исторической картины. Вероятно, какая-то часть курыкан под давлением более сильных и могущественных завоевателей двинулась вниз по реке Лене и ушла на север, в земли предков якутов. Оставшиеся курыканские роды вошли в состав нового складывающегося политического союза племен, возглавляемого хори.

Население Байкальской Сибири в это время характеризовалось этнической неоднородностью и пестротой родоплеменного состава. Наряду с тюрками (курыканами) здесь жили монголы (хори), а также различные группы племен, отличающиеся по происхождению. Проникновение в Байкальскую Сибирь хори положило начало процессу монголизации этого края.

Сходные по своему значению события происходили и во многих других областях Центральной Азии. В конце X — начале XI в. начался процесс постепенного расселения монголоязычных народов, сопровождавшийся вытеснением и слиянием с монголами местных групп, говорящих на тюркских, тунгусо-маньчжурских и иных языках. Чаще всего это движение сопровождалось ожесточенной борьбой между завоевателями и местными племенами. Эти события в конечном счете привели к усилению в Центральной Азии монголоязычных племен.

Этимология происхождения курыкан в современной исторической литературе объясняется следующими причинами: по Г. В. Ксенофонтову, этот этноним объясняется из бурятского «хюргэн-кюргэн» и тунгусского «курокан, куракан, курэкэн», что значит зять. Исходя из этого, Г. В. Ксенофонов подразумевал, что главы трех подразделений вилюйских якутов (отореченные тунгусы, древние хунны и часть монгольских родов) состояли зятьями тыгынов, властителей якутского народа. Сходного мнения придерживается и В. В. Свинин. Он предполагает «уч-курыкан»

переводить как «три зятя», т. е. это три разноязычных рода (тюрки, тунгусы и монголы), связанных между собой кольцевой системой родства.

Можно предположить, что в целом курыканы были тюркоязычным народом. Об этом свидетельствуют материалы письменных источников и находки памятников рунической письменности орхон-енисейского типа в Приольхонье, верховьях Лены, Ангары и ее притоков — Куды, Унги, Иркут. Они вели оседлый образ жизни, с сезонной сменой мест обитания. В зависимости от времени года проживали в землянках и полуземлянках на долговременных зимниках или на стойбищах-летниках. Курыканы вели комплексное хозяйство: разводили овец, крупный рогатый скот, верблюдов, но больше всего коней, о достоинствах которых писали китайские летописи. Также сеяли просо, рожь, ячмень, пшеницу, занимались охотой, рыболовством и собирательством.

Курыканы объединялись в роды и племена, которыми управляли старейшины-сицзыны (сыгини, тегины). Племена образовывали военный союз во главе с «великим старшиной» (эльтибером), которому подчинялись вожди племен. Китайские источники свидетельствуют о консолидации курыкан в крупное межплеменное объединение, которое в течение VII в. трижды отправляло свои посольства в Китай. Курыканы как один из основных степных народов упоминаются в тюркских рунических надписях в качестве врагов кагана Кутлуга.

Для защиты от внезапных нападений курыканы строили оборонительные укрепления, на территории Байкальской Сибири зафиксировано 47 городищ, укрепленных земляными валами. Городища строились у водоемов, в большинстве случаев на господствующих возвышенностях, удачно использовались особенности рельефа (крутой подъем, обрыв), которые служили естественными преградами. У побережья Байкала городища строили из камня, без скрепляющего раствора, высота сохранившихся стен достигала трех метров. В оборонительном плане сооружения были прямоугольными, округлыми, полукруглыми (такие укрепления строили на мысе, одну сторону мыса охватывала полукругом линия укреплений). Секторно-мысовые городища возводились на краю мыса, боковые стороны которого служили естественными препятствиями, а с напольной стороны сооружались искусственные укрепления. Серьезную длительную осаду подобные укрепления, по мнению исследователей, выдержать не могли, в большинстве своем это были временные убежища. Во время строительства их совершались человеческие жертвоприношения, что свидетельствует о высокой значимости городищ. Часть городищ являлась святилищами.

Также курыканы известны как хорошие металлурги и кузнецы. Сыродутное железо, производимое ими, содержало до 99,4 % металла, было особенно ковким и прочным. Наряду с предметами быта и орудиями труда изготовлялось боевое оружие.

В период больших внешних войн племена формировали отряды по десятичному принципу. Общая численность войска курыкан составляла «5000 строевого войска», это была самостоятельная военная сила, которую приходилось учитывать в борьбе за гегемонию в степной Азии. Курыканская конница была в своей массе легковооруженной, наиболее эффективно действующей в рассыпном строю, обстреливающей противника с дистанции. Вместе с тем многочисленность изображений всадников с пиками наперевес или в исходном положении свидетельствует о действии курыканской конницы в ближнем бою. Вероятно, курыканы применяли атаку «лавой». Некоторые воины использовали панцири и кольчуги.

Основу тактики курыкан в крупномасштабных боевых действиях составляли атаки «лавой» и в рассыпном строю. На писаницах часто встречаются изображения знамен с вытянутым вдоль древка полотнищем и тремя косицами, можно предположить, что у курыкан существовала развитая система сигнализации и маневрирования. Так, при помощи знамен могли подавать сигнал к атаке лавой. Флаги могли играть и роль опознавательных знаков различных родов и племен. В IX в. курыкане попадают в зависимость от кыргызского каганата.

Тема 8. Байырку

Байырку является восточной группой тюркоязычных племен, входивших во 2-й пол. I тыс. в телескую племенную конфедерацию, возглавляемую селенгинскими уйгурами. В надгробных эпитафиях древних тюрков они назывались «страна и народ байырку». Эти племена проживали по соседству с верхнеамурскими племенами мохэ, вероятно, в степных и лесостепных районах Восточного Забайкалья. По данным китайских летописей, байырку — байегу являлись «особым поколением теле» и имели «отборного войска 10 000, жителей 60 000 человек, все богаты». Согласно тем же китайским письменным источникам, страна Байырку была богата травами и в ней разводили хороших лошадей. Помимо самих байырку в их землях «имеются живущие (там) туземцы (гожень)», которые занимаются охотой на оленей. Предполагается, что у байырку была принята десятичная система деления войска, а племя в целом могло выставить один тумен. Байырку делились на 9 родов и управлялись «правителями и старейшинами» (эльтиберами).

Источники сообщают, что их страна «богата травами, производит хороших лошадей, превосходное железо»; население не знало хлебопашества, но любило звериную охоту. Байрку делились на 9 родов, управлявшихся правителями (Великими Иркинами) и старшинами (эльтеберами). Вместе с другими телескими племенами активно сражались на стороне уйгуров против правителей I и II Тюркских каганатов (552–745). В 620 г. находились в подчинении каганата Сейяньто (604–630), а после его падения признали номинальную зависимость от Танской империи. В 660–661 г. участвовали в восстании телеских племен против Китая, но были разгромлены танским полководцем Чжан Женьтаем. В 706 г. сражались с кок-тюрками II каганата при озере Тюрги-Яргун (которое исследователи отождествляют с оз. Торей), но также потерпели поражение. В 716 г. Великий Иркин байырку вновь поднял восстание и двинулся к каганской ставке. Капаган-каган (кит. Мочжо) лично подавил мятеж на берегах р. Толы, но по возвращении кагана в ставку один из отрядов байырку напал на его небольшой конвой и, разгромив его, убил самого правителя.

В период существования Уйгурского каганата (745–840) байырку оставались союзниками уйгуров, а после разгрома каганата южно-сибирскими кыргызами часть из них переместилась вместе с остатками уйгуров в Восточный Туркестан, а часть — на юг Восточной Сибири, где распространились этнонимы «ыркут», «иркит», «иргит». В 1-й половине II тыс. байырку были известны в этом районе под названием баргуты, хотя связь между двумя этими племенами до конца не выявлена. На территории Восточного Забайкалья племенам байырку принадлежит часть памятников дарасунской культуры, расположенных в междуречье р. Онон, Шилка, Аргунь.

В разное время байырку находились в зависимости от тюрок, сейянто, уйгуров. Их военные отряды входили в состав войск центральноазиатских каганов. Во всех известных военных и дипломатических акциях байырку, как правило, действовали совместно с другими телескими племенами. О них, включая байырку, китайские источники сообщают как о искусных стрелках из лука. Военное искусство байырку при наличии многих черт, присущих всем телеским племенам, включая уйгуров, обладает и некоторыми своеобразными чертами. Для байырку была характерна тактика рассыпного строя, основанная на подвижности конной массы и прицельной стрельбе из лука. В то же время наличие средств ведения ближнего боя свидетельствует о возможности байырку атаковать лавой, применяя оружие ближнего боя.

Относительная малочисленность войск племени по сравнению с армиями тюрок и империи Тан обусловила повышенную роль в их тактике притворного бегства, маневрирования в ходе отступления, устраивания засад. Так, искусным маневрированием байырку и другие телеские племена заманили танское войско в 662 г. в долину Селенги и обрекли его на гибель. Внезапно напав из засады, был уничтожен отряд, в этом бою погиб в 716 г. каган кок-тюрок Капаган, голову которого преподнесли как подарок танскому императору. Байырку, как и другие племена, могли укрывать часть населения и скота в крепостях-убежищах, в труднодоступных таежных местах. Основу их стратегии составляла активная оборона и блокирование военных сил с родственными племенами. В случае опасности байырку не гнушались признать власть более сильного государства, но отстаивали самостоятельность во внутренних делах.

В современной исторической литературе предполагают, что племена байырку продолжали населять отдельные районы Забайкалья вплоть до монгольского времени.

Тема 8. Шивэй

Племена, известные в китайских хрониках под названием шивэй, проживали за Яблоновым хребтом в Восточном Забайкалье. В состав шивэй входило пять племенных групп: Южный Шивэй, Северный Шивэй, Бо Шивэй, Шеньмохын Шивэй и Большой Шивэй. На надгробных эпитафиях тюркских каганов они упоминаются под именем «отуз-татар» (девять татар). Этнический состав племен был неоднородным. Большую часть составляло степное население, которое говорило на монгольских языках, часть, проживавшая в бассейне р. Шилка, имела много общего с культурой древних тунгусоязычных племен мохэ, живших в Приамурье, и говорила, видимо, на тунгусо-маньчжурском языке.

В бассейне р. Шилка были исследованы стационарные поселения (городки) шивэй, в составе которых насчитывалось от 40 до 120 землянок и более размером 5 x 5; 6 x 6 м или несколько больше. В таких землянках могли проживать только малые семьи. Городки располагались на плоских вершинах гор, имевших отвесные склоны, и были укреплены по периметру валами и рвами. Временные стойбища таких укреплений не имели. В землянках найдено большое количество костей животных, птиц, рыб, а также речных раковин, что свидетельствовало об употреблении моллюсков в пищу. Шивэй умели готовить вино, для чего использовали закваску из дрожжей. Запасы вина и пищи хранили в больших глиняных сосудах, стоявших вдоль стены, или в ямках-кладовках. В одной из землянок найдено ритуальное захоронение собаки, уложенной на полу жилища, на животе, с подогнутыми

лапами, с наконечником стрелы и 2 раковинами перед мордой. Знали шивэй и примитивное земледелие. Выращивали щетинник, пшеницу и просо. Для рыхления земли заостряли деревянные колья и делали сохи, не прибавляя к ним металлических лемехов. Таковую соху тянули люди, а не животные, поэтому урожаи были небольшими.

В китайских хрониках термин *шивэй* впервые употреблен в 544 г., когда послы шивэй приехали с дарами ко двору династии Восточная Вэй. В последующие годы эти поездки продолжались, но затем прекратились вплоть до танской эпохи (629 г.), во время которой они стали постоянными. Последнее посольство шивэй посетило Китай в 870-е годы. После этого термин «шивэй» использовался в китайской историографии только в компилятивных текстах, освещавших более ранние события. Он встречался у сунского историка Е Лун-Ли (1180 г.) в «Истории государства киданей» (Цидань Го Чжиг.) и у автора «Истории династии Ляо» (Ляо Ши), составленной в 1343–1344 гг. По мнению некоторых ученых (Пелльо, Виттфогель, Фын Цзя-шэн), слово «шивэй» было искаженной транскрипцией слова «сяньби» и восходило к монгольскому слову «широй» (земля). По мнению Л. Л. Викторовой, первоначально слово имело значение «отчуждать»; *tatar* и *tatabi* были причастными формами названного корня. От тюрков и уйгуров это слово (в форме «дада») постепенно перекочевало в киданьские, а затем и в китайские хроники, где некоторое время использовалось наряду с термином «шивэй». Сунские авторы уже напрямую сопоставляли мэнью шивэй с монголами и считали их частью дада, т. е. татар. Однако они по-прежнему плохо представляли ситуацию к северу от Гоби, а потому подразделяли всех дада на 3 группы: белые, черные и дикие. Под белыми подразумевались тюркоязычные онгуты, проживавшие вблизи границ Китая, к черным причислялись монголоязычные племена, к диким — лесные охотники и рыболовы, в этническом отношении смешанные. Среди них были древние монголы, тунгусы и тюрки.

В VII–IX вв., по мере получения дополнительных сведений о северных народах, китайские авторы стали называть отдельные племена шивэй их собственными именами (например, улоху, дагоу, хунатоу, мэнью (мэнву) и др.). С 1084 г. начинают упоминаться и монголы.

Племенной комплекс шивэй был разделен на южный, северный, восточный и западный, а также на малые и большие поколения. В составе южных шивэй источники называли 25 поколений, северных — 9, из них больших — 7. Причем цифры постоянно менялись. Это происходило потому, что сами кочевья представляли собой непрочные этнополитические образования, которые то появлялись, то распадались по мере практической необходимости. В то же время китайские хронисты традиционно признавали шивэй потомками сяньби: причисляли их к отдельной ветви киданей и размещали к северу от последних. Границей между ними являлись р. Таоэрхэ, далее — р. Сунгари. На востоке владения шивэй достигали отрогов хребта Малый Хинган и бассейна реки Буря, граничили с землями тунгусо-маньчжурских племен мохэ, с которыми у них были очень тесные контакты.

Основную массу шивэй действительно можно считать монголоязычной, но в тех же источниках имелись упоминания о шивэй, языком которых был «язык мохэ» (т. е. тунгусо-маньчжуров). Шивэй были воинственными племенами, вели многочисленные войны с тюрками, киданями, кыргызами и китайскими государствами. В 842 г. после разгрома Уйгурского каганата кыргызами большие шивэй предоставили убежище бежавшим к ним уйгурам.

Этноним «шивэй», употреблявшийся авторами китайских хроник, не использовался в письменных памятниках других народов. В надгробных эпитафиях древних тюрков и уйгуров, найденных в Монголии, забайкальские и приамурские народы выступали под именем «татары». При этом сообщалось о 2 группах татар: токуз-татары — девять татар и отуз-татары — тридцать татар. Обе эти группы проживали в пределах Восточного Забайкалья и северо-западных районах Внутренней Монголии. Одна из них была тюркоязычной (токуз-татары), а другая — монголоязычной (отуз-татары). С племенами отуз-татар на территории Восточного Забайкалья археологи связывают памятники бурхотуйской культуры (IV–IX вв.), а с племенами токуз-татар — дарасунскую культуру (VI–IX вв.).

О племенах большие шивэй говорились, что они проживали в нескольких тысячах ли на северо-западе от остальных шивэй; дорога к ним была труднопроходимой, а язык непонятен. Поскольку язык южных монголов (киданей, кумоси и др.) был хорошо известен китайцам, можно предположить, что большие шивэй были предками тунгусоязычных эвенков, населявших северные районы Забайкалья. Следовательно, в состав шивэй входили племена различной этнической и языковой принадлежности (древние монголы, тунгусо-маньчжуры, эвенки, возможно даже тюрки и палеоазиаты), а также представители различных культурно-хозяйственных типов — таежные охотники, рыболовы и скотоводы, которые вели полуседлый и полукочевой образ жизни.

Зимой шивэй жили в стационарных поселках, использовали для жилья землянки или углубленные в землю конические чумы, которые покрывались кошмой, звериными шкурами и корой деревьев. Летом кочевали в поисках воды и травы. При перекочевках пользовались повозками, запряженными крупным рогатым скотом; на них ставили съемные кибитки, крытые циновками (кошмой). Такие же циновки употребляли в качестве подстилок на пол, а подстилки для сидений плели из дерева. При переправах через реки делали плоты, связывая в пучки хворост, или мастерили лодки из кожи. Для лошадей плели потники из травы, а уздечки вязали из веревок. Разводили крупный рогатый скот, лошадей, собак и больших свиней, мясо которых ели, а шкуры выделывали. Занимались также рыбной ловлей, охотой на оленей, сайгу, лисиц, енотов и соболей. По снегу передвигались на деревянных дощечках, подвязанных к ногам (т. е. на лыжах) и на санях. Для охоты использовали роговые луки с длинными стрелами. Охота была облавной; на нее собирались вместе. Во время охоты пересвистывались друг с другом, а по окончании расходились. Рыбу добывали сетями, причем не только летом, но и зимой, для чего «добили лед» и погружали сети в воду. Из шкур животных мужчины и женщины шили одежды, которые запахивались на левую сторону, и готовили циновки. В обиходе были головные уборы из меха лисиц и енотов, короткие куртки и штаны из белой оленьей шкуры, а также одежда из рыбьих кож. Все носили длинные волосы: мужчины заплетали волосы в косы, девушки и женщины связывали сплетенные косички в узел. Шею женщины украшали красными бусинами и 5-цветным жемчугом. Чем больше было бусин, тем почетнее. Бывало, что девушки, не имевшие подобных украшений, не выходили замуж. При заключении брака мужчина в течение 3 лет работал в семье женщины в качестве наемного работника. По истечении этого срока ему выделялось имущество, которое он грузил на повозку, куда сажал и жену, и под барабанный бой, с плясками возвращался в свой дом. После смерти мужа женщина вторично замуж не выходила. Для умершего строился большой балаган, на который помещался труп. Траур по мертвым соблюдался 3 года. В землях

шивэй было мало случаев воровства. За украденное взимался штраф в тройном размере, а с убийцы человека взыскивалось 300 лошадей.

Шивэй занимались скотоводством и пашенным земледелием, охотой и рыболовством. Они умели выплавлять железо и изготавливали орудия труда, боевое и охотничье оружие, украшения, предметы конского снаряжения и др. Шивэй строили укрепленные валами и рвами городища. В них располагались жилища полужемляночного типа квадратной формы размерами до 8 х 8 м. В одном поселении количество таких полужемлянок могло достигать до 70.

Управлялись шивэй выборными «великими старейшинами» и не имели единого государя. В случае отсутствия старейшин выбирали «быстрого и храброго» и ставили «на место предводителя». Племена шивэй, которых насчитывается до 30, объединялись в союз, во главе которого стояли племенные вожди.

Племена делились на пять территориальных групп, каждая из них была самостоятельной по отношению к другой и делилась, в свою очередь, на отдельные кочевья. В источниках подчеркивается, что у шивэй нет «единого государя», только вожди племен. В каждом из 25 кочевий южных шивэй вожди именовались «юй мофуманьдо», у северных шивэй помимо вождей — «цзинь мохэдо» — в каждом кочевье имелось по три «помощника вождя» — мохэфу. В период I Тюркского каганата шивэйские племена находились в подчинении у тюрков, которые управляли ими при помощи трех тутуней (тутуков). Позднее у шивэй было известно 17 великих (крупных) вождей, называвшихся мохэфу, правивших по наследству, но подчинявшихся тюркам. По мере ослабления последних шивэйские вожди пытались вести себя самостоятельно, завязывать отношения с другими кочевыми объединениями. В правление Бильге-кагана шивэй объединились с огузами и попытались освободиться от зависимости, но потерпели поражение.

В VIII–IX вв. шивэй делились на 9 кочевий и занимали земли на юге, поблизости от границ империи Тан, с которой поддерживали дипломатические отношения. В китайских источниках встречается упоминание о «главноуправляющем» и «великом старшине» (вожде).

Подчиняясь тюркам и уйгурам, татарские (шивэйские) племена, вероятно, составляли в их армии вспомогательные войска и неоднократно пытались освободиться. Хотя они не имели единого правителя, в ходе длительной борьбы они постепенно консолидировались и могли выступать совместно. Предполагается, что у них начинала зарождаться десятичная система разделения войска. В период подчинения I Тюркскому каганату шивэй могли формировать племенные ополчения. Позднее, при II Тюркском и Уйгурском каганатах, единое ополчение формировало объединение 9 татарских племен.

На протяжении второй половины I тыс. н. э. основу войска шивэй составляла легкая конница, действующая рассыпным строем. Наличие защитных поясов при отсутствии находок наступательного оружия ближнего боя не позволяет сколько-нибудь определенно судить о возможностях конницы в ближнем бою. После включения в состав тюркского каганата вошли в обиход пластинчатый панцирь и копье, соответственно появляется возможность атаковать лавой.

В VIII–IX вв. шивэй в союзе с огузами, кумохи (си) или самостоятельно проводят военные операции против тюрков, уйгуров, совершают набеги на пограничные районы империи Тан. В этот период расширяются масштабы их военных операций, появляются элементы самостоятельной военной стратегии, связанные со стремлением освободиться от кочевых империй. В крупных военных сражениях VIII–IX вв. шивэй неизменно терпят неудачи от войск тюрков под предводитель-

ством Бильге-кагана, уйгуров под предводительством кагана Муюн-чура, кыргызов под предводительством министра Або. В этом сказалась, вероятно, недостаточная организованность и худшая вооруженность шивэй по сравнению с воинами тюркоязычных каганатов Центральной Азии. В X в. шивэй были подчинены киданями и вошли в состав их государства, поставляя вспомогательные контингенты в войско киданьских императоров.

Тема 9. Киданьская империя (Ляо)

Кидани, вытеснившие в начале X в. енисейских киргизов из Монголии, отнесены китайскими источниками к дун-ху. Следовательно, у киданей было общее этническое происхождение с монгольскими племенами ухуань, сяньби, муюн, тоба, жужани и др. Как сообщает «Ляо-ши» («История Ляо»), в III в. н.э. кидани выделились вместе с племенами юйвэнь и кумоси из племенной группы сяньби после разгрома последних племенами муюн. Первоначально кидани кочевали в районе р. Шара-Мурэн. В течение IV–VIII вв. они вели непрерывную борьбу с муюн, тоба, тукюз и другими племенами, а также с Китаем.

В этот период они попадали в зависимость и становились данниками того племени, которое господствовало в Центральной Азии и в Северо-Восточном Китае. В середине I тыс. н. э. начинается процесс распада киданей на отдельные роды и кочевья, во главе которых стояли мохуфэ и чуфу. В военных событиях этого времени киданьские военные вожди действовали самостоятельно: совершали набеги на пограничные районы Китая, подчинялись той или иной династии, воевали друг с другом. В VI в. кидани были покорены тюрками первого каганата и управлял ими тюркский наместник тутук Паньжжи. В VII в. н. э. кидани делились на восемь кочевий. Во главе каждого из них стоял вождь-дажэнь, но имелся и общий правитель из рода Дахэ. Для начала военных действий необходимо было согласие всех кочевий. Киданьское войско в этот период насчитывало «43 тысячи превосходных воинов».

В конце VII в. один из правителей киданей Цзиньме провозгласил себя каганом. Однако в начале VIII в. кидани вновь попали в зависимость от тюрков теперь уже Второго каганата. В VII–IX вв. кидани имели тесные контакты с Танской империей, временами являясь ее вассалами. Вместе с тем по мере своего усиления кидани неоднократно поднимали восстания против Китая и переставали посылать ему дань.

В это же время они «изъявили покорность» и династии Тан, являясь «двоеданцами». В 30-е гг. VIII в. кидани вновь переходят на сторону тюрков и под их влиянием называют своих вождей сыцзинями (иркинами, тегинами). Упоминаются также среди вождей селифы (эльтиберы). В этот период у киданей было уже «более ста вождей кочевий». В VIII–IX вв. кидани подчинялись уйгурам. Киданьский правитель получил от уйгуров государственную печать. Уйгуры смогли нанести поражение киданям даже после падения своего государства в 842 г., какая-то часть уйгуров переселилась на киданьские земли.

На протяжении всего периода раннего средневековья кидани враждовали с родственными племенами кумохи и шивэй. Усиление киданей началось в 70–80 гг. IX в., когда главой киданей стал Ван Сиэрчжи. В правление его преемника Циньдэ кидани подчиняли «все мелкие кочевья» монголоязычных племен, даданей, кумохи и шивэй.

Во второй половине IX в. в связи с разгромом Уйгурского каганата кыргызами кидани лишились грозного врага в степях Центральной Азии. Киданьские ваны

Сиэрчи и Циньдэ подчинили родственные племена даданей, сисцев, шивэй. В состав киданьского воинства влилась часть уйгуров, бежавших от кыргызского разгрома. Это значительно увеличило силы киданей. Киданьская гвардия ордо вооружается тяжелыми доспехами и получает возможность сражаться в ближнем бою.

Усиление власти военного вождя способствовало тому, что прежний порядок его смены через три года был нарушен вождем Елюем Амбагянем, устранившим от власти род Дахэ и провозгласившим себя ваном. Амбагянь, выходец из рода Елюй, уничтожил выборную власть племенных старшин и установил наследственную монархию, объявив себя в 916 г. императором. Усиление киданей способствовало росту их армии, которая в X в. насчитывала 300 тыс., по другим данным, 500 тыс. воинов.

Елюй Амбагянь совершил в начале X в. два похода, покорив степные племена Центральной Азии. Однако основное направление внешней политики киданей было ориентировано на Китай, где в этот период происходила частая смена династий, наблюдалось разрушение классической раннефеодальной династии Тан. Наличие постоянного тяжеловооруженного войска стало основой господства государства киданей над соседними кочевыми племенами. Опираясь на войско, Елюй Амбагянь смог утвердить централизованную власть, создать военно-административную систему и киданьское государство.

В этот период киданьская империя включала в себя территории севернее Хуанхэ, простиравшиеся на запад до Алтайских гор, на север — до отрогов Хингана, включая верхнее и среднее течения рек Орхона, Селенги и Толы, низовья Керулена и район, прилегающий к озерам Далай-Нор и Буир-Нор, а также Ляодунский полуостров. Преемник Амбагяня Дэгуан активно вмешался в китайские междоусобицы и сумел возвести на престол своего ставленника Ши Цзингана из династии Поздняя Цзынь, находившейся в зависимости от киданей. В 937 г. Дэгуан провозгласил свое государство империей Дай Ляо. В состав киданьского государства вошли 16 северных областей Китая. В 947 г. (по другим источникам, в 937 г.) Дэгуан занял столицу Китая и объявил себя китайским императором. Киданьская империя сыграла значительную роль в истории народов Дальнего Востока, Центральной и Средней Азии. С нею поддерживали дипломатические и торговые отношения Китай, Корея, Тангутское государство, Япония, Персия, Арабский халифат и другие страны. Некоторые из этих государств были вассалами Киданьской империи и платили ей дань (Корея, Китай).

Империя Ляо как в этническом, так и в социально-экономическом отношении была неоднородной. Входившие в ее состав многочисленные племена и народности находились на различных ступенях общественного развития. Что касается самих киданей, а также населения подчинявшихся им государства Бохай и Северного Китая, то у них в X–XII вв. — в особенности у китайцев — несомненно, существовали феодальные отношения.

Государственный аппарат феодальной империи Ляо был устроен довольно сложно. В административном отношении государство делилось на две части: Северную и Южную орды. Центральноазиатские области киданьской империи входили в район Шамофу, который осуществлял контроль над землями к северу от пустыни Гоби. Здесь были созданы западное управление главного воеводы усмирителя, охрана из племени аовэй, управление военного инспектора по реке Люцзюй, управление генерал-губернатора Даоталина, различные военные отряды для усмирения племен дадань, мэngu, диле. Племена дадань, юцзуйли обязаны были выстав-

лять более тысячи всадников во вспомогательные войска. Часть северных и восточных племен, зависимых от киданей, входила в район Чаньчун, созданный для усмирения нюйчженей и шивэйцев. Здесь были управление главнокомандующего пешими и конными войсками в области Хуангун, управление пеших и конных войск в области Сяньчжоу, управление главного военного инспектора северо-восточного направления. Племена шивэй и нюйчжень были обязаны выставять по тысяче всадников во вспомогательные войска.

По-видимому, опорными пунктами данной системы военного управления на местах были киданьские крепости в Монголии и Забайкалье. В Южной орде проживало оседлое население, в Северной — кочевое. Верховная власть принадлежала императору. Управление на местах осуществляли наместники, назначавшиеся императором из числа его родственников, сподвижников. Власть императора была наследной, также как и большинство государственных постов, занимаемых представителями киданьской аристократии.

На территории нынешней Монголии обнаружено десять городищ киданьского времени. В настоящее время бурятскими археологами совместно с российскими и монгольскими коллегами активно ведутся раскопки на городище Чинтолгой балгас в сомоне Дашинчилэн Булганского аймака. Возникновение этого укрепленного киданьского поселения датируется 1004 г. Наряду с киданьской черепицей, фрагментами уйгурских керамических сосудов, сунскими монетами и другими артефактами на городище обнаружены бесспорные следы бохайской культуры: каны, ручки от керамических сосудов и сделанные из стенок сосудов так называемые «фишки». Полагают, что Чинтолгой — это известный из исторических источников Чэн-Чжоу, отстроенный на месте уйгурского городка Хэдун. Для обогрева зданий в киданьских поселениях сооружали каны, характерные для дальневосточной архитектуры, но отапливали их аргалом (сухим навозом) — другое топливо в степи дефицитно.

В основе раннего киданьского феодализма лежала собственность на землю, существовавшая в двух видах: государственной и частной (пожалования). К государственной или казенной земельной собственности относились земли поселений и земли, переданные во временное пользование крестьянам. В частное землевладение входили земли, принадлежащие киданьской раннефеодальной аристократии и бюрократии, а также отдельным китайским феодалам, находившимся на службе у киданьских императоров. Большую роль стало играть землевладение. Буддийские монастыри имели не только обширные земельные угодья, но и значительное число крепостных крестьян.

С созданием мощной военной машины тактика боя и стратегия войн претерпели изменения. Киданьские полководцы предпочитали широкий маневр, глубокое проникновение в тыл противника, высоко ценили внезапность нападения. Перед сражением киданьские воины облачались в доспехи, пересаживались на свежих заводных коней. Решающей атаке предшествовала тщательная разведка о примерной численности вражеского войска, характере построения противника, рельефе местности, возможных путях к отступлению. Киданьское войско стремилось окружить построение противника. Первую линию атаки составляли легкие лучники, вторую — воины, вооруженные копьями и мечами, третью — тяжеловооруженные воины. Сражение начиналось атакой лучников, осыпавших войско врага «тучей» стрел. Для усиления психологического эффекта атаковали либо с громкими кличками, либо молча под грохот лошадиных копыт. Если противник не выдерживал и бросался в бегство, кидани преследовали бегущих и довершали разгром. Если же

вражеские воины держались стойко, отряды атакующих меняли друг друга. Такие атаки велись непрерывно два-три дня до изнеможения противника. Когда лучники отдыхали, с наветренной стороны прогоняли взад-вперед лошадей, привязав к их хвостам метла, таким образом пуская на противника тучи пыли. Отступающего противника кидани преследовали, стремясь вновь и вновь навязать ему сражение на выгодных для себя условиях. При поражении киданьское конное войско рассеивалось, чтобы через некоторое время собраться вновь. Небольшие отряды киданей, состоявшие из легковооруженных всадников, совершали ночные рейды в тыл врага, внося панику. Кидани устраивали засады, стремясь атаковать внезапно.

Киданьские войска умели брать штурмом крепости. Они стремились захватывать укрепления с ходу за счет внезапности и стремительности нападения. Если атака с ходу не удавалась, то снаряжался отряд для осады, остальное войско продолжало продвижение в глубь вражеской территории. Войска осаждающих делились на три отряда, занимая стратегически важные пункты по периметру крепостных стен. Конные дозоры следили за воротами. Перед штурмом кидани сгоняли все окрестное население, для того чтобы засыпать рвы. Для разрушения стен использовали катапульты и тараны. Осадную технику обслуживали китайцы из вспомогательных войск. При штурме кидани впереди своих воинов гнали военнопленных, которые должны были под страхом смерти первыми взбираться на крепостные стены, а вслед за ними по трупам шли на штурм сами кидани. Любимым инженерным приемом киданей, направленным на разрушение как стационарных, так и полевых укреплений противника, были, если позволяли условия, «гидротехнические мероприятия»: строилась плотина и временный водоем, в нем накапливалась вода, после чего плотина разрушалась и бурные потоки воды устремлялись на лагерь или крепостные стены врага.

Кидани умели не только захватывать, но и оборонять крепости, делать вылазки, защищать стены. Ими было создано много укреплений в Маньчжурии, Монголии, Забайкалье. В основном это были равнинные крепости с квадратной и прямоугольной планировкой, земляными стенами, угловыми башнями, двумя-четырьмя воротами. Стены крепостей не всегда окаймлены рвом. На территории Маньчжурии дворы крепостей застроены, т. е. это так называемые укрепленные города. В Монголии дворы крепостей нередко лишены построек, т. е. это укрепленные военные пункты — крепости-убежища. Отличительную особенность имеет фортификация крепости Коктуй в Забайкалье и Улугчийн-хэрэм в Монголии. Первая имеет округлый в плане двор, кольцевую стену и ров, внутри двора квадратная цитадель. Вторая имеет двор сложной полигональной в плане конфигурации, охватывающей подножие, склон и гребень скальной гряды. Стены этой крепости сложены из камня. Население гарнизонов крепостей состояло из киданей, китайцев и бохайцев. В ходе военных действий под защиту крепостей уходили и подразделения полевой армии.

Передвижная ставка императора — набо — также служила своеобразным полевым укреплением. В «Истории государства киданей» Е. Лунли особенно подробно описана зимняя ставка: «Императорская юрта была окружена крепкой оградой из копий, связанных волосяными веревками. Под каждым копьём имелся войлочный зонт для защиты охранников от ветра и снега. За копьями стоял ряд небольших войлочных юрт. В каждой юрте — пять вооруженных человек... Для защиты всей ставки использовались четыре тысячи киданьских воинов, которые группами в тысячу человек каждый день попеременно несли караульную службу. За окружением запретного места ставились копыя, образующие частокол. Но-

чью копья вынимались, переносились и ставились вокруг юрты, в которой спал император. За ежами против конницы противника выставлялись сторожевые посты и устанавливались сигнальные колокольчики для защиты в течение ночи».

Военное искусство киданей имперского периода унаследовало многие традиционные формы военного дела кочевников. В войнах с Китаем кидани старались использовать преимущественную мобильность своих конных армий, ведя наступление сразу по нескольким направлениям, перерезали коммуникации противника, расчленили оборону, проникая глубоко в тыл врага. Основой такой модели наступления послужила облавная охота. Еще до начала решающих сражений киданьские войска наносили противнику большой урон, опустошая его страну, внося панику, дезорганизуя тыл. Опыт грабительских набегов прошлых веков позволял киданям организовывать походы без обеспечения войск продовольствием и фуражом, которые захватывались на вражеской территории. Киданьская армия одновременно обеспечивала себя и наносила ущерб противнику. Начало наступления на вражеские территории приурочивалось к осени, времени сбора урожая. Кидани старались проводить быстрые кампании, чтобы к зиме вернуться в свои земли.

Кидани придавали большое значение психологической стороне военного дела. Воспитанию храбрости и беспощадной жестокости воинов способствовали проводимые перед началом войны религиозные церемонии. Высокому престижу военной деятельности способствовала система военных отличий, парадность воинского церемониала. В то же время в армии существовала суровая воинская дисциплина, проступки жестоко карались.

Большое значение кидани придавали моральному подавлению, запугиванию противника, благодаря чему с исключительной жестокостью относились к противнику и населению покоренных областей в период ведения военных действий. В источниках имеются свидетельства многочисленных разрушений, опустошений вражеской территории, истребления военнопленных, глумления над обычаями покоренного народа. Одновременно кидани охотно принимали в свои ряды перебежчиков.

Подобная тактика не всегда приносила успех, нередко вызывая возмущение и ожесточенное сопротивление населения покоренной страны. Стратегия ведения войн киданями была перманентно наступательной. Они стремились подчинить, «усмирить» все соседние кочевые племена, покорить и присоединить все земельные страны. Такая линия приносила успех в течение полутора столетий. Однако по мере роста территории империи Ляо, в результате втягивания киданьского населения в постоянные войны, отрыва от хозяйственной деятельности людские ресурсы киданьского этноса были истощены и империя пала под ударами чжурчженей. Вероятно, сыграли свою роль и «повреждение нравов» киданьской знати, ассимиляция в ханьской среде. Многие традиции киданей были унаследованы кара-киданами, чжурчженями и монголами.

Войско киданей империи Ляо состояло из императорской гвардии — ордо, военных отрядов племен, вспомогательных отрядов и пограничных войск. Особые подразделения составляли отряды телохранителей императора и высших чиновников. Тяжеловооруженная конная гвардия формировалась по внеплеменному принципу из наиболее храбрых и надежных воинов киданей. Первоначально численность гвардии составляла 2 тыс. воинов, в период расцвета империи достигла 100 тыс. человек. В состав гвардии начали включать иноплеменников — цзубу, китайцев, бохайцев и другие народы, даже военнопленных. Такая политика вела к постепенному истощению людских ресурсов и ухудшению боеспособности главной

ударной силы войска. Племенные ополчения, составлявшие основу киданьского войска в доимперский период, продолжали сохранять свое значение. Однако по своей надежности и, вероятно, вооруженности они уступали киданям. Гарнизоны опорных пунктов-крепостей формировались из воинов ордо. Пограничные войска — из племенных отрядов. В пределах каждой военно-административной единицы имелись подразделения, постоянно находящиеся в строю. Численность пограничных войск достигала 100 тыс. воинов.

Вспомогательные отряды формировались из покоренных народов. Из них составляли отряды пехотинцев: лучников, копьеносцев и меченосцев, технический персонал катапульт. Численность вспомогательной армии достигала нескольких сотен тысяч человек. Каждая семья обязана была дать в армию двух мужчин. Вспомогательные отряды использовались при осаде городов, прокладке дорог, опустошении сельскохозяйственных угодий на вражеской территории.

Отряды телохранителей императора и высших сановников, включая «непоколебимое войско» численностью в 1000 воинов, формировались из числа самых опытных и храбрых воинов нередко знатного происхождения. «Непоколебимое войско», охранявшее императора, формировалось из членов рода Елюй. Вероятно, эти отряды были вооружены самым лучшим оружием.

Все отряды делились на подразделения по десятичной системе по 5, 10, 50, 100 воинов. Все взрослое мужское население империи в возрасте от 15 до 50 лет было приписано к армии и занесено в специальные военные книги. По указу о мобилизации каждый воин обязан был явиться на сборный пункт в полном вооружении, со снаряженным боевым конем, запасом провианта и фуражом. Мобилизацию организовывали специальные чиновники — сиваны и начальники крепостей тунцзюни. Сигналом к мобилизации служили серебряные бирки-пайцзы с надписями: «Следует спешить», рассылаемые с курьерами к сиванам и тунцзюням на императорские заставы. После сбора войск чиновники извещали императора о готовности. На сборном пункте осуществлялась проверка явившихся по спискам, проводился смотр войск. Император посылал на сборные пункты военачальников с половиной золотой бирки в виде рыбки. При соединении половинок бирки военачальник принимал командование над собранным подразделением. Каждый отряд получал свои знамена и барабаны. Отряды направлялись в пункт назначения. По прибытии устраивался общий сбор войск. Император назначал главнокомандующего центром и командующих флангами-дутуней и их помощников-дучзяней. Наиболее крупные военные кампании возглавлял сам император. Если император не выступал в поход лично, то назначал главнокомандующего — юваньсувая. Главнокомандующему вручались символы военной власти — обоюдоострый меч и знамена.

Собранные войска объединялись в отряды по 600–700 воинов. 10 отрядов составляли одну колонну — дао, 10 колонн — 1 фланг — мянь. Тридцать тысяч отборных воинов включались в походное «охранное императорское войско». Три тысячи воинов, вооруженных копьями, составляли авангард армии. Выделялись специальные «передовые отряды» по 100 воинов и разведгруппы по 10 воинов, действовавшие впереди и на флангах продвигающейся армии. Во главе каждого отряда ставились командиры. Формировался специальный отряд из представителей разных племен для распространения дезорганизующих слухов в стане противника. Своим военным отрядам и крупным воинским объединениям кидани давали своеобразные названия, такие как «железные коршуны», «армия орлов», «армия соколов», «армия тигров», «армия драконов».

Началу войны предшествовала церемония жертвоприношения за успех предстоящей кампании. В одном из пунктов вдоль дороги, по которой следовали войска, выстраивали приговоренных к смертной казни. Всадники, проносясь мимо, расстреливали их из луков. Аналогичное жертвоприношение в знак благодарности за одержанную победу проводилась и при возвращении войск, только в этом случае преступников заменяли военнопленные

Киданьская империя представляла собой общество, стоящее на высоком уровне социально-экономического и культурного развития. Ведущую роль в хозяйстве киданей играло кочевое скотоводство, особенно в северной части империи. Земледелием занималось население, проживающее главным образом в южных районах страны. У киданей были также развиты торговля и ремесла. Кузнечным, ювелирным и шорным делом занимались преимущественно мужчины. Ткачеством, прядением и плетением — женщины. Кидани вели обширную торговлю с соседними странами и народами, в частности с северными монголами, обитавшими тогда в районах рек Онона, Керулена, Толы и Селенги, предками современных монголов. Киданьские купцы являлись посредниками в торговле восточных и западных районов Центральной, Средней и Северной Азии.

Кидани — народ высокой культуры. В годы правления хана Елюя Амбагана была изобретена новая киданьская, так называемая большая письменность на основе китайского иероглифического письма. За пределами страны пользовались собственно киданьской (малой) письменностью, созданной в X в. на основе уйгурского алфавита. Было распространено также тюркское письмо. Кидани имели развитую науку: историю, географию, медицину, математику, литературу, поэзию и такие отрасли культуры, как живопись, музыка и т. п.

После крушения империи Ляо часть киданей приняла подданство империи Цзинь (1125–1234), сложившейся на территории Юго-Восточной Монголии и Северо-Западного Китая, часть ушла в 1125 г. с Елюем Даши в Восточный Туркестан, где создали кара-киданьское государство.

Киданьское государство оказало значительное влияние на общественно-политическое и культурное развитие соседних народов и племен. В частности, этническая и языковая близость киданей с собственно монгольскими племенами (северная группа) — предками современных монголов, способствовала ускорению у последних процессов разложения первобытнообщинного строя, формированию классового общества и сложению монгольской народности.

Часть III

МОНГОЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВО ЧИНГИСХАНА И ЧИНГИСИДОВ

Тема 1. Монголы в VI — начале XIII в.

Впервые монголы упоминаются в китайских хрониках эпохи Тан (VII–IX вв.). По мнению одних ученых, они жили по южному берегу р. Амур, западнее места впадения в Амур р. Сунгари и восточнее хребта Малый Хинган, по мнению других, местом их обитания были нижнее течение рек Шилка и Аргунь и верховья Амура. Согласно китайским хроникам, монголы входили в состав племен шивэй во главе с правителями, которые в хрониках называются мохэфу.

По уровню своего социально-экономического развития монгольские племена делились на две большие группы: лесные и степные. По словам Рашид ад-Дина, «лесные» монголы жили в домах, которые строили, сплетая стены из кустарника и небольших деревьев, сверху они были покрыты шкурами животных. Землю обрабатывали с помощью деревянной сохи, разводили собак и свиней. Лошадей было мало, ездили на телегах, запряженных быками, овец не держали. Другая часть племен жила в степях, занимаясь скотоводством. У лесных племен процесс разложения первобытнообщинного строя происходил гораздо медленнее, чем у степных.

Продвижение монголоязычных племен на запад началось, видимо, еще в середине VIII в. Причиной его могли стать нападения извне или междоусобные войны. В результате переселений монголы вступили в прямой и более тесный, чем ранее, контакт с тюрками. В степной и лесостепной зоне они полностью перешли к кочевому скотоводству.

С X в. до XII в. монгольские племена подчинялись киданьской империи Ляо. В целом они были лояльны к этнически родственной династии, но некоторые племена, например джарджираты и меркиты, вели с киданями изнурительные войны и к 1094 г. их численность сократилась.

После падения империи Ляо власть над северным Китаем перешла государству чжурчженей — Цзинь. В это время племенами монголов управляли свои предводители, и хотя они признавали верховенство чжурчженей и пригоняли скот на продажу или в качестве даров двору, но считалось, что они находятся на службе и охраняют южные границы. За это цзиньские власти платили шелком, зерном, деньгами.

К началу XI в. большая часть современной Монголии была занята различными протомонголоязычными объединениями. Они еще не имели общего названия. Название «монголы» до XIII в. не было известно, происхождение его до сих пор является объектом дискуссий среди монголоведов. Основными письменными источниками, как мы указывали, являются «Сборник летописей» персидского историка Рашид ад-Дина, который использовал не дошедшую до нас древнемонгольскую рукопись «Алтан дэбтэр» и «Монголын нууц товчоо» (Сокровенное сказание монголов), написанное в 1240 г. неизвестным автором, и другие.

До создания в начале XIII в. Чингисханом «Монголын Нэгдсэн Улс» (Великого Единого Монгольского государства) этническое название «монгол», объединяющее родственные одноязычные племена, не имело широкого распространения. Более известны были родовые племенные названия. Например, в «Монголын нууц товчоо» (Сокровенное сказание монголов) содержатся такие названия, как найманы, кэрэиты, татары, джалаиры, тайчиуты, хори-туматы, бархуны (баргуты), икиресы (эхириты), буряты. Рашид ад-Дин, автор «Сборника летописей», пополняет список, добавляя к нему булагачинов и кэрэмучинов. Продолжительное время родоплеменные названия сохранялись, несмотря на то, что между близкими по языку и происхождению племенами поддерживались родственные связи.

В современной востоковедной науке необходимо, на наш взгляд, выделить точку зрения монголоведов Н. Н. Крадина и Т. Д. Скрынниковой: «Довольно сложно с полной определенностью сказать, какая группа дала имя новой политике, но важно понимать, что этноним «монгол», связанный с территорией первоначального расселения, являлся операционным понятием, отражавшим политическую реальность. Для него характерна идентификационная многозначность и соответственно неопределенность: он обозначал как малую группу (пожалуй, ее границы может маркировать Хабул-хан, поскольку о нем говорилось, что он возглавляет всех монголов, и его потомки), так и конфедерацию. С большей долей уверенности можно говорить о том, что политика представляла собой поликомпонентное сообщество, в котором лидирующее положение занимал клан «монгол», что и стало основанием говорить как обо всех монголах (монгольский источник), так и о Великом Монгольском улусе (китайские источники), или о Великой Монголии. В истории монголов и соответственно в формировании общности под именем «монгол» выделяется три важнейших момента:

- проживание монголов в местности Эргунэ-кун и миграции значительных групп из этого региона в район Онона — Керулена — Толы;
- образование политики «да мэн-гу го» (большого монгольского государства) благодаря деятельности Хабул-хана, избранного лидером всех монголов, что отмечается всеми группами источников (китайскими, монгольскими, персидскими);
- образование Монгольского улуса Чингисханом».

В то же время о происхождении термина «татаро-монголы», идентифицирующего монголов в период их западного похода, в научной литературе существует ряд версий. Вот сведения о татарах, тех татарах, племена которых, по версии «Сокровенного сказания», полностью истребил Чингис: «Их имя издревле было известно в мире. От них отделились и многочисленные ветви. Места их кочевий, стоянок и юртов были определены в отдельности по родам и ветвям вблизи границ областей Китая. Их же основное обитание (юрт) есть местность, называемая Буир-Наур. Они также враждовали и ссорились друг с другом, и долгие годы длилась война между этими племенами и происходили битвы». Итак, основной юрт татар находился вблизи озера Буир-Нур, в Восточной Монголии. По предлагаемой Рашид ад-Дином этнологической схеме, «в древности монголы были [лишь] одним из племен из всей совокупности тюркских степных племен».

Рашид ад-Дин разделяет этнополитическую историю степей Центральной Азии на три хронологических этапа: а) этап господства «тюркских степных племен», временные параметры которого не определены; б) этап подчинения

тюркских племен татарами и превращения этнонима «татар» в общий политоним; временные границы — от «глубокой древности» до начала монголо-татарских войн (XII в.); в) этап возвышения монголов и после истребления татар, превращения этнонима «монгол» в общеимперский политоним (XII–XIII вв.). Вместе с тем, как замечает Рашид ад-Дин, «силы и могущество татар были в свое время столь велики и поныне (т. е. в начале XIV в.), от Китая до Дашт-и Кипчака и Магриба все тюркские племена называют татарами».

В домонгольскую эпоху, во всяком случае в X–XI вв., этноним «татары» был хорошо известен не только в Срединной империи, но также в Средней Азии и Иране. Понятие «Татарская степь» — это обширный регион между Северным Китаем и Восточным Туркестаном. Название «Татарская степь» хорошо согласуется с многочисленными сведениями о расселении татар в IX–X вв. и объясняет, почему столетия спустя монголы, занявшие то же пространство, в тюркской и мусульманской среде, как и в Китае, именовались татарами. Это тюркское обозначение монголов пришло не только в Средней Азии и на Ближнем Востоке, но и на Руси и в Западной Европе, вопреки тому, что сами монголы себя татарами не называли.

К концу XII — началу XIII в. с развитием производительных сил и под влиянием более культурных соседей — кочевых скотоводческих племен, начался процесс разложения первобытнообщинного строя у лесных монголоязычных племен. Основное богатство монгольских скотоводческих племен (татар, кэрэитов, найманов и других) составляли мелкий и крупный рогатый скот и лошади. Овцы играли у монголов первостепенную роль. Верблюдов было мало. О роли лошади в жизни кочевников-монголов китайский историк Мэн Хун писал: «Татары рождаются и вырастают в седле и на лошади; они сами собой научаются сражаться, потому что их жизнь круглый год проводится на охоте». Лошадь являлась средством передвижения, конь был боевым товарищем в походе, на войне и в облавной охоте, кобылицы давали молоко, из которого монголы выгоняли кумыс. Монголы-кочевники и скотоводы могли вести свое хозяйство лишь в обстановке перекочевок, причем летники и зимники того или иного племени были точно установлены. Это определялось сезонным понятием: летник — зимник. Направление перекочевок обусловлено составом стад: что подходило овцам, не подходило для лошадей. Кочевали монголы куренями (кольцом).

Согласно Рашид ад-Дину, в один курень входило до тысячи кибиток-семей. Пока кочевники-скотоводы жили первобытной общиной, курень был определенной формой кочевания. По мере разложения первобытной общины т. е. классового расслоения, роль индивидуальных семей богатых людей племени увеличивалась. По мере разложения куренного (общинного) способа ведения хозяйства все больше предпочитается кочевание айлами, т. е. отдельными семьями, а не родом. В новых полупатриархально-полуфеодальных отношениях, возникающих у монголов, оно становилось более целесообразной, чем курень, формой ведения кочевого хозяйства.

Процесс перехода от куренной формы хозяйствования к айльной происходил в течение длительного времени. В конце XII — начале XIII в. айл еще не был господствующей формой хозяйствования и кочевания. Это совершилось уже в условиях феодального общества, которое сложилось в период завоевательных походов Чингисхана и его преемников, притом не без воздействия завоеванных земледельческих стран.

В процессе складывания классового кочевого скотоводческого общества немалую роль сыграло домашнее рабство. Оно содействовало сравнительно быстрому выделению богатых и хозяйственно сильных айлов. Рабовладение в Монголии не было столь значительным, чтобы стать основой рабовладельческой общественно-экономической формации. Но оно существовало как уклад в феодальном обществе Монголии на раннем этапе его развития. Необходимо отметить, что термин «монгольский феодализм» в современной научной монголоведной науке подвергается сомнению.

Согласно методологическим размышлениям Н. Н. Крадина и Т. Д. Скрынниковой в работе «Империя Чингис-хана», «внедрение пятичленной марксистской схемы в историю кочевничества не оправдалось. Со временем на вооружение была взята менее идеологизированная схема — деление на так называемых ранних и поздних кочевников. Общества «ранних кочевников» (до середины I тыс. н. э.) рассматривались как догосударственные, раннеклассовые или раннефеодальные. Сложение государственности в форме кочевого феодализма произошло в период существования «поздних кочевников» — в средневековье».

В соответствии с концепцией академика Б. Я. Владимирцова, представленной в монографии «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (автор умер в 1931 г., работа была опубликована три года спустя в незавершенном виде), сущность кочевого феодализма выражается в том, что феодальные сеньоры (нойоны, ханы и пр.) руководили кочеванием зависимых от них скотоводов, перераспределяли пастбища и намечали стоянки. «Раз сеньор владел людьми, то, естественно, должен был владеть и землею, на которой они могли бы жить-кочевать». Таким образом, основой феодализма у кочевников, по его мнению, была власть нойонов и ханов над массой кочевников.

Во второй половине XX в. эти дискуссии были продолжены: одни авторы выступали с идеями, согласно которым основой феодализма у кочевников является частная собственность на скот. Другие отстаивали ортодоксальную позицию, по которой базисом кочевого феодализма является общинная собственность на землю. Между тем исследователи, хорошо представляющие особенности кочевничества, понимают, что при подвижном образе жизни кочевников собственность на землю невозможна. Неравенство выражается в том, что богатый кочевник располагает большим количеством скота и передвигается быстрее (так как у него больше лошадей), чтобы занять более обширные и удобные участки пастбищ.

Также долго обсуждался вопрос, являются ли отношения между богатыми скотовладельцами и берущими от них скот на выпас бедняками эксплуатацией или это форма взаимопомощи в первобытном обществе. Можно утверждать, что неравенство и доминирование всегда существовали и существуют в человеческой истории, а не возникли с созданием государства. Кроме того, система сауна (саун — не специфическая феодальная, а кабальная форма эксплуатации, издольная аренда скота, аналогичная издольной аренде земли у оседлых земледельцев) у кочевников представляет собой особый механизм, функционально обусловленный экологическими условиями и особенностями выпаса животных. Разрушение этой системы привело к кризису скотоводческой отрасли в советское время.

С конца 60-х гг. активно проводились исследования генезиса государственности, которые продолжались в последующие десятилетия. Был пересмотрен вопрос о соотношении классогенеза и политогенеза, выяснилось, что слож-

ная иерархия власти у кочевников возникла задолго до появления частной собственности. Это потребовало нового понятийного аппарата (дофеодальное общество, раннеклассовое общество и др.), позднее из неозволюционизма были заимствованы термины *вождество* и *раннее государство*. Следствием этого стала выработка новых подходов к советской номадологии. Особое значение в этом плане имели работы Г. Е. Маркова и А. М. Хазанова.

Г. Е. Марков определил следующие черты, характерные для обществ кочевников: частная собственность на скот и общинная на землю; племенная структура общества; имущественная дифференциация; вооружение народа с целью препятствования монополии на средства производства и установления крепостной зависимости; типичная общинно-кочевая и военно-кочевая организации; лишь эфемерные империи приобретали характер государственных образований. Главный вывод Г. Е. Маркова: кочевники не смогли преодолеть барьера классовобразования (в разные годы он называл их дофеодальными, предклассовыми или использовал термин «номадный способ производства», входящий в первичную формацию).

Основными методологическими предпосылками работ А. М. Хазанова стали предположения об однотипности моделей эволюции номадов в древности, средневековье и Новое время, о схожести их социальной организации, а также тезис о влиянии окружающего земледельческого мира на процессы, происходившие в степи.

Как отмечают авторы работы «Империя Чингис-хана», «в целом период конца 1960-х — начала 1990-х гг. отличался значительным разнообразием высказанных точек зрения о характере социального строя номадов: 1) *предклассовое общество* у кочевников (С. И. Вайнштейн, К. П. Калиновская, Г. Е. Марков, В. А. Шнирельман и др.); 2) *раннее государство* у номадов (Е. П. Бунятин, С. Г. Кляшторный, Е. И. Кычанов, А. И. Мартынов, А. И. Першиц, А. М. Хазанов и др.); 3) феодализм у кочевников: а) ортодоксальный вариант теории кочевого феодализма (И. Я. Златкин, Л. Н. Потапов и др.); б) «саунная» версия кочевого феодализма (К. И. Петров, С. Е. Толыбеков и др.); в) власть над номадами как основа феодализма (Н. Ц. Мункуев, А. В. Попов, В. С. Таскин, Г. А. Федоров-Давыдов и др.); г) становление феодализма в ходе седентеризации от кочевий к городам (С. А. Плетнева); 4) *номадный* (Г. Е. Марков, Н. Э. Масанов) или экзополитарный (Н. Н. Крадин) способ производства у кочевников. Особняком среди исследований отечественных кочевниковедов всегда стояли работы Л. Н. Гумилева, который был практически единственным, кто в условиях ортодоксального марксистского диктата пытался интерпретировать номадизм в рамках классической цивилизационной теории.

Анализ историографии изучаемой проблемы показывает, что относительно общественного строя кочевников-скотоводов высказывались различные точки зрения. Так или иначе подавляющее большинство исследователей, независимо от их методологической ориентации, согласны с тем, что кочевые общества имеют менее специализированную и структурно дифференцированную социально-экономическую организацию и не способны конкурировать в темпах технологической революции с индустриальными обществами. При этом одни исследователи подчеркивают самобытную природу номадизма и невозможность описания его терминами, выработанными на материале эволюции оседло-земледельческих обществ, другие — пытаются вписать кочевников в рамки общей картины всемирно-исторического процесса.

Пережитки общинно-родового строя, в частности обычаи и верования (шаманизм), сохранялись у монголов еще в течение нескольких столетий, даже после того как феодальный способ производства (назовем традиционно его так) стал господствующим.

К середине XII в. племя монголов создает свое раннегосударственное образование — Хамаг Монгол улус, которое вело с чжурчженями войну, закончившуюся поражением последних. Говоря о методологической проблеме «Хамаг Монгол Улс», следует отметить, что в исторической науке существует две противоположные точки зрения. Одни исследователи полагают, что в данном случае речь должна идти о государстве, пусть даже в рудиментарной форме. Другие полагают, что речь идет о предгосударственных обществах — союзах племен, вождествах и т. д. Главное противоречие заключается в интерпретации двух разных источников. В «Сокровенном сказании» сообщается, что когда-то всех монголов возглавлял Хабул-хан, а после него Амбагай-хаган. В 1161 г. при содействии татар Амбагай попал в плен к татарам, и те передали его в Цзинь, где он был убит. В 1147 г. согласно «Тунцзянь ганьму» чжурчжэньской империи пришлось заключить мир с монголами, «...по которому уступлены монголам 27 укрепленных селений по северную сторону реки Си-пыхин-хэ и положили ежегодно доставлять им (монголам) значительное количество рогатого скота, риса и быков. Сверх сего монгольскому старейшине Холобо Цзиньне предложен был титул мынфуского царя, Мынфу-ван, но он не принял сего титула, а дал своему царству наименование Да-мын-гу го, царство Великого монгола. Ныне заключили мир и ежегодно отправляли значительное количество вещей. После сего монгольский старейшина сам принял титул: Цзу-юань-хуань-ди — праотец-император; правление переименовано в Тьхянь-хин».

Большинство исследователей совершенно оправданно отождествляет монгольского «старейшину» Холобо с Хабул-ханом. Его конфликты с чжурчжэнями начались за десять лет до того, как была совершена неудачная попытка пленить по его приказу чжурчжэньского императора Си-цзуна. Правда, есть большие сомнения, что в данном случае можно говорить о государстве, поскольку уже цитированный источник сообщает: «При первом возникновении [государства] нынешних татар [у них] совсем не было письменных документов. Во всех случаях, когда рассылались приказы, повсюду отправлялись послы, [при этом] вырезались только метки. Принятие пышного титула и претенциозное провозглашение новой политики по аналогии с традициями могущественного южного соседа совсем не обязательно должно свидетельствовать, что государство уже состоялось. В данном случае после смерти Хабул-хагана, гибели Амбагай-хагана и удачного набега на Цзинь Хутулу практически ничего не известно о существовании в монгольских степях могущественной имперской конфедерации».

Рассматривая политическую систему монгольских улусов, необходимо привести существующую в кочевниковедческой науке точку зрения Е. И. Кычанова, развивающего концепцию особой формы государственности у народов, населяющих территорию к северу от китайской цивилизации. Аргументация сводится к следующему: в улусах существовало социальное расслоение, деление на знатных и бедных, имелся институт рабства; улусы могли иметь разнородный этнический состав; они возглавлялись ханом, у которого были нукеры, ставка и администрация улуса, власть передавалась по наследству; в улусах действовали нормы обычного права.

Согласно мнению Т. Д. Скрынниковой, «с этим согласиться трудно, прежде всего потому, что не существовало единого монгольского улуса в форме государства, хотя бы даже первоначального. В улусах не имелось института, способного сохранять целостность образования и обладавшего средствами принуждения. После смерти Есугея его люди убегали к тайчжиутам, и их возвращение не могли обеспечить ни Чарах-эбугэн, направленный к ним для уговоров, ни Оулэн (мать Тэмуджина), совершившая военный поход против сбежавших. Поэтому со смертью сильного лидера его объединение, как правило, распадалось. Случай с тайчжиутами не единственный, можно напомнить также, что после известия о смерти Амбагай-хана состоявший в союзе с ним Хадан-тайши ушел к кереитскому Гурхану, дяде Ван-хана, т. е. даже не к монголам».

Далее она отмечает, что «Е. И. Кычанов совершенно правильно характеризует типичные черты общественного строя монгольских улусов XI–XIII вв. Действительно, там были социальное неравенство, разнотнический состав, наследственная власть и т. д. Однако все перечисленные характеристики прекрасно подходят и для вождества. Под вождеством принято понимать такой тип социально-политической организации, который имеет следующие признаки: социальный организм, состоящий из группы общинных групп; иерархически они подчинены центральной, как правило, наиболее крупной из них, в которой проживает правитель (вождь); опираясь на зачаточные органы власти, вождь организует экономическую, редистрибутивную, судебную-медиативную и религиозно-культовую деятельность общества».

При определении теории и признаков вождества приведем характеристику Н. Н. Крадина:

- политическая иерархия и централизация, наличие центра и зависимых от него социальных групп (общин, племен и т. д.);
- социальная стратификация, ограниченный доступ к ключевым ресурсам, наличие тенденции к отделению эндогамной элиты от простых масс в замкнутое сословие;
- численность населения в несколько тысяч и десятков тысяч;
- перераспределение прибавочного продукта по вертикали (рестрибуция);
- отсутствие узаконенной власти, обладающей монополией на применение силы;
- общая идеология и/ или общие культы и ритуалы;
- сакральный характер власти, иногда теократия.

В 1160 г. Хамаг монгол улус распался, видимо, из-за соперничества членов ханского дома. В конце XII — начале XIII в. в степях Монголии почти завершился процесс перехода от доклассового общества к раннефеодальному (еще раз назовем его так). В каждом монгольском племени уже существовал могущественный слой кочевой знати — нойоны. Рашид ад-Дин в «Сокровенном сказании» приводит много фактов, подтверждающих то, что монголы-кочевники в этот период имели в составе почти всех племен богатых скотоводов, степную скотоводческую знать — нойонов. Система нойонатства имела свою структуру, обозначаемую титулами. А именно: «багатур» — богатырь, «сэчэн» — мудрый, «мэргэн» — меткий стрелок, «бильгэ» — мудрый, «букэ» — силач». Часто они носили титулы, заимствованные у других народов или принятые от китайских императоров.

В процессе классовообразования и складывания раннефеодального государства большую роль сыграл институт «нукерства». Нукеры — друзья, или, по-

европейски, дружинники — близкие сподвижники и слуги нойонов. Только тот нойон имел влияние в своем племени и у соседей, который мог набрать сильную дружину нукеров. За свою службу нукер получал от хана определенное вознаграждение — хуби — в виде некоторого числа зависимых аратских семей и участка земли для их кочевания. Это пожалование в определенной степени сходно с западноевропейским бенефицием. Опираясь на нукеров, нойоны имели огромное количество скота, получили благодаря этому возможность распоряжаться большими территориями пастбищ и источниками воды. В этом заключается одна из особенностей развития феодализма в условиях кочевого хозяйства, где собственность нойонов на землю выражалась в такой своеобразной форме, как право регулирования перекочевов и управления кочевьями. Распоряжаясь кочевьями и распределяя пастбища, луга, знать постепенно принуждала основную массу кочевников выполнять разного рода повинности. Так, албату или харачу (простой народ, черный люд) стали феодально зависимыми людьми.

Во второй половине XII в. у монголов среди многочисленных племен выделяется род Борджигин, кочевавший в долине рек Онона и Керулена, представитель которого Есугей-багатур сумел на короткое время с помощью племени тайчиутов объединить часть монгольских племен. Есугей-багатур, отец Тэмуджина, возвращаясь из поездки, связанной со сватовством юного Тэмуджина, был отравлен враждебным племенем татар в 1164 г. В Монголии в то время шла интенсивная борьба за власть между племенными вождями, опиравшимися на сильные группы своих нойонов и нукеров.

Трое из них — Ван-хан, молодой Тэмуджин и Джамуха — предприняли поход против племени меркитов, вождем которых был Тохтоа. Набег застал меркитов врасплох. Тохтоа со своими нукерами бежал по направлению к р. Селенге, оставив нападавшим большую добычу. Однако союз между победителями меркитов скоро нарушился, между ними началась борьба за установление власти над всеми племенами Монголии. Сражение между куренями Джамухи и Тэмуджина произошло при Далан-бал джут в бассейне р. Онон. Согласно «Сокровенному сказанию», победителем оказался Джамуха. Он не смог воспользоваться этим. От него отделились и перешли на сторону Тэмуджина часть племен урут и мангут. Это обстоятельство помогло Тэмуджину. Укрепило положение Тэмуджина и участие его в организованном Алтан-ханом (цзиньским императором) походе против татарского племени. Тэмуджин привлек к этому походу и Ван-хана кэрэитского. Поход был успешным. Захваченную добычу, в том числе и пленников, Тэмуджин и Ван-хан поделили между собой.

Пока Тэмуджин участвовал в походе против татар, Джамухе удалось укрепить свои связи с рядом родоплеменных групп. На этот раз к Джамухе примкнули татары и тайчиуты, хатагины, салджеуты, хунгираты, меркиты, ойраты и другие. Они решили провозгласить Джамуху своим ханом. Джамуха возобновил вооруженную борьбу с Тэмуджином, однако потерпел поражение. В 1202 г. Тэмуджин договорился с Ван-ханом о совместных военных действиях против меркитов и татар. Ван-хан должен был вести борьбу с меркитами, а Тэмуджин — с татарами. Поход этот закончился почти полным разгромом последних. Ван-хан в это время вел борьбу с меркитами, часть которых была разбита и взята в плен, а остальная часть бежала в сторону Баргуджин-Токум. По окончании этих походов отряды Тэмуджина и Ван-хана двинулись к Алтаю против найманов. Поход этот также был удачен. Однако вскоре после этого началась борьба за власть над покоренными племенами между Тэмуджином и

Ван-ханом. Ван-хан объединился с Джамухой против Тэмуджина. Победителем в этой схватке вновь оказался Тэмуджин.

Победу над Ван-ханом Тэмуджин использовал для дальнейшего укрепления своего положения. В 1204–1205 гг. Тэмуджин, покорив найманов и меркитов, завершил объединение под своей властью всех основных племен Монголии. Он прежде всего занялся организацией войск. По старой степной традиции войско монголов строилось по десятичному принципу. Низшим подразделением был десяток (арбан), 10 десятков составляли сотню (джагун), 10 сотен сводились в тысячу (минган), 10 тысяч составляли тумен, 10 туменов — «знамя» (туг). Отдельной, совершенно самостоятельно действующей войсковой единицей, армией считалось соединение из двух туменов.

Любое войско опять-таки по номадической традиции делилось на три части: центр (кэль), правое крыло (барунгар) и левое крыло (джунгар). Тэмуджин имел собственное войсковое соединение — десяти тысячный корпус личной гвардии кэшиг. Гвардейцами-кэшигтенами становились прежде всего дети знати, самые сильные, храбрые, умелые воины. «Тайная история монголов» приводит слова Чингисхана: «Прежде у меня было только восемьдесят человек ночной стражи (кэбтэул) и семьдесят человек телохранителей (кэшиг). Ныне... пусть наберут 10 000 тысяч человек... Этих людей, которые будут находиться при моей особе, должны набирать из людей сановных и свободного состояния, и избирать ловких, стойких и крепких. Сын тысячника приведет с собой брата да десять человек товарищей, сын сотника возьмет с собой одного брата и пять товарищей».

Особое положение личной гвардии подчеркивалось тем, что по рангу любой кэшигтен был на ступень выше воина и командира того же чина полевых частей. Так, гвардейский рядовой был равен полевому десятнику, десятник — сотнику, сотник — тысячнику и т. д.

Должности и чины в монгольском войске по традиции Чингисхана закреплялись за потомками командиров, которые таким образом становились феодальными владельцами воинов своей части и их семей. Начальники, начиная с тысячника, носили титул нойон-князь, а командиры тумена и более крупных соединений могли быть ханами. При этом на командные посты, вплоть до самых высоких, могли выдвигаться простолюдины — за особые заслуги и таланты. Такими были лучшие и высокопоставленные полководцы Чингисхана. К примеру, Джэлмэ был сыном кузнеца и т. д.

Чингисхан ввел в войске интендантскую службу, командиры которой назывались черби. Они занимались снабжением армии пищей, одеждой, оружием, жилищем, снаряжением. Ведали они хранением и распределением награбленной добычи, из которой доля хана составляла пятую часть и столько же — для командира соединения.

Всему этому способствовали новые виды вооружения и тактика ведения монголами военных действий.

Тема 2. Военное дело и вооружение монголов

Огромное внимание уделялось Чингисханом и его преемниками военному делу, которое в монгольском государстве было на высочайшем для того времени уровне. Перед началом военных действий монголы стремились как можно больше узнать о будущем противнике. При помощи купцов из нейтральных

стран или страны будущего противника, послов и разного рода шпионов собирались сведения о внутреннем положении государства, о его вооруженных силах, они вербовали агентов, склоняли на свою сторону недовольных из властных структур, распространяли ложные и панические слухи, раздували посредством интриг внутренние противоречия между отдельными группировками, чтобы вывести из игры силы, способные оказать сопротивление.

Для разведки боем посылалась военная экспедиция с ограниченным — один-два тумена — контингентом, дабы максимально глубоко оценить военный, политический и экономический потенциал противника. Такой акцией был поход полководцев Субэдэ и Чжэбэ с тремя туменами от Мавераннахра через Иран, Малую Азию, Закавказье, южнорусские степи, нижнюю Волгу и обратно в степи Центральной Азии. Следующим действием было собрание курултая — съезда монгольской знати, в котором принимали участие родственники хана и высшие сановники государства. На курултае обсуждались цели и задачи будущей кампании, ее ход, количество военных сил, направления будущих ударов, назначался командующий и его помощники. И хотя в обсуждении плана военной кампании принимали участие все, право окончательного принятия решения оставалось за ханом.

Вторжение на территорию противника начиналось с нескольких направлений, что преследовало две цели: во-первых, решалась проблема снабжения продовольствием большого количества людей и коней, во-вторых, это дезориентировало противника, заставляло его распылять силы и создавало впечатление вторжения огромной по численности армии. Проникшие на вражескую территорию отдельные колонны действовали как на охоте — «облавой». Они состояли из центра, правого и левого крыльев, арьергарда и авангарда. В обязанности отрядов, шедших по бокам, впереди и позади колонны, входило наблюдение за тем, чтобы она не была застигнута врасплох. Связь между колоннами поддерживалась через посланников или дымовыми сигналами. Воины, шедшие в авангарде, не имели ничего, кроме коней, оружия и войлоков, они не занимались грабежом, ничего не жгли, а только ранили, убивали или обращали в бегство людей. Следом шли основные силы, они, наоборот, забирали все, что могли найти, местное население при этом уничтожали или брали в плен. После этого людей, которых Плано Карпини называл «глашатаями», отправляли разыскивать оставшихся в живых местных жителей. Задача главных сил состояла в том, чтобы уничтожить все очаги сопротивления, чтобы в тылу армии оставались только «дым и пепел».

Водные преграды, по сообщению Плано Карпини, монголы преодолевали следующим образом: к круглым и гладким кожаным по краям пришивали петли, в которые вставляли веревку и завязывали так, что получался большой круглый мешок, который наполняли одеждой и т. п., очень крепко связывали вместе, после этого в середину клали седла и другие более жесткие предметы, люди также садились в середине. «И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед, наравне с лошадей, человека, который управляет лошадей. Или они берут два весла, ими гребут по воде и таким образом переплываются через реку, лошадей же гонят в воду, а один человек плывет рядом с лошадей, которой управляет, все же другие лошади следуют за той и таким образом переправляются через воды и большие реки». Рядовые воины пользовались крепко сшитым из кожи небольшим мешком, такой мешок должен был быть у каждого. В этот мешок клали

платье и все имущество, очень крепко завязывали его, вешали на хвост коня и переправлялись, плывя рядом с лошастью.

Основой наступательной стратегии монголов было уничтожение живой силы противника. При обнаружении места расположения вражеских войск они, имея преимущество в скорости передвижения, проводили разведку боем. Завидя противника, монгольские лучники атаковали его, метали несколько стрел, и если видели, что противник не проявлял слабости, то отступали, заманивая его к месту, где заранее была приготовлена засада. В этом месте неприятеля окружали и истребляли.

Мобильность конных армий была традиционным стратегическим преимуществом кочевников и позволяла монгольским полководцам своевременно менять направление главного удара, концентрировать силы, создавая численный перевес «в нужный момент в нужном месте». «Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда обходят его на один или два пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее, при этом они убивают людей, разрушают и опустошают землю. А если видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или двенадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю. Ибо в войнах весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более». Монгольская конница могла не только быстро передвигаться, но и в сжатые сроки преодолевать большие расстояния. Например, «авангард Субэдэя-багатура в Венгрии за три дня прошел 290 км. Обычные переходы делались по 50 км». Во время переходов обращалось внимание на безопасность передвижения и охрану полевых лагерей. Лагерь укрепляли повозками, окапывали рвом.

Перед началом большого сражения разделенная на части монгольская армия собиралась в единый кулак и всей мощью обрушивалась на противника. Это очень хорошо прослеживается в русской кампании 1237 г., когда разные части войска хана Бату быстро собрались и разгромили самое крупное русское войско великого князя владимирского Юрия на реке Сить. То же повторилось и во время европейского похода 1241 г. — в решающих битвах на реке Шайо в Венгрии и при Лигнице в пограничье Чехии, Польши и Германии. Перед сражением монгольские полководцы выстраивали войско, сами они находились позади его и в битву не вступали, зато при себе имели посаженных на коней женщин и молодежь, а также одетые в доспехи и посаженные на коней чучела, что создавало впечатление большого количества воинов. Подобные хитрости делались, чтобы дезориентировать и морально подавить противника. Приказы подразделениям отдавались при помощи различных знаков или передавались через посыльных. Перед боем полководцы выстраивали войско в несколько линий. В центр и передние линии ставили военнопленных или союзников, в резерве находились монголы и тяжелая конница.

Отряды могли находиться на большом расстоянии друг от друга, так что противник всего монгольского построения не видел. Союзники принимали на себя основной удар, сковывали основные силы противника, а монгольские части заходили в тыл и с флангов, окружали врага и начинали массированный обстрел из луков, рани и уничтожая коней и людей на расстоянии. Всадники отряд за отрядом по кругу проносились перед строем врагов и выпускали стрелы. Хотя монголы были вооружены и экипированы не хуже других народов Евразии,

они предпочитали уничтожать врагов на расстоянии, так как стремились беречь свои войска и избегать больших потерь. Если враг держался стойко, то монголы пытались расстроить его ряды, спровоцировав притворным бегством. Либо предоставляли противнику возможность спастись бегством по заранее приготовленному маршруту и истребляли бегущего, потерявшего строй противника.

Таким образом монголы поступили в 1231 г. в битве при горе Сань-фыншань с корпусом чжурчженских генералов Хэда и Пуа. Когда цзиньцы выступили вперед, намереваясь атаковать, монголы отступили. Китайские военачальники Чжан-хой и Ань-дэ-му расположили свои отряды на горе с десятью тысячами конницы. Когда они намеревались атаковать, монголы опять отступили. Три дня шел снег, китайские воины не видели друг друга, стоя на засеянном льном поле, в грязи и снегу «их копыта, обмерзнув льдом, уподоблялись толстым жердям», они не отдыхали и не ели. Затем подошли свежие силы монголов и окружили гору с четырех сторон.

Монголы питались печеным мясом и попеременно наблюдали за неприятелем, увидев, что цзиньское войско в изнеможении, монголы открыли ему дорогу для побега, а на бегущих напали с двух сторон и в тумане всех перебили. Тот же самый прием был использован в битве с венграми на р. Шайо. Монголы частью переправились ночью на берег, где располагался лагерь венгров, частью через мост, отряд в тысячу человек, охранявший мост, они отогнали выстрелами из семи катапульт и на рассвете окружили лагерь. В окруженном лагере началась паника и беспорядок, брат короля герцог Коломан, Уголан и гроссмейстер тамплиеров два раза безуспешно атаковали монголов, после чего в стане венгров начался еще больший беспорядок и командиры не могли заставить воинов сражаться. Наконец герцогу Коломану удалось собрать часть воинов и вновь атаковать, а пока он сражался, большая часть венгерского войска пустилась в бегство. Монголы пропустили бегущих и не стали по ним стрелять, видя это, остальные воины также пустились в бегство. За бегущими следовали, не стреляя, но и не давая расходиться. Видя, что противник изнурен, монголы напали на него и перебили большую часть венгерского войска. Король Бела спасся из побоища только благодаря скорости своей лошади.

Часто бой заканчивался после массированного обстрела противника, если же дело доходило до рукопашной, то монгольские военачальники руководствовались двумя принципами. Во-первых, войско делилось на отдельные части, которые вводились в бой постепенно, во-вторых, ударная сила концентрировалась на одном направлении, чаще всего на одном из флангов. Фланговый удар мог решить судьбу боя, именно это произошло во время битвы в Тунгуаньском проходе, когда Чингисхан ударил в центр цзиньской армии и потеснил его, а Тулуй с Чугу-кургом с фланга, после чего «началось такое истребление кидатцев, как будто мы ломали сухие сучья», — писал автор «Сокровенного сказания».

На заключительной стадии сражения ослабленного противника атаковала тяжелая кавалерия, ее задача состояла в том, чтобы сломить организованное сопротивление и обратить врага в бегство. Атака велась плотным строем с использованием копий, сабель, мечей и палиц. Бегущего противника всегда преследовали и уничтожали так много, как только могли. Главная роль в истреблении бегущих солдат врага отводилась легкой коннице.

Тактика боя монголов отличалась сочетанием изматывания и сбивания рядов противника путем маневрирования и массированного обстрела из луков и

последующего решающего удара силами бронированных копейщиков. Далее бой перерастал в рукопашную схватку с мечами, саблями, палашами, топорами и палицами. Сломленного и бегущего противника преследовали до полного уничтожения или пленения. В таком построении боя ничего специфически монгольского не было. Так воевали почти все народы Евразии, знакомые с номадическими методами ведения боя. Особенность монголов была в другом — в железной дисциплине, сковывавшей войско, от чего эффект применения различных приемов резко возрастал.

Например, с древности хорошо известен прием кочевников — сбивание рядов врага ложными отступлениями в сочетании с засадами. Этот прием эффективен и в исполнении иррегулярной конной толпы. Но когда его совершает скованное дисциплиной войско, его результативность резко возрастает. Именно таким приемом была выиграна в мае 1223 г. битва при Калке в Приазовских степях, где против 20–30-тысячного корпуса Субэдэ и Чжэбэ выступило коалиционное 60-тысячное войско под предводительством Мстислава Киевского, Мстислава Черниговского, Мстислава Немого, Даниила Галицкого, других русских князей и крупнейшего половецкого хана Котяна. Причем монголы смогли найти себе союзников в лице «бродников» — славянского населения, жившего по берегам Азовского моря и по Дону, прототипа позднейшего казачества, которые находились во враждебных отношениях с князьями черниговским и киевским. Кроме того, монголы попытались применить еще один прием: с помощью переговоров разделить союзников, а потом разбить их по частям, однако русские князья не поддались на эту уловку и продолжили совместно с половцами поход. К слову, монголы ранее таким же образом разъединили силы половцев и аланов, после чего разбили по раздельности и тех, и других. Все силы русских и половцев соединились у Олешья, недалеко от Днепра, где впервые были замечены сторожевые полки монголов, Мстислав Галицкий с тысячей воинов стремительно перешел вброд реку и ударил по ним, нападение, видимо, было столь стремительным, что монголы не успели ничего предпринять и были разбиты. Оставшиеся в живых вынуждены были прятать своего «воеводу» Гамебьяка, которого нашли половцы и с разрешения Мстислава Галицкого убили. Узнав о стычке, через Днепр стали переправляться и остальные русские князья. В следующем столкновении русские стрелки, по сообщению летописца, «прогнали их (т. е. монголов) далеко в поле, рубя их; взяли они их скот и вернулись назад со стадами». В этот раз, по нашему мнению, произошло столкновение русских и монгольских легких конных стрелков, в котором монголы устроили притворное бегство, оставляя для убедительности свой скот мнимым победителям, после чего русские 8 дней преследовали «отступающих» монголов. Войска коалиции, видя отступающие мелкие отряды и стада добычи, растянулись по жаркой маловодной степи.

Преследование окончилось 31 мая 1223 г. у р. Калка. Сначала произошло столкновение дозоров, затем по велению Мстислава Галицкого Даниил Романович перешел с полками реку, следом шел сам Галицкий князь, переправившись, они стали станом, а когда дозор сообщил о появлении татар, начали готовиться к сражению, при этом не известив остальных князей. Первыми в бой вступили Даниил Романович, Мстислав Немой, Олег Курский, а следом половцы под предводительством Яруна. Первыми, не выдержав напора монголов, бежали половцы, при этом ими были потоптаны станы своих союзников, которые не успели построиться в боевой порядок и были разбиты.

В то время, пока монголы истребляли полки князей, переправившихся на другой берег Калки, князь Мстислав Романович Киевский, его зять князь Андрей и Александр Дубровский преспокойно наблюдали за этим с другого берега реки. Они разбили стан на горе и укрепили его оградой из кольев. Монголы преследовали разбитые русские полки до Днепра, а у возведенного киевлянами укрепления оставили двух воевод Чегирхана и Тешухана. Осажденное на горе войнство Мстислава Киевского три дня отбивало приступы, после чего, поверив предводителю бродников Плоскине, Мстислав и два других князя сдались, надеясь на то, что их выпустят за выкуп. Но Плоскиня передал князей монголам, которые впоследствии князей умертвили. После этого укрепление было взято, а все русские перебиты. По другой версии, Мстислав сдался вместе с войском, которое вышло из укрепления по условию договора без оружия и было полностью истреблено.

В источниках встречается сообщение, согласно которому за бегство с поля боя одного человека казнили весь его десяток, за бегство десятка — всю сотню. Однако собственно монгольским частям такие меры не грозили, согласно «Сокровенному сказанию», наказывался только сам провинившийся — «Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи. Ведь после окончательного разгрома неприятеля добыча эта от нас не уйдет. Сумеем, поди, поделиться. В случае же отступления все мы обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать свое прежнее место. Голову с плеч тому, кто не вернется в строй и не займет своего первоначального места!» Кроме того, не в правилах степных витязей было бежать с поля боя, вот слова Бельгутаи-нойона из «Сокровенного сказания»: «Если заживо попустить «товарищу» снять свой саад, то какая польза живу быть. Не добро ли рожденному мужем лечь костями рядом со своим луком и прахом витязей?». Степная пословица гласит: «Место костям воина и его коня в поле, позор умереть дома в юрте от старости или болезни».

Не последнюю роль в военных успехах монголов играла высокая подготовка отдельных бойцов. По сообщению Чжао Хуна, «татары рождаются и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться. С весны до зимы (они) каждый день гоняются и охотятся». Как и у других кочевников, огромное значение в военной подготовке монголов имели облавные охоты, которые являлись своего рода тактическими учениями. В «Великой Ясе», своде законов Чингисхана, говорится по этому поводу: «Когда нет войны с врагами, пусть предаются — учат сыновей, как гнать диких зверей, чтобы они навыкли к бою и обрели силу и выносливость, и затем бросались на врага как на диких животных, не щадя себя».

Монголы были одними из немногих кочевников, которые научились брать штурмом практически любые города и крепости. Перед тем как приступить к осаде хорошо укрепленного города, монголы опустошали всю округу, чтобы лишить гарнизон возможности пополнять запасы продовольствия. По возможности они старались выманить гарнизон крепости на открытое место и там его истребить. Иногда монголы отходили от города на несколько десятков километров, потом стремительно возвращались и внезапным нападением брали город. Таким приемом взял Дун-Цзин Восточную столицу чжурчженей Джэбэ, подобным образом Каданом был взят город Рудин в Венгрии. Этот полководец скрытно подошел к городу, а когда ему навстречу выступили вооруженные горожане, он притворно отступил. На радостях горожане предались бурным возлияниям, отмечая победу, а монголы неожиданно вернулись и ворвались в го-

род, почти не встречая сопротивления. В других случаях монголы обносили город частоколом или тыном, иногда строили большие деревянные башни, окружали валом и рвом, таким образом полностью его блокируя. На валу устанавливали метательные машины и методично обстреливали город. Для ведения осадных работ и для штурма с близлежащей округи сгонялось все трудоспособное мирное население. Обстрел и осадные работы не прекращались ни на один день. Причем монголы отдыхали от боя, так как разделяли свое войско на отряды и те по очереди вели обстрел или какие-либо инженерные работы, защитники же часто не имели возможности меняться на стенах и поэтому быстро выматывались.

Город обстреливался разного рода зажигательными снарядами, если поблизости не находили достаточного количества камня, то стреляли разбитыми на части мельничными жерновами или вымоченными в воде деревянными чурками. Если город стоял на реке, то монголы старались его затопить. Речное русло выше по течению перекрывалось плотиной, затем ее разрушали, и город или укрепление оказывалось затопленным. В других случаях, если это было возможно, делался подкоп, а когда он был готов, город забрасывали зажигательными снарядами и одновременно шли по прорытому подкопу, тогда часть защитников вынуждена была бороться с огнем, а вторая часть в это же время отражать приступ. В случае, если город держался и не поддавался ни на какие уловки, его окружали и брали измором.

Одной из особенностей военного дела монголов и некоторых других кочевников Центральной Азии было перенесение базы снабжения материальными и людскими ресурсами на территорию противника. При наступлении монголы частью уничтожали воинские соединения противника, частью включали в состав собственного войска, дисциплина в таких подразделениях поддерживалась жесточайшими наказаниями, за бегство одного казнили весь десяток, а за бегство десятка казнили всю сотню, о чем мы уже говорили ранее. Война таким образом становилась выгодным делом, на содержание собственной армии не требовалось практически никаких затрат, армия снабжала сама себя необходимым продовольствием и фуражом и к тому же приносила монгольским ханам огромный доход в виде захваченной добычи.

Военное дело монголов основывалось на традициях тюрко- и монголоязычных кочевников восточной части Центральной Азии. В то же время следует отметить, что значительное влияние на оружие и доспехи монголов оказали восточные соседи чжурчжени. Комплекс вооружения монголов соответствовал общему уровню его развития в кочевом мире в эпоху развитого средневековья. По мере расширения завоеваний монгольское оружие становится образцом для заимствования и определяет направленность вооружения во всем кочевом мире, с одной стороны, а с другой — впитывает в себя элементы вооружения подчиненных народов. По мнению некоторых ученых, именно после столкновений с монголами в Европе начинается процесс усиления рыцарских доспехов. Заимствуется один из видов пластинчатых панцирей с внутренним креплением пластин, от которого ведут свое происхождение русский куяк и западная бригантина. Более широкое распространение в Европе получает конский доспех. Развитие доспехов на Ближнем и Среднем Востоке предлагается рассматривать как местный вариант эволюции монгольского доспеха. Существенным новшеством для кочевников было освоение монголами осадной техники, способствовавшее завоеванию оседло-земледельческих государств.

Формы военной организации у монголов были также глубоко традиционными для кочевников Центральной Азии. Централизованная военно-административная система деления войска и народа, унаследованная от предшественников, была доведена монголами до совершенства. Черты «регулярности» и профессионализма были распространены с гвардии на всю армию. Существенным нововведением было появление технических и вспомогательных подразделений, службы снабжения. Монгольская армия стала массовой, регулярной и профессиональной. Ее личный состав отличала профессиональная подготовка и дисциплинированность, командный состав — большой опыт и умение.

Применяя традиционные тактические приемы ведения боя, монголы достигли необычных, ошеломляющих по масштабам результатов. Конечно, этому способствовала в ряде случаев благоприятная военно-политическая ситуация. Военное дело монголов и по уровню развития вооружения, и по форме военной организации, и по развитию военного искусства необходимо признать наивысшей точкой эволюции военной сферы жизнедеятельности в кочевом обществе. Однако в нем отчетливо проявились и противоречия — гипертрофированное усиление наступательной мощи в ущерб обороне, захваченные огромные территории невозможно было удержать только силой оружия. Монгольская военно-административная система и государственность начали разрушаться уже в процессе своего создания, а с течением времени пали под напором центробежных тенденций и в результате сопротивления покоренных племен и народов. Тем самым были продемонстрированы ограниченные возможности эволюции кочевого общества в военной сфере жизнедеятельности, даже в период ее максимального подъема.

В военную историю монголы вошли как превосходные лучники. Еще в хрониках эпохи Тан отмечалось, что в качестве «боевого оружия они имеют луки из рога и стрелы из дерева ху и стреляют очень метко». Многие средневековые авторы говорили о монголах как о народе лучников. Император Священной Римской империи Фридрих II отмечает, что монголы — «бесподобные стрелки», Матвей Парижский в «Великой хронике» пишет, что они «несравненные лучники», которые «без усталости сражаются копьями, палицами, секирами и мечами, но предпочтение отдают лукам и метко, с большим искусством из них стреляют». Один из венгерских епископов говорил, что луки у монголов более мощные, чем у венгров и команов (половцев), и что монголы более искусные лучники. О том, что монголы лучше половцев стреляют из луков, говорил один из участников битвы на Калке галицкий воевода Юрий Домаречич. По сообщению русского архиепископа Петра, сбежавшего от татар, монгольские женщины также были прекрасными лучницами и в качестве лучников могли участвовать в сражениях наравне с мужчинами.

Основным оружием монголов служил лук, в памятниках монгольской культуры детали луков, стрел и колчанов являются самой частой находкой. Каждый монгол должен был иметь «два или три лука или, по меньшей мере, один хороший». Все монгольские луки были сложносоставными рефлексивными, то есть изготовлялись из нескольких видов материала: дерева, рога, кости, сухожилий крупного рогатого скота, причем со снятой тетивой лук выгибался в «обратную» сторону. Основу лука делали из дерева, с наружной стороны, обращенной во время выстрела к врагу, приклеивали специальным образом выделанное сухожилие, с внутренней стороны посередине приделывали так называ-

емую фронтальную костяную накладку. Две роговые пластины приклеивались на плечи, концы лука также усиливались костяными накладками с вырезом для тетивы. Плечи луков обклеивались вываренной в олифе берестой, а иногда еще и тонкой кожей, и расписывались узорами, после чего покрывались лаком, чтобы уберечь лук от сырости. Луки отличались размерами и расположением усиливающих накладок. Монгольский лук был очень тугим, сила его натяжения, по некоторым данным, равнялась 60 кг.

Судя по археологическим находкам, древки стрел монголы изготавливали из березы, несколько экземпляров, найденных в Забайкалье, были оклеены тонким слоем бересты. Стрелы имели расширяющийся конец с арочным вырезом — ушком для натягивания тетивы. Оперение на имеющихся экземплярах не сохранилось. Древки стрел обычно окрашивались в красный цвет. Общая длина стрелы достигала примерно 80 см. Все наконечники стрел были черешковыми и имели различную форму пера. Они могли быть трехлопастными, плоскими, трех- и четырехгранными, ромбическими линзовидными и четырехугольными. Наконечники изготавливались из стали и закалялись в соленой воде. Количеством преобладали широкие, до 4–5 см, и плоские наконечники, предназначенные для стрельбы по не защищенным доспехами людям и лошадям противника. На северной периферии Монгольской империи пользовались костяными наконечниками, на территории собственно Монголии их применяли довольно редко. Крупные железные наконечники стрел иногда снабжались костяными свистунками биконической формы с округлыми, прямоугольными и овальными отверстиями. Встречаются свистунки без отверстий.

Лук с надетой тетивой помещался в налуч, сшитый по форме лука из кожи, его подвешивали на стрелковом поясе слева. К петле поясной обоймы он либо привязывался непосредственно, либо надевался на раздвоенный крюк, привязанный к петле.

Стрелы хранились в колчанах двух типов. Первый — плоский, приблизительно прямоугольной формы, шился из кожи и украшался как и налуч, нашивками и аппликацией, узорными накладками из металла и кости. Второй в виде узкого длинного футляра имел закрытое устье-карман с крышкой сбоку. Часто карман делали расширяющимся вверху, с верхом округлой или веерообразной формы. Такой колчан сшивался из нескольких кусков и слоев бересты, также берестяные колчаны делали на каркасе из деревянных реек или железных прутьев. Иногда поверх (или вместо) бересты его обтягивали кожей. Подвешивался он справа, за ремешки, продетые в специальные костяные, реже деревянные фигурные петли на верхнем ребре колчана. Богатые колчаны покрывались костяными пластинами с гравированным узором, представлявшим чисто монгольское искусство орнамента. Монголы также использовали саадаки, так назывался весь набор для стрельбы конного лучника — лук с налучьем и колчан со стрелами.

В ближнем и рукопашном бою монголы применяли копья, мечи, сабли, палаши, топоры, булавы и кистени, для добивания раненого противника могли использовать ножи. Монгольские копья имели наконечники разных типов: широкие уплощенные, ромбические, граненные, узкие и даже в виде длинного ножа на втулке. По свидетельству современников, также использовались копья с крюком на втулке, которым, если могли, стаскивали человека с седла, однако такие наконечники копий в монгольских памятниках не встречаются, но зато они известны у чжурчженей, воинские подразделения которых, как известно,

входили в состав монгольских войск. Для монголов были в основном характерны копья с длинными узкими наконечниками, удлинненно-треугольных или удлинненно-ромбических очертаний, рассчитанные на большую глубину проникания. Такие копья были универсальными и применялись как для преодоления неметаллической защиты, так и для пробивания панцирной брони. Достаточно редки копья с широким пером, рассчитанным на нанесение рваной раны легковооруженному всаднику. Древки и втулки копий служили для укрепления бунчуков и знамен; нижний конец древка снабжался подтоком. Во время езды копьё удерживалось на спине за правой рукой при помощи двух ремней: верхнего — под мышкой и нижнего — вокруг стопы. В атаке копьё держали или «по-азиатски» — двумя руками, или «по-рыцарски» — правой рукой, зажав нижний конец под мышкой. В ходе конного боя на близком расстоянии, когда уже невозможно было пользоваться луком, монголы применяли дротики. Наконечники дротиков были с удлинненно треугольным пером и конической втулкой. В развалинах монгольской столицы Кара-Корума был найден плоский шипастый наконечник с черешком, на котором была винтовая нарезка, по мнению ученых, это оружие было привезено из далеких зарубежных походов.

Основным видом монгольского клинкового оружия была сабля. В источнике говорится: «Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые». На территории Байкальского региона были найдены три слабоизогнутые сабли с пластинчатым перекрестием. Длина целого клинка 74 см, ширина — 4 см, высота рукояти — 9 см. Кончики у двух остальных клинков обломаны. Перекрестья прямые, пластинчатые, у одного клинка оно съемное, округлой формы, с прямоугольным отверстием для черена рукояти. Черены у рукоятей высокие, узкие. У всех трех экземпляров имеется заметное отклонение черена в сторону лезвия либо спинки клинка.

Кроме сабель монголы пользовались мечами. Это мог быть двулезвийный меч китайского или мусульманского типа, иногда чисто рубящий с закругленным концом, обломок такого меча был найден при раскопках Кара-Корума. В западных регионах империи чингисидов — в Иране, на Ближнем Востоке, в Восточной Европе — монгольский меч быстро оформился под влиянием оружия этих регионов.

Более традиционным оружием для монголов был однолезвийный палаш с прямой или чуть изогнутой, поставленной под углом к лезвию рукоятью. Подобные палаши — очень старая восточно- и центральноазиатская традиция. У монголов такие палаши обладали длинным нешироким клинком с перекрестием в виде узкого ромба и навершием в виде сплюснутого наперстка. Клинок под перекрестьем оковывался железной обоймой с «языком», иногда фигурно вырезным, охватывавшим участок лезвия.

Из ударного оружия использовали булавы. Они были не только боевым, но и почетным оружием, знаком власти. Булавами же были вооружены телохранители монгольских владык. Булавы, которыми пользовались монголы, были чрезвычайно разнообразны. Их рукояти имели обычно около 50 см длины, но нередко 75 см и более. Известны не только изображения, но и археологические находки булав. Они были двух видов: сплошные, с отверстием или выступающей втулкой для рукояти. Ударная часть их была шарообразной, иногда использовались перначи, то есть радиально расходящиеся от втулки вертикальные лопасти треугольной, полукруглой, трапецевидной, сложновырезанной формы. Навершия монгольских булав отливались из бронзы и чугуна, ковались из желе-

за, иногда даже вытачивались из камня. На длинное иногда древко сбоку крепилось железное кольцо для ременной петли.

Могли использовать также и кистени — боевые гири, соединявшиеся посредством ремня с древком. Они отливались из бронзы или железа. Кистени имели форму бочонка, груши. Встречается железная ударная часть в виде маленькой булавы с круглой головкой.

В письменных источниках среди вооружения монголов также упоминаются топоры. Изредка они встречались и среди археологических находок. По форме насада они делятся на проушные и черешковые. Топоры первого типа с узким лезвием и высоким обухом-противовесом известны в комплексе вооружения древних тюрков, кыргызов и чжурчженей. Судя по единичной находке, широкого распространения они не получили. Среди археологических находок встречаются топоры с черешковым насадом — необычное явление для средневековых кочевнических культур Центральной Азии. Исследователи, касавшиеся их описания, с сомнением относятся к возможности их боевого применения.

Защитное вооружение монголов было представлено панцирями, кольчугами (после завоевания Средней Азии), шлемами, ожерельями, наручами и щитами. В боевой практике монголы использовали ламеллярные, ламинарные, комбинированные ламинарно-ламеллярные, пластинчато-нашивные с внутренним креплением пластин «бригантины», а также панцири, изготовленные из мягких материалов — кожи, войлока, меха, плотной простеганной на конском волосе или вате ткани. Ламеллярные панцири изготавливали из железа, стали, толстой твердой кожи, покрытой лаком. Ламинарные изготавливались из прессованной в три слоя бычьей кожи, они также покрывались лаком и часто расписывались узорами. Основа бригантины изготавливалась из кожи или плотной ткани, с изнанки к ней приклепывались или пришивались железные или стальные пластины.

Ламеллярные панцири имели покрой двух типов: корсет-кираса и халат. Панцирь покроя «корсет-кираса» состоял из нагрудника и наспинника с плечевыми лямками из ремней или полос ламеллярного набора, а то и стальных горизонтальных полос. На миниатюрах встречаются изображения, где кираса представляет собой жилет с разрезом спереди. Нередко носилась только кираса, но чаще она дополнялась прямоугольными набедренниками и наплечниками, которые крепились соответственно к подолу и лямкам, или только набедренниками. Крепились они либо наглухо либо пристегивались ремешками с пряжками. Панцири типа «халат» по покрою были похожи на одноименную одежду, обычно они были довольно длинными, до середины голеней, имели либо прямой осевой разрез, либо запахивались слева направо, сзади для удобства при верховой езде был сделан разрез от подola до крестца, так что нижняя часть образовывала очень широкие набедренники-наножики. У «халатов» всегда присутствовали оплечья, обычно прямоугольные, но встречались и оплечья в форме вырезанного листа. Соединение нагрудной и наспинной части на плечах не видно, но надо полагать, что оно состояло из одной-двух лент ламеллярного набора или широких кожаных либо металлических лямок, к которым крепились оплечья. Иногда наплечья соединены у горла и на шее и образуют отдельную пелерину, как в киданьских, сунских и цзиньских доспехах. Обычно панцирь-халат был довольно длинным, но встречались варианты, доходящие лишь до крестца. Эти панцири-куртки имели округленные снизу полы и листовидные

оплечья. Ламинарные и комбинированные ламеллярно-ламинарные панцири по покрою были идентичны ламеллярным.

В XIII в. у монголов появляются доспехи, пластины которых приклепывались или пришивались к основе панциря с изнанки, так что снаружи виднелись только ряды заклепок, покрытых медью, латунью или позолотой. Данный доспех имел покрой в виде халата с прямым разрезом спереди, разрезом подола сзади и оплечьями в виде вырезанного листа. После покорения кыпчакских степей, Средней Азии и Ирана монголами стала применяться кольчуга. Судя по изображениям на иранских миниатюрах и археологическим находкам на территории Восточной Европы, использовались кольчуги двух видов: короткие, до бедер или немного ниже, с горловым вырезом и иногда с разрезом подола спереди и сзади; длиной до колен, в виде халата со сплошным разрезом спереди, иногда с косым запахом. Рукава кольчуг всегда делались короткими не ниже локтя. Подол и рукава нередко оплетались по краю рядами латунных или золоченых колец.

Практически все рядовые воины носили панцири из мягких материалов, которые монголы называли «хатангу дэгэль» — «твердый халат». Такой панцирь мог быть и чисто парадным, то есть покрывался сверху дорогими тканями. По покрою он мог быть аналогичен бригантине, но также мог быть скроен в виде халата с длинными рукавами и косым запахом или длиннополого халата с короткими рукавами, сплошным разрезом спереди и разрезом подола сзади, длиннополого жилета с боковыми разрезами подола, короткополой куртки с фигурными оплечьями и разрезом спереди. Первые два вида всегда шились из плотной ткани, простеганной горизонтальными или диагональными полосами, в последнем случае на поверхности «хатангу дэгэль» образовывался ромбический рисунок.

Ламеллярные, ламинарные панцири, бригантины и кольчуги обеспечивали хозяину относительную безопасность во время боя и выдерживали удары холодным оружием, но смягчить энергию удара они не могли, поэтому под основной доспех часто надевали стеганный халат или несколько простых халатов.

Шлемы монголы изготавливали из железа или меди и снабжали их такими дополнительными защитными деталями, как бармица, на уши и на затыльники. Купол шлема обычно делался из нескольких сегментов (4–6), которые соединялись при помощи накладных полос, часто фигурно вырезанных по краям. К верху тульи прикреплялось навершие в виде втулки для султана, конусообразного шпиля, штырька с кольцом или без и подвершие в виде чаши или розетки. Впрочем воронкообразную втулку могли крепить непосредственно к тулье. К нижнему краю шлема обычно приклепывали обод, который мог состоять из нескольких частей. В лобной части шлема часто делались надбровные вырезы, они делались на ободке или налобной пластине, которая могла быть фигурно вырезана. У монголов бытовали ламеллярные, ламинарные, стеганные, в западных регионах империи кольчужные и чешуйчатые бармицы, а также бармицы из цельных кусков толстой мягкой кожи и войлока, которые часто расписывались узорами. Бармица могла быть открытой, в этом случае она закрывала затылок и лицо с боков, ее обычно выкраивали в виде прямоугольника или трапеции, часто с закругленными углами, и полузакрытой, прикрывающей еще и горло; а также закрытой, закрывающей лицо до глаз. На иранских миниатюрах, где, по мнению некоторых ученых, изображены монгольские воины, встречаются шлемы с защитой лица, которые можно трактовать как полумаски, наносники с

нижним краем в виде трилистника. В сборнике летописей Рашид ад-Дина упоминаются забрала в виде маски-личины.

Использовали в монгольской армии и дополнительные защитные детали, такие как ожерелья, зеркала и поножи. Ожерелья, судя по изображениям (в натуральном виде они до нас не дошли), были чрезвычайно популярной частью монгольского доспеха в XIII–XIV вв. Их делали из кожи, видимо весьма толстой, обычно расписной, реже одноцветной, с металлическими бляшками. Встречаются кольчужные ожерелья и ожерелья, набранные из металлических пластин ламеллярным способом. Зеркала, обычно круглые металлические пластины, крепились к ламеллярным халатам и курткам по одному в центре, нагрудной и наспинной частях, либо попарно на груди и по одному на оплечьях. Имеется изображение, на котором к мягкому доспеху в виде халата с косым запахом крепится большое прямоугольное зеркало. Ему придавалась еще и магическая функция: считалось, что враждебные духи не трогают того, кто его носит. Очень редко, лишь с начала XIV в., на миниатюрах фиксируются наручи. Створчатые наручи, издавна известные в Средней Азии, монголы переняли именно там, хотя на раннем этапе существования империи ими пользовались редко. Совсем мало применяли поножи в виде сплошной пластины на голени или из набора узких горизонтальных пластинок.

Щиты монголы использовали не часто. Судя по всему, их изготавливали из дерева, обтягивали кожей и усиливали металлическим умбоном в центре и оковкой по краям, плели из концентрически сплетенных гибких и прочных прутьев (ива, бамбук и др.), соединенных сплошной обвязкой из разноцветных нитей, которые образовывали узор, в центре такие щиты усиливались металлическим умбоном, их диаметр равнялся 50–70 см. Возможно, некоторые щиты диаметром до 40 см делали из твердой многослойной кожи, а иногда, может быть, из стали. Кроме того, монголы использовали при осаде и в бою для создания полевых укреплений станковые щиты, известные в письменных источниках под названием «чапар». Это были большие, от земли до верха груди, прямоугольники, представляющие собой деревянную раму, заполненную переплетенными прутьями.

Монгольская знать и лучшие воины снабжали доспехами своих боевых коней. О кожаных, крепких, как железо, конских монгольских панцирях писали многие авторы XIII в. — западноевропейские хронисты, киликийский царевич Гетум. В Ипатьевской летописи при описании татарского защитного вооружения дружины Даниила Галицкого отмечены конские доспехи — личины (маски) и кояры (панцири). Плано Карпини подробно описывает ламеллярный железный и ламинарный кожаный конские панцири монголов, состоявшие из пяти частей: нагрудника, двух боковин, накрупника и нашейника из двух частей, висевших по бокам шеи. Конские доспехи монголов из твердых материалов восходят к киданьским и сунским образцам.

Необходимой принадлежностью монгольского конского доспеха было оголовье — железное либо из твердой кожи. Судя по миниатюрам, оно формировалось из одного куска, но Карпини говорит о налобной пластине, к которой крепились сегментовидные нащечники, как у киданьских, китайских и всех позднейших дошедших до нас конских оголовий Востока.

В целом комплекс вооружения и военного дела монголов в этот период превосходил военную тактику и стратегию, а также вооружение покоренных ими стран и народов.

Тема 3. Формирование Монгольского государства. Завоевательные войны Чингисхана и его преемников

Джучи́ (каз. Жошы, ок. 1184 — ок. 1227) — старший сын Чингисхана и его первой жены Бортэ из племени унгират

Полководец, участвовавший в завоевании Средней Азии, командовавший самостоятельным отрядом в низовьях Сырдарьи. Наследственные земли его потомков — улус Джучи (с 1224) в западной части Монгольской империи — в русской историографии известны как «Золотая Орда».

Угэдэй, Огодай, Огодэй (монг. Өгэдэй хаан, ок. 1186 — 11 декабря 1241) — третий сын Чингисхана и Бортэ и преемник своего отца в качестве кагана Монгольской империи (1229–1241)

Выстроив свою систему организации войска, Тэмуджин организовал 95 отрядов по тысяче человек. Кроме того, как указывалось ранее, была создана личная гвардия монгольского хана. Формирование вооруженной силы усилило процесс образования монгольского государства. Укрепились феодальные отношения, которые возникли в монгольском обществе еще в конце XII в.

«Сокровенное сказание» содержит данные о первых мероприятиях Чингисхана по организации управления обширными территориями Монголии. Чингисхан начал с выделения улусов для своей матери, сыновей и младших братьев. Матери вместе с дядей Даритай-Отчигином дал 10 000 семей, Джучи выделил 9000 семей.

Чагата́й (Джагата́й) (1185–1242), монгольский государь, второй сын Чингисхана и Бортэ

Чагадаю — 8000 семей. Еще при жизни своего отца он слыл лучшим знатоком Ясы и пользовался авторитетом во всех вопросах, связанных с законами и обычаями. Потомки Чагатая правили в Средней Азии в XIII–XIV веках. Угэдэю — 5000.

Толууй, Тулуй (монг. Толуй; 1186/1190 или ок. 1193–1232) — четвертый, младший, сын Чингисхана и Бортэ

мен под единым началом. Лишь однажды он отдалился от Чингисхана, когда шаману Кокочу удалось на короткое время рассорить ханскую семью. Когда Чингисхан разделил свою империю на улусы, то Хасару был выделен улус к западу от хребта Большой Хинган, между реками Аргунь и Хайлар. Из братьев Чингисхана только потомки Хасара получили права царевичей (остальные вошли в состав аристократии). Алчидаю — 2000 и Бэлгутэю — 1500 семей.

Раздача улусов ближайшим родственникам способствовала укреплению положения правящей династии и централизованному управлению страной. Образование монгольского государства содействовало ускорению процессов сло-

Хасар (монг. Хасар) или **Джочи-Хасар** (1164?—1213?) — сын Есугея и Оэлуи, родной (младший) брат Чингисхана

Продолжил экспансионистскую политику Чингисхана. Подобно другим его сыновьям участвовал в походах на Северный Китай и Среднюю Азию. Тулуу — 5000. Осуществлял регентство в период междуцарствия (1227–1229). Носил титул Великий нойон (монг. Экэ-нойон, тюрк. Улуг-нойон). В 1251 г. сыном Мункэ ему был посмертно присвоен императорский титул Ин-у хуан-ди («Доблестный и воинственный император») и храмовое имя Жуй-цзун. В 1265 г. четвертый сын Тулуя, Хубилай, присвоил ему другой посмертный титул — Цзин-сян хуан-ди («Блистательный и помогавший император»), Хасару — 4000. За легендарную меткость при стрельбе из лука его еще называли Хабуту-Хасар («Хасар-лучник»). Хасар был верным соратником Чингисхана. Благодаря мнимому предательству Хасара Чингисхану удалось в 1203 г. поймать в ловушку хана кэрэитов Ван-хана и одержать решающую победу в деле объединения монгольских пле-

мен под единым началом. Лишь однажды он отдалился от Чингисхана, когда шаману Кокочу удалось на короткое время рассорить ханскую семью. Когда Чингисхан разделил свою империю на улусы, то Хасару был выделен улус к западу от хребта Большой Хинган, между реками Аргунь и Хайлар. Из братьев Чингисхана только потомки Хасара получили права царевичей (остальные вошли в состав аристократии). Алчидаю — 2000 и Бэлгутэю — 1500 семей.

Раздача улусов ближайшим родственникам способствовала укреплению положения правящей династии и централизованному управлению страной. Образование монгольского государства содействовало ускорению процессов сло-

ликим ханом. Дата рождения и смерть Чингисхана продолжают оставаться дискуссионными в монголоведной науке. Отметим, что Чингисхан — не имя, а титул, подчеркивающий первенство, это подтвердили на большом курултае 1206 г. все монгольские князья. Значение титула «Чингис» также дискуссионно: «Чингис» или «Тэнгис» монголы называли море, это было отдельное божество в пантеоне шаманизма. Возможно, оно связано с именем Тэнгэри — космического бога всех монголов. Анонимный автор «Сокровенного сказания монголов» так и переводит: Чингисхан — Хан волею Вечного Синего Неба. А имя, данное Чингисхану при рождении, — Темучжин, значит «кузнец». Оно родственно тюрко-монгольскому корню «тумур» — «железо».

Причина образования империи Чингисхана — самый интригующий вопрос в монгольской истории. Представляется целесообразным рассмотреть его, по Н. Н. Крадину, через призму современных концепций политогенеза. С этой точки зрения возникновение ранней государственности и ее аналогов зависит от многих внутренних и внешних факторов, к числу которых наиболее часто относят экологические условия, производящее (как правило) хозяйство, демографический фактор, используемую технологию, внешнюю торговлю, кастовую эндогамию и др.

В настоящее время большинство историков, антропологов и археологов признают, что возникновение государственности является сложным многовариантным процессом, зависимым от многочисленных переменных. Одна из достаточно популярных концепций связывает возникновение империи Чингисхана с глобальными изменениями климата. Идея о том, что усыхание степи повлияло на нашествие кочевников, высказывалась еще на рубеже XIX–XX вв. многими мыслителями, в частности такими известными исследователями, как Э. Хантаингтон и М. А. Боголепов. Впоследствии ее активными сторонниками были А. Тойнби и Г. Грумм-Гржимайло. Схожего мнения придерживался Л. Н. Гумилев, который, правда, полагал, что причиной является не усыхание, а увлажнение степей. Голодным кочевникам на тощих конях, полагал он, не под силу вести опустошительные войны против земледельческих цивилизаций. Эти идеи высказывались им с середины 60-х гг. XX в. и были развиты им в достаточно стройную концепцию или «теорию пассионарности».

Другая точка зрения связывает генезис Монгольской империи с глобальным похолоданием. Существует мнение, что в 1175–1260 гг. наблюдалось резкое понижение температуры на территории Монголии и ряде других регионов мира. Это, по мнению Г. Дженкинса, могло быть причиной объединения монголов. На наш взгляд, при интерпретации конкретных политических событий представляется более оправданным учитывать не только крупномасштабные климатические изменения, но и катаклизмы локального характера — засухи, наводнения, землетрясения, эпизоотии др.

Чингисхан (монг. Чингис хаан, собственное имя — Тэмүджин, Темучин, Темучжин (монг. Тэмүжин) (ок. 1155 или 1162 — 25 августа 1227)) — основатель и первый великий хан Монгольской империи, объединивший разрозненные монгольские племена

Не совсем ясна и роль демографического фактора в средневековой монгольской истории, хотя исследования показывают наличие достаточно прочной корреляции между плотностью населения и степенью политической централизации. К тому же номады без больших последствий для собственной экономики могли мобилизовать в армию более половины взрослых мужчин, что увеличивало их военную силу и способность подчинять своих оседлых соседей.

Во многих теориях происхождения государства проводится прямая параллель между ростом численности населения и увеличением количества войн. Применительно к кочевникам монгольских степей необходимо учитывать еще одну переменную, которая усложняла зависимость, поскольку увеличение поголовья скота происходило быстрее роста народонаселения и, как правило, приводило к разрушению травостоя и кризису экосистемы в целом.

Выдающийся американский социоантрополог О. Латтимор писал, что номад мог вполне обойтись только животноводческими продуктами, но чистый кочевник — бедный кочевник. Для того чтобы вести более комфортное существование, номадам нужна была пища земледельцев, богатая протеином, они нуждались в изделиях ремесленников — шелке, оружии, изысканных украшениях для своих жен и наложниц. В то же время развивать земледельческий сектор внутри степного общества в значительных масштабах было невозможно, поскольку большая часть территории Монголии не пригодна для подобных занятий. К тому же сами кочевники относились к земледельческому труду с презрением. Чаше они предпочитали перекладывать земледельческую деятельность на мигрантов или пленников. Однако производимая пленниками продукция в целом была незначительна и не могла обеспечить потребности всего степного общества.

Недостающие продукты земледелия и изделия ремесленников можно было получать от соседних оседло-земледельческих цивилизаций или другими способами: торговлей, грабежом, чередованием набегов и поборов, данничеством, непосредственной экспансией и переселением в завоеванную страну. Кочевники использовали все перечисленные варианты. В одних случаях, когда чувствовали свое превосходство или неуязвимость, они без раздумий организовывали набег. В других ситуациях, например, когда соседом было могущественное государство, скотоводы предпочитали вести с ним мирную торговлю. Однако нередко сами правители оседлых обществ препятствовали свободной торговле между номадами и земледельцами, так как она выходила из-под налогового контроля. И тогда кочевникам приходилось отстаивать право на торговлю вооруженным путем, что было характерно для различных регионов и эпох.

Относительно способов решения вопросов экономической нестабильности степных сообществ — мирных или военных — существует большое количество разных точек зрения. Виновниками конфликтов могли быть как номады, так и их оседлые соседи. С одной стороны, при природных катаклизмах война могла быть для них единственно возможным методом преодоления внутреннего кризиса. С другой стороны, земледельцы экономически были более сбалансированными, поэтому они не очень стремились к установлению тесных связей с воинственными соседями. Это правило наблюдалось на всем протяжении исторических отношений «Поля и Степи».

Следует напомнить случай, что в период, когда попал в плен и был казнен как простой преступник один из предводителей монгольской конфедерации

Амбагай-хан, он потребовал перед смертью от родственников и соплеменников отпущения, что совершил впоследствии Чингисхан.

Однако не следует недооценивать милитаризованный характер обществ кочевников, о котором еще писал «отец истории» Геродот. Применительно к рассматриваемому нами времени нельзя не вспомнить также знаменитую сентенцию Чингисхана: «Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет, заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, в том, чтобы сесть на его хорошего хода с гладким крупными меринов, в том, чтобы превратить животы его прекрасных супругов в новое платье для сна и подстилку, смотреть на их розовые ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать!».

Естественно, для успешного ведения войн кочевникам была необходима мощная военная организация. Исследователям удалось подметить интересное обстоятельство: степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации.

Предпосылкой создания степной империи является структурный кризис общества кочевников. Первым шагом для преодоления кризиса является милитаризация, следствием которой было создание военно-иерархической структуры степного общества. Чингис, провозглашенный ханом, с течением времени создает дружину (кешик), вводит десятичную систему. Милитаризация параллельно дополняется появлением харизматического лидера и его сакральной легитимизацией в качестве правителя.

По мнению Н. Н. Крадина, выделяется четыре варианта образования империй кочевников. Первый вариант (монгольский) представляет собой классический путь внутренней интеграции племенного кочевнического этноса в централизованную империю. Как правило, это было обусловлено появлением в среде кочевников талантливого политического и военного деятеля, которому удавалось объединить все племена и ханства, «живущие за войлочными стенами», в единое государство (Модэ у хунну, Таньшихуай у сяньби, Абаоцзи у киданей, Чингисхан у монголов). После объединения кочевников для поддержания единства империи правитель должен был обеспечить поступление ресурсов извне. Если ему это не удавалось, империя разваливалась. Данный вариант образования степной империи ассоциируется с именем Чингисхана. Второй вариант (тюркский) был связан с образованием империи на периферии уже сложившейся степной державы. Данный путь можно проследить на примере взаимоотношений тюрков и жузханей, уйгуров и тюрков. Третий вариант (гуннский) был связан с миграцией кочевников на территорию земледельческого государства с последующим подчинением оседлых жителей (аварская, болгарская и венгерская державы в Европе, эпоха смуты IV–VI вв. в Северном Китае, каракидани в Восточном Туркестане). Четвертый вариант (хазарский) был связан с образованием кочевых империй из сегментов уже существовавших более крупных империй кочевников — тюркской и монгольской. В первом случае империя разделилась на восточно-тюркский и западно-тюркский каганаты (на основе западного каганата позже возникли хазарский каганат и другие квазиимперские образования кочевников). Во втором случае империя Чингисхана была разделена между его наследниками на улус Джучидов (Золотая Орда), улус Чагатаидов, улус Хулагуидов (государство ильханов), империя Юань (собственно Халха-Монголия и Китай).

Впоследствии Золотая Орда распалась на несколько не зависимых друг от друг ханств.

В связи с этим следует отметить, что личные качества правителя являются важным структурным фактором возникновения степной империи. Только при складывании различных внешнеполитических предпосылок (подъем соседней земледельческой цивилизации или ее распад, расширение международной торговли, экологические стрессы и т. д.) кочевники были способны объединиться в единую надплеменную конфедерацию. Данный фактор обычно считается ненаучным для объяснения исторических процессов. Однако все известные основатели крупных держав кочевников (Атей у скифов, Модэ у хунну, Таньшихуай у сяньби, Аттила у гуннов, Шэлунь у жуэнь, Бумын и Капаган у тюрков, Мянчур у уйгуров, Абаоцзи у киданей, Тэмучжин у монголов и т. д.) описываются в источниках как правители с жестким, автократическим стилем правления.

Завершив создание единого монгольского феодального государства, Чингисхан приступил к более широким завоеваниям. Успеху его завоевательных походов способствовали слабость соседних государств, феодальная раздробленность и вместе с тем боеспособность, железная дисциплина и исключительная подвижность монгольских войск. Основой монгольского войска была конница, маневренная и приспособленная к большим переходам. На быстрых конях, вооруженные луком и острыми саблями, одетые в шлемы и панцири из толстой кожи, монголы были почти неуязвимы для стрел противника.

В 1211 г. Чингисхан выступил в поход против империи Цзинь. В 1215 г. после упорной и длительной осады пала столица цзиньской династии Чжунду (совр. Пекин). Успех похода был обусловлен внутривосточной обстановкой, создавшейся в Северном Китае. Страной владела чуждая китайскому народу и ненавидимая им цзиньская («золотая») династия чжурчжэньских завоевателей. Цзиньское государство в результате слабости центральной власти и частых крестьянских восстаний было весьма неустойчивым, что и предопределило поражение войск этого государства в боях с войсками Чингисхана.

Из похода в Китай Чингисхан принес несметную добычу в виде золотых и серебряных сосудов, шелковых тканей, рабов и т. д. Монголы познакомились в Китае с высокой для того времени техникой военного дела, захватили большое количество вооружения. У китайцев научились они искусству осаждать города, пользуясь тяжелыми таранами — стенобитными орудиями, делать особые металлические приспособления, которые забрасывали в город тяжелые камни и глиняные сосуды с горящей нефтью.

Весть о китайском походе Чингисхана и о взятии им Пекина породила массу слухов в Средней Азии. Чтобы проверить слухи и иметь подлинное представление о возможном своем противнике, глава Хорезмского государства хорезмшах Мухаммед отправил в Монголию одно за другим два посольства. Через некоторое время Чингисхан со своей стороны направил ответное посольство. Посольство Чингисхана застало хорезмшаха в Бухаре, где и было им принято.

В 1218 г. Чингисхан направил в столицу Хорезмского государства новый посольский караван с дипломатическими и торговыми целями, которое было по приказу губернатора Отрара убито. Это привело к резкому обострению отношений между двумя правителями, так как по монгольским обычаям убийство послов было жесточайшим грехом. Поэтому правы те историки, которые называют истинным инициатором последовавшего вторжения монголов в Среднюю

Азию самого шаха. Конные армии монголов стремительно двинулись на запад, предавая огню и мечу все, что попадалось на пути. Монголы фактически без сопротивления захватили государство Западное Ляо, против которого был отправлен Джэбэ. Таким образом, дальнейший характер завоевания Средней Азии со стороны монголов был во многом продиктован местью Мухаммеду, виновному в нарушении ранее принятых соглашений и пославшему оскорбительный вызов самому Чингисхану.

В 1218 г. монгольские войска заняли Восточный Туркестан и Семиречье. Чингисхан зимой в 1219–1220 гг. во главе основных сил двинулся в глубь Мавераннахра к Бухаре. Взяв Бухару, Чингисхан отдал этот богатый и культурный город на разграбление своим воинам. В марте 1220 г. был занят монгольскими войсками древний и богатый город Средней Азии Самарканд. Теперь на очереди был поход на столицу Хорезмского государства — город Ургенч. Только после жестокой 4–5-месячной осады в 1221 г. город был взят и предан разгрому, захват города после некоторой задержки был вызван начавшейся уже тогда ссорой между Джучи и Чагатаем за верховенство. В этот же год был захвачен и город Мерв. Крупнейшие очаги цивилизации того времени — Бухара, Самарканд, Отрар, Ургенч, Мерв и другие — были превращены в груды развалин, население почти поголовно истреблено. Весть о нашествии Чингисхана на Среднюю Азию широко распространилась по всему Ближнему Востоку.

Захватив также большую часть Ирана, Чингисхан вернулся в Монголию. Его третий сын Угэдэй, официально став преемником отца на курултае монголов в 1229 г., продолжил завоевания в Средней и Передней Азии. Посланная в Иран армия под командованием нойона Чормагуна подчинила оставшуюся часть Ирана. В 1236 г. монгольские воины двигались в сторону Багдада, который был центром халифата, однако из-за ряда причин отложили завоевание мусульманского города на будущее.

Мощный удар, нанесенный Чингисханом правителям и народу Ирана, не оставил возможности для возникновения и создания нового государства. Именно поэтому после завоевания Хорезма в 1221 г. монголы назначили одного из своих военачальников правителем в этой исконной вотчине Хорезм-шахов. Начинает формироваться данническая форма кочевой империи, когда наблюдается более регулярный характер эксплуатации завоеванных земель.

Впоследствии при Мункэ-хане было совершено два новых похода. В 1253 г. Хулагу-хан завоевал остальную часть Ирана. В 1256 г. он вынудил Рукн ал-дина Хур-шаха, последнего главу исмаилитов, сдаться и покинуть крепость Меймундиз. Так утратилось могущество исмаилитов в Иране.

После этого Хулагу-хан обратил взор на Багдад. В 1257 г. Хулагу отправил халифу послов, призвав его к абсолютному подчинению монголам. Хулагу в феврале 1258 г. вступил в Багдад, убил халифа и его сына Абу Бакра и положил конец 524-летнему правлению Аббасидов (749–1258). Также он взял Алеппо и Дамаск и отправил Китбуку в Египет, однако египтяне убили Китбуку и его сторонников в местечке Айн Джалут. Хулагу сделал своей столицей Мераге.

В связи с закреплением монгольских правителей в Иране образовалось независимое государство. Поэтому Хулагу и его преемники известны как монгольские правители Ирана, или Ильханы. После смерти Хулагу-хана на престол Ильханов воссел его сын Абака-хан. Он сделал своей столицей Тебриз. Абака-хан считал себя независимым и не подчинялся ханскому двору. Чтобы продемонстрировать степень своей независимости, он вел войну с монгольским ха-

ном Берке, сыном Джучи, внуком Чингисхана, и нанес поражение хану Чагатайского улуса Бораку, правившему Туркестаном и Мавераннахром. Он также вел войну с мусульманами Египта, однако не добился заметных успехов. Умер Абака-хан в 1282 г.

После захвата Средней Азии монгольские войска в 1221 г. вторглись в Азербайджан, а затем и в земли Грузии, разрушая все на своем пути, опустошили Хорасан, Афганистан и Мазендаран. Захватив город Шемаху, монголы прошли через горы Северного Кавказа и оттуда дошли до Крыма, где захватили Судак, и вышли в южнорусские степи.

Столкнувшись с кочевыми племенами половцев под командованием хана Котяна, монголы разбили их. Котян-хан, имевший союзные отношения с южнорусскими князьями, попросил у них помощи. Монголы, в свою очередь, направили два посольства для переговоров, так как посольский ритуал с древнейших времен был неотъемлемой частью более общих взаимоотношений различных этносов-социумов. Чрезвычайно большое значение придавалось ему и монголами. Они предлагали заключить договор, статьи которого, вероятно, устно переданные послами князьям, четко зафиксировал древнерусский летописец, возможно, свидетель этих переговоров. Речь шла в основном о разделе «сфер влияния», причем монголы считают своей землей лишь половецкую территорию — своих «холопов» и «конюсев». Однако русские князья отрицательно отреагировали на монгольские предложения исходя из союзнических обязательств перед половцами. Как бы то ни было, русские князья монголам не поверили. Монгольские послы были убиты.

В монгольском обществе к послам относились как к «представителям рода и племени», почему особа посла считалась «священной». Таким образом, русские князья посягнули не просто на послов или непосредственно пославших их вождей, а на весь монгольский «род» как этнос. Кровная обида была нанесена всему многочисленному монгольскому народу. Военное сражение было неизбежно.

Монголы, несмотря на боевую доблесть и беззаветное мужество, проявленные южнорусскими войсками, битву выиграли, почти полностью уничтожив ополчение южнорусских князей. Отсутствие единства между русскими князьями, а также измена участвовавших в этом сражении половцев явились причиной поражения русского войска. Это было первое появление монголо-татар на Руси. На этот раз они ушли из южнорусских земель. Монголы двинулись в сторону Средней Волги, к устью реки Камы, в направлении к болгарскому княже-

Картина Павла Рыженко «Калка», 1996 г.

ству. Потерпев локальное поражение от болгар, монголы, значительно ослабленные после битвы на Калке, ушли в родные земли.

В 1225 г. Чингисхан вернулся на родину и последние полтора года жизни провел в походе против государства тангутов. Тангуты потерпели поражение. Их города были захвачены и ограблены. Этот поход был последним для Чингисхана. В самый разгар похода, в

1227 г., Чингисхан умер. До сих пор не известно, где находится могила великого воителя.

Нужно отметить, что фигура Чингисхана и характер его деятельности вызывают споры и разногласия в кругах мировой научной общественности. Что касается российских историков, то они считают, что Чингисхан, несомненно, был полководцем, государственным и политическим деятелем своей эпохи, внес значительный вклад в создание и укрепление единого монгольского феодального государства. Однако его агрессивные войны нанесли огромный ущерб завоеванным народам, социально-экономическое развитие которых замедлилось на несколько столетий.

Тема 4. Монгольская империя чингисидов

Созданная Чингисханом и его потомками держава охватывала территорию Восточной Европы и Азии. Вклад и значение чингисидов в историю евразийского континента и государства российского огромны. Историческая и публицистическая литература весьма многомерна — от полного отрицания (монголо-татарское иго) до восхваления деятельности монголов.

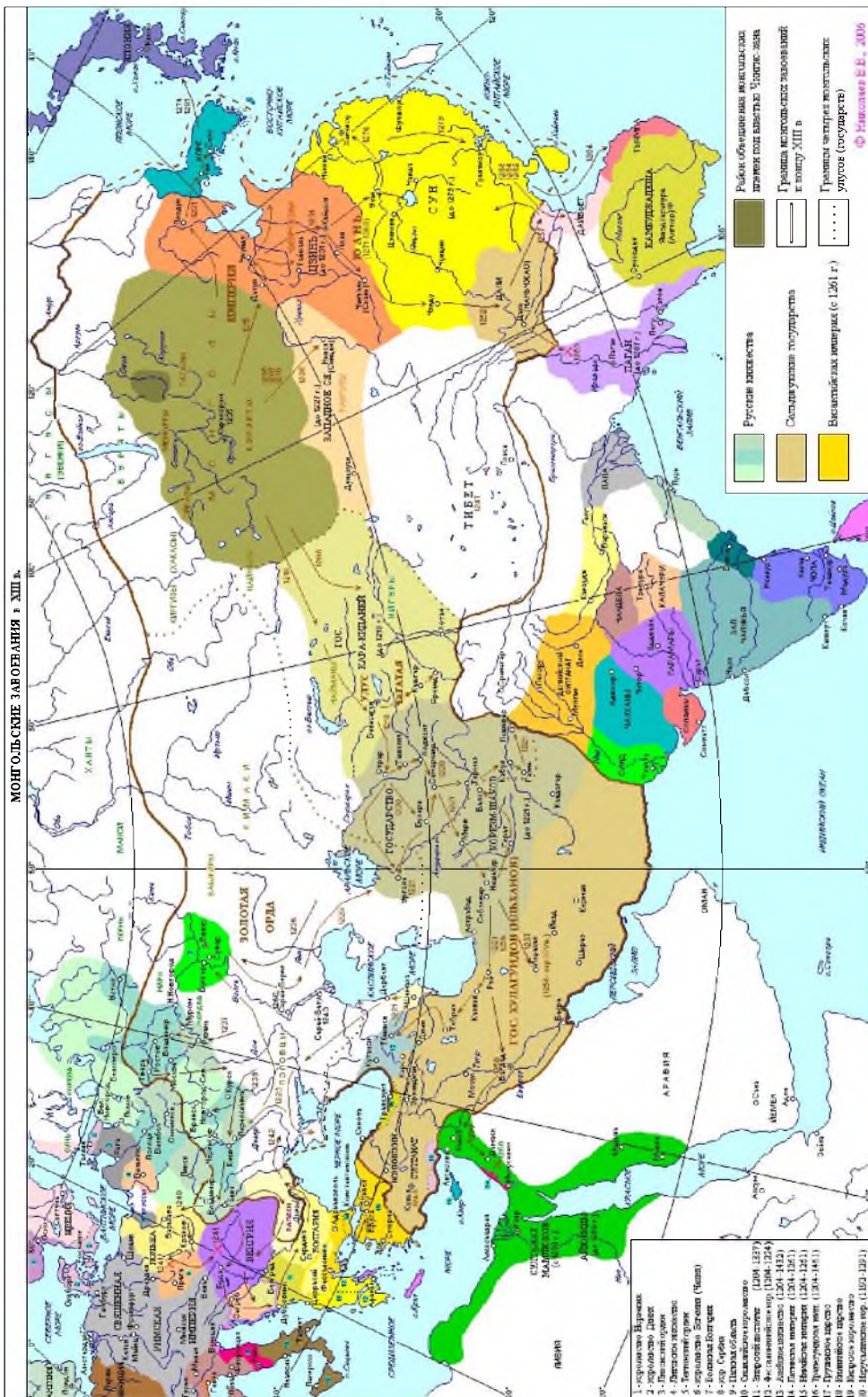
На рубеже XX–XXI вв. в российской историографии большое значение стали приобретать труды первых «классических евразийцев» — В. Г. Вернадского, П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, Э. Хара-Давана и др., отличавшихся оригинальной трактовкой истории и путей самоопределения Российского государства. Центральной темой историков классического евразийства, обусловленной идентификационным поиском и наступившим после революции 1917 г. духовным кризисом, стало рассмотрение взаимоотношений со своими соседями на евразийском пространстве. Отсюда и постоянный интерес к кочевым обществам. Предложив новую цивилизационную парадигму исследования, представители научного евразийства предвосхитили многие теоретические разработки ученых-востоковедов сегодняшнего дня.

Современная отечественная методологическая историко-политологическая наука характеризует евразийство как философско-политическое направление в России, акцентирующее на преемственности и синтезе русской культуры с кочевыми империями степей Евразии (прежде всего с Монгольской империей чингисидов). Это учение зародилось в эмигрантской среде в 20-е гг. XX в. и вновь активизировалось после разрушения СССР как реакция на либеральные реформы российского правительства.

В настоящее время евразийство подразумевает антилиберализм, антизападнические настроения, позитивное восприятие советского наследия и идею многополюсного мира. В начале XXI в. стало вызывать большой интерес в дипломатическом противостоянии России со странами Европейского содружества, США, их вольными и невольными союзниками на мировой арене. Поворот российской внешнеполитической доктрины на Восток характеризуется созданием ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) и др., совместных международных дипломатических и финансовых институтов и пр. В этих условиях быстроразвивающаяся интеграция с Китайской Народной Республикой и другими внешнеполитическими игроками Азиатско-Тихоокеанского региона настоятельно требует квалифицированной методологической проработки, доработки теории «евразийства».

МОНГОЛЬСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ в XIII в.

Истоки евразийства обычно возводят к славянофильской традиции. Сами евразийцы считали своими предшественниками старших славянофилов (А. С. Хомяков, братья И. С. и К. С. Аксаковы), поздних славянофилов, таких как К. Н. Леонтьев, Н. Н. Страхов и Н. Я. Данилевский, а также Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского как публицистов. Наследниками славянофилов считали евразийцев и многие исследователи и критики евразийства.

Однако евразийство имеет ряд существенных отличий от славянофильства. Евразийцы отрицали существование славянского культурно-исторического типа и считали, что культуры туранских народов, связанных с русскими общей исторической судьбой, ближе к русской культуре, чем культуры западных славян (чехов, поляков). Евразийцы отвергали также и панславистский политический проект, их идеалом было федеративное евразийское государство в границах СССР до 1939 г. (единственное отличие — евразийцы предлагали включить в состав СССР Монголию).

Кроме того, евразийцам была чужда славянофильская апология общины. Еще в предисловии к первому сборнику «Исход к Востоку» евразийцы утверждали, что община — историческая, преходящая форма русской культуры, которую нужно преодолеть в ходе модернизации страны. В области экономической евразийцы выступали за широкое использование энергии частной инициативы. При этом они были противниками чистого капитализма и призывали совмещать условно частную (функциональную) собственность с государственной.

Евразийство зародилось в русской эмигрантской среде в Болгарии в 1921 г. У его истоков стояли лингвист Н. С. Трубецкой, географ и экономист П. Н. Савицкий, историк Г. В. Флоровский и музыкальный писатель П. П. Сувчинский. Первичным результатом их интеллектуальной деятельности стал сборник статей «Исход к Востоку». Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Кн. 1 (София, 1921). В 1921 г. П. Н. Савицкий и Г. В. Флоровский получают приглашение читать лекции в Праге, а Н. С. Трубецкой в 1922 г. — в Вене. П. П. Сувчинский перебирается в Париж. Вскоре он отошел от евразийского движения.

В 1922 г. в Берлине вышел второй сборник «На путях», затем в 1923 г. — «Россия и латинство». В 1923 г. было создано евразийское книгоиздательство (на деньги английского миллионера-востоковеда Сполдинга) и стал выходить программный альманах евразийцев «Евразийский временник» (первый номер в 1923 г., второй — 1925, третий — 1927). Одновременно стал издаваться журнал «Евразийские хроники». Евразийцы выпустили также два коллективных манифеста — «Евразийство: опыт систематического изложения» (1926) и «Евразийство (формулировка 1927 года)». В Евразийском книгоиздательстве выходили книги самих евразийцев (Н. С. Трубецкой «Наследие Чингисхана», П. Н. Савицкий «Россия — особый географический мир», Г. В. Вернадский «Евразийское начертание русской истории» и др.) и близких к ним авторов.

Н. С. Трубецкой впервые заявил в 1925 г., что Россия является наследницей не Киевской Руси, а Монгольской монархии. Русских и кочевников связывает особое умонастроение или «бытовое исповедание», которое основано на идеях личной преданности, героизма, духовной иерархии и вере в высшее начало мира. Эти ценности несовместимы с европейским мещанством и меркантилизмом. Евразийство образует обновленную антитезу западничеству. Революция, большевики и СССР содержат историческую правду, так как они подсознательно реализуют евразийский проект сопротивления Западу в содружестве с

азиатскими народами. Другой евразиец П. Н. Савицкий обогатил это мировоззрение понятиями «месторазвитие» (аналог «жизненного пространства») и «идеократия» (подчиненность человеческой жизни высшим идеям).

К евразийству примкнули многие видные эмигрантские ученые — Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев, Р. О. Якобсон, Л. П. Карсавин, В. Э. Сеземан, Д. П. Святополк-Мирский и др. С евразийцами сотрудничали П. Бицилли, А. Карташев, Г. Федотов, Н. Рклицкий, Э. Хара-Даван и др.

В то же время в 1923 г. с евразийством порвал один из его основателей — Г. В. Флоровский, а в 1928 г. он выступил с его резкой критикой в статье «Евразийский соблазн». Критике подвергалась апология большевиков и революции, возвеличивание государственного принципа, негативное противопоставление Западу, забвение христианских подходов к истории, а также преклонение перед стихией («романтический перегар»)

В. И. Вернадский в 1924 г. в письме сыну Г. В. Вернадскому писал: «Я несколько не сомневаюсь, что евразийцы хорошие и, может быть, интересные люди, но они плохие мыслители — с неясной головой, с религиозно-философскими априориями, но самое главное — скучные и неживые по статьям своим».

С 1925 г. евразийство начинает организационно оформляться. Проводится съезд в Берлине с намерением создать Центральный комитет Евразийской партии. Ячейки евразийцев возникли в Варшаве, Париже и Праге. Налаживалась деятельность агитаторов, которые проводят публичные лекции, семинары и распространяют брошюры.

В 1927 г. во Франции выделилось «левое евразийство», которое в большей мере стало ориентироваться на СССР. К этому течению относились Л. П. Карсавин, С. Я. Эфрон, Д. П. Святополк-Мирский и др. В 1928 г. рупором левых евразийцев стала парижская газета «Евразия». В 1929 г. из руководства евразийского движения в знак протеста вышли Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий и Н. Н. Алексеев. Они выпустили брошюру «Газета "Евразия"» — не евразийский орган», в которой объявляли левое евразийство антиевразийством. Те же идеи звучали в «Евразийском сборнике» (1929). С. Я. Эфрон с 1931 г. стал агентом советских спецслужб и в 1937 г. вернулся в СССР, где впоследствии был репрессирован. Д. П. Святополк-Мирский, став марксистом, возвратился в СССР еще в 1932 г. при содействии Максима Горького, однако также был репрессирован и умер в лагере под Магаданом.

В начале 1930-х гг. «правым евразийцам» удалось восстановить движение и даже создать эмигрантскую Евразийскую партию (1932). Были выпущены сборник «Тридцатые годы», шесть номеров журнала «Евразийские тетради». В 1931 г. в Таллине выходила ежемесячная евразийская газета «Свой путь». Евразийцы сотрудничали с революционными группировками, публиковались в журнале Ширинского-Шихматова «Утверждения», участвовали в оборонческом движении (РОЭД). Но былой популярности уже не было. Связи с советской внешней разведкой его дискредитировали. К 1938 г. оно сошло на нет. Следует отметить, что евразийцы «поддерживали антизападные, изоляционистские, империалистические и идеократические аспекты раннего советского режима и видели в нем частичную преемственность царской империи».

Во второй половине XX в. особый интерес вызывают труды Л. Н. Гумилева («Древняя Русь и Великая степь», «От Руси к России» и др.), чье творчество в отношении применяемой методологии укладывается в рамки цивилизационного

подхода, хотя несколько условно, поэтому мы можем отнести ученого к числу предшественников данной теории.

По мнению Н. Н. Крадина, Л. Н. Гумилев был «единственным интерпретатором цивилизационного подхода» в условиях методологического господства исторического материализма в исторической науке СССР. Историографические труды Л. Н. Гумилева помогают раскрыть особенности и содержание процессов становления и развития кочевых цивилизаций, выявить закономерности и методологию их раскрытия.

Необходимо отметить, что в современной востоковедной историографии взаимоотношения кочевников с оседлоземледельческими цивилизациями, место и роль их на исторической арене подверглись основательному пересмотру, в первую очередь с позиций мир-системного подходов. Это не отрицает полностью результатов советских историографов, но по-новому и, на наш взгляд, более адекватно и системно интерпретирует характер взаимоотношений, связей кочевников с оседлоземледельческими цивилизациями, взаимозависимости двух разных хозяйственно-культурных типов, а также истоки и природу кочевых держав.

В современном отечественном востоковедении активно разрабатывается «теория кочевых цивилизаций», предметная область которой определяет довольно широкий спектр проблем историко-культурных процессов в кочевых обществах. Прежде всего такая широкая проблематика обусловлена многозначностью формулирования одного из ключевых понятий данной теории — «цивилизация», что детерминировало ряд дискуссионных теоретико-методологических положений. Современная теория кочевых цивилизаций находится на стадии самоопределения. Происходящее уточнение ее статуса в качестве интегративного, целостного знания о кочевых обществах повышает роль обобщающих теоретических концепций, помогающих понять природу монгольского общества, деятельность чингисидов после смерти основателя монгольского государства.

Незадолго до смерти, как мы указывали ранее, Чингисхан разделит свои огромные владения между четырьмя сыновьями (Джучи, Чагадай, Угэдэй, Тулуй), послужившие впоследствии основой образования новых государств. Чем старше был сын, тем отдаленнее от Монголии лежал его улус. Джучи, старший сын, получил земли на запад от реки Иртыша до тех отдаленных пределов, «куда доходили копыта монгольских коней»; из среднеазиатских владений в улус Джучи вошли низовья Амударьи, т. е. Северный Хорезм и его столица Ургенч, а также низовья Сырдарьи. Ставка Джучи находилась в долине р. Иртыша.

Второй сын Чингисхана Чагадай получил Кашгар, Семиречье и Мавераннахр. Ставка Чагадая была в долине р. Или. Угэдэю Чингисхан передал Западную Монголию и Тарбагатай. Ставка Угэдэя находилась у Чугучака. Четвертый сын Чингисхана Тулуй наследовал коренной отцовский улус. Размеры Монгольской империи к тому времени были необычайно велики. Кроме Монголии она включала Северный Китай, Восточный Туркестан, Среднюю Азию, большую часть Ирана и Кавказа. Преемники Чингисхана продолжали расширение империи.

Еще при жизни Чингисхана преемником хана был назначен третий его сын Угэдэй. Но в течение года после смерти Чингисхана фактически власть принадлежала Тулугу, который как младший сын почти всегда был при отце в качестве хранителя семейного очага. На курилтае 1228 г. ханом был избран Угэдэй.

Он правил с 1228 по 1241 г. При Угэдэе управление завоеванными странами осуществлялось путем назначения особых уполномоченных — дарагучи и тамгачи. Эта система сохранилась до распада империи.

На курилтах 1228 и 1235 гг. поднимался вопрос о походе в Поволжье и дальше на запад. При Угэдэе был предпринят поход в Юго-Восточную Европу, приведший к установлению монгольского правления на Руси в виде баскачества или взимания постоянной дани от русских князей. Во главе похода стоял Бату-хан (Батый, сын Джучи). В зимней кампании 1237–1238 гг. были захвачены и разгромлены Рязань, Коломна, Москва, Владимир, в следующем году — Переяславль, Чернигов, в 1240 г. — Киев.

В период завоеваний территорий государства Киевская Русь начинает создаваться новое, самобытное государственное образование, ярчайше отразившееся в истории формирования русской народности, нации, государственности России. В результате покорения обширных земель войсками Бату-хана образовалось государство, которое в русских источниках получило название Золотой Орды. Вначале оно входило в Монгольскую империю как ее улус, а после 60-х гг. XIII в. выделилось в качестве самостоятельного владения чингисидов. Золотая Орда (Улус Джучи) — государство монголо-тюрок, существовавшее в Евразии в XIII–XVI вв.

В период своего расцвета Золотая Орда, номинально входящая в состав Монгольской империи, властвовала над территориями, входившими во владения князей династии Рюриковичей, взимала с них дань в течение нескольких веков.

В русских летописях Золотая Орда носила разные названия, но чаще всего улус Джучи («Владение хана Джучи»), и лишь с 1556 г. государство стало именоваться Золотой Ордой. Как государственное образование в период своего расцвета занимала территории большей части современной России, кроме Дальнего Востока, Сибири и Севера, Украины, Казахстана, Узбекистана и Туркмении.

Столица Золотой Орды город Сарай-Бату (Дворец Богохранимый) был основан Бату-ханом в начале 1250-х гг. на Волге. Первое упоминание в источниках относится к 1254 г. В книге францисканца Гильома Рубрука «Путешествие в восточные страны» («новый город, построенный Бату на Этилии») Сарай-Бату был главным политическим центром Золотой Орды, но экономическим центром, вероятно, стал не сразу. В Сарай-Бату проживало около 75 тысяч человек. Население было многонациональным, так как здесь жили монголы, кыпчаки, аланы, черкесы, русские, болгары, византийцы. Каждая этническая группа селилась в своем квартале, где было все необходимое для жизни: школа, церковь, базар, кладбище. В городе имелись кварталы ремесленников: гончаров, ювелиров, стеклодувов, косторезов, мастеров по выплавке и обработке металлов. Дворцы и общественные здания возводились из обожженного кирпича на известковом растворе, дома рядовых жителей — из сырцового кирпича и дерева. Город имел канализацию, водоснабжение. При хане Узбеке, который правил в 1313–1341 гг., столица Золотой Орды была перенесена в Новый Сарай. В 1556 г. Старый Сарай был разрушен Иваном Грозным.

В дальнейшем, в 1241–1242 гг., монголы опустошили Венгрию, Польшу, Силезию и Моравию. Дойдя до берегов Одера, Дуная и Адриатического моря, монголы неожиданно остановились и повернули назад. Главные причины отступления заключались в том, что монгольские войска были значительно ослаб-

лены героическим сопротивлением, оказанным русским народом, а также волнениями в тылу. Стойкая борьба Руси с монголо-татарами спасла Западную Европу от монгольского завоевания.

Золотая Орда как государство возникло в самом конце 1242 г. Уже в начале следующего года хан Бату-хан, внук Чингисхана и сын старшего сына Чингисхана Джучи-хана и Уки-хатун, с присущей ему энергией начал выстраивать отношения с русскими князьями. Великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович вынужден был по вызову приехать в ханскую ставку в 1243 г., дабы пройти достаточно унижительную процедуру получения ярлыка, подтверждающего его титул. Таким образом, основу политических взаимоотношений Руси с Золотой Ордой начал закладывать отец Александра Невского Великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович, который был отравлен, по одним сведениям, в Орде в 1246 г. Тотчас после смерти Ярослава вдова Угэдэя — мать нового хана Гююка — направила гонца к Александру Ярославичу с приказом прибыть в Монголию для утверждения в отцовском наследстве. Это приглашение, а вернее, приказ, показывает, что регентша не сомневалась в том, кто унаследует власть отравленного великого князя. Не исключено, что сына по прибытии в Каракорум ждала та же участь, что и отца. После похорон Александр принял участие в выборах нового великого князя Владимирского, которым стал брат отравленного Ярослава Святослав. Племянники его (дети Ярослава) не оспаривали прерогатив старшинства и порядок наследования власти.

Александру Ярославичу удавалось в течение четырех с лишним лет (1243–1247) воздерживаться от поездок в Орду. Он мог по формальной причине не ездить на поклон к хану, так как не занимал владимирского стола. Кроме того, монгольские войска в процессе завоевания Руси так и не смогли достичь Новгорода Великого, и жители его считали себя непокоренными. Власть же монголов здесь осуществлялась опосредованно, через великого князя Владимирского, напрямую новгородцы длительное время не сталкивались с ханскими чиновниками.

После избрания Святослава на владимирский стол Александр Ярославич, видимо, все еще размышлял о своей поездке к монголам. Он имел жесткий приказ прибыть в Каракорум и неоднократные приглашения от хана Бату, кочевавшего в прикаспийских степях.

Это был период подчеркнутого, хотя и молчаливого неприятия ханской власти, все тяготы отношений с которой достались великому князю Владимирскому. Откровенно независимое поведение Александра в ту пору особенно контрастировало с поведением других русских князей, стремившихся из поездок в Орду извлечь для себя максимальную пользу. Лишь после отъезда в Золотую Орду младшего брата, Андрея, Александр направился в ставку Бату. Отъезд Александра из Владимира, скорее всего, состоялся в мае — июне 1247 г.

Последствия поездки князей были не только чрезвычайно удачными, но и в значительной мере неожиданными. Они прибыли в Каракорум, имея поддержку со стороны хана Золотой Орды. Несомненно, это вызвано не только личным впечатлением, произведенным Александром на Бату-хана, но и приличествовавшими дарами и оказанием хану принятых при его дворе почестей.

Стечение всех благоприятных для обоих князей обстоятельств и привело к столь успешному исходу их поездки. Пожалуй, за всю историю русско-ордынских отношений на протяжении XIII–XIV вв. не было более удачного результата, которого добились сразу два князя при минимальных материальных

затратах и политических уступках. Александр Ярославич получил в Каракоруме ярлык на великое киевское княжение и владение «всей русской землей». Его младший брат, Андрей, также получил ярлык, но лишь на великое княжение владимирское, т. е. на территорию Северо-Восточной Руси. Однако будущее показало, что в этом оправданном, с точки зрения монгольского династического наследственного права, разделе сфер власти на территории Древнерусского государства была заложена мина замедленного действия. Чисто формально распределение власти между князьями можно признать справедливым. В 1251 г. Александр приехал в орду Батые, подружился, а потом побратался с его сыном Сартаком, вследствие чего стал сыном хана и в 1252 г.

В самой монгольской империи в этот период третий сын Чингисхана и Бортэ, преемник своего отца в качестве кагана Монгольской империи Угэдэй-хан (1229–1241) умер. В том же году скончался и Чагадай (1185–1242) — второй сын Чингисхана и Бортэ. Еще при жизни своего отца он слыл лучшим знатоком Ясы и пользовался авторитетом во всех вопросах, связанных с законами и обычаями. Потомки Чагатая правили в Средней Азии в XIII–XIV вв.

Внутреннее положение в Монгольской империи, связанное с проблемой престолонаследия, осложнилось. Возник вопрос о выборе всемонгольского хана. Договориться быстро о кандидате в ханы было трудно. В роли регента оставалась вдова Угэдэя. Пять лет тянулось междуцарствие. Всемонгольский курултай чингисидов состоялся в 1246 г. На нем был избран ханом сын Угэдэя Гуюк, но все же общего признания среди чингисидов не получил. Гуюк правил с 1246 по 1248 г.

Смерть Гуюка породила даже более тяжелый политический кризис в Монголии, нежели тот, что последовал за смертью его отца. Регентство приняла вдова Гуюка хатун Огуль-Гаймиш, убежденная шаманистка, женщина жадная и склонная к предрассудкам, если верить источникам, большинство из которых отражают точку зрения соперничающей группы. Очевидно, что хатун не имела авторитета у монгольских вождей. В сложившихся обстоятельствах она не могла продолжать политику своего мужа на Переднем Востоке и, вероятно, даже не одобряла ее.

В 1250 г. споры чингисидов по поводу наследования трона великого хана зашли в тупик. Стал очевиден разрыв между двумя противоборствующими группами чингисидов — с одной стороны, потомками Джучи и Тулуя, с другой — потомками Чагатая и Угэдэя. Поскольку последняя группа не имела сильного лидера, Бату и Мункэ, будучи увереннее своих противников, в конце концов решили подавить противодействующую фракцию.

Когда первое заседание выборного курултая, который собрался в 1250 г. близ озера Иссык-Куль в улусе Чагатая, не пришло к какому-либо решению, Бату послал сына Сартака и брата Берке на восток с тремя армейскими соединениями, чтобы организовать второе заседание курултая на берегах реки Керулен в Монголии, то есть в улусе Тулуя.

Наиболее влиятельные потомки Чагатая и Угэдэя отказались присутствовать на этой встрече, что не помешало противоборствующей группе настаивать на ее легитимности. Поскольку Бату отказался от трона, Мункэ был провозглашен великим ханом 1 июля 1251 г. Восшествию на престол Мункэ предшествовала тяжелейшая внутривластная борьба, которая затронула всех чингисидов и их родственников. Видимо, существовало секретное соглашение между Мункэ и Бату, в котором Бату была обещана полная автономия его улуса. Два

двоюродных брата пришли к полному взаимопониманию. Первым действием Мункэ стало безжалостное подавление противодействующей группы чингисидов. Многие князья домов Чагатай и Угэдэя были обвинены в заговоре против нового хана и казнены или посажены в тюрьму вместе со своими сторонниками. Среди прочих Алджигидей, монгольский командующий в Персии, был отозван в Монголию и казнен. Канцлер Чинкай также должен был поплатиться своей головой за верность дому Угэдэя. Хитрый Махмуд Ялавач стал единственным уцелевшим императорским советником.

Переход наследования от дома Угэдэя к дому Тулуя был, разумеется, государственным переворотом. Хотя жесткая политика террора Мункэ временно подавила всякую мысль о восстании, новый конфликт должен был произойти в правление его наследника. На какое-то время все выглядело блестяще для монгольского императора, поскольку Мункэ оказался способным и энергичным правителем. В его правление были предприняты два основных монгольских наступления — на Переднем Востоке и в Южном Китае.

Монгольское наступление на Передний Восток, возглавляемое братом великого хана Хулагу, началось в 1253 г. Хулагу (1217–1265) — монгольский правитель и военачальник, внук Чингисхана, сын Тулуя и Сорхахтани, брат ханов Мункэ и Хубилая. Основатель династии Хулагуидов, правившей в созданном им государстве в Передней Азии.

Основная армия Хулагу-хана сконцентрировалась в Монголии. Все было предпринято для обеспечения успеха экспедиции. Четыре тысячи техников китайской армии были мобилизованы для обеспечения работы военных механизмов, предназначенных для метания камней, дротиков и горящей смолы на вражеские города. Фураж для кавалерийских лошадей собирался армией Хулагу на всем пути от Монголии до Персии. Вперед были посланы инженеры для строительства или ремонта мостов над главными реками; огромные склады провианта и вина были организованы в Персии.

В сентябре 1255 г. Хулагу достиг Самарканда и в январе 1256 г. пересек Амударью с отборными войсками; в этом пункте его армия была укреплена несколькими подразделениями армии кипчакского ханства. Первый удар Хулагу нанес по племени ассасинов. В течение года было уничтожено около сотни замков и крепостей сектантов, включая их оплот — Аламут. Большинство членов секты было убито или попало в тюрьму; некоторые пошли на монгольскую службу. После подавления ассасинов Хулагу атаковал Багдадский халифат. В феврале 1258 г. Багдад был взят штурмом и разграблен, а халиф, последний из династии Аббасидов, взят в плен и казнен. Хотя весь суннитский мир ошеломил

Мункэ (Менгу-каган, Мунке-хаган) (1209–1259), четвертый Великий монгольский хан (1251–1259), старший сын Тулуя, внук Чингисхана

ла эта весть, шииты не могли не испытывать удовлетворения от крушения лидера «еретиков».

Следующей целью Хулагу была Сирия. С 1250 г. Египет управлялся новой династией — Мамлюками, которая была основана предводителем мамлюкской гвардии бывшего султана; гвардия рекрутировалась из пленных-иностранцев, в основном кипчакского происхождения. Новая династия дала Египту сильное правление, и, поскольку ожидалось упорное сопротивление султана монголам, Хулагу должен был тщательно подготовиться перед решающим ударом. Поэтому после захвата Багдада на Переднем Востоке наступило затишье.

Тем временем китайская кампания, которая началась в 1253 г., также успешно проводилась под командованием другого брата Мункэ — Хубилая, наиболее способного из всех братьев. Монгольские ханы последовали смелому стратегическому плану, согласно которому сильная армейская группировка под личным предводительством Хубилая блокировала центр империй Сун. Пройдя через провинцию Шечван, войска Хубилая вошли в Юньнань, а к 1257 г. некоторые из подразделений дошли до Тонкина. Успех и растущая популярность Хубилая породили подозрения при дворе Мункэ.

В 1257 г. Мункэ вызвал Хубилая в Каракорум и послал генерального инспектора в Южный Китай для расследования предполагаемых нарушений, совершенных администрацией Хубилая. Разрыв между двумя братьями казался неизбежным. Однако Хубилай мудро подчинился приказу Мункэ и вернулся в Монголию, оставив сына Субэдэя Урьянгэдэя командовать войсками в тонкинском регионе. Хотя великий хан был удовлетворен объяснениями своего брата, он все же решил лично принять верховное командование кампанией. Хубилаю было доверено командовать армейской группировкой, которая должна была осуществлять операции в Хэнани, Хубэе и Анвее; Урьянгэдэй получил приказ двинуться на север от Тонкина для соединения с войсками Хубилая. Сам великий хан должен был завершить завоевание Сычуани. В целом все операции проводились успешно. Однако вскоре в Сычуани разразилась эпидемия дизентерии, что нанесло урон войскам великого хана. Среди жертв был сам Мункэ. Он умер в августе 1259 г.

Враждебная политика Бату и Мункэ в отношении домов Чагадая и Угэдэя привела к полной ликвидации прежней роли и значения последних. Как крупные улусы они перестали существовать. Фактически Монгольская империя в эти годы разделилась на две части — владения Мункэ, обладавшего титулом хана, и владения Бату.

При них процветала столица Монгольской империи — г. Каракорум, построенный еще Чингисханом в 1220 г. на правом берегу р. Орхон. Это был крупный центр торговли и ремесла. Сюда, в степную столицу, сходились торговые пути между Дальним Востоком, Средней Азией и Восточной Европой, стекались товары со всего мира, съезжались послы и купцы из многих стран. Отсюда осуществлялось управление огромной Монгольской империей. До конца царствования Мункэ-хана Каракорум играл большую политическую роль в жизни империи. Здесь побывали виднейшие политические деятели того времени, побывали в качестве послов и европейские путешественники, первыми из которых были монах Рубрук (посол французского короля Людовика IX) и католический монах Плано Карпини (посланец папы Иннокентия IV). Они поведали миру о богатстве Каракорума, описали быт и нравы монголов, сообщили много важных сведений о военном искусстве монголов, их военной тактике, об орга-

низации армии. Большой интерес вызывают свидетельства о присутствии при дворе монгольских ханов искусных мастеров строительного дела, ремесленников, ювелиров, ученых, привезенных со всех концов света.

Преимущественно иноземными мастерами был выстроен великолепный ханский дворец Угэдэя. Главное здание дворца стояло на высоком цоколе и представляло собой обширный зал с 64 колоннами. Пол зала был выстлан зелеными глазурованными плитками. В центре дворца было сооружено тронное помещение, которое блистало художественной отделкой. Все дворцовые здания были покрыты черепицей зеленого и красного цветов и украшены различными рельефными изображениями. По приказу Угэдэя было сделано много красивой посуды из золота и серебра в виде слонов, львов, лошадей и других животных. Рядом с ханским дворцом были выстроены богатые и красивые дома ближайших родственников Угэдэя.

В записках Рубрука подробно рассказывается о французском мастере Гильоме Буше, жившем в Каракоруме и выполнившим там ряд художественных работ по украшению дворца Мункэ-хана. Выдающимся произведением этого мастера был серебряный фонтан, сделанный в виде дерева, внутри которого помещались четыре трубы. Отверстия этих труб представляли собой пасти позолоченных змей, обвивавших ствол этого дерева. Из каждой пасти били струи вина, кумыса, рисового пива и напитка из меда, так что каждый гость мог утолить жажду по своему вкусу. Механическое устройство этого фонтана свидетельствовало о высоком мастерстве его создателей.

Эрдэни-дзу (монг. Эрдэнэ-Зуу хийд; Эрдэнэзуу) — частично действующий буддийский монастырь в Монголии

Все сохранившиеся храмы, за исключением одного, используются как музей и представителям религии не принадлежат. Расположен в аймаке Уверхангай на правом берегу Орхона на окраине города Хархорин. Первый стационарный буддийский монастырь на территории Халхи, крупнейший религиозный, культурный и политический центр средневековой Монголии.

При Мункэ-хане было предпринято два новых крупных завоевательных похода — один для окончательного покорения всего Китая во главе с Хубилаем (братом Мункэ), другой — для полного завоевания Ирана во главе с Хулагу (другим братом Мункэ). Хулагу покончил с исмаилитским государством, захватив Багдад, но потерпел поражение в боях с мамлюками в Египте, что положило конец дальнейшему наступлению монголов.

В период своего правления Мункэ-хан провел ряд важных реформ. Он сместил отдельных наместников в завоеванных странах Средней и Передней Азии, осуществил реорганизацию налоговой системы и ее сыскного аппарата. Мункэ-хан уделял внимание также развитию торговли и ремесел в среднеазиатских городах. Однако, несмотря на эти меры, Монгольская империя после его смерти распалась. Образовались самостоятельные государства хулагуидов в Иране и Закавказье, окончательно отделилась от империи Золотая Орда.

Правители бывших монгольских улусов перестали признавать власть всемонгольского хана и стали править своими уделами самостоятельно. Походы монгольских войск потрясли весь мир своим размахом и ужасами завоеваний. Захваченные страны лежали в развалинах, была разрушена ирригационная система, с огромным трудом созданная народами Средней Азии и других стран. Обезлюдели когда-то густонаселенные и культурные районы, погибли бесценные сокровища культуры.

Великий хан Монгольской империи **Хубилай-хан** (1215–1294).
Время правления 1270–1271 гг.

Завоеватели установили жестокие формы феодальной эксплуатации покоренного населения. Они заставляли население нести воинскую повинность. Крестьяне и ремесленники, оставшиеся в городах, были обложены громадными налогами и повинностями. Часть ремесленников с семьями была обращена в рабство. Монгольские военные отряды терроризировали население и беспощадно расправлялись с жителями.

Смерть Мункэ-хана (1259) обострила борьбу в среде чингисидов за ханский престол. За него боролись два главных претендента — сыновья Тулуя: Хубилай и его младший брат Ариг-Буга. Находившийся в столице Монгольской империи г. Каракоруме Ариг-Буга, в то время как его брат Ху-

билай воевал в Китае, использовал это обстоятельство в своих целях и на курлтае его сторонники должны были избрать его ханом Монголии. Хубилай, узнав об этом, в единоличном порядке объявил себя ханом Монголии в 1260 г. в г. Кайпине, получившем название Шанду (Верхняя столица). Военное сражение с Ариг-Бугой выиграл Хубилай. В 1266 г. Ариг-Буга скончался.

В 1271 г. Хубилай объявил себя императором и дал своей династии название Юань. При хане Хубилае столица Монгольской империи из г. Каракорума была переведена в Дайду (Пекин). Произошел цивилизационный переворот: правитель кочевого государства перенес столицу на территорию земледельческой цивилизации Китая. Таким образом, центр империи переместился из Монголии в Китай. Всю территорию Китая Хубилаю удалось захватить только к 1279 г. Династия Юань правила с 1271 по 1368 г. В основе политики, проводимой Хубилаем, было продолжение завоеваний и дальнейшее расширение границ Юаньской империи. Им было покорено государство Корё, предпринят ряд походов во Вьетнам, Бирму, Аннам и Японию. В результате возникла держава, которая не представляла собой единого целого ни в политическом, ни в экономическом отношении. Фактическая власть Хубилая распространялась только на Китай и Монголию. Золотая Орда, государство ильханов в Иране и Закавказье, Чагатайское ханство, включавшее Кашгар, Семиречье и Мавораннахр, представляли собой независимые государства.

Закрепившись в Китае, Хубилай-хан приступил к формированию аппарата управления. Не имея опыта управления страной и сельским оседлым населением, монгольские власти использовали имевшийся прежний китайский государственный аппарат. Они привлекли к себе на службу китайское чиновничество. Руководителями же центральных органов управления назначали исключительно

представителей монгольской военно-феодальной знати. В административном отношении Китай был разделен на десять провинций (лу), во главе которых стояли губернаторы-монголы. Провинции делились на префектуры — округа и уезды, возглавляемые своими начальниками. Власть монгольского хана держалась на военной силе. Всюду по стране были размещены воинские гарнизоны и созданы военные поселения.

Земли, ранее принадлежавшие китайской феодальной знати, были конфискованы. Значительная их часть перешла во владение монгольского хана и его родственников, а другая была роздана монгольской феодальной знати и чиновникам. Кроме того, монгольские феодалы силой отнимали у китайских крестьян пахотные земли и превращали их в пастбища для скота. Все население Китая, равно как и других завоеванных монголами стран, было обложено тяжелыми налогами и повинностями. Все это привело к тому, что население страны было доведено до крайней нищеты, начался массовый голод.

В системе управления, введенной монголами в Китае, немаловажную роль играла буддийская церковь, которую Хубилай-хан всемерно поддерживал, хотя и допускал существование в империи и других религий: конфуцианства, ислама и христианства. Буддийское духовенство получало во владение земельные наделы и освобождалось от всех видов налогов и повинностей.

Исторические свидетельства дают основание утверждать, что начиная со II в. до н. э. протомонгольские народы (хунну, сяньби, кидани) были знакомы с буддизмом. В древние государства на территории Монголии буддизм проникал из Индии через согдийскую культуру. Вторая волна пришла из Тибета в XIII в., когда сын Угэдэй-хана Годан пригласил главу школы Сакья Кунга Гьелцена в качестве своего духовного наставника.

Во времена правления хана Хубилая в Монголию прибыл следующий глава школы Сакья — Пагба-лама. Он стал первым теократическим монархом Тибета и на столетия вперед определил политико-религиозную роль Тибета в регионе. Он был духовным наставником Хубилай-хана и государственным наставником (го-ши) империи Юань. По приказу Хубилай-хана он разработал новую письменность (монгольское квадратное письмо) для главных языков империи Юань — монгольского, тибетского, уйгурского и китайского, чтобы обеспечить культурное единство народов державы, а также для транслитерации санскритских текстов. Хубилай поставил перед Пагба-ламой задачу создать новую систему письменности для унификации письма в многоязычном мире Монгольской империи. Пагба-лама модифицировал тибетский шрифт и создал так называемое монгольское квадратное письмо, или письмо Пагба-ламы. Работа над ним завершилась в 1268 г. Хубилай провозгласил это письмо официальным письмом империи, в том числе во время вступления на импера-

Дрогон Чогьял Пагпа
(монг. Пагва лама
Лодойжанцан) (1235–1280),
известный как Пагба-лама —
пятый глава тибетской буд-
дийской школы Сакья

торский престол в 1271 г. — взамен китайских иероглифов. Алфавит активно использовался 110 лет, и некоторые исследователи считают, что на его основе был создан корейский алфавит хангыль. Однако после падения династии Юань в 1368 г. он вышел из употребления в Китае, а в дальнейшем и в Монголии (хотя отдельные случаи использования его как декоративного шрифта и дублирующего алфавита для заголовков и печатей встречались в Монголии и Тибете в XX в.). В дневнике Пагба-ламы в 1271 г. отмечается иностранный друг Хубилай-хана. Им мог бы быть один из венецианских купцов Поло или сам Марко Поло, хотя Пагба-лама не называет его имени.

Императорский двор и Пагба-лама создали мощный союз. Данса, центральный монастырь Сакья, превратился в столицу Тибета. Правление школы Сакья продолжалось до середины XIV в.

Буддизм был объявлен Хубилаем государственной религией империи Юань. Тибетский буддизм был принят также некоторыми другими наследниками Чингисхана, а именно: ханами Чагатайского улуса в Восточном и Западном Туркестане, ильханами, правившими в Персии. Фактически в течение нескольких десятилетий тибетский буддизм был государственной религией Ирана, хотя он и не получил поддержки коренного мусульманского населения. В середине XIV в., с отделением Китая от монгольской империи Юань, влияние буддизма в Монголии ослабло.

Третья волна буддизма возникла в Монголии в результате встречи третьего главы буддийской школы Гэлуг Сонам Джамцо с правителем тумэтов Алтан-ханом в 1578 г. Во время этой встречи и появился титул «Далай-лама», который был начертан на золотой печати, врученной Алтан-ханом тибетскому иерарху. На этот раз монгольский народ оказался более подготовленным к восприятию новой религии.

В 1585 г. халхаский хан Абатай построил первый в Халхе буддийский монастырь Эрдэни-дзу. А в 1589 г. только что родившийся внук Алтан-хана тумэтского был объявлен перерожденцем (хубилганом) умершего годом раньше Сонам Джамцо, в 1604 г. его отвезли в Тибет и провозгласили Далай-ламой IV Ёндон Джамцо.

Уже в конце XVI — первой половине XVII в. в среде монгольских феодалов появляется ряд влиятельных фигур духовного звания, сыгравших значительную роль в истории распространения и утверждения буддизма в Монголии. Это Нейджи-тойн (1557–1653); ойратский Зая-пандита Намкай-Джамцо (1593–1662), Богдо-гэгэн Дзанабадзар (1635–1723). Последний стал главой буддийской сангхи Монголии и благодаря исключительному художественному дарованию в трудах европейских историков известен как «Микеланджело Азии». Первоначальный стиль возведения монгольских монастырей возник в конце XVI в. при постройке монастыря Эрдэни-дзу на месте древней столицы Каракорум.

В этот исторический период с тибетского языка на монгольский были переведены полные собрания текстов Ганджур (Тибетский канон — многотомный свод буддийских сочинений), к которому прилагается свод комментариев (Данджур). Названия Ганджур и Данджур в русском языке появились опосредо-

ванно через монгольский язык и используются традиционно с XIX в. Канон Ганджур (тиб. «Передача слов [Будды]») составлен в первой трети XIV в. тибетским ученым из школы сакья Будомом Ринчендубом. Создание текстов традиция приписывает Будде Шакьямуни. Состоит из 7 разделов, 108 томов, содержащих 84 000 поучений. Ганджур выступает в двух качествах: как предмет культа и как источник догматики. Термин «Ганджур» имеет также смысл «Прямые слова Будды». Свод Данджур (тиб. «перевод комментариев [шаштр]») содержит комментарии к Ганджуру, насчитывается в полном варианте 254 тома, около трех с половиной тысячи текстов.

В Монголию из Тибета перешла традиция монастырской жизни, причем крупные монастыри были единственными оседлыми поселениями на большей части территории страны, важнейшими центрами образования, ремесла и торговли. Появились монгольские ученые, которые писали комментарии к буддийским текстам иногда на монгольском, но большей частью на тибетском языке.

Линия перерождений тибетского мастера Таранатхи стала известна как линия Богдо-гэгэнов, или Джебцун-Дамба-хутухт, которые стали традиционными главами буддизма в Монголии. Их резиденция находилась в Урге (ныне Улан-Батор). С течением времени тибетский буддизм несколько адаптировался к условиям Монголии. Например, Богдо-гэгэн I Дзанабадзар (1635–1723) придумал специальную одежду монгольским монахам для ношения главным образом в свободное от проведения церемоний время. На основе санскритского шрифта ланца он разработал для монгольского языка и транслитерации тибетских и санскритских мантр и тантр алфавит соёмбо (использовался наряду с уйгуро-монгольской письменностью).

С конца XVI до конца XVIII в. было принято более 20 законодательных актов, преследующих шаманизм и оказывающих поддержку новой религии. Тем самым состоялось ее официальное признание. По-настоящему буддизм в Монголии утвердил свои позиции тогда, когда вошли в состав культ Вечного Синего Неба и те народные верования монголов, которые большей частью были шаманистическими: культы Матери-земли, ландшафтных божеств (духов — хозяев гор, озер и др. местностей), огня (богини огня, хозяйки домашнего очага), промысловые культы (охотничьи, скотоводческие) и специфический для Монголии культ Чингисхана как духа-предка и покровителя всего монгольского народа. Все они после некоторой трансформации и адаптации, сохранив почти неизменным и свой традиционный облик и место в системе мировоззрения народа, частично вошли в состав буддийской культовой практики.

Правление Юаньской династии ни в Китае, ни в самой Монголии не привело к росту производительных сил и народного благосостояния. Войны, которые беспрерывно вели монгольские правители, приводили к массовому обеднению населения, истощению людских ресурсов. Простой народ ничего не получил из тех богатств, которые были награблены монгольскими феодалами в завоеванных странах.

Вся деятельность Хубилай-хана была направлена на упрочение положения феодальной знати — ханской власти, верхушки господствующего класса. Хубилай-хан скончался в 1294 г. Ханский престол занял его внук Тэмур Улдзэйтүхан (1295–1307). Царствование его было беспокойным. Вспыхнувшее в эти годы народное восстание в провинции Юньнань было жестоко подавлено.

После смерти Улдзэйтү-хана началась ожесточенная борьба за власть и ханский престол между различными дворцовыми группировками. С 1295 по 1333 г. на юаньском престоле сменилось восемь императоров.

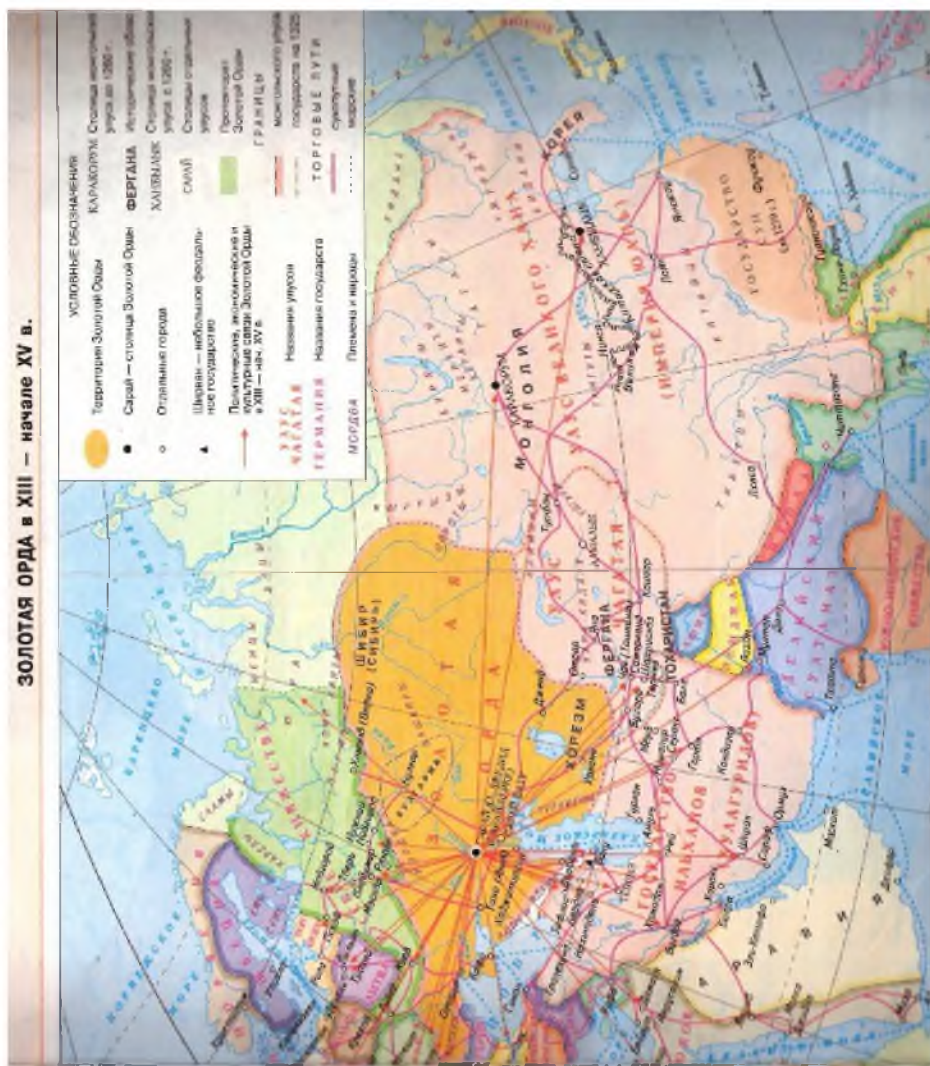
Неустойчивость власти Юаней в Китае была обусловлена рядом причин, главная из них — жестокость национального гнета, разрушение экономики страны и безудержное ограбление народных масс. Все это привело к обострению классовой борьбы. Наибольшего размаха народное движение в Китае достигло в период правления последнего монгольского императора — Тогон-Тэмур (1333–1368). В ходе крестьянского восстания, которое возглавил Чжу Юаньчжан, монголы были изгнаны из страны. Империя Юань распалась. Падение юаньской династии привело к усилению процесса распада Монгольской империи. Еще в правление Хубилая власть монгольского хана перестали признавать правители Золотой Орды, ильханы в Иране, правители Чагатайского ханства и др.

Тема 5. Куликовская битва и ее роль в ослаблении власти Золотой Орды над Московским княжеством

С 1359 по 1380 г. на правящем престоле Золотой Орды сменилось более 25 ханов, а многие улусы чингисидов попытались стать независимыми. Это время в русских источниках получило название «Великая замятня». Еще при жизни хана Джанибека, третьего сына Узбек-хана, хана Золотой Орды (1342–1357), в Улусе Шибана был провозглашен ханом Минг-Тимур. А убийство в 1359 г. хана Бердибека (сына Джанибека) положило конец династии Батуидов, что стало причиной появления самых различных претендентов на сарайский престол из числа восточных ветвей Джучидов. Воспользовавшись нестабильностью центральной власти, ряд областей Орды на какое-то время вслед за улусом Шибана провозгласил собственных ханов.

На территории Золотой Орды в 60-е гг. XIV в. в Северо-Восточной Руси происходило усиление Московского княжества под предводительством князя Дмитрия Ивановича (1350–1389), князя Московского (с 1359) и великого князя Владимирского (с 1363), сына князя Ивана II Красного и его второй жены княгини Александры Ивановны.

С родственной стороны чингисидов и тюрок происходило усиление темника Мамай (1335? — 1380), беклярбека и темника Золотой Орды.

В период междоусобной борьбы с 1361 по 1380 г. он от имени марионеточных ханов из династии Батуидов управлял западной частью (временами также столицей) Золотой Орды.

В 1372 г. князь Дмитрий Иванович добился прекращения литовской помощи Тверскому княжеству (Любутский мир), в 1375 г. установил принципы союзничества с Тверским княжеством. Весной 1376 г. русское войско во главе с Д. М. Боброком-Волынским вторглось на среднюю Волгу, взяло откуп 5 000 рублей со ставленников Мамай и посадило там русских таможенников.

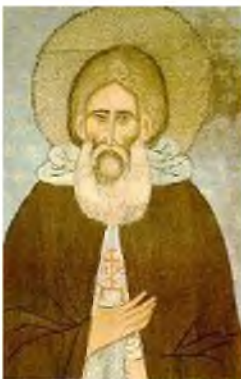

В 1378 г. хан Мамай все-таки решился на прямое столкновение с Дмитрием, но посланное им войско под командованием мурзы Бегича потерпело сокрушительное поражение на р. Вожа. В этот период отрядами хана Мамайа было разорено Рязанское княжество. В свою очередь, в 1378–1380 гг. хан Мамай потерял свои позиции на нижней Волге. Его соперником за власть на территории Золотой Орды стал Тохтамыш, один из потомков Джучи, старшего сына Чингисхана, являвшийся ханом Золотой Орды в 1380–1395 гг., ханом Тюменского ханства с 1400 года. Эти внутриордынские разногласия и противоречия во взаимоотношениях с Московским княжеством привели к осложнению отношений подданства и нейтралитета. Все стороны начинают готовиться к общим сражениям.

В августе 1380 г. в Коломне был сформирован первичный боевой порядок русского воинства. Сам Дмитрий возглавил большой полк. Его соратник Владимир Андреевич с ярославцами командовал полком правой руки. В полк левой руки был назначен командующим Глеб Брянский. Передовой полк составили коломенцы.

Получивший большую известность благодаря житию Сергия Радонежского эпизод о благословении войска Сергием в ранних источниках о Куликовской битве не упоминается.

Существует также версия, согласно которой рассказ жития о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на борьбу с Мамаем относится не к Куликовской битве, а к битве на реке Воже (1378 г.). Этот фольклорный эпизод больше связан со «Сказанием о Мамаевом побоище» и другими поздними текстами о Куликовской битве. Уже впоследствии это сказание превратилось в более масштабное событие.

Русские летописи приводят следующие данные о численности русской армии: «Летописная повесть о Куликовской битве» — 100 тыс. воинов Московского княжества и 50–100 тыс. воинов союзников, «Сказание о Мамаевом побоище», написанное также на основе исторического источника, — 260 тыс. или 303 тыс., Никоновская летопись — 400 тыс. (встречаются оценки численности отдельных частей русского войска: 30 тысяч белозерцев, 7 или 30 тысяч новгородцев, 7 или 70 тысяч литовцев, 40–70 тысяч в засадном полку).

Однако следует учитывать, что цифры, приводимые в средневековых источниках, обычно преувеличены. Более поздние исследователи (Е. А. Разин и др.), подсчитав общее количество населения русских земель, учтя принцип комплектования войск и время переправы русской армии (количество мостов и сам период переправы по ним), считали, что под знаменами Дмитрия собралось 50–60 тысяч воинов (это сходится с данными В. Н. Татищева о 60 тысячах), из них лишь 20–25 тысяч — войска непосредственно Московского княжества. Значительные силы пришли с территорий, контролировавшихся Великим княжеством Литовским, но в период 1374–1380 гг. ставших союзниками Москвы

(Брянск, Смоленск, Друцк, Дорогобуж, Новосиль, Таруса, Оболенск, предположительно Полоцк, Стародуб, Трубчевск).

С. Б. Веселовский в ранних работах отмечал, что на Куликовом поле было около 200–400 тысяч человек, но с течением времени сделал вывод, что русская армия могла насчитывать только 5–6 тыс. человек. По мнению А. Булычева, русское войско (как и монголо-татарское) могло составлять около 6–10 тысяч человек при 6–9 тысячах лошадей (то есть в основном это было кавалерийское сражение профессиональных всадников).

С его точкой зрения согласны и руководители археологических экспедиций на Куликовом поле: О. В. Двуреченский и М. И. Гоняный. По их мнению, Куликовская битва была конным сражением, в котором с обеих сторон приняло участие около 5–10 тысяч человек, причем это было кратковременное сражение: около 20–30 минут вместо летописных 3 часов. В московском войске были как княжьи дворы, так и городовые полки Великого княжества Владимирского и Московского.

Критическая ситуация, в которой оказался Мамай после битвы на реке Воже и наступления Тохтамыша из-за Волги к устью Дона, заставила его использовать все возможности для сбора максимальных сил. В XIV в. встречается численность ордынских войск в 3 тумена (битва при Синих Водах в 1362 г.), 4 тумена (поход войск Узбека в Галицию в 1340 г.), 5 туменов (разгром Твери в 1328 г., битва на Воже в 1378 г.). Мамай господствовал лишь в западной половине Орды, в битве на Воже и в Куликовской битве потерял почти все свое войско, а в 1385 г. для похода на Тавриз Тохтамыш со всей территории Золотой Орды собрал армию в 90 тысяч человек. В «Сказании о Мамаевом побоище» указывается число 800 тыс. человек.

Современные ученые дали свою оценку численности монголо-татарского войска: Б. У. Урланис считал, что у Мамая было 60 тыс. человек. М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин и В. И. Буганов полагали, что русским противостояло 100–150 тысяч монголо-татар. Ю. В. Селезнев сделал предположение о монголо-татарском войске в 90 тысяч человек (так как известно, что Мамай вел с собой 9 туменов). Военный историк-оружиевед М. В. Горелик высказал, что реальная численность мамаевой рати не превышала 30–40 тыс. человек.

Методами палеогеографии установлено, что размер свободной от леса части Куликовского поля составлял около 2 км². До 1 км в ширину, до 2 км в длину. Для сравнения — площадь поля Грюнвальдской битвы составляла около 4 км и на нем разместилось 66-тысячное войско: 27 тысяч Тевтонского ордена — в две линии фронтом в 2,5 км и 39 тысяч объединенного польско-литовско-русского — в три линии фронтом в 2–2,5 км.

С учетом выводов историка Анатолия Кирпичникова, по существовавшим тогда нормам насыщенности поля боя войсками и учитывая длину фронта 1 км, общая численность войск в Куликовской битве не могла превышать 10–12 тысяч воинов с каждой стороны.

Из летописных источников известно, что сражение происходило «на Дону усть Непрядвы». При помощи методов палеогеографии ученые установили, что «на левом берегу Непрядвы в то время находился сплошной лес». Принимая во внимание, что в описаниях битвы упоминается конница, ученые выделили безлесный участок близ слияния рек на правом берегу Непрядвы, который ограничен, с одной стороны, реками Доном, Непрядвой и Смолкой, а с другой — оврагами и балками, вероятно, существовавшими уже в те времена.

Экспедиция оценила размер участка боевых действий в «два километра при максимальной ширине восемьсот метров».

В соответствии с размерами локализованного участка пришлось скорректировать и гипотетическую численность войск. Была предложена концепция об участии в сражении конных соединений по 5–10 тысяч всадников с каждой стороны (такое количество, сохраняя способность маневрировать, могло бы разместиться на указанном участке). В московском войске это были в основном князья служилые люди и городовые полки.

В начале 2000-х гг. схема Куликовской битвы, впервые составленная и опубликованная И. Ф. Афремовым в середине XIX в. и после этого кочующая 150 лет из учебника в учебник без какой-либо научной критики, была уже кардинально изменена. Вместо картины эпических масштабов с длиной фронта построения в 7–10 верст была локализована относительно небольшая лесная поляна, зажата между отвершков оврагов. Длина ее составила около 2 километров при ширине в несколько сот метров. Использование для сплошного обследования этой площади современных электронных металлодетекторов позволило за каждый полевой сезон собирать представительные коллекции из сотен и тысяч бесформенных металлических обломков и осколков. В советское время на этом поле велись сельскохозяйственные работы. В качестве удобрения применялась разрушающая металл аммиачная селитра. Тем не менее археологическим экспедициям удается находить втулку, основание копья, кольчужное колечко, обломок топора, части оторочки рукава или подола кольчуги, сделанные из латуни; панцирные пластины (1 штука, аналогов не имеет), которые крепились на основе из кожаного ремешка.

Одной из проблем интерпретации археологических находок с Куликова поля является достаточно широкая датировка оружия и предметов военного снаряжения. Большинство из них могли оставаться в употреблении достаточно долго, вплоть до XVII в., и быть утерянными во время столкновения с крымскими татарами, отмеченного в летописях, на Куликовом поле в 1542 г. В то же время большинство предметов, уверенно датируемых временем Куликовской битвы, были найдены в окрестностях, но не на самом месте сражения.

Для навязывания противнику решающей битвы в поле еще до подхода союзных Мамаю литовцев или рязанцев, а также чтобы использовать водный рубеж для защиты собственного тыла в случае их подхода, русские войска перешли на южный берег Дона и уничтожили за собой мосты.

Вечером 7 сентября русские войска были выстроены в боевые порядки. Большой полк и весь двор московского князя встали в центре. Ими командовал московский окольничий Тимофей Вельяминов. На флангах встали полк правой руки под командованием литовского князя Андрея Ольгердовича и полк левой руки князей Василия Ярославского и Феодора Моложского. Впереди перед большим полком стал сторожевой полк князей Симеона Оболенского и Иоанна Тарусского. В дубраву вверх по Дону был поставлен засадный полк во главе с Владимиром Андреевичем и Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынским. Считается, что засадный полк стоял в дубраве рядом с полком левой руки, однако в «Задонщине» говорится об ударе засадного полка с правой руки. О делении на полки по родам войск неизвестно.

Вечером и ночью 7 сентября Дмитрий Иванович объезжал войска, делая смотр. Тогда же, вечером, татарские передовые части, тесня русских разведчиков Семена Мелика, увидели русские построившиеся войска. В ночь на 8 сен-

тября Дмитрий с Боброком выезжали на разведку и издали осматривали татарские и свои позиции.

Утро 8 сентября было туманным. До 11 часов, пока туман не рассеялся, войска стояли готовыми к бою, поддерживали связь звуками труб. Князь вновь объезжал полки, часто меняя лошадей. В 12 часов показались на Куликовом поле и монгольские войска. Битва началась с нескольких небольших стычек передовых отрядов, после чего состоялся знаменитый поединок (в современной научной литературе — мифический бой) татарина Челубея (или Темир-бея) с иноком Александром Пересветом.

Оба воина пали мертвыми (возможно, этот эпизод, описанный только в «Сказании о Мамаевом побоище», является легендой). Далее последовал бой сторожевого полка с татарским авангардом, возглавляемым военачальником Теляком (в ряде источников — Туляк). Дмитрий Иванович сначала был в сторожевом полку, а затем встал в ряды большого полка, поменявшись одеждой и конем с московским боярином Михаилом Андреевичем Бренком, который затем сражался и принял смерть под знаменем великого князя.

В. М. Васнецов.

«Поединок Пересвета с Челубеем»

Бой в центре был затяжной и долгий. Летописцы указывали, что кони уже не могли не ступать по трупам, так как не было чистого места. В центре и на левом фланге русские были на грани прорыва своих боевых порядков, но помог частный контрудар, когда «Глеб Брянский с полками владимирским и суздальским поступи через трупы мертвых». Основной удар монголы направили на русский полк левой руки, он не удержался, оторвался от большого полка и побежал к Непрядве, татары преследовали его, возникла угроза тылу русского большого полка.

Владимир Серпуховской, командовавший засадным полком, предлагал нанести удар раньше, но воевода Боброк удерживал его, а когда монголы прорвались к реке и подставили засадному полку тыл, приказал вступить в бой. Удар конницы из засады с тыла на основные силы ордынцев стал решающим. Монгольская конница была загнана в реку и там перебита. Одновременно перешли в наступление полки Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Мамаево войско смешалось и обратилось в бегство.

Ход боя переломился. Мамай, наблюдавший издали за ходом сражения, бежал с малыми силами, как только засадный полк русских вступил в бой. У татар отсутствовали резервы, чтобы попытаться повлиять на исход боя или хотя бы прикрыть отступление, поэтому все татарское войско побежало с поля битвы.

Засадный полк преследовал татар до реки Красивой Мечи 50 верст. Вернувшись из погони, Владимир Андреевич стал собирать войско. Сам великий князь был контужен и сбит с коня, но смог добраться до леса, где и был найден после битвы под срубленной березой в бессознательном состоянии.

Долгое время одной из загадок являлось отсутствие захоронений павших на поле боя. Весной 2006 г. археологическая экспедиция использовала георадар новой конструкции, который выявил «шесть объектов, расположенных с запада на восток с интервалом 100–120 м». По версии ученых, это и есть захоронения погибших. Отсутствие костных останков ученые объяснили тем, что «после битвы тела по-

гибших закапывались на небольшую глубину», а «чернозем обладает повышенной химической активностью и под действием осадков практически полностью деформирует тела погибших, включая кости». При этом полностью игнорируется возможность застревания в костях павших наконечников стрел и копий, а также наличие у погребенных нателных крестов, которые, при всей «агрессивности» почвы, не могли исчезнуть совершенно бесследно.

Привлеченные к экспертизе сотрудники, занимающиеся судебно-медицинской идентификацией личности, подтвердили наличие праха, но «не смогли установить, является ли прах в пробах останками человека или животного». Поскольку упомянутые объекты представляют собой несколько абсолютно прямых неглубоких траншей, параллельных друг другу и длиной до 600 метров, они с такой же вероятностью могут являться следами какого-либо агротехнического мероприятия, например, внесение в почву костной муки. Примеры исторических битв с известными захоронениями показывают устройство братских могил в виде одной или нескольких компактных ям.

Отсутствие значимых находок боевого снаряжения на поле боя истории объясняют тем, что в Средние века «эти вещи были безумно дорогими», поэтому после сражения все предметы были тщательно собраны. Подобное объяснение появилось в научно-популярных публикациях в середине 1980-х гг., когда в течение нескольких полевых сезонов, начиная с юбилейного 1980 г., на каноническом месте не было никаких находок, хотя бы косвенно связанных с великой битвой, и этому срочно требовалось правдоподобное объяснение.

Летописцы сильно преувеличивают число погибших ордынцев, доводя его до 800 тыс. (что соответствует оценке всего войска Мамаея) и даже до 1,5 млн человек. «Задонщина» свидетельствует о бегстве Мамаея в Крым, то есть о гибели 8/9 всего войска в битве.

Е. А. Разин полагал, что в Куликовской битве со стороны русского войска погибло ок. 25–30 тысяч человек, что составляет половину от общей численности войска. А. Н. Кирпичников предположил, что в сражении могло погибнуть около 800 бояр и 5–8 тысяч человек. А. Булычев на основе исследования аналогичных сражений в средневековой Европе считал, что русское войско могло потерять около трети всех воинов.

В результате разгрома основных сил Орды было утрачено военное и политическое господство (дальнейшее ослабление и распад Орды на менее крупные образования обычно связывают с поражением хана Тохтамыша среднеазиатским правителем Тимуром в 1395 г.). В полосе затяжного кризиса находился другой внешнеполитический противник Московского великого княжества — Великое княжество Литовское. «Победа на Куликовом поле закрепила за Москвой значение организатора и идеологического центра воссоединения восточнославянских земель, показав, что путь к их государственно-политическому единству был единственным путем и к их освобождению от чужеземного господства».

Для самой Орды поражение Мамаева войска способствовало ее консолидации под властью единого правителя — хана Тохтамыша. Хан Мамай спешно собрал в Крыму остаток сил, собираясь снова идти на Русь, но был разбит Тохтамышем. В частности, Москва была сожжена ордынцами спустя два года после битвы. Московские князья были вынуждены возобновить выплату дани. После Куликовской битвы Орда много раз совершала набеги (Крымская Орда и при Иване Грозном сожгла Москву в 1571 г.), но не решалась на битву с русскими в открытом поле. Завершающим этапом в свержении ига Золотой Орды, продолжавшегося прак-

тически два века, послужило Великое стояние на реке Угре. В современной отечественной и монголоведной литературе этому противостоянию уделяется мало внимания. Как мы отмечали ранее, в научной литературе более известной является дискуссионная Куликовская битва, но именно на реке Угре состоялось полное свержение правления чингисидов на территории Золотой Орды.

Ко второй половине XV в. местные правители образовали множество отдельных ханств внутри Золотой Орды. Каждая самостоятельная территория сохраняла название Орда, но к ней прибавлялось еще и географическое местонахождение этого ханства. Орда продолжала распадаться; на территории прежней Золотой Орды, помимо непосредственного преемника («Большой Орды»), образовались также Астраханская, Казанская, Крымская, Ногайская и Сибирская Орды.

Самым крупным осколком великой Золотой Орды была Большая Орда. Именно ею и управлял хан Ахмат. Им было создано буквально все мужское население Орды для похода на Москву, которое состоялось в 1472 г.

В местности Тарусы воины Ахмата встретили многочисленное русское войско. Все попытки ордынцев переправиться через Оку были отбиты. Ордынскому войску удалось сжечь город Алексин, однако поход в целом завершился провалом. Вскоре (в том же 1472 или в 1476 г.) Иван III прекратил уплату дани хану Большой Орды, что неминуемо должно было привести к новому столкновению. Однако до 1480 г. Ахмат был занят борьбой с Крымским ханством.

Иван III топчет ханский ярлык и приказывает умертвить послов

В 1480 г. произошло Великое стояние на реке Угре. Решающие события этого противостояния состоялись в октябре-ноябре месяце, но подготовительная работа, особенно со стороны ордынцев, началась гораздо раньше. По сути, весь 1480 г. был для России годом военным, когда вся страна готовилась к решающей битве для

свержения ордынского ига. В то же время лучшего момента для похода на Москву у хана Ахмата могло больше и не быть. Ведь именно в это время князь московский Иван III находился в ссоре со своими братьями Андреем и Борисом, которые угрожали уходом своего войска на службу к князю литовскому Казимиру. В это же время Казимир со своим войском вторгся на территорию Пскова. В случае нападения хана Ахмата князю Ивану III грозило увязнуть не только в войне с ним, но и с князем литовским, и со своими братьями, желавшими укрепить свою власть в стране. С весны 1480 г. стали собирать сильное войско, которое бы смогло противостоять численности войска хана Ахмата. Иван III, понимая, что воевать придется не только с ханом Ахматом, но и с князем Казимиром, занялся поисками союзника. Им стал хан крымский Менги-Гирей. Он обещал, что в случае нападения на Русь ордынцев и литовцев хан крымский введет свои войска на территорию Литовского княжества, тем самым вынудив Казимира вернуться в свои владения. После этого Иван III заключил мир с братьями, которые предоставили ему свои войска для совместной борьбы с ханом Ахматом. Случилось это 20 октября, но в начале октября 1480 г. войско ордынцев уже подошло к границам Руси. Русское войско находилось в районе Калуги, в городке Кременец, откуда могло наблюдать за всеми передвижениями врага, а также перекрыть путь на Москву. Такое положение войск позволяло воеводам князя Ивана III оперативно реагировать на любые маневры легкой конницы хана Ахмата.

Русские войска не стремятся перейти в атаку. Войска Большой Орды ищут, но безуспешно хороший брод для форсирования реки. Большинство бродов, которых было на реке Угре достаточное количество, не пригодно для форсирования реки конницей, поскольку пологие берега давали явное преимущество русской армии. Для перехода подходило только место недалеко от устья Угры, где и стояли противники. Иван III не торопит битву еще и потому, что с каждым днем у армии Ахмата заканчивается продовольствие и сено для лошадей. Кроме того, приближалась зима, что также должно было помочь русским.

В течение октября 1480 г. войско хана Ахмата несколько раз пыталось перейти вброд реку Угру, но безрезультатно. Главным образом это было связано с тем, что монголы использовали старую тактику — закидать врага стрелами, а потом изрубить в конной атаке. Такой возможности у ордынцев не было из-за мощной брони русских пехотинцев и большой дальности между берегами, стрелы были безопасными для русских войск. А конные атаки вброд были легко отбиты русскими за счет хорошего оружия, а также применения артиллерии, которая главным образом состояла из пушек и пищалей. Эта артиллерия носила название «броня».

После неудачных попыток перейти Угру вброд хан Ахмат стал ждать холодов, чтобы перейти реку по льду. Князь Иван III принял решение отойти к городу Боровск и там дать врагу решительный бой. 26 октября 1480 г. Угра встала. Русские ждали атаки ордынцев в любой момент, но она все так и не последовала. 11 ноября 1480 г. русские разведчики принесли в Боровск весть о том, что армия хана Ахмата отступила и отправилась назад в степь. Так завершилось великое стояние на реке Угре, а вместе с тем и ордынское иго на Руси.

6 января 1481 г. хан Ахмат был убит в результате внезапного нападения тюменского хана Ибака на степную ставку, в которую Ахмат удалился из Сарая, вероятно, опасаясь покушений. В Большой Орде началась междоусобица.

В этот период во всей Монгольской империи вследствие нарастающей освободительной борьбы народов покоренных стран продолжается распад на ряд самостоятельных государств, во главе которых тем не менее стояли потомки Чингисхана.

Часть IV

ПОСТИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МОНГОЛИИ (1368–1691)

Тема 1. Период малых ханств (1368–1691). Принятие буддизма монгольской правящей верхушкой

После падения империи Юань во второй половине XIV в. Монголия разделилась на ряд самостоятельных крупных и мелких владений, причем сильные феодалы стремились подчинить себе слабых и захватить их земли, скот и подданных. В свою очередь, сами монголы на территории Монголии подразделялись на три большие группы: северные (Халха), южные монголы и ойраты (Джунгария). Земли владетельных ханов были отделены друг от друга обширными пространствами. Между ними не существовало былой политической и экономической зависимости. В этих условиях власть и авторитет всемонгольского хана ослабли. Причины этого явления непосредственно связаны с ростом хозяйственной и политической самостоятельности многочисленных чингисидов и ханов Монголии. Основой экономики продолжало оставаться кочевое экстенсивное скотоводство. Феодалы с огромными стадами скота, обладавшие основными средствами производства — пастбищами и водоемами, продолжали эксплуатировать массы аратов-кочевников.

Ханский престол стали оспаривать лица, принадлежавшие к различным феодальным группировкам чингисидов. Кризис в политической сфере усугублялся экономической слабостью Монголии, которая после лишения единственного в тот период китайского рынка оказалась в полной экономической изоляции. Ухудшению положения способствовали не прекращавшиеся в течение длительного времени войны с минским Китаем, которые вели монгольские феодалы, все еще мечтавшие о восстановлении там юаньской династии.

Развитию монголо-китайских отношений после падения династии Юань мешали возникшие проблемы. Все это отражено в «Юн-лэ ши-лу» («Правдивые записи о периоде правления Юн-лэ»), «Мин ши» и других китайских источниках. В официальных письмах минских императоров к монгольским ханам, некоторых ответах монгольских ханов на письма минских императоров и памятниках монгольского языка, опубликованных в источниках, содержатся материалы о войнах между обеими странами.

Период конца XIV — конца XVII в. является временем расцвета монгольского феодализма, обладавшего рядом специфических особенностей. Согласно марксистской концепции, они состояли в том, что в Монголии в этот и последующий периоды не произошло общественного разделения труда, ремесло не отделилось от сельского хозяйства, не выросли города как центры торговли и ремесла, не сложился единый внутренний рынок. Таким образом, в отличие от европейских стран и Китая процессы, свойственные эпохе Нового времени, в Монголии остались незавершенными.

Для рассматриваемого периода характерным было обострение внутренних противоречий. Причины этого заключаются прежде всего в неразвитых ремесленно-мануфактурных отношениях. Говорить о развитии индустриальных производственных отношений, характерных для европейской цивилизации, тем более не

приходится. После падения империи экономика монгольских кочевников находилась в кризисном состоянии. В Монголии наблюдалась ханская раздробленность, исчезли следы былой централизации. Место единовластного хана заняли борющиеся между собой удельные ханы, называемые монгольскими летописцами «малыми ханами». В этот период монгольских ханов было так много, что порой невозможно уследить за их сменой. Этому способствовал и сам исторический факт: прямых по-

томков Чингисхана стало очень много. Ведь сам великий воитель кроме жены Борте имел много любимых жен и наложниц. Его примеру следовали и потомки. Бытовал шуточно-оскорбительный термин «сотник», так много жен и наложниц, особенно в мусульманских странах, имели чингисиды.

С 30-х до середины 50-х гг. XV в. власть захватил ойратский феодал Тогон-тайши, а через некоторое время — его сын Эсэн-хан (1452–1455). С 1467 г. на всемонгольском престоле утвердился Бату-Мункэ (1460–1543), известный в истории под именем Даян-хана. Время правления Даян-хана — с 1479 по 1543 г. В 1488 г. Даян-хан практически завершил объединение Монголии под своей властью. Его силу признали не только большинство монгольских князей, но и минский

Китай. Даян-хану удалось добиться согласия Минов на заключение договора об открытии пограничных меновых рынков, где монголы могли приобрести необходимые им продукты и продать свой скот. Соглашение строго соблюдалось обеими сторонами до 1500 г. На некоторое время утихла междоусобная война. Благодаря достигнутой политической стабильности несколько улучшилось экономическое положение страны, наладились дипломатические и торговые связи с Китаем, Тибетом и другими странами.

В источниках почти нет сведений о внутренней жизни Монголии, положении аратских масс и их борьбе против феодального гнета. До сих пор не ясно, почему так внезапно испортились отношения Монголии с Китаем в 1500 г., что привело к закрытию пограничных рынков и прекращению дипломатических отношений. Известно только, что в 1501 г. минская армия под командованием генерала Чжаохоя перешла границу Южной Монголии и напала на монгольские кочевья. Было захвачено много скота и нанесен большой ущерб хозяйству монголов. Видимо, это и ряд других причин заставили Даян-хана принять решение о переносе своей ставки из Ордоса на Керулен — подальше от китайской границы.

Происходили также перемены и в самой Монголии. Назревало недовольство правлением Даян-хана. В 1508 г. в Ордосе вспыхнуло восстание, во главе которого стояли уйгурский правитель Ибири-тайши и ордосец Мандулай-Агулху. Восставшие убили сына Даян-хана Улусбо-лода, назначенного наместником. Два года Даян-хану потребовалось на подавление этого восстания. Другие выступления также были жестоко подавлены.

Даян-хан умер в 1543 г. После его смерти Монголия вновь распалась на ряд самостоятельных владений. Экономическая отсталость, господство натурального хозяйства, отсутствие внутреннего рынка и городов препятствовали образованию тех общественных сил, которые могли бы преодолеть феодальную раздробленность.

Разделение Монголии на множество малых княжеств затянулось на несколько столетий. Отсутствие единого политического и экономического центра не способствовало переходу монгольской экономики на новый, более высокий уровень. В этом заключается одна из основных причин, тормозивших дальнейшее социально-экономическое развитие страны, обусловивших ее экономическую, политическую и культурную отсталость.

Среди влиятельных монгольских князей, пытавшихся восстановить единство Монголии, был Алтан-хан тумэтский.

В 1551 г. Алтан-хану удалось добиться от минского Китая открытия пограничных рынков в Датуне, Калгане и Сюаньфу. Вскоре ставка Алтан-хана, находившаяся в местечке Хухэ в Южной Монголии, превратилась в город, ставший впоследствии центром ремесла и торговли. В Хух-Хото наряду с монголами стали проживать и китайцы, занимавшиеся сельским хозяйством и различными ремеслами. В окрестностях города силами китайских крестьян развивалось земледелие.

Алтан-хан стремился к нормализации отношений с Китаем и другими соседними народами и установлению длительного мира. Владения Алтан-хана занимали обширную территорию. Они простирались к югу от Гоби и к северу от Великой китайской стены. На западе их границей был Кукунор, где управлял сын Алтан-хана — Бинту.

Историческое значение Алтан-хана заключалось в том, что он был первым из монгольских правителей, который после падения юаньской династии принял буддизм в форме ламаизма и положил начало его распространения в Монголии. Вскоре буддизм приняли и другие монгольские владетельные князья: халхаский Абатай-хан (1554–1588), чахарский Лигдэн-хан (1603–1634) и некоторые ойратские правители. В Монголии буддизм поддерживали влиятельные феодалы, и в конце XVI в. стал официальной государственной религией.

Третья волна буддизма возникла в Монголии в результате встречи третьего главы буддийской школы Гэлуг Сонам Джамцо с правителем тумэтов Алтан-ханом в 1578 г. Во время этой появился титул «Далай-лама», который был начертан на золотой печати, врученной Алтан-ханом тибетскому иерарху. На этот раз монгольский народ оказался более подготовленным к восприятию новой религии. Монголы помогли тибетцам объединить их страну под единой властью. Их действия не только способствовали централизации Тибета и возвышению школы Сакья, а затем Гэлуг, но и дальнейшему развитию тибето-монгольской цивилизации.

Сайн Гэгэн Алтан-хан.
(1507–1582). (Амда).
Внук Даян-хана. Время
правления 1548–1582

Неизвестный художник. **Абтай-хан.** Фрагмент.
Полотно, минеральные краски

Абтай-хан был ревностным распространителем буддизма, для принятия которого ездил в Хух-Хото, где встретился с Далай-ламой III. При нем в 1585 г. началась постройка первого в Халхе буддийского монастыря в Эрдэни-дзу. Интересна сама родословная этого выдающегося сына чингисидов. Он являлся внуком Бату-Мункэ Даян-хана (1464–1543) и прадедом первого Богдо-гэгэна Дзанабадзара.

В дореволюционной Монголии существовал особый культ Абтай-хана. Он известен как последний правитель, пытавшийся объединить Монголию после распада Юаньской империи. Его имя стоит в ряду таких выдающихся монгольских правителей XVI в., как Даян-хан, Алтан-хан, Лигдэн-хан.

В настоящее время в Монголии существует «Синяя легенда о добродетельном хане Абатае» (Автай сайн хаан), в которой повествуется о том, как он распространил буддизм в Монголии. В этой легенде также приводится интерпретация имени и титула хана «Абатай-Сайн-хан» как Аавдаа сайн хаан. Настоящее имя Абатай-хана приблизительно переводится как «сосуд для подношений». «Легенда о добродетельном хане Абатае» была, видимо, придумана позже буддийским духовенством для того, чтобы отметить его заслуги в деле распространения буддизма в Монголии.

В 1589 г. только что родившийся внук Алтан-хана тумэтского был объявлен перерожденцем (хубилганом) умершего годом раньше Сонам Джамцо, в 1604 г. его отвезли в Тибет и провозгласили Далай-ламой IV Ёндон Джамцо. Уже в конце XVI — первой половине XVII в. в среде монгольских феодалов появляется ряд влиятельных фигур духовного звания, сыгравших значительную роль в истории распространения и утверждения буддизма в Монголии. Это Нейджи-гойн (1557–1653), ойратский Зая-пандита Намкай-Джамцо (1593–1662), Богдо-гэгэн Дзанабазар (1635–1723) (монг. Гомбодоржийн Занабазар) — первый монгольский Богдо-гэгэн, правитель Халхи под ненавистной властью цинских императоров. Он вошел в мировую культуру как выдающийся скульптор, основатель монгольской портретной живописи, изобретатель письма соёмбо. Дзанабазар стал главой буддийской сангхи Монголии и благодаря исключительному художественному дарованию в трудах европейских историков известен как «Микеланджело Азии».

Во времена правления Абатай-хана количество монастырей стало неуклонно расти. Утвердившись в Монголии, ламаизм укрепил старые патриархально-феодалные отношения. В то же время принятие ламаизма способствовало ослаблению феодальных раздоров, упрочению политического единства, сближению монголов с народами других буддийских стран. Также существует дискуссионная версия, что буддизм монголам «подбросили» ханьцы, для того чтобы усмирить воинственных монголов.

Первоначальный стиль возведения монгольских монастырей возник в конце XVI в. при постройке монастыря Эрдэни-дзу на месте древней столицы Каракорум (Хара-Хорин). С тибетского языка на монгольский были переведены полные собрания текстов Ганджур и Данджур. В Монголию из Тибета перешла традиция монастырской жизни, причем крупные монастыри были единственными оседлыми поселениями на большей части территории страны, важнейшими центрами образования, ремесла и торговли. Появились монгольские ученые, которые писали ком-

ментарии к буддийским текстам иногда на монгольском, но большей частью на тибетском языке.

Линия перерождений тибетского мастера Таранатхи стала известна как линия Богдо-гэгэнов, или Джебцун-Дамба-хутухт, которые стали традиционными главами буддизма в Монголии. Их резиденция находилась в Урге (ныне Улан-Батор). С течением времени тибетский буддизм несколько адаптировался к условиям Монголии. Например, Богдо-гэгэн I Дзанабадзар (1635–1723) придумал специальную одежду монгольским монахам для ношения главным образом в свободное от проведения церемоний время. На основе санскритского шрифта ланца он разработал для монгольского языка и транслитерации тибетских и санскритских мантр и тантр алфавит соёмбо (использовался наряду с уйгуро-монгольской письменностью).

Длительное время феодальная раздробленность являлась причиной отставания страны в области социального развития, экономики и культуры. В период правления Билигту-хагана (1370–1378) монголы создали свое государство с центром в Каракоруме, поддерживали равноправные отношения с минским Китаем и другими странами, сохраняя в какой-то мере политическую и экономическую независимость вплоть до 1634 г., гибели Лигдэн-хана (монг. Лигдэн хаан; Линдан Багатур-тайджи; 1558–1634) династии Северная Юань (1603–1634). В этот период на монгольском троне сменился 21 хан. Это время вошло в историю Монголии как «эпоха малых ханов». Такое название означало, что теперь власть монгольских ханов в отличие от «великих ханов» периода империи ограничивалась лишь собственно Монголией. «Малые ханы» правили страной в период феодальной раздробленности. Хотя страна делилась на ханства, княжества, аймаки и отоки, но ханы, как и раньше, были из рода чингисидов и их династия не прерывалась.

В 1603 г. после смерти деда Лигдэн-хан стал новым ханом Чахарского ханства и великим ханом династии Северная Юань. Он возглавил освободительную войну объединенных под его властью монголов против династии Мин. В это противостояние вмешалось маньчжурское государство, созданное Нурхацци (1559–1626). Он основатель маньчжурской империи, названной по ее династии Да Цзинь — «Великая Золотая» (она же Хоу Цзинь — «Поздняя Золотая»). Первой, или ранней, считалась чжурчжэньская империя Цзинь (1115–1234), в 1636 г. переименованная в Да Цин — «Великая Чистая» (согласно китайской традиции правящая династия всегда обозначалась с приставкой Да — «великая», а предыдущие династии упоминались с указателем чао — «династия, дом»). Вариант записи Цин — «Чистая» — является общеупотребительным в научной и научно-популярной литературе).

Осенью 1628 г. преемник Нурхацци император Абахай начал активные военные действия против Чахарского ханства. Первый этап национально-освободительного движения включает 1616–1636 гг. В эти годы борьбу против маньчжуров вели южные монголы во главе с чахарским Лигдэн-ханом, номинально выступавшим наследником всемонгольского хагана.

Второй этап — 1637–1691 гг. — характеризуется борьбой монголов за создание общемонгольского антиманьчжурского фронта в целях объединения всех патриотических сил. Драматические события привели к полному краху идеи объединения, а в конечном итоге — к установлению господства цинов в Халхе.

Третий этап охватывает период с конца XVII в. до середины XVIII в., когда западные монголы (ойраты) развернули вооруженную борьбу против цинских захватчиков и продолжительное время успешно противостояли их натискам. Это были широкомасштабные движения в Джунгарии и Халхе под руководством Амарса-

ны и Чингужава, вошедшие в летопись героической борьбы монгольского народа в средневековье и Новое время.

С началом вторжения маньчжуров на стороне хана Абахая выступали и войска ряда южномонгольских и восточномонгольских княжеств: Хорчин, Харчин, Баарин, Чжуруд, Найман и Аохан. В 1632–1634 гг. большая часть территории Чахарского ханства была захвачена маньчжуро-монгольскими войсками. Лигдэнхан бежал в Ордос, но потерпел поражение и в сентябре 1634 г. скончался от оспы в Ганьсу, отступая в Кукунор.

К 1636 г. последние силы сопротивления Чахарского ханства были подавлены, после чего большинство князей Южной и Восточной Монголии признали вассальную зависимость от маньчжурского императора и стали именоваться его «внешними вассалами». В апреле 1636 г. съезд сорока девяти южномонгольских и восточномонгольских князей из княжеств Хорчин, Джалайт, Горлос Харчин, Тумэт, Аохан, Найман, Баарин, Оннют и Чжаруд возвел маньчжурского императора Абахая на великоханский престол с титулом богдохан, таким образом произошло подчинение Южной и Восточной Монголии маньчжурам. Тем самым монгольские земли до 1911–1912 гг. попали под власть Цинов. Начался цинский период великой, но в то же время многострадальной истории Монголии.

Часть V

МОНГОЛИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ МАНЬЧЖУРСКОЙ ДИНАСТИИ ЦИН (1691–1911)

Тема 1. Государственно-административное положение монгольского государства при Цинах.

Социально-экономическое развитие Монголии при маньчжурах.

Антиманьчжурская борьба монгольского народа

После завоевания страны верховную власть через наместников выражал маньчжурский император. Все указы и постановления цинского правительства, касающиеся Монголии, направлялись в резиденцию военного наместника (Цзяньцзюнь), канцелярия которого находилась в г. Улясутае. Документы передавались через Палату внешних сношений (Лифаньюань), находящуюся в Пекине.

Управление Северной Монголией (Халхой) осуществлялось на основании законов и постановлений, разработанных цинским правительством специально для Монголии и известных под названиями: «Цааджин бичиг» («Монгольское уложение 1696 г.») — свод маньчжурских законодательных актов для монголов на 1627–1694 гг., и «Уложение китайской Палаты внешних сношений». Кроме этих юридических документов в Халхе существовали местные сборники законов, как, например, «Халха Джирум» (XVIII в.) и др.

Назначение местных правителей в Монголии (было всего три наместничества: в Улясутае, Урге и Кобдо) и устройство самой системы управления Монголией осуществлялись цинским правительством по образцу, уже утвердившемуся в других частях Цинской империи. В своей коварной политике в Монголии цины очень четко учитывали особенности кочевого хозяйства и быта страны. Маньчжуры, чтобы осуществить контроль и господство над Монголией, установили тесный союз с местными светскими и духовными феодалами, интересы которых они защищали. Это выражалось, например, в том, что в высших органах власти и аппарате судебных органов Северной Монголии ответственные посты имели право занимать исключительно представители маньчжурской феодальной знати. Главным из трех наместников был улясутайский «великий цзяньцзюнь», выступавший также и в роли главнокомандующего войсками Северной Монголии.

Маньчжуры ввели в Халхе знаменную систему управления. Она выражалась в том, что хошуны (княжества) были преобразованы в военно-административные единицы (знамена). Во главе хошуна (знамени) стоял дзасак (управитель), назначаемый на эту должность цинскими властями из числа угодных им местных монгольских феодалов. Самой низшей военно-административной единицей в общей системе военного управления был сомон. Он состоял из аратских хозяйств, которые должны были содержать 150 конных всадников в полной боевой экипировке. Сомоны объединялись в дзаланы (полки), составлявшие аймачное ополчение.

В XVII в. единственной ударной силой восточномонгольских войск, как и в период чингисидов, продолжала оставаться кавалерия, делившаяся на легкую (бездоспешные лучники) и среднюю (копейщики — куяшники). В условиях феодальной раздробленности, отсутствия жесткой вертикали власти, разрыва отношений с традиционными поставщиками оружия восточномонгольские нойоны в первую очередь беспокоились об укомплектованности личных дружин. Основная масса простых воинов — аратов была вооружена достаточно слабо. Отсутствовала унификация вооружения, не хватало не только панцирей, шлемов и сабель, но и копий и даже луков. Даже после вхождения Халхи в состав Цинского государства новым властям на протяжении еще 20 лет приходилось вводить все новые и новые штрафы, чтобы заставить монгольское население производить и покупать необходимые предметы вооружения. По отчетам российских послов, вплоть до 30-х гг. XVII в. в кочевьях огнестрельного оружия не было.

Да и в более поздний период широкого распространения среди восточных монголов огнестрельное оружие так и не получило. Во многом это было связано с нежеланием снабжать своего беспокойного соседа (а в будущем потенциального противника) столь совершенным видом вооружения. Причем порой борьба с потенциальной контрабандой принимала достаточно жесткие формы. Так, московские власти проверяли даже официальные монгольские посольства, ведущие переговоры о вхождении своих княжеств в состав Российского государства. Похожую позицию заняла и китайская администрация. Легкую конницу — основу халхаских и чахарских армий — составляло народное ополчение скотоводов-аратов.

Отряды средней кавалерии комплектовали из профессиональных воинов: дружинников владетельных ханов и представителей мелкой феодальной знати. Обычно латники действовали вместе с легковооруженной конницей, но иногда из них формировали отдельные отряды порой в 4–5 тысяч человек. Общая численность войск Халхи, по сведениям русской разведки, превышала 100 тыс. человек. Однако политическая раздробленность Восточной Монголии, непрекращающиеся междоусобицы привели к тому, что армии халхасцев к моменту решающей схватки с джунгарскими агрессорами не превышали 10 тыс. человек.

Армии северной периферии степи были еще менее многочисленны: войска Алтан-ханов насчитывали 10–18 тыс. человек, енисейских кыргызов — 5–6 тыс. чел. Общая численность войск бурятских племен, согласно русским письменным источникам, составляла порядка 20 тыс. чел. Воинские формирования, судя по всему, не превышали 2–3 тыс. чел.

Тактика ведения боя восточными монголами практически не изменилась со времен Чингисхана. Она включала в себя три фазы: обстрел противника из луков, атака копейной конницы, рукопашный бой на клинковом оружии. Однако в XVII в. это вкупе с низким уровнем дисциплины и слабой подготовкой воинов неизменно приводило к поражению.

В условиях неспособности отстоять свою независимость вооруженным путем монголы были вынуждены признать сложившееся внутривнутриполитическое положение. Поэтому военно-административная система управления в Халхе окончательно сложилась в период правления императора Юнчжэна (1723–1735). Тогда в стране было образовано четыре чуулгана (собрания), которым передали функции аймачных управлений. Сеймам было предписано собираться один раз в три года в определенных цинскими властями местах, от которых по-

лучили названия и сами сеймы. В итоге цинами была создана такая система административного управления в Монголии, которая не только обеспечивала им возможность беспрепятственно вмешиваться во внутренние дела Халхи, но и позволила жестко регламентировать все стороны ее политической и общественной жизни. Эта система без больших перемен просуществовала до 1911 г.

Созданный цинами военно-административный аппарат и вся система управления в Халхе носили ярко выраженный классовый, национально-религиозный характер. Это позволило им установить жесткий полуколониальный режим, сохранив при этом некоторые привилегии для класса монгольских феодалов.

В период маньчжурского господства, как и много веков назад, в Монголии преобладали феодальные производственные отношения, сохранялись крепостное право и феодальные повинности. Основными классами монгольского общества были феодалы (светские и духовные) и крепостные араты. К классу эксплуататоров относились также и невладельческие князья, составлявшие сословие сайн хомун (благородных), служилая знать (чиновники) и церковные феодалы. Положение господствующей прослойки монгольского ламства было закреплено рядом постановлений цинов. К классу эксплуатируемых относились все группы аратов: сомонные араты — государственные подданные, хамджилга — крепостные светских феодалов и шабинары — крепостные церковных феодалов.

Деление аратов на группы не давало им каких-либо преимуществ. Все они в одинаковой степени были бесправными и являлись крепостными либо государства, либо светских и духовных феодалов. Зависимость аратов основывалась прежде всего на том, что главное средство производства — земля (пастбища) — принадлежало феодалам. Араты были прикреплены и к территории хошуна, где проживали, и к своему феодалу. Без разрешения управителя араты не имели права покидать пределы своего хошуна и кочевали только на тех землях, которые им указывали.

Феодалы, составлявшие менее 8 % населения страны, владели почти половиной всего поголовья скота. Для его выпаса они занимали лучшие пастбища, а оставшиеся распределялись дзасаком среди остального населения хошуна. В среднем на одно княжеское хозяйство приходилось 2 370 голов скота, на монастырское — 4 285, а на среднее хозяйство арата — лишь 60 голов.

Если принять во внимание, что даже средние аратские хозяйства материально были плохо обеспечены (кроме скота они не имели никаких других доходов), то положение бедняков было еще более тяжелым. Все необходимые им товары и продукты оседлого сельского хозяйства они вынуждены были брать в долг под проценты у китайских ростовщиков, попадая таким образом в долговую кабалу. Главным источником обогащения светских и церковных феодалов была жестокая эксплуатация трудового аратского населения. Тяжким бременем для аратов были налоги и разнообразные повинности в пользу государства, цинского императора и своих светских и церковных феодалов.

Из государственных налогов наиболее обременительным был военный, большая часть которого шла на содержание войск пограничных караулов на Алтае и на границе с Россией. К числу государственных относились военная, уртонная (обслуживание почтовых трактов) и извозная (транспортная) повинности. Самой тяжелой из них была уртонная. Не менее обременительным был и выпас императорских стад.

Многочисленными и разнообразными были виды ренты, взимаемой с аратов в пользу светских феодалов. Наиболее распространенными формами были продуктовая и отработочная. В XIX в., с повышением роли денег в экономике всей Цинской империи, в Монголии начинает распространяться денежная рента.

Одной из самых древних форм эксплуатации в Монголии была раздача феодалами скота на выпас аратам. Во-первых, это «хуруга хиху», когда феодал заставлял арата пасти стадо при своей же ставке. Во-вторых, «сурэг талбих» или «сурэг эгэх», когда феодал отдавал свой скот на выпас в индивидуальные аратские хозяйства. При этом арат обязан был гарантировать сохранность стада феодала, но мог пользоваться частью получаемой продукции.

Налоговая система, введенная цинами, являлась одним из основных средств эксплуатации аратства Монголии. Кроме того, хошунные араты часто облагались поборами и в пользу буддийской церкви. По данным источников, буддийская церковь расходовала ежегодно на свое содержание около 7 млн р. (в пересчете на русские деньги), и все они собирались с аратского населения.

Наряду с феодальной эксплуатацией араты испытывали тяжелый гнет со стороны китайского торгово-ростовщического капитала. Нужда заставляла их брать у ростовщиков деньги и товары в долг под большие проценты. В счет погашения долга китайские фирмы отбирали у аратов скот, баранов, верблюжью и козью шерсть, меха, шкуры и другие продукты производства кочевого хозяйства. Только одна фирма «Да Шэнху» (а их было около 115) в счет уплаты процентов по долгам ежегодно угоняла из Монголии в Китай до 500 тыс. голов овец и 70 тыс. лошадей. Официальный долг Монголии китайским торговцам и ростовщикам достиг 11 млн лан (1 лан равен 37,3 г серебра). Китайские торгово-ростовщические фирмы становились собственниками огромных скотоводческих хозяйств. С конца XIX в. китайские ростовщики стали применять систему выпаса скота монгольскими аратами-должниками. Такая система отработок представляла собой скрытую форму долгового рабства.

Разрушительное воздействие на экономику Монголии, которая в начале XX в. была основана на пастбищном скотоводстве в сочетании с домашним ремеслом, кустарными промыслами и мелкой розничной торговлей, оказывал китайский торгово-ростовщический капитал.

Активизации деятельности китайских ростовщиков в Монголии в XIX в. способствовали два обстоятельства: содействие местных монгольских властей и некоторых влиятельных светских и духовных феодалов, которые являлись компаньонами отдельных китайских фирм, а также снятие цинскими властями запрета торгово-ростовщических операций для китайских купцов. В результате торгово-ростовщический капитал так глубоко проник в монгольскую экономику, что почти все ее население, включая и отдельные монастырские хозяйства, оказалось в долгу у китайских ростовщиков на несколько лет вперед.

Этот капитал сыграл в Монголии отрицательную роль, способствовал истощению ее производительных сил и обнищанию народа, в условиях отсталой Монголии не изменил основы феодального способа производства, но подорвал, истощил хозяйство страны, доведя его до полного упадка.

Экономика хошунов, ранее самодостаточная, не выдерживала бремени накопившихся к началу XX в. долгов перед китайскими торговцами и формами, достигшей астрономической суммы в 11 млн лан. Ряд хошунов разорился, население разбегалось, пополняя ряды деклассированных элементов в оседлых пунктах.

Отрицательно влияли и операции европейского, в том числе русского и американского, капитала на территории страны. Это вело к выводу из страны скота и сырья на основе неэквивалентного обмена и постепенному превращению Монголии в аграрно-сырьевой придаток, к ограблению ее природных богатств.

Совершенно невыносимым было положение трудящихся. Араты разорялись, лишались скота, пополняли ряды нищих и долговых рабов китайских ростовщиков, становясь пастухами бывших своих стад. Появившийся в Монголии чрезмерно большой резерв рабочей силы не мог быть использован в условиях колониального положения страны и господства в ней феодальных отношений. Положение монгольского народа, как и других народов Цинской империи, ухудшилось с проникновением в Китай иностранного капитала. Богатые ресурсы Монголии интересовали американцев, англичан и японцев, а ее важное стратегическое положение в Центральной Азии — Россию.

Но включение Монголии в экономические отношения с европейскими, американскими, японскими и другими фирмами имело и положительный характер. Шло развитие товарно-денежных отношений, увеличивалась численность средних слоев — так называемых дунд хумуус: чиновников-тушемелов из простолюдинов, монгольских торговцев и предпринимателей — только в Урге их насчитывалось свыше 3 тысяч. В стране наблюдалось оживление кустарного и извозного промыслов — они целиком принадлежали монголам и приносили до 2 млн рублей дохода ежегодно. Появилось до 20 оседлых и полuosедлых поселений, которые превращались в торговые центры, в них проживало до 20 % населения. Здесь формировалась торгово-предпринимательская прослойка и зарождались новые хозяйственные уклады. Тесную связь с рынком поддерживала и тонкая прослойка зажиточных аратов, которые вели крупное скотоводческое хозяйство.

К началу XX в. Монголия в связи с разделом на сферы влияния между империалистическими державами превратилась в сырьевой придаток мирового капиталистического рынка. Скот и скотоводческое сырье через Китай вывозились из Монголии на рынки Европы, Японии и США по чрезмерно низким ценам. В Монголию же ввозились промышленные товары из Англии, Германии, США и Японии по непомерно завышенным ценам. Так, иностранный империализм наживал на торговле с Монголией значительные прибыли.

Включение Монголии в сферу обращения иностранного капитала не привело к развитию ее экономического потенциала. Напротив, иностранный капитал поддерживал феодальные отношения в стране, способствовал длительному застою производительных сил, упадку жизненного и культурного уровня населения.

Маньчжурские завоеватели, превратив ламаистскую церковь в важнейшее орудие своего господства в Монголии, пытались с ее помощью духовно и физически сломить монгольский народ. Эпоха маньчжурского владычества — один из самых тяжелых и мрачных периодов в истории монгольского народа. В это время на территории Северной Монголии (Халхи) продолжали существовать большие и малые владения (ханства). Среди них по числу населения, занимаемой территории, политической и экономической значимости выделялись три ханства: Тушэту-хана, Дзасакту-хана и Цэцэн-хана, потомков Гэрэсэндэ (1513–1594) — младшего сына Даян-хана. Владения Тушэту-хана располагались по

берегам рек Орхон, Толы и Тамир, Дзасакту-хана — к западу от Хэнтэйских гор, Цэцэн-хана — по правому и левому берегам р. Керулен.

Монгольские ханы самостоятельно управляли своими владениями. Ханства имели давние торговые связи с Китаем, Тибетом и другими государствами и народами. Торговые связи Монголии с Россией были установлены в начале XVII в. С этого времени между русскими и монголами происходил регулярный обмен посольствами и развивалась главным образом пограничная торговля, носившая преимущественно меновый характер. Монголы продавали скот и другие продукты животноводства, приобретая в обмен на них мануфактуру, железные изделия, оружие.

Внутриполитические события, происходившие в Китае, связанные с укреплением там цинской династии, беспокоили правительство России с момента подписания Нерчинского (1689), Буринского и Кяхтинского договоров (1727). Россия не была заинтересована в усилении Цинского государства на востоке Азии. Поэтому в меру своих возможностей оказывала противодействие цинскому Китаю в осуществлении захвата им Северной Монголии и Джунгарского ханства. Сами монгольские феодалы также боялись нарастающей угрозы со стороны цинского Китая.

В 1640 г. в Джунгарии состоялся съезд монгольских и ойратских феодалов, где были приняты важные решения, предусматривавшие совместные меры борьбы с маньчжурской угрозой. Это начинание не было реализовано. Положение в Монголии резко ухудшилось. После смерти Дзасакту-хана Норбо, последовавшей в 1661 г., началась междоусобная борьба за власть и ханский престол между его наследниками. В эту борьбу вмешались и западномонгольские (ойратские) феодалы. В 1668 г. ойратский Галдан-хан (1671–1697) двинул на Халху 30-тысячную армию. Его успех привел в замешательство восточномонгольских феодалов и вызвал негодование маньчжурских правителей, которые видели в Галдане своего соперника. Цинам вовсе не хотелось иметь вблизи своих границ Монголию, объединенную под властью ойратского хана. Их намерения были иными.

Часть халхаских феодалов, напуганная успехами ойратского Галдан-хана и не желавшая ему подчиниться, решила искать помощи у цинского правительства и обратилась с просьбой принять их в маньчжурское подданство. Ответ цинов был положительным, но с выполнением этого акта они не спешили. Им предстояло еще выиграть войну с ойратским ханом Галданом, армия которого быстро продвигалась к китайской границе.

Официально церемония включения Халхи (Северная Монголия) в состав маньчжурской Цинской империи была совершена осенью 1691 г. в Долонно-ре — местности на границе Китая и Южной Монголии. В церемонии принимали участие представители цинского правительства во главе с императором Канси, глава буддийской церкви в Монголии Джебцун-Дамба-хутухта и часть халхаских князей. С этого момента халхаские княжества потеряли самостоятельность. Одновременно с новым статусом Северная Монголия получила и новое название — «Внешняя Монголия» в отличие от Южной Монголии, именовавшейся «Внутренней Монголией».

Война с Галданом была трудной и дорого обошлась цинам. В 1696 г. Галдан-хан скончался. С его смертью завершился один из важнейших этапов борьбы монгольского народа против цинских завоевателей. Победу одержали цины, но монгольский народ не смирился с этим, борьба продолжалась. Маньчжур-

ские правители следили за тем, чтобы Монголия не возродилась как мощная военная держава, рассчитывая при этом на поддержку их сторонников — монгольских князей. Цинская династия стремилась усилить феодальную раздробленность Монголии, не допустить объединения монгольских княжеств, изолировать ее от внешнего мира. Чтобы осуществить это, цинское правительство ввело в Монголии особую систему управления, направленную на полную ликвидацию ее политической самостоятельности и превращение в колонию. Маньчжурские императоры пресекали всякую попытку со стороны монголов установить отношения с иностранными государствами, запретили монголо-русскую торговлю и отгородили Монголию от России цепью военных караулов. По так называемому железному закону маньчжуры запретили ввоз в Монголию железных изделий, оружия, а также пороха и селитры.

Эти монголо-цинские отношения сказались на миграционной политике в среде монголоязычных народов Монголии и России. Огромные двусторонние потоки из Монголии на территорию Восточной и Западной Сибири способствовали формированию современных монголоязычных этносов приграничных территорий России, в первую очередь бурят.

Война Цинской империи с ойратским Галдан-ханом завершилась его поражением. Несмотря на это, в народной памяти жило представление о нем как о герое, пытавшемся единолично оказать сопротивление маньчжурским завоевателям. Отношения Джунгарского ханства с цинским Китаем продолжали оставаться напряженными. Они особенно обострились в 1720 г. из-за начавшейся войны в Тибете. В разгар событий в 1722 г. вспыхнуло антиманьчжурское восстание на Кукуноре, принявшее массовый характер. К восставшим присоединились тибетцы, тангуты и джунгары. На подавление восстания маньчжурами были отправлены огромные по тем временам военные силы, которые в течение целого года чинили расправу. Окончательно восстание было подавлено только в 1724 г.

В обстановке жестокого террора уцелевшее население Джунгарии поднялось на борьбу против поработителей. Образовались отряды, которые нападали на цинские гарнизоны и наносили им ощутимые удары. В 1755 г. началось антицинское восстание под руководством ойратского князя Амурсаны (1718–1757). К восставшим примкнули и другие ойратские князья.

На подавление восстания цины бросили огромные силы. В начале 1756 г. цинская армия вступила в пределы Джунгарии. Восстание в Джунгарии взволновало народные массы всей Монголии. В знак солидарности вспыхнуло восстание в хошуне князя Эринцин-Дорджи, араты которого обслуживали военно-стратегическую дорогу, ведущую из Монголии на запад — в Джунгарию. По этому тракту осуществлялись экономические и почтовые связи цинского правительства с армиями, находившимися в Джунгарии. Восставшие сняли свои караулы с дороги, и цинская армия оказалась отрезанной от тыла. Цины жестоко расправились с зачинщиками. Они казнили князя Эринцин-Дорджи и уничтожили его семью. В ответ на действия цинских властей в Халхе в 1756 г. вспыхнуло восстание под предводительством князя Чингунжава. Положение в Халхе было настолько серьезным, что цинским властям пришлось прибегнуть к самым решительным действиям. Князь Чингунжав был схвачен и казнен. С ним погибли и его сыновья, а также некоторые видные монгольские деятели, сочувствовавшие восставшим.

Еще не утихли отголоски восстания халхасцев 1756 г., как на западе, в Джунгарии, в 1757 г. вспыхнуло новое восстание князей Баяра, Галдан-Дорджи, Нимы и Казак-Шары. Восставшие намеревались соединить свои силы с Амурсаной, но этому помешало войско цинов. Амурсана бежал к казахам, а затем в пределы России, где и умер.

Подавить восстание в Джунгарии цинам удалось только в 1760 г. Расправа была жестокой. Маньчжурские войска прошли огнем и мечом по стране, истребив почти все ее население. Джунгарское ханство было уничтожено. Спаслись только те, кому удалось уйти в пограничные районы России. Жестокое подавление народного движения в Халхе, Кукуноре и Джунгарии не остановило дальнейшего роста антиманьчжурских настроений. В конце XVIII — начале XIX в. по Северной Монголии вновь прокатилась волна народных восстаний. Наиболее интенсивными были выступления аратов в хошуне князя Тохтох-Тура Цэцэн-ханского аймака в 1837–1840 гг. Араты открыто выражали недовольство действиями хошунных властей, отказывались подчиниться распоряжениям цинского правительства. Аратские выступления были жестоко подавлены.

Во второй половине XIX в. самым крупным было восстание в Ордосе (Внутренняя Монголия), начавшееся в 1852 г. в хошуне Ушин. В истории антиманьчжурской борьбы это движение получило название «дугуйланское». В начале XX в. дугуйланское движение во Внутренней Монголии возглавил Улдзэй Джаргал. Эта форма народного движения получила широкое распространение не только во Внутренней Монголии, но и в Халхе. Восставшие требовали отмены долгов китайским ростовщикам, снижения налогов и облегчения повинностей. К восставшим примкнули низшие ламы и даже часть монгольских князей. Власти ответили арестами и другими репрессиями, но восставшие не сдавались. Они громили лавки китайских торговцев-ростовщиков, устраивали в степи пожары и нападали на учреждения цинских властей. Восставших поддерживали монгольские солдаты (цирики). В 1900 г. солдаты Улясутайского гарнизона отказались повиноваться цинским властям, перебили всех маньчжурских офицеров и разбежались по своим кочевьям.

Одновременно с волнением войск в г. Улясутае происходили выступления аратов в хошуне князя Сансарай-Дорджи Цэцэнханского аймака. Восставшие сжигали долговые книги, отказывались платить налоги цинскому правительству.

Одной из ярких страниц борьбы монгольского народа в этот период является восстание под руководством арата Аюши. Восстание началось в 1903 г. в хошуне князя Юндэндорджа. Оно продолжалось и после свержения маньчжурского ига в Северной Монголии, пока в стране не установилась народная власть. Освободительное движение в Монголии выдвинуло из среды народных масс и других активных борцов за независимость страны, например Хатан-Максаржава, уроженца Сайноёнханского аймака, Манлай-Батора Дамдинсурэна из Барги и др.

Хронологические рамки национально-освободительного движения включают три этапа. На первом этапе (1616–1636) борьбу против маньчжуров вели южные монголы во главе с чахарским Лигдэн-ханом, номинально выступавшим наследником всемонгольского хагана. Второй этап (1637–1691) характеризуется борьбой монголов за создание общемонгольского антиманьчжурского фронта в целях объединения всех патриотических сил. Этот период характеризуется драматическими событиями, перечеркнувшими идею объединения и приведшими к

ее полному краху, в конечном итоге к установлению господства цинов в Халхе. Третий этап охватывает период с конца XVII до середины XVIII в., когда западные монголы (ойраты) развернули вооруженную борьбу против цинских захватчиков, продолжительное время успешно противостоящих их натискам. Это были широкомасштабные движения в Джунгарии и Халхе под руководством Амарсаны и Чингужава, вошедшие в летопись героической борьбы монгольского народа в средневековье и Новое время.

При всем разнообразии форм и значительном размахе аратское движение в Монголии носило стихийный характер. Тем не менее это движение, направленное против засилья чужеземных и своих феодалов, сыграло большую роль в формировании национально-освободительного движения в Монголии, приведшего в итоге к формированию феодально-теократического государства под руководством VIII Богдо Джебцун-Дамба-хутухты, последнего императора Монголии. Несмотря на то, что маньчжуры как народ вскоре растворились среди ханьцев, двор Цинов долгое время по инерции следовал заветам предков — их первых императоров — и ревностно следил за сохранением привилегированного положения Монголии.

К XVIII в. маньчжуры, бывшие кочевники, создали традиционную императорскую династию Поднебесной, поддались «очарованию» оседлой городской жизни, влиянию ханьского окружения, обосновавшегося в Пекине. Уже во второй половине XIX в. правительством Цинов были приняты законы, по которым снимались все ограничения для деятельности китайских торговцев во Внутренней, а затем и Внешней Монголии. В 1881 г. в Урге насчитывалось 215 торговых домов и лавок (44 пекинских и 171 — шаньсийских) и 120 ремесленных заведений. Постепенно создавались условия для колонизации монгольских земель. В 1906 г. в Пекине было учреждено особое бюро по переселенческим делам Монголии, которое провело в 1909 г. перепись населения и скота во Внешней Монголии и наметило план ее колонизации. К началу XX в. Маньчжурский двор из покровителя монголов превратился во врага, главную угрозу их самобытного существования. Таким образом, длительное цинское правление явилось одним из тяжелых периодов в истории Монголии.

Часть VI

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ВООРУЖЕНИЯ И ВОЕННОГО ИСКУССТВА КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Как мы уже отмечали, военное дело играло значительную роль в кочевом обществе. Переходный период (от эпохи древности к средневековью) способствовал развитию военного дела в последующие эпохи. С хуннских луков начинается эволюция луков эпохи средневековья. Стрелы с трехлопастными железными наконечниками начинают распространяться с хуннского времени. В это же время на стрелах появляются костяные свистунки, с отверстиями и без таковых. Свистунки с отверстиями издавали резкий звук и служили муфтой, предохраняя от раскалывания древко стрелы. Наследием прошедших эпох были наконечники из бронзы. В последующее время их не используют. Кроме дистанционного оружия используют и оружие ближнего боя — копья с круглыми наконечниками и палаши без перекрестья. Из защитного вооружения применяли пояс, ламеллярные (пластинчато-наборные) панцири — нагрудные или в виде корсета-кирасы, бронзовые наручи и железные поножи. Голову закрывают «бронированным венцом», возможно использование боевых оголовий иных типов. Не исключается применение доспехов из органических материалов — кожи, войлока. Важным новшеством организационного плана становится изобретенная хуннами десятичная система разделения народа и войска. Благодаря этому за короткий срок можно было мобилизовать значительные военные контингенты, что было важно при ведении боевых действий. Хуннские шаньюи первыми разделили страну на центр и крылья. Основными тактическими приемами были обстрел с дистанции полета стрелы и ложное отступление с обхватом флангов. Немаловажным в хуннской тактике было внезапное нападение. Основными стратегическими целями являлись установление контроля над кочевыми племенами Центральной Азии, Великим Шелковым путем, навязывание даннических отношений китайской империи Хань.

У народа, сменившего на исторической арене хунну, сяньби как отдельный род войск появляется тяжелая кавалерия, где конь и всадник имели защитное вооружение. Из наступательного вооружения использовали палаши, копья с длинным древком. Защитное вооружение состояло из ламеллярных панцирей, часть которых могла иметь высокий стоячий воротник, шлемов, составленных из узких, сужающихся кверху металлических или из толстой твердой кожи пластин, связанных между собой кожаными ремешками. Судя по изображениям, могли применять цельнокованные сферические шлемы с навершием в виде полусферы, мягкой бармицей и круглыми металлическими наушами. Боевое прикрытие коня состояло из железной выкованной согласно анатомии конской головы маски с нащечниками, ламеллярных нашейника-нагрудника, накрупника и двух боковин. В период правления Таншихуая все земли сяньби были разделены на три части. Управление осуществлялось по заимствованной у хуннов системе.

В IV–V вв. н. э. появляются и получают широкое распространение стремени. Они и изобретенное до этого седло с жесткими высокими луками серьезно меняют тактику. Благодаря этим двум новшествам катафрактары древности превращаются в тяжелую кавалерию средневековья.

Жужане, захватившие господство в степях Центральной Азии после падения сяньби, также обладали тяжеловооруженной конницей. Они, как и их предшественники, использовали десятичную систему и разделяли государство на два крыла. Их комплекс вооружения стал известен в Европе под именем авар. Византийский император Маврикий советовал вооружить тяжелую конницу аварским оружием.

Победившие жужан тюрки обладали не менее развитым комплексом вооружения. Во времена Первого тюркского каганата (VI–VII вв.) из наступательного вооружения тюрки использовали сложносоставные луки, ведущие происхождение от хуннских, и стрелы с трехлопастными наконечниками. Часть стрел была оснащена свистунками. Стрелы хранили в берестяных колчанах. Из оружия ближнего боя тюрки имели мечи и палаши, копьа с удлинненно-ромбическими наконечниками, кинжалы и ножи. Защитное вооружение было представлено шлемами, связанными из отдельных пластинок или клепанными, с пластинчатыми бармицами; ламеллярными, возможно ламинарными панцирями типа корсет-кирасы с длинными лопастевидными набедренниками, достигающими почти до ступней, а также халата с осевым разрезом спереди и разрезом от крестца до низа подола. Тюрками применялись также щиты. После завоевания Средней Азии начинают носить кольчатый доспех, в том числе и для бармиц. Конский доспех также был известен в это время. Он состоял из кованого или наборного оголовья, нашейника из одной или двух половин, в некоторых случаях нашейника-нагрудника, накрупника и двух боковин. Защитная попона могла быть ламеллярной, ламинарной или комбинированной. Ядро армии в этот период составляла тяжеловооруженная конница. Основная масса войска была представлена разноплеменной легковооруженной конницей, основным оружием которой был лук.

В эпоху Второго восточно-тюркского каганата (VII–VIII вв.) тяжелая кавалерия начинает использовать новый, более совершенный панцирь с оплечьями, но более коротким подолом. Продолжают использовать щиты и шлемы. В ближнем бою применяют палаши и копьа, а также саблю, впоследствии практически вытеснившую на Востоке другие виды клинкового оружия. В рукопашном бою используют кинжалы разных типов. В VII в. появляются луки новой формы — с симметричными и асимметричными плечами. Размер кибити у обоих типов по сравнению с хуннскими уменьшается. Увеличиваются массивность и число фронтальных накладок. Меняется соотношение зон жесткости и упругости за счет сокращения или полного устранения концевых накладок. Постепенно учитывается не только жесткость, но и упругость кости в конструкции лука, тем самым создаются фронтальные срединные и плечевые накладки. Стрелы имели трехлопастные, трехгранные и другие наконечники. Хранили и переносили стрелы в закрытых и открытых берестяных колчанах. Боевых коней прикрывали защитной попоной. Вооружение легковооруженных всадников с предшествующего времени практически не меняется.

После падения Второго восточно-тюркского каганата (VII–VIII вв.) панцирная кавалерия как самостоятельный род войск у тюрков исчезает. Доспехом теперь пользуются только отдельные воины. Зато значительно расширяется ар-

сенал легковооруженных воинов. Начинают применяться луки с фронтальными накладками. Значительно расширяется набор стрел, появляются новые типы наконечников стрел. Увеличивается количество и разнообразие бронебойных стрел, поскольку противники тюрков в это время начинают все шире применять защитное вооружение, панцирная кавалерия появляется у енисейских кыргызов и уйгуров. Из оружия ближнего боя используют палаши, сабли, копья и боевые узколезвийные топоры-чеканы.

Во времена Первого тюркского каганата войско делилось на два крыла, западное и восточное, а во времена Второго каганата был выделен центр, которым управлял сам каган. Деление по десятичной системе имело место при обоих каганатах. Особенностью десятичной системы тюрков было деление каждого отряда еще на два крыла (десятка делилась на две пятерки и т. д.).

В сражении тюрки сочетали обстрел с расстояния и атаки вооруженной копьями тяжелой конницы. Преследуя врага, тюрки добивались решительной победы. Тактика ведения войн была наступательной. Стратегическими целями тюрков были подчинение кочевых племен Центральной Азии, контроль над Восточным Туркестаном и Средней Азией, установление даннических отношений с империей Тан.

Уйгуры, правившие в Центральной Азии после падения государства древних тюрков, унаследовали от предшественников деление войска на центр и два крыла, а также десятичную систему. В уйгурском войске преобладала легкая кавалерия. Ее главным оружием были сложносоставные луки, сходные по конструкции с тюркскими, и стрелы, которыми можно было поражать легко- и тяжеловооруженного противника. Луки носили в налучьях, с натянутой тетивой, а стрелы — наконечниками вверх в берестяных колчанах, подвешиваемых к поясу при помощи костяных петель. Из наступательного вооружения использовали копья и мечи. Защитное вооружение, судя по изображениям, было представлено ламеллярными панцирями покроя «халат», сфероконическими шлемами с глухой бармицей. В письменных источниках упоминается кольчуга.

В бою уйгуры использовали рассыпной строй. Войско выстраивали с учетом рельефа местности. Атаку начинал головной отряд, он же ложным отступлением заманивал противника в подготовленную ловушку. Авангард составляли из представителей подвластных племен. Войско сильного противника старались разделить на части и разбить по отдельности. Для окончательного разгрома врага организовывали преследование. В отличие от тюрков уйгуры большое внимание уделяли строительству крепостей.

Курыканы, населяющие Прибайкалье, делились на роды и племена во главе со старейшинами. Племена объединялись в военный союз во главе с эльтибе-ром. Они были знакомы с десятичной системой. Предполагается, что курыканская конница была в своей массе легковооруженной, но отдельные воины могли применять защитное вооружение — ламеллярные панцири и кольчуги. Наступательное вооружение состояло из луков, усиленных костяными накладками, стрел с железными и костяными наконечниками, копий, часть которых имела ножевидные наконечники, одно- и двулезвийных ножей. Стрелы носили в берестяных колчанах. Скорее всего, во время сражений курыканы сочетали обстрел противника из луков и атаки конных копейщиков. Во время сражения они могли подавать сигналы флагами. Умели курыканы строить и оборонительные сооружения.

Байырку предположительно также были знакомы с десятичной системой. Они сражались в рассыпном строю, обстреливая противника на расстоянии. Впрочем, они также могли атаковать лавой. Широко использовались ложное бегство, маневрирование в ходе отступления, засады.

Луки байырку отличались от луков хунно-тюркской традиции, поскольку у них отсутствовали срединные боковые накладки и присутствовала длинная фронтальная накладка со слегка расширяющимися концами. Для стрельбы по легковооруженному противнику использовали разнообразные виды двух-, трех-, четырехлопастных и плоских железных наконечников. По легковооруженному противнику также могли стрелять стрелами с костяными наконечниками. Для поражения тяжеловооруженного противника применяли стрелы с бронебойными наконечниками разного сечения: трехгранно-трехлопастные, четырехгранные, шестигранные, прямоугольные. В ближнем бою использовали копья, мечи или палаши. Немногочисленные дружины военных вождей, состоящие из профессиональных воинов, имели защитное оружие — панцири, кольчуги, шлемы. Предполагается, что байырку могли использовать конский доспех. Основную массу их войска составляла, видимо, легкая конница.

Проживавшие в Забайкалье племена шивэй не имели единого государства и подчинялись вождям племен. Предполагается, что они придумали десятичную систему. Основу войска составляла легкая конница. После включения в состав тюркского каганата воины шивэй начинают использовать копья и ламеллярные панцири. Главным оружием шивэй, надо полагать, были сложносоставные луки и стрелы. Первоначально пользовались луками, близкими по конструкции гуннским, затем стали применять более эффективные тюркские, а в конце I тыс. н. э. — лук «монгольского типа» с костяными фронтальными накладками. Для поражения бездоспешного противника использовали железные плоские двух- и трехлопастные и костяные наконечники. Защищенного доспехом противника поражали прямоугольными и четырехгранными наконечниками. Стрелы иногда были снабжены свистунками. Хранили и носили стрелы в берестяных колчанах. Из оружия ближнего боя применяли дротики и копья, одно- и двухлезвийные ножи. Из защитного вооружения использовали защитные пояса (до конца V в. н. э.) и ламеллярные панцири.

После падения Уйгурского каганата власть в Центральной Азии была захвачена киданями. Армия киданей империи Ляо состояла из императорской гвардии — ордо, военных отрядов племен, вспомогательных отрядов и пограничных войск. Все отряды делились по десятичной системе (5, 10, 50, 100 воинов). Наступательное вооружение было представлено большими сложносоставными луками и стрелами с двух- и трехлопастными и плоскими небронебойными наконечниками. Для пробивания брони использовались четырехгранные прямоугольные, ромбические, линзовидные наконечники. Иногда стрелы были снабжены свистунками. На северной периферии иногда использовали стрелы с костяными наконечниками. Луки носились в меховых налучах. Стрелы — в кожаных колчанах. В ближнем бою использовали копья, глефы, алебарды, боевые двурогие вилы и трезубцы, мечи, палицы и боевые ножи. Из защитного вооружения использовали клепаные четырехчастные шлемы с ламеллярной бармицей, ламеллярные и ламинарные панцири типа корсет-кирасы двух разновидностей. Первая — корсет-кираса, состоящая из нагрудника, к которому наглухо крепятся длинные, до середины голени, набедренники, и наспинника. Вторая разновидность отличалась длиной кирасы до паха. Набедренники с такой кира-

сой носились отдельно, на поясе. Оба варианта дополнялись наплечниками, которые крепились ремнями. Иногда наплечники крепились к лямкам. Доспехом защищали также боевого коня. Конский доспех состоял из кованого наголовника, нашейника, закрывающего шею спереди и с боков, попоны, защищающей грудь и бока.

Киданьские полководцы разделяли войско на три линии — лучников, копейщиков и мечников, тяжеловооруженных воинов. Бой начинали лучники, которые могли обстреливать противника в течение нескольких дней. Затем следовали атаки копейщиков и мечников, тяжелая кавалерия вступала в сражение обычно в самый ответственный момент. Атаковать старались внезапно, наступая сразу в нескольких направлениях, проникали глубоко в тыл противника, расчленили оборону и нарушали коммуникации. Фураж и продовольствие захватывали на вражеской территории. Отступающего противника преследовали, навязывали ему сражение на выгодных условиях. К противнику и мирному населению относились чрезвычайно жестоко. Кидани умели строить и оборонять крепости. Засыпать рвы перед штурмом сгоняли все окрестное мирное население, первыми на стены гнали военнопленных. Кидани были одними из первых кочевников, освоивших осадную технику. Одним из любимых приемов киданей было затопление укреплений противника. Тактика ведения войн была перманентно наступательной. Стратегическими целями киданей было «усмирение» кочевых народов и подчинение всех земледельческих государств.

Пика развития в кочевом мире достигло военное дело монголов. Используя приемы ведения боевых действий и систему организации войск, разработанные до этого тюрко- и монголоязычными кочевниками, монголы добились феноменальных успехов. Была разработана оригинальная военная доктрина — подчинение всех народов монгольскому хану. Наступательное вооружение состояло из сложносоставных луков с фронтальной накладкой и стрел, наконечники которых были по преимуществу плоскими. Кроме плоских наконечников применяли трехлопастные, а для пробивания брони — ромбические и четырехгранные наконечники. Плоские наконечники стрел в период развитого средневековья практически вытесняют все остальные. В северных районах империи, отдаленных от центра, наряду с железными наконечниками стрел использовали костяные. Стрелы носили в кожаных и берестяных колчанах. Луки в кожаных налучах по форме напоминали половину лука с натянутой тетивой. В ближнем бою применяли копья, часть которых была снабжена крюком, слабоизогнутые сабли, палаши, мечи, топоры, палицы, боевые ножи. Защитное вооружение было представлено пластинчатыми панцирями, кольчугами, шлемами, наручами, поножами, щитами и др. Наряду с ламеллярными и ламинарными панцирями начинают использовать новый вид доспеха — панцири с внутренним креплением пластин — «бригантины». Тяжелая монгольская кавалерия защищала своих коней доспехом из кожи — ламинарным и металлическим — ламеллярным. Войско монголов строилось по десятичной системе. Оно разделялось на центр и два крыла. Хан имел собственный корпус гвардии — кешиг. На командные должности могли назначать простолюдинов. Чингисханом была создана интендантская служба. Перед началом кампании проводили курултай, собирали разведанные, затем несколькими колоннами с различных направлений вторгались на территорию противника. Монгольские полководцы, умело маневрируя, создавали численный перевес на определенных участках. Одним из любимых приемов было ложное бегство. В ближний бой предпочитали не вступать, противни-

ку предоставляли возможность бежать по заранее подготовленному маршруту. Бегущего, потерявшего строй противника преследовали и уничтожали. Если все-таки приходилось вступать в ближний бой, то полководцы вводили в дело воинские подразделения постепенно, концентрировали силы на одном направлении, старались охватить с флангов, окружить. Применяли массированный обстрел противника из луков, атаки тяжелой кавалерии, вооруженной копьями, рукопашный бой с использованием копий, мечей, сабель и др. Монголы также успешно вели осадную войну, у них имелись отдельные подразделения артиллеристов, инженерные войска. Вражеские города старались захватить внезапно. В других случаях их города окружали и методично обстреливали из метательных машин. Если это было возможно, город затапливали. Первыми на штурм городских стен шли союзники и военнопленные. На осадные работы стогнялось все местное население.

Монгольская армия была массовой, регулярной и профессиональной. Воины отличались дисциплиной, а командный состав — большим опытом и умением. Монгольская военная система, вооружение перенимались не только кочевниками, но и оседлыми соседями. В последующее время защитное и наступательное вооружение не регрессирует, а продолжает развиваться. Так, основной ударной силой монгольских армий в XVII–XVIII вв. являлась тяжелая кавалерия. После завоевательных походов собственно монгольские технологии изготовления защитного и наступательного вооружения были дополнены и обогащены технологиями Китая и Средней Азии. Увеличивается количество воинов, имеющих защитное вооружение, даже на северной периферии монгольского мира в Забайкалье и Прибайкалье.

В эпоху позднего средневековья продолжают совершенствоваться сложносоставные луки. У монгольского лука, хранящегося в Музее антропологии и этнографии, кибыть была обклеена костяными фронтальными плечевыми накладками изнутри и снаружи, что должно было придавать еще большую упругость луку и увеличить его силу. Установить время появления луков не представляется возможным из-за плохой сохранности в археологических памятниках деревянных частей кибыти. Вероятно, эти луки восходят к лукам со срединной фронтальной накладкой. Наконечники стрел были плоскими и четырехгранными. Стрелы по-прежнему снабжались свистунками. Луки носили в кожаных натучьях. Стрелы — в кожаных колчанах. Колчаны из бересты, видимо, выходят из употребления. Важным новшеством у кочевников Центральной Азии было распространение огнестрельного оружия. У джунгар даже появились отдельные подразделения пехотинцев, вооруженных огнестрельным оружием. В восточномонгольских кочевьях огнестрельное оружие также получило распространение, но в гораздо меньшей степени. В XVIII в. огнестрельное оружие распространяется на северной периферии, у бурят и эвенков. Но луки как боевое и охотничье оружие вытесняются только к 70-м гг. XIX в. Холодное оружие в этот период было представлено саблями, копьями, пальмами, ножами и др.

Тяжелая конница была основной ударной силой в армиях халха-монголов, ее составляли влиятельные князья со своими многочисленными родственниками, элитные контингенты вассалов. «Среднюю» составляли специальные подразделения латников: лубчитэн — имеющие полный доспех, дуулгат — «шлемоносцы» и дэгэлей хуягт — имеющие только панцирь. Простолюдины также могли иметь металлический доспех, по крайней мере панцири из мягких материалов они были обязаны иметь.

В эпоху позднего средневековья стали популярными панцири с внутренним креплением пластин. Появился новый покрой панциря, маньчжурский — в виде жилета с разрезами на боках и спереди, он дополнялся наплечниками, подмышечниками, набедренниками, образующими двучастный подол, и передником для защиты паха. Продолжали использоваться ламеллярные панцири покроя «халат», «корсет-кираса», позднее «пончо», их собирали из железных и кожаных пластин. Подол панциря иногда разрезался с двух сторон, образуя 3 крупные лопасти, прикрывающие соответственно ноги, бока и крестец воина. В XVII в., скорее всего со второй половины, начинают распространяться кольчуги, особенно в первой половине XVIII в. у ойратов и бурят. Буряты могли надевать кольчугу поверх «бригантины». Джунгары, судя по письменным источникам, могли использовать кольчато-пластинчатый доспех — бахтерец. Кроме металлических использовали доспехи из мягких материалов — «бумажники». Под металлические доспехи, особенно кольчуги, надевали поддоспешники из кожи (һарьмай дэгэл), многослойной ткани или стеганые (дардам дэгэл).

Голову защищали сфероконическими, яйцевидными и вазообразными шлемами с козырьками, кольчужными или пластинчатыми бармицами, часто усиленными круглыми или многоугольными металлическими наушами. Отдельные воины могли использовать тибетские (тангутские), восточнотуркестанские (яркендские), маньчжурские или русские шлемы. В отдельных случаях лицо могли защищать металлическими масками.

Использовали в рассматриваемое время также дополнительные средства защиты, такие как щиты (круглые ручные и большие прямоугольные станковые), наручи (видимо типа «базубанд»), сапоги с металлической защитой голени и «наколенники».

В XVII в. монгольская и ойратская знать оснащала коней доспехом. Он мог быть ламеллярным или «бригантинным». Между прочим конский доспех, состоящий из «железных досок» (пластин), применялся в XVII в. даже на Крайнем Севере Азиатского материка. На оснащенных боевым доспехом конях сражались в кровавых междоусобицах якуты.

Превосходное в период континентальных захватов вооружение монголов не выдержало, как и рыцарское вооружение в Европе, конкуренции с огнестрельным оружием и стало исторической памятью номадов.

Часть VII

КУЛЬТУРА МОНГОЛИИ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВОГО И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Изменение методологических, идеологических, россияцентристских векторов развития отечественной монголоведной науки в начале XXI в. обусловило появление новых понятийных проблем в мировом монголоведении. Уходит в прошлое методологическое положение советской монголоведной науки о том, что монголоязычные народы к началу XX в. находились на низком уровне культурного развития. Не отрицая экономической, социально-политической составляющей истории монгольского народа, находившегося в этот период, как и другие неевропейские страны, на переходной стадии от феодальных отношений к буржуазным, отметим, что народы монгольской этносферы создали высочайшего уровня шедевры в области изобразительного искусства, медицины, устного народного творчества, архитектуры, одежды.

Сохранившиеся многочисленные памятники прошлого свидетельствуют о том, что монгольский народ на протяжении многих столетий создавал свою богатую самобытную культуру. Объединение в начале XIII в. разрозненных монгольских племен и образование единого государства стимулировали плодотворное развитие монгольской культуры.

В связи с изменениями в социально-экономической жизни Монголии в XIII в. представления монголов об окружающем мире заметно обогатились, именно с этого времени можно говорить о наличии естественнонаучных познаний, составлявших один из важных компонентов монгольской национальной культуры. К этому периоду монголы накопили обширные знания о жизни животного и растительного мира. Изготовление войлока, умелая обработка шерсти, кожи и других видов животноводческого сырья, приготовление молочных и мясных продуктов требовали определенных навыков в области промысловой технологии. Постепенно совершенствовались орудия труда и хозяйственно-бытовая утварь, что способствовало дальнейшему развитию технологии хозяйства и ремесла. Формирование кузнечного дела, добыча железной руды и ее плавка обогащали познания монголов в области обработки металлов, а также элементарных начал геологии.

С XIII–XIV вв. у монголов существовала довольно развитая народная медицина. Они хорошо разбирались в лечебных свойствах некоторых растений и использовали их. В монгольских источниках встречаются сведения о различных способах лечения: прижигание раны горячим железом, обертывание раненого теплой шкурой убитого животного, обработка ран, примитивная ингаляция и т. д. Монгольские эмчи-ламы на основе тибетских канонов медицины лечили людей и животных.

В средневековой Монголии особое значение имело языкознание: зарождавшееся монгольское государство нуждалось в общегосударственном языке, способном служить средством объединения и управления народами захваченных территорий. Ранее мы отмечали, что в начале XIII в. монголы приняли уйгурский алфавит, приспособив его орфографическую систему к монгольским

языкам и диалектам. В связи с созданием общемонгольской письменности наблюдались и первые попытки научной деятельности. В 1243 г. Гунга Джалцан подготовил первую систематизированную грамматику монгольского языка «Зурхний тольт» (Сердечный покров). В 1293 г. философ и поэт Чойджи-Одсор создает вторую грамматику монгольского языка под тем же названием. В этом труде рассмотрен ряд важных вопросов монгольской фонологии и орфографии, таких как сингармонизм гласных, определение гласных и согласных, классификация звуков и др. Значительное развитие получили и исторические знания: на основе устной исторической традиции создается письменная история, зарождается монгольская национальная историография.

Особую ценность представляют монгольские летописи, прежде всего историческая хроника «Монголын нууц товчо» (Сокровенное сказание), составленная в 1240 г. Но, как свидетельствуют источники, у монголов и до XIII в. существовали исторические хроники и предания, которые были положены в основу «Сокровенного сказания». Предполагается, что ранее у монголов имела секретная история рода Чингиса и его потомков под названием «Алтан дэбтэр» (Золотая, т. е. Царственная, книга), хранившаяся в ханской сокровищнице.

Полный монгольский текст «Сокровенного сказания» сохранился в записи китайскими иероглифами и в китайском переводе под названием «Юань-чао биши». Первый перевод хроники на русский язык с сокращенного китайского варианта осуществил крупный русский синолог П. И. Кафаров (Палладий), опубликовавший его в 1886 г. под названием «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане». В 1941 г. акад. С. А. Козиным были опубликованы полный монгольский текст и русский перевод «Сокровенного сказания» с научными комментариями к нему. В 1962 г. полный текст памятника был издан с предисловием Б. И. Панкратова. На современный монгольский язык летопись была переведена акад. Ц. Дамдинсурэном и издана в Улан-Баторе в 1947 г. Это произведение, имеющее непреходящее значение для изучения раннего монгольского средневековья, переведено и издано на английском, французском, немецком, венгерском, китайском, японском и других языках.

Главной идеей произведения является показ кровного родства различных монгольских племен и необходимость их объединения в единое монгольское государство во главе с сильной ханской властью. Безвестные авторы «Сокровенного сказания» искусно владели методом образно-художественного эмоционального воздействия на читателей. Они написали историю Монголии не путем регистрирования фактов, а посредством художественного отображения исторической действительности, широко используя богатство устного народного творчества — народные легенды, предания, стихи, лирические, эпические, обрядовые песни. Благодаря этому «Сокровенное сказание» является не только уникальным историческим памятником, но и шедевром монгольской художественной литературы XIII в.

Кроме «Сокровенного сказания» в XIII–XIV вв. существовали и другие исторические сочинения, о которых стало известно из китайских, тибетских и мусульманских источников. Так, по предположению ученых, известное сочинение «Описание походов Чингисхана» (Шэн-у цин-чжэн-лу) является монгольской хроникой, сохранившейся в китайском переводе, сделанном во второй половине XIII в. О существовании другого монгольского исторического сочинения, «Их

тобциян», известно из тибетского источника «Красная книга», составленного Гунгадорджи в 1346 г.

О времени Монгольской империи сохранилось историко-юридическое произведение небольшого объема «Цаган туух» (Белая история), дошедшее до нашего времени в редакции XV–XVI вв. Оно содержит богатый фактический материал о политическом строе Монголии в XIV в.

В XIII–XIV вв. у монголов накапливаются юридические знания, о чем свидетельствует появление в начале XIII в. первого кодекса монгольских законов «Великая яса».

Образование Еке Монгол улуса («Великого Монгольского государства») в начале XIII в. вызвало необходимость выработки общих, закреплённых письменно правовых норм и законодательных уложений для управления обширной державой. Для реализации этой цели было использовано обычное право, подвергнувшееся кодификации и изменениям, отвечающим новым условиям. Свод законов и установлений получил название «Великая Яса» (Их Засаг) державы Чингис-хана. Яса (более полная форма «ясак»; монгольское — дзасак, йосун) означает «постановление», «закон».

В «Ясе» содержатся основные элементы государственного, административного, военного, уголовного, гражданского, обычного права монголов, направленные на укрепление феодальных институтов Монголии. В разработке «Великой ясы» принимал активное участие первый верховный судья монгольского государства Шиги-Хутуг, юрист и мыслитель (1180–1262).

«Яса» Чингисхана — это санкционированный им монгольский свод законов и установлений. Новое законодательство формировалось десятилетия: с одной стороны, долго, а с другой — моментально. Для всех монгольских племен Чингисова улуса «Яса» была объявлена, как полагают, на Великом курултае в 1206 г., одновременно с провозглашением Тэмуджина Чингисханом всей Великой степи. Но и после этого «Яса» дополнялась и расширялась. Это произошло в 1218 г., перед войной с Хорезмийским султанатом, и в 1225 г. перед завоеванием Тангутского царства. Но элементы нового стереотипа поведения начали слагаться, надо полагать, до 1206 г., что вызвало резкое сопротивление всех ревнителей старины, для которых личная свобода и безответственность были дороже государственного порядка. Вместе взятые, все эти реформы заложили основу нового монгольского императорского закона — Великой Ясы Чингисхана.

К XIII в. значительного развития достигла монгольская письменная литература, истоки которой уходят в устное народное поэтическое творчество. Об этом свидетельствуют «Сокровенное сказание» и более поздние литературные произведения. Из работ юаньской эпохи наибольшую известность получили «Поучения Чингисхана младшим братьям и сыновьям» и некоторые другие такого же рода, прославлявшие Чингисхана. В XIV в. было создано типичное для того времени произведение «Плач Тогон-Тэмүра», авторы которого скорбят по поводу падения юаньской династии, потери власти над Китаем.

Наряду с феодальной литературой появляются произведения, созданные монгольским народом. Среди них «Повесть о мудрых беседах мальчика-сироты с девятью сподвижниками Чингиса», «Повесть о двух скакунах Чингиса» и др., в которых народ пытался высказать мнение о жизни монгольской феодальной знати. Уникальным памятником народной литературы является лирическая народная песня, относящаяся примерно к концу XIII в. и записанная на бересте

уйгурским алфавитом на монгольском языке. Песня была найдена советскими исследователями в Поволжье, некогда входившем в состав Золотой Орды. В ней выражается беспокойство матери за судьбу сына, отправляющегося служить господину, и прослеживается мысль о противоположности интересов феодальной знати и простого народа.

В XIV в. наблюдается активная деятельность по переводу художественной, особенно буддийской, литературы Индии, Тибета, Китая на монгольский язык. Среди такого рода произведений отметим «Бодичарья-аватара» — древнеиндийское философско-литературное сочинение, переведенное Чойджи-Одсором; «Банзарагч», «Атлангэрэл» в переводе Шарав-Сэнгэ; «Долон Увгуний судар», «Сухбашид» тибетского автора Гунгажалцана в переводе Соном-Гара; «Ачлалт ном», конфуцианское сочинение, изданное в 1307 г., и др. Известным представителем монгольской литературы XIV в. был упоминавшийся ранее Чойджи-Одсор. Им написан ряд интересных литературных произведений: комментарии к десятой главе «Бодичарья-аватары», послесловие в стихах к «Банзарагч», «Воспевание Махагалы» и др.

Исторические хроники XIII–XIV вв. свидетельствуют о существовании в то время разнообразных танцев у монголов — церемониальных, дворцовых, воинственных и др. (например, танец тетеревов, журавлей, перепелки или ястреба, изюбра или марала, ворона и т. п.); в Западной Монголии широко распространился танец «биелгэ» (танец тела).

Сохранилось и немало образцов изобразительного искусства Средних веков и начала новой истории. Уникальным памятником юаньского периода является наскальный барельеф в пади Их-Тэнгэр близ Улан-Батора, в котором неизвестный художник запечатлел женщину в национальной монгольской одежде. Большую историческую и художественную ценность имеет рисунок, подаренный Алтан-ханом правителю Минского государства, изображающий хана в окружении его жен.

О мастерстве монгольских кузнецов, литейщиков, ювелиров свидетельствуют разнообразные находки, обнаруженные в районе Каракорума: бронзовые сосуды, украшенные чеканным орнаментом, серебряные сосуды, бронзовые зеркала, украшения конской утвари. В монгольских источниках упоминается об узорах на дымянке, об изображении лозы, деревьев, птиц, зверей на войлоке, закрывавшем вход в юрту, об украшениях одежды и предметов домашнего обихода. Исходя из результатов исследования крупных сооружений — крепостей и дворцов в монгольских городах, в особенности в Каракоруме, можно говорить о высоком уровне градостроительных и архитектурных традиций в Монголии того периода.

Феодальная раздробленность и междоусобицы, последовавшие вслед за падением юаньской династии, нарушили ход развития культуры Монголии. Однако благодаря творческой энергии монгольского народа культурное развитие страны не остановилось и в этот «темный период» истории.

Продолжала развиваться письменная традиция, прежде всего переводческая деятельность, о чем свидетельствуют 211 фрагментов рукописей, обнаруженных в 1944 г. в монастыре Олон-сумэ (Внутренняя Монголия). В конце XVI — начале XVII в. активизировалась деятельность целой группы ученых, среди которых можно выделить гуши Цорджи Шришилавароба, которому принадлежат переводы многих буддийских сутр. О его историко-философских взглядах можно судить на основании труда «Чухал хэр-эглэгчи» (Шаштра, назы-

ваемая сущность всего необходимого). Другой монгольский ученый, Зая-пандита Халхаский Лувсанпрэнлэй (1642–1715), создал многотомные сочинения по различным разделам буддизма на тибетском языке. Наиболее известным из них является четырехтомное собрание жизнеописаний «Запись глубоких священных книг, прослушанных хуваракон Лувсанпрэнлэем, так называемое "Ясное зеркало"» (1698–1702). Это сочинение содержит материал по истории религии, науки и литературы Индии, Тибета и Монголии. В Западной Монголии Зая-пандита Ойратский Намхайжамцо (1599–1662) занимался преимущественно переводом буддийской литературы на ойратский язык. Намхайжамцо и его ученики осуществили перевод свыше 200 буддийских сочинений. В 1648 г. Намхайжамцо создал новый ойратский алфавит на основе монгольской письменности, названный «Тод бичиг» (Ясное письмо).

В 1628–1629 гг. большая группа переводчиков под руководством Гунга-Одсора завершила перевод с тибетского языка на монгольский 108-томного собрания канонических текстов «Ганджур», включавшего целую коллекцию сочинений по пяти разделам буддийского знания (философия, логика, языковедение, технология, медицина).

Активизировалось также и собственное монгольское письменное творчество. Основным видом историографической деятельности в XV–XVI вв. было составление родословных, ставших позже главными источниками для авторов XVII в., занимавшихся изучением истории Монголии. В развитии феодально-религиозной исторической литературы значительную роль сыграли Хутук-тай Сэцэн-хунтайджи (1540–1586), гуши Цорджи и др.

Наиболее значительными из летописей XVII в. являются «Эрдэнийн тобчи» (1663) ордоского князя Саган-Сэцэна и «Алтай тобчи», написанная неизвестным автором в начале XVII в. В этих летописях содержатся богатые данные, касающиеся исторических событий XV–XVI вв. Известны также летописи «Шара туджи» анонимного автора, «Алтан тобчи», написанная ламой Лубсан Данзаном, «Асрагч нэртийн туух» (История Асарагчи), созданная халхаским князем Жамба, и др. Их ценность определяется заключенными в них сведениями о монгольских племенах и подробными генеалогическими таблицами монгольских княжеских родов.

В XVI–XVII вв. значительного развития достигает художественная литература, происходит интенсивный процесс включения произведений устного народного поэтического творчества в письменную литературу. Центральное место среди произведений такого рода занимает «Повесть о Гэсэр-хане», впервые изданная ксилографическим способом в 1716 г. Однако до первого издания повести существовало несколько ее письменных версий, записанных в конце XVII в. В своем изначальном виде Гэсэриада сохранилась в Тибете, затем широко распространилась среди народов Центральной Азии сначала в устном, затем в письменном виде. Монгольский народ также внес свой вклад в творческую разработку и популяризацию этого произведения, главным действующим лицом которого является любимый народом герой, прозванный «искоренителем десяти зол в десяти странах света».

По своему духу и строю Гэсэриада перекликается с другим крупным эпическим памятником монгольских народов — «Джангариадой», возникшей, как полагают исследователи, более 500 лет тому назад среди ойратов. В изображении богатырских деяний Джангара народ стремился передать свое понимание единства и целостности мира. В результате образ героя стал в какой-то степени

символическим, развернутым в трех планах: космическом — победа человека над демоническими силами стихии, земном — победа разума и долга над безумием человеческих страстей, историческом — победа мудрого правителя над анархией и смутой.

В рассматриваемый период из фольклора переходят в литературу и такие произведения, как «История Убаши-хунтайджи и его война с ойратами», «Легенда о Мандахай-Сэцэн-хатун», «Хвала шести туменам монголов Даян-хана» и др. Дальнейшее развитие получает поэтическое творчество монголов. Об этом свидетельствуют философско-лирические стихи известного политического деятеля Халхи Цогто-тайджи (1581–1637), творчество вышеупомянутого Саган-Сэцэна и др.

В XVI–XVII вв. в связи с распространением ламаизма широко развивается прикладное искусство. Замечательные образцы художественного литья оставил талантливый мастер буддийской скульптуры Ундур-гэгэн Занабазар (1635–1723). Он создал многочисленные фигуры бурханов, бронзовые статуэтки 21 Дар-эх (Тара), а также бронзовую статую Очирдара.

Культура монголов в XVIII–XIX вв. формировалась под сильным воздействием ламаистской религии на духовную жизнь народа, в условиях господства маньчжурских завоевателей, что наложило на нее заметный отпечаток.

В этот период большое значение имела система религиозного образования. При многих буддийских монастырях еще в начале XVII в. открылись специальные школы-дацаны, главным предметом в которых были основы буддизма. Основная цель религиозных школ заключалась в массовой подготовке переводчиков для нужд церкви с индийского и тибетского языков. Обучение было достаточно схоластическим, оторванным от реальной жизни. Кроме того, маньчжурская администрация вынуждена была открыть также школы, готовившие будущих чиновников и писцов для работы в местных канцеляриях. В этих школах преподавали монгольскую, маньчжурскую, китайскую письменность и маньчжурские законы; обучение носило чрезвычайно узкий, однобокий характер.

Еще одной формой распространения грамотности в Монголии были домашние школы (гэрийн сургууль). Специальных программ и учебных пособий для таких школ не существовало. Обучение велось по какой-либо старой рукописной книге, в которой излагались история рода Чингисхана, а также биографии известных деятелей буддийской церкви.

Несмотря на жестокость цинских колониальных властей и их постоянный контроль, в Монголии не прерывалась традиция составления исторических сочинений. Прежде всего следует отметить появление трехтомной летописи Жамбал-Дорджа «Болор толи», в которой описана история монголов до 1820 г. Известны также «Эрдэнийн эрихэ» (Драгоценные четки) халхаского князя Галдана, историческое произведение «Течение Ганги» гуна Гомбоджава; «Золотое колесо с тысячью спиц» Ширээт-гуши Дарма и др.

Историческое исследование «Эрдэнийн эрихэ» (Драгоценные четки) халхаского князя Галдана было переведено П. Б. Балданжаповым и подготовлено к публикации Ц. П. Ванчиковой под названием «История монголов, именуемая "Эрдэнийн эрихэ"» в 2012 г. в Улан-Баторе и Улан-Удэ. Довольно многочисленными были и тибетоязычные исторические произведения, среди них: «Ясное зеркало» Лувсанпрэнлэ, исторические сочинения Сумба-хонбо Ишбалжира, «История буддизма в Монголии» гуши Цэмбэла, «История буддизма в Монголии» Дармадалы и др. Крупным представителем критического направления в

монгольской историографии был Рашипунцуг, написавший в 1775 г. «Историю Юаньской династии», известную под названием «Болор эрихэ» (Хрустальные четки). Характерно стремление отдельных летописцев расширить географические рамки исторических исследований, включить в них Китай, Индию, Тибет и другие азиатские страны.

В 1718–1722 гг. был опубликован отпечатанный ксилографическим способом «Ганжур», переведенный на монгольский язык, как отмечалось ранее, в период правления Лигдэн-хана. В 1741–1749 гг. была издана буддийская энциклопедия «Данджур» (225 томов). Она представляет собой богатую коллекцию трудов древнеиндийских и отчасти тибетских авторов по различным отраслям знания (философия, логика, лингвистика, поэтика, риторика, медицина, искусство, астрология, математика и т. д.). Переводу «Данджура» предшествовала большая подготовительная работа по составлению терминологии и правил перевода древних текстов на монгольский язык. Специальная коллегия во главе с ученым Джанда Ролби Дорджэ (1717–1786) составила тибетско-монгольский терминологический словарь «Мэргэн гархын орон» (Источник мудрецов).

Литературная деятельность в рассматриваемый период не ограничивалась только переводами иностранных сочинений. Монгольские авторы создали довольно обширную литературу, главным образом на тибетском языке, где охватывается широкий круг вопросов, начиная с религиозной догматики и завершая поэтикой и логикой. Из авторов, писавших свои произведения на тибетском языке, наиболее известны Сумба-хамбо Ишбалжир (1704–1788), Лхарамба Агвандандар (1759–1852), Лувсандагва Даржа (1734–1803), Агванхайдав (1779–1838), Агванбалдан (1797–1864), Лувсанчултэм (1740–1810), гуши Цэмбэл Дара-Мадал, Жамьянгарав (конец XIX — начало XX в.).

Примечательным явлением в духовной жизни монголов в этот период было возникновение религиозного обновленческого движения, нашедшего отражение главным образом в тибетоязычной литературе. Представителями этого течения были Агванхайдав и Агванбалдан, а также Агвандорж, Равжай (1803–1856), Дандар (1835–1915), Зава-Дамдин (1867–1937) и др. В их трудах острой критике подвергаются невежество и аморальность высших лам, а также алчность и жестокость монгольских феодалов и маньчжурских правителей.

Особенностью художественной литературы этого периода являлось заметное усиление двух основных направлений: религиозно-феодалного и светско-демократического. К числу религиозных произведений можно отнести намтары (биографии) святых типа намтары Нэйджи-тойна, «Повесть о Молом-тойне», «Повесть о Ногон-дар-эх», «Повесть о Цаган-дар-эх», «Лунная кукушка» и др. Широко популярной была переводная литература: рассказы из древнеиндийского эпоса «Рамаяна», отдельные рассказы из «Панчатантры», «Рассказы Веталы», «Шидит хуур» (Волшебный мертвец), повесть о царе Викра-мадити (Бигармижид хааны туух), о царе Гэсэре (Гэсэр-хааны намтар) и др. Переводились некоторые произведения китайской художественной литературы: «История трех царств», «Путешествие на Запад», «Сон в Красном тереме» и другие.

В период маньчжурского господства развивается фольклор. В народе распространялись многочисленные былины, которые повествовали о победе народного героя-богатыря над многоголовым чудовищем (мангасом). Появились такие рассказы, как «Бадарчины улгэр» («Рассказ странника»). В рассказах этого цикла ярко выражен антифеодалный и антиламский характер. Ближе примыкают к «Бадарчины улгэр» рассказы, главным героем которых является

Балансэнгэ — ловкий, находчивый, остроумный персонаж. В XVIII в. появилось сказание об Амурсане, возглавившем народное восстание в Западной Монголии против маньчжурских завоевателей.

К концу XIX в. усиливается демократическое и критическое направления в оригинальной светской литературе. Представителями нового реалистического направления в монгольской литературе были Хуульч-Сандаг (первая половина XIX в.), Инжиннаш (1837–1892), Гэлэгбалсан (1846–1923), Данзанванжил (1854–1907), Хашигбат (1849–1916) и др.

Хуульч-Сандаг вводит в литературу нового героя — арата-скотовода, повествует о его трудной жизни и заботах, воссоздает картину реальной жизни на стойбищах скотоводов. Его произведения, обычно небольшого объема, назывались «Слово» (Уг). К таким произведениям относятся «Слово тающего снега», «Слово волка, попавшего в облаву», «Слово антилопы, попавшей в западню», «Слово верблюжонка, разлученного с маткой», «Слово о хороших и плохих чиновниках и писарях» и т. д.

Гэлэгбалсан, талантливый поэт и народный сказитель, сочинял большие юроолы (благопожелания), среди них: «Как у неба просили дождя», «Благопожелания наадама», «Благопожелания айрага», «Благопожелания девяти белых» и др.

Поэт Д. Равжа создал ряд лирических песен, проникнутых искренней любовью к родине, своему многострадальному народу. Н. Данзанванжил в произведении «Золотые поучения гэгэна из Гунгийдзуу» критиковал высших лам за пристрастие к материальным благам, стяжательство и торгашество, возмущался их лицемерием. Автор романов «Синяя книга» и «Одноэтажный павильон» В. Инжиннаш говорил уже не об отдельных ламах и их поступках, а обо всей ламаистской церкви и ее отрицательной роли в жизни монголов. Поэт Р. Хашигбат в своих стихотворениях «Иноходь двух коней», «Высокое синее небо», «Скверные времена», «Равенство», «Дугуйлапы» и др. выступил с критикой несправедливого режима, он был активным борцом за освобождение народа от национального и социального гнета. Его творчество пронизано пониманием того, что корень зла не в отдельных представителях феодально-теократической знати, а в гнилости всего феодального строя.

В рассматриваемый период отмечаются определенные достижения в отдельных отраслях науки. В частности, много внимания уделялось изучению родного языка: был создан ряд работ по монгольской грамматике, а именно комментариев к «Сердечному покрову» Данзандагвы, «Украшение речи» Агвандандара, лингвистические труды Билигун-Далая, «Почтения разума» Тохтохтора, «Золотое зеркало» Лхамсурэна и др. Монгольские авторы занимались изучением и других языков, прежде всего тибетского и санскритского, составлением двуязычных и многоязычных словарей. Из трудов по тибетской и санскритской грамматике наиболее известны сочинения Зая-пандиты, Лувсан-прэнлэя, Сумба-хамбо Ишбалжира, Агвандандара, Лувсанданш, Бичээж-цоржи, Агвандоржа и др.

Был написан ряд интересных трудов по теории поэзии на тибетском языке; это работы Сумба-хамбо, Бичээж-цоржи, Агвандоржа, Агвандандара, Жамьян-Гарбо.

Интересным памятником монгольской культуры середины XIX в. являются этико-экономические наставления Тохтохтора, дзасак-нойона Цэцэнханского аймака, одна из первых экономических работ в дореволюционной Монголии.

О юридических и правовых знаниях монголов можно судить по таким крупным памятникам монгольского феодального права, как «Их цааз» (Монголо-ойратское уложение), изданный в 1640 г., и «Халха Джирум», опубликованный в 1709 г. Они имеют большое значение для исследования общественного строя монголов в XVII–XVIII вв. и положения народных масс в указанный период.

Исторические источники свидетельствуют также о развитии астрономии, математики, медицины и других отраслей научного знания. В частности, еще в отдаленные времена монголы выработали способ счета, собственные названия числительных и разрядов чисел, дробных чисел, понятия множества, меры длины, площади, объема, веса, обозначение денежных единиц. Как и другие народы мира, монголы создали множество математических задач, решение которых требовало острого ума и сообразительности. Большое значение в развитии математики и астрономии имел монгольский зурхай — своеобразный алгоритм математического вычисления, основанный на закономерной повторяемости четырех времен года. Все предметы и явления по зурхаю характеризовались числами. Он использовался с древних времен при составлении календарей (лунного, солнечного, звездного), определении движения звезд и планет, измерении длительности дня и ночи и других вычислений.

Известно имя крупного монгольского математика Мянгата (1685–1770), создателя четырехтомного труда по тригонометрии, в котором отражен новый путь решения формулы разложения тригонометрических функций. Он проделал также большую работу по систематизации математических достижений ученых Западной Европы. Кроме того, Мянгат оставил многотомное сочинение по астрономии «Очерки по проверке и познанию природных явлений», в котором рассматриваются закономерности строения и развития Вселенной. Труды Мянгата стали вкладом в математическую науку того времени, а его исследования по астрономии послужили практической основой для составления в 1736 г. календаря Цинского государства.

Монгольские лекари-оточи, изучая и обобщая длительные наблюдения монгольской народной медицины, вывели логическую схему причин, течения и лечения ряда заболеваний, которая нашла отражение в их трудах. К числу таких лекарей относится Ишбалжир, написавший пять работ, в которых содержатся ценные сведения о свойствах лекарственных растений и способах их применения. Значительный интерес вызывает труд Жамбал-Доржа «Оман Тумбэ», в котором описаны лекарственные средства растительного, животного и минерального происхождения. Большую ценность представляют рецептурные и иные сведения, оставленные такими лекарями, как Чойнбол-тойн, Мижид-Дорж, Хошгой Мэйрэн, Ишданзан-Ванжил, Лунрэг-Дандар, Ёндон и др.

Под руководством Чойнбол-тойна вышел в свет коллективный труд монгольских медиков «Выбор первых необходимых лекарств». Из других сочинений отметим «Всемирные полезные нектарные соки» Мижид-Доржа, «Популярная фармакология» Хошгой-Мэйрэна, «Пять минеральных источников» Дандара и многие другие. Большим научным достижением того периода было издание «Медицинского энциклопедического словаря» Ёндона. С укреплением в Монголии ламаизма большое распространение в стране получила также и тибетская медицина. Тибетские врачи-ламы, используя господствующее положение буддийской церкви в стране, постепенно стали теснить монгольских народных врачей, а затем и запрещать народное лечение. Несмотря на это, народная медици-

на с ее многовековым опытом продолжала использоваться в повседневной лечебной практике и даже оказала существенное влияние на развитие тибетской медицины.

Также успешно развивались различные виды искусства. В стране широко распространились пышные театрализованные представления — цамы (священные танцы-пантомимы), на которых ламы, надев различные маски, изображали борьбу добрых и злых духов. Часто в монастырях ставились также инсценированные классические китайские и индийские произведения; в этих представлениях имелось много элементов и монгольского народного искусства. Развивалось также песенное искусство монголов, которое отличалось разнообразием форм, жанров, глубиной содержания, поэтичностью, самобытными исполнительскими традициями. С давних времен известны многочисленные хвалебные песни, оды-восхваления, величальные песни, связанные со свадебным обрядом, праздничным ритуалом надомских игр, пьесы-сказки и т. п. Своеобразной классикой народного песенного творчества стала монгольская протяжная песня — уртын дуу, завоевавшая ныне мировое признание и вызывающая большой интерес у зарубежных ценителей фольклора.

Одним из выдающихся представителей монгольской национальной живописи конца XIX — начала XX в. является основатель современного монгольского изобразительного искусства Б. Шарав (1886–1939). В его творчестве ярко проявились обличительные тенденции, особенно характерна в этом отношении картина «События одного дня», на которой в сатирическом духе изображается быт феодалов и лам дореволюционной Монголии; в ряде других произведений он мастерски запечатлел на полотне отдельные сцены из общественной жизни Монголии того времени. Художник владел различными жанрами. Он писал портреты, сюжетные картины, был признанным графиком-пластиком.

Дальнейшее развитие получили также и богатые традиции творчества монгольских народных умельцев. Ими были созданы художественные изделия из золота, серебра, бронзы, меди, слоновой кости, сандалового дерева, а также вышивки, аппликации и многое другое. Почетное место в народном искусстве занимает орнамент, в котором отображался преображенный народной фантазией мир реальной действительности. Отличительной особенностью монгольского орнамента является его богатейшая символика, идущая от времен поклонения огню, молнии, облакам, горам и т. п. Монгольские орнаменты красочны, контрастны, оптимистичны; форма их отличается ясностью, простотой и лаконичностью.

В области материальной культуры произошли сдвиги, вызванные усиленным строительством буддийских храмов и монастырей, а также развитием градостроительства. Широко известен в стране и за рубежом музей-дворец Богдо-гэгэна, основанный в 1893 г. Художественное творение народных мастеров — монастырь Чойджин-ламы в Улан-Баторе. Настоящей сокровищницей древней монгольской культуры и ценнейшим памятником монгольского зодчества является монастырь Эрдэни-дзу, построенный еще в конце XVI в. на месте старой столицы Монголии — г. Каракорума.

В культурной жизни страны в период монгольской монархии наблюдались новые явления в связи с началом взаимоотношений с другими странами, в первую очередь с Россией. В это время в Монголию начали проникать идеи Великой Октябрьской социалистической революции, что имело важное значение для дальнейшего развития монгольской национальной культуры.

Как положительное явление следует рассматривать зарождение светской школьной системы в этот период. В 1912 г. при министерстве иностранных дел в Урге открылась школа, в которую было принято 47 учеников из четырех аймаков и шабинского (церковного) ведомства. В том же году при министерстве иностранных дел стала функционировать школа русского языка для монгольских детей, в которую были приглашены учителя из России. В 1912 г. при участии русских инструкторов в Худжир-Булаке было создано военное училище.

Значительным культурным достижением этого времени стало зарождение современной монгольской прессы, в ноябре 1920 г. появилась первая революционная монгольская газета «Монголын унэн».

6 марта 1913 г. вышел первый номер журнал-газеты «Шинэ толь» (Новое зеркало), с 1915 г. начала издаваться газета «Нийслэл хурээний сонин бичиг» (Столичная газета). В этих периодических изданиях авторы статей остро критиковали реакционную сущность правящего режима в стране, экономическую и культурную отсталость Монголии, сообщали монгольским читателям о революционных событиях в России и Китае, знакомили их с международным положением.

В связи с ростом национального самосознания монгольского народа в ходе национально-освободительного движения усилился интерес к истории страны. В 1918–1919 гг. была написана новая официальная история Монголии в 11 томах под названием «Зарлигаар тогтоосон Монгол улсын шастир» коллективом авторов: Цэрэндэв, Гомбоцэрэн, Галсандоной, Ш. Дамдин, Сумья, Дашням, Тогтох, Насрайжав.

Из историков этого периода выделяется Ш. Дамдин (1867–1937), который с 1900 по 1920 г. написал ряд известных работ (Хронологический трактат, Краткая история буддизма в Монголии), начал составлять обширную историю Монголии под названием «Золотая книга», сделал перевод «Путевых заметок Фасяна» и т. д.

Новые веяния, способствовавшие усилению реалистического и критического направлений, наблюдались в монгольской литературе. Плодотворно продолжали творческую деятельность Гэлэгбалсан, Лувсан и др. Знаменитый народный поэт Лувсан-хуурч в своих произведениях отразил думы народа, вставшего на путь освободительной борьбы.

Правительство Богдо-гэгэна при участии русских советников создало «Комитет по исследованию Монголии», в задачу которого входило изучение народонаселения, хозяйства, выявление геологических ресурсов, составление географической карты Монголии.

Таким образом, духовная и культурная жизнь монгольского народа обогатила евразийский этномир, культуру nomadных народов новыми самобытными шедеврами. В условиях феодально-теократической монархии Цинов культурный процесс монгольского народа в силу объективных условий не смог быть глубоким и всеобъемлющим. Избавление Монголии от маньчжурского господства способствовало развитию монгольской самобытной культуры, отличной от ханьской и маньчжурской.

Часть VIII

МОНГОЛИЯ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНО-ТЕОКРАТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ

Тема 1. Исторические условия образования монгольского теократического государства

Рубежный период последней трети XIX — начала XX в. в евразийской истории ознаменовался масштабными социально-экономическими и политическими катаклизмами. Эволюция азиатских народов — от кочевой до земледельческо-индустриальной межцивилизационной оси «Восток-Запад» — характеризовалась вступлением в новую парадигму развития истории.

Государства Азиатско-Тихоокеанского региона на рубеже XIX–XX вв. подверглись глобальной империалистической борьбе «за передел уже поделенного мира». Старые классические колониальные державы начинают уступать место новым, быстрорастущим империалистическим хищникам в лице Японии, России, США, Германии. Монголия в начале XX в., представляя собой специфический кочевническо-скотоводческий регион Азии, являлась лакомым сырьевым и сбытовым рынком агрессивных мировых международных игроков.

Для определения исторического места Монголии во вступающем в глобализационную фазу развития евразийском мире современным востоковедам необходимо дать теоретическое определение ее места в «исторической синхронии». В основу могут быть положены исторические блоки: дальневосточный (китайский), южно-азиатский (индостанский), расширенный ближневосточный и североафриканский (доисламский и исламский) и европейский». В многовековой героической истории монгольского этномира все вышеперечисленные исторические блоки в эволюционной ретроспективе евразийских народов были пройдены.

Монгольское феодально-аратское государство, находящееся в составе Цинской империи, своим геостратегическим положением в межгосударственном треугольнике «Россия-Монголия-Китай» в межимпериалистическую эпоху приобретает особое значение, как плацдарм для захвата восточных окраин России.

Внешнеполитическая особенность Монголии в этот период определялась сочетанием активного и пассивного начала в монгольском курсе на мировой арене (Монголия как объект политики России, Китая, Японии и Монголия как субъект собственной государственной политики).

В первую очередь Монголия становится объектом межимпериалистической борьбы между царской Россией и Японией. Страна привлекала внимание своими богатыми природными ресурсами, как выгодный источник сбыта товаров империалистических монополий. Столкновение интересов Японии и России на Дальнем Востоке привело к Русско-японской войне 1904–1905 гг., завершившейся поражением царского правительства. Оно было вынуждено вступить в сговор с Японией о разделе сфер влияния. В 1907 г. было заключено секретное соглашение, по которому Внешняя Монголия признавалась сферой влияния царской России, а Внутрен-

ния Монголия (исключая Баргу) — сферой влияния Японии. Эти соглашения во многом определяло положение Монголии в региональной политике до 1921 г.

Цинская империя предпринимала превентивные действия в ответ на растущее влияние России и Японии в Монголии, тем самым пытаясь обезопасить себя от прямого влияния на их внутренние дела. Национально-освободительное движение монгольского народа было пусть не хрестоматийным, но одним из проявлений антиколониальной, антиимпериалистической борьбы, которая охватила народы Востока в конце XIX — начале XX в. «Пробуждение Азии» — В. И. Ленин назвал этот этап в истории стран Востока, подчеркивая, что его развитию способствовали мировой капитализм и русская революция 1905 г.

Провозглашение независимости Монголии произошло в сложной международной обстановке, в условиях резкого обострения межимпериалистических противоречий. Одним из важных факторов, влиявших на международную обстановку на Дальнем Востоке после Русско-японской войны, было обострение англо-франко-германского соперничества, требовавшего концентрации внимания империалистических держав на европейских проблемах. Свои же интересы в Китае, Монголии, Корее и других дальневосточных странах эти государства стремились осуществлять с помощью политики лавирования, выжидания, временных межимпериалистических соглашений и союзов.

Быстрая активизация германского империализма в борьбе за сферы влияния на Востоке после Русско-японской войны заставила английскую и французскую дипломатию искать сближения с Россией и — чтобы дальневосточные дела не слишком отвлекали внимание царского правительства от Европы — предпринять ряд действий в направлении русско-японского сближения.

Результатом этого явилась подписанная 30 июля 1907 г. русско-японская общеполитическая конвенция. Этот документ способствовал серии договоров между Россией и Японией (имеются в виду соглашения 1910 и 1912 гг.), которые в своих секретных статьях оговаривали согласованность русско-японских действий в Маньчжурии, Монголии и Корее: Внешняя Монголия признавалась сферой влияния России, а Внутренняя Монголия и Корея «отдавались» Японии. Эти внешнеполитические факторы оказывали существенное влияние на оформление международного статуса монгольской феодально-теократической монархии.

С середины XIX в., в связи с разрушением изоляции Цинского Китая от мирового сообщества, Монголия попадает в сферу влияния мировых держав. Огромная страна, лежащая в центре азиатского континента, как важный сырьевой объект капиталистической эксплуатации, как будущий плацдарм военных действий становится объектом изучения со стороны российских, европейских ученых.

Географические открытия россиян в Монголии были санкционированы государственной политикой Русского географического общества и Генерального штаба Российской армии по командированию и финансированию многочисленных научных экспедиций. В период с 1870 по 1920 г. в Монголию было отправлено 150 российских экспедиций различного профиля.

Исследовавшие монгольский регион русские ученые-востоковеды были в основном офицерами царской армии, командированными для изучения и картографирования будущего театра военных действий, определения мест будущих стоянок, водных ресурсов и т. д.

Экспедиции возглавляли выдающиеся русские путешественники — первооткрыватели Центральной Азии, Тянь-Шаня, российского и монгольского Алтая и

других сопредельных территорий: Н. М. Пржевальский, Г. Н. Потанин, П. К. Козлов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Б. Я. Владимирцов, В. А. Обручев и др.

Необходимо отметить, что эти экспедиции были организованы Генеральным штабом Российской армии, Русским географическим обществом (РГО) и Восточно-Сибирским отделением РГО (ВСОРГО), центром которого являлся город Иркутск. Большое значение также имел Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева, созданный в рамках Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. В 2015 г. этот первый музей на территории России восточнее реки Лены отметил свое 125-летие.

Большую роль в этих экспедициях сыграли выдающиеся бурятские ученые-путешественники, священнослужители: Г. Ц. Цыбиков, Б. Б. Барадин, Ц. Б. Бадмажапов, А. Доржиев, Б. Р. Рабданов, П. А. Бадмаев, служилые люди из числа забайкальских казаков и вольнонаемных, принимавшие активное участие в этих походах в качестве проводящих, переводчиков, помощников-исследователей и т. д.

Эти многочисленные географические экспедиции были «сколочены по армейскому принципу» со строгой дисциплиной и порядком. Другой характер имели торгово-экономические экспедиции приграничных российских купеческих домов с монголами и представителями китайского торгово-ростовщического капитала, опустошавшего основную аратскую массу своими непомерными долговыми обязательствами. Руководители этих торговых экспедиций и коммерсанты также оставили свои торгово-экономические и географические записки о Монголии.

Историко-географический, этнографический вклад российских и бурятских просветителей имел большое значение для познания европейцами загадочного Востока. Проникновение в Монголию европейского, японского и американского капитала через китайских торговцев и ростовщиков приводило к зарождению капиталистических отношений в стране. Торгово-ростовщический капитал Китая сыграл негативную роль в истории Монголии, явившись экономическим олицетворением чужеземного гнета. Под непосредственным покровительством цинского двора китайский торгово-ростовщический капитал паутиной охватил экономику Монголии.

Длительное маньчжурское правление, не способное справиться с внешне- и внутривосточными трудностями, проникновение зарубежного империалистического ростовщического капитала в Цинскую империю, усиление налогового двойного гнета (нойонатского и ламского) аратов, эксплуатация маньчжуро-китайского торгово-ростовщического капитала — все это способствовало полному обнищанию и разорению экономики монгольского государства. Поэтому в начале XX в. Монголия находилась в положении периферийного аймака Цинской монархии.

По оценкам монгольских ученых, в начале XX в. «благородное» (сайн хумуус) сословие светской (владельцы князья — дзасаки, не владельцы — тайджи, зятья императора — эфу) и духовной (перерожденцы буддийских святых — хубилганы, хутухты, настоятели — цоржи и казначеи — шанзотбы более 700 монастырей) знати имело почти половину поголовья скота (49,5 %) — основного национального богатства. По численности они составляли всего 7,8 % от примерно 600–650-тысячного населения страны. Простолудины и чернь — хархумуус (92,2 %), т. е. все категории зависимого аратства (сомонные араты или араты-албату, хамжилга и шаби), имели 50,5 % поголовья скота. В то же время население российских приграничных регионов Сибири и улусов Монголии с середины XIX в. активно занималось приграничной торговлей.

Со строительством Транссибирской магистрали потерял свое значение Великий Чайный путь, связывающий административные единицы Китая, Тибета, Монголии со странами Средней Азии и Россией.

Развитие мирового океанского судоходства губительно повлияло на российский евразийский чайный транзит. В результате этого Россия, имевшая некоторые экономико-политические преимущества, в частности в Северном Китае, мгновенно их утратила. В этой ситуации резко изменяется таможенный курс. Прежняя меновая торговля с Китаем (промышленные изделия на чай) замещается монетарными металлами и затем денежным эквивалентом. В острой торгово-экономической борьбе, не выдержав конкуренции с китайским капиталом, русское купечество было вынуждено постепенно сократить свои торговые обороты во Внешней Монголии. По данным Кошагачской таможни, на западной границе Внешней Монголии с 1900 по 1909 г., т. е. за 10 лет, ввоз мануфактуры из России во Внешнюю Монголию сократился в 10 раз. То же наблюдалось и по другим таможням. Китайский торговоростовщический капитал сохранял свое господствующее положение на монгольском рынке до 1911 г., когда политическое положение во Внешней Монголии изменилось в пользу России.

В начале XX в. Цинская империя стала проводить активную колониционную политику по освоению и заселению монгольских земель ханьцами, что вызвало возмущение и противодействие коренного монгольского населения. Монголы оказались перед выбором: смириться или оказать сопротивление надвигающейся катастрофе, чтобы не потерять своей самобытности, не оказаться ассимилированным народом.

Цинское правительство учитывало эти социальные и политические изменения. 30 августа 1901 г. был издан императорский указ о необходимости проведения реформ, после чего властями была объявлена т. н. «новая политика». Она была призвана охватить все части и окраины, за счет чего цинские власти предусмотрели решение насущных проблем. В этом отношении особое место отводилось Монголии. Ставилась задача использования огромных свободных земель и полезных ископаемых этой страны, были намечены реформы в разных сферах жизни монголов. Практические действия маньчжурских властей начались с расширения структуры Ли Фань юань — Палаты внешних сношений в Пекине, ведающей монгольскими делами.

В связи с этим была составлена карта некоторых монгольских хошунов и началась работа по измерению и подготовке к распадке сопредельных с Россией земель. Для задуманного дела в Урге создавалась Особая комиссия, на которую была возложена задача провести регистрацию пахотных площадей Тушету и Сэцэн хановских аймаков. В 1910 г. цинские власти отменили закон, запрещавший ранее посев монгольских земель. Было разрешено китайским переселенцам ехать в Монголию с семьями. Шла тотальная подготовка к экономическому вторжению китайцев в пределы Халха-Монголии.

Меры реорганизации цинских войск по японскому и европейскому образцу распространялись на монгольские войска и караулы, для чего от монгольских аймаков и хошунов требовали подробную информацию о состоянии войск. Для соблюдения общественного порядка и предупреждения сопротивления масс в 1905 г. в Халхе начали создавать отделы карательной полиции. Для монопольного управления финансовыми потоками Монголии цинские власти организовали таможенные комитеты и открыли Дайцинский банк в Урге.

Активизация «новой политики» Цинов в Монголии в экономической сфере усилила торгово-ростовщическую деятельность китайских купцов. Все это резко обострило антиманьчжурские настроения монголов. Цины отреагировали на это. В 1907 г. был издан императорский указ об участии представителей Монголии в будущем цинском парламенте. Для осуществления реорганизации в начале 1911 г. в Ургу прибыл специальный уполномоченный Военного министерства с большой группой чиновников. В июне 1911 г. в Пекине состоялось совещание о ходе выполнения плана колонизации, в результате был сделан вывод о том, что Внешняя и Внутренняя Монголия готовы к «единению» с Китаем.

С началом «новой политики» монголы развернули национально-освободительное движение по всей стране. Этому способствовала запутанная внешнеполитическая ситуация: с одной стороны, происходили антиманьчжурские выступления в Китае, а с другой — царская Россия имела свои интересы.

Антиманьчжурские настроения монголов обострились в самом начале XX в., когда после восстания Ихэтуаней в страну хлынула волна китайских переселенцев, часть которых перебралась к плодородным землям рек Иро и Селенга. Это вызвало беспокойство у монгольских властей. Пребывавший в изгнании в Халхе XIII Далай-лама призывал выступать против маньчжуров и добиться национальной независимости, что находило горячий отклик у монголов.

В правящей верхушке монгольского общества сложилось два направления: пророссийской и прояпонской ориентации. Светская монгольская элита понимала, что в борьбе за обретение независимости необходимо обратиться за помощью к России.

Тема 2. Внутри- и внешнеполитические особенности Монгольского теократического государства. Монголия на пути к государству-нации

Вспыхнувшее в 1911 г. Учанское восстание ознаменовало начало Синьхайской революции в Китае. В этот период Россия проводила антикитайскую политику, поддерживая во Внешней Монголии как отдельных лидеров, боровшихся с цинским режимом в Монголии, так и в целом политику монгольской духовной и светской элиты, направленную на сохранение суверенитета и самобытности Монголии. События в Учане послужили сигналом к действию для монголов во главе с Джебцун-Дамбой-хутухтой. Ургинский гарнизон, состоящий из ханьцев, ненавидящих маньчжуров, отказался защищать китайского наместника Сань До. В этих условиях инициаторы национального движения стали объединяться вокруг Богдо-гэгэна, имевшего огромный авторитет в Халхе и за ее пределами.

Для обсуждения насущных вопросов 28 июля 1911 г. было созвано совещание князей 4-х халхаских аймаков и высших лам, где большинство, заявив о несовместимости «новой политики» с нравами и обычаями, жизненным укладом и вероисповеданием монголов, решило отвергнуть ее. При этом инициаторы национального движения приняли решение отделиться от Цинского Китая и возродить национальную государственность, рассчитывая на поддержку со стороны царской России.

Богдо-гэгэн VIII Халха-Джебцун-хутухта. Интронизация 16 декабря 1911 г. Предшественник: Лигдэн-хан (XVII в.). Монарх Монголии с ограниченными правами (1921–1924). Первый и последний великий хан независимой Монголии с конца XVII в.

Это знаменательное событие свидетельствовало о стремлении монгольского народа к суверенитету, росте национального самосознания, национально-освободительной борьбе против маньчжурской династии. В итоге 35 из 49 хошунов Внутренней Монголии, а также чахарские и баргутские хошуны Хулунбуира заявили о своем желании присоединиться к

Монгольскому государству, обнародовав при этом свои петиции и прислав своих представителей.

Их послания были приняты монгольской стороной, и известные лидеры национального движения Внутренней Монголии поступили на службу монгольскому правительству. Несмотря на скудный бюджет и финансовые затруднения, правительство находило нужным выделить оружие для своих братьев, что вызвало недовольство со стороны России.

Внешняя Монголия становится центром притяжения монгольских народов, которые, воспользовавшись случаем, стремились к объединению. Эти события вызвали резкий протест со стороны китайского правительства, которое направило военные силы в монгольские хошуны. Китайские войска всюду жестоко обращались с монгольским населением, вследствие чего внутримонгольские хошуны обратились к Правительству Внешней Монголии с просьбой о защите. Возник вопрос о скорейшем освобождении Улясутая и Кобдо, где еще находились маньчжурские представители. Временным правительством было дано распоряжение западным аймакам мобилизовать войска и освободить Улясутай, благодаря чему 21 января 1912 г. маньчжурский амбань сдался без сопротивления.

Несколько сложное положение было в Кобдоском крае, за который держались цинские власти, предпринимая разные попытки, чтобы оставить его вне предела Монгольского государства. В городе Кобдо все еще правил последний представитель свергнутой Маньчжурской династии, скопилось большое число китайских купцов, сбежавших из разных мест Хатхи.

Монгольское правительство отправило войска под командованием М. Дамдинсурэна и Хатанбаатара Магсаржава. Из-за сопротивления китайских войск, пришедших из Синь-цзяня, бои за Кобдо продолжались 3 месяца с перерывами, и только 7 августа 1912 г. после 2-дневной атаки в город вошли объединенные монгольские войска под командованием известных военных и религиозных деятелей Внешней и Внутренней Монголии. Примечательным был национальный состав войск — хатхасцы, чахары, торгуты, урянхайцы и дербеты, что свидетельствовало о единой цели монгольских народов.

Монгольские правящие круги стремились создать объединенное государство, включавшее Хатху, Западную Монголию и княжества Внутренней Монголии. Добиваясь образования единого национального государства, феодальная верхушка

Монголии руководствовалась не столько общенациональными интересами, сколько желанием закрепить за собой право на монопольную эксплуатацию аратства. Но объективно такая политика была прогрессивной, так как была направлена на возрождение национальной государственности и способствовала подъему национального самосознания. В своих планах монгольские феодалы рассчитывали на поддержку царского правительства и с этой целью направляли для переговоров в Россию одну за другой представительную делегацию.

Первая монгольская делегация во главе с командующим войсками Тушэтуханского аймака М. Ханд-Дорджем, впоследствии министром иностранных дел в правительстве Богдо-гэгэна, находилась в России с августа по октябрь 1911 г. 15 августа 1911 г. в российской столице монгольская делегация преподнесла императору Николаю II «Послание Богдо-гэгэна», состоящее из 21 пункта. Они предложили следующую внешнеполитическую программу: а) независимость Внешней Монголии от Китая (рассматривался также вариант протектората России); б) объединение Внутренней, Внешней Монголии, Барги, Урянхайского края и создание Великой Монголии; в) активная военная и политическая помощь со стороны России против Китая; г) постоянное представительство Урги в Петербурге и дальнейшее расширение российских торговых прав и привилегий. Тем самым в программе было отражено желание монгольской стороны добиться признания своей независимости и заключения договоров по ряду вопросов.

Российские представители в беседах с монгольскими уполномоченными, отмечая ценность «добрых отношений России с соседними монгольскими племенами, заверили их в твердом намерении России влиять на Китай» в плане прекращения усиленного переселения китайцев и отправления войск в пограничную с ними Монголию.

Российские власти в этот период не имели готовой стратегии решения монгольского вопроса. Тем не менее царское правительство решило принять на себя посредничество в отношениях между монгольским государством и Китаем и оказать монголам возможную поддержку. Поэтому царское правительство под влиянием сложной международной обстановки отказалось признать полное отделение Монголии от Китая и присоединение к Халхе Внутренней Монголии и Барги. Дальнейшее оформление статуса государства Богдо-гэгэна происходило в соответствии с международно-правовой практикой эпохи «передела уже поделенного мира». В этот период судьбы малых народов определялись не их национальными интересами, а политикой империалистических держав.

В России широкая дискуссия в прессе и правительстве в этот период показала, что для российской общественности события в далекой Монголии далеко не безразличны, что в стране имелся целый спектр различных мнений и подходов к решению монгольского вопроса, отражающих как региональные, так и социально-политические особенности той или иной группы населения. Одновременно она обозначила место официальной политики, исключавшей крайности в подходах к вопросу о суверенитете Монголии.

Выделялось два направления: от крайне правой, захватнической направленности, вплоть до присоединения Монголии к России, так и либеральной умеренной политики, выступавшей за посредничество в решении монгольской проблемы.

В разрешении этих проблем необходимо было иметь в виду особый статус Внешней Монголии в составе Цинской империи, определенной в форме наместничества-протектората и закрепленной средневековыми специальными законами XVII в. — «Монгольским уложением» и «Уложением китайской палаты внешних

сношений». Наряду с этим во Внешней Монголии действовал и внутренний закон — «Халха Джирум».

В то же время вопреки надеждам халхаской верхушки Россия была против планов создания не только Великой Монголии, но и независимости Внешней Монголии. Она выступала за ее широкую автономию. Такая политика объяснялась тем, что в отношении Монголии у российской правящей элиты были свои межимпериалистически торговые, экономические и военные интересы.

17 августа 1911 г. состоялось Особое совещание с участием высших сановников России — министров финансов, иностранных и военных дел, торговли и промышленности, где было решено частично удовлетворить просьбу монголов, поддерживав их стремление дипломатическим путем — выступить посредником между Монголией и Китаем. В рамках этого было подготовлено заявление Цинскому правительству по поводу проводимых им преобразований во Внешней Монголии. При этом не затрагивалась проблема полного отделения Халхи от маньчжуров и признания ее независимости.

По возвращении делегации М. Ханд-Доржа из России 28 ноября монгольские лидеры обратились к Богдо-гэгэну с просьбой разъяснить свою позицию. Был организован Комитет князей и высших лам для руководства переворотом.

В ответ вышел указ Хутухты «...о наступлении времени, когда все монгольские народы должны объединиться воедино и образовать свое самостоятельное государство». Было создано Временное правительство во главе с Чагдаржавом, председателем сейма Тушету-хановского аймака. Решено было объявить о возведении Богдо-гэгэна на ханский престол, мобилизовать 1000 войск из 4 халхаских аймаков. Через несколько дней уже было собрано более половины тысячи войск из близлежащих хошунов.

1 декабря 1911 г. было опубликовано обращение к монгольскому народу, в котором говорилось: «Наша Монголия с самого начала своего существования была самостоятельным государством, а потому, согласно древнему праву, Монголия объявляет себя независимым государством с новым правительством, с независимой от других властью в решении своих дел. Ввиду изложенного сим объявляется, что мы, монголы, отныне не подчиняемся маньчжурским и китайским чиновникам, власть которых совершенно уничтожается, и они вследствие этого должны отправиться на родину».

Таким образом, в 1911 г. в Монголии в результате подъема национально-освободительного движения монгольского народа было свергнуто более чем двухвековое господство маньчжурских завоевателей и провозглашено независимое монгольское государство, неограниченным правителем которого был объявлен глава ламаистской церкви в Монголии Богдо-гэгэн Джебцун-Дамба-хутухта.

Основу внешней политики монгольского государства после провозглашения независимости составляла борьба за международное признание его суверенитета. Китай, в свою очередь, вовсе не собирался признавать независимость Монголии. Временная конституция образованной Китайской Республики, принятая в марте 1912 г., объявляла Монголию частью Китая. Несмотря на это, крах цинской монархии ликвидировал систему вассальной зависимости монгольских князей от маньчжурского двора, которая определяла статус Внешней Монголии в составе Цинской империи. К тому же необходимо учесть и то обстоятельство, что Внешняя Монголия провозгласила свою независимость еще до образования Китайской Республики (февраль 1912 г.) и не имела никакого отношения к подготовке или принятию ее конституции, следовательно, не связана с последней.

29 декабря 1911 г. состоялась церемония возведения Богдо-гэгэна на ханский престол вновь созданного Монгольского государства. По указу Богдо-хана в тот же день было сформировано Правительство из 5 министерств, куда вошли руководители и активные участники национально-освободительного движения, которые за свои заслуги удостоились высоких титулов. В правительство, возглавляемое премьер-министром сайн-нойон-ханом Намнан-Сурэном, вошли один из крупнейших церковных феодалов да-лама Цэрэн-Чимид — министр внутренних дел, цинь-ван Ханда-Доржи — министр иностранных дел, далай-ван Гомбосурэн — военный министр, тушету-ван Чагдаржав — министр финансов, эрдэнэ-ван Намсрай — министр юстиции. Таким образом, на территории Внешней Монголии была оформлена новая власть — теократическое государство во главе с Богдо-гэгэном. Фактически речь шла о том, что Монголия возвратила когда-то утраченный суверенитет.

Ведущее место в Правительстве занимало Министерство внутренних дел во главе с Да ламой Цэрэн-Чимидом. Перед правительством стоял ряд важнейших задач:

- освобождение Халха-Монголии и распространение национально-освободительного движения во Внутренней Монголии, Алашани, Барге и Куку-норе;
- укрепление национальной независимости на международной арене;
- принятие и осуществление политических, социальных и культурных мер по обновлению монгольского общества.

В 1912 г. было создано еще одно государственное учреждение — управление пятью министерствами. Лицо, возглавлявшее его, в русской и западной литературе того времени именовалось на европейский манер премьер-министром. Первым премьер-министром стал сайн-ноён-хан Намнансурэн (1878–1919). Создание нового аппарата власти, кабинета министров не отменило старой формы управления — хуралов и чуулганов, т. е. съездов и собраний монгольских князей, а также представительств аймачных ханов в Урге — джисанов. Какое-то время эти две формы существовали одновременно.

Восстановление монгольской государственности, безусловно, явилось для монгольского народа историческим событием. Перед теократическим монгольским правительством стояли весьма сложные задачи: укрепить политические, военные и экономические устои новой власти; добиться международного признания независимости страны. Для решения этих задач монгольское правительство искало поддержки соседних государств, прежде всего России.

Монголо-русские переговоры начались осенью 1912 г. Монгольские министры совместно с действительным статским советником императорской России И. Я. Коростовцем обсуждали вопросы о статусе Внешней Монголии и ее границах. На первом совещании, состоявшемся 22 сентября 1912 г., стало ясно, что переговоры будут трудными. Разногласия были вполне ожидаемыми и возникли в отношении статуса Монголии и присоединения Внутренней Монголии.

В условиях сопротивления части монгольских чиновников И. Я. Коростовец проявил себя как государственный деятель. Российскому дипломату пришлось долго объяснять монгольским чиновникам многие геополитические реалии того времени, например, что объединение народностей достигается не сразу, а путем медленного исторического процесса и часто многолетней борьбы за независимость. Все же стороны сумели прийти к компромиссному решению благодаря Богдо-гэгэну, который настаивал на подписании соглашения и пойти на некоторые уступки.

Заключение договора состоялось 21 октября 1912 г. Во вводной части было записано: «Ввиду желания монголов сохранить исторически сложившийся самобытный строй своей страны китайские власти и войска удалены с Монгольской территории, повелителем монгольского народа провозглашен Джебцун-Дамба-хутухта. Прежние отношения Монголии и Китая, таким образом, прекратились».

Министры внимательно прослушали чтение и тщательно записали свои имена. После подписания соглашения министр финансов шутливо заметил, что со времен монгольского нашествия на Россию настоящее событие есть первый шаг к восстановлению прямых отношений Монголии с Россией. Теперь монголы могут быть спокойны за судьбу своей страны, ибо Россия и Цаган-батыр, т. е. белый царь, не выдадут ее никому.

В первой статье Россия обязывалась «...оказать Монголии помощь в сохранении установленного строя и содержании национальных войск, а также не допускать на территории Монголии китайских войск. Монгольское правительство в ответ должно было создать наибольшие благоприятные условия для российских торговцев и подданных, предоставив России право по-прежнему пользоваться преимуществом в торговле».

Соглашение имело большое политическое значение для Монголии, поскольку оно стало первым международно-правовым актом страны после провозглашения ею независимости. За этим последовало заключение Монголией еще одного договора — на этот раз равноправного с Тибетом в январе 1913 г.

На следующий день после подписания Соглашения, 22 октября 1912 г., состоялось подписание еще одного документа — Протокола о торговле, который закреплял за русскими право беспощинной торговли, свободы проживания и передвижения по всей территории Монголии.

В 1913 г. перед подписанием нового русско-китайского соглашения о признании китайского сюзеренитета над Монголией И. Я. Коростовец еще находился в Урге. Будучи не в силах выносить очередные уступки России в монгольском вопросе, по сути, легко и бездумно перечеркивающие все итоги его дипломатической деятельности, писал: «У нас принято обвинять иностранную политику в неискренности и эгоизме, противопоставляя ей наше благородство и бескорыстие. Мы обвиняли в вероломстве поочередно Англию, Австрию, Германию и других. Мне кажется, что подобные же упреки заслуживает и русская политика, особенно в отношении народов Азии. За примерами ходить недалеко. В 1896 г. мы заключили договор с Китаем, обязавшись защищать его территориальную неприкосновенность. Когда в следующем году Германия заняла Киао-Чжао и китайцы обратились к нам за помощью, мы не только не оказали таковой, но воспользовались затруднительным положением китайского правительства, чтобы совершить захват в форме аренды Квантуна. Столь же эгоистично поступили мы с Кореей, поддерживая ее националистические стремления и давая надежды на помощь и покровительство России, а в конце концов предоставили ее собственной судьбе. В Тибете мы заигрывали с Далай-ламой, ссылаясь на религиозные связи тибетцев с нашими бурятами Забайкалья и поощряя антианглийские тенденции Лхасы и обскурантизм духовенства. Дело кончилось договором с Англией, которой мы в сущности предоставили свободу действий в Тибете. Наша политика в Персии была такой же смесью византийского двуличия и славянской маниловщины и дала столь же печальные результаты».

Неустойчивость переговорного положения между Россией и Монголией состояла в том, что «ради идеи независимости Монголии петербургское правитель-

ство совсем не собиралось вступать в открытый конфликт с Китаем. Поэтому оно отказалось санкционировать полную независимость Внешней Монголии и прилагало все усилия, чтобы ограничить размах монгольского национально-освободительного движения пределами Внешней Монголии».

В таком же духе были выдержаны все дипломатические документы России, которыми она на протяжении 1912–1915 гг. обменивалась с правительствами Богдо-гэгэна и Китая и в соответствии с которыми в конце концов легализовано международно-политическое положение нового государственного образования.

Несмотря на признание автономии Внешней Монголии от Китайской Республики, реальность была совсем иной, Халха не могла реализовать свои права на практике. Фактически протекторат над территорией Внешней Монголии стала осуществлять Россия.

В свою очередь Китайское правительство не признало русско-монгольского соглашения, посчитав его вмешательством во внутренние дела государства. Сложилась патовая ситуация, состоящая из ряда проблем и противоречий в монгольском вопросе, где ни одна из сторон не хотела терять своих позиций.

Русско-китайские переговоры шли безуспешно в течение года. Трудности были обусловлены не только противоположностью позиций российского и китайского правительств, но и острой борьбой в самом Китае между различными политическими группировками.

Вопрос о Внутренней Монголии находился в центре внимания монгольских правителей. 24 января 1913 г. военное министерство, поставив в известность главу государства о передвижении китайских войск к границам Внешней Монголии, получило санкцию начать военные действия за пределами страны. Во Внутреннюю Монголию по пяти направлениям были отправлены 10-тысячные войска, укомплектованные из хошунных войск и выпускников Ургинской военной школы. Командовали ими в основном выходцы из Внутренней Монголии, знавшие местные условия. Уже к осени были освобождены шилингольские и чахарские хошуны, монгольские войска дошли до Белой стены и стали охранять свои границы.

Планы монголов объединиться в Единое государство не осуществились, чему способствовала изменившаяся внешнеполитическая ситуация вокруг Монголии, вынудившая ее прекратить военные действия и отозвать свои войска. Все это привело к ослаблению национально-освободительного движения монгольских народов. В этот период правительство Внешней Монголии участвовало в международных отношениях в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Существование монгольского фактора в решении русско-китайских конфликтов неизменно обеспечивало геополитический баланс между ними.

Монгольский вопрос не оставался без внимания во внешнеполитических расчетах России и Китая. Российское правительство учитывало, что среди важнейших внутренних реформ особое место занимала задача создания национальных вооруженных сил по образцу российской армии. Задача эта решалась при финансовой поддержке России и помощи военных инструкторов. В подписанном 18 апреля (1 мая) 1912 г. «Соглашении о предоставлении Россией Монголии ссуды на содержание войск и русских инструкторов» указано, что Императорское Российское правительство выдало монгольскому правительству ссуду в 100 000 рублей. С прибытием в Ургу группы русских военных инструкторов во главе с есаулом А. Ф. Васильевым стала создаваться военная школа по подготовке монгольских командиров младших чинов.

Бурное развитие освободительного движения привело к тому, что в начале 1912 г. Барга объявила о своем присоединении к вновь созданному монгольскому государству. За ней последовало большинство хошунов Южной (Внутренней) Монголии. Однако патриотические устремления населения этих монгольских земель были пресечены: пекинское правительство направило туда войска.

5 ноября 1913 г. состоялось подписание в Пекине декларации о Внешней Монголии. По декларации Россия признавала сюзеренитет Китая над Внешней Монголией, а китайское правительство — автономию Внешней Монголии и обязалось не содержать там гражданских и военных властей и не проводить колонизацию. Китай признавал все статьи русско-монгольского соглашения и протокола от 3 ноября 1912 г.

В этот период ни русско-монгольское соглашение 1912 г., ни русско-китайская декларация 1913 г. не определили окончательного межгосударственного положения Внешней Монголии. Китай продолжал считать ее частью своей территории, игнорируя положения Пекинской декларации, а монгольская сторона рассматривала Внешнюю Монголию как полностью независимое и политически самостоятельное государство.

Территориально автономия Внешней Монголии распространялась в пределах Халхи и Кобдоского края. В силе оставались русско-монгольское соглашение и приложенный к нему Торговый протокол 1912 г., и Пекинская декларация между Россией и Китаем. Был определен контингент войск при представительствах России и Китая в Монголии.

Особым событием стало создание в 1914 г. представительного органа — Государственного Хурала с двумя палатами: Верхней и Нижней. На заседаниях палат обсуждались различные вопросы, касающиеся существующего положения и дальнейшего развития страны, после чего шли докладные записки и прошения на имя Богдо-хана.

С созданием такого органа власти монгольские правители были не прочь восстановить некоторые традиции государственного устройства со времен Чингисхана, в том числе Курултай. В условиях явного перевеса сил высшего ламства представители светской власти рассчитывали сохранить традицию государственного устройства, когда государством управляли родовитые князья. Имели свое влияние также идеи парламентаризма, пришедшие из России и республиканского Китая. Появились первые периодические издания — журнал «Шинэ толь» и «Ургинская газета», где размещали свои статьи прогрессивно настроенные представители интеллигенции и мелкого и среднего чиновничества.

Это положение во многом разрешилось подписанием Кяхтинского тройственного соглашения от 25 мая 1915 г. между Россией, Внешней Монголией и Китаем. Конференция началась 8 сентября 1914 г. в приграничном городе Кяхте: Монгольская делегация настаивала на признании полной независимости, российская сторона отстаивала идею широкой автономии, а китайцы предлагали статус автономного округа.

По своей форме Кяхтинское соглашение было компромиссом между тремя странами, но оно определило международно-правовое положение монгольского государства как автономию в составе Китая. Сформированная Кяхтинская система, с одной стороны, отразила сложившийся баланс сил между Россией и Китаем, а с другой — уровень возможной самостоятельности Внешней Монголии. Монгольское руководство, пойдя на подписание соглашения 1915 г., рассчитывало в буду-

шем пересмотреть некоторые статьи и добиться признания полной независимости Внешней Монголии.

В Тройственном соглашении, подписанном 25 мая 1915 г., указывалось, что «Внешняя Монголия признает над собой сюзеренитет Китая. Россия и Китай признают автономию Внешней Монголии, составляющей часть китайской территории», и Внешняя Монголия лишается права иметь свое дипломатическое представительство за границей и заключать с иностранными державами договоры по политическим и территориальным вопросам. Этим самым международный статус Внешней Монголии был сведен до уровня автономии. Вследствие грубого вмешательства извне достижения национально-освободительного движения монгольского народа оказались сильно преуменьшены. Начался период автономии Внешней Монголии.

Россия не могла не считаться с интересами Японии в Монголии. К тому времени отношения между двумя странами после русско-японской войны постепенно восстанавливались, а к 1916 г. превратились в союзнические.

В сферу влияния России вошли Северная Маньчжурия, Внешняя Монголия и западная часть Внутренней Монголии, в сферу влияния Японии — Южная Маньчжурия, Корейский полуостров и восточная часть Внутренней Монголии. «Это был русско-японский дипломатический статус-кво, — Октябрьская революция 1917 г. в России стала поворотным событием, сломавшим этот статус-кво».

Период с 1911 по 1919 г. для монголов был временем формирования свободного от Цинов суверенного общества. Крах российской империи в 1917 г. лишил на время Внешнюю Монголию единственного гаранта сохранения ее национальной идентичности. Гибкая позиция Урги в годы автономии (корректное отношение к договорным обязательствам, отказ от расширения границ и одновременно достаточно жесткая линия в вопросах внутреннего государственного устройства) позволила ей некоторое время продержаться, но выстоять в связи изменившейся обстановкой стране было нелегко.

Остро нуждавшаяся в поддержке и весьма уязвимая в международно-правовом отношении Внешняя Монголия заинтересовала различные милитаристские группировки, хозяйничавшие в Маньчжурии, Внутренней Монголии и Бурятии, политические течения и движения среди харачинов, баргинцев, внутренних монголов и бурят.

Русско-китайская декларация от 5 ноября 1913 г. и тройственное русско-китайско-монгольское соглашение, подписанное в мае 1915 г. на конференции в Кяхте, окончательно определили положение монгольского государства, сведя его к широкой автономии в рамках Китая. Такой исход не отвечал интересам монгольского народа, но тем не менее образование феодально-теократической монархии даже в таком виде объективно сыграло положительную роль в истории монгольского народа.

Основными классами в монгольском обществе по-прежнему оставались феодалы и крепостные араты. Государство полностью служило интересам господствующего класса феодалов и выступало орудием эксплуатации монгольских народных масс. В основном у феодалов было главное богатство страны — скот. Феодалы, составлявшие 7,8 % населения страны, владели 49,5 % всего поголовья скота; экономическое неравенство закреплялось неравенством политическим. Араты, закономерно ведомые светскими и духовными феодалами, являвшиеся основной движущей силой в национально-освободительном движении, не получили никаких политических прав после провозглашения независимости. По-прежнему они оста-

вались зависимым классом и обязаны были содержать феодалов и государство, во всем зависели от произвола феодальных владельцев. Без специального разрешения правителя хошуна или его канцелярии араты не могли покидать пределы своего хошуна.

В период феодально-теократической монархии продолжала усиливаться эксплуатация аратства, постоянно возрастала сумма податей и налогов. Так, например, основные повинности при маньчжурах составляли ежегодную сумму в 619 350 лан серебра (1 лан равен примерно 1,5 р.), а в 1916 г. сумма налоговых сборов с населения составила 4 млн р.

Вместе с тем в рассматриваемый период в социально-экономической жизни страны можно отметить и прогрессивные явления. Уже со второй половины XIX в., по мере проникновения товарно-денежных отношений в монгольское общество, натуральное хозяйство монголов начинает постепенно замещать мелкотоварный уклад. В аратской среде появляются крупные хозяйства, тесно связанные с рынком. Эти хозяйства разводили скот и собирали скотоводческое сырье в размерах, предусмотренных не потребительскими, а торговыми целями. В них впервые стал применяться наемный пастушеский труд. В таком богатом ойратском хозяйстве работало иногда более 150 бедняцких семейств, в зависимость к ним попадали даже некоторые разорившиеся феодальные хозяйства.

Совершенно разорившиеся араты, как правило, покидали свои хошуны и пополняли многочисленные ряды хэрмэлов (бродяг), вели полунищенское существование в городах и других поселениях в качестве поденщиков, носильщиков и наемных работников.

Товарно-денежные отношения в Монголии способствовали развитию городов, усилению их экономической функции в монгольском обществе в период феодально-теократической монархии. Эти города начиная с конца XVIII в. вырастали постепенно вокруг крупных монастырей (Урга, Заян-гэгэн курень и др.), позднее — вокруг маньчжурских крепостей (Кобдо, Улясутай), из пунктов русско-китайской торговли (Кяхтинский маймачен), из ставок владетельных монгольских феодалов (Ван-хурэ и др.). По некоторым данным, до революции в Монголии можно было насчитать около 20 городов и поселений городского типа. Кроме Урги, Кобдо, Улясутая, Кяхтинского Маймачена отмечается немалое количество оседлых поселений с постоянным населением в 2–3 тыс.: Санбэйсин-хурэ, Заяын-хурэ, Чойр и др. По неполным данным, в начале XX в. в монгольских городах проживало более 20 % всего монгольского населения.

В период феодально-теократической монархии усиливаются торговля и предпринимательская деятельность населения. Монгольские дельцы обогащались за счет ростовщичества, аренды, уртонной повинности, извозного промысла, различных видов субаренды и т. д. Например, по данным за 1914 г., на ургинском рынке торговали 6 946 монголов. Надо учитывать, что в торговых операциях кроме торговцев участвовало множество аратских хозяйств, которые нуждались в деньгах для оплаты феодальных повинностей, поскольку в начале XX в. в Монголии денежная форма ренты продолжала вытеснять натуральную. Наибольшее место в торговом обороте занимала торговля скотом и продуктами скотоводства. Приобретает доходный характер торговля сеном, которое мало заготавливали монгольские кочевники, этот продукт охотно покупали скототорговцы для подкормки пригнанного на рынок скота. С ростом городов, как центров кочевой стационарной торговли, стала процветать торговля дровами и строительными материалами из дерева: готовыми частями юрт, древесными балками, бревнами, досками и т. д.

В рыночные связи втягивались и монгольские ремесленники. Основными продуктами их производства были части деревянных каркасов для юрт, мебель, телеги, седла, ножи, уздечки, разнообразные серебряные изделия, одежда, обувь и т. д. Иногда ремесленники объединялись в артели по два-четыре человека, изготавливали значительное количество изделий и продавали.

В связи с расширением товарного обмена в государстве Богдо-гэгэна стало упорядочиваться денежное обращение. Собственно в период существования феодально-теократической монархии, как и до нее, преобладали товарные формы обмена. Роль денег выполняли скот, пушнина, чай, хадаки (узкие полосы ткани, которые подносили в знак дружбы, уважения). В обращении участвовали русские деньги, бумажные и металлические, а также китайское серебро. Но монгольское правительство предпринимало попытки создания единой национальной денежной единицы. Поначалу пробовали решить эту проблему с помощью России. 14 сентября 1915 г. открылся организованный с помощью русских финансовых кругов Монгольский национальный банк. В связи с тем, что Россия в 1914 г. вступила в войну с Германией, Монгольский национальный банк не смог выполнить возложенную на него задачу выпуска монгольской национальной валюты и развития кредитных операций.

24 сентября 1917 г. монгольские министры представили Богдо-гэгэну на утверждение проект организации собственного кредитного учреждения, нечто вроде ссудной кассы, которая должна была быть создана на базе денежных взносов, поступающих от князей и лам. По отчету 1918 г., это кредитное учреждение имело основной капитал 4 048 130 р., из которых 3 293 590 р. было выдано в качестве ссуд. Все эти новые в социально-экономическом развитии Монголии процессы ускорялись под влиянием империалистических государств, внедрявших в страны Востока свой торгово-промышленный капитал.

В этот период была неоднозначна роль буддийских иерархов в истории Монголии. С одной стороны, к началу XX в. в стране насчитывалось 747 больших и малых монастырей и храмов и около 100 тыс. монахов, что приблизительно составляло треть мужского населения страны, в каждой семье один из сыновей обычно становился буддийским монахом, мощная прослойка духовенства владела большим количеством скота. По религиозному долгу на нее работало много крестьян-учеников лам — шабинаров (которых в марксистской литературе неверно называли «крепостными»). Несомненно, это было одной из причин застойного характера экономики страны.

С другой стороны, это обеспечивало гармоничное сосуществование населения с природой (т. к. традиции не нарушали равновесия в экосистемах), благодаря чему природная среда Монголии до первой половины XX в. оставалась в гораздо лучшем состоянии, чем у ее соседей (в КНР и России).

Безусловно, монастыри были единственными центрами просвещения, накопления и развития научных и философских знаний в стране. В многочисленных дацанских школах работали коллегии переводчиков, переводивших с тибетского и китайского языков на монгольский не только каноническую религиозную, но и светскую литературу. Такие отрасли культуры, как скульптура, живопись и значительная часть ремесел, были сосредоточены в монастырях. Собственно художественный буддийский монашеский канон также преподавался в монастырях. Среди деятелей монгольского просвещения можно выделить имена лам-философов — Агванхайдава, Агван-Балдана, внесших существенный вклад в развитие буддий-

ской мысли, одного из создателей монгольской художественной литературы писателя Инджиннаша и др.

В ряде регионов Монголии монастыри были единственными оседлыми стационарными поселениями. Они функционировали как города с административными и судебными функциями, вокруг них группировались ремесленные и торговые центры.

Краткий период существования монгольской феодально-теократической монархии (1911–1919) занимает важное место в истории страны. Возрождение монгольской государственности послужило дальнейшему подъему национального самосознания монгольского народа. Двухвековое владычество маньчжурской династии было ликвидировано и провозглашено независимое монгольское государство, образовано национальное правительство во главе с Богдо-гэгэном, религиозным и общественным лидером Монголии. Таким образом, через двести с лишним лет после ликвидации маньчжурами монгольской государственности она была восстановлена в виде неограниченной феодально-теократической монархии. Хотя в результате явного вмешательства империалистических держав и антинародной, реакционной политики правящих кругов феодально-теократической монархии Монголия на этом этапе не добилась полной независимости, монгольский народ за эти годы подготовился к национально-освободительной и классовой борьбе накануне грядущих боев за свое полное освобождение.

Часть IX

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ МОНГОЛИИ

Тема 1. Национально-демократическая революция (1921–1924).

Образование Монгольской Народной Республики

После революционных событий 1917 г. в России началась гражданская война, сказавшаяся и на истории приграничной Монголии. В этот период территорию Сибири и Дальнего Востока Советской России угрожали отторгнуть иностранные государства.

В условиях борьбы за власть в России китайское правительство в октябре 1919 г. оккупировало Внешнюю Монголию. Китайский генерал Сюй Шучжэн вручил монгольскому премьеру Бадамдоржу проект петиции о ликвидации автономии, которую монгольские власти подписали 17 ноября 1919 г. Через пять дней после этого был обнародован декрет президента Китая о ликвидации автономии Внешней Монголии. Агрессивность действий Китая объяснялась и тем, что Советское правительство объявило об аннулировании прежних договоров, заключенных царским правительством с Монголией, в том числе и Кяхтинского соглашения.

Под существенным влиянием революционных изменений в Советской России менялась внутри- и внешне политическая обстановка в Монголии. Осенью 1919 г. в Урге возникло два подпольных кружка буржуазно-освободительного направления. В июне 1920 г. происходит слияние Ургинского и Консульского тайных революционных кружков, в результате чего была создана Монгольская народная партия (МНП). В августе 1920 г. делегация МНП в Иркутске обратилась за помощью к РСФСР в восстановлении автономии. В инициативную партийную группу входили Д. Бодо, С. Данзан, Д. Догсом, Д. Лосол, Д. Сухэ-Батор, Д. Чагдаржав и Х. Чойбалсан. Они начинают активно использовать идеологическую, организационную, военную поддержку со стороны Советской России, Коминтерна. При поддержке Восточного отдела КомИнтернационала 10 ноября 1920 г. в Иркутске вышел первый номер на монгольском языке газеты МНП «Монголын унэн» с эпиграфом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В этих условиях 1–3 марта 1921 г. в Троицкосавске состоялось партийное совещание из 26 членов, которое позже, в 1924 г., было объявлено первым Учредительным съездом МНП. Всего партийцев тогда насчитывалось 150 человек. Съезд избрал Центральный Комитет (С. Данзан, Ц. Дамбадорж, Д. Лосол, первым председателем ЦК стал С. Данзан) и утвердил партийную платформу (программу) «10 принципов». В платформе четко прослеживалось влияние идей РКП(б),

Сухэ-Батор (1893–1923)

Коминтерна, в то же время особенно выделялась проблема объединения всех монгольских народов в одно государство.

В марте 1921 г. в Монголии возникло двоевластие: народное правительство на севере и правительство Богдо-хана в оккупированной белогвардейцами Урге. В итоге сложилось так, что на первых порах у них оказался один враг — китайские войска.

Обращение Временного правительства Монголии к правительству РСФСР с просьбой помочь в освобождении страны от белогвардейцев, эмигрировавших в страну в ходе гражданской войны в России, было рассмотрено советским правительством. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что председатель Сибревкома И. Н. Смирнов был против ввода частей Красной Армии и Дальневосточной Республики в Монголию, о чем он сообщил по прямому проводу В. И. Ленину. После достаточно бурных дискуссий 16 июня 1921 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) была утверждена директива о введении частей Красной Армии в Монголию.

Созданную Монгольскую народно-революционную армию (МНРА) возглавил выдающийся сын монгольского народа — один из основателей Монгольской народно-революционной партии (МНП-МНРП), один из руководителей Монгольской народной революции 1921 г., военный министр революционного правительства, главнокомандующий монгольских революционных войск Сухэ-Батор (1893–1923).

Из состава 5-й армии, дислоцировавшейся в Восточной Сибири, был выделен экспедиционный корпус под командованием Г. М. Черемисова и К. А. Неймана, который совместно с монгольскими отрядами Сухэ-Батора 28 июня 1921 г. начинает свой поход и 5–6 июля 1921 г. вступает в Ургу. Богдо-гэгэн был объявлен конституционным монархом. В то же время на протяжении всего 1920 г. на внутривнутриполитические процессы в Монголии влияли международные и региональные факторы.

В ходе гражданской войны белогвардейские воинские соединения командующего Азиатской конной дивизией барона Р. Ф. Унгерна, бывшего соратника атамана Забайкальского казачьего войска, главнокомандующего вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа, верховного главнокомандующего Дальневосточной армии Г. М. Семенова, были выбиты войсками 5-й армии Советской России. Ушли на территорию Монголии.

В советской монголоведной литературе барон Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг считался врагом Советской власти, монгольского аратского государства. На рубеже XX–XXI вв. произошла методологическая переоценка этого неоднозначного деятеля в истории Монголии в 1920–1921 гг.

Генерал-лейтенант барон **Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг** в Иркутске на допросе в штабе 5-й Красной Армии. 1–2 сентября 1921 г.

Кем на самом деле он был? Барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг (1886–1921) — видный деятель Белого движения в Восточной Сибири и Монголии. Автор идеи воссоздания империи Чингисхана от Тихого океана до Каспия.

Кратко его история боевых действий в Забайкалье и Монголии такова. В июле 1917 г. Г. М. Семенов выехал из Петрограда в Забайкалье, куда прибыл 1 августа с назначением по его же просьбе комиссаром Временного правительства на Дальнем Востоке для формирования национальных частей. Вслед за ним в Забайкалье отправился его друг — войсковой старшина барон Р. Ф. Унгерн. В октябре или ноябре 1917 г. Унгерн с 10–16 воинами создал в Иркутске контрреволюционную группу. Узнав об Октябрьской революции, Г. М. Семенов, Р. Ф. Унгерн и еще 6 человек уехали в Читу, оттуда — на станцию Даурия в Забайкалье, где было решено формировать полк.

1 сентября 1918 г. в Даурии была сформирована Отдельная конная туземная бригада, на основе которой позже был образован Туземный конный корпус, затем преобразованный в Азиатскую конную дивизию под командованием Р. Ф. Унгерна. Одной из особенностей Азиатской конной дивизии было то, что в ее состав входили бурятские национальные вооруженные формирования. Азиатская конная дивизия, называемая весной 1919 г. Отдельной инородческой конной дивизией, была переименована в Туземный (Азиатский) конный корпус. В его состав вошли собственно Инородческая конная дивизия и Бурятская конная бригада. В дальнейшем, осенью 1919 г., бурятские части будут сведены в Отдельную конную бригаду имени Зорикто Батора. Весной 1919 г. было сформировано два бурятских конных полка. В начале марта — 1-й Бурятский конный полк. 2-й Бурятский полк появляется не раньше апреля 1919 г. 13 мая 1-й Бурятский полк стал трехсотенным. Младшими офицерами станут молодые прапорщики-буряты.

В конце декабря 1919 г. Г. М. Семенов издал приказ о создании отдельной Бурятской конной бригады в составе 2-го и 3-го бурятских конных полков. В феврале 1920 г. формирующаяся отдельная Бурятская конная бригада, существующая практически только на бумаге, вошла в состав Азиатской конной дивизии. С середины 1919 г. в подчинении начальника Азиатской конной дивизии находится «бурятский полк» Дугара Тапхаева (Табхаева), который действовал в Цугольском и Агинском хошунах. Полное его название — Летучий партизанский табхаевский отряд. Положение отряда было двойственным. С одной стороны, деятельность являлась про-семеновской. С другой — национальный состав отряда был бурятским, а значит, должен был подчиняться Бурнардуме. Д. Тапхаев же вначале отказался от подчинения Бурнардуме, более того, ее недовольство вызывали действия отряда, которые, как и большинство семеновских частей, носили характер казачьей вольницы.

В конце зимы 1920 г. Д. Тапхаев объявил о мобилизации в свой отряд. Несмотря на то, что многие буряты пытались разными способами, вплоть до откочевки в Монголию, избежать ее, летом у Д. Тапхаева было уже шесть сотен. В Агинском аймаке «бурятский полк» Д. Тапхаева занимался борьбой с партизанами — карательными экспедициями, которые нередко сопровождалась банальными реквизициями. Во время монгольского похода и вторжения Азиатской дивизии в Забайкалье в 1921 г. численность бурят значительно возрастает, они будут занимать второе после чахар место в негласной иерархии дивизии.

Азиатская дивизия барона Р. Ф. Унгерна, потерпев ряд поражений от войск РККА и партизан Забайкалья, в августе 1920 г. покинула Даурию и ушла в направлении Монголии, оккупированной китайскими войсками. Войско Унгерна перешло

границу с Монголией 1 октября у поселка Усть-Букукун и направилось на юго-запад. Подойдя к столице Монголии Нийслэл-Хурэ, барон вступил в переговоры с китайским командованием. Все его требования, включая разоружение китайских войск, были отвергнуты. 26–27 октября и 2–4 ноября 1920 г. унгерновцы штурмовали город, но потерпели поражение. Китайцы же ужесточили режим в Урге, установив контроль религиозных служб в буддийских монастырях, занявшись грабежами и арестами русских и монголов.

После поражения войско Унгерна отошло в верховья реки Керулен в аймаке Сэцэн-хана в Восточной Монголии. Целенаправленно проводя активную пропагандистскую кампанию для создания единого монгольского государства, Р. Ф. Унгерн получил поддержку значительной части монгольского населения. Материальное положение дивизии улучшалось, в том числе за счет захватов караванов, направлявшихся из Китая для снабжения китайского гарнизона Урги.

Барон Р. Ф. Унгерн в своей Азиатской дивизии установил со своими соратниками суровую дисциплину: вплоть до жестоких казней после пыток мародеров, дезертиров и воров. Дивизия пополнялась за счет разгромленных групп белогвардейских армий адмирала Колчака, которые проникали в Монголию преимущественно из западно- и восточносибирских регионов.

В этих условиях монгольская правящая знать организовала мобилизацию монголов. Теократический монарх Монголии Богдо-гэгэн VIII, находившийся под китайским арестом, тайно просил Р. Ф. Унгерна изгнать китайцев из страны. Учитывая создавшееся положение, Р. Ф. Унгерн, опираясь на поддержку Богдо-гэгэна VIII, со своими немногочисленными отрядами и при помощи монголов разгромил китайскую оккупационную армию, превосходившую по численности его соединения в несколько раз. Это была талантливо разработанная военная операция Р. Ф. Унгерна.

Ко времени решающего штурма Урги численность Азиатской дивизии составляла 1460 человек, численность китайского гарнизона — 7 тысяч человек. В первых боях Р. Ф. Унгерн потерпел поражение. 2 февраля войска Унгерна после боев захватили передовые позиции китайцев и часть Урги. Во время этих боев унгерновский отряд освободил Богдо-гэгэна VIII из-под ареста и доставил в монастырь Манджушри-хийд на горе Богдо-ула. Это оказало деморализующее воздействие на китайцев. 3 февраля 1921 г. барон занял Ургу и Богдо-гэгэн VIII был восстановлен на троне. В Урге Р. Ф. Унгерн достаточно жестко пресек начавшиеся грабежи и насилия.

22 февраля 1921 г. в Урге состоялась торжественная церемония повторного возведения Богдо-гэгэна VIII на трон великого хана Монголии. За заслуги перед Монголией барону был пожалован титул дархан-хошой-чин-вана в степени хана. Многие подчиненные барона получили титулы монгольских князей.

Часто ошибочно считают, что Унгерн стал диктатором или ханом Монголии, а монархическое правительство было марионеточным. Это было не так. Всю полноту власти осуществлял Богдо-гэгэн VIII и его правительство. Барон действовал с санкции монарха. Р. Ф. Унгерн получил один из высших титулов в Монголии, но не власть.

В этот период, несмотря на фактическую изоляцию, в стране были открыты военная школа в Урге, национальный банк, улучшены здравоохранение, административная система, промышленность, связь, сельское хозяйство, торговля. Но в отношении колонистов, приехавших в Монголию из России, Унгерн проявил себя как жестокий властитель. Комендантом Урги стал начальник контрразведки Азиат-

ской дивизии подполковник Л. В. Сипайло, имевший всю полноту гражданской власти над колонистами. Со ссылками на приказы Унгерна в Урге было убито 38 евреев. Причина заключалась в том, что Унгерн считал евреев главными виновниками революций, а революционеров — своими главными врагами. Общее же число казненных разных национальностей (в Монголии и вне ее) составляет примерно 846 человек.

Одной из главных стратегических, да и тактических ошибок барона было то, что он пытался использовать для восстановления монархии в России недовольство народа советской властью. Он надеялся также привлечь лидеров других белых отрядов, монархистов Монголии, Маньчжурии, Китая и Восточного Туркестана, а также японцев. Точных сведений о положении в этих регионах и Сибири он не имел. Кроме того, ресурсы Монголии не позволяли долго содержать Азиатскую дивизию. В то же время ухудшались отношения местного населения к белым и дисциплина в войсках.

21 мая 1921 г. барон Р. Ф. Унгерн издал приказ № 15 «Русским отрядам на территории Советской Сибири», в котором объявил о начале похода на советскую территорию. В результате предательства своих белогвардейцев он был сдан монголами красным партизанам.

26 августа 1921 г. председатель Совнаркома Советской России В. И. Ленин, учитывая сложную международную ситуацию в регионе, передал по телефону свое мнение о деле барона: «Советую обратить на это дело побольше внимания, добиться проверки солидности обвинения, и в случае если доказанность полнейшая, в чем, по-видимому, нельзя сомневаться, то устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять».

15 сентября 1921 г. в Новониколаевске состоялся показательный процесс над Унгерном. Главным обвинителем на процессе был назначен видный большевик Е. М. Ярославский. Все дело заняло 5 часов 20 минут. Барону Унгерну предъявили обвинение по трем пунктам: во-первых, действия в интересах Японии, что выразилось в планах создания «центральноазиатского государства»; во-вторых, вооруженная борьба против советской власти с целью воссоздания династии Романовых; в-третьих, террор и зверства. Этих аргументов хватило для вынесения смертного приговора.

Ярый монархист, остзейский немец, волею судьбы попавший в Монголию, уверовавший в буддизм, он ненавидел революцию и вообще все то, что вело к свержению монархий. Р. Ф. Унгерн был фаталист и мистик. Он принял буддизм, но при этом не отказался от христианства и считал, что все религии выражают одну высшую истину. В пророчествах разных религий он находил объяснение гражданской войне и своему призванию в борьбе с революционерами. Новой власти он был действительно опасен тем, что открыто провозглашал своей целью не расплывчатую и неопределенную идею Учредительного собрания, а восстановление романовской монархии.

Следует отметить, что барон Унгерн не являлся характерной фигурой Белого движения в России. В то же время деятельность барона Р. Ф. Унгерна по восстановлению независимости Монголии способствовала утверждению в стране будущих социалистических порядков.

С начала 1920-х гг. в Монголии наблюдается возрастающее влияние Советской России, которая увязывала «монгольский вопрос» с перспективами китайского революционного движения. Не случайно в большевистском руководстве существовали разногласия по поводу политики в отношении Монголии. Деятельность

монгольского правительства была направлена на установление нормальных отношений с зарубежными странами, на признание суверенитета Монголии в международном масштабе.

14 сентября 1921 г. Народное правительство выступило с Обращением ко всем иностранным государствам о провозглашении независимой Монголии. В результате переговоров между Правительством Монголии и Правительством РСФСР 5 ноября 1921 г. в Москве было подписано Соглашение об установлении дружественных отношений между Монголией и Россией.

В. И. Ленин принимает монгольскую делегацию

В советско-монгольской исторической литературе в качестве методологического положения было высказывание Председателя Совнаркома Советской России В. И. Ленина о том, что «...единственно правильным путем для всякого трудящегося вашей страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России».

В. И. Ленин в беседе с монгольской делегацией подчеркнул, что главным внутренним условием развития Монголии является усиление работы МНП и правительства по кооперированию аратов, внедрению передовых методов хозяйствования, развитию национальной культуры, сплочению аратства вокруг партии и правительства для борьбы за экономическое и культурное развитие страны. Все это, по его мнению, даст возможность сложиться новой некапиталистической экономической системе аратской Монголии.

В то же время в современной монголоведной литературе пересмотру подвергаются основные положения, выдвинутые В. И. Лениным при встрече с монгольской делегацией в ноябре 1921 г. о развитии ранее отсталых народов. В трудах отдельных квалифицированных монголоведов утверждается, что такого методологического определения, как «некапиталистический путь развития», В. И. Ленин не применял, что этот термин впоследствии стал разрабатываться Э.-Д. Ринчино, дру-

гими большевиками и т. д. Безусловно, проблема определения многих категориальных понятий в монголоведной науке требует своего обоснования.

Советская Россия признала Монголию в качестве независимого государства и установила с ней дипломатические отношения. Подписанное соглашение между странами было первым международным правовым актом, определившим двухстороннее сотрудничество.

В отечественной ориенталистике, да и в самой монгольской и мировой монголоведной науке в результате длительных дискуссий на рубеже XX–XXI вв. об оценке сложнейших революционных событий пришли к неокончательному выводу: «Монгольскую революцию можно определить как национально-демократическую. Она начиналась как общенациональное освободительное движение, ее главнейшей задачей было национальное возрождение, восстановление государственности. В этом смысле она стала прямым продолжением движения 1911 г., призвана была довести его до победы. Но революция 1921 г. пошла дальше: она носила демократический характер, поскольку существовала другая цель — реформирование и модернизация традиционного монгольского общества с учетом национальных особенностей».

Монгольская революция 1921 г. вобрала в себя многовековой опыт борьбы за суверенитет и стремление к объединению всех монгольских народов, совместив в себе два противоречивых момента:

1) традиционный панмонголизм с идеями объединения монгольских земель, органично перешедших от «старого» теократического руководства к новому революционному монгольскому правительству;

2) жесткое идеологическое влияние Советской России и Коминтерна на руководство страны для проведения стратегической линии продолжения пролетарских революций в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Тема 2. Государственно-политическое устройство МНР

С победой народно-демократической революции 1921 г. начались преобразования в стране. Во всех сферах общественной жизни развернулся процесс реформирования. Был утвержден документ «Назревшие задачи Народного Правительства», разработанный в сентябре 1921 г. ЦК МНР. В документе программного характера определены неотложные задачи в политической и социально-экономической жизни Монголии.

Началось формирование политической системы аратского общества. Согласно положению «Клятвенного договора» Богдо-гэгэн получил права монарха с известными ограничениями, свойственными конституционной монархии. Тем самым был создан своеобразный монгольский вариант государственного института власти.

Были также установлены права и обязанности правительства в соответствии с «Временным положением Народного Правительства Монголии». Оно осуществляло законодательную, исполнительную и судебную власть в стране, начало создавать местные органы исполнительной власти. В ходе реформы на местах были организованы местные народные хуралы.

Важным явлением в политической системе монгольского общества до созыва Великого Народного Хурала стало образование Временного государственного хурала (Улсын Түр цагийн хурал), в работе которого принимали участие предста-

вители всех слоев общества. И хотя за ним закреплялось лишь право законодательной инициативы, тем не менее его деятельность была направлена на обеспечение национального единства.

Реформа в политической жизни общества обеспечила равноправие граждан, формирование новой системы политической демократии. Этот процесс происходил на основе создания рационального и эффективного механизма взаимоотношений между субъектами политической системы общества. Эти изменения способствовали установлению в Монголии республиканского строя и формированию в перспективе парламентской власти в стране.

Одновременно с этим происходил процесс установления подлинного гражданского равноправия. Отменялись прежние формы гражданской структуры социального неравноправия в обществе, прежде всего зависящей от социального происхождения и имущественного положения. Это вело к формированию демократического равенства монгольского общества.

Государство на этом этапе развития обеспечивало демократическое право на свободу совести, что привело к возникновению принципов общественного свободного мышления. В стране начинают утверждаться абсолютно новые для многовекового кочевнического государства демократические принципы гражданского общества. По решению правительства в начале 1922 г. было отменено крепостное право. Члены общества стали равноправными гражданами вне зависимости от их социального происхождения и имущественного положения, что явилось важнейшим достижением демократических преобразований.

С учетом программы «Основы экономической политики» развернулась работа по развитию частного сектора в экономике страны, а также хозяйственных организаций государственной собственности, что способствовало формированию многоукладной экономики.

Начинают создаваться светские учреждения культуры, образования и науки. Огромное значение в молодом государстве придавалось светскому образованию. Система монастырского обучения, сложившаяся при маньчжурском господстве (конец XVII в. — 1911 г.), совершенствовалась и расширялась, но вплоть до 1921 г. монастыри продолжали оставаться главным, если не единственным очагом просвещения.

Социально-политические, экономические, религиозные изменения, произошедшие в начале 1920-х гг. в монгольском обществе, были нацелены на возрождение Монголии как суверенного, самостоятельного государства. Деятельность монгольского правительства была направлена на установление равноправных отношений с зарубежными странами, на признание суверенитета Монголии в международном масштабе.

В свою очередь, РКП(б) и Дальневосточный секретариат часто использовали методы нажима на МНП и лидеров государства. Истории известны десятки имен видных советских партийных деятелей, которые или непосредственно работали в руководящих монгольских органах или курировали монгольское направление в РКП(б) и Коминтерне.

Деятельность же таких бурятских национал-демократов, как Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано, Э. Батухан и многие другие, трудно переоценить. Находясь в высшем эшелоне монгольской партийно-государственной элиты, они во многом определяли политический и экономический курс страны в 1920–1930-х гг.

Значительную поддержку монгольским революционерам оказали представители ойратского этноса под руководством калмыцких большевиков А. М. Амур-

Санана, А. Г. Чапчаева. Непосредственную военную помощь в боевых действиях против войск барона Р. Ф. Унгерна, белогвардейцев оказала калмыцкая группа военных инструкторов, созданная по приказу Реввоенсовета РСФСР во главе с Х. Б. Кануковым, которые были распределены во все части Монгольской народной революционной армии, особенно в Западной Монголии.

Ведущие политические деятели Монголии определяли формы национально-демократического развития страны. Особое внимание уделялось экономике государства, что нашло отражение в официальном партийном документе «Основы экономической политики», утвержденной на II съезде МНП в августе 1923 г.

Отношения между МНП и правительством устанавливались на формирующейся правовой основе. По Уставу партийные организации и члены партии должны были оказывать помощь и поддержку государственным органам, не вмешиваться в их работу. МНП, выражая интересы народа и национального единства, сформировалась как политическая партия, играющая активную роль в единении государства и общества.

Благодаря грамотной, умеренной политике Монголия избежала гражданской войны, элементом политической стабилизации было присутствие советских красноармейцев. Во многом это зависело от спокойной, неагрессивной тактики Богдо-гэгэна и его двора.

С учетом международной обстановки складывалась позиция Советской России в отношении Монголии. Китайская сторона считала, что Россия проводит империалистическую политику в отношении Монголии и требовала признать территорию Монголии составной частью Китая и вывести советские войска из страны. В этих условиях Россия на переговорах в Пекине предложила автономию Монголии в составе Китая, но последний не согласился с этим.

31 мая 1924 г. в Пекине было подписано Соглашение об общих принципах урегулирования вопросов между СССР и Китаем, где статья 5 гласила: «Правительство СССР признает, что Внешняя Монголия является составной частью Китайской Республики и уважает там суверенитет Китая».

После установления дипломатических отношений с Китаем Советский Союз вывел свои войска из Монголии в 1925 г., как того требовало пекинское соглашение. В этих условиях монгольское руководство приняло срочные меры, направленные на укрепление государственной независимости. После смерти Богдо-гэгэна 20 мая 1924 г. начались дискуссии относительно дальнейших путей и методов управления страной. 13 июня 1924 г. Правительство Монголии по предложению ЦК МНП от 3 июня 1924 г. приняло решение ввести в стране республиканский строй и обнародовать это решение. Была организована подготовка созыва Великого Народного Хурала — высшего законодательного органа.

В это время отношения между Коминтерном и МНП приняли официальный характер. Представители МНП участвовали в работе Конгресса и пленума ИККИ. Коминтерн и МНП обменивались приветственными телеграммами. Кроме того, МНП посылала ИККИ отчеты о своей работе. Вопрос статуса МНП в Коминтерне оставался неопределенным.

ИККИ через одну из своих секций — КИМ — проводил активную работу, чтобы МСРМ стала более революционной политической партией, чем сама МНП. Дело дошло до того, что борьба между МНП и МСРМ стала основным и ключевым вопросом того времени.

ЦК МНП в июле 1924 г. обратился к ИККИ с официальной просьбой разрешить споры между партией и Ревсомолом. ИККИ потребовал разоблачить антире-

волюционную и антипартийную роль правого крыла, решительно прекратить борьбу с Ревсомолом и подчинить РСМ политическому руководству ИК КИМ и его представителю в Монголии.

В этот период в политической жизни Монголии начинают формироваться два крыла — «правое» и «левое». Конечные цели во многом совпадали — возрождение государственности, преодоление отсталости, объединение, по возможности, монгольских народностей. Однако пути и средства их достижения виделись по-разному.

Лидеры Монголии С. Данзан и Э.-Д. Ринчино расходились в главном вопросе — о перспективах развития Монголии: Э.-Д. Ринчино — к социализму, минуя капитализм, С. Данзан — сначала пройти этап капитализма.

Принципиальное определение путей дальнейшего развития в ходе острой борьбы завершилось на III съезде МНП (август 1924 г.). Произошла ожесточенная внутрипартийная борьба за партийное руководство между С. Данзаном, с одной стороны, и Э. Ринчино — с другой. Руководство Монгольского революционного союза молодежи (МРСМ) признало решение III съезда о создании однопартийной системы в лице МНП. Э.-Д. Ринчино стремился укрепить свои позиции путем коренного изменения политики партии, но его попытка не увенчалась успехом. Съезд не принял его тезисы о том, что «... конечная цель Монгольской народной партии — коммунизм, к этой цели партия идет, минуя стадию капиталистического развития».

В то же время съездом был принят компромиссный вариант, который вполне устраивал большинство делегатов. Некапиталистический путь развития Монголии еще не получил своего практического воплощения, но весь ход съезда, его решения, последующие события свидетельствовали о дальнейшем сближении с Коминтерном.

Эти события были полны противоречий, драматизма и трагизма. Группой во главе с Э.-Д. Ринчино был организован арест С. Данзана и одного из руководителей Союза молодежи Ж. Баваасана, которых обвинили в стремлении совершить «контрреволюционный переворот» и по приговору специальной комиссии, назначенной правительством и III съездом, сразу же казнили. После чего объявили их правыми оппортунистами. Внутрипартийная борьба, борьба двух политических линий, завершилась жестокой расправой.

До созыва Великого Народного Хурала как совещательный орган функционировал Временный государственный хурал. В 1923–1924 гг. состоялись выборы в местные органы власти, в результате чего большинство мест в хуралах заняли араты.

В ноябре 1924 г. создан I Великий Народный Хурал. 26 ноября 1924 г. он утвердил первую в стране Конституцию и республиканский строй. В Конституции указывалось, что отныне Монголия объявляется полноправной народной республикой, в которой высшая государственная власть принадлежит трудящемуся народу. Было провозглашено: «Основная задача Монгольской Республики заключается в уничтожении с корнем остатков старого деспотического порядка и мировоззрения, существовавших при поработителях и угнетателях, и в укреплении нового республиканского строя на основе полной демократизации государственного управления».

Конституцией предоставлены всем гражданам равные права, независимо от их национальности, вероисповедания и пола, а также свобода слова и печати, право на участие в демонстрациях и митингах, на организацию союзов и право на бес-

платное образование. Религия объявлялась добровольным делом верующих. Вместе с тем по Конституции избирательного права лишались некоторые социальные слои: ростовщики и другие лица, которые наживались за счет эксплуатации чужого труда, бывшие ваны, гуны, хутухты, хубилганы и ламы, постоянно проживающие в монастырях. Несмотря на эти ограничения, Конституция обеспечивала избирательное право большинству граждан МНР.

I Великий Народный Хурал, обсудив отчеты Правительства и министерств, доклады аймаков и специальных хошунов, принял законы и положения, ранее утвержденные Правительством, выбрал Малый хурал в количестве 30 человек, по решению которого были выбраны Председатель, члены Президиума Малого народного хурала, состав Правительства и премьер-министр.

Малый народный хурал издавал законы, принимал постановления и распоряжения, координировал работу по контролю над высшими органами правительства, определял общее направление деятельности Правительства и наблюдал за реализацией в жизни Конституции и постановлений ВНХ.

В стране утверждалась демократическая власть. Образовались местные хуралы — аймачные, хошунные, сомонные, баговые, десятидворовые и городские. В 1925–1927 гг. в основном были решены задачи, связанные с формированием судебных органов. Были приняты меры, направленные на укрепление местных органов власти, в результате чего завершился процесс формирования новой политической системы в стране.

Функции законодательной власти стали выполнять Великий и Малый народные хуралы, исполнительной — Правительство и его органы, судебной — Верховный суд и судебные учреждения.

В экономической сфере Монголии начинает формироваться система единого государственного бюджета с учетом проводимой денежной реформы. Постепенное сокращение отделов внутренней таможни и в дальнейшем их ликвидация создали условия для формирования единого национального рынка.

На высшем уровне были приняты меры, направленные на увеличение дохода государственного бюджета путем повышения налогов на импортные и экспортные товары, установлены пошлины на иностранных торговцев и частных мелких предпринимателей, на создание небольших предприятий и артелей. Начинают развиваться автомобильный, водный и воздушный транспорт, увеличился объем кредита аратским хозяйствам.

В 1925 и 1927 гг. было введено «Положение об едином налоге со скота и имущества всех граждан республики и монастырских хозяйств», согласно которому от налога освобождались беднейшие хозяйства. Облагались налогом со скидкой те хозяйства, которые имели от 6 до 30 бодо (условная единица, равная одной голове крупного рогатого скота), с лиц, имеющих от 31 до 70 бодо, взимался налог в соответствии с установленными нормами, а хозяйства, обладающие свыше 70 бодо скота, подвергались повышенному обложению.

Формирующаяся система экономики в стране способствовала хозяйственному развитию страны. Его основным показателем являлся рост поголовья скота. Если в 1924 г. оно составляло 13,7 млн, то в 1928 г. достигло 21,3 млн.

По мере увеличения поголовья скота повышался уровень жизни народа, а также происходил социально-экономический прогресс страны. В те годы преобладал частный сектор (в разных формах), появлялись элементы государственно-кооперативного сектора.

После победы народно-демократической революции Монголия не располагала даже самой элементарной материальной базой для организации европейского культурного строительства, не имела подготовленных кадров учителей. В поисках путей совмещения существующей монастырской школы и формирующейся новой европейской системы образования прошли 20–30-е гг. XX в. Произошли изменения в духовной жизни общества.

В сентябре 1921 г. в Урге открылась начальная школа, позже светские школы стали появляться в аймаках и хошунах. Начался процесс формирования системы светского среднего специального образования. Проводилась большая работа по внедрению европейской медицины, открывались первые больницы и фельдшерские пункты.

В ноябре 1921 г. был образован Ученый комитет — первое научно-исследовательское учреждение. Стали выходить газеты и журналы. Создавались первые очаги новой культуры, увеличивалось количество культурно-просветительных учреждений.

Большую роль в формировании монгольской науки, которая способствовала развитию советского монголоведения, сыграла Книжная палата, преобразованная в 1930 г. в Ученый комитет. В библиотеке Книжной палаты было свыше 6 тысяч книг и рукописей на монгольском и иностранных языках. В 20–30-е годы в системе Ученого комитета были созданы кабинет языка и литературы, истории, марксизма-ленинизма, географии, сельского хозяйства, тибетологии и буддизма, Государственный архив, Музей революции и Музей Д. Сухэ-Батора. В 30-е годы Комитет начал издавать труды монгольских ученых по истории и родному языку.

Сохранение исторических традиций и изучение огромного историографического наследия на языках и диалектах монголоязычных народов отмечал выдающийся бурятский ученый Г. Ц. Цыбиков: «Сохранившаяся до сих пор монгольская письменность, какова бы она не была, все же есть наследие культуры данной национальности и имеет за собой ту заслугу, что разрозненные историческими судьбами монгольские племена имеют все же единую литературу. Круто порывать с этой литературой не следует, пока она не изучена и не использована в полной мере».

Ученый комитет Монголии считал важным сбор книг на монгольском, тибетском, маньчжурском и других языках, исторических и иных рукописных и письменных произведений и сочинений. Собрание библиотеки Ученого комитета было пополнено в первые годы революции такими уникальными рукописными и ксилографическими сочинениями на монгольском и тибетском языках, как «Ганджур» (108 томов) и «Данджур» (226 томов).

Большое значение для формирования советского монголоведения имел обмен публикациями между Российской академией наук и Ученым комитетом Монголии. В Россию были отправлены книги и рукописи на монгольском, маньчжурском и тибетском языках. В 1922 г. Азиатский музей при Российской академии наук получил книги и рукописи, в том числе «Историю Гэсэра» (части 8–170, «Хох сутар») и др.

Важнейшей формой сотрудничества между АН СССР и Ученым комитетом Монголии была организация совместных научных экспедиций для изучения географии, флоры и фауны, природных ресурсов, производительных сил и исторических памятников культуры Монголии. Перед советскими научными экспедициями была поставлена задача оказывать содействие развитию светской науки в Монголии путем подготовки национальных научных кадров.

Советская академия наук, придавая важное значение книгообмену, создала Комитет по международному обмену научными трудами и литературой. Этот комитет послал в Монголию книги по востоковедению, получая, в свою очередь, от Книжной палаты исторические летописи и сочинения на монгольском и других языках.

Учитывая ценность совместных советско-монгольских мероприятий, Советское правительство в январе 1925 г. образовало специальную комиссию во главе с Н. П. Горбуновым и с участием видных ученых В. Л. Комарова, С. Ф. Ольденбурга, А. Е. Ферсмана, представителей Наркоминдела СССР и Наркомпроса РСФСР. В том же году весной была создана при СНК СССР постоянная Монгольская комиссия «для организации планомерного, систематического и всестороннего научного исследования Монголии».

С этой целью в Академии наук была образована специальная Комиссия, сохранившая название своей предшественницы — Комиссии СНК. С 1928 г. она стала называться просто Монгольской комиссией, что в полной мере отражало основное направление исследований. Если на приграничной с Монголией территории Танну-Тувы работали некоторые экспедиционные отряды Монгольской комиссии (геологический и археологический), то для исследования Бурятии в 1928 г. была создана особая Комиссия под председательством А. Е. Ферсмана, вошедшая в состав ОКИСАР.

Включение в сферу исследований Академии наук территории другого государства предопределило особенности функционирования Монгольской комиссии, что выражалось в контроле за ее работой со стороны Наркоминдела (НКИД). Научная деятельность играла важную роль в советско-монгольских отношениях, особенно в довоенный период, и рассматривалась советским правительством как один из важных факторов усиления политического влияния СССР в Монголии, идеологического оправдания своей политики и повышения международного престижа. Позже работа российских ученых стала необходимым элементом создания экономических основ монгольского народного хозяйства, организации научно-исследовательских учреждений и воспитания национальных научных кадров.

Вызывали обеспокоенность общественности вопросы языка и письменности, сохранения национальной самоидентичности монголоязычного мира. Идея о культурной и языковой общности номадных народов доминировала до середины 30-х гг. Монгольская интеллигенция до массовых репрессий 30-х годов считала необходимым создание единого общемонгольского литературного языка.

В эти годы начинает формироваться программа подготовки высокопрофессиональных национальных кадров в Советском Союзе. В 1926 г. был принят закон об отделении церкви от государства, в соответствии с которым провозглашалась свобода вероисповедания. В законе о религии, в частности, говорилось: правительство, «уважая религию Шакия Муни, гарантирует законом почитание религии, ее распространение и свободу религиозных проповедей».

По принятому закону ламаистская церковь лишалась возможности вмешиваться в государственные и гражданские дела. Антицерковные мероприятия (особенно взимание налогов) вызывали возмущение лам в ряде монастырей. Коминтерновских и советских работников в Монголии настораживала недостаточная «жесткая» линия в отношении ламства.

Государство не вмешивалось во внутреннюю жизнь и религиозную деятельность буддийских монастырей. В этот период начинается борьба с буддийскими элементами предпочтительно экономическими методами, сопротивление ламства

во главе с иерархами крупных монастырей тогда было нейтрализовано относительно быстро, во многом благодаря осторожной тактике правительства, стремлению не обострять обстановку.

Монгольское общество середины 20-х годов отличалось стабильностью как в политико-экономическом, так и социально-психологическом отношении. Наблюдались подъем экономики страны и постепенное улучшение уровня жизни населения, а также соблюдение членами общества норм и ценностей существующего строя.

В Монголии успешно осуществлялось руководство общественной жизнью с целью укрепления единства и целостности общества. Политическая система обосновывалась на рационализме, политическая власть была признана легитимной.

Внешнеполитическая стратегия страны в связи с произошедшими изменениями тактики Коминтерна, который оказывал большое влияние на Монголию, уподобилась стратегии ВКП(б) по строительству нового общества. V конгресс Коминтерна, состоявшийся в июле 1924 г., выдвинул задачу большевизации секций Коминтерна.

Пленум ЦК МНП, созванный в марте 1925 г., принял решение о переименовании МНП в Монгольскую народно-революционную партию (МНРП). Под непосредственным руководством советника ИККИ в Монголии Т. Рыскулова были разработаны проекты новой программы и устава партии, которые были временно утверждены IV съездом МНРП. В проекте программы указывалось, что партия будет активно стремиться к укреплению республиканского строя и к окончательной ликвидации остатков прежнего строя.

Конкретные задачи партии по некапиталистическому пути развития были отражены и в проекте Устава, где впервые указывалось, что партия в своей деятельности руководствуется учением Маркса и Ленина, признает руководство Коминтерна, в связи с чем выдвигалась задача стать в дальнейшем действительным членом Коминтерна с решающим голосом.

В свою очередь, Коминтерн пытался выстраивать равноправные отношения с МНРП, предъявляя к ней требования и обязательства как к самостоятельной партии, базирующейся на коммунистических принципах.

Временное принятие проекта программы и устава было связано с позицией монгольских руководящих деятелей, придерживающихся национально-демократических идей. В результате стало возможным осуществление в дальнейшем стратегии выполнения программного документа «Основы экономической политики».

IV съезд принял решение, что после разработки и редактирования проекта программы и устава необходимо их окончательно утвердить на следующем съезде партии. Начинается организационно-политическая трансформация аратской партии в партию нового типа. В этот период переводятся и издаются труды основоположников марксизма-ленинизма, документы ВКП(б) и Коминтерна. Пополнение рядов партии представителями бедняцких и середняцких слоев аратства приводит к организационному укреплению партии. В МНРП усиливается принцип партийного централизма как главного стержня внутрипартийной демократии. Устанавливаются нормы, направленные на введение пролетарской дисциплины, с дальнейшим неоднократным проведением чисток в рядах МНРП. Происходит укрепление молодежных, профсоюзных и женских организаций под руководством партийных организаций.

МНРП и ИККИ организуют курсы подготовки партийных и государственных работников. Увеличивается количество учащихся в КУТВ и Центральной партийной школе, других партийных, научных организациях СССР.

Монгольские руководители всецело поддерживали Коминтерн, стремились осуществлять его теоретические и организационные указания. В то же время они могли еще твердо отстаивать свою позицию, независимо от того, соответствует ли эта позиция линии Коминтерна или нет.

Руководство СССР из-за опасений осложнить отношения с Китаем по-прежнему неодобрительно относилось к стремлению руководства МНР укреплять перспективные связи с Внутренней Монголией.

Возникали и другие сложности в советско-монгольских отношениях. Недовольство вызвала также работа советских инструкторов в монгольских учреждениях, отрицательно сказывалась и несогласованность действий хозяйственных организаций, неупорядоченность механизма, взаимных расчетов и другое.

У руководства МНРП в этот период складывается мнение, доведенное до высшего руководства Коминтерна, что ИККИ недостаточно учитывает местные условия и особенности страны. ЦК МНРП считал, что деятельность представителя Коминтерна Т. Рыскулова перестала соответствовать внутренним условиям Монголии, стала неприемлемой для работы ЦК. Для проведения своей линии Т. Рыскулов и Э. Ринчино оказывают давление на членов ЦК.

Официальным признанием перегибов и ошибок явилось решение Президиума ЦК МНРП отправить Т. Рыскулова и Э. Ринчино, взаимоотношения которых приняли межличностный характер, в Москву. Исполком Коминтерна согласился на ротацию двух лидеров.

В период 1921–1925 гг. наметился определенный ряд прогрессивных тенденций в социально-экономической сфере. К концу периода основные показатели в главной отрасли — животноводстве — превысили довоенный уровень. Жизнь большинства народа постепенно налаживалась.

Формирование нового общества в 1926–1928 гг. имело отличительные особенности. В этот период монгольское руководство предприняло попытку закрепления за собой права на такой путь развития, которое бы максимально отвечало национальным интересам. На этой основе произошло сближение «левых» (Ц. Дамбадорж, Н. Жадамба и др.) и «правых» (Б. Цэрэндорж, А. Амар, Ц. Жамцарано и др.). Это было вызвано реальной потребностью в единении, согласии всех патристических сил.

Вместо Т. Рыскулова представителем Коминтерна в Монголии утвердили М. И. Амагаева, который начал свою деятельность с образования левого крыла в МНРП. В результате этого в партии возникли новые разногласия.

Состоявшийся в марте 1927 г. пленум ЦК МНРП констатировал, что разделение членов партии на городских и художников (на молодых и старых) является вредным для единства партии.

После выступления М. И. Амагаева в начале 1927 г. с докладом по монгольскому вопросу на заседании Дальневосточного секретариата ИККИ была принята резолюция по Монголии, приведшая к углублению разногласий между МНРП и Коминтерном.

В резолюции заседания отмечалась необходимость решения следующих задач: выработать политику по отношению к ламству с учетом того, что оно представляет собой враждебную силу, у которой имеется возможность установить отношения с реакционными деятелями Японии и Китая; выдвигать на смену старому

чиновничеству новые кадры; устранять пренебрежительное отношение к советским инструкторам; не допускать реализации лозунга «обогащайтесь», вредного для партии, и т. д.

В документе упоминалось о наличии в ЦК «большинства» и «меньшинства». Оуждалось разрешение на приезд в Монголию японского консула, что считалось политической ошибкой. Президиум ЦК МНРП, обсудив резолюцию, посчитал, что она не соответствует действительности.

Делегация ЦК МНРП в конце мая 1927 г. прибыла в Москву и представила ответное письмо ЦК МНРП на январскую резолюцию ИККИ. В письме отмечалось, что неосновательным является разделение членов ЦК на «большинство» и «меньшинство»; нет оснований вносить изменения в политику, проводимую в отношении ламства, не было никакого притеснения советских инструкторов и специалистов, а вопрос о японском консуле был согласован с НКВД СССР и т. д. Однако разъяснения монгольской стороны не были приняты ИККИ, который настаивал на выполнении своей прежней позиции.

М. И. Амагаев, исходя из прежних установок руководства ИККИ, полагал, что на VI съезде МНРП (22 сентября — 5 октября 1927 г.) участь правых будет предрешена, а победа левых обеспечена. М. И. Амагаев информировал Москву, что в ревизионистской линии и программе практического действия правых содержатся враждебные действия против СССР и Коминтерна

Однако присутствовавший на VI съезде МНРП в качестве представителя Коминтерна и ВКП(б) и привезший новые инструкции А. В. Шотман отмечал, что в партии нет принципиальных разногласий, поэтому Коминтерн считает, что МНРП идет правильным путем. Позиция представителя ИККИ сыграла свою роль. И хотя его речь была воспринята неодинаково («правые» и «центристы» были довольны, «худонцы» разочарованы) открытого недовольства не наблюдалось.

Политическая обстановка после VI съезда характеризовалась тем, что возникла альтернатива — либо принять сторону примирения, согласия, либо вернуться на стезю вражды, подозрительности. К сожалению, партийное руководство выбрало второе.

После VI съезда в октябре 1927 г. Председатель ЦК МНРП Ц. Дамбадорж прислал личное письмо заведующему Восточным отделом ИККИ Ф. Ф. Петрову, в котором информировал о последних событиях и отмечал, что «если Коминтерн видит в чем-либо неправильность в нашей работе, пусть нам об этом прямо скажет и мы постараемся это исправить».

В этот период были приняты в целом позитивные решения, вселявшие надежду на стабильность, согласие. При формировании выборных органов соблюдалось представительство всех «фракций», партийные лидеры сохранили свои руководящие посты.

Разные оценки отражали два подхода к событиям в Монголии — подход взвешенный, спокойный, рассчитанный на достижение согласия, и подход квазиклассовый, идеологизированный, нацеленный на искусственное разжигание классовой борьбы, что отличало коминтерновских и советских работников.

Таким образом, итоги VI съезда МНРП шли вразрез с проводимой политикой и деятельностью М. И. Амагаева как представителя ИККИ. Одно из важных последствий VI съезда — вынужденный отъезд М. И. Амагаева. Его работа до съезда в духе майских директив Дальневосточного секретариата ИККИ не согласовывалась с итогами съезда. Ему, как и Т. Рыскулову, пришлось покинуть Монголию.

Международная обстановка — поражение китайской революции в 1927 г. и политические события в Монголии — заставляли Коминтерн искать более радикальные пути решения «классовых» задач в Монголии.

В руководстве Советского Союза и в аппарате ИККИ укреплялась линия ужесточения политики по отношению к Монголии, усиления борьбы с «правой опасностью». Коминтерн полагал, что монгольское руководство страдает правым уклоном и все дальше отходит от Коминтерна, ведет политику против Советского Союза, переходит на вражескую сторону.

Таким образом, Коминтерн начал подготовительную работу, направленную на решительную борьбу против «правых» монгольских руководителей.

ИККИ создал в Монголии Представительство Коминтерна во главе с И. Райтером, задача которого заключалась во всесторонней поддержке левых элементов в МНРП и в решительной борьбе против правых. И. Райтер вручил Ц. Дамбадоржи письмо ЦК МНРП от ИККИ, подписанное Ф. Ф. Петровым. В письме подчеркивалось: «Наибольшая опасность, угрожающая МНРП, это правая опасность» и задача партии — придерживаться твердой левой политики. В партии под давлением правых элементов намечается неправильная, в высшей степени опасная политическая ориентация».

Также отмечалось, что основные признаки правого уклона — это враждебное отношение к худонской массе и Советскому Союзу. В связи с этим при непосредственной поддержке Представительства Коминтерна активизировали свою деятельность О. Бадрах и П. Гэндэн. Они неоднократно выступали с обвинениями в адрес руководства партии и государства, говорили о том, что руководители страны якобы свертывают демократию, всячески подавляют критику и самокритику, ослабляют силу и мощь антифеодальной борьбы, пытаются отойти от Коминтерна и Советского Союза.

Для того чтобы оказать помощь левым силам, ИККИ разработал проект документа под названием «Программа практических требований худонцев по экономической политике». Проектом предусматривались меры по конфискации имущества бывших феодалов и монастырей, усилению экономического давления на частных предпринимателей, организации коллективных хозяйств в худоне. Сюда же включалась и борьба с иностранным капиталом.

В этих условиях, в апреле 1928 г., был созван пленум ЦК МНРП, где одобрили деятельность ЦК. На пленуме рассмотрели вопрос о проекте новой программы партии. Однако И. Райтер забраковал проект, назвав его «реакционным». Он считал, что в проекте программы отсутствует указание о признании руководящей роли Коминтерна, о руководящем учении марксизма-ленинизма, в конечном счете отсутствие определения задач перехода Монголии к коммунизму.

Дальнейшее развитие событий показало, что руководство партии выстояло против давления ИККИ и его Представительства, а также левых сил в партии, активно защищая единство партии и национальные интересы, продолжало проводить политику, направленную на развитие и прогресс Монголии.

Председатель ЦК МНРП Ц. Дамбадорж прибыл в Москву в мае 1928 г. Цель его поездки заключалась в отчете работы партии. В докладе, с которым выступил Ц. Дамбадорж на заседании Восточного отдела ИККИ, затрагивались основные вопросы партийной жизни и положения в МНР и подчеркивалось, что в данной момент в партии нет никаких политических уклонов.

ИККИ ознакомил Ц. Дамбадоржа с проектом резолюции о Монголии из 52 пунктов, разработанным Коминтерном. В этом пространном документе вновь

рекомендовалось создать кооперативы за счет принудительного отчуждения части скота бывших феодалов и высших лам, вести борьбу с ламской верхушкой. Ц. Дамбадорж отказался принять его. Президиум ЦК МНРП одобрил его позицию. Тогда ИККИ оповестил руководство МНРП о проекте постановления из 4 пунктов, где отмечается об отзыве представителя Коминтерна и пересмотре прежних форм отношений между Коминтерном и МНРП.

Президиум ЦК МНРП считал, что проект резолюции из 52 пунктов не соответствует действительному положению страны и поэтому реализовать его просто невозможно. Относительно резолюции из 4 пунктов Президиум отмечал, что у партии нет желания отстраниться от Коминтерна.

В то время в ВКП(б) нарастала борьба с «правыми», в связи с чем IV конгресс Коминтерна большое внимание уделил борьбе с социал-демократией, с «оппортунизмом». Ужесточение политики в отношении монгольских «правых» стало одним из проявлений общей линии ВКП(б) и ИККИ.

На основе решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 сентября 1928 г. Политсекретариатом ИККИ была принята резолюция, в которой отмечалось, что руководство МНРП все больше отклоняется от защиты интересов трудящихся в сторону торгового капитала. Проявляет тенденцию сближения Монголии с капиталистическими государствами, препятствует борьбе с буржуазными и феодальными тенденциями внутри страны.

Политсекретариат ИККИ утвердил делегацию Коминтерна во главе с Б. Шмералем, членом Президиума ИККИ, которая прибыла в Улан-Батор за месяц до начала работы съезда и проработала в Монголии около трех месяцев.

Делегация, назвав себя комиссией Коминтерна, начала свою работу с бесцеремонного вмешательства во внутренние дела Монгольского государства. Комиссия, требуя провести свободную дискуссию на собраниях городских партийных активов, Центральной партийной школы и в воинских частях, пропагандировала идею о существовании правой опасности и необходимости выбрать на съезда новых людей на руководящие должности партии.

Члены комиссии организовывали индивидуальные и групповые беседы с членами ЦК и делегатами съезда, где разъясняли о пагубности так называемой правой опасности. Комиссия привлекала на свою сторону учащихся Центральной партийной школы и выпускников КУТВ и Тверского военного училища. Она непосредственно руководила деятельностью худонской группы, постоянно давала им советы и директивы, часто организовала совместные заседания.

По указанию Б. Шмерала, при непосредственном участии членов этой комиссии, на основе проекта резолюции из 52 пунктов и проекта Коминтерновского документа «Программа практических требований худонцев по экономической политике» была разработана «Платформа членов левого крыла партии».

VII съезд партии, начавший свою работу 23 октября 1927 г., продолжался почти 50 дней. Руководителей партии и государства МНР осудили за правый уклон, обвинили их в:

- 1) отходе от СССР и Коминтерна;
- 2) стремлении монгольских руководителей сблизиться с Китаем и Японией;
- 3) игнорировании мер по развитию революционной работы в сельской местности и отсутствии работ по возобновлению худонских партийных организаций;

4) стремлении идти по неправильному пути и желании вести страну по капиталистическому пути.

История показала, что весь процесс обвинения монгольских руководителей в «правом оппортунизме» был дискредитацией и не соответствовал действительности.

На VII съезде МНРП решили обеспечить в будущем переход страны к социализму. В связи с этим были поставлены практические задачи, в том числе конфискация имущества, обобществление средств производства и ограничение путей чрезмерного обогащения.

Съезд считал необходимым руководствоваться программой партии, временно принятой на IV съезде. Он также указал на необходимость превращения МНРП в партию классовой борьбы, руководствующей марксистско-ленинским учением, в дальнейшем не исключалась возможность превращения партии в коммунистическую. После VII съезда МНРП вся партийная и государственная работа стала проводиться под лозунгом построения социализма в Монголии.

На VII съезде МНРП избран новый состав ЦК и Центральной контрольной комиссии. После съезда на пленуме ЦК утвердили членов Президиума и секретарей ЦК. Руководство партии полностью приняло сторону «левых» сил. V Великий Народный Хурал и Малый народный хурал переизбрали руководство высших государственных органов.

На VII съезде МНРП приняли решение пойти по национально-демократическому пути развития страны. Приведем основные причины создавшегося положения: конфронтация монгольского руководства с оппозицией; догматизм многих руководителей и функционеров ИККИ и Восточного секретариата; отказ делегации ИККИ от «компромиссов», оказывая поддержку сторонникам «полного переворота».

При всей важности и первостепенности внешнего фактора не следует отбрасывать внутренние факторы — политическую борьбу в самой Монголии, соперничество различных группировок. Монголия перешла от эволюционного пути развития к революционному, т. е. от буржуазно-демократический преобразований к социалистическим, была предпринята попытка форсированного развития общества по советской модели. При этом Коминтерн и ВКП(б) в Монголии начинают применять насильственные методы. В январе 1929 г. в ИККИ, его Восточном отделе и Дальневосточном секретариате был проведен ряд заседаний, где высоко оценили осуществленные в Монголии операции.

Выступая на одном из заседаний, Б. Шмераль отмечал, что «задачей является сохранить наше влияние на этой стратегически важной территории. Эта задача важнее, чем строительство социализма в стране, населенной 800 тысячами пастухами». Высказанные им слова в действительности отражали суть политики Коминтерна по отношению к Монголии.

И. Райтер, И. М. Амагаев и ряд других деятелей отстаивали свой подход, в котором во главу угла была поставлена реализация социалистических, классовых идей в Монголии. Причем И. Райтер отмечал, что «на печальном опыте Монголии мы должны проверить, могут ли вообще коммунисты работать в тех странах, где нет пролетариата». Он подчеркивал универсальное значение Монголии для отсталых стран и регионов как «испытательного полигона» теории «некапиталистического развития».

Несмотря на разногласия, участники совещания были едины в одном — «в праве Коминтерна...на вмешательство» во внутренние дела МНРП и монгольского государства».

Длительный по времени VIII съезд МНРП (21 февраля — 3 апреля 1930 г.) сыграл важную роль в разработке концепции строительства социализма в МНР. В письме Восточного секретариата ИККИ, присланном в ЦК МНРП еще в декабре 1929 г., указывалось, что партия должна обеспечить развитие по пути социализма. В решениях съезда основные задачи партии были сформулированы следующим образом: «Революция вступает в 3-й этап своего развития, когда задачи осуществления первых шагов на пути строительства нового некапиталистического, социалистического общественного строя стали уже практическими задачами сегодняшнего дня».

Съезд указывал, что партия должна использовать образец опыта ленинской коммунистической партии, и дал директиву включить в пятилетний план такие задачи, как переход аратских хозяйств к оседлости, выпуск средств производства внутри страны, обеспечение страны хлебом собственного производства за счет развития земледелия и т. д.

Отметим общую направленность принятых съездом решений — перейти к перспективному планированию, вытеснить частного, кооперировать к концу пятилетки 70 % бедняцких и 50 % середняцких хозяйств, содействовать переходу от кочевого к оседлому образу жизни и т. д. Такой курс был принят съездом без сопротивления.

Первоочередной задачей построения социализма в Монголии была конфискация имущества и скота нойонатской и ламской знати, это не только бывшие ваны, гуны, хутухты, тайджи и их дети, старые чиновники, но и зажиточные араты и даже середняки.

VIII съезд МНРП считал, что монастыри враждебны монгольской революции, как в политическом, так и в экономическом отношении. В связи с этим с середины 1930 г. была организована «Жасовская кампания», цель которой заключалась в конфискации монастырского скота путем постепенной передачи их в объединенные коллективные хозяйства. Если в 1929 г. в стране насчитывалось 7614 монастырских хозяйств, то в 1933 г. их стало 2574, т. е. число их сократилось на 66,2 процента.

Одной из важнейших задач построения социализма являлось обобществление средств производства путем коллективизации аратских хозяйств. На основе конфискации имущества феодалов и жасовской кампании началась работа по созданию коллективных хозяйств. Они имели три формы: коммуну, артель и товарищество. В первой половине 1930 г. уже было создано 410 колхозов, из них 202 были коммунами. К началу 1932 г. организовано 752 колхоза, куда вошли почти 33 % скотоводческих семей. Руководство ИККИ отмечало, что колхозы играют важную роль в развитии народного хозяйства Монголии. На самом деле все обстояло совершенно иначе. Поскольку в хозяйственно-организационном плане колхозы находились в плачевном состоянии и не могли самостоятельно существовать, они не только не приумножали общественное богатство, а наоборот, в большей степени способствовали его разорению. В колхозах общественный труд не был организован, процветало потребительство. Уничтожение колхозами полученного скота достигло невиданного размаха.

При вовлечении аратов в колхозы применяли главным образом принудительные меры. Притесняли середняцкие и зажиточные аратские хозяйства,

не вступившие в колхозы, облагали их высокими налогами, подвергали урточной повинности, ограничивали в правах пользования пастбищными угодьями.

Одной из важных задач построения социализма в стране являлась ликвидация деятельности частных предпринимателей в сфере торговли, общественного транспорта и обслуживания. Коминтерн считал, что торговцы являются врагами монгольской революции. Закрывались магазины и лавки частных торговцев, ограничивалась деятельность частных транспортных хозяйств, игравших важную роль в обеспечении населения товарами широкого потребления, в подготовке сельскохозяйственного сырья. Государство установило свою монополию на торговлю и транспорт.

Развернулась активная деятельность против иностранного капитала, в особенности китайского. Были резко увеличены пошлины на импортные товары и налог с их доходов.

В конце 1930 г. правительством МНР была введена государственная монополия на внешнюю торговлю страны. Различные экономические и внеэкономические меры привели к ослаблению деятельности иностранных фирм. По данным 1930 г., удельный вес иностранного капитала в импорте снизился до 9,8 %, а в экспорте — до 26 %.

Комплекс непродуманных мер со стороны МНРП при выполнении программных установок привел к товарному недостатку в стране. Нарастание экономического кризиса в Монголии было связано и с деятельностью советских торгово-экономических организаций. Они установили господствующее положение в экономической жизни страны, в сфере торговли и транспорта.

Под непосредственным руководством Коминтерна одновременно с проведением чистки в рядах партии была организована проверка работников государственных и хозяйственных учреждений, из которых были уволены чиновники, бюрократы и бывшие белогвардейцы. Главным критерием для работников государственных органов стало их социальное положение; предпочтение отдавалось лицам бедняцкого и батрацкого происхождения. Резко падал профессиональный уровень работы государственных учреждений. Административные методы управления были доведены до абсурда. Вопросы стали решаться путем проведения различных кампаний и принудительных мер.

В ходе проведенных чисток партии из МНРП было исключено более 5 тыс. человек, считалось, что они были приняты в партию в период правления правых. Прием в члены партии бедняков и батраков осуществлялся в порядке срочных кампаний. В результате принятых мер изменилось место МНРП в политической системе общества. Получает развитие марксистско-ленинское учение о возрастающей роли пролетарской партии в социалистическом строительстве. V Великий Народный Хурал принял решение об установлении в стране твердой диктатуры трудового аратства. Ложно понимая марксистско-ленинскую теорию социалистической революции об установлении пролетарской диктатуры, монгольские лидеры стали считать, что опорной силой народного государства являются монгольский пролетариат, батраки скотоводы и нищие. Начинается бездумное, механическое сравнение неимущих аратов с пролетарским классом; середняцких аратов — со средними крестьянами оседлых стран; зажиточных аратов — с кулаками.

Полномочия Великого народного хурала, Малого народного хурала и Правительства были сведены к нулю. Партийные и общественные организации подменяли деятельность государственных учреждений. Попытка Коминтерна применить

основы социализма в Монголии привела к глубокому кризису. Количество поголовья скота сократилось почти на 7 млн. Таким образом, процесс адаптации СССР и МНР в 1925 г. — начале 30-х гг. происходил болезненно, особенно для монгольской стороны.

Попытка Ц. Дамбадоржа дистанцироваться от Коминтерна и СССР, проводить собственный независимый курс была охарактеризована как «правый уклон» и жестко пресечена. Это было обусловлено желанием части советского и коминтерновского руководства искусственно ускорить ход революционных и социально-экономических преобразований в Монголии, без учета национальной и исторической специфики, что отрицательно сказывалось на ситуации в Монголии и на советско-монгольских отношениях.

Товарный голод охватил все население страны. Уровень жизни народа снизился. Жесткая классовая позиция левых сил привела к разрыванию бесконечной конфронтации между общественными слоями и группами монгольского общества.

Восточный отдел ИККИ организовал подготовительную работу, связанную с полной ликвидацией феодалов как класса, советовал изолировать опасные элементы в концентрационные лагеря и тюрьмы, развертывать борьбу против зажиточных аратов. Все это привело к подрыву авторитета МНРП. Идея народного аратского государства теряла свою привлекательность среди широких масс номадов.

Социально-экономический кризис перерос в политический. Вооруженные восстания, в которых участвовали простые араты и ламы, охватили территории многих аймаков. На первых порах они возникали стихийно, но в короткий срок превращались в организованное политическое движение. Восставшие создали свой руководящий орган-правительство, назначали министров, военных полководцев и хубилганов. Повстанцы выступали с разными лозунгами — вплоть до свержения существующей власти.

Полномочные комиссии правительства МНР начинают проводить жесткую политику против восстаний и мятежей, организовывать отряды добровольцев. В боях против повстанцев были задействованы армейские части и подразделения Внутренней государственной охраны. Правительственные потери превысили 400 человек. Полная ликвидация повстанческого движения завершилась лишь в октябре 1932 г.

Советское руководство отреагировало на происходящие события очень быстро. Обсудив положение в Монголии на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 29 мая 1932 г., советское руководство решило, что ошибки монголов заключаются в слепом подражании политике Советской власти, что это является главной причиной восстаний, развернувшихся в Монголии. Если не устранить их и не перейти к правильной политике, соответствующей демократической республике, то становится опасным существование Монгольского государства.

На основе данного решения было принято совместное постановление ИККИ и ЦК ВКП(б) о Монголии, подписанное Д. Мануильским, А. Куусиненом и И. В. Сталиным. В нем отмечалось, что руководство Монголии, пренебрегая социально-экономическими и национальными особенностями страны, допустило серьезные ошибки в работе.

Указывалось на следующие основные «ошибки» монголов: правительство подменялось партийным руководством, по сути дела были ликвидированы Правительство и Малый Хурал, ряды партии пополнялись классово чуждыми, контрре-

волюционными элементами, проводилась политика борьбы со всем ламством, в результате чего все ламы, несмотря на имущественную разницу, выступили против правительства. Руководители партии и государства серьезно нарушали Конституцию, государственные органы не вели борьбу с нарушением закона. Партия и правительство проводили грубую, ошибочную политику «сплошной коллективизации» и борьбу против зажиточных аратов.

Таким образом, в постановлении ничего не говорилось о том, что социально-экономический и политический кризис в Монголии был связан, прежде всего, с политикой и деятельностью Коминтерна и ВКП(б). Вся вина возлагалась на «монгольских товарищей».

Третий чрезвычайный пленум ЦК и ЦКК МНРП, состоявшийся 29–30 июня 1932 г., критически проанализировав основные политические ошибки партии, определил направления дальнейшей политики. В постановлении пленума указывалось, что политика левых была связана с задачей ускоренного построения социализма в МНР. Пленум считал, что МНР «может существовать лишь как народно-революционная, антиимпериалистическая буржуазно-демократическая республика нового типа, закладывающая основы для постепенного перехода на путь некапиталистического развития».

В постановлении определялись основные задачи: поощрение частнохозяйственной инициативы населения; содействие частному товарообороту, частной торговле; развитие животноводства. Поддержка простейших форм кооперирования, пересмотр бюджетно-налоговой и кредитной политики с учетом обеспечения нормального развития всех хозяйств, включая зажиточных аратов и частных торговцев. Недопустимость административных методов борьбы с религией, обеспечение полной свободы религиозных верований наряду с повышением полномочий правительства.

Исторический процесс осуществления этих решений вошел в историю Монголии под названием «политика нового курса». Это была попытка возрождения на новом историческом этапе старой политики национальных демократов 20-х годов.

Деятельность руководящих органов монгольского государства в годы Нового курса была направлена на повышение экономических стимулов развития аратских частных хозяйств, увеличение поголовья скота, расширение товарного обмена на внутреннем рынке, развитие производительных сил через систему товарно-денежных отношений.

МНРП и правительство проводят комплекс мер по роспуску колхозов; принятию закона о налогах с учетом интересов аратских хозяйств; предоставлению банковского кредита скотоводам; повышению цен на сельскохозяйственные продукты; развитию ветеринарии; поддержке и поощрению частной торговли, основанной на свободной конкуренции и на свободной цене; снижению налогов, налагаемых на мелких ремесленников и частных земледельцев; формированию правовой основы во взаимоотношениях между нанимателями и рабочими и т. д.

В создании промышленного производства в МНР огромную помощь оказал Советский Союз. Были построены Промышленный комбинат, Центральная электрическая станция и другие предприятия, благодаря которым закладывалась основа национальной индустрии. Добыча угля в 1934 г. увеличилась в 5,5 раза по сравнению с 1928 г. Общая численность рабочих в промышленности в 1934 г. в сравнении с 1928 г. возросла в 10 раз.

В это время наблюдалось значительное влияние буддийской церкви, но правительством предпринимается ряд мер по ограничению авторитета лам, начинается

всестороннее налоговое обложение лам, служащих в дацанах (буддийских монастырях). В 1933 г. специальная комиссия правительства МНР, изучив уставы монастырей, включила в них пункт об обязательном обучении лам национальной грамоте. Лам, успешно сдавших экзамены, в целях поощрения освобождали от некоторых налогов. В том же году была организована планомерная работа по обучению низших лам национальной грамоте. В 1935 г. в 40 кружках, созданных министерством просвещения, обучались грамоте 2 тыс. низших лам; из них 492 ламы успешно сдали экзамены. Это было важным направлением культурных преобразований в Монголии.

В 1934 г. в Улан-Баторе издавалось 5 газет и 6 журналов. Наблюдались выпуск научной литературы и активизация деятельности Комитета наук МНР. Были приняты меры по обеспечению свободы совести населения. Признавались недопустимыми административные методы борьбы с религией.

Повышалась роль государственных органов. Заново разработаны законы и положения, устранены последствия нарушения законов и демократических принципов.

Отношения между партией и государством, разделение политической власти были одним из спорных вопросов в среде высшего руководства страны. Этот вопрос был решен на IX съезде МНРП (28 сентября — 5 октября 1934 г.).

Съезд указал, что партия должна руководить обществом, реализовывать свою политику через работу партийных групп при законодательных и исполнительных органах, давать директивы и направления правительству с целью развития народного хозяйства и культуры, организовывать массы для осуществления государственной политики.

Съезд отметил важность мер по развитию частного сектора, призвал прекратить «практику подмены правительства и государственных органов партией». Выступил за обеспечение полной свободы религиозных верований, за постепенное возвращение лам к производственному труду.

В декабре 1934 г. на состоявшейся после VII Великого Хурала сессии Малого хурала премьер-министром вновь был избран П. Гэндэн. Первым заместителем премьер-министра стал Х. Чойбалсан. Кадровые перемены в декабре 1934 г. повлияли на завершение политической карьеры П. Гэндэна и возвышение Х. Чойбалсана (1895–1952). В 1919 г. он вступил в революционный кружок Бодо, объединение которого в 1920 г. с аналогичным кружком Сухэ-Батора положило начало Монгольской народно-революционной партии (МНРП). С 1920-х гг. занимал руководящие должности в революционном движении. После победы Монгольской народной революции 1921 г. был главнокомандующим Монгольской народно-революционной армии (1924–1929 и 1937–1952); Председателем Президиума Государственного Малого хурала (1929–1930); министром иностранных дел (1930); министром животноводства и земледелия (1931–1935); министром внутренних дел (1936–1939); первым заместителем премьер-министра (1935–1939); главой правительства (председатель Народного Совета министров и председатель Совета министров) (1939–1952). Х. Чойбалсан был последовательным сторонником И. В. Сталина и членом ВКП(б). Воспользовавшись тем, что глава Монголии Пэлжидийн Гэндэн утратил доверие Сталина (в частности, из-за того, что отказался провести массовые репрессии против буддийских монахов и форсировать введение централизованной экономики), в 1936 г. Чойбалсан содействовал его отстранению от власти, вскоре после этого Гэндэн был арестован и отправлен в СССР, где в 1937 г. был расстрелян.

Чойбалсан, бывший в 1935–1939 гг. первым заместителем премьер-министра, до 1939 г. формально не занимал высшей должности в правительстве, однако фактически уже в 1936 г. стал диктатором и провел массовые репрессии, уничтожив не только своих противников в партии, но также большое число бывших нойонов, монахов и пр. В результате репрессий погибло 20–25 тысяч человек, то есть несколько процентов населения страны.

Чойбалсан возглавлял монгольскую армию в совместных с РККА операциях на Халхин-Голе и в советско-японской войне. После смерти Чойбалсана в 1952 г. его тело было помещено в мавзолей, его имя было увековечено, в частности, переименованием крупнейшей горы в столице Монголии. В 1956 г. под влиянием политических процессов в СССР политическая деятельность и культ личности Чойбалсана были подвергнуты критике в докладе Ю. Цеденбала на съезде Монгольской народно-революционной партии. Однако его статуи не были снесены, а административный центр аймака Дорнод до настоящего времени носит его имя.

В годы Нового курса было устранено кризисное положение страны, произошли положительные сдвиги в политической, социально-экономической и духовной жизни страны вследствие возобновления демократических преобразований. Если в 1932 г. было 16,2 млн поголовья скота, то в 1932 г. оно достигло 21 млн.

Усложнившаяся обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Дальнем Востоке в 30-е годы (агрессия Японии, внутри- и внешнеполитическая война в Китае), заинтересованность Советского Союза иметь надежного союзника на восточном форпосте привели к тому, что позиция СССР в монгольском вопросе к тому времени окончательно определилась. Несмотря на то, что Китай по-прежнему не признавал независимость Монголии, Советский Союз принял вполне определенную и жесткую позицию. Правительство начинает оказывать поддержку статус-кво Монголии как независимого суверенного государства, содействовать успешному проведению исторического эксперимента, связанного с некапиталистическим развитием ранее отсталой аратской страны.

Период с середины 30-х годов характеризовался заметным улучшением положения в основной отрасли — животноводстве. Поголовье скота увеличилось с 19,6 млн в 1933 г. до 26, 2 млн в 1940 г. и 27, 5 млн в 1941 г. Такая численность поголовья скота была достигнута впервые, и это, несомненно, подтверждало правильность проводившейся экономической политики, направленной на поддержку частного аратского хозяйства.

Налогово-кредитная система, поощрительные меры и поддержка аратов со стороны государства способствовали не только росту общего поголовья скота, но и переменам в соотношении социальных групп внутри аратства, уменьшению числа бедняцких хозяйств и увеличению середняцких и зажиточных.

Удельный вес середняков повысился с 34 % в 1927 г. до 58 % в 1939 г. В среднем на одно хозяйство приходилось 124 головы скота и на одного человека — 36 голов. В животноводстве, хотя и медленно, внедрялись новые методы хозяйствования.

Правительство уделяло большое внимание развитию новой отрасли — промышленности. Крупные предприятия — Улан-Баторский промкомбинат, Энергокомбинат, механический завод, шерстомойные фабрики, рудники — увеличивали выпуск продукции. Объем промышленной продукции возрос в 1940 г. против 1934 г. в 6 раз, в 1940 г. выпущено 20 % валовой продукции промышленности и сельского хозяйства. Государственная промышленность производила 70 % продукции, остальные 30 % — промысловая кооперация. Численность рабочих и служащих в стране возросла с 11 тыс. в 1934 г. до 31 тыс. в 1940 г.

Рассматривая борьбу с ламством в области налогообложения как рычаг подрыва экономической мощи последнего, советниками НКВД в Монголии в 1936 г. указывалось, что эти мероприятия должны преследовать цель — выкачивать от ламства ежегодно столько средств, сколько необходимо для того, чтобы, с одной стороны, в действительности наносить удар по экономической мощи ламства; с другой — чтобы на данном этапе размер налогов не превышал действительной суммы доходов лам и не превращался в «левый загиб». Это значит, что отклонения размера налогов в ту или иную сторону является одинаково вредным, поскольку в первом случае налоговые льготы не достигнут своей цели, во втором — приведут к политическим осложнениям.

С этой точки зрения ни джасский (на хозяйства монгольских монастырей), ни военный налоги, несмотря на перевыполнение (план 1 450 тыс. — выполн. 1 918 тыс.), не соответствовали поставленным задачам налогового обложения. Чистые накопления ламства в 1936 г. в денежном отношении были равны приблизительно 14 000 000 тугриков. Таким образом, по индивидуальной линии они получали доходы в пять раз больше и в то же время с них взыскивалось почти в два раза меньше налогов, чем по линии «джасс».

Закон о военном налоге от 8.02.35 г. МНР предусматривал обложение всех лам от 18 до 45 лет, допуская исключение только для тех низших лам, которые занимаются извозным и кустарным промыслами или вообще не могут платить налоги. На этом этапе признавалось, что монгольское правительство, проводя налоговую политику в отношении ламства, в дальнейшем должно исходить из учета следующих обстоятельств:

а) общая сумма налогов на ламство не должна быть стремительно увеличена, чтобы не было нажима по сравнению с другими мероприятиями. Но не может быть оставлена такой, какова она в настоящее время. Общую сумму нужно довести примерно до 4.000.000 тугриков в 1936 г., что будет приемлемым;

б) должен быть установлен подоходный налог, которым должно облагаться все ламство (в особенности высшее) независимо от возраста. В то же время предусматривалось освободить часть низшего и среднего ламства, занимающегося общественно-полезным трудом, от подоходного налога и распространить на все ставки общегражданского налога;

г) установить военный налог, которым охватить все ламство от 18 до 45 лет;

д) определить дифференцированные ставки военного налога, однако с таким расчетом, чтобы низшая ставка военного налога была бы выше ставки общегражданского налога;

е) установить такой размер «джасского» налога, который был бы значительно меньше общей суммы индивидуального налога и действительно соответствовал размерам доходов.

Если в 1936 г. для борьбы с ламством применялись жесткие экономические меры, то уже в 1937 г. положение резко обострилось. Сложными в этот период можно назвать взаимоотношения МНРП, поддерживаемой ВКП(б), и буддийской церкви. Ярким примером проводимой в Монголии политики со стороны советского правительства была встреча Амара со Сталиным в декабре 1936 г. Сталин настаивал на форсированном решении ламского вопроса: «Вы даёте свое согласие убрать лам и мы будем знать лучше, как быть». Амар был удручен. Он рассказывал находившемуся в Москве Б. Ринчену: «Я пытался объяснить Сталину, что это невозможно, но он не принял мои разъяснения. Как это можно — убрать 100 тыс. лам». К сожалению, это оказалось возможным — к 1940 г. в МНР многотысячное сословие перестало существовать, исчезли сотни монастырей и храмов. Поредели ряды интеллигенции, военных, репрессии в той или иной степени коснулись всех слоев населения. На 1-е января 1937 г. во всех монастырях МНР было 85 018 лам, что составляло 23,7 % от общего количества мужского населения страны. В это время покинули монастыри 16 208 лам. Арестованных МВД с 15 декабря было 1500 человек. Еще более разительна картина массового ухода лам из монастырей в худон, до 15 декабря их было 34 869, что составляло 50,7 % от всего количества. Из 641 действовавшего монастыря 167 закрылись. В крупнейших это составило 44 %, мелких — 34 %.

В конце августа 1937 г. в Улан-Батор прибыл заместитель наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновский. Был составлен черный список на 115 человек, подозреваемых в «контрреволюционных заговорах». «Дела» шли одно за другим, страшные, непостижимые — «дело контрреволюционной организации Гэндэна-Дэмиды», «дело контрреволюционной организации высшего ламства» и т. д. Были расстреляны Энзон хамба, Дэд хамба и другие. Физическое уничтожение буддийских священнослужителей в 20–30-е гг. XX в. негативным образом сказалось на дальнейшем развитии монгольской этносферы.

В целом за 20 лет (1921–1940) экономика и культура МНР существенно изменились. Экономика становилась многоотраслевой — наряду с животноводством (оно оставалось главной отраслью и по числу занятых, и по удельному весу производимой продукции) развивались промышленность (обрабатывающая, добывающая и др.), строительство, механизированный транспорт, связь, национальная торговля.

Экономика отличалась многоукладностью, но исчезло преобладавшее ранее феодальное производство, вытеснен иностранный торгово-ростовщический капитал, шла трансформация натурального хозяйства в мелкотоварное. Повышалась роль государственно-кооперативного сектора.

Коренным образом изменилась и социальная структура общества. Прежние сословия — феодалы (князья, дворяне и др.), зависимое аратство (албату, хамжилга, шабинеры), ламство (высшее, среднее, низшее) — исчезли.

Преобразования происходили и в сфере образования. Число начальных школ увеличилось с 59 в 1934 г. до 93 в 1939 г., средних — с 5 до 12. Процент грамотных поднялся с 5,8 в 1935 г. до 20, 8 в 1940 г. Детей школьного возраста насчитывалось 130 тыс., а учились только 10 тыс.

Правительство не жалело сил и средств на организацию лечебных учреждений, подготовку медицинских кадров. Достаточно сказать, что только за 5 лет, с 1934 по 1939 г., число врачебно-фельдшерских пунктов увеличилось с 35 до 350, соответственно возросла и численность медицинских работников.

В области языка и литературы были проведены неоднозначные в сфере образования реформы. Совет Министров и Президиум ЦК МНРП в марте 1941 г. приняли постановление «О введении нового алфавита на основе русской графики и арабских цифр». Идеологическая составляющая этого решения при непосредственном участии советского руководства была выражена в следующем заявлении: «Русский алфавит более близок монгольскому народу, чем чуждый для него старомонгольский». Однако нельзя не согласиться с аргументами, приведенными Х. Чойбалсаном 11 мая 1941 г. на заседании правительства по поводу проекта нового алфавита. В пользу его принятия: монгольская письменность, созданная на основе уйгурского алфавита, сильно отличалась от разговорного монгольского языка; вертикальное направление письма делало невозможным печатание учебников по физике, арифметике и естествознанию. Руководство страны считало, что новая письменность поможет быстро овладеть грамотой, приблизит литературный язык к разговорному и приобщит монголов к богатству знаний». Серьезным доводом в пользу нового алфавита был также тот факт, что «вся революционная литература, нужная нашему свободному народу, имеется на русском языке, и большинство национальных кадров с высшим образованием, необходимым в народном хозяйстве, готовится в Советском Союзе».

В связи с переходом на кириллицу были составлены и изданы новые орфографические правила, орфографический словарь и учебная грамматика.

В ноябре 1941 г. ЦК МНРП принял постановление «Об обучении трудящихся масс новой письменности». Развернулась активная работа по его реализации, в результате чего в стране заметно увеличилось количество грамотных людей.

В советско-монгольской историографии доказывалось, что «новый алфавит», не нарушая преемственности самобытной культуры Монголии, способствовал повышению качества обучения в общеобразовательной школе, во многом содействовал ликвидации неграмотности взрослого населения. Уже к 1947 г. количество грамотных среди населения возросло до 42, 2 %, что дало возможность с 1950 г. перевести все государственное делопроизводство на новую письменность.

В советской историографии трактовалось, что «вытеснение» к концу 30-х годов монастырской школы стало историческим достижением монгольского народа на пути его освобождения от религиозной кабалы, на пути строительства новой национальной культуры. Однако ликвидация неграмотности в стране происходила медленными темпами. В 1940 г. грамотных среди населения было не более 20 %».

Введение нового алфавита было событием большого культурного, общественного и государственного значения. Новый алфавит, не нарушая преемственности самобытной культуры, сыграл огромную роль в культурном подъеме страны, способствовал повышению качества обучения в школах и росту грамотности населения.

Повышение уровня грамотности населения

	1935 г.	1940 г.	1945 г.	1950 г.
Численность населения в возрасте от 9 до 50 лет, тыс. чел.	497,0	528,3	441,8	508,9
Из них грамотные — всего, тыс. чел.	36,2	127,9	263,4	374, 2
В том числе:				
мужчин	33,3	105,2	171,1	213,8
женщин	2,9	22,7	92,3	160,4
Процент грамотности населения	7,3	24,2	59,6	73,5

Перевод на новую графику, без сомнения, был важным положением в образовательной политике МНРП того периода, но существовало определенное противоречие с многовековой культурой монголов, письменность которой была основана на уйгурском чистописании. Отказ от традиционного письма привел к потере огромного многовекового духовного богатства монголоязычных народов.

Произошло своеобразное разделение монгольской культуры как бы на два периода: «словно до революции не существовало достойной внимания литературы и искусства...», а настоящая, в духе социалистического реализма, начиналась после революции с Нацагдоржа и других».

Этот прогрессивный процесс был прерван в результате политических репрессий. Были расстреляны руководители партии и государства, видные военачальники, интеллигенция, ламство и простые граждане. Арестованы и репрессированы 83,6 % членов ЦК МНРП, все члены Президиума, кроме Х. Чойбалсана, 80 % членов ЦКК МНРП, большинство руководящего состава аймачных и городских партийных комитетов, а также почти половина состава Малого народного хурала и большинство членов Президиума и Правительства. Таким образом, в МНР установился авторитарный режим Х. Чойбалсана.

Возникшая внутрипартийная и межличностная борьба и влияние руководства ВКП(б), СССР и Коминтерна привели к драматическим результатам. Монголия с фатальной точностью повторяла путь «старшего брата». Проявилась тенденция, направленная на взаимное уничтожение сформировавшихся групп оппонентов. Наряду с руководящими деятелями партии и государства пострадали десятки тысяч простых людей. Под предлогом подавления ламских мятежей начались гонения на верующих и буддийскую религию в целом. Монгольские лидеры П. Гэндэн, А. Амар, Д. Догсом, Л. Лосол и другие были репрессированы в СССР.

Резко осложнившаяся международная обстановка в регионе требовала новых подходов к международной политике. Продолжающаяся агрессивная политика Японии в регионе являлась существенным фактором международного взаимодействия стран треугольника «СССР — МНР — Китайская Республика». Нарастающая угроза захвата Монголии со стороны Японии была реальной. Агрессия Японии в Китае, фактический захват ею Маньчжурии, постоянные провокации японских войск и войск Маньчжоу-Го на монгольской и советской границах потребовали увеличения военных расходов и численности армии МНР и СССР.

На основании межправительственных договоренностей, подписанных между Советским Союзом и Монголией 12 марта 1936 г., с целью защиты своей безопасности, МНР дала согласие на размещение советских войск на территории страны. СССР в начале сентября 1937 г. ввел войска на территорию Монголии. Это была своевременная мера.

28 мая 1939 г. в районе Халхин-Гола вторглись и завязали бой с пограничными частями войск МНР 64-й японский полк, два моторизованных отряда и ряд других частей.

Нарком иностранных дел ССР В. М. Молотов на сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г. заявил о том, что границу с Монголией «мы будем защищать, как и свою собственную границу».

Исходя из новых архивных данных, во многом опровергающих привычную картину событий летом 1939 г. на р. Халхин-Гол, требуют критического информационного и методологического пересмотра предпосылки и исторические последствия этой войны. В современном монголоведении интерес вызывает ранее засек-

реченная информация о приграничных территориальных спорах противоборствующих сторон. Непосредственно монголо-маньчжурский территориально-пограничный конфликт, который развивался с 1932 г. в виде взаимных вторжений и на территорию МНР, и Маньчжоу-Го. Последнее обстоятельство усугублялось неопределенностью границы и наличием спорных зон, включая территорию Халхин-Гола. Так, 21 мая 1939 г. в секретном донесении И. В. Сталину и В. М. Молотову Л. П. Берия сообщает, что в Улан-Баторе «нашлась еще одна карта, датированная 5 июля 1887 г., причем аналогичных экземпляров ни в архивах НКВД, ни в Управлении военной топографии РККА ни в Генштабе РККА обнаружить не удалось».

В тот период руководство НКВД и Генеральный штаб РККА оперировали двумя основными картами монголо-маньчжурской границы: картой Генштаба российской армии 1906 г. и советским вариантом этой же версии, изданным в 1934 г. Управлением военной топографии РККА... В январе 1936 г. карта издания 1934 г. была представлена начальнику Генштаба РККА Егорову как наиболее достоверный источник... В этом же году Генштаб РККА отправляет экземпляр карты в Улан-Батор правительству МНР, которое нанесло на свои карты ориентиры согласно советской версии... В Генштабе РККА имелась еще одна карта издания 1933 г., согласно которой граница проходила уже непосредственно по р. Халхин-Гол, но этой карте была отведена роль вспомогательного, запасного варианта. Так или иначе, но полной объективной картины о монголо-маньчжурской границе на 1937 г. ни в Москве, ни в Улан-Баторе не было.

Найденная карта опровергла все ранее фигурировавшие версии о границе и определяла ее «восточнее р. Халхин-Гол, что автоматически превращало идущие бои на спорной территории в войну «на территории МНР». Относительно же карт, изданных в СССР и МНР в 1934–1937 гг., и их издателей Л. Берия пишет: «Нами ведется расследование, на основании каких материалов и документов в январе 1934 г. Управлением военной топографии РККА была издана карта, по которой государственные границы показаны по р. Халхи-Гол, а также выясняется, что послужило основанием к обозначению государственной границы МНР и Маньчжоу-Го к северу-востоку от р. Халхин-Гол».

В июне 1939 г. не произошло ни одного столкновения, но в небе развернулась воздушная война. Уже первые столкновения в конце мая показали преимущество японских авиаторов. Так, за два дня боев советский истребительный полк потерял 15 истребителей, в то время как японская сторона потеряла всего одну машину. Советскому командованию пришлось пойти на радикальные меры: 29 мая из Москвы в район боевых действий вылетела группа летчиков-асов во главе с заместителем начальника ВВС РККА Я. В. Смушкевич, многие из них были Героями Советского Союза, а также имели боевой опыт в небе Испании и Китая. После этого силы сторон в воздухе стали примерно равными.

Командующим армейской группировкой был назначен Г. К. Жуков. Вскоре после прибытия в июне 1939 г. в район военного конфликта он предложил свой план боевых действий: ведение активной обороны на плацдарме за Халхин-Голом и подготовка сильного контрудара по противостоящей группировке японской Квантунской армии. Наркомат обороны и Генеральный штаб РККА согласились с предложениями, выдвинутыми Г. К. Жуковым. К району конфликта стали стягиваться необходимые силы. Для координации действий советских войск на Дальнем Востоке и частей Монгольской народно-революционной армии из Читы в район р. Халхин-Гол прибыл командарм Г. М. Штерн.

26 июня 1939 г. было сделано первое официальное заявление советского правительства по поводу событий на Халхин-Голе. 2 июля японская группировка перешла в наступление. На восточном берегу Халхин-Гола также начались ожесточенные бои. Японцы силами двух пехотных и двух танковых полков (130 танков) против 1,5 тыс. красноармейцев и двух монгольских кавалерийских дивизий численностью 3,5 тыс. конников первоначально добились успеха. Из сложного положения обороняющиеся советские войска выручил заранее созданный Г. К. Жуковым подвижный резерв, который был оперативно введен в действие. Вокруг горы Баин-Цаган развернулись ожесточенные бои. С обеих сторон в них участвовало до 400 танков и бронемашин, более 800 артиллерийских орудий и сотни самолетов. Советские артиллеристы вели огонь по противнику прямой наводкой, а в небе над горой в отдельные моменты находилось до 300 самолетов с обеих сторон. Особенно отличились в этих боях 149-й стрелковый полк майора И. М. Ремизова и 24-й мотострелковый полк И. И. Федюнинского. На склонах горы Баян-Цаган погибло более 10 тысяч японских солдат и офицеров. Были потеряны почти все танки и большая часть артиллерии. Однако японские войска продолжали оставаться на территории Монголии, военное руководство Японии планировало новые наступательные операции. Таким образом, очаг конфликта в районе Халхин-Гола сохранялся. Обстановка диктовала необходимость восстановить государственную границу Монголии и кардинально разрешить этот пограничный конфликт. Поэтому Г. К. Жуков стал планировать наступательную операцию с целью полного разгрома всей японской группировки, находившейся на территории Монголии.

В результате проведенной работы между обеими сторонами конфликта к началу советского контрнаступления 1-я армейская группировка Жукова имела в своем составе около 57 тысяч человек, 542 орудия и миномета, 498 танков, 385 бронемашин и 515 боевых самолетов. Противостоящая ей японская группировка — специально сформированная императорским декретом японская 6-я отдельная армия под командованием генерала Огису Риппо — имела в своем составе 7-ю и 23-ю пехотные дивизии, отдельную пехотную бригаду, семь артиллерийских полков, два танковых полка маньчжурской бригады, три полка баргутской кавалерии, два инженерных полка и другие части, что в общей сложности составляло более 75 тысяч человек, 500 артиллерийских орудий, 182 танка, 700 самолетов. В составе японской группировки было немало солдат, получивших боевой опыт во время войны в Китае.

Наступающие советско-монгольские войска были разделены на три группы — Южную, Северную и Центральную. Главный удар наносился Южной группой под командованием полковника М. И. Потапова, вспомогательный удар — Северной группой, которой командовал полковник И. П. Алексеенко. Центральная группа под командованием комбрига Д. Е. Петрова должна была сковать силы противника в центре, на линии фронта, тем самым лишить их возможности маневра. В резерве, сосредоточенном в центре, находились 212-я авиадесантная и 9-я мотобронева бригады и танковый батальон. Также в операции участвовали монгольские войска — 6-я и 8-я кавалерийские дивизии.

Следует отметить, что командование 6-й японской армии в первый день наступления не смогло определить направление главного удара наступающих войск и не предприняло попытки оказать поддержки своим войскам, оборонявшимся на флангах. Бронетанковые и механизированные войска Южной и Северной групп советско-монгольских войск 26 августа соединились и окружили 6-ю япон-

скую армию. После этого началось ее дробление отсекающими ударами и уничтожение по частям.

В целом японские солдаты, в основном пехотинцы, как отмечал позднее Г. К. Жуков в своих мемуарах, дрались крайне ожесточенно и исключительно упорно, до последнего человека. Часто японские блиндажи и дзоты захватывались только тогда, когда там уже не было ни одного живого японского солдата. В результате упорного сопротивления японцев 23 августа на Центральном участке фронта Г. К. Жукову пришлось даже ввести в бой свой последний резерв: 212-ю авиадесантную бригаду и две роты пограничников, хотя при этом он и шел на немалый риск.

Неоднократные попытки японского командования провести контратаки и деблокировать окруженную в районе Халхин-Гола группировку были безуспешными. После боев 24–26 августа командование Квантунской армии до самого конца операции на Халхин-Голе не пыталось больше деблокировать свои окруженные войска, смирившись с неизбежностью их гибели.

Последние бои еще продолжались 29 и 30 августа на участке севернее реки Хайластын-Гол. К утру 31 августа территория Монгольской Народной Республики была полностью очищена от японских войск. Однако это еще не было полным завершением пограничного конфликта (фактически необъявленной войны Японии против СССР и союзной ему Монголии). 15 сентября 1939 г. было подписано соглашение между Советским Союзом, МНР и Японией о прекращении военных действий в районе реки Халхин-Гол, которое вступило в силу на следующий день. По данным Института военной истории (ИВИ), советские войска в ходе боев на Халхин-Голе (с 21 мая по 15 сентября 1939 г.) понесли следующие потери: убито, умерло от ран и болезней — 7 632 чел.; погибло в катастрофах — 43 чел.; пропало без вести — 2 028. Итого безвозвратных потерь — 9 703 чел. Ранено, контужено, заболело — 15 251. Всего потерь — 24 954 чел. Потери МНРА (Монгольской народно-революционной армии), официально объявленные в ноябре 1939 г.: 165 убитых; 401 раненый. Итого: 566 чел. Существует мнение, что общая сумма потерь МНРА составляла 895 человек.

В период 1936–1940 гг. военное сотрудничество СССР и МНР развивалось по следующим направлениям:

- предоставление Советским правительством Монголии займов, кредитов и безвозмездной помощи на содержание монгольской армии и пограничных войск, оплату поставляемого вооружения, военной техники и снаряжения;
- помощь в организации, обучении и формировании монгольской армии и пограничных войск, подготовке национальных кадров в военных учебных заведениях СССР и созданных в Улан-Баторе военных училищах и школах и направление советских военных инструкторов;
- отражение японской агрессии в районе р. Халхин-Гол в мае – сентябре 1939 г.

События на Халхин-Голе в 1939 г. показали, насколько важна Монголия для безопасности южных рубежей Сибири. Победа советско-монгольских войск на Халхин-Голе имела огромное военное и политическое значение. На пороге Второй мировой войны сложился союз двух государств, кровью скрепивших свою дружбу.

Тема 2. МНР в 1940–1952 гг.

Исторический отрезок времени, который пришелся на 1940–1952 гг., был важным для Монголии. Во-первых, возникли новые проблемы, порожденные внешними обстоятельствами. Начавшаяся в сентябре 1939 г. Вторая мировая война втянула в свою орбиту многие страны и народы. МНР поддерживала их справедливую борьбу против германского фашизма и приняла участие в войне Советского Союза против империалистической Японии. Во-вторых, в Монголии укрепилась планово-командная система управления народным хозяйством: от годовых планов страна перешла к перспективному планированию на основе пятилеток. Соответственно, усилилась и привязка монгольской экономики к экономике СССР. В-третьих, после окончания Второй мировой войны влияние СССР в Монголии возросло, страна начала активнее использовать советские пути и методы социалистического строительства. В-четвертых, в рассматриваемый период предпринимались попытки углубить отдельные моменты демократического строительства (переход от непрямых выборов депутатов Великого народного Хурала к прямым, от открытых — к тайным и т. д.).

В апреле 1940 г. состоялся X съезд МНРП, а спустя два месяца VIII Великий Народный Хурал. Была принята новая Конституция страны, определившая курс на социалистическое развитие. К 1940 г. одним из главных достижений страны было создание основ современной для того времени экономики, прежде всего промышленности. Была сформирована новая государственная финансовая система, организованы производственная и потребительская кооперации, современные виды транспорта и связи. С 14 млн в 1924 г. до 26 млн в 1940 г. выросло поголовье скота. К началу 1940-х гг. в результате ликвидации феодальной собственности почти весь скот стал принадлежать аратам.

МНР с самого начала Великой Отечественной войны при всемерной поддержке аратских масс выступила на стороне советского народа, оказывая бескорыстную, братскую помощь Красной армии. Ушли на фронт монгольские курсанты, которые учились в советских военных училищах.

В первый же день войны — 22 июня 1941 г. — монгольское правительство в специальном заявлении осудило фашистскую агрессию и подтвердило свою верность договору о взаимопомощи 1936 г. Было принято совместное постановление президиума Малого хурала, Совета министров Монголии и президиума Центрального комитета МНРП, в котором выражалась поддержка народам Советского Союза. С этой целью в правительстве Монголии был создан особый фонд помощи советской армии. Монголия отправляла денежные средства, зимнюю одежду, продовольствие, скот, приобретала танковую колонну и эскадрильи. В октябре 1941 г. жителями Монголии был направлен эшелон с подарками — 15 тыс. комплектов зимнего обмундирования, около 3 тыс. посылок на сумму более 1,8 млн тугриков. Государственному банку СССР было переведено наличными 587 тыс. тугриков. К апрелю 1943 г. из Монголии было отправлено 8 эшелонов с продовольствием и обмундированием на сумму более 25,3 млн тугриков. В начале 1945 г. был направлен эшелон подарков из 127 вагонов.

Колонна танков, подаренных монгольским народом Красной Армии

16 января 1942 г. начался сбор средств на приобретение танковой колонны «Революционная Монголия». Жители Монголии передали во Внешторгбанк 2,5 млн тугриков, 100 тыс. американских долларов и 300 кг золота. К концу 1942 г. 53 танка (32 Т-34 и 21Т-70) были доставлены в Московскую область. 12 января 1943 г. в СССР прибыла монгольская делегация во главе Х. Чойбалсаном, вручившая танки 112-й Краснознаменной танковой бригаде.

В 1943 г. был организован сбор средств на приобретение эскадрильи самолетов «Монгольский арат». В июле 1943 г. на счет Наркомата финансов СССР было перечислено 2 млн тугриков. 18 августа И. В. Сталин выразил благодарность Монголии. 25 сентября 1943 г. на полевом аэродроме станции Вязовая Смоленской области состоялась передача эскадрильи 2-му гвардейскому полку 322-й истребительной авиационной дивизии. Монголия также взяла на себя вещевое и продовольственное обеспечение танковой колонны и эскадрильи до конца войны.

В марте 1942 г. власти Монголии приняли постановление о закупках лошадей по специально установленным государственным ценам. Кроме того, правительство МНР в годы Великой Отечественной войны продало по государственным ценам 437 189 лошадей общей стоимостью 88 млн тугр. Участниками войны отмечалась неприхотливость и выносливость монгольских лошадей.

Артиллеристы гвардии капитана И. Богомолова
переправляются вброд через реку Шешупе

Другим направлением помощи со стороны Монголии являлось укрепление собственных вооруженных сил. Численность армии постоянно наращивалась, увеличившись к концу войны в 3–4 раза. На свою армию и ополчение Монголия тратила до 50 % бюджета. Монгольские вооруженные силы рассматривались как дополнительный сдерживающий фактор против Квантунской армии помимо войск советской 17-й армии, которым Монголия предоставила право дислокации на протяжении всей войны. Кроме того, Монголия стремилась сокращать ввоз товаров из СССР, развивая некоторые виды собственного производства (обувь, кожаные, шерстяные, суконные изделия).

2 мая 1945 г. маршал Советского Союза Г. К. Жуков направил монгольскому руководству телеграмму, в которой особо подчеркивалось: «... в этой страшной борьбе против фашистских агрессоров советские воины всегда чувствовали и ценили помощь Вашего народа». Общая безвозмездная помощь Советскому Союзу составила 65 770 060 тугр. (86 421 859 р.). Проверка и выявление окончательной суммы требует дополнительного изучения.

Взросший авторитет и сила Советского Союза в ходе Второй мировой войны позволяли И. В. Сталину занимать жесткую позицию на международной арене по признанию МНР. Все это способствовало формированию у великих держав позитивных отношений к монгольскому вопросу. В то же время монгольское руководство продолжало занимать определенную позицию по этому вопросу, которую она заняла в предвоенные и военные годы, что также сыграло немаловажную роль.

Именно в такой обстановке и при безусловном давлении И. В. Сталина на союзников в Ялте 11 февраля 1945 г. было подписано соглашение руководителей СССР, США и Великобритании об условиях вступления СССР в войну с Японией, первым из которых было «сохранение статус-кво Внешней Монголии (МНР)». Об этом указано в I пункте Соглашения, подписанного главами трех держав 11 февраля и с грифом «Совершенно секретно».

После встречи в Ялте в конце июня 1945 г. в Москву на переговоры прибыла китайская правительственная делегация во главе с премьер-министром и министром иностранных дел Сун Цзывэнем. По оценкам специалистов, это были трудные и драматичные переговоры. И. В. Сталиным предельно жестко было высказано, что без признания Китаем независимости МНР любые другие вопросы советское руководство обсуждать отказывается и в войну с Японией Советский Союз не вступит. Твердая позиция СССР вынудила китайскую сторону пойти на уступки.

Необходимо отметить, что во время советско-китайских переговоров в Москву был приглашен и монгольский лидер Х. Чойбалсан, которого ознакомили с проектом договора между СССР и Китаем. В итоге фактически одновременно, с разницей в несколько дней, произошли события чрезвычайной важности — СССР и МНР объявили войну Японии и был подписан Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем. Состоялся также обмен нотами между МИД Китая и СССР по вопросу о государственной независимости МНР.

Нота МИД Китая гласила: «Ввиду неоднократно выраженного народом Внешней Монголии стремления к независимости Китайское правительство заявляет, что после поражения Японии, если плебисцит народа Внешней Монголии подтвердит это стремление, Китайское правительство признает независимость Внешней Монголии в ее существующих границах». В советской ноте говорилось, что Советское правительство «будет уважать государственную независимость и территориальную целостность МНР (Внешней Монголии)».

На заключительном этапе Второй мировой войны МНР приняла участие в войне против Японии. Южная граница МНР была местом передислокации Забайкальского фронта, проводившего боевые операции против Японии в рамках «Дальневосточной кампании» Советской армии.

10 августа 1945 г. Монголия объявила войну Японии, направив на фронт 80 тыс. человек для участия в Маньчжурской операции. Эти силы (в основном кавалерийские части) были включены в сводную конно-механизированную группу под командованием дважды Героя Советского Союза генерала И. А. Плиева и приняли участие в боях с японско-маньчжурскими войсками в августе 1945 г.

Монгольская народно-революционная армия (МНРА), в составе 4 кавалерийских дивизий, бро-нетанковой бригады, воздушной дивизии и полка связи численностью более 21 000 чел., в тесном взаимодействии с войсками Забайкальского фронта вступили в бой в двух направлениях: Долоннор-Жэхэ и Калган. Боевые задания, поставленные перед совместными войсками, были нелегкими, их успешному выполнению способствовала монгольская кавалерия, прекрасно действующая в труднопроходимых районах Великого Хингана и Гоби. Конно-механизированная группа И. А. Плиева при поддержке монгольских цириков разгромила маньчжурскую кавалерийскую дивизию князя Дэвана и противостоящие подразделения японцев, стремительно захватила Долоннор, открыв тем самым дорогу к Большому Хингану.

Впервые монгольские вооруженные силы участвовали в боевых операциях на территории другого государства. Но цель была справедливой — освобождение китайского народа от японской оккупации. В боях погибло 72 монгольских солдата и офицера. Трех монгольским военнослужащим было присвоено звание Героя Монгольской Народной Республики.

МНР не только выполнила свой союзнический долг, но и сумела повысить свой авторитет и активизировать внешнеполитическую деятельность. В период Второй мировой войны войска СССР и МНР совместно участвовали в боевых дей-

ствиях летом 1939 и 1945 гг. против Японии и Маньчжоу-Го. Таким образом, была обеспечена безопасность в Азии и на Дальнем Востоке, защищена и укреплена территориальная целостность МНР, для которой было важным признание независимости. В этот период заветное желание монголов создать единое государство и восстановить исторические границы так и не исполнилось.

Предвоенные и военные годы следует квалифицировать как период формирования советско-монгольского военно-политического союза. В ходе войны именно присутствие на территории МНР 17-й армии во многом сдерживало желание Японии в очередной раз после Халхин-Гола показать военный потенциал. В дальнейшем военное присутствие СССР на территории Монголии только нарастало, на что существовали веские причины.

Тема 3. МНР в 1952 — начале 90-х гг. XX в.

Процесс социалистического строительства в Монголии проходил неоднозначно, хотя основы советско-монгольского торгово-экономического сотрудничества были заложены в 1920–1930-х гг. Первое торговое соглашение между двумя странами было заключено в 1923 г. С этого времени началось постепенное вытеснение из Монголии иностранного капитала.

В МНР в 20-е и последующие годы необходимо было провести индустриализацию. Развитие промышленного производства началось с 1950-х гг., так как в эти годы были построены с помощью СССР крупные промышленные предприятия. За короткое время в Монголии создаются условия для превращения абсолютно аграрной страны в аграрно-индустриальную. Без сомнения, это было форсирование социалистических преобразований: ликвидировались остатки частной собственности, прошло кооперирование аратских хозяйств, чрезвычайно усилились процессы огосударствления экономики.

В 1950–1960-х гг. Монголия, в период дружественных отношений с КНР, получала значительную экономическую помощь и от Китая. В результате своего первого визита в КНР 4 октября 1952 г. Ю. Цеденбалом было подписано «Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между МНР и КНР». Правительство Китая выделяло Монголии льготные кредиты и осуществляло безвозмездную помощь. Китайскими рабочими были введены в строй десятки промышленных объектов. В 1955–1961 гг. общее число китайских рабочих в стране составляло около 17–18 тыс. человек. Для них были построены специальная школа и больница.

С начала 1950-х гг. решается вопрос о создании основ социализма в Монголии. XII съезд МНРП, состоявшийся в 1954 г., констатировал, что «...монгольский народ, осуществляя генеральную линию партии под руководством МНРП и при братской помощи Советского Союза, сделал новый шаг в строительстве основ социализма». Как определялось в Отчетном докладе ЦК партии, задачи строительства основ социализма включали «...развитие промышленности и транспорта в соответствии с потребностями народного хозяйства, дальнейший рост рядов рабочего класса и всемерное развитие национальной культуры, постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства и социалистическое воспитание трудящихся».

XIII съезд МНРП, проходивший в 1957 г., призвал партийные и государственные органы, всех членов партии направить все свои силы и энергию на успешное завершение массовой коллективизации аратских хозяйств, что было

одной из самых сложных задач. Таким образом, вопрос о строительстве социализма в стране становился основой партийно-государственной политики. Предстоящие изменения в общественно-политической системе Монголии должны были произойти как в социалистических странах, в первую очередь в СССР.

В этот период ЦК МНРП принадлежала не только партийная, но и высшая государственная власть, она решала все вопросы, связанные с судьбой страны. Политические решения Политбюро отражались в совместном постановлении ЦК МНРП и Совмина МНР. С усилением политико-административной роли партии в жизни общества резко укрепилась позиция первого секретаря ЦК МНРП.

В марте 1959 г. III пленум ЦК МНРП отстранил от руководящей партийной работы известных в стране политических деятелей Д. Дамбу, Б. Дамдина, Д. Ламчина, Ч. Сурэнжаву, С. Балгана, Д. Самдана за идейно-политическую отсталость, недостойные деловые и личные качества. После XV съезда (1966) в Политбюро ЦК МНРП были избраны Ц. Дугэрсурэн, Н. Жагварал, Д. Майдар, Д. Моломжамц, С. Лувсан, Ж. Самбу, Н. Лувсанравдан и Б. Лхамсурэн, которые тесно сотрудничали с Ю. Цеденбалом. И быть может, сами того не желая, в силу сложившейся обстановки они способствовали формированию авторитарного режима власти, чего добивался и сам Ю. Цеденбал, изучая опыт «советских товарищей».

Таким образом, произошло слияние партийной и исполнительной власти. Вследствие этого все более формальной становилась не только роль Правительства, осуществляющего исполнительную власть, но и Великого Народного Хурала как высшего законодательного органа. Профсоюз и все другие общественные организации осуществляли свою деятельность под непосредственным руководством МНРП. Таким образом, «государственно-партийная система», действовавшая в рамках общественного управления до середины 1950-х гг., сменилась, в результате чего партия превратилась в главное ядро политической системы общества.

Движение за демократию и социальную справедливость, начавшееся после смерти Х. Чойбалсана, в какой-то степени сдерживало этот негативный процесс. Поэтому период с начала пятидесятых до середины шестидесятых годов был временем идеологического противоборства между теми, кто, с одной стороны, стремился к демократии и установлению справедливости в рамках социализма, а с другой — придерживался позиции укрепления административно-командной системы.

С падением авторитарного режима после смерти Х. Чойбалсана сложились новые политические условия. Общественность ждала установления справедливости и развития демократии. На страницах периодической печати публиковались статьи, призывавшие к неукоснительному соблюдению принципов коллективного руководства и содержавшие критику, что культ личности приводит к падению творческой инициативы масс. Появилась возможность выразить свои взгляды и мнения на собраниях.

Еще до XX съезда КПСС, где разоблачили культ личности Сталина, по инициативе ЦК МНРП были предприняты некоторые меры: освобождение и реабилитация осужденных по «делу Порт-Артура», привлечение к ответственности некоторых работников правоохранительных органов и МВД за нарушение законов, отмена секретного решения о применении сил к подозреваемым, упразднение Особой комиссии при МВД как незаконного органа вне судопроизводства и прекращение незаконных арестов в случае неустановления виновности. Все это оказало сильное воздействие на общественность Монголии и обусловило начало

борьбы за освобождение монгольского общества от господства сталинизма и культа личности.

С середины 1950-х гг. сформировалась целая прослойка защитников административно-командной системы. Вместе с тем были и государственные деятели, которые находились вне окружения Ю. Цеденбала и его последователей. Одним из них являлся член Политбюро ЦК МНРП, секретарь ЦК партии Д. Тумур-Очир, который, последовательно отстаивая свою позицию, требовал полного искоренения последствий культа личности, создания условий для предотвращения новой репрессии, внимательного отношения и поддержки инициативы интеллигенции, реальной оценки места и роли Чингисхана в монгольской истории, повышения материального благосостояния народа, установления гласности в обществе и развития демократии. Он также осуждал вопрос строительства социализма и стремление к легкой жизни, резко критиковал неправильные методы работы партийного и государственного руководства. Вследствие этого на III пленуме ЦК партии в 1962 г. деятельность Д. Тумур-Очира была квалифицирована как антипартийная, националистическая, наносящая ущерб единству партии. Указывалось, что он подвергал сомнению марксистско-ленинский характер МНРП, допускал нигилистические нападки на успехи народа, достигнутые под руководством партии, занимался гнусной клеветой и интригами против руководящих партийных и государственных кадров. Пленум вывел Д. Тумур-Очира из состава Политбюро и Центрального Комитета партии и снял с поста секретаря ЦК МНРП.

Другим государственным деятелем, противостоящим административно-командной системе, был второй секретарь ЦК МНРП — Л. Цэнд. Ликвидация последствий культа личности, углубленное изучение фактов нарушения революционной законности, реабилитация политических репрессированных, сокращение партийно-государственного аппарата, решительная борьба против бюрократизма и устранение нездорового отношения к интеллигенции со стороны руководства соответствовали коренным интересам государства и народа. Однако в декабре 1963 г. по решению V пленума ЦК МНРП за «непартийные действия, карьеристские намерения, поддержку националистических настроений», опасные для «... дела партии и наносящие ущерб единству и сплоченности ее рядов», Л. Цэнд был снят с поста и выведен из состава Политбюро и ЦК партии.

Продолжая линию укрепления власти Ю. Цеденбала, VI Пленум ЦК МНРП в 1964 г. осудил членов ЦК партии — министра госхозов Б. Лоохууза, секретаря аймачного комитета партии Б. Нямбуу и начальника ЦСУ Б. Сурмаажаву — за антипартийные фракционные действия, вредные и опасные для единства партии, вывел их из состава Центрального Комитета и исключил из рядов партии. В своих выступлениях на пленуме они отмечали, что парторганизации превратились в государственные и хозяйственные организации с командно-административными методами управления. Подавление всякой критики и самокритики в конечном счете привело к тому, что члены партии, в том числе члены Политбюро, были лишены возможности открыто выражать свои взгляды.

Они подчеркивали, что Политбюро оказалось вне зоны контроля партийной общественности. Указывали на необходимость превращения партийного руководства в политическое, строгое разграничение основных функций государственных и правительственных учреждений и организаций.

В этот период главной целью сторонников движения за реформу было выдвигание ряда концепций, связанных с ускоренным развитием экономики

страны, ликвидацией последствий культа личности, реформой в политической системе общества, утверждением принципов демократии и справедливости, возрождением национальных культурных традиций, расширением внешних связей страны и т. д. Борьба между сторонниками движения за реформу и Ю. Цеденбалом и его окружением завершилась победой последних.

Внешнеполитическая деятельность монгольского правительства с начала 50-х до середины 60-х гг. XX в. была направлена на укрепление суверенного положения страны на международной арене путем двухсторонних и многосторонних договоров о дружбе и сотрудничестве с социалистическими странами, соглашений по основным направлениям экономического и научно-технического сотрудничества, установления культурных взаимоотношений со странами социалистического содружества.

В 1960-х гг. вопрос о государственном суверенитете и независимости страны уже не возникал. Благодаря активной внешнеполитической деятельности повысился международный статус МНР. 27 октября 1961 г. страна вступила в члены ООН, в 1962 г. — Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), став неотъемлемой частью мировой социалистической системы.

Именно в эти годы дипломатические отношения с Монголией установили многие государства Азии и Африки. К 1970 г. их число превысило три десятка. Страны Запада, хотя и с запозданием, выразили свое отношение. Первой западной страной, установившей с Монголией дипломатические отношения, была Англия (январь 1963 г.). За ней последовали Австрия и Финляндия (июль 1963 г.), Швейцария и Швеция (май, июнь 1964 г.), Франция (апрель 1965 г.), Греция (1967), Норвегия и Дания (1968), Италия (1970) и другие. Лишь с США дипломатические отношения были заключены в 1987 г.

В этот период продолжается процесс экономического и политического жесткого «привязывания» Монголии к СССР, странам социалистического содружества. Существовавшая интеграция и специализация стран социалистического содружества, военная мощь Советского Союза являлись весомым гарантом при проведении согласованной линии во внешней политике.

Монголия, поддерживая национально-освободительную борьбу стран Азии, Африки и Латинской Америки, проводила активную политику установления дружественных отношений со странами, добившимися своей независимости. В 1955–1965 гг. МНР определила дипломатические отношения с Индией, Бирмой, Индонезией, Непалом, Мали, Алжиром, Гвинеей, Афганистаном, Пакистаном и Египтом.

МНР участвовала в работе более чем 40 международных организаций, конференций, призванных укреплять доверие и сотрудничество, благодаря чему присоединилась к 20 международным договорам, соглашениям и конвенциям. Верующая, религиозная, светская, спортивная

МНРП как правящая партия страны активно участвовала в международном коммунистическом движении. Делегации МНРП принимали участие в совещаниях представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, которые проходили в Москве. МНРП развернула активную деятельность, направленную на преодоление разногласий в международном коммунистическом движении, вызванных действием руководства Коммунистической партии Китая.

МНР, как и прежде, особое внимание уделяла борьбе за сохранение мира и предотвращение военной опасности. Монголия выступала против гонки вооружений, особенно против производства и испытания ядерного оружия, и

присоединилась к Московскому договору 1963 г. о запрете испытания оружия в трех средах. Она также решительно осудила войну США против Вьетнама.

В марте и мае 1954 г. Президиум ВНХ МНР издал указы «Об обязательных госпоставках аратскими хозяйствами и аратскими объединениями скота, шерсти, молока» и «О скотоводческом налоге». Таким образом, в зависимости от экономического состояния аратских хозяйств было введено налогообложение с учетом поголовья скота по переписи 1953 г. Наряду с этим была аннулирована задолженность аратских хозяйств за предыдущие годы по обязательным госпоставкам животноводческой продукции и по налоговым платежам. Увеличились заготовительные и закупочные цены на скот, были повышены цены на молоко, шерсть и животноводческое сырье. Был сокращен скотоводческий налог.

Государством также были приняты организационные меры по улучшению методов ведения животноводства и созданию различных подсобных хозяйств. Увеличивались сроки долгосрочных и краткосрочных кредитов, которые государство давало аратским хозяйствам для развития животноводства. Правительство осуществило ряд мер по ветеринарной помощи и лечению инфекционных болезней скота, укреплению аратских производственных объединений. Им предоставлялись земельные угодья. В 1956 г. по решению правительства были созданы машинно-животноводческие станции (МЖС), которые оказывали техническую помощь объединениям в возделывании зерновых и овощных культур, строительстве хашанов, механизации трудоемких работ в зерновом и овощном хозяйствах, а также в животноводстве. Все это было направлено на развертывание кооперативного движения среди аратских хозяйств.

Государственная и партийная политика в этот период была нацелена на увеличение численности сельскохозяйственных объединений (СХО) и развертывание среди аратских масс пропаганды о значении и преимуществе коллективных хозяйств. Если в 1954 г. их насчитывалось 198, то в 1957 г. — 600, т. е. численность увеличилась втрое.

XIII съезд МНРП, проходивший в марте 1958 г., выдвинул задачу завершения кооперирования аратских хозяйств на социалистической основе. Кооперативное движение развернулось по всей стране. Если в 1958 г. 75 % аратских хозяйств вступило в СХО, то в первом квартале 1959 г. во всех районах кооперированием было охвачено от 90 до 100 % аратских хозяйств. При этом следует отметить, что несмотря на принципы добровольного вступления аратов в кооперативные организации во многом применялись методы принуждения.

В этот период помимо аратов-скотоводов рабочие и служащие, имевшие личное животноводческое хозяйство, также были вынуждены обобществлять свой скот. За это время завершилось кооперирование мелких собственников, занимавшихся различными кустарными промыслами, строительством, перевозками, торговлей в столице и аймачных центрах.

Этими методами была досрочно выполнена задача уничтожения частной собственности путем кооперирования аратских и других хозяйств, что повлекло за собой как позитивные, так и негативные последствия. Нужно подчеркнуть, что существуют различные точки зрения монгольских исследователей о значении кооперирования аратских хозяйств в истории страны. Несмотря на это, не следует отрицать того, что объединение животноводов помогло решить многие социальные проблемы сельского населения.

Одним из крупнейших преобразований в области сельского хозяйства страны явилось развитие земледелия путем освоения целинных земель, в котором огромную помощь оказал Советский Союз. На основе Монголо-Советского соглашения 1957 г. СССР предоставил МНР 3000 автомашин, 2500 тракторов, 500 комбайнов, много другой сельскохозяйственной техники.

Освоение целины стало всенародным делом, благодаря чему в 1959–1960 гг. было вспахано 260 тыс. гектаров целины, посевная площадь была увеличена в 3,2 раза, а урожай зерновых — в 3,3 раза, что укрепило кормовую базу скотоводства. Земледелие стало самостоятельной отраслью сельского хозяйства, страна обеспечила население мукой собственного производства. В современной монголоведной науке существуют ряд альтернативных концепций о влиянии освоения целинных и залежных земель в стране: положительных и отрицательных, в первую очередь, экологических.

В рассматриваемый период значительно расширилась топливно-энергетическая база, быстрыми темпами развивалось производство строительных материалов. Была реконструирована шахта «Налайха-капитальная», где добывали 600 тыс. тонн угля в год, построен Центральный энергетический комбинат в Улан-Баторе. Развивались нефтяная и горнорудная промышленность, производство стройматериалов. Стройиндустрия превратилась в самостоятельную отрасль промышленности. Строились объекты промышленного, культурного и жилищного назначения.

Вместе с этим благодаря содействию СССР, КНР и других социалистических стран были построены заводы по переработке шкур, обувная, комвольная, мебельная и спичечная фабрики, кирпичный и мыловаренный заводы, типография, мясокомбинат и хлебозавод, молочный и мукомольный комбинаты, кондитерская фабрика и другие.

В этот период наблюдалось дальнейшее развитие современных видов транспорта. В конце 1955 г. железнодорожная магистраль Улан-Батор–Дзамын-Удэ протяженностью свыше 700 км стала одним из главных видов транспорта страны. Значительно распространился автомобильный транспорт. Повысился удельный вес воздушного транспорта. Безвозмездная передача Советским Союзом сооружений аэродромов и средств авиации МНР способствовала развитию гражданской авиации Монголии. Открыта линия воздушного транспорта, связавшая столицу со всеми аймачными центрами.

В 1957 г. МНР передали созданную на средства Советского Союза многоканальную телефонную линию, соединяющую Улан-Батор с Москвой и Пекином. Все сомоны страны были обеспечены телефонной связью с аймачными центрами. Вблизи Улан-Батора была построена мощная центральная радиостанция, в результате чего была решена задача радиофикации страны.

Таким образом, уже в начале 60-х гг. произошли изменения в области экономики страны. Монголия из животноводческой страны превращается в аграрно-индустриальную.

Преобразования произошли и в области культуры страны. В начале 1960-х гг. была ликвидирована массовая неграмотность населения, была возможность дальнейшего повышения общеобразовательного и общекультурного уровня населения. Успешно реализовалась задача всеобщего начального обучения детей школьного возраста. С 1958 г. началась работа по введению всеобщего семилетнего образования детей.

В стране увеличивалось число специалистов с высшим образованием, расширялась сеть средних специальных учебных заведений. С конца пятидесятых годов стали создавать Сельскохозяйственный, Экономический, Медицинский институты. Организована подготовка кадров с высшим и средним специальным образованием в СССР и других социалистических странах. Все это сыграло важную роль в формировании монгольской интеллигенции. В связи с возрастанием объема научной работы в 1961 г. была создана Академия наук Монголии. Получили развитие новые отрасли науки, возросла их роль в общественной жизни.

Также в этот период повышалось мастерство монгольских художников, расширились тематика и жанры. По мере установления марксистско-ленинской идеологии в монгольском искусстве и литературе укрепились принципы народности и партийности, социалистический реализм стал господствующим художественным методом. Литература и искусство должны были служить идеологии МНРП.

С целью внедрения культуры в жизнь и быт монгольского населения в 1959 г. был организован культпоход, в ходе которого была проведена большая работа по повышению общеобразовательного и общекультурного уровня и быта народных масс, в частности личной и производственной гигиены и культуры соблюдения общественного порядка. Были ликвидированы социально опасные инфекционные болезни, резко снизилась детская смертность, увеличена средняя продолжительность жизни и охрана здоровья народа. С 1956 г. наблюдался рост населения. К 1962 г. в Монголии было 1 млн жителей.

XX съезд КПСС повлиял на дальнейшие взаимоотношения СССР и КНР. Мао Цзэдун считал, что взятый Н. С. Хрущевым курс на разоблачение культа личности Сталина приведет к ослаблению единой политики социалистических стран. В этих условиях Монголия оказалась в сложной ситуации. В мае 1957 г., впервые после смерти И. В. Сталина, монгольская делегация высшего руководства прибыла в Москву. Подписанное совместное заявление, по оценке американского исследователя Р. Рупена, было документом, призванным «остановить Китай», используя экономические средства. В это же время другая партийно-правительственная делегация Монголии во главе с секретарем ЦК МНРП Сурэнжавом посетила Хух-Хото и Пекин для участия в праздновании 10-летнего юбилея образования Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ). Делегация была принята Чжоу Эньлаем, который сказал следующее: «...китайские правители господствовали над монгольским народом более 200 с лишним лет. Это очень большой срок. Вообще-то Монголия была в составе Китая, и она отделилась от него именно из-за эксплуатации Китаем... Поэтому у нас очень много долгов перед Монголией. Мы должны вернуть этот долг...».

В феврале 1959 г. Ю. Цеденбал посетил Москву, а в октябре этого же года побывал в Пекине по случаю празднования 10-й годовщины образования КНР. В течение 1960 г. Ю. Цеденбал был в Москве трижды, решая экономические и политические вопросы. Пекин делал все возможное, чтобы сохранить свое влияние. В 1958 и 1960 гг. Монголии были предоставлены крупные кредиты — 100 и 200 млн рублей. Но советские долгосрочные кредиты в несколько раз перекрывали финансирование со стороны Китая. В 1960 г. Чжоу Эньлай посетил Улан-Батор и пытался уговорить руководство МНР проявить «независимый характер» по примеру Албании. Но в действиях монгольского лидера Ю. Цеденбала все отчетливее проявлялась ориентация на Советский Союз. Вполне возможно, этому способствовало критическое высказывание Чжоу Эньлая о позиции Монголии в связи с погра-

ничным конфликтом между Китаем и Индией, а также публикациями в партийной монгольской печати критических материалов ряда компартий, направленных против КПК. Началось свертывание монголо-китайского экономического сотрудничества, сопровождаемое массовыми отъездами китайских рабочих. В декабре 1963 г. пленум ЦК МНРП принял заявление о «попытках руководства КПК внести раскол в мировое коммунистическое движение и политику МНРП». Впервые МНРП официально осудило позицию КПК, что фактически определило солидарную с СССР позицию Монголии по отношению к Китаю на последующие два с лишним десятка лет.

Обострение отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой явилось международной правовой основой советского военного присутствия на территории МНР. Международно-правовым актом был советско-монгольский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 1966 г. Согласно этому документу советские воинские гарнизоны были расположены в районах границы с Китаем, вдоль железной дороги, в крупных населенных пунктах Монголии: Улан-Баторе, Дархане, Булгане, Чойбалсане и др. Дело в том, что Китай создавал напряженную обстановку на границах с Монголией. Только за десятилетие, с 1969 по 1978 г., китайской стороной в непосредственной близости от монгольских границ более 250 раз проводились военные учения. За этот же период Китаем на приграничной территории с Монголией было произведено 87 тыс. взрывов, китайский военный персонал более 400 раз нарушал монгольскую границу с целью сбора разведывательных данных, а также открывался огонь по стадам, уничтожались редкие животные.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что полувековое пребывание советских войск на территории Монгольской Народной Республики явилось одним из базовых гарантов сохранения независимости страны. Только существовавшей угрозой монгольское руководство объясняло международному сообществу этот вынужденный шаг. Так, в одной из нот правительства МНР от 12 апреля 1978 г. указывалось: «Совершенно очевидно, что если китайское руководство навсегда откажется от своей политики агрессии в отношении Монгольской Народной Республики и встанет на путь добрососедства и сотрудничества с МНР и Советским Союзом, то существующая ныне необходимость в пребывании в Монголии советских воинских частей отпадет сама по себе».

С 1960-х гг. размеры и масштабы помощи СССР значительно возросли. Данный период характеризовался тем, что в процессе строительства социализма в Монголии участвовали и социалистические страны, образовавшие в 1949 г. Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). В течение шести лет Монголия была в этой межправительственной экономической организации страной-наблюдателем, официальное вступление произошло в 1962 г.

По подписанным международным условиям Болгарская Народная Республика оказывала финансовую и техническую помощь в строительстве мясокомбината в Чойбалсане, свинооткормочного завода в Улан-Баторе, шубно-меховой фабрики в Дархане; Венгерская Народная Республика помогала в строительстве швейной фабрики в Улан-Баторе, биокомбината в Сонгино, мясокомбината в Дархане; Германская Демократическая Республика участвовала в строительстве крупного мясокомбината и ковровой фабрики в Улан-Баторе; Польская Народная Республика — в строительстве завода легкого бетона и деревообрабатывающего комбината в Улан-Баторе, завода силикатного кирпича в Дархане, мастерских по ремонту сельхозмашин, оборудования, автомобилей, электростанции в Хархорине; Чехословацкая

Социалистическая Республика построила цементный завод в Дархане, завод по обработке овечьих и козьих шкур, завод по обработке кож, обувную фабрику, цеха галантерейных изделий, ремонтно-механический цех промкомбината в Улан-Баторе, теплоэлектростанцию и радиостанцию в Баян-Ульгие; Социалистическая Республика Румыния сдала в производство текстильно-трикотажную фабрику.

Несмотря на поддержку стран СЭВ, участие Советского Союза в индустриализации Монголии и модернизации ее аграрного сектора было определяющим. К 1978 г. при финансово-технической помощи СССР было построено более 450 промышленных, сельскохозяйственных предприятий и объектов социально-культурного назначения. Среди крупных объектов — шахта «Налайха-капитальная», Шарынгольский и Адунчулунский угольные карьеры, электростанции и ТЭЦ в Улан-Баторе, Дархане, Чойбалсане, деревообрабатывающий комбинат в Тогсон-Цэнгэле, домостроительный комбинат в Улан-Баторе, комбинаты строительных материалов в Дархане и Чойбалсане, кондитерская фабрика, молочный завод, хлебозавод в Улан-Баторе, мельничные комбинаты и мельницы во многих аймачных центрах.

В этих условиях Монголия получила уникальную возможность в рамках социалистической системы достичь небывалого социально-экономического прогресса. Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбал отмечал: «Монгольская Народная Республика должна развиваться ускоренными темпами и, несмотря на свое относительное отставание, более или менее одновременно с братскими странами социализма вступить на путь коммунистического строительства, опираясь на всестороннюю помощь Советского Союза и других социалистических государств. Очередные задачи и перспективы дальнейшего развития нашей страны со всей остротой выдвигают необходимость усиления процесса всемерного сближения МНР в экономической, политической, культурной и идеологической областях с братскими социалистическими странами, в первую очередь с Советским Союзом».

Безусловно, в качестве одного из фундаментальных факторов развития всего социалистического периода в истории Монголии выступает сложившийся в конкретно-исторических условиях первой половины XX в. союз МНР и СССР. Темпы экономического сотрудничества двух стран возрастали поэтапно. После 1960-х гг. наблюдались взаимная торговля, предоставление советских кредитов в больших размерах, строительство крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий и начало деятельности первых совместных предприятий. В 1973 г. были подписаны советско-монгольские соглашения о создании совместного горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт» на базе медно-молибденового месторождения. По своим масштабам комбинат — один из самых крупных подобных предприятий мира. Сооружение первой очереди завершилось в 1978 г., четвертой, последней, — в 1984 г. Плодотворное экономическое сотрудничество продолжается и в наши дни. Было учреждено также совместное советско-монгольское хозяйственное объединение «Монголсовцветмет» по разведке и добыче полезных ископаемых.

Успехи Монголии в различных отраслях экономики, науки и культуры стали возможны благодаря масштабной подготовке квалифицированных кадров. СССР оказал в этом плане действенную помощь. С 1920-х гг., когда в самой Монголии еще не сложилась система образования, советские учебные заведения начали подготовку монгольских специалистов. Особое место в этом процессе занимали учебные заведения Восточной Сибири, главным образом Верхнеудинска (Улан-Удэ) и Иркутска. В Иркутском государственном университете с 1926 по 1932 г. действо-

вали «Монголкурсы», а в Верхнеудинске с 1930 по 1940 г. для молодых граждан Монголии был открыт рабочий факультет, который окончило около 400 человек.

Процесс обучения монгольских граждан регулировался специальными соглашениями. Так, в 1952 г. между Советским Союзом и МНР было заключено соглашение «Об обучении граждан МНР в высших учебных заведениях СССР», а в 1960 г. было подписано соглашение об условиях взаимного обучения студентов и аспирантов в высших гражданских и научно-исследовательских учреждениях. Так, монгольские граждане поступили в 148 высших учебных заведений в 19 городах СССР. В 1970-е годы количество студентов Монголии значительно увеличилось. Если в 1960/61 учебном году в Советском Союзе было 2083 студента и аспиранта, то в конце 1970-х гг. — более 3 тыс. В советских профессионально-технических училищах также обучалось несколько тысяч монгольских юношей и девушек. При содействии СССР в Монголии было создано более двух десятков таких училищ, которые к 1981 г. окончило 41,9 тыс. монгольских граждан.

Таким образом, были подготовлены тысячи граждан Монголии для работы в различных отраслях промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры. Значительная часть партийно-государственной элиты Монголии, в том числе высшее руководство страны, также прошла обучение в Советском Союзе. Этот фактор являлся значимым для идеологического, политического, экономического и культурного сближения МНР и СССР.

К 1980-м годам уровень развития национальной экономики МНР было немисливо представить без положительного воздействия монголо-советского экономического сотрудничества. Предприятия, построенные с помощью СССР, производили более 50 % валовой продукции. Большая часть всего жилого фонда в республике и многие другие объекты культурно-бытового назначения были возведены советскими строительными коллективами.

К этому времени в МНР увеличился валовой общественный продукт, возрос национальный доход. Но количественные показатели все более снижались. Основными причинами надвигавшегося экономического кризиса были затратный характер всей экономической системы в целом, межотраслевая диспропорциональность

и высокий, рискованный уровень подчиненности советской экономике. Предкризисное состояние экономики отражалось на уровне жизни населения. В полной мере не решались такие социальные проблемы, как обеспечение продовольствием, товарами широкого потребления, жильем. Возникшая ситуация не могла не беспокоить правящую МНРП. Уже к началу 1980-х гг. руководители партии и государства критично оценивали существующую модель. Монголия, как часть социалистической системы, все больше вовлекалась в общий системный кризис, проявлявшийся в экономической, идеологической, политической областях.

Большую роль в жизни страны и народа сыграл Юмжагийн Цеденбал (1916–1991), выпускник Иркутского финансово-экономического института. С 1939 г. он по указу Х. Чойбалсаном занимал ответственные государственные посты, а в 1940 г. 24-летнего Ю. Цеденбала избирают Генеральным сек-

ретарем ЦК МНРП. В 90-е гг. XX в. его обвинили во многих неудачах. По сравнению с Х. Чойбалсаном даже больше, хотя он был причастен к репрессиям в Монголии.

В 1940–1950-х гг. у Ю. Цеденбала и его сподвижников существовала идея о присоединении Монголии к СССР в качестве союзной республики. По одной из версий, впервые официально этот вопрос был поставлен в 1944 г. членом Политбюро ЦК МНРП Ч. Сурэнжавом перед советским посланником И. А. Ивановым. Это было связано с тем, что многие страны надеялись на авторитет СССР и послевоенное развитие общественной и экономической жизни.

В этой обстановке Тувинская Народная Республика входит в состав СССР (август 1944 г.). После победы Китайской народной революции в 1949 г. Правительство СССР обещало новому руководству КНР большую экономическую помощь, выразив готовность идти навстречу во многих сферах международной политики. Это не могло не вызвать настороженности в монгольских кругах: а не согласится ли советское руководство с пожеланием Мао Цзэдуна «вернуть» Монголию Китаю? Не лучше ли в этой ситуации Монголии присоединиться к СССР.

3 августа 1950 г. членами ЦК и правительства (С. Авирмэд, Б. Бадарч, Г. Галбадрах, Д. Тумур-Очир, Ц. Дугэрсурэн и Л. Цэнд) было составлено письмо в форме вопросов. Вот некоторые из них.

«Вопрос 1. Наша страна... прочно и бесповоротно стала на путь некапиталистического развития и ныне успешно развивается по этому пути. Можно ли, исходя из этого, предположить, что в настоящее время для нашей республики настал момент непосредственно приступить к строительству социалистического общества?

Вопрос 2. Может ли наша страна, не вступая в Союз Советских Социалистических республик, успешно создать социалистическое общество так же, как она успешно развивалась за истекшие годы по некапиталистическому пути? Обуславливается ли вопрос о полной победе социализма у нас, в МНР, вхождением нашей республики в состав Союза ССР? Если обуславливается, то какие имеются обстоятельства внешнего и внутреннего порядка, препятствующие присоединению нашей республики к СССР?

Вопрос 3. С точки зрения законов общественного развития для строительства социализма необходимо развивать собственную индустрию, увеличивать численность рабочих и тем укреплять диктатуру рабочего класса. Опыт социалистического строительства ранее отсталых советских республик и современная практика стран народной демократии полностью подтверждают этот непреложный закон. Что касается нашей республики, то она, как нам кажется, занимает в этом отношении совершенно исключительное положение. Чем объяснить такую отличительную особенность Монгольской Народной Республики?

Вопрос 4. Может ли социалистическая индустрия Советского Союза являться материальной базой для строительства социализма в нашей независимой стране? Если да, то произойдут ли какие-либо существенные перемены или изменения в экономических, культурных и внешнеэкономических связях между СССР и МНР?».

Д. Дамба, занимавший в 1939–1959 гг. должность секретаря, первого и второго секретаря ЦК МНРП, вспоминает: «Однажды, когда мы собрались в кабинете Цеденбала, вошел сильно рассерженный Чойбалсан. Он сказал: «Говорят, что Тумур-Очир и Дугэрсурэн ведут разговоры о присоединении Монголии к СССР. Это неправильно. Монголия по тройственному договору является суверенной страной». На это Цеденбал сказал: «С присоединением Монголии к СССР монгольская нация не исчезнет, ведь она по-прежнему останется». Чойбалсан ответил: «Бывает нация,

есть национальное государство. Монголия на протяжении многих сотен лет являлась суверенной. Не разводите произвол».

Советское руководство также понимало, что существование суверенного монгольского государства как полноправного субъекта международного права необходимо СССР для проведения грамотной политики в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, поэтому не поддержало мнение монгольских политиков. Значительно позже, в 1970-х гг., вновь возникли разговоры о присоединении Монголии к Советскому Союзу, но уже со стороны высшего советского руководства. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на встрече с Ю. Цеденбалом в Крыму 1 августа 1973 г. выразил мнение болгарских руководителей о желании присоединить Болгарию к СССР и «явно намекнул: а не следует ли о вхождении в СССР подумать и монголам». Но на этот раз Ю. Цеденбал ответил, что сложившаяся и укрепившаяся за прошедшие десятилетия административно-государственная и политическая позиция Монголии в мире не подлежит изменению. Таким образом, роль Ю. Цеденбала в деле отстаивания независимости Монголии, но уже в новых международных условиях, является также весьма значительной.

В августе 1984 г. по решению Чрезвычайного VII Пленума ЦК МНРП находившемуся на отдыхе и лечении в Москве Генеральному секретарю ЦК МНРП, Председателю Президиума Великого Народного Хурала было предложено оставить свои посты. На этот счет ни монгольские, ни российские исследователи и находившиеся в то время у власти партийные и государственные деятели до сих пор не дают однозначного ответа. Один из основных предметов сомнений и споров — была ли в процессе подготовки решения об освобождении Ю. Цеденбала задействована «рука Москвы».

Вот одна из точек зрения: «Опубликованные в Монголии книги Дашоодоржа «Кто убрал Цеденбала», Ц. Гурбадама «Ю. Цеденбал. Страницы истории», различные статьи, воспоминания сына Зорига и вдовы монгольского лидера А. И. Цеденбал-Филатовой дают основания утверждать, что предложили отправить Ю. Цеденбала на пенсию секретарь ЦК КПСС М. Горбачев... и Председатель КГБ СССР В. Чебриков. Сами монголы отмечают, что без участия советской стороны «отправить Ю. Цеденбала на заслуженный отдых» Политбюро ЦК МНРП не решилось бы и монголам пришлось бы испытать на себе то, что испытали советские люди в последние годы руководства Л. И. Брежнева». О причастности к снятию Ю. Цеденбала советского руководства вполне определенно говорится и в вышедшей книге Л. И. Шинкарева «Цеденбал и Филатова: Любовь. Власть. Трагедия».

С другой стороны, на основе имеющихся материалов можно сделать вывод о естественном ходе событий. Как уже отмечалось ранее, к 1980-м гг. ощущалась потребность в переменах, особенно в политической сфере, где утвердился авторитарный порядок с подменой партией функций государственных и хозяйственных органов, с расширением бюрократии. В начале 1980-х гг. у Ю. Цеденбала действительно ухудшилось здоровье. Ц. Намсрай, бывший член Политбюро и секретарь ЦК МНРП, вспоминал: «Горбачев не говорил, что следует сменить Цеденбала или что его не следует менять. Он вообще ничего не сказал... Он хвалил нашу партию, видимо, этим он поддерживал наше предложение сменить старого «даргу» (монг. — председатель, начальник)».

Консультации же в Москве действительно были. Об этом говорили, например, бывшие члены Политбюро, секретари ЦК МНРП Д. Моломжамц, Т. Рагчаа, Н. Намсрай, а также бывший посол МНР в СССР Ц. Гурбадам, но безоговорочно заявлять о существовавшем нажиме только со стороны советского руководства,

видимо, было бы не совсем верно. Не секрет, что и у ряда монгольских государственных и партийных деятелей сложилось мнение о неспособности Ю. Цеденбала далее быть лидером государства. Правда, в этом вопросе был еще один «нюанс», о котором также многие вспоминали. Речь идет о поведении русской супруги Ю. Цеденбала — Анастасии Ивановне Филатовой. Она отличалась весьма крутым нравом и, как говорили сами монгольские руководители, иногда допускала прямое вмешательство в государственные дела. Об этом знали и в Москве. Как вспоминает Т. Рагчаа, Михаил Горбачев в шутку говорил ему: «...Наша «ханша» вас сильно мучает, есть ли способ избавиться от нее?». А в ЦК КПСС послу МНР в СССР Ц. Гурбадаму также говорили, что в отношении «авгай» (монг. — жена, замужняя женщина, почтительное обращение к старшим) «нужно занимать жесткую позицию, что полезно всем». О том, какую роль сыграла эта женщина в жизни Ю. Цеденбала, о сложных политических и личных перипетиях высокопоставленной монгольско-русской семьи повествуется в вышеупомянутой книге Л. И. Шинкарева. В книге Ш. Г. Надирова «Цеденбал. 1984 год» рассматриваются события и политическая деятельность Ю. Цеденбала.

На том памятном чрезвычайном пленуме ЦК МНРП Ю. Цеденбалу была выражена благодарность за его многолетнюю деятельность на высших партийных и государственных постах. Тогда принять другой документ, осуждающего характера, было просто невозможно. Авторитет Ю. Цеденбала был очень высок не только внутри страны, но и за рубежом. Хотя уже в следующем 1985 г. на мартовском пленуме ЦК МНРП было принято решение об исключении Ю. Цеденбала из рядов партии за допущенные им ошибки и недостатки. Его особняк был конфискован государством, а обстановка здания была передана Министерству общественной безопасности и Министерству иностранных дел МНР. А значительно позднее VIII Пленум ЦК МНРП (1990) принял решение об отмене ряда положений чрезвычайного пленума 1984 г.

В настоящее время объективно оценивается деятельность Ю. Цеденбала. По данным некоторых опросов, почти 95 % называют его лучшим государственным деятелем Монголии. В этот период МНРП как правящая партия страны способствовала международному коммунистическому движению. Делегация МНРП приняла участие в совещании представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, которое состоялось в ноябре 1957 г. в Москве. В Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран указывалось, что основным содержанием современной эпохи является переход от капитализма к социализму, начатый Октябрьской социалистической революцией. В этом же документе были сформулированы и общие закономерности строительства социализма. МНРП одобрила и присоединилась к подписанию документов Совещания, что свидетельствовало о превращении МНРП в истинную марксистскую партию.

Делегация МНРП принимала также активное участие в работе совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в ноябре 1960 г. в Москве. В Заявлении совещания отмечалось, что «наша эпоха есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических революций и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации национально-колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе». В то время считали, что заключение такого заявления было непосредственно связано с успехами, достигнутыми социалистическими странами, с достижениями в парла-

ментской деятельности коммунистических и рабочих партий в капиталистических странах, с развертыванием национально-освободительного движения, с концепцией, выдвинутой КПСС, об одновременном переходе социалистических стран к коммунизму. В 1961 г. VI пленум ЦК МНРП, обсудив итоги совещания представителей коммунистических и рабочих партий, постановил руководствоваться подписанными документами в своей деятельности.

МНРП развернула активную деятельность, направленную на преодоление разногласий в международном коммунистическом движении, вызванных действием руководства Коммунистической партии Китая. ЦК МНРП направило в ЦК КПК письмо с предложением приложить общие усилия для преодоления возникших разногласий. Однако руководство КПК, выражая недовольство МНРП, неукоснительно придерживающейся позиций КПСС, стало оказывать давление на страну, прежде всего в экономическом и военно-политическом отношении.

Происходили в МНР изменения и в хозяйственной жизни. Как известно, без отмены порядка, когда госпоставки основных видов животноводческой продукции и налоги определялись в соответствии с предусмотренным Планом количеством скота, нельзя было достичь развития животноводства. В связи с этим Великий Народный Хурал (ВНХ) и Правительство МНР приняли решение внести существенные изменения в области налогообложения и государственных заготовок.

XIII съезд МНРП, проходивший в марте 1958 г., выдвинул задачу завершения кооперирования аратских хозяйств на социалистической основе. Кооперативное движение развернулось по всей стране. Если в 1958 г. 75 % аратских хозяйств вступило в СХО, то в первом квартале 1959 г. во всех аймаках кооперированием было охвачено от 90 до 100 % аратских хозяйств.

Благодаря содействию Советского Союза и других социалистических стран развивались нефтяная и горнорудная промышленность, а также была реконструирована шахта «Налайха-капитальная», где добывали 600 тыс. тонн угля в год, построен Центральный энергетический комбинат в Улан-Баторе, заводы по переработке шкур, обувная, мебельная и спичечная фабрики, кирпичный и мыловаренный заводы, типография, мясокомбинат, хлебозавод, молочный и мукомольный комбинаты, кондитерская фабрика и многие другие.

В этот период по решению партийных и государственных органов МНР считалось, что с конца 50-х гг. XX в. в стране существовали социалистические производственные отношения. Произошедшие коренные преобразования в жизни общества требовали внесения изменений и дополнений в Конституцию МНР 1940 г. Был подготовлен проект новой Конституции, представленный на всенародное обсуждение.

Новая Конституция МНР была утверждена на первой сессии Великого Народного Хурала МНР четвертого созыва в июле 1960 г. Конституция определяла МНР как социалистическое государство рабочих, кооперированного аратства и интеллигенции и утверждала, что его экономической основой является социалистическая собственность на средства производства.

Статьи Конституции провозглашали, что Монгольская Народная Республика ставит перед собой цель завершить строительство социализма и дальнейшее строительство коммунистического общества. В ней также указывалось, что «руководящей и направляющей силой общества и государства является Монгольская народно-революционная партия, руководствующаяся в своей деятельности всепобеждающей марксистско-ленинской теорией».

Конституция МНР 1960 г. определяла следующие основные обязанности граждан МНР: отдавать все свои силы и знания делу строительства социализма, помня, что честный и добросовестный труд на благо общества есть источник роста богатства и мощи социалистического государства, повышения благосостояния трудящихся; как зеницу ока беречь священную и неприкосновенную основу социалистического строя — общественную социалистическую собственность, всемерно укреплять и приумножать ее; обеспечивать единство личных и общественных интересов; ставить превыше всего интересы общества и государства; воспитывать подрастающее поколение в духе трудолюбия, коллективизма и безграничной преданности социалистической Родине; точно выполнять все гражданские обязанности».

В положениях Конституция подчеркивалось, что каждый гражданин обязан всемерно способствовать укреплению интернациональной дружбы народов, солидарности трудящихся, единству и сплоченности народов социалистического лагеря во главе с Советским Союзом».

XIV съезд МНРП, проходивший в июле 1961 г., констатировал, что в МНР был завершен переходный период, заложена основа социализма, в стране наблюдается период окончания строительства социалистического общества. Съезд считал необходимым разработать новую Программу партии и Генеральный перспективный план развития страны. Представленный Центральным Комитетом партии проект новой Программы обсуждался всеми партийными организациями, членами партии, которые одобрили ее как важнейший политический документ, отвечающий интересам и чаяниям монгольского народа.

Принято считать, что в начале 60-х гг. XX в. в Монголии были созданы основы социалистического общества. В стране была ликвидирована частная собственность на средства производства и установлена единая социалистическая система экономики. Социалистические производственные отношения стали господствующими во всей экономике страны. Социалистическая идеология стала основой духовной жизни монгольского народа. В то же время исчезло разграничение деятельности партийных, государственных и хозяйственных органов. МНРП, ставшая главным ядром политической системы общества, укрепляла создаваемую административно-командную систему. Монголия превратилась в государство с господствующим правлением партии и Генерального секретаря.

На основе решений XIV съезда МНРП началась разработка новой Программы партии. Представленный на IX Пленуме ЦК МНРП проект новой Программы был опубликован в печати, обсуждался всеми партийными организациями и членами партии. Многие ценные предложения и замечания трудящихся масс были учтены.

С принятием новой Программы МНРП был поставлен вопрос об изменении названия партии. XV съезд МНРП (1966), принявший новую Программу партии, указал оставить название партии по-прежнему, поскольку «...традиционное название партии ярко выражает пройденный монгольским народом исторический путь и имеет определенное практическое значение». В Программе МНРП был обобщен исторический опыт претворения в жизнь предыдущих трех программ партии со дня ее образования. Особо отмечалось, что под руководством МНРП монгольский народ, уничтожив феодальный строй, заложил основы социализма в стране.

Задачи дальнейшего развития страны определялись в программе, где отмечалось, что «главной задачей МНРП за период завершения строительства социализма в МНР является всемерное развитие производительных сил социалистического об-

щества на базе достижения современного научно-технического прогресса, обеспечение высоких темпов роста экономической мощи страны и подъема социалистической культуры, совершенствование социалистических общественных отношений, усиление коммунистического воспитания трудящихся, достижение на этой основе дальнейшего повышения материального благосостояния и культурного уровня народа».

Главной экономической задачей этого периода, как подчеркивалось в Программе, является создание в оптимальном комплексе материально-технической базы социализма путем дальнейшей индустриализации страны, механизации сельскохозяйственного производства, повышения уровня технической оснащенности всех отраслей народного хозяйства. Превращение МНР в ближайшем будущем в индустриально-аграрную страну, имеющую рациональную структуру добывающей и перерабатывающей промышленности, правильное и целесообразное сочетание основных отраслей социалистической экономики. Для всемерного развития производительных сил страны поставлены задачи создания материально-технической базы социализма, механизации труда, постепенной автоматизации и усовершенствования технологии и организации производства, максимального использования ресурсов и полного обеспечения всех отраслей народного хозяйства техническими ресурсами и сырьем. Вместе с этим предусматривались задачи усовершенствования общественных отношений, улучшения благосостояния народа, развития народного образования и здравоохранения, науки, искусства и литературы, также и усиления коммунистического воспитания трудящихся масс.

Внешнеполитическая линия и интернациональные задачи партии определяются в Программе следующим образом: «Партия ставит своей целью обеспечить мирные условия для построения социализма, укреплять единство, дружбу и сотрудничество стран мировой социалистической системы, поддерживать национально-освободительное движение народов и революционную борьбу рабочего класса капиталистических стран, способствовать сплочению всех революционных сил современности и сохранять и укреплять всеобщий мир и безопасность народов». Таким образом, новая Программа МНРП явилась главным документом, определяющим задачи и основные направления деятельности партии в деле обеспечения полной победы социализма в МНР.

На XIV–XIX съездах МНРП постановили усилить предусмотренные Программой задачи построения социализма. Так, XIV съезд МНРП (1971) обосновал, что «... для полного построения социализма нашей стране потребуется проходить целые исторические периоды и несколько этапов экономического развития. Первый из этапов настоящего пути предусматривает решение задач превращения МНР в ближайшем будущем в индустриально-аграрную страну, имеющую рациональную структуру добывающей и перерабатывающей промышленности. Реализацией настоящей задачи МНР должна достигнуть определенных рубежей в своем развитии, благодаря чему создадутся возможности и силы развитого социалистического производства и начнется новый этап развертывания социально-экономического прогресса».

На XVII съезде МНРП (1976) определены внешние и внутренние факторы интенсификации процесса построения социализма в стране, а именно формирование социалистического образа жизни и сближение с СССР и другими социалистическими странами.

XVIII съезд МНРП (1981), определив социалистическую индустриализацию как одну из закономерностей создания материально-технической базы социализма,

отметил, что «индустриализация является важнейшей предпосылкой постепенного приближения экономического уровня промышленно слаборазвитых стран к уровню экономически высокоразвитых социалистических стран».

XIX съезд МНРП (1986), поставив целью интенсификацию экономического развития страны, определил генеральную линию обеспечения стремительного развития экономики и общества МНР.

Таким образом, партией ставилась задача создания материально-технической базы социализма в МНР. Для достижения поставленной цели на первый план выдвигалась индустриализация страны, в связи с чем капиталовложения в промышленность в 1977–1986 гг. увеличивались в 4,2 раза больше, чем в предыдущем 20-летии.

При технико-экономическом содействии и помощи СССР и других социалистических стран был построен Дарханский промышленный комплекс. Благодаря строительству в г. Чойбалсан ряда предприятий топливно-энергетической, легкой и пищевой промышленности и культурно-бытового обслуживания в восточной части страны возник новый промышленный центр. В связи с возведением энергокомплексов в Дархано-Селенгинском районе и г. Чойбалсан, расширением энергоузлов Улан-Батора была создана объединенная энергосистема на севере и центре страны.

С 1968 г. в некоторые предприятия промышленности, сельского хозяйства и транспорта опытным путем была введена новая система планирования и экономического поощрения. В результате предприятия и хозяйственные организации пополнили госбюджет многомиллионными сверхплановыми доходами. Наряду с этим развернулось широкое движение за социалистический труд и новаторство, внедрение в производство передового опыта, благодаря чему появилась возможность получить дополнительные доходы.

Приведем важнейшие итоги экономического развития страны: заметный прогресс в размещении производительных сил, ускоренное развитие топливно-энергетической, горнодобывающей, легкой, пищевой отраслей промышленности, производство стройматериалов и повышение их роли в народном хозяйстве.

В ходе реализации Комплексной программы социалистической экономической интеграции, принятой на XXV сессии СЭВ в 1971 г., при помощи СССР были построены и сданы в эксплуатацию многие промышленные, хозяйственные и культурно-бытовые объекты: высоковольтная линия электропередачи государственная граница – Дархан, Дархан-Эрдэнэт, железная дорога Эрдэнэ-Салхит, Багахангай-Багануур, домостроительные комбинаты в Улан-Баторе и Дархане, авторемонтные заводы в Улан-Баторе, Ховде и Улиастае, целинные госхозы Орхонтуул, Номгон, Найрамдал, Чандган, кормовые хозяйства Атар, Нөхөрлөл, более десяти механизированных молочных ферм на 400 коров каждая, система «Экран» по приему телепередач в аймаках и радиорелейные линии связи, соединяющие Улан-Батор с городами Алтай и Эрдэнэт.

Были реконструированы и расширены угольные копи Шарынгола и Налайха, создан комплекс Баганурского угольного разреза, была построена новая ТЭЦ в Улан-Баторе. Соединена энергосистема центральных районов страны с энергосистемой Советской Сибири.

В 1981 г. вступил в эксплуатацию горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», который в свое время был одним из десяти крупнейших в мире предприятий и производил 1/3 часть экспортной продукции страны. Также при содействии СССР были построены 3 домостроительных комбината с общей мощностью 210 тыс. м² жилой площади в год, 100 тыс. м² жилья, Дворец науки техники и куль-

туры. На полученные безвозмездно 60 млн рублей для развития средств радиовещания построены радиорелейные линии Улан-Батор — Өлгий — Чойбалсан.

С помощью стран Восточной Европы, входивших в состав СЭВ, были построены овчинно-шубная фабрика и мясокомбинат в Дархане, тепличное хозяйство в Улан-Баторе, плодоовощное хозяйство в Шарынголе. Оказана помощь в реконструкции и модернизации швейной, ковровой, мебельно-картонной фабрик, био- и мясокомбинатов, цеха по изготовлению мездрового клея и деревообрабатывающего комбината, фарфорового завода в Улан-Баторе, благоустройстве и расширении молочно-овощного хозяйства в Борнуре.

В результате всех этих достижений промышленности отводилось значительное место в экономике страны, росла доля промышленной продукции и экспортных товаров, увеличивались производство электроэнергии и добыча каменного угля. Заметно возрос общий объем строительно-монтажных работ. Ускоренными темпами развивались средства связи. В городе Улан-Батор был построен авторемонтный завод с технической мощностью обслуживания 1500 машин в год.

Вкладывание огромных финансовых средств в аграрный сектор повысило благоустройство госхозов, СХО (сельскохозяйственное объединение) и производственных единиц. Их центры обзавелись начальными и средними школами, постоянно действующими врачебными и фельдшерскими пунктами, детскими садами и яслями, клубами и библиотеками, передвижными киноустановками, банями, электростанциями и радиотелефонной связью. Все СХО были связаны со своими аймачными центрами автопочтой, а 1/3 сомонов страны — самолетами.

В период 1960–1980 гг. было достигнуто немало успехов в деле увеличения объема производства и укрепления материально-технической базы сельского хозяйства. За период с 1971 по 1980 г. капиталовложения в данной отрасли возросли вдвое, укреплялась материально-техническая база. Государственные капиталовложения в основном были направлены на укрепление кормовой базы для скота, обводнение пастбищ, постройку помещений-хашанов, развитие ветеринарного дела, создание новых хозяйств и техническую оснащенность сельскохозяйственного производства. В данный период было построено более 10 кормовых хозяйств, комбикормовое предприятие, в каждом аймаке организовано Управление, ведающее делами гидрогеологических и строительно-монтажных работ, созданы десятки больших и малых оросительных систем, буровых и шахтных колодцев, сотни лечебно-кормовых пунктов и помещений на 31,6 млн голов скота. Произошли сдвиги в механизации и электрификации сельского хозяйства, резко повысился уровень механизации в земледельческом производстве. В госхозах и сельскохозяйственных объединениях обработка почвы, посев и уборка зерновых были полностью механизированы.

С начала 1960-х до середины 1970 гг. в земледелии придерживались политики интенсификации производства без увеличения посевных площадей. XI Пленум ЦК МНРП (1976), обсудив вопрос «об освоении целинных земель и увеличении земледельческого производства», поставил задачи освоения 230 тыс. гектаров целинных земель, что было перевыполнено до 279 тыс. гектаров. С развитием земледелия изменились облик, культурно-бытовые условия сельской жизни. Появились госхозы и кормовые хозяйства с производственным и жилищно-бытовым комплексом и благоустроенные поселки. В целом произошли значительные изменения в социальной структуре всего населения.

Крупнейшими единицами сельскохозяйственного производства этого периода были СХО и госхозы. По состоянию 1986 г., на одно СХО в среднем приходи-

лось 4881,1 тыс. тугриков, 432 тыс. гектаров сельскохозяйственных угодий, более 12 млн тугриков основного капитала, 60,9 тыс. голов общественного скота, 44 трактора (в переводе на 15 лошадиных сил) и 14 автомашин. Для экономической поддержки СХО был введен порядок предоставления им льготных кредитов со стороны государства, государственного страхования на скот и урожай, награждения передовых объединений государственными премиями. Начиная с 1970 г. тем скотоводам СХО и госхозов, которые отличались по показателям выращивания молодняка, нагула и откорма, выхода шерсти и пуха, молока, ежегодно присуждалось звание «Скотовод-чемпион» сомона, аймака и республики.

В то же время, несмотря на огромные средства, вложенные в СХО под лозунгом развития и укрепления их, все же не произошло значительного роста объема конечной продукции, так как средства вкладывались без учета экономической эффективности, а в случае убытков проводилась компенсация неэффективно потраченных средств. Была нарушена традиционная пропорция видов скота, что негативно повлияло на прирост скота. По данным 1990 г., из 250 СХО страны 105 имели долги, при этом более 60 % СХО были не в состоянии ликвидировать долги в ближайшие время. В деятельности СХО заметно нарушались демократические принципы, а руководство ими со стороны государства через министерства и ведомственные организации фактически привело к отчуждению скота от хозяина-скотовода.

Важнейшее место в сельском хозяйстве занимали животноводческий и земледельческий госхозы, на каждый из которых в среднем приходилось 49 млн тугриков основного капитала, 16,2 тыс. гектаров посевной площади, 91 трактор (в переводе на 15 лошадиных сил), 37 комбайнов, 42 автомашины и много другой техники. Благодаря специализации некоторых госхозов и внедрению научно-технического прогресса наметилась тенденция к развитию аграрно-индустриального комплекса. Так, в Улан-Баторе было создано тепличное овощное хозяйство, а Борнурский госхоз после реконструкции и расширения стал специализироваться на молочно-мясном производстве. В целом были достигнуты значительные успехи в земледельческом производстве. В период с начала освоения целины до 1990 гг. посевная площадь страны увеличилась в 10 раз, что составило 1,3 млн гектаров; урожайность — 10,3 раза, благодаря чему получали около 30 % валовой национальной продукции. Только в 1989 г. было посеяно около 840 тыс. гектаров и получено 839,1 тыс. т зерновых и 215 тыс. т овощей.

Несмотря на общие достижения в развитии сельского хозяйства, беспокойство вызывали замедленный прирост поголовья скота и обусловленный этим недостаточный объем продукции животноводства. За двадцатилетний период, с 1961 по 1985 г., рост поголовья скота страны составлял всего 2 млн (20,4 млн голов до 22,6). Причиной тому были факторы объективного и субъективного характера, в том числе несовершенство организации и управления СХО, отсутствие инициативы и активности самих членов СХО — скотоводов. Хотя в 1960–1980 гг. в монгольском животноводстве ежегодно принималось 7 млн, а в некоторые годы вообще до 9 млн молодняка, общее поголовье скота не превышало 23 млн голов.

Причины были разными: во-первых, значительный объем в экспорте страны занимали именно скот и продукты животноводства, во-вторых, МНР направляла производственный скот для восстановления экономики хозяйства в страны Юго-Восточной Азии, в частности во Вьетнам в трудный послевоенный период, в-третьих, случавшиеся в некоторых аймаках природные стихии (дзуды и засуха) пагубно влияли на прирост поголовья скота, в-четвертых, наблюдалась возросшая

потребность в продукции животноводства в результате увеличения населения. Если в 1960 г. было заготовлено 77,4 тыс. т мяса (в живом весе), то в 1983 г. — до 297,6 тыс. т.

Неблагоприятному положению способствовали также политика и деятельность партии и государства. Односторонняя политика партии, направленная на увеличение общественного скота, с одной стороны, а с другой — строгое соблюдение установленного Уставом СХО количества личного скота, привела к тому, что у большинства скотоводов отсутствовало желание иметь личный скот, они пытались скрыть точное количество. В целом к концу 1980-х гг. замедлились темпы экономического развития страны. Низок был уровень эффективности народного хозяйства. Замедлился денежный оборот, наметилась тенденция к инфляции, бюджетный дефицит достиг уже 20 %, увеличивалась задолженность страны. Стало очевидно, что достигнутый уровень развития производительных сил страны не мог удовлетворить возможности и потребности интенсификации общественного производства.

Несмотря на некоторые сдвиги в подотраслях производства, еще слабы были связи и взаимодействие между ними, вследствие чего терялся комплексный характер экономики. С другой стороны, экономика страны в значительной степени зависела от социалистических стран, в первую очередь СССР. Из-за нерациональной политики в области промышленности установилась монополия немногочисленных предприятий, приведшая к ослаблению конкуренции, главного стимула общественного производства. Все это влияло на развитие экономики.

Выдвигая задачу строительства социализма в МНР, конечной своей целью партия считала повышение благосостояния и культурного уровня народа. За период с середины 1960 до середины 1980 гг. реальные доходы населения возросли 2,5 раза. Наряду с увеличением заработной платы рабочих и служащих наблюдались ежегодный рост фонда общественного потребления, устойчивость цен на основные наименования товаров ширпотреба, сферы обслуживания и транспорта. Устойчивой была и розничная цена. С целью увеличения доходов сельских тружеников повышались заготовительные цены на продукты животноводства с надлежащим установлением надбавок в результате выполнения и перевыполнения планов государственной заготовки. Тем не менее небольшой размер заработной платы — от 200 до 300 тугриков — являлся не только причиной сравнительно низкого уровня жизни скотоводов, но и снижения значения скотоводческого труда, ухода молодежи из сельских местностей, что собственно привело к замедлению темпов развития животноводства. Страна не могла обеспечивать себя некоторыми продуктами животноводства.

Фонд общественного потребления состоял из пенсий и пособий, бесплатного и льготного обслуживания в социальной сфере. За эти годы партией и правительством были приняты меры по увеличению пенсий и пособий многодетным матерям и предоставлению бесплатного лекарства детям до одного года. С 1967 г. членам СХО стали выплачивать пенсии. Вопросы улучшения жилищных условий решался в двух направлениях: для горожан и сельских тружеников. В результате успешного развертывания строительства жилых домов около 60 % горожан было обеспечено благоустроенными домами. Политика социалистической уравниловки приводила к отсутствию граней между богатыми и бедными, но все же большинство населения страны ощущало нехватку самого необходимого.

МНРП и правительство особое внимание уделяли здравоохранению, охране и защите населения. В связи с этим принимались меры по увеличению числа учре-

ждений здравоохранения, улучшению качества медицинского обслуживания, оказания медпомощи населению, особенно сельским жителям, уменьшению и ликвидации инфекционных болезней и усилению их профилактики. На первое место ставилась задача охраны здоровья матери и ребенка, а также внедрение достижений современной медицинской науки в практику. Благодаря всему этому МНР по количеству больничных коек на 10 000 чел. достигла уровня стран с высокоразвитой современной медициной. Монгольское население было полностью охвачено бесплатной медицинской помощью, в результате чего за период с 1921 по 1986 г. численность населения страны увеличилась в 3 раза, а детская смертность уменьшилась в 8 раз. Наблюдался процесс омолаживания населения, в котором почти 45 % приходилось на детей до 16 лет. По ряду медицинских показателей Монголия достигла международного уровня.

В рассматриваемый период произошли преобразования в области образования, науки и культуры. Была успешно реализована задача неполного среднего образования, обновлена программа общеобразовательной школы для развития творческого мышления детей. Повысился общеобразовательный уровень населения. Если в 1963 г. в народном хозяйстве лица с высшим и средним образованием составляли только 8 %, то в 1985 г. — уже 55 %.

За период с 1966 по 1986 г. профессионально-технические училища (ПТУ) подготовили до 160 тыс. квалифицированных рабочих. По решению ЦК МНРП с 1973 г. стала функционировать 3-годичная школа повышения квалификации рабочих. Увеличение численности ПТУ и усовершенствование учебного процесса создали условия для подготовки на местах специалистов, необходимых для народного хозяйства. По данным 1986 г., каждый пятый человек на производстве имел высшее и среднее образование.

Успешно развивалась монгольская наука. Академия превратилась в главный научный центр организации фундаментальных исследований (гуманитарный профиль и естествознание). Наряду с образованием и укреплением научно-исследовательских институтов при министерствах и ведомствах монгольские вузы вели широкую научно-исследовательскую работу в области улучшения пород и продуктивности скота, выведения новых сортов зерновых культур, изучения и использования природных богатств страны.

На основе широкомасштабного исследования флоры и фауны Монголии и их ресурсов были разработаны научные основы их эффективного использования. В результате многолетних геологоразведочных работ были установлены минерально-сырьевые ресурсы, что имело важнейшее значение для развития топливно-энергетической и горной промышленности.

Расширились гуманитарные исследования в области истории и языкознания, экономики, философии, социологии и права. Монгольская наука превратилась в важнейший фактор социально-экономического и культурного развития страны. Монгольское искусство и литература обогатились новыми жанрами, повысился профессиональный уровень творческих работников.

В литературе преобладали произведения гражданской лирики, а в творческом репертуаре театра и кино особое место занимали темы нравственности и человечности. Отмечался высокий художественный уровень творчества монгольского театра и кино, цирка и изобразительного искусства. Социалистический реализм стал главным методом художественного творчества. В этот период значительно расширилась сеть культурно-просветительских учреждений, культура становилась досто-

янием народа. Согласно статистике, если в 1960 г. гражданин посещал культурные учреждения 5–7 раз в год, то в 1986 г. — 15 раз.

МНРП уделяла особое внимание развитию творческой инициативы трудящихся масс. Исходя из догматических норм, искажающих марксистскую теорию как основы духовной жизни монгольского общества, в данном направлении осуществлялся жесткий идеологический контроль за общественной наукой, литературой и искусством, печатью. Обязательным являлось рассмотрение всех гуманитарных проблем с принципов партийности и классовых позиций. Под предлогом несоответствия идеологии или «антипартийности» многие ученые и творческие работники увольнялись с работы. Это были люди, занимавшиеся защитой, популяризацией своей национальной истории и культуры, выдвигавшие новые идеи относительно развития своей страны, не соответствующие партийным установкам.

Конституционное закрепление МНРП как основного ядра политической системы МНР повлекло за собой вмешательство партии во все сферы жизни государства. Созданные в 1966–1986 гг. XV–XIX съезды, определяя политическую линию МНРП, принимали «Основные направления развития народного хозяйства МНР» в IV–VIII пятилетках и избирали руководящий состав партии. С учетом Программы МНРП, отражающей стратегию и тактику партии, были внесены некоторые изменения в Устав МНРП.

Центральный Комитет МНРП, избираемый съездами, был главным центром политического руководства страны, главным теоретиком и идеологом партии. Так, например, на более чем 40 пленумах ЦК МНРП обсуждались актуальные вопросы политического и экономического развития и выносились соответствующие решения. В течение рассматриваемого периода партийные пленумы созывались 33 раза по вопросам народнохозяйственных планов и государственных бюджетов, 10 раз — по различным хозяйственным проблемам. В то же время вопросы внутрипартийной жизни и идейно-организационного строительства почти не обсуждались, что явилось причиной проявления перегибов в партийной жизни. При отсутствии свободы взглядов члены ЦК МНРП ограничивались в своих высказываниях одобрением деятельности Ю. Цеденбала и Политбюро ЦК или же общей критикой в адрес центральных органов власти.

С 1970-х гг. полностью была утрачена практика принятия пленумом ЦК МНРП постановлений, выходивших на основе коллективных решений по обсуждаемым вопросам и представлявших директивные документы для парторганизаций. Речи и выступления Ю. Цеденбала стали приобретать силу решений ЦК МНРП. Таким образом, продолжительное время вопросы внутрипартийной жизни оставались в стороне. Вследствие этого возникало множество проблем, требующих безотлагательного решения, нарушалась партийная демократия, а методы работы определялись жестко установленными партийными стандартами.

Для ведения ежедневной многогранной работы по реализации внутренней и внешней политики партии и постоянного руководства всеми сторонами жизни общества пленумами избирались Политбюро и проводились совещания секретарей ЦК МНРП.

В этот период, хотя в официальной партийно-государственной печати часто отмечали необходимость критики и самокритики, человек, указывающий на недостатки работы партийного руководства, непременно попадал в списки неблагонадежных. В случае повторных действий (имеется в виду критика руководящих органов и работников) ему навешивался ярлык «антипартийного элемента». К 80-м гг. XX в. наблюдалось отсутствие демократии и гласности в деятельности МНРП.

К 1986 г. в рядах партии состояло 88,1 тыс. чел., а число партийных ячеек и парткомов достигло 3 260, что было вдвое больше, чем в 1966 г. Отмечалось возросшее стремление руководства превратить МНРП в партию рабочего класса, в основном за счет тружеников сферы материального производства. Для интеллигенции, как и в КПСС, был установлен лимит, что приводило к отчуждению преобладающего большинства монгольской интеллигенции от партии.

Уставом МНРП определялось право контроля первичных парторганизаций за административной деятельностью хозяйствующих субъектов. Были созданы спецотделы по народнохозяйственным вопросам при ЦК МНРП, аймачных и городских парткомах.

Партийные работники, исходя из установленной с середины 1970-х гг. практики оценки организационной и политико-воспитательной работы по результатам выполнения народнохозяйственных планов, активно вмешивались в хозяйственную и административную деятельность.

Углубление номенклатуры в кадровой политике привело к появлению резервных работников в распоряжении Центрального Комитета, аймачных и городских комитетов, в Политбюро — примерно 300–400 чел., ЦК — 3000–4000, аймачных, городских районных комитетах — примерно 33 000 чел.

В этот период государство осуществляло разработанную партией внешнюю и внутреннюю политику. За 20-летний период, с 1966 по 1986 г., на 6 выборах в ВНХ и 20 сессиях принимались решения под руководством МНРП. Несмотря на обсуждение конкретных проблем, вызванных внешним и внутренним положением в стране и ходом развития общества, хуралы всех ступеней ограничивали свою деятельность рассмотрением пятилетних планов и госбюджетов, не вникая в актуальные вопросы государственного устройства и социально-экономического развития. Были значительно ослаблены основные механизмы работы хуралов и нарушены главные требования представительной демократии.

Вся деятельность общественных организаций осуществлялась под руководством МНРП. Так, например, ЦК МНРП принял ряд постановлений: «О мерах партийных организаций Селенгинского аймака по руководству профсоюзами» (1974), «О работе партийных организаций Гоби-Алтайского аймака по руководству ревсомольскими организациями» (1975) и др.

На третьей сессии ВНХ IX созыва (1978) внесены дополнения и изменения в Конституцию страны относительно наделения правом МРСМ (Монгольский революционный союз молодежи) выступить с законодательной инициативой. По закону о труде (1973) была легализована роль профсоюзов при урегулировании трудовых отношений, вследствие чего профсоюзы, утратив свой общественный характер, по существу превратились в государственные организации. Свидетельством этого было то, что профсоюзы принимали участие в разработке более 150 правовых актов, связанных с вопросами повышения благосостояния народа и защиты интересов трудящихся. Согласно указаниям и директивам партии, профсоюзы, в пределах своих прав и обязанностей, активизировали деятельность по усилению контроля за исполнением закона «О труде» и правил охраны труда, улучшению культурно-бытового обслуживания.

МРСМ под руководством и по призыву партии развернул свою деятельность по строительству промышленных предприятий и укреплению материальной базы сельского хозяйства. Он также уделял огромное внимание совершенствованию методов и форм воспитательной работы среди молодежи. Только в 1970-х гг. более 60 тыс. молодежи по ревсомольским путевкам работали в различных отраслях про-

мышленности и сельского хозяйства, в связи с чем вышло постановление ЦК МНРП «О некоторых мерах повышения образовательного уровня и улучшения условий труда ревосомольцев-скотоводов» (1980).

МНРП также руководила деятельностью женских организаций для повышения политической и трудовой инициативы, образовательного уровня монгольских женщин, а также воспитания детей. При этом МНРП часто вмешивалась во внутреннюю жизнь общественных организаций, особенно при выборе руководящих работников, создавала препятствия на пути их развития.

В условиях «холодной войны» внешняя политика МНР была направлена на расширение дружбы и сотрудничества с СССР и странами социализма, активное участие в деятельности международных организаций, ликвидации очагов войны, уничтожении ядерного, химического и бактериологического оружия и стабилизации международного положения. Прежде всего всемерное внимание уделялось развитию отношений с СССР согласно подписанному в 1966 г. «Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между МНР и СССР». В целях осуществления настоящего договора вопросы взаимоотношений в дальнейшем были уточнены в таких документах, как «Основные направления дальнейшего расширения и всестороннего углубления монголо-советского сотрудничества» (1976) и «Долгосрочная программа развития экономического и научно-технического сотрудничества МНР и СССР» (1985).

XVII съезд МНРП, состоявшийся в 1976 г., выдвинул задачу экономического, политического и идеологического сближения МНР со странами социализма, в первую очередь с СССР.

Одним из важнейших показателей политических отношений являются взаимные визиты и встречи глав двух стран на высшем уровне: генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев дважды (1966, 1974) посетил МНР, что было настоящим событием в истории взаимоотношений двух стран. Глава государства и партийные руководители МНР неоднократно посещали СССР и решали насущные вопросы.

Монголо-советское сотрудничество отличалось всеобъемлющим характером, устанавливались связи между государственными, партийными и общественными организациями, что постепенно приводило к политической и экономической зависимости МНР от СССР.

Отношения между социалистическими странами складывались прежде всего в рамках СЭВ. На XXV сессии СЭВ (1970) была принята «Комплексная программа углубления и усовершенствования сотрудничества стран-членов СЭВ и развития социалистической экономической интеграции», в которой подчеркивалась необходимость принятия специальных мер по МНР. В связи с этим в 1971–1985 гг. руководство МНР принимало активное участие в организации официальных визитов и встреч на высшем уровне и заключении двух- и многосторонних соглашений со странами социализма. Были созданы межправительственные комиссии, призванные обсуждать и решать очередные задачи сотрудничества.

Между МНР и большинством социалистических стран в этот период были подписаны долгосрочные Программы о сотрудничестве в области экономики, культуры, науки и техники. Благодаря этому во всех отраслях общественной жизни создавались десятки промышленных предприятий, что изменило облик Монголии. Тем не менее по главным показателям экономического и социального развития (рост национального дохода и производительность труда) Монголия значительно отставала от развитых стран, что обуславливалось отставанием самого СССР, в абсолютной экономической зависимости которого находилась МНР.

В период с 1965 по 1985 г. осложнились монголо-китайские отношения, что было вызвано возникновением серьезных разногласий между КПСС и КПК, развертыванием так называемой «культурной революции» в КНР и проведением агрессивной идеологической кампании против МНР. Все это привело к тому, что в соответствии с Договором о дружбе и сотрудничестве между МНР и СССР (1966) Монголия в целях обеспечения своей безопасности вынуждена была ввести в свою страну советские войска. Данное событие не могло не оказать негативного влияния. Так, например, были прерваны договоры и соглашения, приостановились совместное строительство и помощь со стороны КНР. В дальнейшем КНР отзывала своих рабочих, приняла меры по ограничению воздушных и железнодорожных связей, перевела торговые платежи к твердой валюте, словом, заняла позицию экономического бойкота МНР. При этом по дипломатической линии продолжались взаимоотношения между странами. И с начала 1980 гг., благодаря усилиям обеих сторон, наметились некоторые позитивные сдвиги и тенденции. Так, например, стороны подписали Протокол о совместной проверке пограничных линий, начались переговоры по вопросам обмена гидрометеорологическими данными, стабильного обеспечения телеграфных связей, координации железнодорожного транспорта и развития торговли. Все это благоприятным образом сказалось на нормализации монголо-китайских отношений.

В описываемый период МНР придерживалась политики мирного сосуществования со многими странами. В период с 1965 по 1990 г. МНР установила дипломатические отношения с более чем 30 странами, в том числе с такими высокоразвитыми странами, как Австрия, Великобритания, ФРГ, Португалия, Испания, Финляндия, Франция, Япония и США, благодаря чему было положено начало развитию торгово-экономических и культурных связей.

С начала 1960-х гг. начались переговоры по установлению дипломатических отношений с Японией, которые, вследствие невозможности согласовать сторонами вопрос о контрибуции, откладывались на неопределенные сроки. И только 24 февраля 1972 г. совместными усилиями было достигнуто установление дипломатических отношений между Монголией и Японией. В 1977 г. между странами было заключено Соглашение об экономическом сотрудничестве, по которому японская сторона внесла 5 млрд иен, или 17 млн американских долларов по курсу того времени. Этим был решен вопрос о контрибуции. На эти средства был построена кашемировая фабрика «Гоби», которая была сдана в эксплуатацию в 1981 г. До 1990-х гг. были установлены связи между парламентскими группами, правительствами, политическими партиями и общественными организациями.

В 1960–1970 гг. МНР предприняла попытки установить дипломатические отношения с США. Однако эти меры не достигли своей цели. Монголо-американские дипломатические отношения были установлены в 1987 г. При этом следует отметить, что из-за различий в общественном строе и идеологии взаимоотношения Монголии с вышеуказанными государствами носили весьма ограниченный характер.

МНР, поддерживая национально-освободительное движение народов Азии и Африки, оказывала им материальную и моральную помощь, устанавливала дипломатические отношения с государствами, добившимися своей независимости. К 1990 г. Монголия сотрудничала с более 100 государствами и успешно развивала торгово-экономические связи с 30 странами. МНР принимала активное участие в деятельности ООН и других международных организаций. Только в 1970–1980 гг. страна участвовала в 60 международных переговорах.

В 1978 г. по инициативе МНР Особая сессия ООН приняла решение о проведении международной недели по разоружению, а XXIX сессия Генеральной Ассамблеи (1984), поддерживая МНР, также утвердила «Декларацию прав мирного сосуществования народов».

Правительство Монголии выступало с конкретными предложениями о международной и региональной безопасности и оздоровлении межгосударственных отношений. Ее представители работали в рамках специальных комитетов и комиссий ООН, региональных и международных организаций. В Экономической комиссии по Азии и Дальнему Востоку, Международной организации по здравоохранению, ЮНЕСКО и др. Тем не менее МНР была лишена возможности участвовать в деятельности многих организаций ООН, сотрудничать с ними и получать помощь.

XVIII съезд МНРП, состоявшийся в 1981 г., обратился к главам 50 стран мира с предложением установить «Конвенцию о взаимном ненападении и неприменении сил между странами Азии и Тихого океана», что получило поддержку большинства стран. Все это показывает, что в рассматриваемый период расширялись внешние связи МНР, повысился ее международный авторитет.

В период с 1965 по 1980 г. МНРП, ставя перед собой цель завершения строительства социализма, в политическом отношении превратилась в страну, где существовал авторитарный режим руководства во главе с Ю. Цеденбалом. Формально коллективное руководство считалось организационной формой, на практике же оно заменялось неукоснительным выполнением решений партийного лидера. В августе 1984 г. на VIII Пленуме ЦК МНРП Генеральным секретарем ЦК МНРП был избран Ж. Батмунх. Уже в середине 1980-х гг. построение социализма как общественно-политического строя в МНР оказалось в тупике.

Часть X

МОНГОЛИЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

Трансформация российско-монгольских отношений.

Опыт и развитие

Революционные потрясения и дискуссионный путь на некапиталистическое развитие страны в XX веке кардинальным образом изменили экономическую, политическую, социальную, религиозную жизнь Монголии. В начале XXI в. страна привлекает пристальное внимание мировой общественности, историков, политиков, политологов, экономистов, бизнесменов и средств массовой информации выбором своего пути развития. В соответствии с обновленной Концепцией внешней политики (2011) Монголия стремится проводить самостоятельную, независимую, «многоопорную» внешнюю политику, направленную на поддержание сбалансированных отношений с Россией, Китаем, другими развитыми и влиятельными странами Запада и Востока.

Монгольский экономический и политический рынок вызывает традиционный интерес руководства России к Монголии, о чем свидетельствуют официальные поездки в течение последних лет лидеров России (В. В. Путин, Д. А. Медведев) и подписание ими ряда договоров о модернизации железной дороги Улан-Батор — Наушки и других.

В начале XXI в. интеграционные и глобализационные процессы в условиях смыывания национальных различий между приграничными регионами России и Монголии заметно усилились. в настоящее время, рассматриваются актуальные вопросы развития системы трансграничных коммуникаций и модернизации транспортных линий, соединяющих две страны, прежде всего Улан-Баторской железнодорожной магистрали, идущей от российской пограничной станции Наушки в сторону монгольской столицы и далее на юг. В последние годы возобновились разнообразные контакты между приграничными регионами двух стран.

Россия и Монголия, не относящиеся к развитым странам, но с общим наследием социалистической планово-централизованной экономики, каждая по-своему приобретает опыт рыночного хозяйствования. Эти и другие однородные факторы (природно-климатические, демографические, многообразие и богатство запасов природных ресурсов и др.) дают основу для поиска и выработки общих принципов, схем и механизмов торгово-экономического и эколого-гуманитарного сотрудничества двух сопредельных стран в эпоху глобализации. Что касается регионализации, то современное российско-монгольское приграничное сотрудничество в формате рыночных отношений проходит стадию институционального становления. В этом процессе сдерживающими факторами объективного характера для Байкальского приграничья являются:

- демографические ограничения и вследствие этого низкая плотность населения (2,7 чел. на 1 км²) и наследственная разреженность экономического пространства, ставящая бизнес региона в разряд малоконкурентоспособного;

- экологические ограничения на осуществление хозяйственной деятельности в связи с особым статусом оз. Байкал как объекта мирового природного наследия. Примерно схожие факторы действуют и на монгольском приграничье.

Важное место в монгольской внешней политике занимает концепция «третьего соседа», которая распространяется на США, Японию, ЕС, Индию, Республику Корея и Турцию. При этом Монголия стремится избежать чрезмерной односторонней зависимости от какой-либо одной державы. Нынешнее руководство страны ориентируется преимущественно на западные ценности демократии и стандарты рыночной экономики. В последние годы усиливается развитие всесторонних, прежде всего торгово-экономических, связей с ЕС, внедрение европейских стандартов и норм.

Повышенный интерес к Монголии обусловлен целым рядом геополитических, стратегических, экономических и других факторов. Страна, занимающая важное стратегическое положение в глубине Внутренней Азии, превращается в арену открытого и скрытого политического и экономического соперничества между Россией, Китаем, США, Японией, ЕС, Великобританией, Канадой, Южной Кореей и др.

До начала 1990-х гг. Монголия в течение почти семидесяти лет находилась под влиянием Советского Союза. После мирной демократической революции, произошедшей в Монголии в 1990 г., распада СССР, резкого сокращения экономической помощи со стороны России, ухудшения российско-монгольских политических, торгово-экономических, культурных и других связей монгольская экономика оказалась на грани краха. Страна была вынуждена самостоятельно искать пути выживания в сложнейший переходный период.

Но даже в самые трудные 1990-е годы крупные совместные российско-монгольские предприятия («три кита») — горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», объединение «Монголросцветмет», АО «Улан-Баторская железная дорога», которые во многом формировали бюджет страны, — выдержали тяжелые испытания форсированного перехода к рыночным отношениям и тем самым избежали экономического краха.

При поддержке развитых стран (США, Япония, Великобритания, Республика Корея и др.) и международных организаций (МВФ, Всемирный банк, Азиатский банк развития, Программа развития ООН и др.) Монголия сравнительно быстро преодолела кризисные явления трансформационного периода и стала проводить самостоятельную, открытую, «многоопорную» внешнюю политику. В 1990-е гг. позиции России в этой стране существенно ослабли, а позиции США, Китая, Японии, Великобритании, Канады, Германии, Южной Кореи и некоторых других развитых стран, напротив, значительно укрепились.

Современная Монголия — один из наиболее удачных примеров относительно быстрой и успешной трансформации из бывшей социалистической в современную, динамично развивающуюся, демократическую страну с многопартийной политической системой, рыночной экономикой и открытой внешней политикой.

Другой важнейший фактор привлечения внимания политиков и деловых кругов развитых и развивающихся стран к Монголии — богатые природные ресурсы, в том числе уголь, медь, молибден, золото, серебро, уран, редкоземельные металлы. По подсчетам некоторых западных экспертов, общая стоимость топ-10 наиболее крупных месторождений угля, меди, золота, урана и редкоземельных металлов Монголии составляет приблизительно 2,75 трлн дол. При этом лишь на третьей части территории страны сегодня ведутся поисково-разведочные работы.

Богатые, еще не до конца разведанные природные ресурсы Монголии — это, несомненно, большой и лакомый кусок постоянно уменьшающегося «глобального сырьевого пирога» для многих стран и крупных транснациональных компаний.

В настоящее время наиболее привлекательными для иностранных компаний являются такие крупные месторождения Монголии, как Оюу-Толгой (медь, золото), Таван-Толгой (уголь) и Дорнод (уран). По уточненным данным, запасы крупнейшего в мире, не до конца разведанного Таван-Толгойского месторождения составляют 7,4 млрд т угля, из них 1,4 млрд т — коксующегося и 4,6 млрд т — энергетического угля. Эксперты корпорации «Rio Tinto» оценивают запасы месторождения Оюу-Толгой, расположенного в Южной Гоби, в 80 км от границы с Китаем, в 25 млн т меди на пятьдесят лет эксплуатации.

В конце 2012 г. корпорация «Rio Tinto», владеющая 66 % акций совместной компании «Turquoise Hill Resources» (монг. «Эрдэнэс Оюу Толгой»), завершила строительство горно-обогатительного предприятия на этом месторождении. В середине 2013 г. первая партия продукции — 576 т медного концентрата — была экспортирована в Китай, что фактически означало завершение первой очереди строительства. К концу 2013 г. на предприятии было произведено более 250 тыс. т медного концентрата. Решение нового правительства Монголии о пересмотре некоторых положений инвестиционного соглашения, заключенного в 2009 г., поставило «Эрдэнэс Оюу Толгой» в сложное положение. Сегодня в рамках управляющего совета компании ведутся переговоры, направленные на поиск выхода из сложившейся ситуации.

Ожидается, что по производительности «Эрдэнэс Оюу Толгой» в 1,5–2 раза превзойдет монголо-российское предприятие «Эрдэнэт», которое входит в топ-10 подобных предприятий в мире. В 2014 г. компания планирует произвести 692 тыс. т концентрата. Для сравнения: в 2013 г. «Эрдэнэт» выпустило 530 тыс. т медного концентрата. Вторая очередь проекта «Оюу Толгой» предусматривает строительство шахты по добыче руды. Таким образом, Монголия превращается в крупного игрока на мировом рынке меди.

Россия традиционно имела и имеет важные стратегические интересы в Монголии, в том числе в политической, экономической, военной, экологической, культурной, гуманитарной и других сферах. Россию и Монголию связывают в первую очередь общая граница протяженностью 3,5 тыс. км и многовековая история преимущественно дружественных взаимоотношений. Россия внесла большой вклад в возрождение и защиту государственности и независимости Монголии, в развитие экономики и культуры, превращение ее в современную процветающую страну. Для двух государств характерны общая направленность политических и социально-экономических преобразований после 1990 г., во многом схожие стратегические национальные интересы, общая заинтересованность в обеспечении безопасности и мира в АТР, в развитии региональной и глобальной экономической интеграции.

После 2009 г. российско-монгольские отношения носят во многом декларативный характер. При внешнем благополучии многие ранее достигнутые договоренности и соглашения не выполняются, в том числе по вине монгольской стороны. Отсутствует заметный прогресс в реализации двух новых крупных совместных проектов, договоренности по которым были достигнуты в 2009 г. Речь идет о компании «Развитие инфраструктуры», которая была создана совместно с ОАО «РЖД» с целью модернизации Улан-Баторской железной дороги и строительства новых железных дорог для транспортировки угля по маршруту Таван-Толгой — Сайншанд — Чойбалсан — Соловьевск с выходом на Транссиб и далее в Японию и Южную Корею.

В мае 2013 г. правительство Монголии приняло решение о продаже ОАО «РЖД» своей доли акций (50 %) КОО «Развитие инфраструктуры». В настоящее

время все 100 % акций этой компании принадлежит ОАО «РЖД». Достигнута договоренность о том, что в ближайшие годы усилия компании будут сосредоточены на модернизации Улан-Баторской железной дороги.

В декабре 2013 г. в Улан-Баторе состоялось первое совещание представителей железнодорожных ведомств России, Китая и Монголии, на котором обсуждались актуальные вопросы сотрудничества в области транзитных перевозок, в частности, по международному транспортному «Северному коридору», являющемуся «естественным сухопутным мостом в направлении Азия–Европа».

В 2009 г. было подписано межправительственное соглашение о создании совместной российско-монгольской компании «Дорнод уран» для разведки, добычи, переработки и использования урановых месторождений в Восточной Монголии. В 2010 г. стороны заключили соглашение о принципиальных условиях создания компании и достигли договоренности о подписании в возможно более короткие сроки ее учредительных документов на основе согласованных принципов. Однако дальнейшего развития этот проект не получил.

Длительная задержка с реализацией подписанных соглашений объясняется тем, что в мае 2011 г. канадская компания «Khan Resources» предъявила иск к правительству Монголии в связи с незаконным, по ее мнению, отзывом лицензии на добычу урановой руды на месторождении Дорнод. Уже нескольких лет этот иск рассматривается в международном арбитраже.

Россия проиграла в конкурентной борьбе за участие в освоении крупнейшего угольного месторождения Таван-Толгой, в строительстве новых железных дорог протяженностью более 1800 км. До последнего времени двусторонние торгово-экономические отношения развивались недостаточно быстрыми темпами, что стало особенно заметным на фоне динамично развивающихся отношений Монголии с другими ведущими странами, особенно с Китаем.

Доля России в общем внешнеторговом обороте Монголии в 2010–2013 гг. составила в среднем 15–18 %, тогда как доля Китая — около 50 %. В 2012 г. доля России в монгольском импорте составляла 27,4 %, в экспорте — всего 1,8 %, а доля Китая в монгольском экспорте — 92,6 %, импорте — 27,6 %. Кроме того, уже на протяжении нескольких лет Китай уверенно лидирует по числу иностранных инвестиций в экономику Монголии. По данным монгольских источников, в 1990–2010 гг. прямые китайские инвестиции в экономику Монголии достигли 1,8 млрд дол., или почти 53 % всех прямых иностранных инвестиций (ПИИ). В течение этих двадцати лет в Монголии было открыто более 5300 предприятий с участием китайского капитала, что составляет почти 50 % всех предприятий с иностранным участием. За тот же период было создано 769 предприятий с российским капиталом, а доля России в общем объеме ПИИ в экономику Монголии не превысила 2 %.

Существенными препятствиями на пути развития отношений между Монголией и Россией являются высокие таможенные пошлины на традиционные товары монгольского экспорта в Россию, высокие транспортные тарифы на транзит монгольских товаров по территории России, сложные бюрократические процедуры согласования, оформления деловых сделок, прохождения таможенного контроля. Как следствие, многие монгольские бизнесмены предпочитают иметь дело не с российскими, а с китайскими, японскими и западными компаниями. В то же время отрядным явлением стала отмена визового режима между двумя странами с 1 января 2015 г. Это дало мощный толчок посещению монголами территории России, только в Бурятию за 2015 г. их въехало свыше 100 тысяч. Эта была большая инвестиционная поддержка торговле и туризму в России.

Поэтому, исходя из позитивного и негативного опыта советско-монгольских и российско-монгольских отношений в XX в., необходимо обратить особое внимание на формирование и закрепление традиционного, в целом дружественного позитивного образа России в сознании новых поколений монголов; вести последовательную активную борьбу с попытками некоторых монгольских политиков и историков под видом восстановления исторической правды односторонне, преимущественно негативно трактовать сложную, неоднозначную историю советско-монгольских отношений и роль России/СССР в истории Монголии в XX в. При разработке и реализации долгосрочных и среднесрочных программ/проектов социально-экономического и культурного развития Восточной Сибири, Бурятии, Забайкальского края и других субъектов РФ, граничащих с Монголией, по возможности необходимо более полно учитывать интересы и потенциал сотрудничества с Монголией.

Россия потратила огромное количество средств, как политических, так и финансовых (списали советский долг \$11.4 млрд, а потом и 97,8 % нового, равного \$172 млн) ради возвращения в Монголию. Политика маневрирования между Китаем, Россией и Монголией стала ключевым аспектом монгольской внешней политики, по этому поводу у местных элит есть консенсус. Политика монгольского правительства в отношении Китая определяется двумя факторами: пониманием, что это основной экономический партнер, и страхом перед «китайской угрозой». Но интересно другое. Осенью 2013 г. визит монгольского премьера Алтанхуяга в Китай совпал с визитом премьера Медведева. Первый уехал с соглашением о поставках в Китай угля, второй — с договором об увеличении поставок нефти в Китай. Монголия и Россия конкурируют между собой за китайский рынок. Это очень любопытный поворот: если раньше было больше общего между Россией и Китаем (два соседа-гиганта небольшой страны), то теперь две совсем разные страны объединены по одному из своих ключевых критериев — сырьевой направленности экономики.

Россия выбрала изначально неверный способ продвижения своих интересов, который базировался на идее, что Монголия нуждается в сотрудничестве с Россией, чтобы препятствовать росту китайского влияния. Однако это создало впечатление, что Россия держит Монголию в заложниках, используя свою долю в УБЖД и препятствуя реализации проектов, в которых РФ не заинтересована. Затем Москва не понимает, что концепция «третьего соседа» и постоянное маневрирование монголов между разными странами — это не заговор прозападных политиков, а результат консенсуса элит.

Китай в отличие от России добился своих целей, не предпринимая особых усилий и давления. Однако экономические успехи необязательно приведут к росту политического влияния Китая.

Монголия таким образом является и объектом геополитической борьбы, и важным игроком. Ее мотивации, порой, сложно разгадать, т.к. они являются следствием сложной и непредсказуемой внутривнутриполитической ситуации.

У России положение менее прочное по отношению к Монголии, чем у Китая и США. В планах значительной части монгольской элиты она имеет лишь значение раздражителя прочих игроков, особенно Китая. Интерес мировых игроков к Монголии обусловлен тем, что это огромная кладовая природных ресурсов, которую еще никто по-настоящему не разрабатывал. Особенно важное значение она имеет для Китая с его растущей экономикой. Тем более, что пока геологическая карта страны открыта лишь частично и помимо одних из крупнейших в мире запасов

урана (1,4 млн тонн, главные месторождения Дорнод-Аймак и Гурван-Булаг) страна вызывает интерес в плане разработки нефтяных месторождений (общие запасы двух месторождений Тамсаг и Дорногоби в пустыне Гоби превышают 7 млрд баррелей нефти), ориентировочные запасы серебра месторождения Асгат у границы с Россией составляют восемь тысяч тонн.

Также с точки зрения международных добывающих компаний интерес представляют месторождения золота и молибдена, но самыми привлекательными активами, за которые и идет главная борьба, являются уголь и медь.

Угольное месторождение Таван-Толгой («Пять холмов») общим объемом шесть млрд тонн угля, из которых 40 % коксующегося, является одним из самых привлекательных в мире. Учитывая то, что добыча его будет вестись открытым способом, добывающие компании будут извлекать максимум прибыли из вложенных денег.

Другое по значимости месторождение страны — Оюу-Толгой («Бирюзовый холм»). Только разведанные запасы меди и золота там составляют 35,8 млн тонн и 12,8 тыс. тонн соответственно. И хотя основным акционером Оюу-Толгой считалась австрало-британская компания Rio Tinto, власти страны в свойственной им манере заявили о намерении дать окончательный ответ осенью 2012 г. В похожем положении остается судьба контрактов по Таван-Толгою.

Как известно, на 2011 г. в числе главных претендентов на Таван-Толгой были российские РЖД и СУЭК, группа южнокорейских компаний во главе с Korean Resources Corporation, а также японские Itochu, Sumitomo, Marubeni и Sojitz, индолоксембургская ArcelorMittal, бразильская Vale, швейцарская Xstrata, американская Peabody и консорциум китайской Shenhua и японской Mitsui.

«Финалистами» угольного спора стали китайская Shenhua Group — 40 % акций, российско-монгольская группа с участием японских и южнокорейских компаний — 36 %, а 24 оставшихся процентов акций должны были достаться американской компании Peabody. Причиной пересмотра условий соглашения в июле 2011 г. формально стало желание правительства Монголии, чтобы участники тендера построили на лучших условиях 400-километровую железную дорогу от Таван-Толгой к городу Сайншанд. В отношении Оюу-Толгой, на который уже неудачно претендовали российские компании, монгольских патриотов возмутила слишком маленькая национальная доля (34 %). Кроме того, их не устраивало то, что иностранные компании могли переуступать (перепродавать) друг другу активы без согласия официального Улан-Батора.

С самого начала существования новой Монголии Госдеп США пытался контролировать ситуацию в этой стране, рассчитывая создать здесь бастион своего влияния, привязывая к себе через систему грантов местную элиту, но по мере подъема Китая влияние США здесь стало ослабевать.

По-настоящему об этой стране вспомнили лишь в конце 1990-х гг., когда подъем китайской экономики вынудил Пекин искать источники сырья. По мере роста цен на металлы и энергоресурсы повышался интерес к Монголии. Не случайно в 1999 г., когда Улан-Батор впервые посетил лидер КНР Цзян Цзэминь, тут же вспомнила о Монголии и Россия: уже в 2000 г. В. Путин побывал в этой стране и попытался восстановить прежние советско-монгольские проекты.

Но к этому времени монгольскую элиту в нужном для себя духе уже успели обработать США. В результате прошедший обучение в США в 2000–2002 гг. бывший премьер Монголии Цахиагийн Элбэгдорж и возглавляемая им с 2006 г. ДПМ стали активными проводниками американского влияния. При Д. Буше американ-

ская администрация вообще сделала ставку на Монголию как на форпост своего влияния в Северо-Восточной Азии. Параллельно Вашингтон пытался не допустить захвата сырьевого рынка страны Китаем и давал деньги на развитие инфраструктурных проектов, что заметно укрепило его позиции в этой стране в политической сфере и позволило с еще большей выгодой маневрировать между Россией и Китаем.

Доказательством упрочения американского влияния стала отправка в 2003–2004 гг. монгольского воинского контингента в Ирак и Косово. Визит президента Д. Буша в Монголию (2005), впервые посетившего эту страну, заставил Китай обратить на нее большее внимание, сделав ставку на бывшую МНРП. Свою роль сыграли и регулярные визиты в эту страну китайского руководства. И в 2006 г. прозападная правящая коалиция раскололась. Но борьба за влияние в этой стране только началась. Неудивительно, что монгольские выборы нередко сопровождаются ожесточенными столкновениями. Это неудивительно, поскольку монгольский электорат склонен к попеременным колебаниям в сторону то МНП, то ДМП. А это противоборство отражается на судьбе ключевых монгольских сырьевых проектов. Тенденция у монголов проявилась достаточно очевидная: выставляя природные богатства яблоком раздора среди иностранцев, для которых монгольские сырьевые богатства всякий раз оказываются лишь пустынным миражом, добиваться от них максимально выгодных для себя условий.

Тем не менее у России положение менее прочное, чем у Китая и США. В планах значительной части монгольской элиты она имеет лишь значение раздражителя прочих игроков, особенно Китая. В силу в том числе коррупционной составляющей российские проекты оказываются на порядок дороже иностранных и не могут с ними конкурировать.

Запоздалая попытка России восстановить здесь свое влияние не привела к решающему успеху. Этому не помог даже приход к власти кабинета Санжийна Баяра, бывшего посла Монголии в РФ (2001–2005 гг.), имеющего большие связи в Москве. А там слишком легкомысленно отнеслись к броску на Улан-Батор. Там по-прежнему считали, что зажатая между старой союзницей Россией и агрессивным Китаем Монголия сделает неизбежный выбор в пользу северного соседа. Тем неожиданней для многих оказалось поведение этой страны, которую кое-кто готов был считать «большой Тывой», когда она отказалась передавать ранее обещанные российским компаниям месторождения, прекрасно понимая, что может добиться от иностранных компаний более выгодных условий.

Советские времена безвозвратно канули в прошлое, и России необходимо учиться выстраивать свои отношения с этой страной по-новому. Достаточно указать, что для участников деловых отношений с Монголией в России порой проблематично даже найти переводчика с монгольского. Еще совсем недавно на монгольской земле многие говорили на русском языке, от чего кое-кто в нашей стране еще не успел отвыкнуть.

Не последнюю роль играют и транспортные коммуникации. Вопрос в том, по каким каналам пойдет добытое сырье в порты, и здесь у России основная конкуренция с Китаем, который уже освоил свою еще недавно неразвитую приграничную зону с Монголией.

С точки зрения экономики китайский инфраструктурный проект, меньший по протяженности, считается предпочтительным. Учитывая уже имеющиеся пути от китайской Внутренней Монголии до порта Тяньцзинь, этот маршрут в два раза короче российского.

Кроме того, по чисто экономическим причинам, даже если китайские компании бы проиграли монгольские тендеры, все равно большая часть сырья пошла бы на ближайшие заводы в Поднебесную.

Соответственно, это влияет и на инфраструктурные проекты. Так, например, монгольская сторона готова была предоставить строительство железной дороги к месторождению Таван-Толгой на равных условиях российской и китайской сторонам. Поднебесная готова работать и на таких условиях, понимая, что основная масса добытого угля и так пойдет по уже выстроенной железной дороге с ее стороны, но это не устраивает Москву. Россия не уверена, что в этом случае сделка будет для нее выгодной. Китайская же сторона в попытке получить доступ к монгольским сырьевым активам готова едва ли не к любым правилам игры. В отличие от своих российских и западных конкурентов она может довольствоваться даже самыми малыми выгодами и идти на максимальные уступки.

Между тем борьба за монгольские недра предстоит нешуточная. На стороне США находится коалиция компаний Mongolian Investment Initiative (MII), интересы которой в Вашингтоне лоббирует концерн Venn Strategies.

Не случайно 9 июля 2012 г. Улан-Батор посетила глава Госдепартамента США Х. Клинтон. Ее визит символизировал открытую поддержку монгольским демократам. После встречи с местной политической элитой она запустила новый проект: «Лидеры, вовлеченные в новую демократическую сеть». Учитывая изменившуюся после выборов ситуацию в Монголии, следует ожидать усиления «сырьевой борьбы», которая, по словам президента страны Элбэгдоржа, может завершиться к концу года. Возможно, судьба контрактов по Таван-Толгою и Оюн-Толгою решится на Монгольском инвестиционном саммите, который будет проходить в Гонконге. Однако нельзя исключать, что впоследствии это решение в очередной раз может быть пересмотрено.

Тем не менее в Вашингтоне прекрасно понимают, что кто бы не получил монгольские тендеры, в выигрыше все равно останутся китайцы, которым неизбежно достанется в том или ином виде местное сырье. «Синофобия» в Монголии имеет место быть, но по экономическим показателям Пекин уже фактически завоевал страну. Достаточно отметить, что товарооборот Китая с Монголией превосходит соответствующие показатели Монголии с Россией и США в три с лишним раза.

Однако в долгосрочной перспективе Монголия фактически обречена на поглощение Китаем. Рано или поздно Монголия сделает свой выбор в пользу последнего, долговременная стратегия которого состоит в постепенном, но неотвратимом вовлечении соседей в орбиту своего влияния в первую очередь за счет экономических инструментов. Запад слишком далеко, чтобы помешать его планам. С другой стороны, кризис сказывается на нем гораздо сильнее, чем на Китае. Более того, в кризисных условиях, как показывает практика, Пекин оказывается в более выгодном положении для захвата сырьевых активов в развивающихся странах. Он вкладывает растущую денежную массу в производство, причем не только сырьевое. В России же и на Западе по мере дальнейшего развития кризиса желания вкладывать крупные средства в долгосрочные проекты будет все меньше.

В настоящий момент, большие изменения во внешнеполитической стратегии монгольского руководителя Ц. Элбэгдоржа будут связаны с прошедшей 23 июня 2016 г. в Ташкенте в рамках юбилейных торжеств по случаю 15-летия образованию Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) трехсторонней встрече с лидерами России и Китая и подписанием долгосрочных перспективных договоров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Монголии и монгольской государственности имеет богатую историографию в мировом монголоведении и по-новому рассматривается в конце XX — начале XXI в. На рубеже тысячелетий тенденции пересмотра многовековой истории монголоязычных народов связаны с кардинальными изменениями в экономической, социально-политической, религиозной и мировоззренческой областях развития этносов Евразии.

Монгольский народ имеет глубокую историю. Это подтверждается археологическими раскопками, древними эпическими сказаниями, большим блоком письменных источников. Мы отмечаем, что исторический период древности Монголии связан с руническими и китайскими документальными источниками, где раскрывается процесс формирования более чем семьсот лет тому назад монгольской народности, а в рамках этих государственно-этнических процессов, которые шли параллельно, возникновение в XIII в. монгольской государственности.

С периода образования государства чингисидов в монголоведной науке появляется большой блок литературы на монгольском, китайском, армянском, персидском, санскрите, европейских, славянских, маньчжурском и других языках.

Характеристика монгольского общества периода древности и средневековья во многом зависит от избранной методологии, так как в современной монголоведной историографии наблюдается большое количество различного рода теорий, которые дополняют, обогащают друг друга, а зачастую просто противоречат. Поэтому в методологическом плане необходимо различать письменные источники, созданные летописателями в разные временные отрезки, в различных исторических условиях. Объективность хрониста зачастую определяется его принадлежностью к различным социальным слоям того общества, которое он характеризует. В монголоведной историографии четко различаются письменные источники, созданные конфуцианскими китайскими летописцами, европейскими путешественниками, среднеазиатскими авторами. Своеобразный взгляд на монгольскую историю отражают произведения, созданные в степной среде, изложенные на старомонгольском, тюркском, маньчжурском и других языках.

Важным историографическим фактом является то, что в результате постоянных военных столкновений и операций менялись границы образованных обществ, а также характеристики описываемых событий, переписывались династийные хроники, особенно в период «цензурных репрессий». Поэтому трудно говорить о полном восстановлении реальной картины многообразной истории монгольского народа, монгольской государственности.

История государственности на территории Монголии и подвластных чингисидам покоренных территориях характеризуется разнообразием форм организации: от племенных союзов и каганатов — ранних государств — до единого монгольского централизованного государства и мировой империи ЙЕКЭ МОНГОЛ УЛС, периодом «малых ханств», или постимперским этапом, антиманьчжурской национально-освободительной борьбой, периодом автономии в начале XX в.

Особый интерес вызывает история Монгольской Народной Республики. Опыт «некапиталистического развития» МНР в период строительства социализма полностью не изучен, не оценен. Из-за сложных проблем в начале XXI в. необходим историко-политологический подход к современной истории страны.

Образование ранней государственности промонгольских народов способствовало коренным изменениям в жизни кочевников. Внутри древнемонгольских племен ускоряется процесс имущественной и социальной дифференциации. Происходит выделение наиболее сильных в военно-экономическом отношении племен, формируются новые государственные и этноязыковые центры.

Ранняя история народов и государственных монголоязычных образований Центральноазиатского ареала, происходившая вдали от Европы в синхронные исторические периоды, характеризуется, с одной стороны, множеством военных конфликтов, созданием на руинах одного государства другого, с другой — более длительными, нежели периоды военных конфликтов, временами мира и порядка, торговли и сотрудничества между различными народами и государствами. Гибель государства не означала полного исчезновения завоеванных народов. Опыт предшествующих государств учитывался новыми государственными образованиями.

Монголы как представители кочевой цивилизации, насчитывающей тысячелетнюю историю (начиная от гуннов вплоть до чжурчженей), в своей объединительной и экспансионистской политике руководствовались историческим опытом государственности в формах, известных в ранних государствах Центральной Азии.

Созданию единого государства монголов в эпоху средневековья предшествовал длительный период эволюции протомонгольского общества и исторических форм государственности, характерных для опыта кочевой цивилизации в целом. Собранные воедино, они в полной мере отражали своеобразие исторического пути государственности кочевников. С другой стороны, средневековая государственность монголов развивалась в непосредственном контакте и взаимопроникновении, взаимовлиянии разных культур, особую роль в этом процессе играли земледельческие цивилизации. Выход на широкую международную арену монголов, объединенных выдающимся полководцем и государственным стратегом, политиком Чингисханом, был предопределен конкретными предпосылками.

Средневековая монгольская государственность формировалась медленно и постепенно на основе многовекового политического опыта государств Центрально-Азиатского региона. Для идеологического закрепления в регионе могущества Монгольского государства кроме военного искусства, развитой военно-стратегической теории и ясности идей, которыми руководствовался в своей завоевательной политике основоположник государства Чингисхан, существовала необходимость постоянного развития государственной философии, идеологии, совершенствования форм управления государственных институтов. Все это получило воплощение в «Великой Ясе Чингисхана» (Йеке Дзасаг), классического закона, закрепляющего государственно-правовые нормы и государственность политической организации общества кочевников Центральной Азии периода средневековья и Нового времени.

Опыт создания, развития и расцвета средневековой монгольской государственности имеет важное историческое значение, особенно для государств евразийского историко-культурного ареала. Что касается истории государственности на просторах Евразии, то, будучи наследницей монгольской, государственность российская станет тем более понятна, чем глубже и объективнее будет в дальнейшем изучена многовекторная страница средневековой и новой истории монгольского народа.

В рамках этого процесса бесценный опыт отражают труды российских и зарубежных евразийцев прошлого и настоящего. Ценность монгольского опыта заключается в том, что он запечатлен в разнообразных письменных источниках на раз-

ных языках, доступных для изучения, в отличие от истории более ранних государств.

Опыт создания мировой империи монголами, опустошительные захватнические войны, которые вели монголы в XIII–XV вв., надолго задержали развитие производительных сил и культуры не только народов завоеванных им стран, но и самого монгольского народа. Это в конечном счете обусловило длительную экономическую и политическую раздробленность Монголии.

В конце XIV — начале XV в. монголы расселены на огромной территории — от Байкала и предгорьев Хингана на востоке до Тяньшаня на западе, от верховьев Иртыша и Енисея на севере, до Великой китайской стены на юге. Авторитет всемонгольского хана, особенно после падения юаньской династии, стал быстро падать. Ханский престол все более и более превращался в орудие групповой борьбы между различными кланами чингисидов, свергавших с трона и убивавших одних ханов для того, чтобы посадить на трон других, более удобных им ханов.

В 1372 г. в Монголию вторглись войска минской династии, в результате чего монгольские ханы потерпели поражение. Китайские источники свидетельствуют, что в конце XIV в., после 1388 г., на протяжении 12 лет в Монголии сменилось пять ханов, каждый из которых в результате дворцового переворота был свергнут с престола и уничтожен своими противниками. Постимперский период, или «период малых ханств», в Монголии начался в конце XIV в.

В конце XIV — начале XV в. происходили длительные междоусобные войны между западными и восточными феодалами Монголии, одной из решающих причин которых было прекращение торговых связей между монгольскими княжествами и Китаем. В ходе этой борьбы ойратские феодальные ханы вышли из подчинения всемонгольскому хану, ставка которого находилась на востоке. Минская династия вначале весьма одобрительно отнеслась к стремлению ойратских ханов сблизиться с Китаем. Она рассчитывала использовать их для борьбы против феодалов Восточной Монголии. В начале XV в. страна фактически распалась на две части, каждой из которых управлял свой правитель.

В течение всего XV в. наблюдалась, с одной стороны, не прекращавшаяся борьба между феодалами запада и востока, а с другой — систематические вооруженные набеги монгольских феодалов на пограничные районы Китая.

В 1479 г. ханский престол занял Бату-Мункэ (1460–1543), известный в истории под именем Даян-хана. В годы его правления была предпринята вторая попытка преодолеть раздробленность и объединить страну под властью всемонгольского хана. В середине и второй половине XVI в. в Южной Монголии произошли знаменательные события, связанные с внуком Даян-хана, известным под именем Алтан-хана тумэтского (1507–1582 гг.). Среди монгольских феодалов он первым объявил желтошапочный ламаизм официальной религией и положил начало распространению буддизма в стране.

Новый этап в истории Монголии охватывает период XVII–XVIII вв. — время расцвета «малых ханств». Он характеризуется существованием нескольких монгольских государственных образований, ханы которых вели себя по-разному в условиях обострения обстановки в стране и ухудшения отношений с соседними странами.

Южная Монголия, где ведущую роль играло Чахарское ханство, делилось на ряд мелких ханств. В Халха-Монголии находились Тушету-ханство, Сэцэн-ханство, Дзасакту-ханство, а также появившееся в конце XVII в. Сайн-ноён ханство. Нельзя не упомянуть государство Алтан-ханов, существовавшее на протяже-

нии всего XVII в. в районе Увса-нора в Западной Халхе. В Западной Монголии в самом начале XVII в. возникло крупное Ойрато-Джунгарское ханство. Все они являлись феодально-теократическими государствами; между ними нередко вспыхивали раздоры, приводившие к междоусобицам, конфликтам, что затрудняло создание единого общемонгольского союза.

XVII–XVIII вв. — время возвышения маньчжурской Цинской династии, создавшей на территории нынешнего Северо-Восточного Китая Маньчжурское военно-феодальное государство. Наблюдалась цинская экспансия в монгольском мире, расколотом на многочисленные самостоятельные объединения. Монгольскому народу приходилось в трудных условиях отражать натиск цинов, отстаивая свою независимость. В ходе национально-освободительного движения стали известными имена видных руководителей-патриотов, таких как Лигдэн-хан, Цогт-тайджи, Галдан-Бошокту-хан, Амарсана, Чингужав и другие.

Маньчжурское иго губительным образом отразилось на благосостоянии монгольского народа. К концу маньчжурского господства наличие стотысячной армии лам, давших обет безбрачия, приводило к неизбежному падению браков и рождений. С другой стороны, в Монголии находилась многотысячная колония китайских купцов-ростовщиков и их служащих, проживавших в стране временно и без семей. Все это отрицательно влияло на монгольскую семью. Китайский торгово-ростовщический капитал губительным образом сказался на экономике Монголии.

В период вхождения мировой экономики в империалистическую стадию цинская династия сама становится объектом притязаний со стороны быстрорастущих империалистических государств. Главными претендентами на господство в Монголии, входившей в маньчжурское китайское государство, выступали Япония и царская Россия. Помимо них активное участие в борьбе за господство в Монголии принимали и другие империалистические государства, особенно США и Англия, каждая из которых стремилась закрепить монгольский рынок за собой.

В 1911 г. в результате подъема национально-освободительного движения монгольского народа было свергнуто более чем двухвековое господство маньчжурских завоевателей и провозглашено независимое монгольское государство, неограниченным монархом которого был объявлен глава ламаистской церкви в Монголии Богдо-гэгэн Джебцун-Дамба-хутухта. Основу внешней политики монгольского государства после провозглашения независимости составляла борьба за международное признание ее суверенитета. Монгольские правящие круги стремились создать объединенное государство, включавшее Халху, Западную Монголию и княжества Внутренней Монголии. В период феодально-теократической монархии продолжала усиливаться эксплуатация аратства, постоянно возрастала сумма податей и налогов.

Необычайно затянувшийся процесс феодальной раздробленности, приведший к потере страной политической независимости и установлению маньчжурского ига, явился одной из решающих причин социально-экономического и культурного отставания Монголии в начале XX в.

Краткий период существования монгольской феодально-теократической монархии (1911–1919) занимает важное место в истории страны. Возрождение монгольской государственности послужило дальнейшему подъему национального самосознания монгольского народа. В результате явного вмешательства империалистических держав и реакционной политики правящих кругов феодально-теократической монархии Монголия на этом этапе не добилась полной независимости.

Несмотря на многочисленные трудности и невзгоды монгольского народа в период средневековья и Нового времени, сохранившиеся многочисленные памятники прошлого свидетельствуют о том, что монгольский этнос на протяжении многих столетий создавал богатую самобытную культуру, которая по праву входит в сокровищницу мировой культуры, является памятником многовековой кочевой культуры.

Период некапиталистического развития Монгольской Народной Республики (1921–1980) связан с национально-демократической революцией 1921 г., болезненным переходом от монархии к республике, реформами феодального и аратского хозяйства в 1920-е годы, выбором путей развития страны, политическими репрессиями оппонентов, совместной победой совместно с войсками РККА на р. Халхин-Гол над японскими милитаристами, всемерной помощью и поддержкой Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, построением основ социализма в 1940–1952 гг., вхождением МНР в ООН в 1961 г., периодом строительства социализма (1953–1984) — все это приобщало монгольских аратов к вершинам мировой культуры и науки, построению цивилизованного общества.

Этот период отмечался массовыми репрессиями, уничтожением буддийской религии, отказом от старомонгольской письменности, который во многом прервал преемственность мировоззренческой, духовной культуры аратов, созданной на протяжении XIII — нач. XX в.

В XXI в. суверенная Монголия, не входящая ни в один политический блок, успешно развивает политику «третьего соседа», возвращает исконные многовековые традиции проживания кочевых народов, проводит наряду с модернизацией экономики политику «реномадизации».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Опубликованные источники

1. Библиография работ по Монголии: указатель книг и статей. 1962. Вып. 1; 1963. Вып. 2, 3; 1977. Вып. 5. Улан-Батор, 1962–1975.
2. Библиография по советскому монголоведению. Москва, 1987.
3. Материалы по истории русско-монгольских отношений (1607–1636). Москва, 1959.
4. Материалы по истории русско-монгольских отношений (1636–1654). Москва, 1974.
5. Материалы по истории русско-монгольских отношений (1654–1685). Москва, 1996.
6. Материалы по истории русско-монгольских отношений (1685–1691). Москва, 2000.
7. Международные отношения в Центральной Азии в XVII–XVIII вв.: документы и материалы. Кн. 1 и 2. Москва, 1998.
8. Монголия в трудах ученых Восточной Сибири: библиографический указатель (1974–1982). Иркутск, 1988.
9. Очерки по истории русского востоковедения. Т. 1. Москва, 1953; Т. 2. Москва, 1956; Т. 3. Москва, 1960; Т. 4. Москва, 1959; Т. 5. Москва, 1960; Т. 6. Москва, 1963.
10. Русский консул в Монголии: отчет Я. П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Иркутск, 2001.
11. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы (1608–1683). Москва, 1969. Т. 1.
12. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы (1608–1691). Москва, 1972. Т. 2.
13. Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы (1700–1725). Москва, 1978. Т. 1.
14. Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы (1725–1727). Москва, 1990. Т. 2.
15. Русско-китайские отношения, 1689–1916 годы: официальные документы. Москва, 1958.
16. Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сборник документов. Москва, 1959.
17. Русско-монгольские отношения. 1636–1654: сборник документов. Москва, 1974.
18. Русско-монгольские отношения. 1654–1685: сборник документов. Москва, 1996.
19. Русско-монгольские отношения. 1685–1691: сборник документов. Москва, 2000.
20. Указатель библиографический по монголоведению. 1824–1960. Ленинград, 1962.
21. Халха Джирум: памятник монгольского права XVII в. / сводный текст и пер. Ц. Жамцарано. Москва, 1965.
22. Цааджин бичиг (Монгольское Уложение). Москва, 1998.

Информационные материалы и библиографические сборники

1. Библиография по советскому монголоведению (1897–1991) / сост. Е. В. Бойкова. Москва, 1992.
2. Библиография по российскому монголоведению (1992—1997). Москва, 1997.

Литература

1. Абаева Л. Л. Культ гор и буддизм в Бурятии / Л. Л. Абаева. Москва, 1992.
2. Абай-Гэсэр могучий. Бурятский героический эпос. Москва, 1995.
3. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. Москва, 1969; 2-е изд. Хабаровск, 1984.
4. Алпатов В. М. Николай — Николас Поппе / В. М. Алпатов. Москва, 1996.
5. Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма / Б. В. Базаров. Улан-Удэ, 2002.
6. Базаров Б. В. Чингис-хан и исторические проблемы монголосферы / Б. В. Базаров // Чингисхан и судьбы народов Евразии: материалы международной конференции. Улан-Удэ, 2003. С. 24–36.
7. Базаров Б. В. Введение: кочевники, монголосфера и цивилизационный процесс / Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 3–18.
8. Балданжапов П. Б. «Altan tobci». Монгольская летопись XVIII в. / П. Б. Балданжапов; исследование, пер. и прим., монг. текст. Улан-Удэ, 1970.
9. Балданжапов П. Б. Сауан тейке — «Белая история» — монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. / П. Б. Балданжапов, Ц. П. Ванчикова; сост. критического текста и пер. «Белой истории» П. Б. Балданжапова, исследование, сост. коммент., подготовка текста «Белой истории» к публикации, пер. и коммент. к «Шастре хана Чакравартина» и «Шастре Орунга» Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ, 2001.
10. Банзаров Д. Собр. соч. / Д. Банзаров. 2-е изд., доп. Улан-Удэ, 1997.
11. Барадин Б. Б. Буддийские монастыри / Б. Б. Барадин // Orient. Санкт-Петербург, 1992.
12. Барадин Б. Б. Жизнь в Тангутском монастыре Лавран: дневник буддийского паломника (1906–1907 гг.) / Б. Б. Барадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002.
13. Бартольд В. В. 1963–1977. Соч. / В. В. Бартольд. Т. 1-8.
14. Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946) / О. Батсайхан. Иркутск; Улан-Удэ, 2014.
15. Батуев Б. Б. Базыр Барадин / Б. Б. Батуев // Неизвестные страницы истории Бурятии. Улан-Удэ, 1991. Вып. 1. С. 6–21.
16. Батуев Б. Б. Очерк истории селенгинских бурят / Б. Б. Батуев, И. Б. Батуева. Улан-Удэ, 1994.
17. Батуева Т. Б. Народы Сибири в трудах западноевропейских исследователей XVII–XIX вв. / И. Б. Батуева. Улан-Удэ, 1995.
18. Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.) / Е. А. Белов. Москва, 1999.
19. Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.) / Ш. Бира. Москва, 1978.
20. Биткеев Н. Ц. Джангар / пер. Н. Ц. Биткеева. Москва, 1990.
21. Бичурин Н. Я. (Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова, переведено с китайского монахом Иакинфом / Н. Я. Бичурин (Иакинф). Санкт-Петербург, 1829.

22. Бичурин Н. Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с 14-го столетия до настоящего времени / Н. Я. Бичурин (Иакинф). Санкт-Петербург, 1834.
23. Бичурин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин (Иакинф). Москва, 1950. Т. 1.
24. Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка / А. А. Бобровников. Казань, 1854.
25. Бобровников А. А. Джангар. Народная калмыцкая сказка / А. А. Бобровников. Казань, 1854.
26. Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии / А. В. Бурдуков. Москва, 1969.
27. Ванчикова Ц. П. «Сауан теуке» — «Белая история» — монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. / Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ, 2001.
28. Васильев Л. С. История религий Востока / Л. С. Васильев. Москва, 1999.
29. Вернадский Г. В. История Руси / Г. В. Вернадский. Москва, 1996–1997. Т. 1–5.
30. Вернадский Г. В. Монголы и Русь / Г. В. Вернадский; пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой. Тверь; Москва, 1999.
31. Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры / Л. Л. Викторова. Москва, 1980.
32. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б. Я. Владимирцов. Ленинград, 1934.
33. Владимирцов Б. Я. Чингис-хан / Б. Я. Владимирцов. Улан-Удэ, 1995.
34. Владимирцов Б. Я. – выдающийся монголовед XX века. Материалы российско-монгольской научной конференции, организованной с 6 по 8 октября 2014 года / Б. Я. Владимирцов. Санкт-Петербург – Улаанбаатар, 2014.
35. Выдающиеся бурятские деятели XVII–XX вв. Улан-Удэ, 1989. Вып. 1–8.
36. Галдан. История монголов, именуемая «Эрдэнийн эрихэ» / Галдан; исслед. и коммент. пер. на рус. яз. П. Б. Балданжапова; введ., подг. к публикации, доп., пер. глав 45–47 Ц. П. Ванчиковой. Улан-Батор; Улан-Удэ, 2012. 442 с.
37. Ганжуров В. Ц. Россия и Монголия (на трудном пути реформ) / В. Ц. Ганжуров. Улан-Удэ, 1997.
38. Ганжуров В. Ц. Россия и Монголия (история, проблемы, современность) / В. Ц. Ганжуров. Улан-Удэ, 1997.
39. Гирченко В. А. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах / В. А. Гирченко. Улан-Удэ, 1939.
40. Гольман М. И. Проблемы новейшей истории МНР в буржуазной историографии США / М. И. Гольман. Москва, 1970.
41. Гольман М. И. Изучение истории Монголии на Западе (XIII — середина XX вв.) / М. И. Гольман. Москва, 1988.
42. Гольман М. И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е — середина 90-х годов XX века / М. И. Гольман. Москва, 2004.
43. Гольман М. И. Избранные статьи и доклады / М. И. Гольман. Улан-Батор, 2014.
44. Горохова Г. С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (XVII–XX вв.) / Г. С. Горохова. Москва, 1980.
45. Грайворонский В. В. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР) / В. В. Грайворонский. Москва, 1979.
46. Грайворонский В. В. Современное аратство Монголии: социальные проблемы переходного периода (1980–1995) / В. В. Грайворонский. Москва, 1997.
47. Груссе Р. Чингис-хан, покоритель Вселенной / Р. Груссе. Москва, 2000.
48. Гумилев Л. Н. Древние тюрки / Л. Н. Гумилев. Москва, 1967.

49. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства / Л. Н. Гумилев. Москва, 1970.
50. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. Ленинград, 1989.
51. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь / Л. Н. Гумилев. Москва, 1997. Вып. 7.
52. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — I-й половине XIX в. / Б. П. Гуревич. Москва, 1979.
53. Далай Ч. Монголия в XIII–XIV вв. / Ч. Далай. Москва, 1983.
54. Дамдинов А. В. Агван Доржиев: дипломат, политический, общественный и религиозный деятель / А. В. Дамдинов. Улан-Удэ, 1999.
55. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX в. / Е. М. Даревская. Иркутск, 1994.
56. Дашыцен В. Г. История российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX в. / В. Г. Дашыцен. Красноярск, 2000.
57. Оссон К. Д. История монголов от Чингис-хана до Тамерлана / К. Д. Оссон; пер. и предисл. Н. Кузьмина. Иркутск, 1937. Т. 1.
58. Доржиев Ж. Д. Гомбожаб Цыбиков / Ж. Д. Доржиев, А. М. Кондратов. Иркутск, 1990.
59. Дугаров В. Д. Военное дело кочевников Байкальского региона в период средневековья / В. Д. Дугаров, В. М. Мясников. Улан-Удэ, 2003.
60. Дугаров В. Д. Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XIX вв. (историография вопроса) / В. Д. Дугаров. Улан-Удэ, 2004.
61. Дугаров В. Д. Генезис бурятского монголоведения в российском востоковедении в период XIX — нач. XX в. / В. Д. Дугаров. Улан-Удэ, 2008.
62. Дугаров В. Д. Курс лекций по истории Монголии (эпоха древности — начало XX в.) / В. Д. Дугаров, А. В. Голых. Улан-Удэ, 2009. 255 с.
63. Дугаров В. Д. Российская историография истории Монголии / В. Д. Дугаров. Улан-Удэ, 2015. 376 с.
64. Дылыков С. Д. Халха Джирум: памятник монгольского феодального права XVIII в. Сводный текст и перевод Ц. Ж. Жамцарано / С. Д. Дылыков; подг. к изданию, ред., пер., введение и прим. С. Д. Дылыкова. Москва, 1965.
65. Дылыков С. Д. Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст. Транслитерация сводн. ойрат. текстов, реконстр. монг. текст. и его транслитерация / С. Д. Дылыков; пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. Москва, 1981.
66. Дылыков С. Д. Цааджин Бичиг («Монгольское уложение»). Цинское законодательство для монголов 1627–1694 гг. / С. Д. Дылыков; монг. текст, введ., транслит. монг. текста, пер. и коммент. С. Д. Дылыкова. Москва, 1998.
67. Единархова Н. Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.) / Н. Е. Единархова. Иркутск, 2003.
68. Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. / И. С. Ермаченко. Москва, 1974.
69. Жабаева Л. Б. Элбэк-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов / Л. Б. Жабаева. Улан-Удэ, 2001.
70. Жамцарано Ц. Ж. Описание личного архива Ц. Ж. Жамцарано / Ц. Ж. Жамцарано. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 94 с.
71. Железняков А. С. Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / А. С. Железняков; Институт социологии РАН. Москва, 2008.
72. Жуковская Н. Л. О буддизме и буддистах. Статьи разных лет / Н. Л. Жуковская. Москва: Ориенталия, 2013. 480 с.

73. Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии / И. Я. Златкин. Москва, 1957.
74. Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI–XIII вв. / Б. Р. Зориктуев. Улан-Удэ, 1996.
75. Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI — начале XVII века / Б. Р. Зориктуев. Улан-Удэ, 1997.
76. История Монгольской Народной Республики. Москва, 1954.
77. История Монгольской Народной Республики. 2-е изд. Москва, 1968.
78. История Монгольской Народной республики. 3-е изд. Москва, 1983.
79. История отечественного востоковедения до середины XIX в. Москва, 1990.
80. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. Москва, 1997.
81. История Монголии. XX век. Москва: ИВ РАН, 2007.
82. Ишжамц Н. Образование единого Монгольского государства и установление феодализма в Монголии (XI — сер. III в.): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Н. Ишжамц. Москва, 1972.
83. Кара Д. Книги монгольских кочевников / Д. Кара. Москва, 1972.
84. Ким Н. В. Доржи Банзаров: биографический очерк / Н. В. Ким. Улан-Удэ, 1992.
85. Кляшторный С. Г. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. Санкт-Петербург, 2000.
86. Ковалевский О. М. Монгольская хрестоматия / О. М. Ковалевский. Казань, 1836, 1837. Т. 1–3.
87. Козин С. А. Гэсэриада / С. А. Козин. Москва; Ленинград, 1935.
88. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. / С. А. Козин. Москва, 1941.
89. Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье) / П. Б. Коновалов. Улан-Удэ, 2000.
90. Конрад Н. И. Запад и Восток / Н. И. Конрад. Москва, 1972.
91. Коростовец И. Я. Китайцы и их цивилизация / И. Я. Коростовец. Санкт-Петербург, 1898.
92. Коростовец И. Я. Россия на Дальнем Востоке / И. Я. Коростовец. Пекин, 1922.
93. Коростовец И. Я. От Чигис-хана до Советской республики (Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). Улан-Батор: Соембо принтинг, 2013. 427 с.
94. Котвич В. Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии / В. Л. Котвич. Санкт-Петербург, 1914.
95. Котвич В. Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. / В. Л. Котвич. Петроград, 1921.
96. Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики) / Н. Н. Крадин. Владивосток, 1992.
97. Крадин Н. Н. Альтернативные пути к цивилизации / Н. Н. Крадин [и др.] Москва, 2000.
98. Крадин Н. Н. Политическая антропология / Н. Н. Крадин. Москва, 2001.
99. Крадин Н. Н. Империя Хунну / Н. Н. Крадин. 2-е изд. Москва, 2002.
100. Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV веков / Ю. В. Кривошеев. Санкт-Петербург, 1999.
101. Кузнецов В. С. Амурсана / В. С. Кузнецов. Новосибирск, 1980.
102. Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая пол. XIX в.) / В. С. Кузнецов. Новосибирск, 1983.

103. Кузнецов В. С. Нурхаи / В. С. Кузнецов. Новосибирск, 1986.
104. Кузьмин Ю. В. Монгольский и урянхайский вопросы в общественной мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX в.) / Ю. В. Кузьмин. Иркутск, 1996.
105. Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX в.) / Ю. В. Кузьмин. Иркутск, 1997.
106. Кузьмин Ю. В. Иркутское монголоведение: 1725–2004 гг.: исследователи и книги / Ю. В. Кузьмин. Иркутск, 2004.
107. Кузьмин Ю. В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.) / Ю. В. Кузьмин, В. В. Свинин. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014.
108. Курс лекций по истории Монголии (эпоха древности — начало XX в.) / сост. В. Д. Дугаров, А. В. Голых, Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009.
109. Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошукту-хане / Е. И. Кычанов. Новосибирск, 1980.
110. Кычанов Е. И. Абахай / Е. И. Кычанов. Новосибирск, 1986.
111. Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир / Е. И. Кычанов // Чингис-хан: личность и эпоха. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 1995.
112. Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров / Е. И. Кычанов. Москва, 1997.
113. Ламаизм в Бурятии (XVII — начало XX в.). Новосибирск, 1983.
114. Лиштованный Е. И. Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX в. — 30-е гг. XX в.) / Е. И. Лиштованный. Улан-Удэ, 1998.
115. Лиштованный Е. И. Россия и Монголия в XX в.: региональный опыт взаимоотношений (на материалах Восточной Сибири): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Е. И. Лиштованный. Иркутск, 1998.
116. Лиштованный Е. И. Монголия в истории Восточной Сибири (XVII — начало XX в.) / Е. И. Лиштованный, Иркутск, 2001.
117. Лиштованный Е. И. От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии / Е. И. Лиштованный. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. — 195 с.
118. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи / Данзан Лубсан. Москва, 1973.
119. Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. / С. Г. Лузянин. Москва, 2000.
120. Майский И. М. Современная Монголия / И. М. Майский. Иркутск, 1921.
121. Майский И. М. Монголия накануне революции / И. М. Майский. 2-е изд. Москва, 1960.
122. Маньчжурское владычество в Китае. Москва, 1966.
123. Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации / Г. Е. Марков. Москва, 1976.
124. Марков Г. Е. Из истории изучения номадов Востока / Г. Е. Марков. Москва, 1998.
125. Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв. Документы и материалы / сост. Б. П. Гуревич, В. А. Моисеев. Кн. 1; Кн. 2. Москва, 1989.
126. X Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 2011 г.). Москва, 2011.
127. Мелихов Г. В. Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.) / Г. В. Мелихов. Москва, 1974.
128. Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов / С. Д. Милибанд. Москва, 1995. Т. 1-2.

129. Митыпова Г. С. Православные храмы Западного Забайкалья (XVII–XX вв.) / Г. С. Митыпова. Улан-Удэ, 1998.
130. Михалев А. В. Монголия в большой игре XXI века. Борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы / А. В. Михалев. Улан-Удэ, 2013.
131. Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. / В. А. Моисеев. Москва, 1983.
132. Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. / В. А. Моисеев. Барнаул, 1998.
133. Монголоведные исследования. Улан-Удэ, 1996. Вып. 1.
134. Монголоведные исследования. Улан-Удэ, 1998. Вып. 2.
135. Монголоведные исследования. Улан-Удэ, 2000. Вып. 3.
136. Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 1–3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004–2008.
137. Мункуев Н. Ц. Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Н. Ц. Мункуев; факсимиле ксилографа, пер. с кит., введ., коммент. и прилож. Москва, 1975.
138. Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах. Татаро-монголы в Азии и Европе / Н. Ц. Мункуев; отв. ред. С. Л. Тихвинский. 2-е изд. Москва, 1977.
139. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. / В. С. Мясников. Москва, 1980.
140. Насилов А. Д. «Восемнадцать степных законов» — памятник монгольского феодального права XVI–XVII вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / А. Д. Насилов. Ленинград, 1987.
141. Наумов И. В. История Сибири / И. В. Наумов. Иркутск, 2003.
142. Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII — первая половина XIX века / О. Е. Наумова. Иркутск, 1996.
143. Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история / Д. Д. Нимаев. Улан-Удэ, 2000.
144. Новгородова Э. А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории) / Э. А. Новгородова. Москва, 1989.
145. Ням-Осор Н. Монгольское государство и государственность в XIII–XIV вв. / Н. Ням-Осор. Улан-Удэ, 2003.
146. Ольденбург Сергей Федорович: сборник статей. Москва, 1986.
147. Орлова К. В. Проблема христианизации калмыков в контексте внутренней и внешней политики России: середина XVII – начало XX века / К. В. Орлова. Москва, 2007.
148. Петров А. А. Доржи Банзаров / А. А. Петров. Иркутск, 1975.
149. Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак / Д. П. Першин. Самара, 1999.
150. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу / А. М. Позднеев. Санкт-Петербург, 1887; Элиста, 1993.
151. Полянская О. Н. Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX века) / О. Н. Полянская. Улан-Удэ, 2001.
152. Попова Л. П. Общественная мысль Монголии в эпоху «пробуждения Азии» / Л. П. Попова. Москва, 1987.
153. Родионов В. А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века / В. А. Родионов. Улан-Удэ, 2009.
154. Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука: сборник научных трудов / сост. Ю. В. Кузьмин. Кн. 1–6. Иркутск; Улан-Батор, 2013, 2014, 2015, 2016.

155. Рошин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.) / С. К. Рошин. Москва, 1999.
156. Рошин С. К. Унгерн в Монголии / С. К. Рошин // Восток. 1998. № 6.
157. Сазыкин А. Г. Монголоведение / А. Г. Сазыкин // История отечественного востоковедения до середины XIX века. Москва, 1990. С. 274–284.
158. Санжиев Б. С. Доржи Банзаров. Изучение научного наследия (К 170-летию со дня рождения) / Б. С. Санжиев. Иркутск, 1992.
159. Скачков П. Е. Очерки русского китаеведения / П. Е. Скачков. Москва, 1977.
160. Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI — начало XX в. / Т. Д. Скрынникова. Новосибирск, 1988.
161. Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана / Т. Д. Скрынникова. Москва, 1997.
162. Слесарчук Г. И. Статья разных лет / Г. И. Слесарчук. Улан-Батор, 2013.
163. Советское монголоведение (1917–1987). Москва, 1987.
164. Старцев А. В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX — начало XX в.) / А. В. Старцев. Барнаул, 2003.
165. Токарев С. А. История русской этнографии (дооктябрьский период) / С. А. Токарев. Москва, 1966.
166. Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблемы исторической преемственности / В. В. Трепавлов. Москва, 1993.
167. Улымжиев Д. Б. Бурятский ученый-востоковед Галсан Гомбоев (1818–1863) / Д. Б. Улымжиев. Улан-Удэ, 1993.
168. Улымжиев Д. Б. Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов / Д. Б. Улымжиев. Улан-Удэ, 1994.
169. Улымжиев Д. Б. Библиография литературы о Доржи Банзарове (после 1955 г.) / Д. Б. Улымжиев // Доржи Банзаров. Собр. соч. 2-е изд., доп. Улан-Удэ, 1997.
170. Улымжиев Д. Б. Монголоведение в России во второй половине XIX — начале XX в.: Петербургская школа монголоведов / Д. Б. Улымжиев. Улан-Удэ, 1997.
171. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды / Г. А. Федоров-Давыдов. Москва, 1973.
172. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. 3-е изд. Алматы, 2000.
173. Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв. / Э. Хара-Даван. 2-е изд. Элиста, 1991.
174. Халхин-Гол, 1939 год в мировой истории и международных отношениях: история, историография, концепции / сост. Ю. В. Кузьмин, Н. Н. Пузыня. Иркутск: Изд-во ВСГАО, 2014.
175. Хохлов А. Н. А. В. Игумнов — составитель первого в России большого монгольско-русского словаря / А. Н. Хохлов // VI Международный конгресс монголоведов. Москва, 1992.
176. Хохлов А. Н. Попытка подготовки переводчиков в России для содействия торговле с Китаем и Монголией (вторая половина XIX — начало XX в.) / А. Н. Хохлов // Восток и Россия: взгляд из Сибири. Иркутск, 1996.
177. Хохлов А. Н. Духовная миссия в Пекине и начало российского монголоведения (Путешествие и труды Н. Я. Бичурина) / А. Н. Хохлов // Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). Казань, 2004. С. 9–43.
178. Цендина А. Д. Структурные и сюжетно-стилистические особенности монгольских летописей XVII–XIX вв. / А. Д. Цендина. Москва, 2004.

179. Изучение «Сокровенного сказания» в МНР / А. Д. Цендина // Mongolika. К 750-летию «Сокровенного сказания». Москва, 1993. С. 54–87.
180. Центральная Азия и соседние территории в Средние века. Новосибирск, 1990.
181. Цыбиков Б. Д. Бурятские ученые национал-демократы / Б. Д. Цыбиков. Улан-Удэ, 2003.
182. Цыбиков Г. Ц. Избранные труды: в 2 т. / Г. Ц. Цыбиков. Т. 1: Буддист-паломник у святынь Тибета. Новосибирск, 1991.
183. Цыбиков Г. Ц. Избранные труды: в 2 т. / Г. Ц. Цыбиков. Т. 2: О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. Новосибирск, 1991.
184. Чимитдоржиев Ш. Б. Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII–XVIII вв.) (Маньчжурская экспансия и борьба монголов за свободу и независимость родины) / Ш. Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ, 1974.
185. Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России. XVII–XVIII вв. / Ш. Б. Чимитдоржиев. Москва, 1978.
186. Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. / Ш. Б. Чимитдоржиев. Москва, 1979.
187. Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия / Ш. Б. Чимитдоржиев. Москва, 1987.
188. Чимитдоржиев Ш. Б. Бурятские летописи / Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. Ванчикова (Пурбуева). Улан-Удэ, 1995.
189. Чимитдоржиев Ш. Б. Российские монголоеды (XVII — начало XX в.) / Ш. Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ, 1997.
190. Чимитдоржиев Ш. Б. Выдающиеся бурятские деятели / Ш. Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ, 1999. Вып. 1-8.
191. Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. / Ш. Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ, 2002.
192. Шамо́в Г. Ф. Профессор О. М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности / Г. Ф. Шамо́в. Казань, 1983.
193. Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVIII в. / Н. П. Шастина. Москва, 1958.
194. Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX–XX вв. / Б. Ширендыб. Улан-Батор, 1963.
195. Ширендыб Б. Минюта капитализм / Б. Ширендыб. Улан-Батор, 1967.
196. Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 года / Б. Ширендыб. Москва, 1971.
197. Шишмарев Я. П. Отчет о 25-летней деятельности Ургинского консульства (1886) / Я. П. Шишмарев // Единархова Н. Е. Русский консул в Монголии. Иркутск, 2001.
198. «Я рад, что стал монголоведом». К 85-летию С. К. Рощина. Москва – Улан-Батор, 2015.
199. Яскина Г. С. Монголия: смена модели общественного развития (политические и экономические реформы) / Г. С. Яскина. Москва, 1994.
200. Яхонтов К. С. Китайские и маньчжурские книги в Иркутске / К. С. Яхонтов. Санкт-Петербург, 1994.
201. Яцковская К. Н. «Сокровенное сказание монголов» и «Слово о полку Игореве» / К. Н. Яцковская // VIII Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации. Москва, 2002. С. 297–301.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Часть I	
Тема 1. Природно-географические условия	13
Тема 2. Обзор источников и историография:	20
а) начальный период	20
б) казанский период	35
в) петербургский период	41
г) сибирское монголоведение на рубеже XIX–XX вв.	51
д) монголоведение на Западе	87
е) советская монголоведная историография	92
ж) отечественное и региональное монголоведение на рубеже XX–XXI вв.	109

Часть II

МОНГОЛИЯ В ДРЕВНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Формирование племенных союзов и первых государств Центральной и Восточной Азии

Тема 1. Археология древней Монголии	119
Тема 2. Хуннская держава и ее влияние на судьбы Евразии	128
Тема 3. Сяньбийское государство	145
Тема 4. Жужаньский каганат	148
Тема 5. Тюркский каганат	150
Тема 6. Уйгурский каганат	155
Тема 7. Курыканы	162
Тема 8. Байырку	166
Тема 9. Шивэй	167
Тема 10. Киданьская империя (Ляо)	171

Часть III

Монгольское государство Чингисхана и чингисидов

Тема 1. Монголы в VI — начале XIII в.	178
Тема 2. Военное дело и вооружение монголов	186
Тема 3. Формирование Монгольского государства. Завоевательные войны Чингисхана и его преемников	199
Тема 4. Монгольская империя чингисидов	207
Тема 5. Куликовская битва и ее роль в ослаблении власти Золотой Орды над Московским княжеством	222

Часть IV

Постимперский период политической истории Монголии (1368–1691)

Тема 1. Период малых ханств (1368–1691). Принятие буддизма монгольской правящей верхушкой	231
--	-----

Часть V

Монголия в период правления маньчжурской династии Цин (1691–1911)

Тема 1. Государственно-административное положение монгольского государства при Цинах. Социально-экономическое развитие Монголии при маньчжурах. Антиманьчжурская борьба монгольского народа	238
--	-----

Часть VI	
Основные этапы эволюции вооружения и военного искусства кочевников Центральной Азии эпохи средневековья	247
Часть VII	
Культура Монголии в период средневекового и Нового времени	254
Часть VIII	
Монголия в период феодально-теократической монархии	
Тема 1. Исторические условия образования монгольского теократического государства	265
Тема 2. Внутри- и внешнеполитические особенности монгольского теократического государства. Буддийская церковь в период правления Богдо-хана. Монголия на пути к государству-нации	269
Часть IX	
Социалистический период в истории Монголии	
Тема 1. Национально-демократическая революция (1921–1924). Образование Монгольской Народной Республики	281
Тема 2. Государственно-политическое устройство МНР	287
Тема 3. МНР в 1940–1952 гг.	313
Тема 4. МНР в 1952 — начале 90-х гг. XX в.	317
Часть X	
Монголия на рубеже XX–XXI в. Трансформация российско-монгольских отношений. Опыт и развитие	343
Заключение	351
Библиографический список	356

Учебное издание

Владимир Доржиевич Дугаров

**КУРС ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИИ МОНГОЛИИ
(ЭПОХА ДРЕВНОСТИ — НАЧАЛО XXI в.)**

Учебное пособие

Дизайн обложки
М. Д. Гармажаповой
Редактор
Ж. В. Галсанова
Компьютерная верстка
Т. А. Оловвой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 1289 от 23 декабря 2011 г.

Подписано в печать 26.06.16.
Формат 70х108 1/16. Уч.-изд. л. 30,31. Усл. печ. л. 32,2.
Тираж 70. Заказ 190. Цена договорная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Издательства
Бурятского государственного университета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а

Владимир Доржиевич Дугаров, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета. Окончил исторический факультет Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова в 1980 г. Защитил кандидатскую диссертацию по проблемам историографии КПСС и МНРП в Иркутском государственном университете им. А. А. Жданова в 1987 г. Диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук «Взаимоотношения России и Монголии в XVI — начале XX в. (вопросы историографии)» защитил в 2004 г. Сфера интересов — монголоведение. Специалист по историографии средневековой, новой и новейшей истории Монголии. Автор семи монографий, семи сборников, 8 учебных пособий, более 160 статей.

Наибольшее значение имеют исследования «Взаимоотношения России и Монголии в XVII — начале XX в. (проблемы историографии)» (2004); «Военное дело кочевников Байкальского региона в период средневековья» (совместно с В. Ю. Мясниковым) (2004); «Генезис бурятского монголоведения в российском востоковедении в период XIX — начала XX в.» (2008); «Курс лекций по истории Монголии (эпоха древности — начало XX в.)» (2009); «Советско-монгольское сотрудничество в области образования и науки в современной отечественной монголоведной историографии» (совместно с Н. Ц. Сагаевым) (2014); «Российская историография истории Монголии» (2014) и др.

ISBN 978-5-6793-0880-7

Улан-Удэ
2016